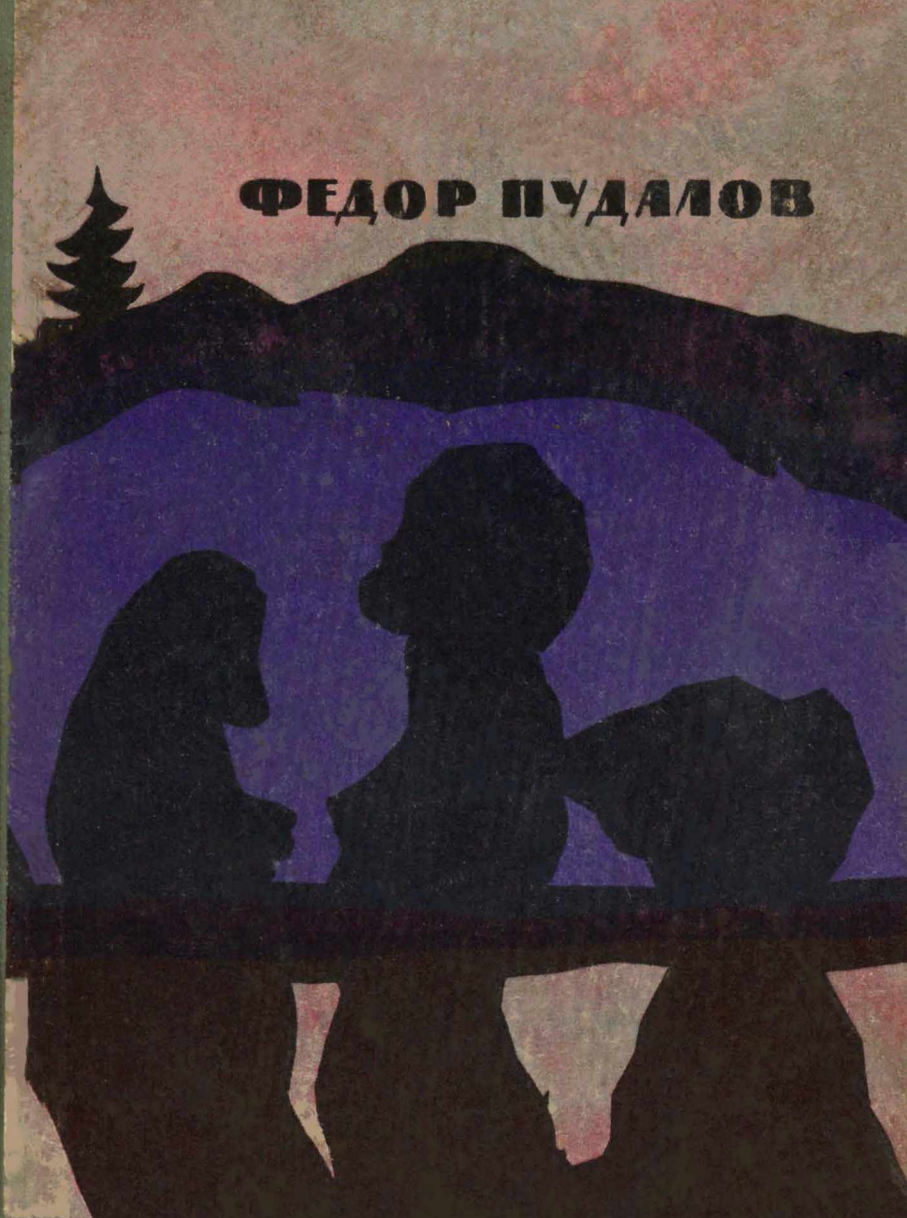

ФЕДОР ПУДАЛОВ

ФЕДОР ПУДАЛОВ

ЛОЦМАН
КЕМБРИЙСКОГО
МОРЯ

Stephens

ФЕДОР **Ш**УДЛОВ

Лочман
Кембриджского
Моря

РОМАН

СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ
МОСКВА 1968

Полноводное море, существовавшее пятьсот миллионов лет назад... Может быть, за это время оно стало морем нефти? Не веря в предрассудки солидных ученых, молодой геолог Вася Зырянов, герой книги, идет в тайгу на поиски загадочного древнейшего моря планеты. Смертельный риск и тяжелейшие испытания, природные препятствия и помехи — все это встает на пути у разведчиков Кембрийского моря.

Действие романа происходит в тридцатые годы, но среди героев есть люди, которые не знают, что происходит на Руси. Это жители затерянного в тайге поселения древних русских людей, которое было отрезано от мира триста лет. Целый пласт жизни русских поселенцев в Сибири, тоже своего рода «кембрий», вскрывает роман. Два русских общества и два русских языка сталкиваются и связываются между собой через три века, древний быт и древний колоритный язык соседствует в книге с бытом и речью современности.

Книга выходит третьим изданием.

Художник П. А. ВАЛЮС

1932 год

ТАЙНА БАЙКАЛА

Глава 1

БРИГАДА РАСШАТАННЫХ ОРГАНИЗМОВ В 1932 ГОДУ

— Куда девалась тайга? — с живейшим интересом воскликнул по-эвенкийски Женя, самый младший и самый скорый на мысль и на поступок.

— Не пойму, — ответил по-якутски Ваня.

— Объясните, Василий Игнатьевич, — сейчас же насмешливо попросил по-русски Сеня. Этот будоражливый па-

рень сильно ревновал к знаниям студента. Годами ненамного старше, а ростом на голову ниже Сени студент.

Солнце было в глаза.

Василий Зырянов не ответил Сене. Он тоже не видел ничего подобного — ни на Печоре, ни на родной Выми, ни на Кавказе, — не мог понять, какая сила выдернула листовничную тайгу и куда девала. От леса не осталось ни пня, ни веточки, ни даже корней. Все нагорье было изуродовано, земля вспорота корневищами, разодрана и чисто подметена. Это не работа лесорубов и не последствия пожара. Не видно ни пепелинки. Это сделал ветер. Но какой ветер? Взрывной ветер на Печоре, способный погнать плоты против течения, не справился бы с такой работой. Ветер должен был иметь катастрофическую силу... напоминающую о докембрийских ветрах, истиравших горы до самой подошвы...

Семеро в брезентовых рабочих костюмах, с лопатами и кирками на плече, с тяжелыми заплечными мешками и ведрами остановились на перевале перед широкой полосой оголенной земли.

Василий с интересом представил себе, что можно попасть под такой ветер, и не улыбнулся. Вспомнил многозвучную бурю в оркестре Большого театра. Красный бархат на поручнях и сиденьях, золоченые стены и двери. Это была прекрасная буря. Она вызвала в памяти театральные погоды на Выми-реке и на Печоре, где не было на плотях ни оркестра, ни бархата и вместо золоченой ложи скользкие бревна под ногами. Музыкальная буря преобразила тяжелые воспоминания детства в героические.

Очень ощутительно вспомнилось преспокойнейшее кресло, в котором пережил ту оперную бурю накануне отъезда из Москвы. Подумал: «Если вид грозной вершины Хамар-Дабана не понравится моим беспризорникам?.. Вот где реальная опасность», — усмехнулся.

Никакие буреломы и пропасти не угрожали ему, как изменчивые настроения его рабочих, особенно Сени и Жени. От этих двоих зависело настроение всех. Если этим двоим не понравятся неудобства Хамар-Дабана, они в любой момент уведут всю бригаду — Ваню, Сергея и Андрея.

Шли за Василием по разрушенной местности пятеро беспризорников, не считая пожилого бригадира. Их занимало настойчивое желание поужинать. Воображение их устремлялось к закопченному ведру с пшенной кашей, весело про-

пахшей дымом, на берегу Байкала. Бригадир Чермных неподражаемо готовил это лакомство, и вся бригада вечером у костра, глядя на ведро, величала кашевара Тихоном Егоровичем. Днем они бывали не всегда такие вежливые.

Солнце било уже в глаза, а Байкал все еще не показывался. И дорогу преградило ущелье шириною до тридцати метров.

Зырянов побежал — высмотреть место для перехода. Вот так — несолидно — начальник вел себя весь месяц. Рабочие степенно подошли к обрыву. Все молча уставились в неглубокую пропасть. Она завалена была лесом, сорванным с нагорья.

Вечерняя каша сегодня будет на берегу Байкала, на месте новой и последней разведки. Начальник объявил это утром, когда вышли, — а Зырянов еще ни разу не снимал поставленную задачу. Нечего было и надеяться на его уступчивость.

Деревья, ободранные, изломанные падением, перемешались, нагромоздились в расщелине. Исполинские лиственницы, очищенные от ветвей, торчали ворохами, вихрами во все стороны. Пробираться через этот завал очень опасно будет или даже невозможно. А как спуститься туда? А выбраться?

Болтливые Сеня и Женя замолчали перед этой картиной.

— Замечательно! — услышали они возглас начальника и с недоумением взглянули на худое, красное от загара лицо и потемневшие, мокрые, развившиеся кудри.

Он вынул карту и сверился с ней.

Льняная прядь смешно спустилась на лоб и прилипла над серыми с зеленою глазами. Чему обрадовался чудака начальник?

— Вот это приключение! В кино не увидите! Везет же на голодный желудок! — воскликнул Василий. Он убежден был, что с его рабочими надо обращаться, как с детьми.

А они отлично видели это, с насмешкой принимали... и поддавались, как дети.

— Вот так везет! — сказал Женя.

И опять с любопытством пошли за веселым и вспышливым студентом. С ним весь месяц каждый день они выходили как на прогулку с приключениями, а не на тяжелую земляную работу.

Василий спрятал карту с невероятно довольным видом и повернул на юг вдоль края ущелья.

Сеня шел вслед за Василием Игнатьевичем, обернулся к бригаде и сделал обезьянью гримасу всеми мышцами лица, с круговращением глаз. Бригада поняла, что ради беды начальника стоит простить ему пол-ужина. Это были очень милые ребята и образцово-показательные летуны. Сеня уже нашел для себя утешение в мысли, что начальнику задержка может сорвать не один ужин, а все дело.

Глава 2

ВСЕГО МЕСЯЦ НАЗАД

Всего месяц назад они слонялись на Великой Сибирской магистрали, свободно побывали на важнейших стройках. Такие летуны всех возрастов растащили на Кузнецкстрое в один год 75 тысяч пар сапог — тройной комплект на 25 тысяч строителей. (Нанялся — получай сапоги, как спец-одежду, бесплатно.)

Опытные вербовщики распознавали таких за двадцать метров безошибочно и уже не брали.

Зырянов обрадовался, что подхватил своих беспризорников, потому что вербовщики, опытные и неопытные, честные и недобросовестные, забирали поголовно всю блуждающую и передвигавшуюся на магистрали рабочую силу, сезонников, крестьян, сорвавшихся с мест, десятки и сотни тысяч людей.

Василий на обязательной практике между вторым и третьим курсами взял на Байкале самостоятельный геологический участок, что было совсем не обязательно для студента. А взял — приходилось «уложиться в хозрасчет. А рассчитали мне смету копейками». Вот как он жаловался. Он не мог тягаться с вербовщиками Кузнецкстроя и других гиганстроев пятилетки, которые обещали всем двуногим и двуруким новые сапоги и самые длинные рубли от Атлантического океана до Великого.

Семен Тарутинов, высокорослый и тонкотелый парень лет восемнадцати, заявил Зырянову:

— На Байкал мы поедем, товарищ начальник: я и мои неразлучные соратники. Рекомендую, товарищ начальник: вот этот сибирский француз Евгений фамилии еще не имеет, называется Легкомысленный Джазик. Кланяйся, Джаз!

Евгений Джазик поклонился с живостью и приятностью, но Василию показался не похожим на французов, каких он

видел в кино. У Евгения было медно-красное лицо с орлиным носом между глубоко сидящих глаз и втянутых щек. Хотелось представить его с индейской раскраской и орлиными перьями на голове. В руках у Жени была лопата, а надо бы лук с пучком стрел.

Умные глаза с острым взглядом, характерные для охотничьего народа, обнаруживали напряженное внимание к разговору — не к условиям найма, — возбуждаемое прежде всего великим авторитетом Сени и любопытством к новому человеку.

— А этот, — Сеня безнадежно махнул рукой на малорослого парнишку с плоским лицом и очень широко раздвинутыми глазами: — Ваня, то есть Молчаливый Дубочек. Не обижайтесь на него, товарищ начальник. Его преследует родовая месть...

У Вани не шевельнулась ни одна черточка в коричневом лице, неподвижными остались вытянутые губы и безучастными черные глаза в узких прорезях.

— Найдем вам нефть. Это мы сделаем для вас... раз в жизни. Разрешите узнать имя-отчество?.. Как раз мы нуждаемся временно в легкой работе, после расшатанного организма на Кузнецкстрое. Так что нефть найдем, Василий Игнатьевич!

Вот какие это были огольцы, и они бесили Зырянова весь месяц на Байкале.

Сергей и Андрей, каштановолосые, сероглазые потомки первых русских в Сибири, неутомимые и крепкие, как медвежата, неподатливые, как дубки, совсем не обращали внимания на своего нанимателя и начальника и делали только то, что Сеня «одобрял».

Ваня отделялся от неуютной работы якобы незнанием русского языка и без стеснения пользовался тем же русским в других случаях — немногословно и очень точно. Ваня пришел с Эржежея, на Лене. Он казался очень серьезным с виду благодаря неподвижным чертам лица.

Женя никогда не спорил с Зыряновым, очень ловко уступал стычку товарищам и охотно занимал позицию заинтересованного наблюдателя... Он привык с младенческих лет к неограниченной охотничьей вольности — стройный, гибкий эвенк с реки Полной, на Лене; по-старому — тунгус.

Но, кроме непослушания и безответственности, у всех пятерых стало проявляться еще нечто общее — неуловимое, но существенное: тяга к независимости и равенству.

Затянувшаяся в Сибири гражданская война была для них детским воспоминанием. Их старшие братья отдавали жизнь за революцию; но теперь победа одержана была окончательно, завоевана. От младших братьев уже не требовалась жертва жизни, а только труд учебы и строительства социализма.

Весь народ работал для своих ребят, уделяя каждому часть своей великой жизни. И каждый советский человек, от старого до малого, должен был уделять народу часть своей жизни, работая для всех и участь для всех.

Первая пятилетка социалистического строительства при самом своем начале дала ребятам уверенную жизнь. Советская страна становилась вся общим родительским домом для них, и жизнь становилась общей.

Жене, Сене, Ване, Сергею, Андрею казалось, по недостатку образования, что жизнь вся принадлежит каждому человеку безраздельно. Они хотели пользоваться общею жизнью только для себя. Они не знали, что живут с такой уверенностью не сами по себе, а за общий счет участников строительства, и нечестно недоплачивать народу.

Что, если сбегут и даже до Байкала не дойдут?

Зырянов думал: «...И унесут свои отличные кузнецкостройские лопаты? Прихватят и мой рюкзак, чтобы добро не пропадало».

Во избежание этого он с первого дня принялся завоевывать их души и лопаты.

— А вы что ищете на Байкале? — спросил после первого ужина, месяц назад совместно сваренного и съеденного ведра пшенной каши. — Я-то ищу нефть.

Сидели под деревьями у дороги тогда, первый вечер после найма. Подбрасывали в костер. Вечер был теплый. Горы отгораживали от байкальской летней прохлады.

— Вы ищете побольше интересу и поменьше работы.

Ребята лениво молчали. Он говорил:

— Лишняя работа — это та, без которой можно обойтись или, скажем, от которой можно избавиться. Я ищу того же.

— Правильная формулировка, — сказал Сеня поощрительно.

— Обратите внимание: за эту правильную формулировку вас чествуют лодырями и рвачами, а меня одобряют и хвалят.

— Ну да?! — с невольным изумлением и недоверием воскликнул Женя Джазик.

— Отсюда сообразите, насколько вам повезло увязаться за мной. Хотя вы соображаете довольно туго... но я помогу.

Они слушали хорошо, потому что не могли усмотреть, куда он ведет. Зырянов сказал, что способный человек старается как можно меньше работать и при этом выработать как можно больше. Народ этим очень интересуется.

Например, найти нефть в Сибири — избавиться от перетаскивания нефти за тысячи и тысячи километров.

— Вы простые лодыри от невежества, — сказал Василий. — Пренебрегаете работой выгодной, плодотворной. Но от невыгодного труда, излишнего, бесплодного, никому не нужного, вам никогда не удастся увильнуть. Вы только не знаете об этом.

Ребята «держали фасон» — с видом превосходства переглядывались. Сеня ворошил замиравшие угли.

Бригадир отошел к поваленным деревьям и разжигал расщепленные комли. Стволы для спального костра положены были параллельно, на таком расстоянии один от другого, чтобы меж двух огней спящим тепло было, но не слишком. Спящие поползут за теплом, не просыпаясь, по мере того, как будут прогорать стволы от комля к вершине — всю ночь.

После того разговора прошел месяц.

Искушение сомнений проникло в их умы, — а что упало в бездну человеческой головы, того невозможно вынуть обратно.

Глава 3

«ОХ ТЫ, РАЗДЕВЧОНОЧКА!»

Сеня старался идти рядом с начальником, шел крупными шагами и поддерживал разговор. У Зырянова в руках был только геологический молоток — ни кирки, ни лопаты, но груз в мешке за плечами, Сеня знал, был даже больше, чем у других. Василий Игнатьевич неумоимо прыгал по уступам и в это же время замечал все кругом, так что мог бы через неделю описать в подробностях всю дорогу. А главное — он успевал обо всем замеченном подумать и даже что-нибудь придумать.

В его голове непрерывно возникали мысли, он высказывал их с жадностью, как будто боялся оставить свои мысли при себе.

А у Сени срывалась нога на камне или на скользкой горной траве, он взмахивал руками, лоя равновесие, и не поспевал за быстроглазым начальником; не все его мысли подхватывал, многие упустил. Сеня изумленно и почти восхищенно поглядывал на большеносое, с быстрой усмешкой, лицо и ревновал к судьбе начальника. Он был уверен, что не уступает ему в талантах, но вот — судьба...

«Судьбою» Сеня называл случайность. Чистый случай, казалось ему, задает направление жизни человека и толкает ее в разные стороны, играет главную роль... Не пропустить случай! Поймать на лету! Соколом!..

Женя шел с легкостью танцора, всей фигурой похожий на индейца из романов Фенимора Купера, но в европейском платье. У Жени не вызывала удивления способность Зырянова запоминать дорогу с одного взгляда: это умение обязательно для каждого охотника, полагал он; отец обладал им в совершенстве. Женя оценил другую сноровку Зырянова, по-видимому тоже охотничью: узнавать на поверхности земли следы вещей, которые зарылись глубоко под землей! Однако не бывало на реке Полной, на родине у Жени, чтобы охотник выслеживал зверя и не брал его сам! А Василий Игнатьевич Зырянов именно так поступал. В этом была странность. Да и как поверить следопыту, который показывает одни только следы невиданных зверей, а добычи нет. Поэтому Женя сомневался, отнести ли Василия Игнатьевича к охотничьему люду.

Маленький Ваня спокойно следовал за Женей в трех шагах. Женя ускорял неслышимый, невесомый шаг — Ваня не отставал. Он совсем не глядел под ноги, а только вертел обритой темно-коричневой головой. Любознательность Вани казалась всеядной. Не было предмета или дела, которые бы Ваня посчитал не стоящими внимания. Но ни одна черточка в спокойном круглом и плоском лице не выдавала его чувств и мыслей.

Он шел четвертым, но первым увидел лиственницу, переброшенную над ущельем; одновременно увидел ее Женя. Лиственницу, вероятно, ветер влачил с такой силой, что она не могла упасть, пока не зацепилась корнями за скалу. Ее вершина лежала на другой стороне ущелья — в тридцати метрах от корней. Женя и Ваня ничего не сказали вслух — оба уверены были, что другие видят не меньше. Сеня крикнул:

— Ура, мост!

Все расселись на корнях лиственницы и всматривались в ее крону: выдержит ли?

Василий неохотно вспомнил напутствие профессора Осмина: «Вы тоже не преодолеете лиственничные завалы на Хамар-Дабане»...

Руководитель экспедиции профессор Осмин считал неудачными первые три маршрута студента Зырянова. Практикант брал на себя слишком много: он вел разведку и работал как самостоятельный геолог, а не как практикант-студент второго курса... Если теперь Василий сорвет четвертый маршрут, это помешает его дальнейшим намерениям и замыслам. Василий предпочитал выражаться деликатно о неудачах и трудностях, случающихся в его жизни. Инстинктивно он избегал также обдумывать их слишком долго... Но в его характере замыслы означали намерения.

Осмин опять будет говорить, что он предостерег практиканта — не упорствовать напрасно на Хамар-Дабане...

Но зачем употреблять страшные слова: «провал», «поражение», «катастрофа»?..

Скажем потише: помехи, трудности. Это мы преодолеем!

А что, если сорвется крона? Василий вгляделся. Нет, крона лежала, по-видимому, основательно. Лишь бы отсюда не сполз комель. Но он крепко зацепился корнями за скалу. Нет, лиственница не сдвинется ни взад, ни вперед. Прочно.

«И все же мост непроверенный. Это пустыки — я сам проверю: перейду первый, один... Никто не сорвется, если я не сорвусь. Я-то не сорвусь».

Василий прошел несколько шагов над ущельем, глядя в сторону устья. Ручей, проточивший гору, вливается в озеро. До Байкала отсюда рукой подать. Проще всего пойти над ущельем, не переходя его... Но это значит потерять вечер на обход, с тяжелым сердцем думал Василий. Весь его характер возмущался против обхода, особенно у такого легкого препятствия. Василий с досадой повернулся к мосту — и чуть не закричал от полыхнувшего гнева: Сеня во весь рост шел по лиственнице, в сапогах, только без мешка и снаряжения — налегке.

Восхищенная бригада следила за представлением, как в цирке.

— Стой и не оглядывайся, — негромко сказал Зырянов, сдерживая волнение, чтобы не пугнуть мальчишку, — садись и ползи назад.

Сеня лихо повернулся — Василий секунду не дышал, —

но парень уверенно, как лунатик, прошел несколько шагов и прыгнул на землю с видом профессионала-канатоходца.

— Ох ты, раздевчоночка! — с насмешкой сказал Черемных.

— Ты понимаешь, что я отвечаю за тебя головой? — в бешенстве крикнул Зырянов, удерживаясь, чтобы не упасть.

— Я могу прогуливаться, где хочу, вы не можете мне запретить, — сказал Сеня, смущенный и немного встревоженный. — Все равно мы же будем переходить.

— Почему же ты не взял снаряжение? Налегке пошел красоваться? А заманиваешь людей под грузом?.. Ты это представил себе? — кричал Василий в ярости. — Малейшее отклонение рюкзака — и он тебя перевернет, уже не удержишься ни в коем случае!

— Я могу с грузом и докажу, — сказал Сеня.

— Не докажешь — запрещаю! С грузом и без груза ты не можешь гулять где хочется. Ты на работе и обязан мне подчиняться. Я не допущу катастрофы!.. Все перешли бы — а ты не можешь, сорвешься.

— А сорвется кашка — это не катастрофа? — лихо сказал Сеня с угрозой и вызовом, оскорбленный и не понимающий, зачем его оскорбили.

— Каша будет, — сказал Василий спокойнее.

— Если обходить — ночью пообедаем, — осторожно утешил Черемных, но еще хуже раздражил.

— Ночью мы желаем спать.

— Дай веревку, Тихон Егорыч! Привяжетесь к лиственнице, поедете на салазках.

Ребята молчали, Сеня тоже замолчал. Зырянов примерил на себе веревочный пояс и собственноручно запрягал каждого и закрепил надежным узлом — двойным булинем. Показал, как сделать схватывающий узел для охранения, набросив свободно скользящую петлю на лиственницу. Если сорвется человек — петля удержит.

Василий тщательно проверил на всех приладку снаряжения, надел свой рюкзак и поднялся на круглый, гладкий мост. Именно на таких гладких, круглых бревнах он делал первые шаги в жизни — сначала ползком, потом поднявшись на дыбки, — двадцать пять лет назад. С первого года жизни и до пятнадцати лет Василий летом не сходил с плотов и привык ходить по мокрым, скользким бревнам обычно, как по земле, — не думая о дороге.

И здесь он пройдет, не думая о том, что по обе стороны от ноги нет соседних сплоченных бревен. Обыкновенно.

Разве это объяснишь мальчишкам?.. Скажут: «Сене запретил — побоялся конкуренции. Герой!»

А поползешь — будут смеяться: «Испугался начальник пойти пешком по лиственнице!»

Можно сначала пройти, вернуться, потом ползти... Напоказ? Дескать, я-то храбрый, а вам не доверяю? Не годится. Черт с ними.

— Пока я не перейду — не трогаться!

Он сел, аккуратно привязался к лиственнице и пополз, отбрасывая петлю по стволу вперед.

— Вперед, к цели! — крикнул Василий.

Глава 4

УПРЯМЫЙ ВТОРОКУРСНИК

— К ведерку пшена! — провозгласил Сеня конкретный лозунг.

— Неужели у тебя не хватает воображения на большее? — с досадой сказал Василий, не оглянувшись.

— Это не у меня — у Черемных, — сказал Сеня, но смутился.

Дерево сильно прогнулось у вершины, под другим берегом. Василий подтягивался и съезжал обратно. У него задрожали руки от напряжения.

— Василий Игнатьич, бросайте книги! — закричал Сеня.

Рюкзак набит был книгами. Василий молчал. Он отдыхал. Собрав все силы, он вцепился в вершинные ветви и выскочил на берег.

— Черемных! — закричал Зырянов.

— Прокатайтесь все наши часы и минуты, — сказал Тихон Егорович.

Бригадир туго закрепил мешок за спиной, ведро и топор за поясом и перекрестился перед страшной дорогой. Под тяжелым стариком лиственница пружинила. Но он храбро задрал бороду и безостановочно прополз и взял подъем легче Зырянова, а потом поспешно прикреплялся к прочной земле на четвереньках, с крестьянской основательностью.

Сеня командовал Жене:

— Приготовиться в три счета!

Женя весело подошел к обрыву, попробовал босой по-

дошвой гладкую кору на лиственнице и, балансируя киркой и лопатой в руках, немного разведя руки, кошачьим своим шагом перешел. У согнувшейся вершинной части ствола Женья выбросил на берег кирку и лопату и взобрался, хватаясь за ветви.

Он с торжеством оглянулся и увидел Ваню, как и ожидал, в трех шагах за собой.

Молчаливый Ваня немедленно улегся ничком, прямо среди ветвей, не потратившись на выбор более уютного места, и сапоги его любопытно торчали над пропастью, носками вниз.

Другие шагали через него. Ваня не протестовал.

Сергей с Андреем отправились тоже вдвоем, но сидя, гремя ведрами, и Сеня нетерпеливо пустился за ними. Зырянов еще раз осмотрел крону — она держала крепко.

Трое медленно подползли к середине. Это оказалось наиболее неуютное место на таком мосту. Дерево понемногу раскачивалось под равномерными строенными толчками. Василий крикнул:

— Не в ногу!

Пришлось замедлить движение. Стал чувствителен ветер, на который не обращали внимания на земле. Рюкзак вдруг начал парусить и перевешивать на одну сторону, и поздно было привязать его плотнее к телу. Особенно мешали лопата и кирка на животе.

Сеня опустил глаза и взглянул под ноги. Пропасть показалась необычайно глубокой. Деревья свалились в ущелье как попало. Меж стволов оставались большие просветы. Туда неприятно провалиться... Веселее было бы видеть камнезубое дно, бело-оскаленное в нетерпеливой пене потока...

А Сергей вдруг захотел отдохнуть. Андрей закричал ему: — Поезжай!

Сидеть недвижимо верхом над пропастью без стремян показалось Андрею еще труднее, чем скакать на круглом, покачивающемся бревне.

Черемных кинул веревку Сергею. Сергей поймал и вылез. Черемных кинул Андрею, потом и Сене, который хотел обойтись и не взял петлю; но Черемных кинул второй раз, и Сеня схватил веревку.

Все расселись по удобным травкам отдыхать, к Ване подошел Женья. Схватил его за длинные ручищи и оттащил. Ваня не сопротивлялся и не содействовал. Он никогда не спорил из-за пустика.

Сеня иронически наблюдал эту сцену.

Глядя на этот мирный быт, Василий почувствовал возбуждение одержанной победы и всю остроту избегнутой опасности. Он со злорадством вызвал в памяти деревянно-преподавательский голос Осмина: «Я предостерег вас, товарищ Зырянов. Ищите там, где скорее найдете, и не потеряйте напрасно последний месяц и всю практику».

«Ваш девиз понравился мне, Глеб Алексеевич,— ответил Василий тогда,— я понимаю, что надо искать там, где вернее найдется...»

Осмин ничего не сказал, ему не понравилась поправка.

Лесной вихрастый горизонт, неизменно близкий и высокий, наконец облысел на перевале, стал круто понижаться и отдаляться. По-прежнему небо синело, но оно уже выцветало книзу, а еще ниже, под ногами, под горою, оно должно будет совпасть с морем: погода была хорошая, и не сразу удастся отделить море от неба и понять, что между ними происходит. Это уже известно из опыта. Не однажды путники восхищались палевым ослепляющим слиянием неба и моря, воды и воздуха... И теперь с недоверием и надеждой вглядывались в серебряное пространство над зеленой клонящейся землей. Вот-вот оторвется от Хамар-Дабана причесанный ураганом земной горизонт — и растворится в огромной, таинственной, манящей и дивящей бездне света, каждый раз непонятной. Байкал предстанет вдруг, неожиданно стоячий, высокий — от самой близкой земли до самого дальнего неба.

И он предстал, и показался небесным мостом, спущенным сверху, а может быть, и поднятым снизу, если поверить глазам. И люди смотрели на великую взметенную воду, грозную воду, и Байкал открывался все шире вправо и влево, раздвигая берега, обрезая землю под ногами, и очарованно смотрели люди на золотой, червонный остров, дальний тонущий остров за мостом, и смотрели на блестящий ковер, гостеприимную дорожку по мосту, стелющуюся под гору сюда, под самые ноги.

«Я предостерег вас, товарищ Зырянов».

Василий не потеряет этот решающий месяц. Вот и листовничный завал преодолен! И вот наконец один берег моря показался из-под горы далеко внизу.

Но вместо того чтобы спуститься к Байкалу, Василий сел на камень. Рабочие молча сняли вещевые мешки. Далеко

внизу, у подошвы горы, под ободренным откосом лежали деревья навалом, преграждая путь к берегу.

Горизонтальные лучи от солнечного тонущего острова быстро перекрывали море и берег полупрозрачными красными пеленами, слой над слоем. Под ними море стало багрово-черным, бездонным и страшным, а берег — светлой спасительной каймой. Между берегом и горой кучи сваленных деревьев залиловели, провалы между ними налились фиолетовой тьмой. Но все же преграда казалась не так велика, и можно было перебраться через нее, пока не стемнело. Сеня гадал: что остановило бесстрашного Василия Игнатьевича?.. Перед пропастью не задержался, а здесь не спешит.

Если бы Сеня мог слышать мысли Василия Игнатьевича, он удивился бы еще больше. Начальник будто и не думал перебираться на берег. Опять он переживал недельной давности разговор с профессором Осминым.

Доктор геологических наук Порожин равнодушно слушал и, может быть, думал о другом. Аспирант Небель обидно разглядывал Зырянова с головы до ног. Зырянов стоял с рюкзаком за плечами, одетый в дорогу. Он говорил:

— Профессор Тетяев считает, что побережье Байкала — область надвига...¹

— Тетяев считает! — иронически ужаснулся Небель.

Осмин тоже поморщился. Он сам был учеником Тетяева и последователем его теории.

— Уговоримся считать, что профессор Тетяев, — строго поправил Осмин, — устанавливает.

Василий тотчас прижался к стене тяжелым рюкзаком.

Сене показалось бы ни к чему и не впору вспоминать это, когда время ужинать и обеспечиваться ночлегом. Но, вслушавшись до конца в спор с профессором, он увязал бы рассказы и объяснения Василия Игнатьевича за многими ужинами у костров и понял бы, что небольшой завал под горой препятствовал экспедиции в самых ее целях — и, может быть, уже не имело смысла спускаться к берегу в этом месте, ломать ноги в буреломе...

Экспедиция стремилась найти нефть обязательно в третичных слоях. Опытнейшие геологи-разведчики шли по очень явным следам нефти на озере и на берегах и не нахо-

¹ На д в и г — смещение пластов земной коры, при котором более древние слои оказываются выше, над младшими. Другое название надвига — шарьяж.

дрили ничего, кроме тех же следов... Следы обрывались. Где же нефть, где ее залежь? Какая тайна ее окружает?..

Дореволюционные геологи-нефтяники, видевшие нефть в России только на юге, привыкли считать, что и на всей территории России нефть может найтись только того же возраста, что в Баку и в Грозном. Это нефть молодая.

В годы первых пятилеток будущие разведчики учились еще в средней школе или вместе с Зыряновым — в Нефтяном институте, где старые преподаватели продолжали внушать студентам убеждение, что напрасно искать в России нефть старше третичной, а уж глубже пермских слоев не надо и заглядывать...

Где же байкальская нефть?..

Тетяев объяснял эту тайну таким образом. На Байкале осадочные породы будто бы поменялись местами: древние, нижние пласты оказались наверху, а молодые, третичные — под ними.

Геологи-разведчики, натываясь на каменный покров, принимали его за древнейший фундамент всех осадочных слоев земной коры и не догадывались, что третичные и мезозойские осадочные породы лежат под ними... Вот что такое прибайкальский надвиг, по идее Тетяева!

— Однако большой надвиг не доказан, — упрямо говорил Зырянов, прижимая спиной к стене рюкзак, — поскольку никому еще не удалось увидеть границу, где смыкаются третичные породы с надвинутыми. В том числе и самому профессору Тетяеву. А ведь...

— Но это и не является целью экспедиции, — перебил и вмешался аспирант. — Вашей задачей является выявление нефтесодержащих слоев, а не обозрение надвига и не проверка теорий Тетяева.

— А ведь от этого зависит все направление разведки, — продолжал Зырянов, обращаясь по-прежнему к Осмину. — Но если нам нельзя пробить тяжелый покров, то можно обойти его: найти его край, дальше которого опять лежат открытые осадочные породы. Подошва Хамар-Дабана как раз может быть краем покрова... Поэтому у меня есть стремление, и я поставил задачу для себя: прежде всего найти на берегу такое место, где смыкаются третичные породы с изверженными, и увидеть в натуре, какая из них лежит сверху... Так как от этого зависит все направление разведки.

— Следовательно, все направление разведки зависит от

вашего решения этой задачи? — спросил аспирант Небель с непонятым восторгом.

— Вы не нашли нефти в мезозое...— медленно начал Осмин, указывая этими словами, что Зырянов уже углубился в слои гораздо древнее третичных и вышел за рамки поставленной перед ним задачи этак на двести с лишком миллионов лет.

— Сначала я не нашел в третичных,— перебил Василий.

— Ну, знаете! — Осмин не любил, чтобы его перебивали.— Студент второго курса Зырянов не нашел нефти в третичных! Я, Осмин, тоже не нашел. Кроме нас с вами, люди более опытные не нашли. И они не сочли возможным сделать вывод, что в третичных слоях нет нефти... Что из того, что не удалось увидеть контакт осадочных пород с надвинутыми жесткими! Не удалось вовсе не потому, что не существует надвига, а потому, что существуют почти непреодолимые трудности для изыскания. Хребет Хамар-Дабан имеет исключительно крутые склоны в сторону Байкала. Сразу у подножия они образуют угол в тридцать градусов. На половине высоты хребта угол наклона достигает шестидесяти градусов. Кроме того, осыпи и оползни, глыбы третичных пластов, иногда песчаники, нагромождения буреломов, огромные завалы леса преграждают дорогу геологу-разведчику. При всей вашей бесспорно огромной энергии и при ваших бесспорно ничтожных средствах вы все же не сможете пробраться под завалы, чтобы заложить шурфы.

И вот сейчас Зырянов смотрел вниз, на подошву Хамар-Дабана. Вероятный край надвига в удобнейшем месте для разреза оказывался под лесным завалом.

А неделю назад Зырянов сказал Осмину:

— Я вам подчиняюсь как начальнику экспедиции. Но прошу разрешить мне взять новый участок по своему выбору...

Вот он, выбранный Зыряновым участок.

Осмин дал разрешение нехотя и все-таки с невольным уважением к упрямцу. Он сказал:

— Я только не советую множить старые ошибки. Лучше уж делайте новые.

Василий живо уловил самое главное для себя: что начальник не надеялся на его послушание. Совет он пропустил мимо ушей, так как Осмин не сумел доказать эти «старые ошибки» в его поведении или рассуждении, а самому себя критиковать в двадцать шесть лет возможно только при

большой культуре и начитанности, которых не было у Зырянова.

— Знаете, гений решает сложные задачи простейшим способом. Помните, что сделал Колумб с яйцом, чтобы поставить его,— говорил Осмин.

— Что сделал Колумб с яйцом? Я не знаю,— заинтересовался Василий.

— Это же мы слышали во втором классе гимназии,— сказал Небель с громадным удовольствием.

Осмин, однако, рассказал классический анекдот о Колумбе и добавил:

— Не забывайте о гениальной пословице, которая гласит: один раз отрежь!..

— Под вашим руководством,— быстро сказал Василий и оторвал рюкзак от стены,— постараюсь решить задачу, как велит пословица.

Осмин отпустил его совсем холодно.

А сейчас Василий с тревогой вглядывался в нагромождения леса по всему берегу. Прежде чем спускаться с хребта и карабкаться вниз через завал, надо придумать способ впоследствии пробраться под завалом к основанию хребта. Там должно быть смыкание надвинутых слоев с покрытыми...

Глава 5

СТАРОЖИЛЫ ВСПОМИНАЮТ ПРОИСХОЖДЕНИЕ БАЙКАЛА

Скалистый невысокий отросток хребта далеко внизу перегородил берег и выдвинулся в море черным островерхим мысом. Он прикрыл от оползня узкую полосу берега у самой воды. За мысом к югу скатывался с хребта крутой поток, а за ним кончались лесные завалы.

Там была довольно просторная площадка под косматой, обросшей горой.

«На той площадке небезынтересно порыться,— размышлял Василий.— Но пробраться туда трудно будет... Гораздо проще и легче было бы дойти туда той стороной ущелья...»

— Стоило прийти пораньше,— заговорил Сеня,— и мы были бы у самой воды.

— Сейчас тоже не поздно, протчем,— сказал Черемных.

— Я говорю «пораньше» не на час, а когда воды Байкала были выше на восемьсот двадцать метров, как Василий

Игнатьевич рассказывал. Опоздали раз в жизни на тридцать миллионов лет.

— Байкал не старый,— опять возразил бригадир,— он образовался на глазах у наших предков.

— Ну?! — Зырянов развеселился и вдруг придумал способ пробиться под завал.

Это умиротворило его и сняло усталость после дня в горах. Он почувствовал себя бодрым, снова неутомимым и заинтересованным даже в сказках и воскликнул радостно:

— За ужином расскажешь, Тихон Егорович! Пошли ужинать, ребятки! — и решительно стал спускаться.

Сеня взглянул на плечи начальника, оказавшиеся сразу же ниже Сениных ног, и спрыгнул за Василием Игнатьевичем, цепляясь за каменные ребра горы, оголенные весенним оползнем.

На крутом боку Хамар-Дабана почвенный слой, нагруженный тяжелым лесом, подмытый тальми водами, не удержался при подземном толчке минувшей весной и соскользнул вместе с тайгой.

Массы земли и камней перемешались с деревьями и образовали труднопреодолимую преграду. Зырянов и его спутники выбрались на песок мокрые от пота и дрожащие от усталости. Но ни один не присел и не отстал.

На ходу захватили хворост, сложили сухие коряги в костер, а вокруг костра постелились на ночь — набросали ветки посвежее и потоньше. Поверх этих пружинных матрацев бросили одеяла и вещевые мешки — вместо подушек. Сеня растянулся на своем ложе; он больше других утомился дорогой. Было уже совсем темно, и, когда Ваня вздул огонь, тьма стала угольной вокруг людей.

— Гражданин директор ресторана! Директора сюда! — крикнул Сеня.

Бригадир Черемных в нерешимости держал ведро.

Сеня любовался пламенем костра и наслаждался собственной болтовней.

— Как вам известно, мы сделали специальную прогулку для возвращения утраченного аппетита под руководством Василия Игнатьевича. Так что мы охотно будем жевать — конечно, с печалью, под звуки похоронного марша — простую отбивную котлету из директора ресторана, если не будет ничего более питательного.

— Что вас заботит, Тихон Егорович? — спросил Василий.

Тихон Егорович помедлил с ответом. Женя поспешил за него:

— Тихон Егорович не найдет ведерка воды по вкусу в темноте.

— У воды — и без воды, — сказал Тихон Егорович, — чаю сварить...

Он любил родниковую.

— Директор ресторана! Объявите танцы между столиков!

Василий расставил двухскатную тесную палатку над своим тяжелым рюкзаком.

Он протянул озябшие руки над костром.

— Ничего, Василий Игнатьевич! — тотчас воскликнул Сеня. — Зато зимой, как вы говорили, здесь будет на одиннадцать градусов теплее, чем в стороне от Байкала.

— Зимой теплее, — подтвердил Тихон Егорович, — а вода круглый год ледяная, прочем. Недаром зовется «Святое море».

Он засыпал пшено в ведро над костром.

— Расскажи, Тихон Егорович, — попросил Василий.

Сеня сердито наблюдал за чрезмерно упрощенной стряпней бригадира и заранее недоволен был ужином. Черемных это знал.

Сеня скомандовал:

— Товарищ Евгений! Настройте ваш джазик для добавляющей музыки.

— На второе будем песни петь, — пошутил бригадир.

Женя сказал:

— Без масла и мяса Ваня петь не будет.

— Правильно ли я понял вас? — вежливо осведомился Сеня. — Вы хотите сказать, что ресторан под управлением Черемных не способен угощать такую отборную бригаду едоков?

Черемных благоразумно отмолчался от поддразниваний бригады недовольных едоков. Какие балованные мысли и беззаботные замыслы на ночь глядя бродят в их расшатанных головах после сладкой пшенной каши? Может быть, они задумывают бросить работу?.. С них все станется. Черемных поворчал в уме на беспечальную новую молодежь и стал рассказывать Зырянову о предках и о славном море Байкала:

— Это у нас каждый знает. На месте нашего моря Байкала была суша, и жили здесь древние народы — мунгалы.

Жили богато, ни в чем себе не отказывали. Все, что только хотели, все тут же находили и брали. При такой жизни они стали забывать своих богов и перестали поклоняться святым местам. И тогда земля стала рваться, проваливаться под ними, по всей стране началось сильное трясение, и вся мунгальская страна стала пожарищем, загорелась от огня изпод земли по щелям.

— Очень интересно, — сказал Василий. — Это не в пользу теории Тетяева. А Байкал?

— После мунгалов растревоженная земля на время успокоилась, и наши предки жили здесь в степях и разводили скот. И могло случиться большое несчастье, но господь принял меры, чтобы безвинных людей отсюда удалить.

Перед тем как образоваться Байкалу, с юга пришли сильные песчаные ветры. Они иссушили и засыпали песком богатые луга. Пришлось предкам нашим поневоле уйти. Они заселили соседние кударинские степи. И вот тогда образовался Байкал. Кругом страшно затряслось, и земля стала проваливаться. Сначала провалилась степь по берегу большой реки, следом еще рвануло, и провалилась остальная часть. Огонь в провале выпаривал воду, но она прибывала все. Ее много было — вон ее сколько! И огонь ушел под землю. Провал заполнился водой и стал казаться морем. Тут наши предки в первый раз увидели Байкал. Это очень давно было. Наших прадедов не деды, а их дедов прадеды передавали, через поколения, передавали все это.

— А вы от кого слышали, Тихон Егорович? — спросил Женья.

— И я слышал от дедов.

— А вы думаете, так было дело? — спросил Сеня.

— Так передают старики, — сказал Тихон Егорович, довольный вопросом.

Глава 6

НЕОБЫЧАЙНОЕ ИЗВЕСТИЕ О ПРОИСХОЖДЕНИИ СЕНИ

Черемных осторожно приближался к урчащей невидимой воде. Блики от костра помечали словно бы человека в лодке. Человек, может быть, не двигался, но блики беспокоились, мерцали, и нельзя было понять, что он делает.

— Что скажете? — громко спросил Черемных, чтобы дать знать своим о появлении чужого человека.

— Ничего не скажу, — отозвался человек хрипловатым и мощным голосом, исходившим, казалось, от самой воды.

«Сам батюшка Байкал рычит», — подумал Черемных и боязливо крикнул:

— Василий Игнатьевич, спрашивают вас!

К лодке подошел Сеня и важно сказал, подражая кому-то:

— Я вас слушаю, гражданин... Я — Тарутинов... Начальник выехал на дальние объекты. А вы кто будете?

Гражданин в лодке не отвечал, но слушал и рассматривал Тарутинова. Сеня разглядел строгий лик в окладистой бороде, позолоченной отсветами костра. Не дождавшись ответа, Сеня махнул рукой и повернулся уходить, но тогда мощный рокот с моря остановил его:

— Говоришь — Тарутин ты? А я — Меншик. Из каких будешь Тарутиных? Пёрвых али Втóрых?

Ударение в обоих именах Меншик сделал на первой гласной. Сеня не обратил на это внимания.

Он сказал насмешливо:

— Разумеется, из первых!

Бородач поразмыслил и спросил:

— Отца твоего не Агафангелом звать?

— Агафангелом! — Изумленный Сеня заинтересовался: — Знакомы с ним были?..

Бородачу этот вопрос внушил недоверие почему-то. Он спросил озабоченно или недоуменно:

— Деда как звать?

— На этот вопрос не могу вам ответить: не был знаком с ним.

— Деда не знаешь? — сказал Меншик с удивлением. — Прадеда знаешь?

Сеня захохотал, и засмеялась вся бригада. Все уже собрались у лодки.

— Даже прапрадеда не знаю!

— Даже прапрадеда Ондreja не знаешь! — сурово осудил Меншик. — Сказки не слышал?

— Сказки?.. Не интересовался. А при чем сказки и мой прапрадед?

— Плохой ты Тарутин, — заключил Меншик.

— Что ты все укоряешь! — вмешался Черемных. — Ты, что ли, прапрадеда его знал?

— Знал, а как же. И прадеда знаю, Агафангела. Почитаю мученика Аникея Тарутина.

— Простите за нескромный вопрос, папаша: с какого вы кладбища явились?

— Грубый и дерзкий ты человек, Семен! — строго сказал Черемных.

— Извиняюсь: из каких вы собачьих мест, гражданин?

— Мы-су называем Индигирской рекой. А Собачьей рекой обзывали казаки, недруги наши, в давнее время.

Сеня с преувеличенной серьезностью спросил:

— Будьте любезны, гражданин: вы слышали о том, что мы царей скинули с России? Про Октябрьскую революцию слышали?

— Слово ваше слышали, — сказал индигирец и замолчал.

— Ты скажи ему, как величали твоего батюшку — отца.

— Агафангел Семенович.

— А ты, гражданин, действительно знаешь его прадеда? Живет, значит, второй век неизносимый старик?.. А я так думаю, протчем: обознался ты. Тарутиных много ведь. Но скажи, как ты его отчество угадал?..

— Этот Семен похож на деда Семена, — сказал Меншик. — Утешится прадед Агафангел, слава богу: дитя живое на Руси.

— Слышишь, Семен? — сказал Черемных, лукавя и ничуть не поверив. — Где же ты прадеда кинул?

— Не он покинул, — ответил Меншик за Сеню, — прадед Агафангел послал сына Семена в Мир, на Русь поглядеть. Семен, сын Агафангела, не вернулся в жилб; на Руси родил сына, стало известно. Нарек Агафангелом, как водится у них в роду. Агафангел родил Семена, видишь — этого.

— Дед не вернулся в жило, говоришь? Стало быть, — обратился Черемных к Сене, — ты родом из жила?

Сеня пожал плечами:

— Первый раз слышу это допотопное слово.

— Жило? Так и называется? Большое село? — спросил

Зырянов.

— Где это место? — спросил Ваня.

Индигирец не сразу ответил.

— Называется — Русское...

— Много жителей в Русском Устье. Я слышал про него, — сказал Зырянов.

Индигирец легко и охотно заговорил:

— В Русском Устье шесть дымов: Тихона Киселева, Андрея Скопина, Ивана Чихачева, Николая Шелоховского, Григория Шкулева. А вниз плыть, будут в Горлышке два дыма Егора Чихачева. В Шаманове один дым Александра Чихачева. В Орешине один дым Дмитрия Чихачева. В Лобазном один дым Митрофана Чихачева...

Индиgireц медленно перечислял селения, состоящие из одного дома, редко из двух, а более шести «дымов» не указывал ни в одном, а в иных однодымных селениях не называл ни одного жителя, вымерли, не то выехали, он не знал.

— В одном селе, как же не знаете,— сказал Черемных.

— Все разные жилá,— сказал индиgireц,— от устья на пятьсот верст вверх по реке, а выше нету соседей русских.

— Понятно,— сказал Сеня.— Дальше пятисот верст, какие же это соседи. По вечерам ходите чай пить к соседям?

— Мы не ходим.

Индиgireц замолчал, обдумывая сказанное им самим.

— Русскоустыинцам тяжело принимать гостей. У них — центра. Для собак и то никто не привозит. И поживут, невест свезенных посмотрят. Устыинцы всех корми. А их шесть дымов. Разорение.

— Известно,— сказал Черемных.— Раз приехали, значит, гости.

— И собаки гости? — насмешливо спросил Сеня.

— Собаки гостевы, протчем,— сказал Черемных.— Родители у тебя, отец-мать?

— Что ты, что ты, живые. Неладно говоришь. Живые у меня отец и мать.

— Понятно, протчем, или думаю...— сказал Черемных, подумав.— Так у них: кого поминают в родительский день — те родители. И не стали звать поминальным словом живых, спаси бог... Ну, протчем, больше рыбу ловите?

— Еще птицы много. Гусей и лебедей по морю яко талый снег плавало. Бывало, волны не видно под птицей. Хорошее бывало гусевание. Море окрестили Гусиным в том месте: Гусиная губа. В невода ловим гусей.

— Это же новый барон Мюнхгаузен,— озабоченно сказал Сеня.— Такая встреча бывает раз в жизни.

— Голыми руками берут гусей,— сказал Ваня, томясь.

— Ну, и что ты с ними будешь делать в Русском Устье? Это же мокрая тюрьма без стен.

— Не грши, Семен, там православные люди живут,—

сказал Тихон Егорыч.— И скажу тебе: от сумы и от тюрьмы не зарекайся.

— В Русском Устье мокро,— согласился индигирец.— От избы к избе по воде, все лето. А гусей брать как же не руками?..

Человек продолжал говорить. Он, может быть, очень долгое время не общался с людьми. Ему хотелось говорить.

— Сетей порядочно?

— Сетей двести да невода три,— сказал индигирец.— Пастей триста.

— Двести сетей?.. Триста пастей?..— воскликнул таскальщик.— Раскулачат его обязательно!

— Невода и сети, пасти общие в Русском Устье. У нас тоже.

— Так у вас колхоз? И до вас дошло,— сказал Черемных.

— До нас не дойдут,— сказал индигирец.— Не найдут нас.

— Не надейся, протчем,— сказал Черемных.

— До нас государственные новые указы ниже старые государственные не дошли. А слово то ваше понимаю, ныне слышал.

— Государевы? — закричал и захохотал Андрей. — Государевы с того света не дойдут.

— Не дойдут до нас николи с того света, ниже с нынешнего вашего.

— А на нашем свете мы сами — государи. На нашем свете — пятилетка!

— Государи вы — самим себе. А московские государи — вам всем. Без московских государей Русь не стояла бы. В дóсельное время государили бояре — не дай бог: для православных еще нўжнее были.

Андрей и Сергей захохотали.

— А у вас сколько дымов? — вдруг спросил Сеня.

— У нас? — переспросил индигирец тревожно.

— Ну да, у вас. Вы назвали всех проживающих в Русском Устье, в Горлышке... где еще, Ваня?

— В Старикове, Кузьмичеве, Орешине, Косухине, Ожогине,— Ваня без запинки перечислил двадцать восемь селений в том самом порядке, в каком их называл индигирец.

— Вот видите, вы не сказали, сколько дымов там, где вы сами живете.

Индигирец молчал.

Сеня с гордостью взглянул на Зырянова.

— Что у вас там есть, кроме рыбы и птицы? Какая охота? — спросил Черемных.

— В Русском Устье за мышинной костью добрая охота.

— Послушаем, — сказал Сеня. — До сих пор были при сказки. Вот когда начинается сказка.

— Сказку просишь? Потом скажу. Бывают рога на двенадцать пуд, когда старая мышь, большая.

— Получил, Джаз? Теперь отойди в сторону, — сказал Сеня. — Расскажите, как вы охотились за мышами. Ведь их нелегко убить...

— А никто не убивал земляную мышь. Никто и не видел ее живую. Она — земляная, под землей живет. Скажу — как рыба в воде. Бывает, она вырвется в обрыв берега, высунет морду на божий свет — и смерть принимает. Я иду под обрывом, смотрю. Рог светлый... Только земля мерзлая. Где и чистый лед. В роге сажени две.

— И два таких рога, — сказал Василий.

— Два рога. А мяса для собак — на год. Мясо хорошее.

— Слышал я про эту мышь, — сказал Тихон Егорович. — Из ее рогов разные вещицы вырезавают. Называются — из мамонтовой кости.

— Ты говоришь — мамонт, а слово-то не русское. Тунгусы говорят — мамут: земляной по-ихнему. Земляная мышь.

— Мамут? Я знаю! Земля — мамма, — быстро сказал Женя.

— Смотри-ка, по-немецки — мамут, и по-английски — мамут, и по-французски — мамут. Все называют его по-тунгусски. Но мало кто знает, что это — земляная мышь! Сколько у вас жильцов? — спросил Зырянов, и русский жилец с сомнением стал говорить:

— Народу не так... Первый дым — отца моего, Ивана Меншика, пенеженина, прозвищем Плехан. Другой дым — Федора Мелентьева, сына Неудачи. Еще Микифора Воженика, пустозерца, да вот его прадеда Агафангела Тарутина, и брянченина Егора Григорьева, и рязченина Федорова, Иова...

— Что за чудные имена! — воскликнул Женя. — Даже не разберу, где фамилии. Что такое «рязченин» да «пустозерец»?

— Так прозываются испокон веку, от прадедов. Не знаю,

что такое, — сказал Меншик. — Еще тезка мой Николай Баландин величается козлитиным. А Тарутины — те москвитины. Шелоховские — астраханцы.

— Так, протчем, я скажу, — заговорил Черемных. — Кто из Астрахани родом, прадеды оттуда пришли, тот и астраханец. А кто из Москвы, скажем, тот и москвитин, а по-новому говорим «москвич». Рязченин — я пойму, рязанский, козлитин — козловский, и протчая. Имена, видно, старинные.

— Имена старинные — люди новые, — весело сказал Василий. — Издавна живете в Русском Устье?

Меншик разговаривал охотно и с достоинством. Он внушал доверие. Видно, он давно не имел собеседников и соскучился по живым людям. Тихон Егорович — «однако, на ночь глядя» — не терял настороженности. Он пытливо прислушивался к особенному говору индигирца, как будто проверял его подлинность.

Но на последний вопрос Меншик ответил сначала уклончиво:

— Сказывают, давно... Хочешь слушать, так расскажу, как деды сказывали с берёст.

— С берёст? — вскричал Сеня.

— Просить буду, Николай Иванович! — воскликнул Василий.

Сеня взглянул на начальника: «Когда он успел узнать его имя?..»

— Обед готов. После расскажешь, — скомандовал Тихон Егорович. — Откушаешь с нами, Николай Иванович.

— Обед? — смешливо-разочарованно сказал Женья. — Дядя Тихон, а ты раньше сулил паужин!

— Где уж теперь разберешь! — Тихон Егорович махнул рукой.

Глава 7

СКАЗАНИЕ О ЧЕЛОВЕЦЕХ НЕЗНАЕМЫХ В СТРАНЕ ВОСТОЧНОЙ

После ужина Николай Иванович Меншик снова заговорил, обращаясь к Зырянову:

— Скажу тебе Сказку Берестяную...

— Сказку? — разочарованно перебил Сеня.

— ...Как деды сказывали, по берестам вычитанное — дедовским сказом, берестяным слогом скажу. Слушай!

Наши предки жили на Пинеге-реке. Во ино время услышали мы, что люди опять бегут в нашу сторону, от тягостей бегут. Они-де сплывают по Двине-реке и наймают сведущих вожев¹ из бывалых ходок по Студеному морю плыть встреч солнца. Во ино время собрались в Усть-Пинеге люди из близких мест и дальних, никому не ведомых. Одни сказывали себя из Великого Устюга, другие из самой Москвы, а один из якой-де Астарахани. Были они беглые и люди промышленные и торговые, и был один из бояр. Вот плыли по Двине-реке, а куда — не знали еще сами. В Усть-Пинеге повстречали они нашего пращура Льва Меншика, прозвищем Плехан, и сказали ему:

«Мы хотим заплыть далеко, как можно будет, в ту сторону, куда и царская рука не дотянется и нас-де не ухватит. Мы слышали, что в той стороне восток солнца и там морозы велики живут и льды толсты намерзают, в рост человека. А какие в той восточной стороне живут люди, мы не ведаем. И ты скажи нам, пенезенин, о людях в той незнаемой стране, чего слышал ли? И как туда ехать нам? А ты-то сам дорогу туда ведаешь ли? И нас провесть туда наймуешься ли в вожи?»

Ваня подкладывал ветки в костер. Яркий трепет хвоя в огне, пылкий треск взрывающихся иголок возбуждал отклик в нервах. Женя напряженно старался понять слова Меншика Николая Ивановича, и Сеня с нетерпением ждал ответа от пинезенина... И беглые ждали ответа от Меншика Льва, четыреста лет назад...

Зырянов слушал задумавшись, опустив глаза. Пинезеня Лев Меншик, бывалый морской ходок и опытный, осведомленный лоцман — а по слову поморскому, старинному — ведомый вож, — не спешил отвечать на вопросы нанимателей. Но вот снова зарокотала хрипловатая речь:

— «И хожено и вожено не так далече... Куда вы хотите, не хаживал я и других не важивал. А известно нам от прадедов чудное — о человецех незнаемых в восточней стране. За Югорьскою землею над морем живут люди, самоядь зовомы, мангазен. А ядь их — мясо оленья да рыба... Да межи собою друг друга ядят».

¹ Во жи — от глагола «водить»: лоцманы, проводники, предводители. В данном случае — лоцманы.

Слыша то, московские, и рязанские, и астраханец спрашивали:

«Мы-су што будем ясти там? Мы же крещеные люди».
Пращур пенегеня отвещал име¹:

«А гость к самоеди откуда придет — и они дети свои закаляют на гостей да тем кормят...»

— Сеня! — послышался недовольный шепот.

Но Сеня яростно зашипел на Женю, и шепот исчез. В шестелящей звездной тьме над морем только темное, злое сказание рокотало, угрожая древними лживыми словами, удерживая русских людей от побега на северный восток — холодный, но привольный.

— «...А иная самоедь линная², в лете месяце живут в море. А на суше не живут того ради, зане же тело на них трескается, и они тот месяц в воде лежат, а на берег не смеют вылезти.

В той же стране есть иная самоедь: по пуп люди мохнаты до долу, а от пупа вверх, яко же и прочие человеци.

В той же стране иная самоедь: вверх рты на темени, а не говорят. А коли ядят — и они крошат мясо или рыбу да кладут под колпак или под шапку. И как почнут ясти, и они плечима движут вверх и вниз...»

— Ну, сейчас Ваня попросит адресок туда,— сказал Сеня.

— «В той же стране есть иная самоедь, зимой умирают на два месяца... У него из носа вода изойдет, как от потока, да примерзает к земли. И кто поток тот отрежет у него, той оживет и речет ему: «О чем мя еси, друже, поуродовал?..»

В той стране есть иная самоедь. По обычаю человеци, но без глав. Рты у них меж плечми, а очи в грудех...»

— Это сказка для Вани,— сказал Женя.

— «Да есть у них лекари. У которого человека внутри не здраво — и они брюхо режут да нутро вынимают и очищают и паки заживляют. А не будете вы угодны тем человекам — и вас побьют из железных трубок железными стрелками, так же и многих побили...»

¹ Орфография здесь и дальше в некоторых местах дается по документам того времени, к которому относятся легенды, рассказываемые Николаем Ивановичем.

² Линная — то есть линяет подобно зверю, сменяющему шерсть по сезону.

...Лев Меншик, наш пращур Плехан, еще ответ держал им. А были меж беглых москвитины, два брата, Пёрвай и Втóрай Тарутины. Второй Тарутин, сильный и веселый человек, посмеялся на те слова пенежени, сказал: «И в самое дах не без людей». Первай Тарутин сказал: «Знаю твое сказание, слышал и читывал, да веры мало ему. Попы и царские слуги, а еще прежде княжьи это выдумали, прадеды записали да этих диковин не видели и в той стране Мангазее не бывали. А ты сам бывал ли и видел ли?»

Лев Меншик сказал им:

«Был я и в Мангазее, видел людей не наших, беднее нас, а во всем телесном такие, как мы сами, и едят гожее. Чертолюдов не видел. Дорога туда большим морем Студеным до Обского устья и к Енисейскому устью, через непроходимые злые места от великих льдов и всякие нўжи. Немилостивое наше море кочи растирает меж льдов и запасы раскидает... И кого железные стрелки облетели, того бурюю потопит или бескормицею поморит и стужею поморозит. А царская рука ныне держит до самой Мангазеи. И вы лучше повертайте назад, на ратную и прочую службу царю и боярину, и будете живы, и здравы, и сыты».

Тут ему Второй Тарутин сказал:

«А ты подальше еще Мангазеи поведи. Смело веди, вож: куда-нибудь доведешь!»

«А подальше Енисейского устья на восток солнца ходок с моря изначалу не бывало, от великих льдов проходу нет. Лды стоят вековые, толщиной в тридцать сажень».

Второй Тарутин отвечал и на то Плехану:

«Не устрашай, ради бога. Не убоимся железных стрелок иноземских, и великих льдов морских непроходимых, и глáда, и нўжи, и стўжи, и самые смерти мучительной. Но тягости рабские и теснота неволи не хотим от боярина, ниже от грозного царя Ивана. И ты, ежли уповаешь, веди нас морем Студеным и немилостивым, встреч солнца земли незнаемой и недоброй, куда изначалу ходок не бывало, а мы будем туда! А куда наша нога придет — и та земля нашей будет!»

Последние слова Меншик произнес твердо и замолчал.

— Ваня безусловно всему поверил? — спросил Сеня, обращаясь к Жене. — Раз он верит в шамана...

— Что это они наговаривают на тебя? — спросил Василий. — Неужели ты веришь в шамана?.. Советский парень?..

Ты же любишь факты и во всем требуешь строгой точности!..

Ваня не ответил.

— Он вам не ответит,— сказал Женья, дразня,— он боится шамана.

— Шамана же нет здесь.

— Шаман достанет везде! — сказал Женья смеясь.

— А зачем ему доставать Ваню?

— А вот именно затем, что Ваня слишком дотошный: подсмотрел шаманский секрет.

— А! — сказал Василий равнодушно.— Итак, сказка указывает на время Ивана Грозного. Очень интересно!

— Очень даже интересно,— сказал Николай Иванович.— И дед говорил, что было дело в грозное время царя Ивана. Дед вычитал на берестах.

— На берестах? — опять воскликнул Сеня.— На берестах?

— Понимаешь ли, при Иване Грозном Ермак только начал завоевание Сибири,— сказал Василий.

— Кто такой? Не слышал,— сказал Николай Иванович.

Костер догорел. Сергей и Андрей завернулись в бумажные одеяла.

— Ермак Тимофеевич шел с Урала и дошел до Иртыша,— сказал Черемных.— До Индигирки ему верст еще тысяча шесть идти с боем. Человеку в одну жизнь не вместить было.

— Наши пращуры пришли на Индигирку морем,— сказал Меншик,— без боя, миром.

— Северным морским путем? Фантастика! — сказал Сеня.— На лодках, что ли?

— На кочах,— сказал Меншик.— Кочи большие. На каждом коче изба стояла, печь топилась. На берестах все описано.

— Что это за бересты? Объясните,— попросил Сеня.

— Спать пора,— недовольно сказал Черемных и сердито продолжал: — Упредили Ермака Тимофеевича? Обскакали на шесть тысяч верст? И ледовым морем? Завоевали Индигирку? Этого история не позволяет.

— Бог позволил,— спокойно сказал пинеженин.— Люди плыли отчаянно, от удушья спасались. Говорят, болезнь такая была... Индигирку предки не воевали — миром вжились. Еще и другие пришли при царе Алексее Михайловиче. Потом при царе Петре, недавно...

— «Недавно»! — Сеня захохотал.

— Ночуй с нами, Николай Иванович, завтра еще расскажешь,— попросил Зырянов.

— Я порыбачу,— сказал пинеженин.— Рассказать можно, я много слышал от деда.

— А сами вы не читали бересты? — спросил Сеня.

Меншик, не ответив, пошел к лодке. Звездная тьма впитала его.

Зырянов заполз под палатку. Все уже спали, завернувшись в бумажные одеяла. Только Сеня тянул веки кверху, не давался сну; ему мешал бодрствующий начальник. Василий Игнатьевич сегодня еще не читал и не писал — в пути весь день тайгой и горами не было возможности. Но такого случая не бывало, чтобы Зырянов день пропустил и не занимался перед сном... Ну конечно: серая палатка осветилась. Начальник зажег «летучую мышь».

Глава 8

НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ НАНИМАЕТСЯ КОПАТЬ ВХОД В ГЕЕННУ (И НАПЕРЕД ЗАПЕЧАТЫВАЕТ КРЕСТОМ, ЧТОБЫ САТАНА НЕ ВЫШЕЛ В МИР)

Сеня приподнялся и увидел, как Зырянов раскрыл рюкзак и вынул сверху смену белья. Под ней лежали книги. Зырянов выбрал одну.

Он должен был непременно читать каждый день, хоть ночью; учиться и писать дневник во что бы то ни стало, сверх всего дневного труда. Он раздражал этим Сеню. Он препятствовал Сене спокойно верить в судьбу. Ночью особенно видно было, что не судьба помеха Сене, а сон. Видно было, что Сеня поддается сну, а Зырянов противится и работает. Он берет судьбу с трудом, подумал Сеня злобно, и радость его тут же погасла, ничего не осветив, не оставив даже искры путеводной — только щемящую тревогу и оскорбительную мысль: «А меня судьба берет без труда».

Но что начальник делает со своей шеей?.. Над его головой висела большая, просторная петля из тонкого шпагата — эту негодную петлю Зырянов надел на шею! Такая нитка не выдержит даже веса головы — сразу порвется, подумал

Сеня, но пополз, готовясь прыгнуть. Страшные, хотя нелепые приготовления Василия Игнатьевича не были закончены. Зырянов раскрыл толстую книгу и, удобно вытянувшись, опершись на локти, начал читать. Нитка свободно висела над его головой. Хотел почитать еще разочек перед смертью или просто сошел с ума? Да и можно ли с такими удобствами повеситься — если бы петля была даже настоящая?..

Сеня боялся моргнуть, чтобы не пропустить роковой момент. И не пропустил: нитка натянулась — голова Зырянова сникла. Сеня ринулся, но несчастный сам воспрянул — петля почему-то не затянулась и нитка не успела лопнуть. Зырянов поднял голову, прислушался к шуму, произведенному Сеней, и продолжал читать.

Сеня окаменел от удивления и некоторого страха, естественного у каждого здорового человека при виде явной ненормальности. Он почувствовал жалость к этому человеку. Вот так судьба! После этого завидуй...

Через некоторое время Зырянов опять уронил голову и вскинул: нитка резала шею... Так вот отчего у него красная полоска на шее иногда утром. Значит, не первый раз он пытается!.. Что за таинственное дело?

Прохладная байкальская ночь стала жаркой для Сени. Не шепнуть ли, что его видят, номер не пройдет?.. Но в третий раз сраженный сном Зырянов опустил голову и... промедлил... Сеня завалил палатку, чтобы сразу ослабить давление петли, а больше ничего не успел сделать. Самоубийца уже сидел на своем спасителе и шепотом спрашивал:

— Что ты надумал?

Зырянов вдоволь насмеялся и сказал, что остроумные действия Сени повлияли на него еще более освежающе, нежели нитка, механически не дающая уснуть. Он оттолкнул Сению, быстро поднял палатку и вернулся в первоначальное уютное положение — над «Лощией Байкала». Петля закреплена была мертвым узелком и не затягивалась — она не была «удавкой».

Лощия лежала раскрытая на схематическом разрезе озера против мыса, где они находились. Высокая стена мыса окazyвалась на разрезе ничтожным надводным ноготком полуторакилометровой подводной стены, почти отвесной.

Обозленный Сеня громко сказал:

— Не знаю, как спалось Рахметову на гвоздях, но, на мой вкус, он действовал шикарнее. А давиться на суровой нитке... смешно и противно видеть.

— Что же, по-твоему, гвоздь подставить под голову? — спросил Зырянов заинтересованно.

— Зачем же под голову? Можно под локти, например, тоже очень хорошо будет помогать.

Сеня ждал ответа, будет ли принято его рационализаторское предложение. Зырянов молчал — он пренебрег или обдумывал?.. Заговорил:

— Ты не понимаешь. Рахметов ложился на гвозди, чтобы спать. А я сделал приспособление, чтобы не спать. Рахметов мобилизовал свой ум и нервы целиком на то, чтобы вытерпеть боль — больше ему ничего не надо было в тот момент...

— Хорош момент — целые ночи!

— Это не важно, — сказал Зырянов. — Я не могу тратить силы и время на ненужную боль. Ни одной капли сил и минуты времени.

Сеня пополз на свое ложе. Так вот как Зырянов держал судьбу за горло — за свое собственное горло!.. Есть ли на всем Байкале в эту минуту еще один человек, подобный... такой, который...

«Но все-таки судьба не зависит от самого человека!» — воскликнул Сеня мысленно, не находя иначе оправдания себе.

Какая-то обида терзала и не давала сна. Борьба не была закончена...

— Посмотрим! Я тоже могу не поспать и даже не стану для этого давиться. Посмотрим, кто сильнее — кто из нас двоих способнее командовать людьми. Ребята все за мной вмиг... Черемных? Душа без обману: поверил сказкам Николая Ивановича — поверит и мне безусловно... Я твою судьбу испытаю... — шептал он. — Скажу, что Зырянов велел перенести...

Петля из тонкого, лопающегося шпагата легко висела над головой, но казалась несокрушимой опорой из крепчайшего в мире вещества: человеческой воли.

Сна как не было, и не было над Байкалом никакого света, кроме звездного да от «летучей мыши» под линиям брезентом маленькой палатки.

А потом и этот свет полинял, и стал виден спящий на спине начальник. Прижатая его рукой, возле изголовья лежала на хворосте раскрытая книга, и стоял выгоревший фонарь «летучая мышь». Спящего озарило солнце. Он улыбнулся теплему лучу, еще не проснувшись.

Потом он осознал рокотание пробудившегося моря, открыл глаза, приветливо взглянул в засиявшее над ним пространство — с таким отчаянным изумлением взглянул, что оно вытеснило на его лице всякое выражение других чувств.

Василий склонил голову набок и скосил глаза на камень под головой, удачно заменивший в качестве подушки исчезнувшую кипу книг в «сидоре» — красноармейском заплечном мешке.

Он посмотрел не слишком умным взглядом на колышки. У человека в таких случаях бывают не слишком умные глаза. Но для Зырянова случившееся было просто непонятно, — как сказка въяве.

«Ко мне подходили. На меня смотрели — и я не проснулся?!..» На берегу Байкала — это не в общежитии института, здесь должен действовать рефлекс охотника-промышленника, с детства привыкшего к ночам в лесу. Охранительный рефлекс не сработал. Это потрясло Зырянова.

Но на него спящего не только посмотрели...

Вор в сказке выкрал у спящего ключик изо рта. Но это же сказка, и сделала это мышка для вора.

На берегу не видно было рабочих, и ни лопат, ни мешков; только шесть колышков вокруг одеяла и не пристегнутое к шести колышкам высоко взлетевшее небо, не прикрывающее книги от дождя и человека от других людей. И он не почувствовал, как очутился на ногах, и сказал вслух, не сознавая того:

— Пока я найду новых рабочих, сезон будет сорван.

— А ты стихею проси, посули, значит, богу чего, хоть от пояса ремня кусочек, — сочувственно пророкотал хрипловатый голос.

Василий стремительно обернулся.

На него смотрели очень светлые глаза с лица, обожженного морозом и солнцем. Лицо было русское, в бороде, и молодое, но какое-то старинное, напоминающее о картинах в Историческом музее. Может быть, это впечатление происходило от одежды, непонятно — зимней, летней ли, но скорее зимней, и не мужской, не женской.

«Значит, при костре вчера я не рассмотрел его как следует».

Николай Иванович поднял правую руку к голове, взялся за тяжелую высокую шапку, отороченную светлым ме-

хом. В другой руке он держал заступ, словно посох. Почему не шуршал песок под его ногами?

— Здравствуй, Николай Иванович!

Василий вздрогнул от радости. Он увидел лодку.

— Хочешь поработать, Николай Иванович?

— Можно.

Василий заглянул в его глаза, как в светло-голубой Байкал: на сорок метров видно каждую рыбешку, а уж глубже сорока ничего не видно.

Темная вода. И вдруг этот тип убьет его в лодке (веслом по голове), в надежде заработать на нем, то есть найти на нем рубля три. Бывают в Сибири такие типы.

— Знаешь, какая у нас работа?

— Знаем. Желаете прокопать свой ход до геенны.

— Что? — закричал Василий. — До чего?

Вспомнил: геенна огненная — это же церковное название ада.

И вся его досада обернулась и вырвалась против невероятно смехотворного изображения его деятельности и цели.

— Сеня обрадовался твоей простоте, — сказал он, не удерживая свои мысли при себе. Сеня был виноват во всем. Он подбил ребят на побег и ограбление. И выдумка с геенной — его забава. Само собой, Сеня вцепился в такого выходца из Московии Ивана Грозного.

Василий сказал с яростью:

— Но такое строительство — слишком большая роскошь для первой пятилетки.

Индиgireц молчал. Он старался осмыслить разговор начальника, минуя непонятные слова.

— Дело хозяйское, — сказал он наконец. — Может, не терпится выручить кого...

«Таких дикарей на Выми поискать», — подумал Василий с негодованием.

Николай Иванович замолчал, привлеченный рокотом гидросамолета над Байкалом.

— Так вот, Николай Иванович, в аду нам делать нечего... Но мы отыщем нефть хоть в аду! — Василий расхохотался, шутка показалась ему остроумной и очень смешной. — Мы эту адскую смолу выведем из преисподней наверх, и тогда, дорогой, мы перевернем весь ваш допотопный уклад жизни вверх дном, даже в тундре... Доберемся

до вас — трактором, автомобилем и самолетом, даже в тундре на Индигирке. И прикончим древнюю дикость!

— Трактор что есть? — спросил Николай Иванович.

— Трактор придет на Индигирку, сразу его угадаете. Василий указал, где ему копать, и дал ему три рубля.

— Это тебе на тот случай, если я задержусь.

Пинеженя держал три рубля в руке и всматривался в Василия, словно запоминал на всю жизнь.

— Где еще ты жил, Николай Иванович, кроме Индигирки?

— Нигде не жил. — Подумав, индигирец добавил: — Хаживал на Лене.

— На Лене,— повторил за ним Василий во внезапной рассеянности и забыл о пинежене.

Он пошел к мысу и говорил самому себе вслух:

— На Лене кембрий поднимается на дневную поверхность.

Николай Иванович чрезвычайно основательно упрятал деньги, не отрывая взгляда от спины удалявшегося начальника. В его голову запало слово, сказанное начальником: трактор. Слышал он это слово в Якутии и по всей реке Лене и здесь, на Байкале. Все толковали о тракторах, а никто их не видел.

Он перекрестился и положил другой крест в квадрат на песке, начерченный начальником.

Он плюнул в ладони и крепко взял заступ.

Василий бросил завистливый взгляд на лодку и начал неторопливо взбираться по скале.

Глава 9

«ПРИЗАДУМАЛАСЬ РАЗДЕВЧОНОЧКА»

Скоро он убедился, что подняться на гребень мыса будет очень трудно.

Ребята и бригадир, несомненно, нашли какую-то тропу в обход мыса. Им повезло, а ему — нет.

Но зачем они потащили ненужные им геологические книги? И тетради с записями всех его маршрутов вокруг Байкала!.. Это не только материал для отчета. Василий ценил свои записи. Он был уверен, что их исчезновение оттянет еще на год открытие байкальской нефти, а это значило: сибирской нефти. За это надо судить, как за преступ-

ление против важнейших интересов государства! Это подрыв обороны...

Все в нем кипело от ярости и досады на себя. Лучше считать, что это еще одна шуточка Сени...

Он стал подниматься на гребень мыса, обогнул ползком затылок венчавшей его скалы. Скала была странно похожа сзади на круглую голову без шеи, в покатых плечах, обращенную лицом к морю.

Ползти пришлось через правое покатое каменное плечо, потом круто спускаться, лежа на спине и на одной левой ноге, свесив правую,— ногами вперед, по наклону вниз, упираясь ладонями в шершавости камня. И вдруг ноги повисли над морем. Ему стало жарко, он понял, что испугался.

В удивлении и в страхе он задрал голову и увидел над собой мощный выступ, нависший широким клином. Надо было вернуться — попятиться на спине вверх. Это нелегко было и опасно, может быть — безнадежно. Или прыгать в воду? Василий глянул вниз. Лучи утреннего солнца просвечивали воду на сорок метров в глубину.

Но три с половиной градуса тепла воды грозили судорогой пловцу. Тогда он не выплывет. Он помнил о старом ревматизме.

Множество птиц, потревоженных его вторжением, носились в угрожающей близости, чтобы отогнать врага от гнезд. Василий озабоченно озирает море.

Крылатые хищники начали ложную атаку, после которой могла последовать и действительная. «Выключают глаза», — подумал Василий. Он уже немного отдохнул и с великим усилием встал левой ногой на узенькой каменной тесьме, а затем правой ногой, прижимаясь к скале спиной, распластанными руками и левым виском. Он уговаривал себя мысленно, что это мальчишество — двигаться дальше вперед, что это недопустимый азарт... и упрямо придвинул правую ногу к левой, а левая сама отодвинулась от правой, потянув Зырянова дальше и снова вверх.

Когда он прилег на левом плече мыса, за головообразной его верхушкой, уже в этот момент он не мог бы точно описать свой путь сюда, так полно отдал ему все силы.

Над быстрым потоком за мысом на хорошо выбранном месте стояла палатка Зырянова.

В ведре над костром варилось пшено (другой крупы у них не было) или чай. Лучше бы чай сейчас. Ребята сидели во-

круг костра и с любопытством смотрели вверх, на появившуюся неожиданно голову начальника на скале. Сеня заслушался бригадира и мечтал.

Черемных рассказывал о легендарной чудо-голове на мысу. Он любил рассказывать легенды и верил в них. Василий с интересом прислушался. Оказывалось из слов Тихона Егоровича, что плечо скалы, где лежал Зырянов, было настоящим плечом и главовидная верхушка мыса была настоящей головой с бородой. Черемных рассказывал, будто бы мастера Чингисхана вырубили эту гигантскую скульптуру восемьсот лет назад...

Василий оглядел камень, пытаюсь увидеть следы обработки, но они стертые были временем, должно быть. А может быть, время и было скульптором, начавшим свой труд задолго до Чингиса и продолжающим неустанно поныне?

— Ее видно с моря, с берега не видно, и вообще не каждый может ее увидеть, — говорил Тихон Егорович.

А Сеня насмешливо поддакнул:

— Только человек с воображением!

И вдруг оба увидели живую голову начальника наверху.

Сеня нашарил камень, не сводя глаз с Зырянова. Их взгляды встретились.

Зырянов улыбнулся ему и повернулся спиной.

Сеня сторел от этой обиды и немедленно поклялся, что камень полетит в лицо Зырянову, только покажет лицо.

Зырянов не спешил и, пока спускался с утеса, ни разу не оглянулся.

Он вполне спокойно направился к костру, на ходу осмотрелся. Береговая площадка хороша была для намеченных работ. Оползневый завал здесь был меньше и в одном месте допускал проход. Горы тесно сошлись над быстрым ручьем. Василий сразу заметил, что правая сторона ущелья, выходящая мысом в озеро, отлично опилена потоком и похожа на косо подвешенную полосатую и несколько выцветшую азиатскую занавесь. Такое строение земной коры — круто падающими складками — благоприятствует накоплению и сбережению нефти в глубинах...

Полутораметровый водопад — тоже обнадеживающий признак.

Василий подошел к костру очень довольный, отдышавшийся. Ребята смотрели в огонь. Сеня продолжал сжимать килограммовый камушек. Василий с начальственным панибратством столкнул его с лучшего места, сказал:

— Пусти,— и взял хлеб.

Черемных поспешно сполоснул чашку и зачерпнул чаю из ведра.

Начальник набил рот хлебом и с наслаждением выпил полчашки.

— Ух, молодцы! — сказал, переведя дух, и снова откусил пол-ломтя и выпил.— Я только подумал, что надо перенести работу в этот район, а вы уже тут. Вот хорошо сообразили!

Тихон Егорович удивленно и вопросительно обратил взгляд к Сене.

Сеня смотрел на Зырянова не отрываясь: «Он найдет свою нефть. А я... чего ищу?»

— Призадумалась раздевчоночка,— злорадно сказал Черемных.

— Ну, пошли! — сказал Василий Игнатьевич.

Все схватили лопаты и пошли за ним.

Глава 10

НАЧАЛИ РАБОТАТЬ

На поверхности Байкала у берега плавали радужные пятна, очень яркие, похожие на ископаемый перламутр. Капли нефти и пузырьки газа пробиваются сквозь толщу дна и вод, вырываясь из больших нефтехранилищ, устроенных природой под Байкалом.

Но Зырянов не думал подкапываться под Байкал с пятью довольно легкомысленными помощниками и одним кашеваром.

Для нефтяной разведки не обязательно сразу открыть место наибольшего скопления нефти — достаточно для начала выследить слои миграции, где нефть передвигалась к местам залегания, или материнские слои, где нефть зародилась.

Пласты под озером, несомненно, были те же, что и вокруг Байкала; озеро подмяло их в одном месте, возможно — нарушило связи между ними; но и разорванные и перевернутые — они все те же, не изменились. В каждом обломке можно узнать его происхождение и увидеть признаки всего слоя на всем протяжении пласта.

Василий рассчитывал, что из-за необычайной крутизны байкальского прогиба выходы поддонных слоев на поверхность или очень близко к поверхности могут оказаться на самом берегу озера. Чтобы вскрыть эти выходы, достаточно будет небольшого и неглубокого разреза. Сделать его можно колодцами-шурфами глубиной в несколько метров и канавой между ними в некоторых местах. С этой работой бригада Зырянова управится в пять-шесть недель.

Главное — установить, какие именно из поддонных слоев нефтеносны.

В любом из этих слоев надо найти хоть капельку нефти, ее достаточно будет для разведчика!

Профессор Губкин говорил студентам, что «нет оснований отрицать возможность нахождения нефти даже в самых древнейших слоях, где обнаружены следы когда-то существовавшей жизни, — даже в кембрийских слоях».

Зырянов запомнил дословно это осторожное высказывание ученого, оно захватило и увлекло его, пришлось больше всего по вкусу и настроило на воинственный лад. Ломать запреты и преграды в науке, придуманные талантливыми реакционерами и авторитетными консерваторами! Их лже-теориями злонамеренно пользовались сознательные враги социализма, чтобы тормозить и сорвать усилия советской власти!

Василий думал: «Опытные геологи не нашли нефти в третичных слоях на Байкале. Но, может быть, ее там и нет?.. Иногда не найти — имеет значение не меньшее, чем найти. Пусть я тоже не найду — важно окончательно доказать отсутствие нефти в третичных на Байкале: ведь этим доказана будет принципиальная нефтеносность других, нетретичных слоев! Потому что нефть все-таки есть на Байкале, это же факт...»

Впрочем, факты тоже не имели значения для теоретиков, ослепленных блеском собственного остроумия. Один из талантливейших старых геологов учил не верить своим глазам, когда видишь нефть на Волге, вытекающую даже прямо на поверхность земли. А Губкин утверждает, что там будет второе Баку...

Василий верил Губкину.

Разрез надо было вести по направлению к хребту и довести до подошвы — почти два километра. Василий наметил точки шурфов, Черемных вбил колышки с номерами. Все встали разом на шесть первых номеров и копали в одиноч-

ку, пока можно было выбрасывать землю с лопаты наверх. Затем собрались на трех колодцах по двое: один копал, другой поднимал породу ведром.

Порода шла сначала твердая, конгломерат. Приходилось работать больше киркой, чем лопатой. Потом пошли мягкие породы — надо было крепить каждый метр. Землекопы не стремились переутомляться. Они смотрели на Сеню, как на часы, а он каждые полчаса вылезал из своей ямки отдохнуть.

Черемных утверждал, что Сеня не озорничает и нуждается действительно в столь частом отдыхе — он не способен к земляной работе.

— Однако симулирует большого лодыря. Этот юноша с самолюбием.

— Вот интересно, — сказал Василий, — как это понять?

— Понять нетрудно, — сказал Тихон Егорович, — лодырь не трудится, когда не хочет, а слабый — не может. Лодырь вразумится — к делу годится, а слабый — никуда. Такого уважать никто не будет.

Бригадир отправился с топором к завалу под горой. Он выбирал подходящий материал для крепления шурфов и заодно расчищал понемногу проход через завал, чтобы в случае надобности воспользоваться им. Тихон Егорович был опытный местный житель и знал, что от Байкала всегда можно ожидать причуд.

Ребята стали приходить к бригадиру за крепежным материалом, но сначала обходили завал — шли в лес поискать ягду.

Они крепили в шурфах по всем правилам под руководством Тихона Егоровича — навек, и Василий не смел потопить: ведь это техника безопасности.

В воскресенье они отдыхали.

Зырянов просил работать по воскресеньям, и Черемных поддержал его, но «бригада едоков» в воскресенье утром после завтрака преспокойно ушла в лес.

«Когда удастся пройти всю линию шурфов до горы?» — думал Василий, подпрыгивая на песке после холодного купанья в Байкале, и думал о Сене. Этот паренек сумел подвести под угрозу все будущее Зырянова лично — все будущее Советского государства. Да! Потому что байкальская нефть обеспечила бы прочность нашего переустройства — а Васина жизнь, да, вся целая жизнь, должна была стать частью нового устройства народной жизни.

Сеня именно этому помешал. Василий почувствовал накипевшую злобу и не стал противиться ей. Он хотел доказать себе, что Сеня, может быть, не простой беспризорник, а бандюга. Мститель за отца-белогвардейца? Дворянчик тонкокостый... Возраст горячности и безрассудства. Говорят, Гайдар в четырнадцать лет командовал полком... Наши ребяташки на Выми — тоже... Плакали, когда опоздали на войну.

Байкал уже расшумелся. Волны угрожающе подступили к берегу.

Неслышно за прибоем подошли Сеня и Женя.

— Любуетесь нефте-про-яв-ле-ниями, Василий Игнатьевич? — иронически спросил Сеня.

Василий поднял полотенце с камней и пошел к костру.

На прошлогодней практике в горах Северного Кавказа Василий разведal одно месторождение. Об этой нефти были старинные слухи. Но в течение ряда лет разные таинственные неожиданности мешали добраться до нее. Василий еще с одним студентом отправились туда и нашли в чаще акаций и азалий точное место для скважины. Товарищ Василия убит был наповал. Василий обладал безошибочным лесным слухом. Он выстрелил дважды на шорох и уложил двоих. Один был русский, молодой, как Сеня, одет проводником. Другой был иностранец, турист, по внешним признакам и документам. Ружья тоже были иностранные. Но отличные.

— Василий Игнатьевич! Все же Байкал — море? — спросил Женя.

— Озеро, — сказал Сеня. — Море не бывает пресным.

— А разве бывает такое глубокое озеро?

Зырянов с подозрением посмотрел, догадываясь, что ребята «заводят» его. Сеня «выдавал», и нельзя было понять, искренна ли его увлеченность или он передразнивает Зырянова.

— Для сибирской плиты Байкал — трещина, мелочь. Ты понимай, Джаз, что такое плита. К тому же на нее осадки моря: пески, глины, скелеты животных — год за годом, век за веком. Чувствуешь? Тысячелетия — одно за другим, как день за днем. Как час за часом. Тысячелетий прошло столько, что, если бы каждое было только часом, прошло бы не меньше ста лет... Правильно, Василий Игнатьевич?

Они подошли к костру.

Тихон Егорович набрал воды и засыпал пшена для обе-

да. Зырянов заговорил — он «завелся», и ребята с жадностью слушали, хотя не все понимали.

— Толщина отложений достигла сотен метров, потом километров и десятков километров. Неужели в них не накопилось материала для образования нефти?.. Под тяжестью этих погребений сибирская плита опускалась, а реки и ветры несли всё новые массы измельченных пород и заваливали море, вытесняя воду... Много раз на плите сменялась жизнь... В Западном Забайкалье находят кости львов и яйца страусов. В Байкале по сей день водятся тропические животные, приспособившиеся к суровому климату... Интереснейшая жизнь захоронена под тундрой, под тайгой и вечной мерзлотой Якутии, под водами Байкала... На глубине трех, четырех, пяти километров могла сохраниться нефть?.. Иначе откуда она просачивается на поверхность озера?..

Василий спохватился, что мучившие его вопросы невдомек ребятам.

— Понятно? — спросил Василий смущенно.

— Вы как-то непопулярно рассказываете, — небрежно сказал Сеня. — Но вы не огорчайтесь, Василий Игнатьевич. Рассказывайте нам почаще и научитесь!

Женя с восхищением взглянул на своего лихого друга.

Сеня вскочил с обычной ловкостью, и все поднялись за ним.

Ушли к шурфам. Черемных пристально смотрел им вслед,

Глава 11

«ПРОКАТАЙТЕСЯ, ВСЕ НАШИ ЧАСЫ И МИНУТЫ...»

Василий остался у костра и не пошел с рабочими. Подкладывал в костер и не хотел думать ни о чем. Потом его мысли незаметно вернулись в привычное русло и устремились со всей энергией в излюбленном направлении. Ему стало ясно и очевидно, что байкальская нефть необходима для него лично.

Но к шурфам он все-таки не пошел.

Он отдавал народу, как раньше отцу, все добытое, а сам получал свою ложку похлебки из общего котла. Как бы там ни было, а некоторая доля в этом горшке предназначалась

для него. И он довольствовался. «Насколько легче и интересней заботиться обо всем народе, нежели об одной своей семье!»

У него были одни заботы и одни мысли с руководителями государства, — и он уважал себя за это. Но ему еще надо было найти нефть. Детское желание. Та детская игра осталась недоигранной.

Шурфы углублялись медленно, незачем было и ходить — не брать же образцы пород с каждого сантиметра.

И все же не идти, а вместо того подкладывать дрова в костер было необычайно трудно. И вовсе не потому он решил не идти, что не на что было смотреть. Все равно он проводил на разрезе все дни — не мог оторваться от шурфов и сам хватался за лопату.

Мысль не идти появилась только что: когда ребята своею волей отравились копать. Никто их не понуждал и не уговаривал — ни Черемных, ни Зырянов не говорили больше о работе в воскресенье. Вдруг поднялись даже без бригадира — вместо того чтобы дожидаться обеда, ушли так дружно, как будто сговорились.

— Усостились едоки? Наверяд, — вслух прикинул Черемных. — Заскучали, пожалуй. — И скучно запел:

Скушно времечко, пройди поскорей...
Прокатайтесь, все наши часы и минуты...

Людей бы еще, крепильщиков.

— А может быть, заинтересовались? — рискнул Василий высказать самую дорогую надежду. — За мысом приходил Николай Иванович. Я велел ему там копать... Забыл я о нем, — сказал Василий виновато.

Если ребята действительно заинтересовались, не надо их подталкивать. Не надо совсем вмешиваться — даже целый день, даже два дня.

Интерес — это дело личное, глубоко внутреннее и сокровенное, задушевное. Для этого нужна самостоятельность. В это надо втянуться, чтобы почувствовать ответственность — гражданскую ответственность за дело личного своего интереса.

Зырянов осторожно поглядел: таскальщики с откровенным любопытством озирались на него. Сегодня им хотелось, чтобы начальник подошел: увидел бы, что ведра не гуляют у них в руках — непрерывно поднимают породу и без отдыха отправляются за новой ношей.

— Я до обеда сбегает за ним,— сказал Черемных минут через десять.

— Девять дней с тех пор.

— А вы ему велели как?

— Работать и ждать.

— Он работает и ждет.

— Не может быть!

— У нас все туповатые,— сказал Черемных с гордостью за верность и доверчивость «наших туповатых».— Так что мы приспеем лодкой как раз к обеду, с тем кержаком.

Василий поглядел ему вслед. Черемных пошел к лесолому.

«Так я и думал: они нашли проход в завале, когда удрали от меня».

День тянулся беспокойно, нервно. Зырянов едва высидел с книгой у палатки до обеда. Черемных не вернулся с завала, и Василий попросил Сеню раздать кашу.

А у ребят было прекрасное настроение, они даже похвалили кашу — впервые с тех пор, как начали работать на этой площадке.

После обеда обыкновенно начальник рассказывал что-нибудь. На этот раз Василий Игнатьевич молчал. Рабочие отдыхали, полулежа вокруг костра. Сеня прервал молчание — как всегда, развязно и дерзко:

— Василий Игнатьевич, расскажите о себе... Почему вы себе выбрали эту специальность — искать нефть?

Вопрос был малоинтересный, даже совсем неинтересный для ребят и задан только «для развития отношений»: Зырянов не захочет отвечать — и этим самым выдаст, обнаружит свою обиду, что и требовалось. Обижаются на своих, равных — на недостойных и младших не обижаются. Сеня добивался равенства. Зырянов и был равный — не из бывших господ и не из интеллигентов. Начальственная должность не делала неравенства. Черемных тоже начальник над бригадой. Но у Черемных нет превосходства, хотя он и старше и опытней всех рабочих, а во многом опытнее и Зырянова.

Василий Игнатьевич обладал каким-то личным преимуществом, не зависящим от должности и возраста. Неужели одно только образование дает ему такое непобедимое превосходство?.. Или — талант?

Чувства и мысли, тревожившие Сеню, не были доступны его менее развитым товарищам и получали у них иное пони-

мание, более простое. Сеня дразнил начальника — они этим забавлялись и охотно поддерживали игру. Сеня оставался их коноводом, потому что он был ближе и понятнее Зырянова. Начальник не мог стать коноводом уже по одному тому, что опирался на мандат, полученный свыше, и платил казенными деньгами за работу. Конечно, за деньги они могли сделать кое-что, но душу, уважение не продавали и хотели показать ему это. Они относились ревниво к своей независимости.

Но все-таки с Зыряновым интересно было делать все, что он предлагал. Хотелось уже поработать на славу — помочь Василию Игнатьевичу и с его помощью показать себя тоже перед людьми!..

Неожиданно Зырянов заговорил.

— Мой отец служил на плотях лощманом, — начал он медленно, поглядывая в сторону яркого моря, мерцающего полуденной синью.

И картины детства ярче моря вспыхнули перед его глазами, заслоня притихшие воды, вялые волны озера. Небесная синь Байкала сменилась темной зеленью лесов на Вымирске и сизым цветом кембрийских берегов..

Глава 12

ВЕЩИЦА БЫЛА НЕБОЛЬШАЯ И ОЧЕНЬ ЛЮБОПЫТНАЯ: КНИГА

— Мы плавали по мелким речонкам в скалистых, узорчатых берегах.

Меня, маленького, очень удивляли эти каменные узоры. Особенно поражался я тому, что узоры эти раскрашены в разные цвета. Часто линии узоров уходили под урез воды и вновь выходили из воды на некотором расстоянии. Я спешил с плота на берег при каждой возможности — увидеть возвращение линий, их смыкание. Я следил за связью их между собой.

Мне хотелось увязать их и убедиться, действительно ли эти линии бесконечны и узор их непрерывный...

Никто не мог объяснить мне тогда, как сделались разноцветными слои в берегах. А это особенно интересовало меня. Мне было лет одиннадцать или двенадцать, когда отец взял меня на перевал над верховьем реки Жирной. Он свалил там лес, а потом сделал плот, и мы поплыли. Речка пах-

ла, как лампа. Воду нельзя было пить. Берега тоже пахли керосином. В них были жирные слои. От запаха болела голова, и трудно было провести плот. И вот я увидел, как вся речка покрылась черной маслянистой пеленой.

Отец не мог мне объяснить. «Всегда это было здесь...»

Я удивлен был до глубины души такими свойствами реки. Это было самое сильное впечатление в моем детстве.

У всех спрашивал о Жирной реке, и никто не мог объяснить ее.

С тринадцати лет я уже сам водил плоты и мог беседовать с более грамотными людьми: это были приемщики леса, счетоводы в сплавных конторах, в лесорубческих артелях. Никто не видел такой жидкости, какую я видел на Жирной, никто не знал о ней.

Но вот однажды мне повезло. Когда мне было лет уже пятнадцать, на Печору приехала экспедиция и взяла меня лоцманом и проводником. Экспедиция искала нефть, но я не понимал, чего им надо, и сплавил их немножко не туда, куда они хотели. Они сначала ругались, а потом удивились и обрадовались как дети.

Начальник экспедиции сказал мне, что нефтяные земли можно узнать по их узору. А узоры земли я ведь знал наизусть в берегах всех рек, по которым хоть раз плавал. Я мог в своей памяти увидеть подробности, каких другой человек не заметит на месте. Я думал об этом очень упорно и не переставал думать во время отдыха, и на рубке леса, и на сплаве. Но тайна не давалась, и я не мог найти нефть.

Тогда появилась у меня такая догадка: все можно познать только через грамоту.

На реке говорили, что советская власть усиленно развивает образование. Ожидали, что откроют школу и у нас, в Вымьваиле, а скорее в соседстве, километрах в ста.

Я прилагал все силы, чтобы помочь семье. У нас было одиннадцать человек в семье. Отец уже болел и был стар... Было очень трудно.

Болели все у нас. Все — охотники!.. А лесорубы и плотовщики болели обязательно: ревматизм... Я знал, что отец будет против того, чтобы я учился и оставил семью на него. Сплавной сезон кончался, я отвел и сдал последний плот и вернулся домой.

Отдал деньги отцу. Мне исполнилось пятнадцать лет.

Река должна была встать. Я заготовил немного сухарей и подговорил товарища бежать из дому, чтобы поступить в

школу. Ночью я вышел из дому, и мы сели в лодку. На двадцать девятом километре лодку затерло окрепшим льдом и полыньи занесло снегом. Бросить лодку и уйти на берег нельзя было через полыньи под снегом. Мы начали замерзать. Лодку занесло снегом, она стала незаметной. За порошей не видя нас, прошли охотники, и мы тоже не увидели их. Собака залаяла.

...Всю зиму я проболел, а когда осохли из-под снега муравьиные кучки и отогрелись, начал уходить в лес лечиться от ревматизма. Выводили ревматизм муравьиной кислотой. У нас все так лечились. Становились на муравейник, чтобы муравьи обливали ноги муравьиной кислотой...

Василий опустил голову от незабываемого стыда и обиды. В мае того года комсомольская ячейка села Вымьвайль в полном составе — парни и девушки — на плоту отправилась воевать против белых поляков. Из-за ревматизма Вася остался, не мог пойти со всеми.

Правда, в уездном комитете партии их не взяли, потому что с лишкóм набрали ранее подоспевших, а дальние вымьвайльцы, пока узнали о войне да пока плота ждали, опоздали и возвратились с плачем от невыносимой обиды. Но все же и Васе обидно было, и обиду он чувствовал до сих пор.

Ребята с лукавством взглянули.

— Василий Игнатьевич, — сказал Сеня, — вспомнили леченье, до сих пор жгется?

— Леченье было трудное, — сказал Зырянов, стряхнув воспоминание, — надо было раздеться догола, чтобы муравьи не забирались под одежду, а травили бы только больные ноги. Все время приходилось сбивать муравьев со всего тела.

Я брал с собой книгу в лес... Я получил ее в подарок от кавалериста-комсомольца, когда Красная Армия гнала белых вверх по Выми.

Вещица небольшая была и очень любопытная: сшивка тоненьких сереньких листиков, покрытых сплошь ровненькими значками. Обложку кавалерист снял и сказал, что она не имеет значения, но годится на курево.

Начиналась книга двумя короткими строчками в пустой верхней части первой страницы. С них я начал. Какое в них было значение, я не знал. Но я срисовывал каждую букву, один значок за другим.

Сеня вскочил с обычной ловкостью. Он не хотел слушать агитацию за «ученье — свет». Все ребята поднялись. Зырянов сказал, не глядя на них:

— Я приискивал муравейник под белой березой и, стоя на куче, рисовал буквы углем на гладкой коре...

— На бересте?..— сказал Сеня.

— Я же сказал — на белой коре.

Зырянов схватил обугленную ветку и прочертил на песке букву «С».

— Первый знак был вот такой: С, потом

М Е
Л О
П Р
И
Н И

Ребята подошли и следили за палочкой на песке.

Он чертил на песке буквы в том же порядке, как рисовал их на березе, такими, как напечатаны были в книге. На тонком стволе молодой березки не помещалось больше двух букв рядом, а некоторые выходили особенно большие — когда уколы муравьев бывали слишком чувствительны и пальцы невольно торопили обугленную веточку.

— Потом МАЙРЕШЕНИЕ...

Пальцы вздрагивали и срывали букву на песке, повторяя давнишние движения: тринадцатилетней давности.

— Потом запятая... Что бы значил такой значок?.. ДЕРЗКО И БЕЗ КОЛЕБАНИЙ...— Он кинул ветку, сказал:— Понятно, я крепился, спешил изрисовать всю березу в несколько минут, — еле утаскивал ноги, чуть не в беспомощности падал на мхи и засыпал без снов от усталости. Несколько минут — и два часа спал!.. Отоспавшись, переходил на другой муравейник под чистой белой березой и научился очень хорошо рисовать первые две строчки.

Зырянов схватил веточку и дорисовал:

ПРОВОДИ В ЖИЗНЬ...

Он быстро стер.

— Этот узор зарисован в моем мозгу на всю жизнь. Должно быть, муравьиной кислотой втравился... Дальше строки потекли непрерывно, с листочка на листочек. С листочков — углем на березы, по лесу дальше и дальше. Все лето. Бесконечно!.. А смысл этих линий скрывался, как в воду! Как смысл геологических слоев — узора линий в берегах под урезом воды на Выми и на других реках... Я видел береговой узор грамоты, а под урезом таились в книге неизведанные тайны мыслей.

Сеня отвернулся и закусил губу. Он смотрел на шурфы,

которые совсем не подвигались к горе. Потом вскочил, и все ребята поднялись за ним. Зырянов, не глядя на них, сказал:

— Я научился отлично писать. Конечно, печатными буквами. Но прошло еще три года, прежде чем удалось узнать смысл этих значков.

— Василий Игнатьевич, — нетерпеливо сказал Сеня, — по вашему плану, когда мы с вами подойдем к горе?

— Вы со мной не подойдете к горе.

— Почему? — спросил Женя.

— Потому что гора не подойдет к вам.

Сеня медленно, сопротивляясь, покраснел. Отвернулся и, чтобы скрыть, пошел к шурфам. Но товарищи заметили. Пошли за ним.

Глава 13

ЖИВОЙ ПРЕДСТАВИТЕЛЬ ДОСТОСЛАВНЫХ ПРЕДКОВ

Перед вечером подошла из-за мыса лодка Николая Ивановича Меншика.

Пинеженин неслышной своей походкой подошел к костру, а Тихон Егорович следовал за ним, усмехаясь.

Пинеженин молча снял свой древний колпак. Он удерживал в одной руке заступ и преогромнейшее копье, превышавшее его рост почти вдвое. За плечом лук висел, не превосходивший его роста, и колчан стрел сбоку. Василий с детским любопытством не сводил глаз с Николая Ивановича. Он испытывал невольное почтение к живому представителю достославных предков.

Ребята встретили его весело.

— Запоздали ради сих вещей, — Черемных осторожно вынул из карманов обломки пород. — Николай Иванович изрядно поработал.

— Вот спасибо!.. Ну, после ведерка пшенной каши послушаем твою сказку дальше, Николай Иванович!

— Неужели вам интересны эти сказки? — спросил Сеня нарочито, как всегда.

— Очень интересны, — сказал Зырянов. — Может быть, сказка отражает историческую действительность. Представь только, что русские открыли Северный морской путь в шестнадцатом веке! И устроили сильную колонию на дальнем

востоке Азии задолго до Ермака! К тому же мирным путем, если верить товарищу Меншику. Необычайно интересно!

— Мне верь, — успокоительно отозвался Меншик.

— Расскажите подробнее об этом, Николай Иванович.

— Зря вы сунулись к нам, папаша. Жалею я вас, — начал Сеня после ужина.

— Пошто? — спросил пинежени озабоченно.

— Мы сами думали: курорт. Оказалось — никуда не годное меню. Скоро месяц, как мы не видели драмы.

Пинежени внимательно слушал, озадаченный странными звуками как будто русской речи.

— Я не говорю также о культурных развлечениях, потому что не знаю, известно ли вам, что это такое: развлечения?

— Такое слово не пойму, — сказал Николай Иванович.

Пинежени вглядывался в собеседников, и семь человек один за другим опустили глаза перед его прямым взглядом.

— Неславно пришлось вам, как только вы живы, — сказал древнерусский человек, и никто не решился угадать: всерьез или смеялся над ними. — А мы сызмальства привыкли обходиться, нам ничего. Слаще сахару ничего не ведаем.

— Ага, — сказал Тихон Егорович, — сахар все-таки есть у вас.

— В Русском Устье кто достал кусочек за большие деньги, то уж к нему все шли посмотреть и лизнуть. А он не всем давал. Слизнете, скажет, самому посмотреть не останется. Старому-то уж даст: старый лизнет — ему и помереть можно, сахар едал.

Все молчали, Сеня перестал зубоскалить.

— Торговый человек один сказал в Русском Устье: из человеческих и собачьих костей варят сахар.

Все молчали. Тихон Егорович вздохнул.

Пинежени былинно повествовал:

— В Русском Устье пробовали из одних собачьих. Не сварился сахар. Велика Русь, — сказал он, заметив, что над ним смеются.

— Очень велика. Но вы, Николай Иваныч, не умаляйте себя, — сказал Василий почтительно. — Вы человек старинный — дорогой. В старом золоте меньше олова. Сказывайте вашу сказку.

— Ты верь, — убедительно сказал Николай Иванович, обратившись к Зырянову, — я говорю не мою сказку: от наших прадедов наследство. Прадеды получили верные сказ-

ки от дóсельных людей и нам вычитали слово в слово. Сказки наши писаны на берестах, рукою самого Тарутина Первого, а потом сына его Агафангела и правнуков, до Агафангела, отца Семена и прадеда Сени, вот этого. Ты, Агафангелов Семен, вернись в Русское жилó! Надо Сказку починить и продолжать.

— Почему вы называете «Русское жило», а не «Русское Устье»? — спросил Женья.

— Русское жило — это старое название Русского Устья, — сказал Зырянов.

— В Русском Устье начали службы справлять и сами вовсе чтение утратили. Какие были у них сказки, по безнадобности пожгли.

— Пожгли? — закричал Сеня.

— Почитать не умели, а топлива не хватает, — сказал пижежня.

— Историю России пожгли! — сказал Сеня.

— А вы помните, что было в сказках? Вы их читали? — спросил Василий.

— На берестах писали, вот это старина! Мне бы почитать, — сказал Сеня. Он был смущен и обеспокоен и старался скрыть это. — Вы ведь тоже писали на берестах, Василий Игнатьевич.

— Ты бы ни слова не разобрал, чудака, — сказал Зырянов, — там письмо шестнадцатого века, хитрое.

— Хитрое, — подтвердил Николай Иванович.

— Значит, ты видел?

— Видел.

— В церковных книгах видел?

— Этого нет у нас.

Черемных подошел поближе.

— Церковных книг у вас нет? — сказал он. — Вот так сказка! Без книг все службы правят?.. Изустно, как вот ты сказку сказываешь?

— Не служат, — миролюбиво сказал Николай Иванович.

— Не служат службы? — сурово и строго сказал Черемных. — За что же попу деньги платите?

— Нет попа у нас, — совсем кротко сказал Николай Иванович.

— Зачем же церковь у вас? — гневно спросил Черемных.

— И церкви нет. В Сказке написано, что была когда-то.

Черемных, негодуя, пошел мыть ведро. Он заметил, что ребята «скалят зубы».

— В каких же ты книгах видел старое письмо? — спросил Зырянов.

— В книгах не видел, а только на берестах, — сказал Меншик.

Зырянов удивился:

— В самом деле существуют эти бересты?.. И древним письмом писаны? Да они бы рассыпались за четыреста лет! Труха осталась от берестяной летописи, если такая была...

— А вот сберегли же, — с гордостью сказал Меншик.

— Тебе ученый человек, студент, говорит русским языком, пойми! — сердито заговорил Черемных, укрепив над костром чистое ведро с водой для утренней каши. — Не может существовать твоя летопись: место у вас сырое, бересты почернели.

— Береста воду любит, — с видом согласия и одобрения сказал Николай Иванович.

— «Береста воду любит»! — передразнил Черемных. — А чернила смылись? Ничего нет?..

— Тарутины умели писать без краски, — сказал Меншик.

— Опять сказка! Уж ты скажи, что без пера писали.

Николай Иванович подтвердил и это.

— Хо-хо! — Черемных злорадно смеялся. — И много он написал таким действием? Избу доверху набил чистой берестой? Такая библиотека — на растопку!

Меншик поднял глаза на бригадира с неожиданным вниманием.

— Берестяную Сказку спалить? — спросил он с каким-то утрашающим любопытством. — За это тебя самого бы!

— За это меня бы спалили в Русском жиле? — усмехнулся Черемных.

— Не за это, — сказал Меншик, не отнимая любопытных глаз от бригадира, — на это у тебя зубов не хватит. Да и скажу тебе, что Сказка наша неопалимая. А надо бы тебя скоптить на берестяном пламени за слово твое неслыханное. Потому — замах хуже удара, это и у вас говорят.

На это Черемных не нашелся что возразить и, смущенный, пошел прочь.

Николай Иванович не спеша заговорил:

— Я не читал Берестяную Сказку и пальчиком не коснулся. А только видел своими глазами,

Сеня опять перебил:

— Почему она неопалимая?

— Неопалимая — потому что мокрая береста не горит... Тогда малый я был. Дед и другие старики принесли Сказку в дом, откуда — не видел, спал я. Еще солнце только взошло; оно у нас поздно восходит.

Гневный взгляд Зырянова перенял Сенин вопрос и оставил его.

— Связки сложили на холодной, чистой половине. Много! Стали разбирать с хорошею молитвою и добрым словом поминали добрых вестников, предков Тарутиных, повестивших нам Берестяною Сказкою обо всех делах, что надо знать. Тарутина Первова, москвитина, его детей, внуков, потом и Аникеюшку-мученика из их же рода, и всех предков летописателей подряд благодарили и детям велели помянуть и в старости завещать своим детям память и благодарность за Сказку.

Дед велел мне смотреть бересты. Я еще грамоты не знал. Дед сказал: «Ондрей Тарутин памятью ослаб и глазами остарел. Внука Семена усла в Мир. Сыну Агафангелу велел отпустить Семена. И нас лишил его памяти, у Семена в памяти вся была Сказка. А Сказку читать не все способны: достойных мало родится, и некому Сказку продержать. Грамоти узнаешь — будешь всю Сказку великую сам читать».

А я, малец, глянул: ух, велика Сказка!.. Выше моей головы сложены связки. Дед посмеялся: «И про нашу жизнь будешь писать новую Сказку. А пока неграмотен — будь памятен, я тебе вычитаю все, что было до нас. Очень нужно¹, — сказал, — помирать; и сперва вычитаю вам».

— Слушать не стоит, что он говорит. Сказка, — сказал Черемных, — да и нескладная: будто бы Ермак Тимофеевич — не первый завоеватель Сибири! Какие-то пинежане забежали дорогу морем. Как это так?

— Вот и узнаем от Николая Ивановича, как это так.

На этот раз Меншик обиделся на грубость Черемных и сказал:

— Спать вам пора.

¹ Нужн и о... — Словарь Даля посвящает три столбца этому слову. Деду вовсе не «надо» помирать — ему принуждение, и тяжело терпеть эту нудь.

ПИСЬМО № 1, ТЕМА № 2
И ВКРАТЦЕ О ТЕМЕ № 1

Москва, Геологический институт, Л. М. Цветаевой.
На берегу Байкала, 17 июля 1932.

Дорогая Ли

Может быть, Вы уже в Москве?

Если нет, пусть встретит Вас мое письмо из таежной глуши, когда я сам не успею.

Да и лучше: меня самого вы бы не узнали. В краю медведей я стал медведем: оброс необычайно. На весь Байкал нет ни одного парикмахера, которому я бы доверил свою голову.

Тем не менее я рад, что съездил на Байкал. Поездка оказалась нелегкая, но интересная. Я много купался в ледяном Байкале и съел массу замечательной сметаны, более похожей на пушистое сливочное масло: она такая плотная, что ее можно резать ножом и накладывать ломтями на хлеб. Сибирские пельмени в такой сметане — роскошь. Ради этого стоило съездить в Сибирь. Но я желаю отныне иметь сибирские пельмени на моем столе.

И я добыюсь! У меня будет в Москве настоящая сибирская пельменщица.

Но Вы скажете, что она внесет в мой дом вместе с сибирскими пельменями и сибирскую грязь?

Нет, это будет соединение сибирских пельменей с немецкой опрятностью!

Представьте, я нашел здесь немецких колонистов — и даю Вам слово, я уговорил их выслать мне в Москву одного из женских членов семьи по первому требованию — как только я женюсь, разумеется.

Уговор такой: зиму Гретхен проводит в Москве у нас, а летом, когда мы с женой в поездке, Гретхен возвращается в свою сибирскую Германию.

Последнее выражение — не в шутку: на Байкале я увидел, что каждый немецкий дом — это Великая Германия, даже в тайге.

Кстати, в этой Германии из трех комнат и огорода с садом, разумеется с коровой и посевами, я познакомился с наиболее классическим сибирским типом. Этот тип побил

меня на сто пельменей! Вы, вероятно, не поняли: он один съел на сто пельменей больше меня!

Вы еще не все поняли: ведь я съел пятьдесят пельменей!!

А этот тип съел сто пятьдесят!!!

И запил литром самогона-первача. То есть семидесятиградусным спиртом.

Вот Вы представьте себе Ермака Тимофеевича или его первого друга Ивана Кольцо, с грудью колесом, к сожалению бритого и в современном костюме. Такой может съесть сто пятьдесят пельменей и выпить один литр спирта. Я счастлив, что мне удалось это видеть собственными глазами. Я описываю это подробно в своих записках.

Сибиряк этот квартировал у немцев, но ходил кушать пельмени и пить самогон у коренных сибиряков. Уезжая, он порекомендовал мне занять его комнату у немцев и порекомендовал меня им.

Он встретил меня и Порожина у профессора Осмина и потащил всех есть пельмени. Съев сто пятьдесят штук и выпив один литр, он начал петь церковные гимны, может быть — старообрядческие (кто-то сказал). Но как он пел! Под окнами избы собралась на улице толпа.

По-моему, все-таки он был пьян. Расхвастался, будто бы пожертвовал «большевикам» двадцать пять пудов золота, найденные в таежном тайнике.

Бабы на улице плакали, слушая его божественные гимны. Хозяйка избы раскрыла настежь окна, чтобы дать выход звукам или, лучше сказать, раскатам его голоса и дать облегчение нашим ушам.

Я уверяю Вас — Шаляпин мог бы только подпевать этому голосу. Нет, не мог бы: Шаляпина не было бы слышно.

Когда этот голос вырвался наружу, толпа отшатнулась от окон. Я не выдержал и вышел на улицу. Профессор Осмин тоже вышел — немедленно Сергей Иванович вышел вслед за нами. Мне показалось, что он возбудился своим собственным пением еще больше, чем самогоном, и, выйдя на улицу, он возгремел таким фантастическим гласом, что его должны были услышать на другом берегу Байкала.

И мне захотелось, чтобы Вы тоже услышали его. Я спросил его — позднее, конечно, — где он работает и живет постоянно. Сергей Иванович ответил довольно общо: «В Главзолоте». Профессор Осмин не знал о нем ничего больше.

Но что я наделал?! Я написал Вам письмо № 2! И не осталось времени написать письмо № 1! Как это могло слу-

читься со мной? Коротко обрисую все же тему № 1: она более актуальна. Я хотел рассказать Вам совсем о другом типе. В экспедиции Осмина работает практикантом некий второкурсник из Москвы, по некоторым признакам — земляк Ломоносова и на этом основании или на другом — самонадеянный больше, чем мог быть сам Ломоносов.

Экспедиция профессора Осмина ищет, как Вам известно, то, чего нет: месторождение байкальской нефти... Заурядный случай в геологии нефти, когда всё на поверхности и нет ничего в недрах... Таково мое личное мнение, и так думают некоторые работники самой экспедиции. Называть их не стоит. Их частное мнение не мешает им добросовестно искать несуществующее месторождение по всем правилам науки. Я утверждаю: они добросовестно ищут.

Беретесь ли Вы осудить их за то, что они добросовестно ищут? Или за то, что не верят в успех своих поисков?

Если бы им предоставили искать там, где они верили бы в искомое, их добросовестность не увеличилась бы там. Прибавилось бы только желание найти. Это я допускаю. Но вы понимаете, что невозможно устроить столько экспедиций, сколько имеется стремлений у геологов.

Вот об этом я и хотел Вам рассказать подробно и очень жалею, что приходится отложить до следующего письма эту тему, с которой, несомненно, и мы с Вами столкнемся в ближайшие годы. Практикант у Осмина ведет себя так, как если бы он был путеводной звездой экспедиции, да и собственная его карьера целиком зависела бы от удачи этой экспедиции, и вообще он — единственное заинтересованное лицо, и вся проблема байкальской нефти впервые ставится на ноги по его личной инициативе. По-моему, этот студент — знаменательная ласточка.

Мы тут говорили о нем. Я высказал мысль, что его горячность — вовсе не от науки, а от земли. Это — крестьянская жадность и крестьянское страшное трудолюбие (буквально — страшное: если представить себе, к чему оно приложено). По всей вероятности, он воображает, что наука была для него завоевана заодно с землей в гражданской войне и ему, как всем безземельным и безграмотным, отрезали по куску того и другого, а потом национализировали и обобществили то и другое и отдали под его руководство. Признайте, что неплохо я сострил!

Из экспедиции он устраивает страду. За неимением трактора он сам работает, как трактор, и пашет, и перепашивает

берега Байкала заступом... Вот такие старательные выраста-ли в кулаков.

И он надеется, по своим трудам, собрать урожай байкаль-ской нефти сам-сто к пролитому поту — и сразу разбогатеть,

Всегда Ваш рыцарь и вассал — Б... Н...

Глава 15

КАКОЕ-ТО НОВОЕ БАЛОВСТВО

Незадолго до наступления обеденного часа Сеня поднял-ся наверх с помощью таскальщика. Над соседним шурфом Ваня баловался веревкой. Безработное ведро откатилось в сторону. Сеня подошел.

— Кто там? — закричал Женя из ямы.

— Крепишь, шахтер? Трудно, говоришь?

— Креплю, хозяин! Понимаешь, стенки вываливаются.

Но — полтора метра есть. И думаю, до обеда хватит. А у тебя?

Женя выскочил из шурфа.

— У меня тоже... три метра.

Сеня лениво подошел к шурфу номер четыре, Ваниному, посмотрел и ушел.

— Три метра — целый колодец выкопал! — сказал Же-ня с упреком.

Ваня бросил веревку.

— Три метра с утра, — отозвался Сеня на ходу. — До-шел до воды. Начинаю новый шурф — номер десять. Седь-мой, восьмой, девятый номера оставляю вам. Отстаете, ра-ботнички!

— Заливаешь.

— Ладно.

Женя догнал его и заглянул с удивлением в похудевшее лицо приятеля:

— В самом деле?.. Зачем жмешь, Сеня?

— Скучно, — сказал Сеня, искусно зевая.

— Не пройти три с креплением, — сказал Ваня.

— Вы правы, уважаемый, первый раз в жизни.

«Он не может сделать столько за целый день, куда ему», — думал Женя.

Сеня остановился у колышка номер десять и выдернул его. Сергей начал копать.

— Что с ним, как ты думаешь? — по-якутски спросил Женя.

Ваня заглянул в шестой шурф, законченный Сеней.

— Ну? — нетерпеливо спросил Женя.

— Без,— ответил Ваня по-русски с удовлетворением.

— Кто бес? — спросил Андрей с интересом.

— Крепления,— кротко ответил Ваня.

— Сеня без крепления работает?.. Ну и завалится,— сказал Женя и сердито добавил, спускаясь в свою ямку: — Все равно Зырянов запретит.

— А Сеня плевал,— неожиданно разговорился Ваня.

Он оглянулся на Зырянова. Начальник в это время поднял голову и опять склонился над тетрадью.

Сеня видел, как оглянулся Зырянов и обратно уткнулся в записную книжку и в костер, вместо того чтобы заорать по-обычному.

Сеня оставил Сергея одного копать десятый шурф, пока можно выбрасывать с лопаты на поверхность, и сам начал четырнадцатый номер, оставляя опять три младших номера для Жени и Вани. Каждый старший номер предстояло копать глубже предыдущего.

Сеня мог бы сейчас взять себе очередные незанятые номера — седьмой и восьмой — и оттеснить отставших товарищей на дальние, более трудные. Это было бы справедливо: раз принято решение двинуть работу до горы, надо работать честно, всерьез и не валять дурака. Начали работать не для начальства — для себя.

Но все равно товарищи были бы разочарованы и слегка обижены и вдруг да и не стали бы тягаться и догонять Сеню, а вовсе заленились бы, что гораздо легче. Сенин авторитет у них тоже не из железа. Черемных правильно, в общем, говорит: «Молодой дружок — вешний ледок: враз подломится».

Сеня копал энергично и с частыми передышками. Отдыхая, он смотрел в сторону лагеря и громогласно разговаривал. Трудно было разглядеть на расстоянии километра, что делала маленькая фигурка в лагере у костра. Однако Сеня обращался именно к ней с речью:

— Вы заперлись в кабинете, Василий Игнатьевич, на строительную площадку ни ногой? Впрочем, я и забыл, что сегодня воскресенье... Приходится за вас обходить шурфы инициативному рабочему, болеющему за производство. Посмотрим, не будет ли больше толку, раз в жизни... — често-

любовно мечтал Сеня. — Вы же не знаете ваши кадры, товарищ Зырянов! Это же золотые самородки.

Начальник не слышал и не смотрел в его сторону.

Черемных ударил в железный лист — к обеду.

Бригадир молча роздал кашу. Бригада быстро поела и после недолгого отдыха в молчании отправилась по шурфам.

Василий наблюдал, не поднимая глаз. Обыкновенно никто не трогался с места, пока не вставал Сеня. Сегодня он валялся у костра, пока все не ушли. Тогда Сеня потянулся лениво, ленивее, чем всегда, и побрел к шурфам. Обошел чужие шурфы — четвертый и пятый, потом пошел к десятому номеру. Невероятно, чтобы он уже закончил свой шестой. И почему к десятому? Почему он пропустил три номера?

Зырянов с жадностью погрузился в изучение собранных образцов и с сожалением оторвался от них, когда цвета минералов стали обманывать в закатном изменяющемся освещении.

— Что такое, Тихон Егорович, разве ты не звонил?

— Звонил, — сказал Черемных с удивлением, — да вот, не идут... организмы.

— Не звони больше. Это какое-то новое баловство.

— Пожалуй, — Тихон Егорович усмехнулся. — Должно было им хватить крепежа до обеда, но — лежит весь... — Он размышлял, разглядывая выросшие отвалы земли у шурфов. — Протчем...

Солнце побагровело и остыло над байкальской холодной водой. Сеня вылез на поверхность. В шурфах стало совсем темно работать.

Василий не взглянул на ребят, но Черемных видел, как они сбросили рубахи и побрели к ручью ленивой развальцей по-настоящему уставших людей.

— Василий Игнатьич, идите чай пить, — позвал Черемных.

Василий обострившимся вечерним слухом услышал разговор у ручья.

— До половины августа нельзя успеть, — сказал один из таскалей.

— Трудно, и только, — пренебрежительно сказал Сеня.

— Что ты знаешь об этом, Ваня? Ты уверен, что нынче так будет?

— Бывает, и стает, — сказал Ваня.

— А стает — и зальет шурфы, — сказал Сеня весело.

Василий выпрямился, встревоженный. Ребята заметили

его и замолчали. Подошли к костру. Сергей запел, ехидно подзадоривая молчаливого бригадира:

Скушно времечко, пройди поскорей,
Прокатайтесь, все наши часы и минуточки...

— Других берут живыми на небо, а мы недостойны даже геенны огненной, — сказал Сеня. — Николай Иванович, дорогой пинеженя из уважаемых Плеханов! Неужели мы расстанемся, так и не поговоривши больше об Индигирке? Расскажите хоть вкратце, как попали туда ваши предки, по прозвищу Плеханы?

Глава 16

НАЧИНАЕТСЯ БЕРЕСТЯНАЯ СКАЗКА

— Дед читал всю долгую зиму. Все собирались русские жильцы, молодые и старые, слушали. Зима кончилась, дед утомился, но Сказку всю вычитал и тогда только помер.

Николай Иванович помолчал, в уме почтив память славного деда. Никто не нарушил его молчания.

— Как дед вычитывал, так и скажу слово в слово.

Начинается истинная Сказка от Первова Тарутина. Брат мой, Второй Тарутин, большой силы человек, одурел было в полону, пять лет в Крыме, и помучен от неприятелей, врагов-басурманов, бежал да сволокся к Москве, и там взят на Патриарший двор под начало, и началили его шесть недель с расспросами. Потом отпущен был и, выйдя, стал поносить всякие власти, как хотел; так поносил, что невозможно не только писанию предать, но и словом изречь невозможно. А Первай Тарутин братовы речи в грамотках списывал и те грамотки роздал худородным детям, научая читать, с присловьем таким: «Кто сие письмо возьмет, и он бы его не таил, сказывал бы своей братии христианам».

Списывал: «Мы-су, худые крестьяне, боярская телесность; они на нашем основании породю добреют и свои хоромины созидают, и нами нажитое пропивают на вине процеженном, на романе и на реньском, и на медах сладких, и изнуряют себя, сердешные, во одеждах мягких.

А от царя милости нам истекают, яко от пучины малая капля, и то с оговором.

Краснословцы нас от царя оттесняют своим вымыслом

и коварством. Царь краснословия их слушает и искренних друзей изгоняет. Сугубо бедные терпят — и от своих, и от чужих!»

Вызавши эти грамотки, власти, яко козлы, стали пырскать на людей читавших и выспрашивать: «Кто-де писал? А он у кого-де перенял высокоумья великое на себя?» И языки рвали, и пальцы отсекали по самую ладонь.

Еще многие на Руси кричали неудобно¹ и наказаны гораздо. А Второва Тарутина, пришед в его дворишко, ухватили и на лошади умчали в Кремль. К самому царю Грозному Ивану притащили.

Царь Иван Васильевич сказал ему: «Ты нынеча, оставя людей, да меня смиряешь? Нутко, ты посмиряй людей своими словами». От такой царской службы Второй Тарутин, от ножа язык во рту спасая, бежал на Двину; языком на Москве людей смутил, вишь. И брата своего, Первого Тарутина, увез, от топора спасая его пальцы, умелые к писанию. И многие прибежали с ними вместе: вольные торговые и промышленные люди, а больше людишка, боярская телесность, кнутом сеченная и по-другому порченная кáтом...

Они спрашивали в усть-Пинеге, есть ли морепроходцы, способные вожи. И в странах незнаемых, государевой крепкой державы подальше бывали ли?

Лев Меншик, спрошенный, ответил: «Я хожу кажное лето, которое льды пропустят, да отцы и предки хаживали, а было таких лет и всех наших походов на памяти сотни две. А мимо Мангазеи и государевой крепкой державы подальше — ходу нет.

Как пойдут мимо завороту, прочь от Тазовской губы и выйдут Обской губой в усть-море — потянет ветер с моря, на них приходит стужа и обмороки великие свету не видят.

А видели, от берегу до сиверу, большого моря всего поперек восстали вечные льды, яко светлые горы, белые стены. На стенах паки воздвиглись высокие стены, а на тех стенах третьи стены, до облак.

И бывает, секутся трещинами три стены сверху донизу и расходятся щелями от облак до самой воды. Через те щели видели, за ледяною троевысокой стеной лежит и покоится синее чистое море. Потом опять горы сходятся и закрываются туманом».

На те слова пенежени отвечали люди сухопутные, льду

¹ Неудобно — для властей: негодно и наперекор властям.

не видали, моря не хлебали: «Мы-де забежим в те щели, еще горы не сойдутся, и бог даст, проскочим в синее чистое море. А с нами ты не убоишься ли?»

Николай Иванович оглядел слушателей, довольный их вниманием.

— Дед всю зиму читал, а я в одночасье не перескажу; про то, как Лев Меншик стражал и пужал беглых людей троевысокими стенами ледяными.

А мужики бесстрашные, страху не выдавшие — на Студеном море не бывавшие, — уговаривали пенеженю не бояться с ними и сулили:

«Ты будешь над нами началовож! А как придем в страну незнаемую, возьмешь у каждого после похода, сколько останется всего барахлишка, и хлеба, и живота¹, и денег — половину места возьмешь. И красоту любую, твоей душе ходатайственную, изберешь и возьмешь по церковному обряду...»

Лев Меншик был молодой, жены не имел. Да и рубахи надобно, да и башмачков нет, да и фerezишков нет, да и деньженец нет.

Зато есть мать хворая, отец старый, братьев и сестер восемь душ, мал мала меньше, — на все рты доставал пищу Лев один, и не хватало.

Мужики здоровы, бабы не плачут, и малые дети при них. А девки смеются и освещают сумрак, яко многие зори над русские земли, упреждая жаркое солнце...

Посмотрел на их живот и запас, у каждого большое место. Хлебного зерна взяли года на четыре и больше, еще семена. Овечек пять-шесть взяли, мясо иссуша. И есть у них копыя с железными концами, луки и стрелы, пищали для огненного боя, свинцу и пороху дивно. И шелепуги², и топоры. А соли мало и сетей не видно у них.

Сказал мужикам: «От Архангельского города поспевают морем в Карскую губу в две недели. Из Карские губы в Мутную реку вверх до волоку ходят пять ден, а волоком идти и кочи таскать версты с полторы. А переволокшися спуститца кочами в Зеленую реку и идти на низ четыре днища... А дальше не знают».

Еще отвечал, что ингод живут пособные ветры, а встречного ветру и льдов не живет — и от Двины ходу с Петрова

¹ Ж и в о т — домашние животные, скотина.

² Ш е л е п у г а (шелеп + пуга) — пастуший длинный кнут, дающий очень громкий, пугающий звук, как выстрел.

заговенья, да к устью Мутные реки приходят на Успеньев день и на Семен день.

А коли-де бог не даст пособных ветров и время опоздает, тогда все кочи ворочаются и бегут в усть-Печору.

От устья Печоры-реки до Пустаозера парусным походом два дни. И в Пустеозери зимуют.

А коли захватит на Мутной или на Зеленой реке позднее время — и на тех реках замерзают, животишка свой и запасы мечут на пуге, сами ходят на лыжах в Березовский уезд, на Оби-реки другую сторону — по-зырянски Обдор.

Лев Меншик спросил мужиков: «Бежать думаете нашей Руси сколь подальше? До вас чтобы государева рука вовек не дотянулась?»

Москвитин Первай Тарутин на те его слова махнул рукой, сказал: «О таком думать не должны. Лет на пятьдесят подальше бы: детей возрастить и до самые смерти своя в тихости дожить бы чают».

Бабы, слушая его, помалкивали, сами думают: на смерть детей не нарожаешься.

Бабы спрашивали его: «Резво ли убежим с тобою в земли незнаемые? С тобою детей доведем ли?»

И Второва Тарутина молодка Евдокеюшка возговорила: «По вся дни опасаяся. И мне так тошно, а еще нынешние печали и вконец меня сокрушили...»

Подумавши, сказали ему: «Ну, ты и веди нас».

Послушав, Лев Меншик велел мужикам соли доставать побольше и призывал своих братьев и сестер. Они строили малые кочи и павозки без железа и плели сети.

— Пойдите, — сказал Сеня. — Что такое кочи и что такое павозки? Почему без железа, если это лодки?

— Так сказывается: без железа. Не знаю, — сказал пенежня.

— Без единого железного гвоздя, — сказал Василий.

— Взял у кого полтрети места хлебного зерна, у кого десятину барахлишка и денег, у каждого по его имению, все отдал матери с отцом, на пять лет питать себя и детей, а там подрастут братья и сестры Левовы. И встал Лев Меншик у стремливых людей началовожем.

Велел Меншик отложить на дорогу из всего места хлебное зерно года на четыре, еще и семена. Овечек пять-шесть каждому взять, мяско иссуша. И копы с железными концами, луки и стрелки, пищали для огненного боя, свинцу и пороху дивно. И шелепуги и топоры. А все другое ненужное

продавать или выменять на соль. Велел соли доставать побольше.

Бабы тогда зашумели, но Меншик, началовож, сказал строго: «Пусти бабу в рай, а она и корову за собой ведет. Возьму одних мужиков, бабы и в раю найдутся...»

Лев Меншик, началовож, повелел кочи делать длиною в сорок шагов. Делать крепко и прочно, чтобы сталось годы не на три, а на шесть. На три годы строили до Мангазеи, туда в доброе лето ходу три месяца.

Лес в них брали добрый, мелкой, и ушивали, и конопатили, и смолили, и скобами конопать убивали крепко, и ковали, чтоб тесом сыспод и сверху не ездило, и во всем делали дельно, чтоб те кочи в морском ходу были надежны. На палубе устроили казенку и стол для трапезы, а повалиться на пол.

На один коч брали десять человек и грузили запасы под палубу по сту четвертей, в четыре пуда четверть, и бочку соли. На палубу четыре лодки и два якоря,— продолжал скзывать Николай Иванович. — Четырьмя кочами спустились, в усть-Двину и рыбу промышляли. Стояли в устье реки, потому что были ветры с моря прижимные. Потом побежали парусом в море, ступили на путь стреминный встреч солнца.

Русским людям все чудно: вправо земля, а влево море, и земли не видят, густой туман. За пасмурью солнца нет, и не красен день, и ночь не пришла. Некрещеной день не кончается! Летом мороз и снежная пурга.

Потом ветром запогоняло текучие горы, на кручах водяных насовало утесы белокаменные, ледяные, смертью грозят. А на них птицы живут и деток своих учат пищу добывать из бури, где вода студеная кипит!

— Работать мы будем завтра? — спросил Тихон Егорович вдруг.

— Да! Надо спать, — сказал Сеня решительно, и с сожалением: — Ах, досада!

Глава 17

«ВЫ ЖЕ НЕ ЗНАЕТЕ ВАШИ КАДРЫ, ТОВАРИЩ ЗЫРЯНОВ!»

Василий, не открывая глаз, прислушался. Сеня будил ребят, приговаривая: «Тихо! Без шума!..» Все это очень неприятно напоминало недавний случай... Василий открыл гла-

за. Это уже чересчур — если они вознамерились всерьез удрать.

Когда-то дома, на Полной, Женя просыпался весь одновременно и мгновенно. Он просыпался даже раньше, чем его будили, стоило чужому человеку или зверю взглянуть на него издали. А теперь он обленился и не желал увидеть первую розовую волну света, победоносно катившуюся по широчайшему небу.

Ваня молча поднялся с правой ноги, лицом к изножью горы, где находился его шурф. Ваня уже не останавливался — он вынес левую ногу, на ходу вырвал из песка лопату и зашагал прямо к шурфу, не сделав ни одного неуверенного движения или в сторону от направления к цели. Между тем он шел покачиваясь и продолжал еще просыпаться.

Никому не хотелось поднимать озябшее тело в неподогретом воздухе. Где-то давно взошло солнце за Хамар-Дабаном, но нескоро перевалит через хребет в байкальское небо.

И никто не остался под бумажным негреющим одеялом — никто, кроме самого начальника, потому что Сеня не ткнул его сапогом.

Василий выполз из палатки... Он замер от гнева. Лесоматериал лежал нетронутый над шурфами, а люди работали на новых номерах! Неужели они бросили незаконченные шурфы — четвертый, пятый, шестой?.. Наверно, пошла крепкая порода или стало мокровато... Василий обругал себя за то, что оставил людей без руководства вчера, быстро оделся. «Но что там происходит?..» — подумал он с тревогой.

Сергей и Андрей безостановочно выбрасывали землю.

— Чаю напейтесь, — сказал Тихон Егорыч. — Пойду приведу их. Без завтрака ушли сегодня.

Он протянул Зырянову какую-то окаменелость и ушел к шурфам.

— Тихон Егорыч! — закричал Василий. — Вернись! Откуда это?

— Из номера шестого. Семен нашел.

— С какой глубины?

— Три метра. Там уже вода.

— Ты веришь Сене! У него три метра?.. Ты бы спустился в его шурф.

— Спускался.

— Так что же ты говоришь ерунду?

— Идите сами, посмотрите.

Василий помолчал. Потом сказал:

— Почему крепеж нетронутый?

— Крепить оставили, — безучастно сказал Черемных. — Нахальства много. Звать, что ли?

Василий, не ответив, побежал к шурфам.

Из колодцев не отзывались ему. Сергей и Андрей тянули ведро за ведром — песок с галькой. Василий покричал над шурфами и запретил работать без крепления.

— Что они, оглохли там?

— Не слышат, — согласился Андрей, — глубоко ушли.

— Бросай ведро! — закричал Василий, вскипев. — Бросай, говорят тебе!

Сергей вытряхнул породу и хладнокровно отправил ведро в шурф.

— Я ничего не знаю. Мне старшой велел. Ему скажите.

— Чего ты не знаешь? — закричал Василий. — Не знаешь, что я начальник?

— Знаю... Прикажите старшому.

Это была школа единоначалия больших строек, не известная Василию. Он с недоумением взглянул на парня и зашагал прочь. Парень широко и покойно улыбнулся в спину ему и негромко сказал в шурф:

— Отшился.

Глава 18

МОЖНО ЛИ ЗАПРЕТИТЬ ДОБРОВОЛЬЦАМ?

Вечером, когда байкальская прохлада прижала всех к костру, Женя обратился к Зырянову:

— Василий Игнатьевич, вы говорили, что нефть высачивается только здесь, в одном месте на Байкале. Почему же мы не пошли сразу сюда, а сначала искали в других местах?

— Очень просто: нам легче обследовать каждый пласт там, где он ближе к поверхности и доступнее. Искать нефть — это сначала выслеживать ее, как охотятся за зверем: по следам. Следы нефти безошибочно ведут опытного разведчика на очень большом расстоянии от залежи, где она скопилась. На Байкале пласты перемещены вулканическими силами. Молодые слои кое-где погрузились на большую глубину, а древние отложения, наоборот, подняты на дневную поверхность.

— Земля вверх дном, — сказал Сеня.

— Да. В удобных местах мы вскрыли третичные и дру-

гие осадочные породы, имеющиеся на Байкале, кроме кембрийских, и ни в одной из них не нашли нефти. Кембрийских слоев мы не видели, потому что они лежат здесь на глубине пяти километров или больше. Они выходят на поверхность очень далеко отсюда.

— Где? — тотчас спросил Ваня.

— У тебя на родине, в Якутии... Якутия после отступлений древнейшего, кембрийского моря оставалась сушей, море не возвращалось. Кембрийские отложения, составляющие на Байкале его самый глубокий поддон, в Якутии освещаются солнцем до наших дней; как говорят геологи — остались на дневной поверхности... Кембрий — это... дно жизни на земле. В кембрии нефти не должно быть, во всяком случае жидкой нефти. Живой нефти, как мы говорим, нефтяники. По крайней мере, так считают ученые, почти все... Во-первых, потому, что в кембрийское время количество живого вещества, способного превратиться в нефть, было еще слишком невелико. Во-вторых, потому, что, если бы даже образовалась нефть в кембрии, она бы высохла за миллиард лет. За это потрясающее время умерла бы даже нефть... Таким образом, нам остается проверить еще раз третичные — наиболее обещающие, богатые органическими остатками жизни, существовавшей в то время. Третичные находятся здесь, вероятно, под завалом...

— А если в третичных и здесь не найдем? — перебил Сеня.

— Тогда... Мы все-таки узнаем точно, где она есть.

— Где? — сразу спросил Ваня.

Василий помедлил — и сказал:

— Тогда — в кембрии. Больше нигде.

— Но там же не может быть!

— Это — по рассуждению. А в натуре — никто не доказал, что ее там нет. Научная теория окончательно доказывается только практикой.

— Василий Игнатьевич, — сказал Женя, — тогда мы поедем в Якутию?

Василий засмеялся:

— Мы уже не успеем нынче, лето кончится. А к сентябрю мне надо в Москву, продолжать учиться.

— Но будущим летом вы приедете в Якутию, если не найдем на Байкале? — настаивал Женя. — Вы же объясняли, что легче вскрыть кембрий в Якутии на поверхности... У нас, на Полной...

— Научная экспедиция в Якутию — это знаешь сколько денег должно стоить?.. А экспедиция на кембрий вообще немыслима — все старики сойдут с ума! Давай лучше найдем байкальскую нефть на Байкале.

— Но если не найдем, вы же говорите, что...

— Отвяжись! — грубо оборвал его Сеня. — Василий Игнатьевич, но как мы пробьем завал?

Василий не сразу ответил.

— Вы слышали про Колумба? Как он открыл Америку.

— Конечно! — сказал Сеня.

— Тогда вы знаете и про колумбово яйцо?

— Где Америка? — спросил Ваня.

— А ты знаешь, Женя? — спросил Василий.

— Мой отец там не был, — с сожалением сказал Женя.

— Но, может быть, дед побывал? — шутливо спросил Василий.

— Он рассказал бы моему отцу, отец — мне.

— Америку открыл человек, понявший, что земля шаровидна. Он поплыл через океан и наткнулся на материк.

— Это был настоящий охотник! — с восхищением сказал Женя. — Он чувствовал дорогу на воде, как охотник в тайге!

— Князя захотели посмеяться над Колумбом, — продолжал Зырянов, — и стали говорить во время обеда у короля Испании, что Колумб сделал нехитрое дело. Всякому будто бы нетрудно было догадаться и открыть Америку. Колумб рассердился, схватил яйцо с блюда и сказал: «Просто ли поставить яйцо? Попробуйте!» Князя стали пробовать на тарелке и так и этак, но не сумели. А вы бы сумели?

— Нет, — сказал Ваня, подумав.

— Колумб рассмеялся и спокойно пристукнул яйцо на тарелке. Оно встало.

— Так-то всякий может! — закричал Женя.

— «Конечно, всякий может это повторить за мной теперь, — возразил князьям Колумб, — но почему-то вы не догадались, пока я не посмел».

— Я бы догадался, — сказал Женя.

— Тебе еще не поздно догадаться, как мы пройдем под завал, — сказал Василий.

Женя ответил нехотя:

— Не знаю.

— Кто-нибудь посоветует ему?

Все молчали.

— Мы не будем пробивать завал, а пройдем под ним — туннелем, — сказал Зырянов.

Ребята молчали, Андрей и Ваня, может быть, не поняли, Сергей все сообразил и помалкивал по обыкновению. Женя из воспитанной осторожности выжидал, что еще скажут старшие о таком необычайном замысле. У Сени вырвалось восхищение:

— Вот это да!

— Подземным ходом без крепления не пройти, — сказал Черемных.

— Конечно, — сказал Зырянов. — Но и в шурфах это недопустимо. Товарищи! Каждый имеет право рисковать собой, но не другими, поймите. Я не имею права рисковать вами, а вы — мной. Вы согласны с этим?

— Правильно, конечно, — сказал Сеня.

— Однако, рискуя собой в шурфах, вы рискуете и мной — без моего согласия. Если несчастье случится, вы поведете меня.

— Это наше решение, вы — в стороне. Вас не касается, — сказал Сеня. — Мы смело приняли решение!

— Решение ваше, — Василий усмехнулся, — но ответственность моя. Вы работаете не самостоятельно, а под моим руководством. Поэтому вы не можете принимать решение без моего согласия. Я плачу вам зарплату от имени государства. А государство не разрешило мне платить вам деньги за то, чтобы вы рисковали жизнью. У нас не Америка... Когда это бывает нужно, как на войне, государство требует от нас и заставляет рисковать и не платит за это деньги.

— Но бывают же добровольцы? — сказал Сергей.

— Добровольцы... идут не за деньги.

— Ладно, Василий Игнатьевич. Мы поняли. Но если крепить, мы не пройдем до середины августа. Вы согласны?

— Пройдем под завалом в конце сентября. А куда вы спешите в середине августа?..

— Мы не спешим... Но если в августе вдруг снег?

— Кто это вам сказал? Ты, Тихон Егорович?

— Сам от них слышу. Однако — допустимо, прочтем...

Случалось...

— Ты считаешь, это возможно?.. Большие снега бывали в августе?

— Хватало по колена.

— Черт побери! Но это, наверно, редкое явление?

— Не часто. А помнить надо.

Зырянов замолчал.

— Объявляется перерыв для размышления? — насмешливо спросил Сеня и тут же скомандовал: — Удалимся на совещание, добровольцы, не будем мешать размышлениям руководства!

Добровольцы удалились в темноту. Черемных сдержанно запел:

Скушно времечко, пройди поскорей,
Прокатайтесь, все наши часы и минуты...

Ребята в темноте заплодировали и вернулись.

— Про все их мученья, как они шесть лет плавали, рассказывать как раз до снега хватит. Шестым летом Лев Меншик спрашивал своих мужиков и баб...

— Сказывает?..—воскликнул Сеня негромко.— Василий Игнатьевич! Дайте бумажку, тетрадочку! И карандаш!..

Николай Иванович рассказывал важным, неторопливым говором. Голосом бесстрастным произносил слова боли самого летописца и слова страдания за людей. И голос, и говор, и язык, и лик Николая Ивановича, и наряд внушали впечатление, что и сам он очевидец сказанных дел и житий.

— Как пошли с кочей — и льды заходили! Кочи доламывает и запасы разносит.

Люди на нартах и веревками друг друга переволачивали, и со льдины на льдину перепихивались, и корм и одежду дорогою на лед метали.

— Промахнулся Лев, — сказал Сеня, — надеялся получить половину, а они всё покидали на лед.

— За шесть лет мало чего осталось покидать, — сказал Меншик. — Все изветшало, запасы и живот приели. И красота замерзла, обветрилась и просолилась, оцинжала, тяжкими трудами пообдержалась. Да и знал началовож — не зарился наперед.

— Зачем же пошел с ними?

— И о том написал Тарутин Первай в Сказке: «Забота о мире велика — но свой малый домишко заботнее, и нужнее, и тяжче». Лев Меншик о мире принял заботу и от мира себе и дому своему получил славную долю места и вечную благодарность.

— Молодец началовож! — вскричал Зырянов.

— Мужики всегда хитрые, с расчетом, — сказал Сеня.

Потомок началовожа продолжал рассказывать... А когда замолчал, то и все молчали.

— Пращурам пришлось, — сказал Тихон Егорович, — а мы недовольствуем.

— Да, были люди в их время, — сказал Сеня. — Богатыри — не мы.

— Почему же не мы? — сказал Василий. — То, что они сделали, для нас нетрудно.

— В том-то и дело, что нетрудно. А вы смогли бы, Василий Игнатьевич, проплыть в лодке Ледовитым морем до Индигирки?..

— В одно лето я бы не взялся, а за шесть лет... Как ты считаешь, Тихон Егорович? Трудно, и только.

— Трудно, и только? — с удивлением, с иронией спросил Сеня и, помолчав, сказал: — По-моему, одно лето выдержать еще можно.

— Значит, для тебя важно трудиться и терпеть недолго, а для меня — чтобы посильно, — сказал Тихон Егорович.

— А для меня, — сказал Василий, — чтобы задача имела важность для народа.

— Зачем говорить! — сказал Тихон Егорович. — Столько терпеть не приходилось. Не дай бог.

— Колумб роскошно путешествовал, в культурных условиях, в теплом климате, — сказал Сеня с обидой. — Как вы не цените людей, Василий Игнатьевич! Они посмели на жалких лодках пройти страшный северный путь, на котором погибло столько мощных кораблей после них! Держава за ними шла сто лет сушей, пока царские руки дотянулись. Эх, посмотреть бы на этих людей.

— Смотри, — сказал Василий, указав на Николая Ивановича.

— Василий Игнатьевич, а у вас есть такое сильное стремление?

— Есть у меня стремление найти байкальскую нефть.

Николай Иванович прислушивался с большим вниманием.

— Смола-нефть эта для чего тебе?

— Я уже объяснял... — начал Василий.

Сеня воскликнул:

— Для того, чтобы ваш допотопный уклад на Индигирке сдать в музей!

— Так, — сказал Николай Иванович очень серьезно. — И для того копаешь ход в геенну, чтобы достать смолы адской...

— Куда? — спросил Ваня.

— В подземное царство, — пояснил Черемных и усмехнулся.

Сеня захохотал.

— Спать, спать, — сказал Тихон Егорович.

— Стой, — сказал Сеня. — Василий Игнатьевич, какое решение руководства?.. Значит — бросать все дело?

— Упущенное время не вернуть, а рисковать жизнью людей я не могу.

— А мы, Василий Игнатьевич, смело приняли решение, дерзко и без колебаний проведем в жизнь. И вас призываем присоединиться к нам! — воскликнул Сеня с торжеством.

Василий усмехнулся:

— Позвольте узнать ваше решение?

— Зачитываю устную резолюцию общего собрания: ввиду прекращения работ экспедиции продолжать работать самостоятельно и за свой счет, то есть без зарплаты, и открыть тайну Байкала к середине августа! Принято единогласными аплодисментами.

— Замечательно! — сказал Зырянов. — Но как это вы откроете тайну Байкала самостоятельно?

— Обыкновенно — как всегда. Неужели мы с вами да не откроем, Василий Игнатьевич!

— Неужели без зарплаты нельзя ее открыть? — воскликнул Женя.

— Значит, вы хотите, чтобы я тоже отказался от зарплаты? — спросил Василий, стараясь соблюсти серьезность, но внутри у него каждая жилочка смеялась и плясала от радости.

— Зачем же? Если вы не полезете в незакрепленные шурфы, вы можете получить зарплату от государства.

— Ловко! Тихон Егорович, работы временно прекращаются, до середины августа. Бригаду рассчитать по сегодняшней день. Меня также считать уволенным. Вы, Тихон Егорович, остаетесь на месте и продолжаете получать зарплату впредь до возобновления работ или до... Товарищи, я принимаю приглашение, и мы продолжаем разведку на свой риск, как любители и частные лица, а не государственные рабочие.

— Аплодисменты! — закричал Женя.

— Допустимо, протчем, — сказал Черемных. — Однако не дай бог, несчастье, Василий Игнатьевич, то вам скажут: вы это потом измыслили, что люди были якобы уволенные. Хитрость.

— Тихон Егорович! — вскричал Василий. — Я готов рисковать жизнью не один раз для обороны нашего государства, а сибирская нефть необходима для обороны! И другие товарищи имеют такое же право рисковать собой! За социализм, поймите! Сейчас они свободные люди и не подчиняются мне... Я исполнил свой долг как начальник, а теперь мы все исполним свое стремление как большевики!

Сильно и неожиданно польщенные ребята молчали, обрадованные до смущения.

— Допустимо, но кто поверит...— начал Черемных.

Сергей перебил:

— Мы все свидетели. Должны поверить.

Тихон Егорович, может быть, и не очень поверил этим свидетелям в том, что они не переменят свое слово, но не стал высказывать и спросил о другом:

— Однако, если бог даст, будем живы, куда денется зарплата?

— Оплатим фактически произведенную работу.

И все засмеялись дерзко и без колебаний.

Глава 19

«УЖ Я ВСЕ ВАШЕ ЦАРСТВО ГОЛОВНЕЙ ПОКАЧУ!»

Лагерь отодвигался от берега к горе и вместе с шурфами остановился над входом в туннель.

Из последнего, самого глубокого шурфа у лесного завала стали пробиваться в третичные слои туннелем.

Зырянов ползал во тьме подземелья и набивал карманы комочками и кусочками породы в бумажках, освещая стенки туннеля жалким фитильком «летучей мыши». Со свода отрывались и глухо падали комья породы. В разных местах Василий брал образцы и торопился к дневному свету сделать простейший анализ, бензольную вытяжку.

Прозрачная жидкость, извлекаемая из нефти, бензол, обладает способностью выуживать самые незаметные количества любого вещества, родственного нефти (поэтому бензол употребляется для выводки жировых пятен). Стоит взмешать щепотку породы в бензоле — и светлая, как вода, жидкость зажелтеет или даже закоричневает и выдаст секрет, интересующий Сибирь и всю Россию.

Вот он ходит во тьме подземелья, но его тянет на поверхность. Не выскочить ли, посмотреть как следует номер один?.. Досадно и неумно длить поиски под землей, а в это время носить искомое в своем кармане, быть может?

Десятки раз в день он опускал руку в карман за тайной Байкала.

Выскочив из шурфа, Зырянов от нетерпения не присаживался. Стоя, но не позабыв отойти от края колодца, он разминал, растирал в пальцах пробу минерала, всыпал в пробирку, поспешно заливал бензолом, встряхивал и жадно смотрел на свет, не дожидаясь осаждения мути; огорчался, чиркал спичкой — подогревал пробирку и смотрел надеясь... Десятки анализов в карманной лаборатории ежедневно, день за днем. И уже пройдены третичные породы, которых здесь нетолсто... Бензол остался чистым.

Была середина августа, шестнадцатое число.

Туннель подошел к подножию хребта и уперся в изверженные породы.

Задолго до обеденного часа рабочие вышли на поверхность и легли на песке, а Василий бросился в туннель.

«Ну, еще десять проб возьму. Возьму только еще десять последних анализов — и конец. Выкину пробирки, чтобы не тянуло. Вот — десять образцов».

Он уверен был, что они лишние. Но количество фактов — это качество в науке...

Проходка была закончена. Все собрались на поверхности, в молчании следили за пробиркой. Сеня держал наготове спичку, палил, зажигал другую. Зырянов сливал светлый, прозрачный бензол во вторую, чистую пробирку выбирал новый образец. Ваня мыл пробирку. Женя толк и растирал кусочек породы охотничьим ножом на геологическом молотке и подавал Василию Игнатьевичу порошок. Зырянов ссыпал в пробирку, взбалтывал, поднимал против неба, — все напряженно смотрели на пробирку... Девятая проба. Василий взглянул на оставшийся кусочек минерала — и выкинул загрязненную пробирку в шурф. Ваня обтер руки. Женя тщательно измолот последний образец. Сеня держал спичку у коробки.

Бензол, спичка, вторая спичка, взболтали. Оседают песок на дно пробирки, оседают мусть, бензол осветляется. Зырянов бросил последнюю пробирку в шурф вместе с образцом, вместе с бензолом.

Его било возбуждение. Он обвел взглядом товарищей:

— Нефти окончательно нет в третичных!

Он с вызовом смотрел. За измазанными, в поту, озабоченными лицами товарищей уже виделась ему чисто вымытые, враждебно-спокойные лица Порожина, Небеля. И рядом — крохотная бородка и спокойно-внимательные глаза Осмина.

— Понятно! — крикнул Сеня. — Значит, нефть на самом дне, в кембрии! Тайна Байкала раскрыта!

— Но это еще надо проверить в самом кембрии, на Полной, — сказал Женя.

— Сколько еще метров копать? — спросил Черемных.

— Может быть, пять тысяч. Это принципиально безразлично, — небрежно сказал Зырянов и увидел откровенно разочарованные прозрачные глаза Андрея и Сергея, глаза потемнее, но тоже юношески открытые в досаде — Жени и Вани. — Может быть, всего три тысячи, — сказал Зырянов успокоительно.

Черемных молчал.

— Выкопаем, — сухо сказал Ваня.

— Большевики до дна докопаются! — вскричал Женя и засмеялся от удовольствия.

— Вверх дном поставим, — заверил Сеня.

Зырянов с внезапным интересом взглянул на Сеню.

— Тогда сегодня день отдыха, — сказал Сергей.

— Вверх дном... — сказал Зырянов, как бы про себя. — Это блестящая мысль!

— А мне думается, протчем, — сказал Черемных, — дешевле и скорее поехать на Полную реку.

— Согласен с вами, Тихон Егорович. Это же самое предлагает и Сеня.

Все были довольны друг другом. Они испытали чувство настоящего отдыха, оттого что работа сделана была успешно и товарищи почувствовали себя друзьями.

Весь день они веселились, как мальчишки, сбжавшие от дядьки-бригадира, и пели воинственные песни.

Уж я всю вашу темницу
По бревну раскачу!
Уж я все ваше царство
Головной покачу!
Головной покачу,
Самого я императора
В плен возьму!

Мальчишки чувствовали себя победителями самого Байкала.

И Байкал померк под надвинувшейся с северо-востока тучей.

И даже дядька-бригадир, серьезный Тихон Егорович, покинутый в лагерном хозяйстве, разгорячился и спел два раза в своем стариковском одиночестве в бодром басовом ключе:

Скушно времечко, пройди поскорей!..
Прокатайтесь, все наши часы и минуты!
Ох, да все наши минуточки..
Да под окошком бедна сидит девчоночка.
Покрушись-ка, моя раздевчоночка,
О молоденьких-то летах!..

Черемных спел всю песню до конца, подумал, усмехаясь, и завел сначала.

Купались и мылись в холодной воде у самого берега, потом обошли оползневый завал и гуляли в лесу под южным, более мягким склоном распадка, пока голод и холодные сумерки не выгнали из леса и прогнали к ведру с горячей кашей и ласковому, домашнему костру под необычайно черным, очугуневшим небом.

— Сеня, ты не уснул? Сеня! — заговорил Василий.

И услышал:

— Нет.

— Зачем ты унес мои книги тогда?..

Сеня не ответил.

Если бы не Сеня, не удалось бы проникнуть под завал и пробить третичные, раздумывал Василий, лежа в палатке. Сеня почти надорвался на проходке туннеля. Он все время вел бригаду, не давая наступить себе на пятки, и вогнал всех в страшный азарт. Все ведь считали себя сильнее его...

Для чего это ему надо было?

Не отвечает на вопрос...

Идея всенародной пользы не повлияла на него, нет! Честолобивая мысль в таком деле не увлекла его. И труд горячий, вдохновенный не пожег бессовестные привычки?.. Не породил новое уважение к себе?.. Ведь вот — не отвечает на пустяковый вопрос. Для него это — не пустяковый вопрос.

И Василий с сожалением окончательно отрекся от Сениной души.

— А теперь — спать! — пробормотал себе и, уже засыпая: — А его мысль «вверх дном» — то самое...

Сене очень трудно было ответить на вопрос Зырянова, но душа вся взвилась в отчаянном желании: сказать себя,

всю свою правду!.. А в каких словах выразить себя? Сознал ли Сеня свою правду, имел ли слова для нее верные?.. Ему жизненно необходимо было самому услышать их от более опытного человека, чтобы решить, зачем живешь, и узнать свое решение.

Сеня боролся с гордостью один на один и победил, чтобы ответить Василию Игнатьевичу с мужеством большого уважения.

Он услышал бормотание Зырянова и поспешно, тихо позвал, волнуясь:

— Василий Игнатьевич!..

Но ответа не получил. Зырянов умел засыпать мгновенно.

Василий продрог под холодной тяжестью и понял, что его завалило снегом. Тогда он рывком проснулся — сразу напрягся, мгновенно вспомнив, что он не в лодке на Выми, не зимой 1919 года, а летом 1932, в палатке на Байкале. Но палатка лежала на нем, придавленная тяжелым холодом, и ноги, когда он проснулся, воткнулись в снег.

Василий поднялся, опрокидывая в сторону сугроб вместе с палаткой.

Глава 20

ХЛЫНУЛО БОЛЬШОЕ СЧАСТЬЕ

Небо открылось хмурое, рассвет был одноцветный на небе и на земле. Железный Байкал лежал возле белой земли. Снег накрыл летнюю теплую землю. Он упал на нее сразу всей массой и похоронил берег и лес на крутизне горы.

Выемка и вход в туннель едва обозначивались вмятиной в снегу. Большой белый курган с мягкими очертаниями напоминал смутно формы шалаша, стоявшего на этом месте еще несколько часов назад, вечером. Курган чудесно пошатнулся и с приглушенными воплями изумления и ярости начал оседать и отряхиваться, перестраиваясь. Обнажилась темно-зеленая хвоя, почти черная. Глубки снега с черными живыми глазами зашевелились и неуклюже запрыгали, и страшно над ними, и сказочно зазвучали в воздухе человеческие голоса.

Резко покрыл голоса панический крик Черемных:

— Скорей, Василигнатич! Спасаться надо на хребет!

Василий стремительно засунул палатку в рюкзак, шагнул, провалился по пояс и окончательно вымок.

— Давай на завал! — крикнул он.

Ребята быстро собирали свои мешки.

— Нельзя на завал! На гору спасайся, на гору!.. Лопаты, кирки не забудьте! — кричал бригадир.

Но спасти государственное имущество они вовсе не были приучены. Сеня кинулся к канаве выкапывать из-под снега инструмент.

Снег на прогретой летней земле хватал за ноги, невозможно было бежать. Бригадир умоляюще кричал:

— Не отставай, Сеня, миленький!..

Поднималось где-то за тучами августовское солнце, выбеливая и пропаривая пятнами тяжелую летящую кровлю. Тихон Егорович прислушивался к гулу, нараставшему в горах.

— Серёня, топчи, ради нас!..

За Сергеем шел Зырянов с трехпудовым грузом книг в рюкзаке. Пот залил ему глаза. Василий сосчитал шестерых за собой. Крикнул:

— Егорыч, замыкай!..

А Черемных шел последним.

Они спешили обойти белую баррикаду, скрывшую оползневый завал. Ноги под снегом были уже в воде.

Все еще далекий лес на горе шумел весело, как весной. Набрякший снег навис на ветвях целыми грудями рваного и мокрого белья. По крутому склону забулькали невидимые бесчисленные ручейки. Шум увеличивался с каждой минутой, производимый целой стаей летящих поездов — с киноэкрана прямо на Женю. Женя хотел напомнить Ване ту кинокартину, виденную на Кузнецкстрое, но оглянуться на дружка было уже слишком трудно. Гул наполнил тело Жени ошеломляющей тревогой, гул входил не только в уши, но и в ноги.

А Ване думалось, что кто-то ехал или скакал в ущельях, большой шаман, тяжелый, как утес. Прыжки его жеребца расшатали всю каменную постройку Хамар-Дабана. Горы трепетали, и вся земля ускоряющейся дрожью сотрясала нервы людей и просто вытряхивала самообладание из самых храбрых. И вот он — скачущий водяной утес — вынесся из ущелья, и с громовым звоном прыгнул с водопадного крыльца, и волшебным образом остался стоять, висеть, высокий и светлый, — оборотень-шаман! — дрожь в полосатой расселине между гор, и продолжал кругло рушиться, не срываясь.

Ваня в оцепенении глядел на утес.

Возможно, он представлялся ему более высоким, чем был на самом деле.

Осталось два или три десятка шагов до леса и горы, но вода поднималась.

Женя потащил Ваню за руку. Беглецы были уже по щиколотку в воде.

Ваня с вызовом оглянулся. Снег по всему берегу исчез — утонул, и берега не стало. Ваня остановился, пропустил Сеню и Черемных вперед, сам побрел позади. Байкал догнал его и толкнул в ноги с кошачьей игривостью.

— Бросайте инструмент! — крикнул Зырянов.

Но инструмента ни у кого уже не было.

Они прильнули на скользком склоне, вытянув ноги из воды. Никто не имел силы выбраться повыше. Черемных кричал:

— Выше! Выше... Выше завала!..

Ваня радостно проговорил прерывающимся голосом:

— Все могли пропасть из-за меня!

Он встал, поднялся, скользя и шатаясь на крутом скате, и обнял сосну, чтобы не сорваться в воду.

Он повернулся спиной к железному Байкалу, лицом к мокрой горе, ко всей каменной толще Хамар-Дабана, который не мог закрыть от его внутреннего взора широкую, прекрасную жизнь на севере, в непролазной тайге между Эржеем и рекой Полной.

Он запел, сужая горло, напрягая голосовые связки. И все услышали нечеловеческий голос, горловое пение, которым пел человек много десятков тысяч лет назад, подражая зверю или сам еще зверь.

За всех товарищей он пел. И все подняли голову, и увидели, что Ваня поет, и стали слушать его песню спасения и торжества его жизни. Слова якутские понимал Женя, но радость песни общеязыкая у всех.

Ну-у!..

Во-от!..

Нарядный мех!

Семишовный узорчатый мех!

Глубокий наполненный кумысный мех!..

Девушки ловят молодых кобылиц

И с брызгами, журчаньем доят кобылиц!

И ведрами вносят молоко кобылиц.

И готовят шипучий кумыс!

Изобилие!..

Хлынуло большое счастье,
 Ах, друзья! — широкое раздолье,
 Радостная пора в сорок обхватов...

Не зима!..

Собирается большой остров лиственниц —
 мой родной народ!
 Вокруг нас собираются рощи лиственниц —
 наши соседи!
 Мы — тайга!

С островом лиственниц буду есть!
 С рощами лиственниц угостимся!
 Праздничными словами повеселимся!
 Скажем друг другу драгоценные слова!
 Порадуем друг друга лучшими словами,
 самыми новыми словами!
 В неубывающей проруби черпнем кумыс!
 Ликую, радуясь друг другу!
 Заветные мои друзья!
 Уютные дома постройте!
 Медную коновязь вколотите!
 Конного накормите!
 Пешего положите!
 Озябшего обогрейте!
 Будьте родоначальниками людей!
 Неумирающие, вечные!
 Нестареющего возраста будьте!
Живите!..

Заветные мои друзья!
 Сказавши вешние слова,
расстанемся!

Довольно жесткий удар по пяткам заставил Ваню закончить песню неожиданным возгласом и оглянуться на волну: «Ты опять!»

На этот раз Байкал напал с опасным оружием: он поднял завалы леса и бил таранными стволами по откосу горы. Товарищи уползали от нападающего моря, помогая друг другу карабкаться, и Женя пробирался к Ване, рискуя сорваться в воду, под удар прыгающих деревьев.

Эти страшные плавающие тараны хорошо знакомы были Зырянову. Опытным воображением плотовщика он пробежал по штурмующему морю за тяжкий, обвальный горизонт насунувшегося неба, до искусственных карнизов южного побережья, и там увидел беззащитные откосы и мосты железной дороги под неотразимыми, бессчетными ударами всплывших лесных завалов...

Триста тридцать шесть рек и речек вокруг Байкала сливали в него бешеную воду с Хамар-Дабана, и Прибайкальского хребта, и Саян, и Танну-Ола, и Алтая и собирали воду

с Бурят-Монголии и Монголии — за тысячу километров, — а выход из Байкала был один: в Ангару, и сегодня к ней катились новые взгромоздившиеся волны во всю ширину моря и громили юго-западное побережье.

И, наверно, все, кто сегодня окажется поблизости от участка прорыва прибайкальской железной дороги, мгновенно будут мобилизованы...

И на скользкой крутизне Хамар-Дабана, цепляясь за стебли трав, поднялся во весь рост комсомолец двадцатых годов, обязательный добровольный участник всех мобилизаций, где бы они его ни заставляли. Он, как пожарный на дымок, не ожидая вызова, вскакивал и мчался туда, где дрались, где слышен шум аврала, — и там он торопился всех опередить.

Лощманским, резковатым голосом Зырянов закричал:

— Товарищи!.. Нельзя терять ни одной минуты!.. Байкал разбивает железную дорогу!.. Туда!

Глава 21

«СКАЗАВШИ ВЕЩИЕ СЛОВА, РАССТАНЕМСЯ...»

Бригада Зырянова со всеми вместе защищала юго-западный берег в головокружительной борьбе с Байкалом и восстанавливала насыпи, откосы и пути отчаянной работой в течение месяца.

Очень усталые и очень довольные, гордые, они подошли к ближайшей станции и сели ждать первых поездов с хозяйским чувством удовлетворения и заботы, потому что эта дорога уже стала своей.

Все уселись на своих мешках, кроме Вани. Он сразу нашел интересное для себя объявление на стене — от иркутской школы трактористов: «...Ученики обеспечиваются полным содержанием и питанием бесплатно».

«Зырянов и будущим летом подыщет себе гиблое местечко, вроде Байкала», — подумал Сеня и равнодушно отвернулся, освобождая себя от беспричинной привязанности к Зырянову.

Со скучающим видом слонялся, заглядывая во все помещения станции из беспокойного любопытства и еще потому, что заметил Николая Ивановича в толпе заждавшихся пассажиров.

Или ему показалось, что это Николай Иванович прошел с какой-то занятой фигурой невысокого роста, почти бочкообразной в груди.

На станции скопился народ за весь месяц.

В станционном зале, во внутренней стене, были проделаны дыры в виде крошечных окошечек-форточек на уровне Сениного живота — но на уровне лица человека, сидящего за ними.

Написал над форточкой короткое, но обидное письмо бюрократу и с ожесточением подумал: «Женя ведь мог попросить у Зырянова московский адрес».

За форточкой рокотал могучий бас. На полу, под стеной, сидели люди привалясь. Двое или трое прислушивались к любопытному разговору за форточкой. Бас к тому же пытался говорить шепотом, и это тем более привлекало внимание.

Сенины мысли заняты были более важным предметом.

Он мечтал о том, чтобы Зырянов опять испытал не меньшие затруднения на своей гиблой практике будущим летом, а тогда явится выручать, конечно в последний момент, Сенина бригада Верных в полном составе, — как на Байкале чудесно выручили его научную загадку... Расшатанные Организмы!

— Нефтяную смолу, сказал, отыщем и допотопный ваш уклад, грозитя, сдадим в некий музей, — урчал за форточкой, отвечая басу, другой голос, но тоже низкий и сильный.

И вдруг подумал с внезапно обострившимся слухом: «А ведь это Николай Иванович!»

— Музей — это кумирня, поганище музаверов — безбожников и злодеев. Разумейте! — рокотнул первый бас. — Иного времени такого долго ждать: само царство небесное валится в рот.

Зданию станции задрожало от этих слов. Сеня восхитился:

— Ну и голосок!

И другие пассажиры одобрили:

— Как из барабана!

Сеня подписал письмо на стене. Он презирал анонимщиков. Весной можно было бы запросить Зырянова, куда он поедет, где будет его гиблая практика будущим летом. Как узнать его московский адрес? Вот вопрос.

— Бог знат, — хрипло пророкотал ответ за форточкой.

— Тебе известно, что бог закрестил сатане все выходы из геенны? — строго спросил тихий барабанный голос.

«Опечтал крестами подземное царство», — Сеня представил себе освобожденного, растроганного, благодарного и пристыженного сатану... К черту сатану. Сеню гораздо более интересовал Зырянов, растроганный, благодарный и опять пристыженный...

«Ребята, вы меня выручили опять из безвыходного положения!»

— Нам известно, — сказал Николай Иванович за форточкой.

— Человечьи руки музаверов выкопают ход незакрещенный, — мрачно рычал пророк.

«Музаверы, мне стыдно перед вами, я вас не понял на Байкале... Забудем, Василий Игнатьевич!..»

— Сатана выйдет в Мир и осмолит нас!..

«Ребята, теперь я вижу: без вашей помощи не будет сибирской нефти».

— Стало видней тебе?

— Вижу, Русскому жилу конец, батя! — прохрипел Николай Иванович (определенно это был он). — Сей Зырянин с Тарутиным, окаянным внучонком, ино другие с ними будут на Индигирке, яко в геенне, котлы с нефтью ставить и в той гееннской смоле нас, грешных, варить по указу государей Михаила и отца его Филарета; как Ивашко Ребров сказывал Аникею Тарутину: злыми смертями надлежит ворама-де, пришедшим заповедною окианскою дорогою...

«Что они выдумывают? — удивился Сеня. — Когда и где они успели надрызгаться?»

Он еще продолжал прислушиваться к своей мечте... «Но бригада Верных со мной, — скажет счастливый Зырянов, — и мы добудем сибирскую нефть!»

И вдруг последние слова Сениного мечтания связались с пьяным бредом за оконцем и осмыслили его.

— Кто этому делу помешает, предстанет богу живой! — шепнул батя, вызывая ощущение подземного раската. — Как Аникеюшко, сын Тарутина, спас от государева указа Русское жило, тому исполнится в послеплещем лете триста лет. А ныне тебе дается!

«Ого! Кто-то из моих предков даже спас Русское жило!.. А в самом деле, вдруг у меня там знатная родня?.. Становится интересно. Сбегать посмотреть?.. — насмешливо думал. — Кого Николай Иванович величает батей?.. Найти за-

одно берестяной кусочек истории России... А ведь батя научает Николая Ивановича вредительству, как пить дать! Посмотреть на него...»

— ...по наитию великие отвоз дары-дани Москве, а не буду данником... Буду мечом Иисусовым! — Батя ворчал-рычал, и тут Сеня чрезвычайно заинтересовался.

Попытался сунуть голову в окошечко с опасностью для ушей. Его заметили, разговор прекратился, и собеседники исчезли.

Сеня стряхнул мечты. Василий Игнатьевич хотел сделать главное: он доказал, что есть нефть. А достанут без него. Он же сам сказал. Он показал, где достать. Доставать сибирскую нефть надо сибирским ребятам.

Ребята стояли на перроне. Сеня быстро заглядывал во все углы и толпы людей. Николая Ивановича и его бати не видно было. Зырянов разговаривал с Ваней.

— Василий Игнатьевич, вам приходилось встречать вредителей? — спросил Сеня.

— Что это ты заинтересовался вредителями? Не встречал. Шпионов встретил двоих, в прошлом году. Они охраняли русскую нефть от русских.

Ваня внимательно расспросил о подробностях. Сеня молчал, потом спросил:

— Теперь вы прямо в Москву?

— Нет. Сначала в Танхое обсудят результаты разведки.

— Трест?

— Трест и профессора, ученые-геологи.

— А что они решат?

— Бурить скважину на кембрий! — сказал Зырянов.

— Незакрещенный ход в преисподнюю, — весело сказал

Сеня.

— Почти что в преисподнюю, — сказал Зырянов смеясь.

— Так говорить грех, — сказал Андрей.

— А зимой учиться будете? — спросил Женя.

— Да.

— Весной опять приедете на Байкал?

— На этот вопрос не отвечу. Здесь, на Байкале, я считаю, задача решена в научном плане, — сказал Василий с обычной для него самоуверенностью и убежденностью (впрочем, так авторитетно высказываются второкурсники во всем мире). — Может, представится более интересная практика.

— Сказавши вещие слова, расстанемся, — мрачно сказал Сеня.

— Василий Игнатьевич!— воскликнул Женя.— Мы же не добыли нефти!

— Мы добыли указание, где ее найти, а это главное. Загадку байкальской нефти я разгадал: нефть содержится здесь в самых древних осадочных породах — кембрийских.

— В таком случае здесь для нас слишком пресно,— сказал Сеня.— Мы заглянем на восток, на соленое море. Дашь Великий или Тихий, на худой конец...

— Нет,— поправил Ваня кратко и точно: — Иркутск.

— Зачем? — с живостью спросил Женя.

— Мы не знаем, что такое Иркутск, но ваша бабушка, которая живет на Эржеее, родила нам двойню,— тотчас пояснил Сеня.

— Зачем это понадобилось твоей бабушке? — свирепо спросил Женя.

— Школа трактористов,— ответил Ваня.

— Я не хочу быть трактористом! — закричал Женя.— Я поеду на Полную!

— Послушай, Ваня,— сказал Василий,— у меня к тебе остался вопрос... Когда мы на Байкале вылезли благополучно в гору, ты заговорил, как все люди...

— Раз в жизни,— отметил Сеня.

— Ты заявил, что все могли пропасть из-за тебя!.. Что это значит? Объясни.

— Шаман...— сказал Ваня.

— Ну?

Ваня пожал плечами, как человек, которому нечего прибавить к сказанному ясно и исчерпывающе.

— Убить хотел Ваню! — воскликнул Женя.

— Шаман устроил снег и наводнение, чтобы смыть с лица земли Ваню? — шуточно сказал Зырянов.— Шаман этот силен!

— Очень сильный! — подтвердил Женя.— У него секрет!

— Школу одобряю,— сказал Зырянов.— Тракторист сильнее шамана. А какой все-таки секрет был у твоего шамана?

Ваня сказал несколько слов по-якутски.

— Ваня хочет, чтобы я рассказал вам секрет,— сказал Женя.

— Родовая месть,— сказал Сеня насмешливо.

— У них существует еще родовая месть?

— Мы идем войной на весь род обидчика,— сказал Же-

ня очень гордо.— Враг испугается, как только увидит наши лица — очень страшные лица! За одного нашего мужчину четырех женщин отберем. Посчитаем наши раны — отсчитаем столько девок!

— Нам говорил профессор, что уже двести лет не существует этой дикости. Ты опять не врешь ли, Джаз?

— Вру,— легко и даже с удовольствием согласился Женья.

— Запел про своих богатырей,— сказал Сеня.— Он же тунгус. А Ваня — якут. Ты лучше выдумай про Ванина шамана.

— Ладно, выдумую, когда заставляете,— сказал Женья.— Не поделили чистый религиозный дурман. Шаман отправлял посылки богам на этом дурмане, сколько я понимаю, молитвы там, подарки разные дорогие. Ну, молитвы полегче — улетают, а подарки шаман подбирает для бога.

— Какой дурман? Что-то ты выдумываешь с ходу, Джаз,— сказал Василий.

— Выдумываю, ты велел.

— Продолжай без разговоров!

— Василий Игнатьевич, не верьте тому, что я говорю! Дурман принадлежал раньше шаману Ванина рода. Другой шаман, чужого рода, отнял. Убил шамана Ванина рода, и уже никто не знал секрет. Но Ваня знает...

— Ты опять?! — грозно сказал Сеня.

— Русскому человеку трудно объяснить... — Женья замаялся, подыскивая понятия, доступные, по его мнению, русскому человеку.— Шаман — хозяин религиозной почты.

— Что это за вещь? — заинтересовался Сеня.

— Старый якут хочет послать молитву с оплаченным ответом — идет к шаману, несет кусок шелка для упаковки и плату за пересылку: масло, сорат или другой сыр, мясо, шкурки.

— А зачем шелк? Чтобы молитвы в дороге не отсырели?

— Может быть. Об этом якут не знает. Якут лежит ничком, ничего не видит. Шаман шаманит, потом кричит: «Смотри!» Якут встает и видит, как улетела его молитва с оплаченным ответом.

— Улетела? Что же он видит?

— Он видит: мешок летит высоко — улетел совсем!

— Религиозное внушение, воображение. Ничего там не летит,— сказал Зырянов.

— Я видел,— сухо сказал Ваня.

— Ваня сказал якутам, что шаман нечестный служащий: отправил молитву без шелковой упаковки, а плату за ответ оставил себе, поэтому нет ответа.

— Ай да Ваня!

— Расскажи-ка подробнее, что Ваня видел,— попросил Зырянов.

Женя поговорил с Ваней по-якутски.

— Шаман набрал полный мешок воды из ямы около реки. Поднял мешок, посмотрел — не течет, совсем не капает из мешка. Утопил мешок с водой и перевернул кверху дном.

— Кверху дном?!..— почему-то восхитился Зырянов.

— Долго держал под водой, шаманил — вода вылилась из мешка.

— Под водой вода вылилась? — перебил Сеня.

— Не мешай,— сказал Зырянов с интересом к рассказу.

— Вода вылилась, но мешок остался полный, и пустой сам вылез из воды.

— Полный, но пустой! — Андрей захохотал.

— Мешок выдувается из воды?.. Ваня, как называется река? — торопливо спросил Зырянов, оглянувшись на дальний гудок приближающегося поезда.— Это может быть выход нефтяного газа из кембрия. У твоего шамана есть вечный огонь?

— Есть вечная вода Эргежей,— сказал Ваня.— Вечного огня не видел.

— Шаман завязал мешок, отпустил — мешок улетел пустой, а видом полный,— закончил Женя.

— Природный газ легче воздуха? Сомнительное дело вообще,— разочарованно сказал Зырянов; его интересовали только тяжелые нефтяные газы.— Но шаман силен: придумал воздушный шар!..

— Что это? — спросил Ваня, и у Жени глаза оживились любопытством, а Сеня сказал:

— Ладно, я расскажу потом.

Глава 22

ПРОДОЛЖЕНИЕ БЕРЕСТЯНОЙ СКАЗКИ

Со свистом подлетел поезд с запада. Бригада с Зыряновым во главе, прорывая толпу, атаковала лесенку вагона, и уже толпа поднимала их и проталкивала в дверь. Внезапно

Сеня рванулся кверху, перескочил на буфер, прыгнул между вагонов, нырнул и выскочил перед Николаем Ивановичем.

— Почтение землячку! Чуть-чуть не уехал без вас. Но вижу, батя сел, а вы не сумели. Я помогу! Батя в каком вагоне?

Николай Иванович показал на соседний и с туповатым недоумением всмотрелся в налетевшего Семена Тарутина. Сеня пробежал взглядом по составу и еще быстрее — по своим мыслям. Николай Иванович вовсе не собирался ехать, это очевидно...

— Гляди, эй!..

Поезд пошел. Сеня махнул рукой:

— Другой будет. А нам надо спасти Русское жило..

Николай Иванович глядел хмуро, настороженно и недоверчиво.

— Это мне сказано и дано, не тебе.

— На здоровье. Но я Тарутин или ты Тарутин?

— Ты Тарутин,— признал Николай Иванович.

— А тогда я, потомок Аникея и всех Агафангелов наследник, имею больше прав спасти!

Тут Николай Иванович усмехнулся:

— Ты от Аникея-мученика сородич, а я — от Льва Меншика началовож. А кто больше прав? Кто постоит за русских жильцов, кто себя не пожалеет. Ты около Зырянова... Ты знаешь, где он будет копать? Когда?

— Я-то знаю... Только сомнительно мне про указ. Может быть, устарел указ?.. Я про такие указы не слышал.

— Устарели? Государевы указы?.. Многого еще не знаешь, мало слышал. Я вам Сказку не всю сказал на Байкале...

Николай Иванович сторожко оглянулся.

Сеня быстро увел его в буфет.

Там было битком набито, но Сеня шепнул буфетчику — и перед ним открылась дверь в крошечную каморку; он заметил ее, когда обходил станцию.

Сеня раскрыл тетрадку, положил на стол.

— Сказывай про указы.

— Сие что будет?

— Писать буду Сказку.

— Пошто?

— По то, что сам велел: «Ты, Агафангелов Семен, вернись в Русское жило! Надо Сказку починить и продолжать!» Не помнишь?

— Чинить и продолжать...— пробормотал Николай Иванович.— А ты...

— А я, Тарутин Третий, летописец, и чиню Сказку Берестяную — с твоих слов! Какие бересты прохудились, какие и вовсе пропали — как починить? Ты — помнишь.

— Типун на язык, не пропали бересты.

— Берест сундук наберется?

— Большой сундук.

— А у меня — весь сундук в кармане и под рукой! Видал?..

— Ну-ко! — Николай Иванович потянулся с немалым любопытством. — На Байкале писал? Почитай-ко!

Сеня раскрыл тетрадь — и странное чувство вспыхнуло, дрожь неиспытанная, удивляющая, как негаданное самосчастье. Он вдохновенно прочитал:

— «Шестым летом Лев Меншик спрашивал своих мужиков и баб: «Хотите ли просекаться вперед? Ино хотите волочиться к земли?»

А уж люди стали бывальцы, побывали Студеным морем. Сказали: «Пристойно-де волочиться к земли».

— Упустил,— сказал Николай Иванович.— Не с того починаешь. Вот слушай, я скажу.

В три дня лед почал быть толщиною на ладонь. Надо бы волочиться нартами, да в Семен-день, волею божьею, потянули ветры отдерные от земли в море — и к земле прихватиться нельзя было.

Относило пятеры сутки. Посем море стало и замерзло одною ночью.

На третий день почал лед человека вздывать. Лев Меншик повелел делать нарты и с утра послал трех человек проведывать землю, в которой стороне. Ушли, не убоавшись смерти.

Домечались они земли под летом. Тут же Агей Мелентьев послал человека: мужика того не любил Агеюшко.

Три человека с утра день до вечера ходили под лето, а земли впрям не нашли.

Лев Меншик спрашивал своих мужиков и баб: «Уповать ли хотите на бога и просекаться впрядь? Ино хотите волочиться к земли ли?»

Бывальцы, пять лет Студеным морем побывавшие, сказали: «Пристойно-де волочиться к земли. Какова-де пора лед разломает — мы не погибнем».

Тот лед был толщиной пол-аршина.

Вот надо так,— сказал Николай Иванович.— Так дело было. А у тебя не так.

Уже починил? Слушай дальше. В третий раз послали проводывать земли впрям. Послали со всех кочей двух человек — сверх одного человека, который не возвратился.

И, прождав, на другой день поутру, положи на нарты свой борошнишко, люди начали есть в казенках за последний раз со столов...

— Ну, и нам пора есть! — воскликнул Сеня и выскочил из каморки.

А тетрадку не оставил — захватил с собой.

— Волею божьею, грех ради наших, вода прибыла без ветра и почала самый толстый лед ломать... — прошептал Николай Иванович.

Сеня вернулся, и официант принес еду по вкусу Меншика. Николай Иванович рассказал про указ.

Его память удерживала Сказку в строгом порядке, и, только соблюдая порядок, он мог рассказывать. Поэтому Николай Иванович начал с того, как прибывшие на Индигирку предки остановились на протоке, предложенной великодушными юкагирами, хозяйевами реки.

— Взяли сети, которые привезли, перекидали протоку эту... Елоньску. Наутро пришли — и радостно обрели: бог дал тысячу сельдей.

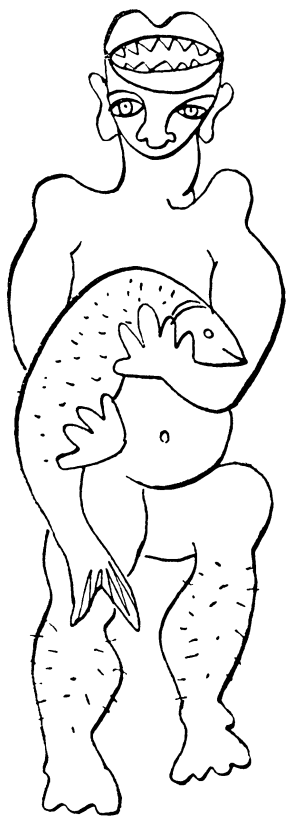
Помоляся, вытащили на берег рыбу и паки построили сети на том же месте. Наутро пришли — опять еще того больше рыбы, ино во всех людях дивно.

На третий день паки еще больше рыбы, полны сети напихал бог рыбы. В десять дней тысяч сорок сельдей им бог дал, а еще омулей и чиров, муксуна, чокура. И слезно и чудно то было время.

На той протоке без мала век прожили тихо, спокойно... Потом пришли с моря Андрей Роспопов Матигорец с товарищи. Они сказывали вести поморские плохие. Было слово и дело государево на двинян, что их немцы наймовали якобы провезть большие корабли немецкие в Мангазею.

Тобольские воеводы тогда били челом царю и просили заказать крепко русским людям ходить в Мангазею морем, чтобы немцев не водили; чтобы на те богатые места немецкие люди дорогу не узнали и не ездили.

Царь указал на челобитной воевод — и стала та дорога, по государеву указу, в крепкой заповеди. Чтоб никакой че-

ловек тем заповедным путем из большого моря-окияна в Мангазейское море, ни из Мангазейского моря в большой окиян не ходил. А ослушникам за их воровство и измену быть казненными злыми смертьми, и дома их велит царь разорити до основания.

От тех лет поморам стало худо жить — без промыслов...

Николай Иванович помолчал и заключил:

— Теперь ты знаешь про указ.

— Но русские жильцы пришли до указа, — возразил Семен. — Ч-то за что казнить?

— А Матигорец?.. И еще потом приходили. Сказано — поморам стало хуже жить. Вот послушай, что было.

После Андрея Матигорца вскоре казаки с атаманом Ивашкой Ребровым набрели на Индигирку-реку с моря. Ивашка Ребров был из Мангазеи, а на Лене набрал товарищей и с ними ходил в далекие, от века неведомые земли для прииску вновь ясачных людей и приводу их под царскую руку.

Казаки приманивали новой землицы людей торговать и у них ымали жен и детей, живóты грабили, насильства им чинили многие и от государевой руки тех диких людей отгоняли. Сами богатели многим богатством, а государю приносили малое.

Они брали ясак и аманатов на Индигирке. Ловили юкагирей и жесточью расспрашивали, где есть река Нерога и серебряная-де руда в ней, в горе. Казаки многих юкагирей из ума выводили. И попался им человек русский, из Русского жила, Аникей Тарутин, сын Иовов, Второва Тарутина правнук.

Он им попался повыше Момского улова на Индигирке.

Ивашко Ребров его спрашивал: «Как ты суды попал? Мы тебя не видали на Лене ино в Мангазее. Государевым

счастьем нашли мы первые неясчных людей на Собачьей реке, а тебя государь пожаловал ли? Да кто тебя отпустил? А твои товарищи, где они да и кто такие?»

Аникейко отвечал, что мы-су, русские жильцы на Индигирке, не сами и не отцы наши пришли суды. Отцы здесь родились, а пришли деды и прадеды Студеным морем, шли из Двинского устья. Мы ясаку не берем, аманатов не хватаем, а живем среди юкагирей миром и дружбой.

Ивашко Ребров закричал: «Воры вы-су, пришли неугожею дорогою, океанскою проливом, да много ли вас, воров, прокралось на Индигирку? Я, атаман, всех исподтиха выведу и на кого руку наложу, ему от меня свету не видать и из тюрьмы не бывать».

(Тут задумался Николай Иванович, спрашивал: «Что за место тюрьма?» Сеня ему объяснил.)

А все же вздивовался атаман, с невернем спрашивал: «Но в такой безмерно широкой пучине как вы узнали вашу воровскую дорогу?..»

Кричать стал на Аникея:

«Вы-де умыслили воровски, хотели привести немецких людей и государскою златокипящею индигирскою землею и иными землями завладеть! Смертною казнейю надлежит всем вам быть казненными, злыми смертьми! Веди нас в ваше воровское жило, мы ваши дома разорим до основания».

Аникеюшко убежал от него ночью — прямо кинулся в Момскую щель.

В Момских горах Индигирка страшною водовертью сто верст венчается с вечным камнем. Плывет ли дерево, человек ли — всякого закрутит навек. Казаки ту стоверстную водоверть обошли великими горами в две недели. Дошли до Елонской протоки.

Аникеюшко же упросил юкагирей провесть его поскорее душегубкой. И душегубку их разбило, все шесть юкагирей венчаются с момскою водовертью поныне.

Казаки нашли протоку, а людей не нашли и домов на усть-протоке не увидели, след один, а ныне то место запустило. Ныне Русское жило где, никто в миру не ведает... А тебе Агафангел, отец твой, сказывал дорогу туда? Зырянина ты поведешь?

— Не говорил отец ничего о Русском жиле.

— А тогда не найдешь.

— А как же Зырянов найдет?

— Бесы ему помогут.

— Но Ивашке Реброву не помогли же.

— Надеемся. А зевать не будем.

— Так вот: Зырянов не думает казнить русских жильцов. Говоря между нами, указ государев давно отменен,— доверительно сказал Сеня.

— Толкуй,— сказал Николай Иванович. Он захмелел от вина.— Батя знает против тебя вдесятеро. Да что — в тыщу больше!

— Я в этом далеко не уверен. Кто он такой, этот батя?

— Кто такой старший мой братец?.. Он до Москвы добрался. Про Москву слышал? — победоносно спросил Николай Иванович. — Батя в Москве сам побывал!.. Великие дары-дани московским государям... До Москвы шесть лет морем Студеным, а посуху того еще... Довез-таки...

Сеня вытаращил засиявшие глаза:

— Это поездом больше шести лет?..

Николай Иванович задумался и потянулся рукой к затылку. Тут-то у него и возникла мысль самому тоже съездить в Москву. Проверить положение на месте.

Глава 23

ИСТОРИЧЕСКИЙ ДИСПУТ В СПАЛЬНЕ ДОМА КОЛХОЗНИКА

Директор сибирского треста, коротконогий толстячок, сидел на кровати в просторной общей спальне танхойского Дома колхозника.

На соседней кровати сидел заместитель директора Геологического института Академии наук Порожин. Аспирант Небель сидел возле него на стуле, предназначенном для складывания одежды.

Начальник экспедиции профессор Осмин сидел на стуле у изголовья своей кровати.

Один человек прохаживался в проходе между кроватей, потом принес стул из другой спальни и сел у столика под зеркалом. Он не принимал участия в обсуждении и до конца не произнес ни одного слова. Василий несколько раз нечаянно или невольно поглядывал на него, на его круглую грудь, настолько непомерную, что она казалась уродливой.

В спальне было еще несколько инженеров и работников треста и экспедиции. Перед ними стоял робкий мужичок-студент с беспомощно висящими руками, с манерами хорошо вышколенного батрака и скромно, по-ученически правильно и полемически фантастично излагал ученому собранию теорию Тетяева: целые хребты будто бы надвинулись на байкальскую изменчивость, Саяны, Тункинские, Китайские и Бельские Альпы похоронили под собою ранее существовавшую жизнь. Но до сих пор никому не удалось увидеть такое место, где смыкаются изверженные породы с погребенными осадочными...

— Но вы, имея шесть человек рабочих,— перебил аспирант Небель с открытой издевкой,— вы могли просто подкопаться под любой из этих хребтов и посмотреть, что под ним находится!

Василий перестал топтаться и почувствовал холодный ветер Выми-реки на лице, когда пороги уже видны перед плотом. И положил — гребки прямо.

— Я так и сделал.

— Виноват, что вы сделали? — спросил Порожин.

— Я прошел туннелем под основание хребта, но никакого покровного надвигания не увидел по той простой причине, что его там нет,— сказал и не почувствовал ничего, ни тревоги, ни удовольствия, только свою способность провести неповоротливый плот, как свое гибкое тело, через жующие каменные челюсти порогов.

— Исключительная самонадеянность! — удивился Небель и даже тряхнул богатейшей чернокудрой шевелюрой.

— Третичные породы там не уходят под изверженные, а лежат над ними, как и полагается им,— и продолжал решительно и легко, как привык на Выми-реке, когда бородастые плотоводы слушали с уважением еще двенадцатилетнего лоцмана, сумевшего провести единственный плот в маловодье восемнадцатого года.

Но геологи не знали его биографии. Самоуверенность студента возмутила их, поспешность выводов раздражала.

— Смелый молодой человек,— сказал незнакомый седой старичок, и Василий сам почувствовал, какой он смелый.

Все посмотрели на Зырянова, и Василий почувствовал, что здесь ему еще предстоит провести свой плот.

— Я не нашел нефти в третичных отложениях,— сказал

он.— Если бы в этой местности была нефть, связанная с третичными молодыми слоями, нефть, сама зародившаяся в третичное время, то она бы нашлась хоть каплями в этих породах. Я проделал исключительно тщательную работу. У меня было такое стремление...

— Ваш практикант умеет говорить о себе с исключительной скромностью,— довольно громко сказал Небель Осмину. Осмин сделал вид, что не слышит Небеля.

Василий продолжал говорить страстно, азартно. Выводы вырывались вперед, опережая изложение фактов, события позднейшие захватывали, отнимали первое место в его речи у событий более ранних и перепутывались. Начальник экспедиции слушал с подчеркнутым вниманием сообщение смелого практиканта.

— Но я не нашел и капли нефти нигде в третичных слоях, там, где они лежат в стороне от зоны опускания Байкала. Вот это очень важно: там, где они лежат в стороне от зоны опускания Байкала. Тогда я последний маршрут совершил вдоль берега, в зоне опускания. И вот повсюду я встречал эти капельки нефти, и побольше чем капельки.

Он сделал паузу, сам возбужденный и взволнованный этими увлекательными фактами. Ведь они указывали на то, что третичные лишь заражаются нефтью от более древних слоев, лежащих под Байкалом!

— Жидкие нефтепроявления мы находим непременно в зоне опускания Байкала! — кричал Василий, не замечая того, что он кричит, и уже в дверях тревожно стоит заведующий Домом колхозника, и за его спиной беспокоится ночной дежурный по дому, не желающий иметь бессонное дежурство.— Следовательно, нефть связана с более древними породами, откуда она поднимается по трещинам.

— Вы можете не популяризировать,— резко сказал директор треста,— здесь не семинар второго курса.

— Старше третичных там мезозойские. Я немедленно начал изучать мезозой — на участках станций Байкал, Иркутск... Признаков нефти в мезозое нет. У меня остаются кембрийские породы, которые нигде в мире не считаются нефтеносными... Кембрийские породы остаются единственным возможным носителем нефти на Байкале.

— Откуда вы это взяли, молодой человек? — спросил профессор, замечая с недоумением, что у студента прибавился рост.— Вы у кого-нибудь консультировались?

— Я не нуждался в консультации, когда получал ее от

самой природы. Природа показала мне связь нефти с кембрием на Байкале.

— В кембрийских породах,— веско сказал директор,— даже американцы не нашли у себя нефти.

— Американцы уже добывают нефть из силура.

Василий оглянулся на белую печь... Хорошо бы начертить на ней угольком десять горизонталей, обозначающих геологические возрасты осадочных пород:

четвертичный,
третичный,
меловой,
юрский,
триасовый,
пермский,
каменноугольный,
девонский,
силурийский,
кембрийский.

Девять из них прорезать сверху вниз вертикальной линией буровой скважины: через первые две — кайнозойские, следующие по возрасту — мезозойские; и нижние, наиболее древние — палеозойские — вплоть до силура, достигнутого американцами...

— Всего-навсего на три геологических возраста глубже, чем добываем мы,— сказал Небель.

— Совершенно верно. Мы до сих пор не шли глубже пермских.— Василий оглянулся на печь.— Поэтому я предлагаю бурить разведывательную скважину на кембрий.

Кембрийская вертикаль должна была опуститься значительно ниже американской: до десятой, последней горизонтали. «Почему они упорствуют против очевидных фактов? Они смотрят — и не видят!» — с тревогой думал он и замечал внимательные, заинтересованные глаза у младших участников заседания, кроме Небеля. Но младшие помалкивали пока. Директор треста посмотрел в сторону безмолвного богатыря под зеркалом и рассмеялся. Бочкогрудый богатырь не пошевелился.

— Ближе к делу,— сказал директор треста.

— Это ближе всего к делу,— сказал Василий.— В Америке ни один капиталист не дал бы денег на разведку кембрия, потому что эта разведка может разорить его и обогатить

тить его конкурентов. Только мы, только при нашей советской системе можем разведать кембрий... Только мы можем искать ключ ко всей нефти в недрах страны: это кембрийский ключ! Только благодаря тому, что вся страна — наша. Эта разведка может нас только обогатить.

— Позвольте спросить, вы учитесь?

— Я учусь в Московском нефтяном институте.

— Так вы студент? Какого курса?

— Третьего.

— То есть перешли на третий?

— Да. Но, несмотря на это, в третичных отложениях нефти нет. — Он страдал заранее от предстоящих ему побоев.

— Итак, мы намечаем одну скважину на третичные отложения, — сказал директор.

— В третичных отложениях на Байкале нефти нет, — повторил Василий и побледнел и потерял всякую чувствительность к побоям.

— Глеб Алексеевич, — сказал директор треста, обращаясь к Осмину с раздражением, — мы уже потеряли немало времени.

— Совершенно правильно, — согласился Василий, — поэтому не надо терять сознательно еще год и бурить там, где заведомо нет даже капли нефти.

— Это просто безобразие! — возмутился директор треста. — Товарищ Зырянов, ведите себя прилично!

— Неприлично отрицать факты. А я защищаю сибирскую нефть, и это очень прилично! — сказал Василий.

— Чепуху вы защищаете, товарищ Зырянов! — закричал директор. — Бурить скважину на пять километров вы предлагаете! И бурить на чепуху вы предлагаете! Такой скважины даже в Америке нет. До каких пор вы будете упорствовать?

— Покуда сил хватит — буду!

Осмин укоризненно качал головой, но его глаза смотрели с одобрением на Зырянова.

— Вы забыли о том, что вы еще студент, не ученый, — сказал Небель.

— Уезжайте в Москву, вам надо учиться, товарищ Зырянов. Вы опоздали к началу занятий, — сказал директор.

— Конечно, я уеду, но я не хочу, чтобы Сибирь дожидалась нефти, пока я не кончу институт!

«Они не хотят или не могут понять?» — размышлял Василий, разя взглядом своих противников направо и налево.

Да, надо учиться... Надо углубить познание! Логически искать надо: снизу вверх... Не одним этажом нефтеносности надо пользоваться!

Но кембрий под Байкалом погребен слишком глубоко, до него не добраться, и не надо бурить на пять километров! Важно принципиально вскрыть кембрийскую нефть...

— Товарищ неправильно употребляет понятие принципиальности, в то время как он заинтересован чисто лично, — сказал Небель.

— Вот именно я употребляю правильно это понятие! Когда человек интересуется чем-то большим для себя, то есть хочет понять, — это бескорыстный интерес, принципиальный научный интерес.

Директор треста рассмеялся:

— Значит, человек для себя берет бескорыстно. А когда же он бывает корыстным? Когда отдаёт?..

— Да! — крикнул Василий, но его больше не слушали.

С непокрытой головой выбежал на улицу, дрожа от гнева, и продолжал возбужденно додумывать: «Важно принципиально вскрыть кембрий!.. Какая мне в этом корысть?.. Неужели я в этом заинтересован корыстно?»

— Да это же нахал и мальчишка! — сказал Небель, когда Зырянов закрыл за собой дверь.

В ста шагах Василий увидел освещенные окна московского поезда.

Он побежал со всех ног, помчался, перепрыгнул через что-то.

«Важно принципиально вскрыть кембрий!.. Я хочу только понять. Сейчас для меня важно понять. Это бескорыстно: чтобы я сам понял, откуда притекает нефть, где она образуется, как это все происходит... А для чего понять?»

Для того, чтобы дать большую нефть. Тогда... это будет полезно для людей. Когда сам пойму и сумею дать людям то, что я понял. Вот тогда я стану корыстным! Сколько ни дам — все будет мало мне! Я чувствую большую жадность в себе! Давать облегчение жизни для всех людей!.. Чтобы все имели такую жизнь, какую я уже получил от народа через советскую власть: творческую жизнь!»

И все время пуд книг дубасил его по спине.

«Для меня важно принципиально вскрыть кембрийскую нефть хотя бы на другом берегу древнего моря, пусть это будет в Якутии или под Ленинградом».

Кембрийское море расстиралось от Байкала на тысячи ки-

лометров к востоку и северу и на запад, до Ленинграда... Восстановить очертания его берегов — лоцманская мысль! — исключительно трудная задача. А рельеф его дна — еще трудней... В Якутии легче всего бурить, потому что кембрийские слои там лежат на поверхности...

И мысль, освобожденная от схватки за прорыв в одном месте, рвалась во все стороны от Байкала. Лесной пожар в безветрие. Пламя воображения само вызывало на себя ветра со всех сторон, бушуя от восторга. Оно напрягалось в огромных скачках, чтобы охватить извилины древнейшего узора берегов на пространстве всего нынешнего континента в горизонтальном и вертикальном измерениях и во времени, в продолжение миллионов лет. Подкорковые массы в своем движении увлекли твердую оболочку Земли... Кавказ, Урал — это короткие волны огромной высоты, поднимавшиеся на десятки километров. А на Русской равнине горообразовательное движение имело исключительную длину волны, при небольшой высоте в полтора-два километра, две-три тысячи километров в длину... И воды переливались. Дно моря становилось сушей и снова дном.

На всякой поверхности платформенной суши, ставшей дном моря, начинался процесс нефтеобразования при необходимых условиях. По всему дну моря совершался единый процесс в единое время. А книги в рюкзаке больно колотили по спине. Василий сам выводил это, и для него становилось ясно, что скважина, которая даст нефть в Якутии, докажет принципиальную нефтеносность кембрия не только под Байкалом, но и вплоть до Ленинградской области. Спину он не чувствовал, она не помогала выводу.

В плацкартном жестком вагоне на стене в коридоре жестяной плакатик приглашал туристов на Байкал. Василий остановился перед ним, с трудом дыша и еще не сняв рюкзак.

Почему они не могут понять таких простых вещей, очевидных, как этот плакатик?

Озеро нарисовано было в жестяных красках, красиво и привлекательно. Иван Михайлович обещал на будущее лето практику «на винограде».

Василий погрозил плакатику сжатым кулаком, «Я уйду от тебя за четыре тысячи километров и выведу твою тайну, вверх дном!» Засмеялся громко и радостно, как в половодье.

Затем он сыскал свободное место, развязал рюкзак и

обнаружил сверху клочок бумаги. Он расправил желтый комочек и прочитал карандашную запись: «Поселок Алексеевка на Полной, Черендеевское почтовое отделение ЯАССР, Евгению Алексеевичу Петрову от Василия Игнатьевича Зырянова. Москва, напишите ваш адрес».

Василий дружелюбно рассмотрел бумажечку и спрятал в карман.

Хороший парень Женя Джаз. Евгений Алексеевич. И фамилию себе присвоил неплохую. Верная душа.

Глава 24

БРИГАДА ВЕРНЫХ ЛОЖИТСЯ СПАТЬ

— Он,— сказал Ваня.

— Кто — «он»? — яростно закричал Женя. Но уже Сеня схватил его за руку:

— Не окликай!

— Почему? — Женя узнал Зырянова в человеке с книжным горбищем. Зырянов карабкался на ступеньки вагона.

— А потому, что поезд тронется и он со своим мешком не успеет...

Парни внимательно проследили за тем, как Зырянов поднялся и вошел в вагон. Поезд сразу пошел.

Сеня сошел с этого поезда.

Бригада Верных без Сени доехала до Танхоя с Зыряновым, по его совету, в надежде, что Сеня догадается следующим поездом приехать сюда же. Сеня догадался и прибыл вечером. Товарищи встретили его на станции.

По дороге к Дому колхозника Сеня наугад спрашивал у встречных трест Сибнефть, Нефтестрой и тому подобное, но никто не слыхивал здесь о таких учреждениях.

В Доме колхозника бригада получила койки в общей спальне и оказалась в компании с теми, кого она искала.

— Так вот, товарищ директор,— сказал толстячку обрадованный Сеня,— позвольте рекомендоваться: мы явились сюда как раз после окончания трудов по раскрытию тайны Байкала.

В комнате раздался короткий смешок, подобный выхлопу из мотора внутреннего сгорания. Сеня удивленно оглядел присутствующих. Они все сохраняли спокойствие. Возле зеркала в глубине комнаты поднялся со стула человек с не-

обыкновенно выпуклой грудью и очень короткими руками. Сеня подумал, что ему как раз хватает рук, чтобы обнять свою грудь. Человек пристально смотрел на Сеню.

— Мы хотим подписать обязательство, как бригада самых верных энтузиастов сибирской нефти.

— Какое обязательство, молодой человек? — спросил высокий симпатичный гражданин с внимательными, спокойными глазами и крохотной бородкой.

Но директор предупредил Сенин ответ.

— Товарищи! — заговорил директор и встал босыми ногами на холщовый половик. — Вы слышите первый отклик сибирского рабочего класса на ваши труды. — Директор перевел дух. — Вы видите стихийную делегацию... — Лево́й рукой он пристегнул обратно подтяжки, а правой указал широким движением на делегацию. — За этими первыми ласточками придут к нам сотни и тысячи, как говорится.

— Какое же обязательство вы желаете подписать, молодой человек? — повторил Осмин.

— До конца пятилетки, — подсказал директор, — работать на поисках сибирской нефти.

— Что вы, товарищ директор, — сказал Сеня, — зачем на поисках? Это еще не главное — найти! Мы ведь уже развели эту нефть только что. Теперь мы обещаем достать ее! И подписываем обязательство в кратчайший срок достать нефть со дна земли!

— Со дна! — воскликнул кудрявый пижон. — Я слышу, как зарождается эпос сибирской нефти.

— Трудно, и только! — сказал Сеня с вызовом кудрявому пижону.

«Этот скалит зубы, — отметил про себя Сеня, — а директор набычился вдруг. С чего бы?.. А этого грудобрюхого я нигде не видел, но он похож определенно на кого-то».

— Где же вы нашли нефть, молодые коллеги? — спросил старичина.

— На Байкале. — Сеня поколебался и с гордостью добавил: — В кембрии.

— Замечательно! — воскликнул кудрявый, искренне радуясь.

— Будущим летом мы начинаем разведывательное бурение в третичных отложениях, если вы в этом разбираетесь, — сказал директор.

— А мы уже давно в них разобрались, — сказал Сеня. — Василий Игнатьевич сделал сотни анализов.

— Кто это?

— Товарищ Зырянов!

Директор быстро отстегнул подтяжки.

— Если хотите помогать, милости прошу! — сухо сказал он.

— А можно узнать, когда планируете кембрий?..

Директор проворно сложил подтяжки и прочее на стуле и скрылся под одеялом.

— Мне жаль огорчить вас, друзья, но сомнительно, чтобы кембрий планировался когда-нибудь в будущем, — сказал Осмин, слабо улыбаясь. — Вы видите, здесь все против мнения вашего молодого начальника Зырянова...

— Но это же не мнение, а факты — анализы!..

— А можно узнать у вас адрес товарища Зырянова? — спросил Женья.

Бригада молча и недоумевающая переводила взгляд с одной кровати на другую и видела одни подбритые затылки, полотняные, крахмальной белизны спины и зеленые шерстяные одеяла.

— Думаю, если вы напишете на Нефтяной институт, студенту третьего курса Зырянову, письмо попадет к нему, — сказал Осмин. — Спокойной ночи!

— Спасибо, товарищ профессор! — воскликнул Сеня.

И по его взгляду вся бригада Верных вежливо грянула:

— Спокойной ночи!

РУССКИЙ ЖИЛЕЦ ПОДВИГАЕТСЯ К СВОЕМУ ПОДВИГУ

Глава 1

«А КАКАЯ ОНА, РУСЬ-ТА? КАБЫ НЕ ОБОЗНАЦА»

Кто расскажет о всенощной русского жильца Николая Ивановича на некоей прибайкальской станции? Как расскажет он сам в Русском жиле, если стихея допустит вернуться? Сумеет ли описать неизъяснимое, чему и слов-то не бывало, явленное в ту громовую ночь на восстановленной железной дороге? Ну, и прочее в миру, на великой Руси увиденное за год. Много насмотрелся. В один год будто сто жизней прожил,— дивный год. Куда там сто! Больше. В одну ночь на станции увидел, сколько за весь год: ошеломленный, наблюдал разом всю Русь нескончаемую, в неисчислимых окнах на железных колесах, в хороминах длиннейших, обшитых зеленым железом, и синим, и цвета кедровой шишки; в вагонами называются или эвагонами: эва! гоняют — по земле быстрее птиц в поднебесье, гон за гоном, от станции до станции — наподряд.

На корточках просидел; взирая, глаза сомлели.

Эвагоны зацеплены поездом — четырнадцать хоромин. В зеленые по окованным ступеням через железные двери без креста и бесстрашно влезали православные толпами, а вылезали по одному. Куда девались? И всю ту неслыханную, неопишущую ночь прибывали-отбывали взад-вперед поезда эвагонов, людных и безлюдных,— красных, поменьше, безоконных. Чуть не весь подвижной состав транссибирской магистрали спешил пройти перед Николаем Ивановичем — заждавшийся пропуска после наводнения. Но этого не уразумел русский жилец.

Зрелище Руси, гремящей и ринувшейся в дорогу дальнюю железную, потрясло его.

Перед восходом солнца Николай Иванович за людьми влез в зеленый эвагон. А был еще синий, понаряднее, но туда не пустили. А в наиславнейший, цвета кедровой шишки, не пускали никого.

Влез в зеленый и неприметно сосчитал: столько не было людей в Русском жиле, сколь народу вгоняют в один ввон. Индигирка с Русским Устьем уехала бы одним поездом вся!

Велика Русь!

Николай Иванович порешил ехать до Москвы. Помчало его на заход солнца. Но поезд не отставал от солнца, и солнце красное не могло закатиться. Катилось долгий день над горами и лесами, над морями, над полями, селами и городами, через многие днища пешей и конной и водной дороги. Вот уже и Святое Байкальское море пропало из глаз. Глаза устали глядеть на земную безмерность. Великая земля его пращуров за большим стеклом раскатывалась без конца и краю — и Николай Иванович испугался: не проехал ли Москву?

Вылез у большого жилá Иркутского, названного по малому притоку Иркуту, а стоит жилó на большой реке Ангаре.

Выйдя, огляделся на площади, раз десять посторонился и спросил:

— В какой стороне горит?

Отвечали ему:

— Не горит ни в какой стороне.

Люди же во множестве бежали во все стороны скоро, как на пожар или к поезду, и друг друга не признавали, не привечали, будто и не знавали.

А людей — тайга!

Против Якутского города Иркутский велик, не стоит и говорить: не поверят в Русском жиле. А если счесть потолками — два города стоят один на другом. Есть дома каменные, построенные в четыре потолка один над другим, и вся улица из таких домищ. И дома все изряднёшенькие: не как в нашем жиле — домой ноги несут, а глазами свою избу из ряда не выделишь.

На той улице Николай Иванович увидел человека верхом на черной палке о два колеса. Мальчишки бусурманили: велисапед. Николай Иванович научил по-русски выговаривать: велицабеда.

Верховой на велицабеде звонил в малый колоколец — с дороги перед ним отсторонились бы, не зашиб бы.

Не то диво, что палка везла его быстрее лошади; поезд хоромин о ста осях мчался еще быстрее — не под силу целому табуно лошадей.

Ездят и на одной оси в Якутске: без телеги человек си-

дит на самой оси поперек ее, как на лавке, и два колеса на оси катятся за лошадью или за верблюдом.

Видел и такую двуколку на море Байкалове: ларь без крышки, на одной оси; справедливо зовут бедой. Но и под той бедой два колеса посажены пристойно: по бокам ларя.

В Иркутске же ехал человек на оси верхом. Колеса же не на оси — сама ось на колесах, и непристойно бежала одним колесом вперед, другое же за собой волочила иноходью. В Русском жиле не видели, такое в Берестяной Сказке не читано и не писано от Первого Тарутина до сей поры, немислимо представить — не поверят. Скажу по-иному: оторвали бы от телеги одну боковину дрогу — и два колеса. И сидит на дрожине — сам дрожится, ногами часто сучит, будто дитя на палочке! Нет, не поверят.

Этакое уже не беда — назовешь велицей бедой.

Потом увидел: многие, даже бабы, на таких великих бедах ездят и детям ладят поменьше, о трех колесах — мало-бедки.

Мудрёна Русь!

Во многих лавках торговали разным товаром. Николай Иванович прислушался к разговорам: торговые люди сговаривались отправить товары на Лену.

Он снял колпак с головы и сказал тем людям, что взялся бы помочь в дороге. И его взяли торговые люди в дорогу ехать на грузовой машине с товаром.

Так он повернулся на обратный путь незаметно для себя и не скоро понял, что в Москву не попадет, а едет к своему дому поближе.

Дорога продолжалась все новая, необычная, неизведанная. Страх натерпелся — не пересказать и в год.

Машина понеслась по земле, яко по воздуху птица, — чуть не отрываясь от собственной тени. Как сосчитать поденную ее дорогу? Да это не день дороги, а предлинное днище — на сто пеших дней. Хотел спросить, какая сила в машине, но удержался от греха: скажут — бесовская, потом не отмолишь вовек.

К вечеру были у Лены, и в Кучуге сложили товары на баржу.

И за дивный провоз уплату не взяли с Николая Ивановича, ему же уплатили деньгами за работу. А работы всего было то, что поднял товары на машину в Иркутске и снял в Кучуге, снес на баржу — больше дела не было.

Из Кучуги он взялся рабочим на баржу до Якутска.

Баржей на Лене побольше стало против прошлого году, и товары другие. Людей даже гуще, да они говорили об ином, не о прошлогоднем. И дорога, повернувшая Ленкой вспять с запада на восток солнца, но через год уже непохожая, продолжалась по-новому, опять как будто вперед.

И дорога, повернувшая назад к дому на Индигирке, продолжала разворачиваться вперед в его сознании.

Баржу потащила вниз рекой самоходная по воде машина о двух колесах, «Верхоленец» зовется; сам гребется и тащит баржи две.

Николай Иванович заинтересовался: откупить бы? За такую вещицу всего клада не жалко. Ею можно пройти Ленкой скоро до моря, а морем до Индигирки, а Индигиркой вверх — и до Великой наледи, домой. Клад немалый собрался за год у Николая Ивановича. Капитан — хозяин «Верхоленца», тезка Николаю Ивановичу, — Николай Алексеевич, сказал, что «буксир государственный», непроданный.

Какое же государство, когда царя-государя-то нет у них? Чья машина?

Говорит: «Наша», — смеется: «Твоя и моя».

— А твоя и моя — откупаю твою долю, Николай Алексеевич.

— Неделимая, продать не могу.

Николай Иванович думал два дня. На третий день сказал:

— Тезка, послушай: вроде общественного выгона?

— Что такое?

— Машина. Вроде общественного выгона?

— Ах, вот ты о чем.

Утащить до Якутска должен был — не успел и от ледостава забежал в затон, у Черендея.

Николай Иванович начал зимовать: в полушубке нагольном, древнего покроя и черном, и в ровдужных штанах, то есть оленьей замши, черных, — из дому в чем вышел, потаскал на себе два лета и вторую зиму начал. Штаны потерлись, полушубок тоже серый. На ногах унты выше колен, хорошие, новые, из дому в запас брал для обратной дороги.

Обратная дорога наплывала, вторая зима складывалась с первой... И так уже много в один год явлено было Николаю Ивановичу нового, не известного из Берестяной Сказки и малопонятного, что две дороги переслаивались иногда в его памяти: из дому в Мир и обратная.

Для обратной дороги наиболее запасался из дому: и лоскутья крашеной ровдуги, зеленые и красные, взял для подарка Индигирке-реке; два алмаза взял наилучшие: светлее воды, а посмотришь сквозь — и всё удвоят. Ими откупиться думал от государевых людей, от опричнины или из плена.

Древко у копыя выдуплил — для денег.

Какие такие деньги, не видел до этого случая; только знали о них из летописной Сказки. И похвалился батя четырнадцать лет назад, будто ему в дорогу отец дал. Будто бы пять денег дал да еще пять копеек. Батя похвалился, а показать не захотел, злой, так и ушел тогда в Мир.

Позапрошлым летом отец принес в дом два моточка серебра — не захотел открыть сыну весь клад. Размотал плющенное серебро — оно узенькое и тоненькое, словно сухие ягодки, на жилочке нанизанные. Вынул нож якутский, хотел нарубить копеечек и денег. На каждой деньге выбит одинаково ездук с мечом. Другое размотал серебро — а на нем часто выбит ездук с копьем, одинаково: сам царь Иван с царским венцом на голове. Не стал отец рубить. Сказал:

— До обратной дороги не трогай денежки без крайности. Да береги обратной дорогой, Николай. Прадеды и деды сберегли, я сберег — за четыреста лет в Русском жило не извели ни одной денежки, ни одной копеечки. Только в Мир ходоки запасались, и те назад принесли серебрецо... Батя твой один не вернулся из нашего роду, из началовожей. Ну, тут уж тужить не о серебре — о милой душе. Удалец был, царство небесное само ему в рот валилось. Мал, да удал. Смело пошел в Мир — с пятью копейками, пятью денежками, больше не взял... Повстречаешь — поклон отдай и приказ отцов: ворочаться в Русское жило! А если в плен попался — выкупай, серебра много даю; не хватит — в придачу сам иди за него, обмани хоть. Началовожа надо в Русское жило. Стар становлюсь... А если, не дай бог, плохим человеком большой стал — зло в нем есть, — убей, но не своими руками: кату отдай.

Не стал рубить серебро: отсчитал сто ездуков с мечом и сто ездуков с копьем, смотал и засунул в дуплецо под копьем, так, чтобы лежало тихо, и смолою замазал, накрыл копьем впотай. Сказал:

— Станешь сам отрубать одну денежку — семь раз отмеришь.

— Отец, а какая она, Русь-та? — спросил тогда Николай Иванович. — Кабы не обознацца.

ПРОМОИНА В МИР

Он опустил глаза перед сожалеющим взглядом отца.

— Не тебе лететь бы... Да орлы не вернулись,— сказал отец, помолчав.— Тебя-су посылаю с глазами затем, что не ведаем, какая есть Русь. Русь-ту пращурьы оставили рано... Ну, да раннее на позднее наводит — авось не обознаешься. Бабе не сказывай, куда и зачем летишь, Николай! Смотри у меня — ни полслова ей! На охоту, мол, на все лето.

Поцеловал сына в губы.

Вечером Николай Иванович сходил на Устье, помылся к дороге и долго нежился в теплой, остывающей воде у берега. Потом лежал на песочке и смотрел в туманное небо, всегда туманное над теплым озером. Слушал сладкое пение птиц и думал о том, что дед сказывал, будто бы на Руси вовсе нет горячей воды — самим нужно греть...

Утром рано жена поднялась провожать — ничего-то не помыслила, не опечалилась нисколько, не спросила у мужа ни о чем: не впервой уходит надолго. Николай Иванович поглядел на детей — целовать не стал, чтобы баба не тревожилась. И ушел от Благодатного озера вниз.

Пошел по Теплой реке, с Теплой — на Туманную речку; вверх-то камень Недоступный; а вниз-то, за туманом, — вся Наледь. Через Наледь два днища пути, отец говорил.

На Туманной ревели песню. Услышал:

Рыбка плавает по нну,
Я не хватаю ни онну!..

Ближе подошел и увидел: рыбу брали сетью братья Тарутины с батей Важениковым да старый Воранов. Не вовремя.

Полную лодку рыбы натрясли. Важеник взревел:

— Куда так собрался, Миколай?

— На охоту, — ответил Николай Иванович.

А старый Воранов покачал головой: мол, на Великой наледи какая же охота?.. Недаром говорится: всем Воранам нет веры, они сами без веры.

Тарутины опять запели — вслед Николаю, с насмешкой:

Лед толстой, труд людской!..
Рыбка плавает по дну,
Я не хватаю ни одну!

Дойдя до Наледи, оборотился — и перед ним восстал тот же туман, да густой, и укрыл от глаз русское место.

Пустился по Наледи вавилонами вправо и влево, обходя ночемёржи, тонкий лед, а все же поглядывал и назад, помнил отцов наказ, чтобы не сбиться с дороги: держать туман за спиной. Не провалился ни разу глубже чем по унты.

Шел через Наледь два дня, озирался на белое облако — клубилось у самой земли. И дошел до наклонной ямы. Заглянул в нее — дна не видно, вбок ушла промоина.

На эту яму отец указал: «В нее ложись смело—моргнуть не успеешь и вылетишь в Мир».

Страшно показалось. Николай Иванович прошел мимо наклонной ямы.

И уже видна ему стала вдалеке зеленая долина, большая река — Индигирка. С детства слышал об Индигирке. Мало кто ее видел. Кому охота была ходить на Наледь?

Вот и конец Наледи. Николай Иванович лег на загрязненную и ноздреватую, обтаявшую и скользкую поверхность и дополз до края. Посмотрел вниз — крепче уперся руками, сразу вспотел. Под ладонями мокло и студило. Ледяная гора обрывалась и стеной наклонялась над зеленой долиной, подтаивая снизу от ее тепла.

Осторожно повел глазами на обе стороны, а внизу, на зеленой и цветущей мураве под ледяной стеной, куда ни пойдешь — на севере и на юге, сколь глаза видят,— упрешься в другие стены, такие же отвесные, но каменные.

С ужасом Николай Иванович подумал: так вот почему не вернулись батя и младшенький! Неуж высылают отец сыновей из Русского жила?.. Но приказал вернуться непременно.

В течение трех сотен лет ни один чужой человек из Мира не пробрался к Благодатному озеру!

Иные удалыцы-женихи притащили чужих девок, а как — не сказывали. И девки помалкивали. Иные женихи пропали — не в Миру ли? Но сказал отец, что вернуться можно — через ту же наклонную промоину. А почему малого не помянул ни единым словом? Как будто не было младшенького брата у Николая. За что?.. Неуж самовольно ушел Саввушка в Мир?

Нет ходу назад. Иначе как через Русь не вернуться к своим: отец не допустит, и самому от себя не стерпеть обиду. Стало быть, нет иной пути, как через промоину и через Мир.

Николай Иванович отполз, пяясь от края Наледи, и пошел к наклонной яме.

Он стал на колени перед скатом и вынул из меха с иссушенной рыбой две связанные вместе маленькие дощечки. Развязал их. Между дощечками лежали две желтенькие свечечки. Одну расправил, укрепил на дощечке и затеплил; перед нею положил свой крестик.

Перекрестился много раз и проговорил молитву:

— Матушка-владычица! И ты тоже, Теплая река в Наледи! Наша стихея покровительная! Пропустите меня через промоину и живого выпустите в Мир и обратно допустите в Русское жило! Не дайте погибнуть крещеному! Иду не своею волей — отец посылает... А я из Руси вернусь — принесу вам русские подарки! Что вы любите, принесу! Мне для вас ничего не жалко!

Он крестился и молился, пока свечка не выгорела. Завязал дощечки со второй свечкой, убрал в мешок, сам собрался и сказал громко, обращаясь к яме с упреком наперед:

— Вот видишь, как я тебе служу! Ладно уж, побей меня, оставь только целые ноги да руки, голову еще, ну, спину, грудь и живот и все нутро.

Бочком ступил на гладкий, обмытый скат — и тут же упал, понесся ногами вперед, вбирая голову в плечи, держась левой рукой за мех, в правой удерживал копьё и лук с привязанным колчаном. И сразу свет убыл, дня не стало, ничего не видно, темнота зеленая. Нигде не стукнулся, только дух захватило и почувствовал два плавных поворота, не то еще два — и уже засветлело, перед глазами мелькнула яркая солнечная зелень. Он отбросил оружие и, обнимая мех, несильно ушибся задом оземь. Полушубком спасся и молитвою, должно быть.

Глазами сразу поискал брошенное оружие.

В страхе увидел перед собою высокую, неприступно нависшую ледяную стену. Покуда глаз хватал, тянулась она к горам.

Над самой травой открылась дыра небольшая в подошве ледяной стены, устье промоины, откуда выскочил: тесный лаз кверху — в Русское жило, как в царство небесное.

Николай Иванович осмотрелся, запомнил навек заветное место. Родительское, подумал, копьё железное, наследное от первого началовожа Льва Меншика, поможет с великою тягостью подняться наверх. Батя из гордомыслия не взял

копья, младший не взял из легкомыслия. Мне досталось. Мне и поможет.

Пустился сходить к реке Индигирке. И когда оглядывался с опаской, видел: в горах, за Наледью, клубилось белое облако и казалось ему родное жило. И шел смелее берегом Индигирки в Русь,— третий день из дому.

На четвертый день перестало маячить облачко. Николай Иванович хорошенько осмотрелся. Отсюда начал примечать на дороге памятные знаки. И не думалось ему и в голову взойти не могло, что не придется на этой дороге обратно быть, не пригодятся памятные знаки. Он ступал ногою на север, а посматривал на юг, все время вертел головой, всюю душою тянулся назад, но подвигался вперед. И было ему впереди все не любо и не интересно, а только страшно.

Глава 3

НАРОД НАЧАЛ САМ ГОСУДАРИТЬСЯ

Все лето он ходил по русским поселкам, выпрашивал дорогу в Русь. Дошел до Русского Устья, с русскими устьинцами дошел Индигиркой до Гусиной губы морской. Узнал, что и русские устьинцы мало сведаны в делах на Руси: триста лет не бывали. И решился идти дальше. Теперь — на заход солнца.

Другим летом прошел через горы Тас-Хаях-Тах. Там он не слышал духа человеческого. Каменные куропатки с черными бровями беседовали с ним да один якут.

Якут провел его по ущелью, полному страшного грохота от реки Догдо и такому узкому, что утесы верхами сходятся и не пропускают половину света, внизу же вся ширина занята рекою Догдо.

Олени робко цеплялись по боку скалы, срывая потоки камней в воду. Рядом с оленями буйная Догдо с несказанным шумом катила громады валунов. От ее тряски дрожали своды утесов над головою Николая Ивановича, а смешение света со тьмою его глазам являло чудные, затейливые и страшовидные образы. Представилось даже стоверстное Момское улово.

Острый ветер прорезывался сквозь по всему ущелью, и туманы наездничали как бешеные. Откуда брались? Без конца. И в августе месяце 28-го числа якут отморозил себе

руки и ноги. Таково это ущелье Догдо: каменный гроб длиною в триста хиломеров.

Меру хиломерами Николай Иванович узнал в Верхоянске. Там он побыл служилым человеком исполкома на посылах. Два месяца томился праздностью половину каждого дня, другую же половину — пустоходом с легкими грамотками туда и сюда по городу. Николай Иванович, исполняя дело отцово для Русского жила, прочитывал грамотки. Письмо, похожее на Берестяную летопись, легко научился читать; слова тоже — якобы русские, но понять заумно.

Иногда гоняли подальше. Послали вместе с другим служилым — за тридцать хиломеров, сказано было. По реке берегом ровным прошли в один день. Еще раз послали в другое место, и сказано было — опять за тридцать хиломеров. Николай Иванович думал — опять идти день, и взял еду на день; а по камению и по болотам три днища, от темна до темна ходил. Земля под Верхоянском разная, хиломера же у верхоянских одна для разной земли, — неправильная и несмысленная мера, хилая.

Крещеные не должны землю мерять.

У русских жильцов мера не для земли есть — для своей силы: день трудиться. Эта мера от пращуров, когда еще на летней Руси жили и знавали день русский, полномерный.

Летом человеку посильно пройти в округе Русского жила в одно днище: по верхоянскому счету — хиломеров пятнадцать бережками Благодатного озера и Теплой реки, а по Наледи и того нет. У русских устьинцев, на Индигирке, днище пути (они и выговорить-то не умеют, говорят: нишша) не больше десяти хиломеров будет по тяжелым болотам — на сендухе, по-ихнему.

И про ущелье Догдо сказать понятнее: каменный гроб длиною в двадцать днищ.

Караульщик исполкома поведал пречудные новости или небывальщину: будто царь Иван Грозный Васильевич не оставил потомства на престоле. После него государили бояре Романовы и кончили лет пятнадцать назад. Будто бы прогнала их Москва и народ начал сам государиться. Но как понять это? Понять, как в Русском жиле живут без царя. Так ведь малое место — не то что великая Русь. И в Русском жиле не обходятся без началовожа.

Еще многое малопонятное сказывал караульщик: про каких-то помещиков, засидевших все мирские места под себя; прогнали их вместе с царем. И купцов, или купитоли-

стов, до листа скупивших чужую долю, тоже прогнали. Они пустились разбойничать. Главаря себе нашли смелого.

— Злой, кровожадный человек, откуда взялся... А по виду мал, меньше всех ростом. За это даже кличка ему Меншик... Не твоего ли племя?

— Звать его как? — спросил Николай Иванович.

Караульщик о том не слышал. Невелик из себя, но удал и особенно голосист. Оттого и не могут взять — страшен, дьявол.

«...Не своими руками — кату отдай». А как совладаешь с батей?

— Где его сыскать? — хриплым голосом спросил Николай Иванович.

— Зачем он тебе? — спросил караульщик. — Или тоже в разбойники захотелось? Молчи уж о нем: фамилия нехорошая у тебя.

— Убил бы его... не своими руками, — сказал Николай Иванович.

И тут же подумал: а вдруг и неправда про купитолостов, и не столь скупые, и верить надо им, а не караульщику? Вот же батя поверил... Надо спросить у самого.

— Говорят, ушел Меншик от своих купитолостов, скрылся, к большевикам прикинулся теперь. У большевиков ищи его, если очень нужен... Золото большевикам отдал... С приисков которое ограбил... Двести пять пудов, говорят!.. Будто бы сам и отвез в Москву. До чего бесстрашный человек!

Совсем растерялся Николай Иванович. Да и кто бы осилил так много дивовидного и в столь малое время?

В Верхоянске Николай Иванович увидел первое диво: колесо. В Русском жиле хватало полозьев. Второе диво: русский хлеб, из русского зерна. В Русском жиле пекли его из рыбьей икры, а зерно последнее, привезенное пращуром из Москвы, берегли в святыньке. Третье диво: деньги серебряные и даже медные, куда получше копеечек царя Ивана — недорогие. Грамотки пестрые, мятые, одинаковые, одна в одну, и непрочные — дороже денег; самая худая — во сто раз дороже новой копейки. Обман! Хватали вместо денег. Слепые, что ли? Николай Иванович попросил все жалованье деньгами. Подивились, не хотели дать: долго считать. Заругались. Все же таки дали.

Ему давали так много денег серебряных, а еще больше медных за его ненужную, дитячью службу (дитю послать —

сбегает, отнесет грамотку), что заветные моточки в копейном ящичке — дупле стали малостью после первого жалованья; после второго — и весь родительский тайный клад умалился в глазах Николай Ивановича. И таскать на себе свое жалованье стало нудно и надсадно. Притом же и люди верхоянские смеялись над его мешком. Он на это внимания не обращал. Смеялись и над копьём и над луком, мало ли...

Но сначала дали ему деньги, а потом начали отбирать, да и несправедливо: за то, что ел, и за то, что пил, и — господи помилуй! — за то, что в доме поспал. Отобрали много денег.

Тогда, осмотревшись, ушел из Верхоянска. Ушел также из Якутска. На белой дороге, потом на зеленой дороге до Байкала и до Иркутска научился брать деньги и не отдавать: помогал людям, его кормили и давали ночлег, а там, где требовали деньги, он обходился так, без еды, и спать умел на воле. Брал грамотки заместо денег: надумал обменять обратной дорогой. Не одни верхоянские верили грамоткам, везде верили.

В Черендейском затоне дали ему работу, мог бы ждать у реки лета. Но он уже всю душою был на обратном пути, устремлялся на восток солнца, во всем стремлении подобный пращурам, и зимовать спешил на ходу.

Он хотел возвратиться другою дорогою на Индигирку, только бы не через страшное ущелье Догдо зимой: по его тарынам и накипням и через его жерла во льду, извергающие студеную воду вместе с рыбой столбом и заглатывающие путников. А чтобы избегнуть Догдо, приходилось обойти вселенную, сказали ему якуты.

Якуты обходили вселенную Верхоянским хребтом. Николай Иванович решил пройти так, от Оймякона же спуститься Индигиркой. Но на воде дорогу заграждало преславное Момское улово.

Летом обходили Момское ущелье Казачьей тропой через высочайшие горы и снег вечный недели в две с половиной (Николай Иванович подивился неказистой речи и перевел на свой язык одним ладным словом: недели вполтри).

В Момской тайной щели шестеро якутов повенчали душу со смертью, провожая Аникея Тарутина, ради спасения русских жильцов триста лет назад. Николай Иванович надумал пройти, не дожидаясь лета. Тогда июльским теплом

прососет многосаженные льды и оторвет ото дна беснованьем индигирских вод. Надумал пройти по замерзшему улову: хоть и страшно, а все ж не так. И он спешил заморозно пройти над пречудною, из предания, и престрашную водовертью.

Отдал много бумажных денежных грамоток за проезд лошаадьми от Черендея до Якутска. Каждая грамотка — заместо ста копеек; но таких, рыженьких, ямщики и брать не хотели — требовали зелененьких (одна за триста копеек), и синеньких (одна за пятьсот копеек), и красненьких (одна за тысячу копеек). Зато везли его днем и ночью. Гнали лошадей; притомившихся выпрягали и запрягали свежих. Совсем не ждал — только успевал поесть и выпить горячего.

Так шибко гнали, что побежать — отстанешь. И нельзя было отогреться. Николай Иванович озяб до самой души.

А дорога все длилась — неподвижная Лена, Улахан, Большая река, душеприимно и просторно раскрытая крутыми белыми откосами. И уж думалось — душа не стерпит, примет белую кончину... А черные крестики сухопарых лчственниц на хребтах берегов испестрили заснеженную даль долины, словно частые всходы нескончаемых поготов.

Не скоро увидел: высокоствольный безветвистый лес дымов над белой чистотой впереди возвысился в недвижном воздухе.

Невольно в первый миг и сам замер: нерощеный серый лес не шелохнется, стоит — способный от дыхания зашататься и развеяться. Но нет в замерзшем воздухе и дыха живого — с шорохом светлою пылью дыхание от самых ноздрей опадает и касается снега за нартами...

Подъехали ближе — и пухлые стволы дымов над снежными буграми воочию тихо растут, изостренными верхами истончаясь в седом, заиндевелом небе.

Подъехали к буграм — а под снегом высокие стены разнокрашенные, деревянные, а то и каменные; неисчислимые дома, укывшие тысячелюдную жаркую жизнь. И не дым, а два дыма, три и четыре дыма над каждым домом. Николай Иванович всею душою обрадовался чудной картине зимующего города.

А прошлой зимой он испугался Якутска, скоро ушел от него. Нынче Николай Иванович расширил свой мир на несколько тысяч киломеров и значительно осмелел.

СТРАНА ЕГО ПРАЩУРОВ

Он поселился у вѣдомого якута, ударника Никульчана. Якут был знакомчивый: прошлой зимой на стезжке городской, на улице, не разминулись — Никульчан приветил Николая Ивановича, расспросил и привел в свой дом. Ныне в его доме индигирский гость уже не пробовал осторожно выдавить оконное стекло, узнать его прочность в сравнении с удвояющим шпатом в окошках Русского жила. Никульчан без опаски оставлял тезку под присмотром жены и детей, уходил утром на завод. А через два дня новоприобретенного приятеля определил работать вместе с ним в одной бригаде на заводе.

Николай Иванович начал присматриваться и убедился, что супруги согласные — бригады по-якутски — на сочинении очень ладных столов, стульев, сундуков, рундуков, ларей, телег у якутских горожан-ударников устроены получше и справедливей, нежели у русских жильцов на рыбалке и на облавной охоте. От кого переняли якутские? Говорят, от московских ударников. Николай Иванович заключил, что русские жильцы, в малолюдности за Великой наледью, за отдаленностью на четыреста лет от Москвы, упустили это доброе московское устройство. Но слово «бригады» ему не понравилось.

Да, много своего московского упустили. А могли бы не упустить, когда бы взяли с собой телефон.

Николай Иванович хорошо помнил опись барахла на кочах: телефона не было.

Он теперь не крестил телефонный аппарат — не как прошлый год. Решился взять в свои руки железную штучку на деревянной ручке. Послушал чей-то искаженный голос, кричавший из железной штучки. Кто кричал?..

Сказали — человек орал якобы с другого берега Лены!

Верить ли? До другого берега — два днища пути. За Лену не докричатся даже бате Сергею, старшему брату. Не бес ли в телефоне орет?

Почему бы Лев Плехан, пращур, с телефоном оплошал — не взял на коч? С телефоном отец не растерял бы троих сыновей ныне, Николая от жены и детей не отослал бы мыкаться по бескрайной Руси. Отец побеседовал бы с Москвой по телефону, все вызнал бы, из дому не выйдя, обо всем с

государями договорился бы, сам недосыгаемый для их руки; по родительскому наученью: договориться на берегу — тогда поехать за реку.

Но есть же бес в телефоне! Пинеженя Лев Меншик не так был прост: не захотел брать московских бесов на коч! Натерпелись греха от них. Захотели уйти от Москвы, так и бесов московских не надо. Не оттого ли промучились шесть лет на кочах — не захотели плыть на пароходе не оттого ли, что бес тащит? Не бесовской силой из Руси увлеклись, а недолей вытеснены и своими руками вытащились.

Все же не прожили без бесов.

На Печоре первую зиму зимовали, в Пустозере сети плели и лета ждали. Там бесов зырянских взяли. Так дело было — дивились: на Алексея-Пролей-Кувшин зима еще крепкая стояла! Мужики на себя надеялись, ну, а бабы тайком заманили тамошних бесов на кочи и заговорным словом привязали, от зырянок научились. Зырянские бесы послушливые, против московских смирные. А попа на кочах ни одного не было — прогнал бы. Мужики узнали про бесов, смотрят — беспокойства нет от этих. Так и не стали прогонять, завезли на Индигирку. Пользы от них не видели, но вреда не заметили. В опись барахла без дела и не вписывали.

Ныне Зырянов грозитя московскими бесами: самолетом и трактором...

Да полно, Николай Иванович! Не избыточно ли бесами населил крещеную Русь?

Не тебе ли Агафангел Тарутин молвил: святой — боится рогожи. Не тем ли ты свят? Не оплошать бы.

Пращуры не брезговали телефоном. Без него — как могли договориться на том берегу, не поехавши за реку? Пословица старинная внятная: по телефону, мол, договориться на берегу — тогда поехать за реку.

А не взяли телефон по каким причинам, посуди: оставили многие важные пожитки — поезд не взяли, на коч велик, да и дорог; да и непокупен, тоже государственный. Не взяли безлошадную многовозную машину обильную — ох! там — не успел мигнуть; а была тут. Не жалко, что ли? И называется — охтамобиль.

Да чего и взяли из Руси, не довели — морем отымало. Сызнова сочинить не сумели в Русском жиле. За малым ли числом голов и рук или за неустройством в супрягах?

Целые дни старался вымыслить хитрейшее устройство

телефона и получить уверенность в отсутствии беса. Ради того стоило подумать!

А маленький ударник Никульчан после работы на заводе выраживался дома почудней и уходил. То размалевывал лицо, а то раздобыл шаманский кафтан, с бубном пошел. А однажды зашил самого себя в медвежью шкуру. Николай Иванович не утерпел, сказал:

— Пойду с тобой.

Никульчан велел ему обружиться, и пошли по светлому снегу улицей, стежкой. Над городом низко лежала черная ночная морока, но снежную стежку всегда видно.

Подошли к дверям заводского клуба, Николай Иванович взвалил медведя-ударника на спину, придержал левой рукой и втащил в клуб.

На груди у Николая Ивановича лук большой висел, в его рост, и колчан стрел. В правой руке держал копьё длинное, в две с половиной меры.

Навстречу ему выскочил хвостатый, малорогий, синерогий, с кровавыми горящими глазами. Вдруг погасли глаза и опять загорелись.

Уронил медведя, медведь закричал человеческим голосом. Николай Иванович начал крестить малорогого, наставил копьё и зарычал ужасным рыком, напугавшим всех:

— Отойди, сатана!

Закрещенный скорчился, захирел и перестал глазами блистать. Все кругом зашумели, защелкали ладошками, гусь там очутился — загоготал, человек с паровой трубой на месте головы загудел, и медвежья туша с ревом в пляс пустилась.

Николай Иванович увидел вокруг себя рожи нелепые и лепые и вовсе занавешенные. Остолбенел и так простоял, хватался то за копьё, то за стрелки и лук. Занавешенные бабы плясали с паровой трубой, и с убитым медведем, и с самим чертом.

А в конце вечера подошла к Николаю Ивановичу якутская девица-красавица, писанная красным ягодным соком и, жалко, не смазанная коровьим маслом по лицу и по черным волосам.

Поднесла ему девица маленькую штучку и сказала:

— Получите первый приз маскарада... Это вечная ручка. Ваш костюм лучше всех!

Николай Иванович спросил:

— На что вечная? Я же не чаю вечной жизни.

Все рассмеялись и опять защелкали ладошками, а неубитый медведь с треском распорол на себе шкуру, ударник Никульчан выскочил из шкуры и дернул Николая Ивановича за рукав:

— Пошли домой!

Но все закричали:

— Маску долой с победителя!

Девушки подскочили:

— Снимите бороду!

Тут Николай Иванович ринулся в дверь, и Никульчан за ним. А вослед кричали:

— Это нечестно! Нечестно!..

Штучка раскрывалась тайным дуплецом, в дупле — золотое перо, и могло писать вправду вечно. Вот ее и пожертвовать, как обещал, владычице пристойно по ее вечной жизни. И себе не в убыток.

С того дня Никульчан больше не водил его, сам замоскваряженный ходил. Каждый вечер где-нибудь в городе москварядились, якутянам безудержно нравилось.

Николай Иванович один сходил в театр. Взял с собой лук, да пришлось отдать на вешалку вместе с полушубком.

После Николай Иванович заинтересовался собраниями. В клубе завода выходили на деревянную подвысь русские и якуты, по видимости хорошие люди, назывались ударниками, но не дрались ни разу при Николае Ивановиче. Они говорили с пылу души по свободе своей, неизнудно. Николай Иванович полагал, что это ратники.

Бывало и в старину, ратники за родину поднимались, оставя жену и детей дома со старыми,— так и ударники обещались ратовать крепко, сопрягаясь в бригады, то есть супруги, тружаясь дружно для пропитания сообща и для одевания всего мира.

И что трудов на пять лет хватило бы — обещались исполнить в четыре года. Это особенно понравилось Николаю Ивановичу. За всеми не утерпел — взошел на лобную подвысь и обещался не отставать от народа. Говорил свое слово истово, и его узнал народ и слушал с охотой.

— До конца пятилетки обещаю! — закричали.

Николай Иванович грянул голосом во всю силу:

— Чаюся до конца пятилетки!

И весь народ шелкал, как в театре.

А на другом собрании в том же клубе попросили уйти, так и не понял почему.

Собрания чрезвычайно привлекали его. Даже перестал спешить на восток и зажился в Якутске. Каждый вечер ходил в клуб.

Ему удалось побывать и на заседании думном, боярском. Трудно сказать, каким образом.

На людей смотрел: как они — шел скоро, и разговаривал со старцем одним. У того и бороденка кой-какая была, а глаза смотрели через махонькие оконца; но в них не стекло бесценное, тонкое, сквозь которое все видно хорошо и вправду, как сквозь лед,— в очках простые камешки алмазные оглаженные вставлены, какие и в Русском жиле вставляют в оконца вместо льдинок, и через те алмазы чудится все водвое, так что дети в Русском жиле пугаются, завидя на дворе двух маменек или разом двух тятенок. Пока не привыкнут, подрастая.

Охраняющий в дверях большого дома, двухпотолочного, каменного, посмотрел на старца и на Николая Ивановича и обоих с почетом пропустил, отступя от двери.

За разговором по ковровой лестнице чуть с ноги не сбился; под вторые потолки взошел, аж под самые верхние. И там палата дивно велика и во всем устроена по-государски.

Во всю палату стоит стол невиданной длины, красной полстью крытый, содвинут с малым столом, яко алый крест.

Но тот крест неправильный, не такой, как в Русском жиле.

Овдоль стола заседали люди русские и якуты, в одежонках простых. А вверху креста перед всеми лицами введенный боярин председатель один за малым столом (но и малый стол тоже очень большой) — голова заседания — и потому величается председателем.

Они советовались промеж собой и государили советно якутским царством; а за Русь держатся крепко.

Все слушали старца. Паужнать стали — чаю отпили, и старец похлебал, говорить не переставая; у людей могло и в ушах засохнуть, а он частил-таки числа неисчислимые и все толковал со счетом, бог ему судия,— за ним не счесть всем народом. Николай Иванович, один стараясь, не успел; понемногу и уснул.

СЕНЯ И ВАНЯ ГРОЗЯТ-ТАКИ
РУССКОМУ ЖИЛУ

Очнулся, заслышав тревожное слово «тракторы».

Укоряли одного за то, что летом не отослал некие котлы и драги на Индигирку. Ему виниться, он же пенял начальнику тракторов. Драги-де претяжелые, котлы-де неделимые, никакими-де табунами лошадей не перетащить на Индигирку через горы: под силу тракторам, больше никому.

Начальник тракторов отпихивал вину на трактористов: сбежали-де, сучьи лапти, без них тракторы не пошли-де, нововытые. Ныне обещается к январю иркутская школа трактористов прислать самых первых выучеников.

Стали попеременно спорить: по снегу-де тракторы не пройдут. Председатель спросил:

— Летом прошли бы?

Старец ответил:

— Болота-де у вас по колена, нигде не глубже, мерзлота подпирает. На такую мелкую грязь трактору «Потерпелеву» начихать.

Прозвание у тракторов «Потерпелевы», но выговаривали не по-русски, даже не поймашь ухом: Патерпелеры?.. Вроде так. Понятно, в общем: кару от бога потерпели.

— Эти могучие дьяволы...— так и сказал старец и рта не перекрестил,— эти могучие весом в пять копен ходят на своих гусеничках, как молодая баба в босовичках или в шарканцах — легким шажком. И на глубокий снег им тоже начихать.

Послушать — хвалил он их силу; а по словам выходило — простужливые, способны простыть в болотах и на снегу даже. Как понять? Николай Иванович смекнул: рассчитаются — а могут все же до Индигирки пройти; но едва ли до заповедных русских мест,— великими и нужными болотами на сендухе и наледях одолеет дьяволов лихая чихота.

Он без труда узнал, где стояли под навесом,— шесть, одетые с головой в брезентовые повалуши, или по-нынешнему — палатки. Военная охрана с ружьем берегла от них православный люд и ребятишек отгоняла. Дети — дьявола самого хотят руками потрогать.

Мальчишки рассказывали неизмысленное о внешнем виде тракторов и об их всемогущей силе. Спросить бы воина

самого, но наставил ружье и не подпустил к себе, обещаясь застрелить до смерти.

Николай Иванович озадачен был всем этим, и под конец озабочен и впал в раздумье.

Начал к тракторам приходиться, каждый день подолгу взирал на палатки, на война с ружьем — всегда заряжено, перед навесом шагал воин взад-вперед и не отлучался, куда ему смена не придет. День шагает и ночь шагает с ружьем, неделю шагает, месяц доходит. И начал воин заглядываться на Николая Ивановича.

В декабре сняли брезенты. Тут уже все вцепились глазами. Облицьем тракторы оказались ни на кого и на бесов не похожи.

Появились около них молодые ребята и начальник тракторов, тот самый, что в заседании Совета отпихивал вину от себя на трактористов. Ребята возились на тракторах и управлялись по-хозяйски: и чистили их, и мазали маслом, и разламывали, и сбивали наново. Вымазались во всей одежде, лица испестрили, в пору для москваряди.

Николай Иванович присматривался к мазанным лицам, особенно к длинному веселому парню и дружку его — малоростку и молчуну. Длинный позвал малоростка:

— Дубочек, иди-ка!..

Николай Иванович отодвинулся от ограды, пока те не заметили его, прикрылся другими зрителями.

Опасение, убывшее в его мыслях за время жизни в Якутске и работы на заводе, сразу обновилось беспокойством от появления Сени и Вани. Они прибыли как хозяева тракторов, и видишь — сразу взяли их в свои руки. А тот, величаемый начальником, в лисьем тулупе, черною кожею крытом, с глянцем, только похаживал и присматривал утром и вечером, днем уходил со двора.

Боярин-воевода из советных, сиречь нарком, и другие с ним приходили посмотреть, подошли к Сене. Стали спрашивать его уважительно, вольщаясь в доверие.

Сеня ладил в моторе, не посмотрел на них, отвечал гнежливо и свои запросы объявил. Николай Иванович недослышал или не уразумел Сенину речь, но видел и слышал — нарком затряс головой проискливо, затвердил прелестно:

— Все, все будет вам, и на родину отправим.

Сольстил-таки Сеню. Рассмеялся Агафангелов Тарутин, сказал:

— Тогда отвезем котлы и драги на ледяные горы.

У Николая Ивановича сердце стукнуло зловеще, когда услышал про ледяные горы, котлы и драги. Подумал, что Сеня и Ваня поведут-таки тракторы на Великую наледь — старинную жизнь опрокинуть у русских жильцов; древних воров океанской запретной дороги, северных стужепроходцев злыми смертями в адских котлах, в нефтяной гееннской смоле казнить.

Но как же тракторы взойдут на ледяную отвесную стену? Зырянов говорил: «Тракторы и самолеты доберутся до вас...» Не самолеты ли драгами зовут? Усекать слова любят, каждое слово торопят, коротят. «Драги», не то «драки»... Не драконы ли?

На тракторный двор наволокли большие бревна. Лошадью волочили каждую лесину по одной. Из них начали строить под навесом. Когда Николай Иванович увидел, что построили, он и рот раскрыл, глаза вытарашил и едва не впал в изумление, сиречь из ума не вышел чуть. Построили нарты! Из целых бревен!

Два бревна обтесали — два полоза! Покатые носы пришили железом и связи поперечные железом — бревна же. Этакие нарты не нагрузить и не волочить, а лошадей пяток запречь, не меньше, и порожние с места стронуть лишь. Такие сани — под адские котлы как раз.

Николай Иванович перестал ходить на завод, безотлучно наблюдал за действиями Сени и Вани.

Посем другой воин подошел к Николаю Ивановичу и отвел в каменную хоромину.

Начальник с малиновым околышем на картузе выпрашивал его, откуда пришел.

И все допытывался:

— Кто послал тебя?

На такой случай отец наказывал не говорить про Благодатное озеро и горячую воду из горы, ни про Теплую реку, ни про Великую наледь.

Николай Иванович с умыслом отвечал начальнику, с хитрецей:

— Мол, из Русского жила пришел.

— Врешь,— сказал начальник,— ты пришел с Индигирки. Я все про тебя знаю.

— А знаешь, зачем спрашиваешь?

— А ты все-таки отвечай,— сказал начальник.

— Отец послал меня,— сказал Николай Иванович: не приучен врать, не словчился.

— А чего ради ходил к тракторам? Тебе отец велел по-добраться-де зачем?

Николай Иванович подумал об отце и о тракторах.

— Смеешься? — удивился начальник.

— Да поверит ли отец о дракторах? — сказал Николай Иванович серьезно.

— Ты сам имеешь на уме какое злое умышление против тракторов? — спросил начальник и дивился тому, что Николай Иванович долго думал, прежде чем ответил:

— Против дракторов не имею на уме никакого злого умышления.

Начальник оставил его жить в каменном доме. Кормили его безденежно. На работу ходил — охрану давали, с ружьем. Уж берегли так, что и вовсе не стали отпускать — не потерялся бы. И расспрашивали тут же и началили, ну, не очень, не как в старину Тарутина Второва на Патриаршем дворе в Москве. Стал уже думать, не впору ли откупиться, и велел начальнику принести копьё.

Глава 6

КАК НАЧАЛИЛИ НИКОЛАЯ ИВАНОВИЧА

Начальник обрадовался. Велел тотчас принести копьё.

Николай Иванович снял железо с древка, железом смолу сковырлял и вынул из дупла моточек денег.

— Возьми себе, — сказал, — ради бога и отпусти меня. Отпечалуй!

Начальник взял в свои руки древко и вытянул моток копеечек. Пускай берет все, подумал Николай Иванович, новых бы не просил: новые лучше старых.

— Что за вещи? — спросил начальник. — Где взял?

— Деньги и копейки — царя Ивана, хорошие. Взял у отца.

Не поверил. Спрятал в карман и повел Николая Ивановича в город. Привел в другой каменный дом. И, не хотя войти, Николай Иванович уперся в порог, успев прочитать на лбе домовом: «МУЗЕЙ» — крупно писано.

Начальник взял под локоток, силою потянул, но против Николая Ивановича где ему. И с оглядкою на людей, снующих из дверей музея на улицу, с улицы в двери музея, сказал умильно:

— Человек ты за людьми или ты всех людей чело-
вечней?

И Николай Иванович, соумилясь его печали, проворно шагнул через крутой порожек, жалкости не терпя, вошел в кумирню — за музаверами не музавер, а за людьми человек.

Потому что за музеляние музлюкам воздастся, а человечнее всех людей на свете — один бог-человек.

Теперь посмотрим сами, какая есть Русь в музее. Грех за смотрение отец приказом своим взял на себя.

Там очень много русских известных вещей развешано было на стенах, разложено на столах под стеклом и расставлено: одежда, копье, лук, железо старое, тарели разные и крестики. Люди ходят, смотрят, а в руки не берут. Увидав кресты, Николай Иванович усомнился в правде батиных наговоров.

Глядя на вещички и картины дивные, мазанные пестроцветно, а на них все как живое, по борошнику судил Николай Иванович и по картинам разбирался в том, как Русь гомозилась, пошевеливалась народным стремлением и старанием, ползла из году в год, от Ивана грозного царя времени лет четыреста, да и раньше того, и подвигалась от плохонького, тяжеleckького к лучшему и легчайшему житию людей. Многого, что ныне есть на Руси, у предков не бывало. Поезда не было, вишь, даже телефона не имели, сердешные.

Все преславное гоможение русское показано было на пожитках и на картинках и растолковано в писаниях, еще хозяин гомузея помог. И ему помог Николай Иванович — поучил:

— Гомузей, по смыслу, пиши на лбе, не музей: то не слово, обломок слова.

Посем начальник вынул из карманов серебрецо. Спросил:

— Такое имеется в музее?

Хозяин гомузея в лице даже изменился, увидав. На Николая Ивановича закричал:

— Где взял?.. У отца есть еще?.. Мы все откупим.

Николай Иванович рассмеялся:

— Разве деньги покупают? На деньги покупают.

— На эти деньги ничего не купишь,— сказал хозяин,— они вышли из употребления четыреста лет назад... ну, триста. Им теперь место в музее, и мы их у тебя возьмем, а тебе дадим много новых денег, нынешних, гораздо больше, чем стоили твои старые при царе Иване.

Николай Иванович подумал: все одно отдать начальнику, те ли, эти — старые ли, новые. И сказал:

— Ладно.

— Попробуйте столкнуться с ним,— попросил начальник,— а мы друг друга не очень понимаем.

Хозяин гомузея начал толковать и разные секреты выпытывать, но Николай Иванович не очень-то поддавался. А начальник слушал в оба уха и улыбался. А хозяин то радовался, то сердился. Пока вот так они беседовали, пришел служилый человек, два раза ходил и вывалил на пол такую кучу денег, что начальник закричал:

— Ого!

Николай Иванович подумал, что, наверно, собрали со всего города ясак. А может, и со всего якутского царства. Хозяин сказал:

— Это тебе за моточки. Но ты уж нам отдай и копье в придачу, тебе ни к чему, и лук со стрелами. Я хотя их не видел, но за глаза покупаю; верю, что хорошие, исправные и подлинные шестнадцатого века. Пиши всю расписку в получении денег.— И сам придвинулся, заторопился посмотреть, как Николай Иванович учнет писать.

Николай Иванович подумал, что вместо старого копья можно еще поудобнее, получше изготовить на заводе у Никульчана. Копье тяжелое и не пригодилось ни разу. В промине хорошо будет с топориком и остолом: ступеньки подрубать и остолом подпираться. Остол сделать с железным наконечником. Или рогатину: хороша и на зверя.

Написал расписку-грамотку обо всем: что деньги и копеечки царя Ивана продал в двух моточках по сту, и копье, и лук, и стрелы в колчане кожаном. Получил новых денег... Сколько сказали, столько и написал. Начальник сосчитал деньги, сказал:

— Верно. Можешь расписаться.

А деньги-то ему. Николай Иванович расписался и с начальником вернулся в тюрьму на тележке.

Там начальник сказал:

— Отпускаю тебя с уговором: уезжай к себе на Индигирку и не задерживайся. Получишь документ и зарплату за свою работу. Работал ты хорошо, даже отлично. Но у тебя теперь столько деньжищ, брат, что зарплата для тебя пустяк.

— Деньги твои,— сказал Николай Иванович и не тронул мешочки на полу.— Все твои. Уговор дороже денег.

— Спрячь,— сказал начальник,— и никогда не откупай-

ся: плохой человек возьмет, хороший тебя за это посадит в тюрьму.

— Обменять бы на деньги,— сказал Николай Иванович.— Утащу ли?

— Не снесешь. Посчитай: полтора ста рублей медью — пуд. А у тебя сколько сотен... знаешь?

— Не утащить. А что делать? Ума не приложу.

— Да, брат. Сочувствую... Сберкассы у вас тоже нет на Индигирке. И почтового отделения нет. А может, попробуем перевести почтой? Через полгода-год получишь. На какой адрес будешь переводить?.. Ну, куда, в какое место доставить и кому?.. Поточнее!

Но Николай Иванович молчал.

— Тогда сделай так: сколько сумеешь — тащи, остальные деньги сдай на хранение в сберкассу; я тебе помогу. Это, брат, свято: когда у вас откроют сберкассу или почту, выпишешь свои деньги, тебе пришлют. Или сам приедешь за ними, когда захочешь... Они в жиле все равно не понадобятся. Будут лежать в кубышке.

— Верно,— сказал Николай Иванович, но облегчения не почувствовал.— Уж больно мудрена Русь: денег дает помногу — и тут же отбирает за любую едешку, за ночлег, за подвоз... В Русском жиле ни одной копейки не истратили за четыреста лет, всегда деньги целы будут. А тогда к чему они? Все равно, что без них.

Начальник хлопнул себя по ляжкам, захохотал и долго смеялся.

— Хорошо думаешь, Николай Иванович! Думай еще дальше!

— Полежат четыреста лет еще — опять в гомузей продадут, на новые деньги...

— Э, нет, брат! Этак не пойдет. К тому времени денег в помине никаких не будет: вот как в твоём жиле. А в музеях полно их будет. Думай обратно давай.

— Обрато я и хотел, брат,— сказал Николай Иванович, размышляя.— Машину купил бы — непродажны, государственные. Пароходы — непродажны, поезда — непродажны...

— Да ты же молодец, Николай Иванович! — Начальник все более радовался.— У тебя губа не дура и глаз глядит как раз куда надо! Понравилось на машине ехать?.. А если бы она моя была, ехал бы ты на ней?.. А когда она государственная — все могут ехать на ней, кому надо.

— Так-то лучше,— сказал Николай Иванович.— Но мне на Индигирку надо, туда машина не идет государственная.

— Тоже правильно! — воскликнул начальник.— Надо, чтобы шла государственная машина повсюду — отвезла бы тебя за твои деньги. Но машин не хватает на все концы, для всего народа. Народ велик, страна громадная, а машин еще мало сделали. Дорого стоят, дьяволы!

— Дьяволы, однако?

— Еще какие: тысяч сто, должно быть, стоит одна машина. Даже твоих денег не хватит. Но вот что мы делаем: складываемся всем народом, кто сколько может, и даем займы государству на постройку машин, и поездов, и пароходов...

— Погоди. Это дело... Мирское, истинное дело... Кому деньги отдать?

— Деловой разговор! — Начальник потирал руки.— Сейчас все устроим. Может быть, как раз на твои денежки трактор выстроят, а то и самолет!

— Как же это? Почему на мои? Говорил, машину, поезд, пароход построят, а то вдруг трактор, самолет...

— Значит, ты против трактора?.. А целый месяц интересовался, работу на заводе бросил, не отходил от тракторов... Тут какая-то тайна!

Оба молча смотрели друг на друга.

— Как решаешь? Даешь государству займы? На все строительство: и поездов, и пароходов, и тракторов...

— Не дам.

Начальник сбил кулаком фуражку на лоб:

— Задача! Задел ты меня чрезвычайно, брат. Я бы тебя не выпустил, пока не узнал бы, в чем тайна... Но классового чувства против тракторов у тебя нет безусловно...

— Чего нет?

— К сожалению, не имею права тебя больше задерживать. Уезжай ты из Якутска или уходи, как хочешь, только поскорей: не затрудняй меня.

— А с деньгами что сделать? Так и не сказал.

— Ох, папаша! — сказал начальник и сбил фуражку со лба на затылок.— Что мне с тобою сделать?

Николай Иванович покойно ждал.

А начальник покраснелся вдруг как ошпаренный и начал смотреть пронзительно. Срыву спросил:

— Братьев как звать?

Записал о братьях — как звать, сколько лет, какого нра-

ву. И глазами проникал. Особые приметы: батя — малого росту, младший — противу Николая Ивановича человечней на целую голову. Не понял, допытываться стал: как так — человечней на целую голову?..

— Ну, видней, рослей.

— Где они оба?

— Бог ведает.

— А ты почему не знаешь?

— Давно в Мир ушли оба, не вернулись, — пояснил.

— А все же слухом слышал о них?

Николай Иванович думал долго на этот раз. Сказать, что встретил батю на железной дороге за Байкалом?.. Тогда опять начальник не отпустит. Станет выпытывать: о чем говорили?.. Сказать, что на радостях встречи даже и забыл спросить про некоего разбойника, кличкой Меншик... А начальник допытываться станет, не наговаривал ли батя на власть, не подучивал ли против?..

Но есть же правда в батиных речах об указе государевом. И Зырянов признал, что ищет геенскую смолу добыть. И сам начальник сказал, что машины — дьяволы суть. Надо начальника от батиной правды отвратить, а язык не приучен врать. Ложь сложить бы...

— Упрошу ли тебя моему поиску помочь... Подойди сходительно. Исполкома верхоянского караульщик сказывал про зверя, кличкой Меншик...

— Вот-вот!..— Начальник живо повеселел и в лице отошел, но еще с недоверием смотрел.

— Имя зверя крещеное никто не ведает, сказал. Ты хвалился, все про всех знаешь. Откручинуй меня!

— Настоящее имя бандита и я, брат, не знаю... Но к твоему описанию бати подходит этот зверь точь-в-точь.

— Нет ли поклепа?..

— К сожалению, все правда про него.

— Под кого же подпал батя?..

— Под самых злейших врагов наших.

— Теперь ему поноворить мочно ли?.. Я мыслю — нет.

— И я так думаю, — сказал начальник.

— Промыслю его самого — в руки отдам, не сам убью.

— Не сам! Ни в коем случае! — Начальник забеспокоился. — Сам под суд пойдешь!

1933 год

РУССКИЙ ЖИЛЕЦ СОВЕРШАЕТ СВОЙ ПОДВИГ

Глава 1

В ОБЖИГАЮЩЕМ ТУМАНЕ

Николай Иванович сговорился с торговыми людьми ехать до Оймякона. Вышли из Якутска большим обозом, во сто оленей, 16 января.

Все утро ехали в туман через Лену. На другом берегу остановились возле юрт, не распрягая. Хозяин ближайшего балагана уже выкопал из снега бутылки с жидкой водкой —

еще раньше, чем обоз остановился: пока соседние балаганы не перехватили к себе выгодных гостей.

Жидкая водка дивила Николая Ивановича с прошлой зимы; а еще больше дивились люди его неведению. Уговаривал людей не студить свою жизнь и не пить шальную воду, воспротивившуюся богу (и тоже говоря — стихее). Всякая капля каменела на лету, а эта водица упрячилась и холоднее льда оставалась жидкой. Но все-таки никто не околел от нее, и кто был иззябши — оживел и повеселел. Это еще страшнее показалось Николаю Ивановичу — и люди поверили, не видя хитрости в нем и жадности к водке. Люди крестили бутылку, просили верить и крест принимали на том, что водица православная, не одержимая бесом.

Она ему горло ожгла лютым морозом. Желудок заledenел, а по жилочкам растекся чистый огонь. Подумал, что пришла его смерть. Но не умер.

Подумал еще — и решил не говорить отцу о шалой воде, а то, пожалуй, и побьет за неправду. Другие же русские жильцы скажут: Николай выпил водицу небогоданную, бесовскую.

То было в прошлом году. Нынче в юрте смотрел, как ямщики пили водку, и ему захотелось испытать того же опять. Но он стерпел, потому что за водку платили большие деньги. Он также смотрел, как другие пили чай, и смотрел, как платили деньги, — жалеючи платили. И смотрел на радиоприемник.

В юрте возле теленочка стоял красный ларец и ревел непостижимо, даже телячьим ушам нестерпимо — теленок дрожал, бедный. Перед этим ларцом младший братец почитай что без горла. Батя и тот насадился бы. Да и отцу не превозмочь такую голосину: горы от нее треснут. В горы нельзя этот ларец возить.

А швейная машина, стоявшая прошлый год на месте громгласного ларца возле теленка — теленочка не тревожила, — ныне задвинута в углу балагана.

Обоз медленно двинулся от Лены к Алдану в легком тумане окрест и в густом замороженном облаке собственного дыхания.

Олени бежали ходко по черным, голым камням и по скудному снегу. Якуты бежали рядом с нартами для разогрева, всю дорогу, потому что месяц январь — самый холодный в году.

А вверх по Хандыге-реке пришлось брести водою часто.

Дорога пустилась живорастущими наледями, мороз велик был. Вода застывала на глазах, но по верху льда текла вновь, и тут же смерзалась, и вновь живоструйная выбивалась из галечников, никогда не иссякающая, заливала ущелье во всю ширину, от горы до горы. Горы: над головою хиломера. Не объедешь наледь, приходилось идти вброд.

Олени не хотели. Проводник напрасно головному оленю своей связки разбил морду в кровь. Олень огорчился и отворачивал морду, но не шел в темный поток, под которым не видно и льда.

Николай Иванович не стерпел, повел свою связку вперед, сам вошел в воду и олень — с доверием к нему. Якут за ним сразу погнал в упор, мордой в его нарты, и другие поспешили вослед. Брызги облатали оленей крепкой белой корой и прозрачной, и на лицах у людей выросли сосульки — на бородах, на усах, на бровях; на ресницах занавесили белый свет, опуская веки тяжестью своей.

Николай Иванович обрубил и обколотил лед на унтах до колен. Внутри новых унтов ноги были сухие. Один из якутов разулся и менял унты, в которых уже не таял лед.

Пришлось и поглубже бродить. Нарты залило поверх досок. Тюки обледенели хорошо, сразу, и через лед не приняли много воды вовнутрь. Хозяева не потревожились. Но нарты тяжелые, продавили тонкий лед под водой и провалились. По счастью, нижний лед оказался неглубоко.

В глазах у оленей были смертный страх и кротость. Люди тоже искупались по шею.

Николай Иванович стал зябнуть на ночлегах. Он угадывал причину в перемене корма. Два лета и вторую зиму кормился дивно и сладко: чай с сахаром пил, русского хлеба съедал килограмм или два, так что животу нужно и ногам тяжко становилось, голова болела. А теперь всему телу стало быть и зябко.

А прежние сорок лет едишку ел христианскую: рыбку в разных видах весь день и весь год, при случаях — дичину. И никогда не зябнул ни в доме своем, ни на Теплой реке, ни на Великой наледи ночлегом.

Хозяева обоза каждый вечер ставили мягкие повалуши-спаленки. Они владели вещами несказуемыми — слов нет сказать о них и названия нет. Они ум свой изошрили сладкой едой и такими хитроскладными предметами, какие век не измыслить одному человеку; но свое тело содержали нечисто, как звери.

Николай Иванович сознавал, что они во многом превосходили его, но только — от бога ли? Может быть, от нечистого?

Они в повалушах валились во всех одеждах, что надели еще в Якутске, и все дни проходили в них, ни разу и не сымали, ни на одну ночь: в меховых штанах и ферязях в меховые мешки залезали. Платье на них должно было заколость и не греть, а отымать тепло.

На Хандыге-реке водка затвердела.

Ехали молча по темному дну расщелины в камне (якутские говорят: ущелье в горах) и над собою не видели тусклого, бессолнечного неба — тяжелые меховые шапки, куколи, шарфы не пускали задрать голову.

Стало трудно изготовить костер. Топор отскакивал от дерева и не мог войти, а дерево звенело под ударом и рассыпало искры. Замерзшее железо было как стекло, а дерево — крепче железа, и лезвие топора могло брызнуть своими осколками.

Николай Иванович обламывал сучья и складывал из них костер. Ничтожный красный язычок от спички мгновенно замерзал на сучьях, его следовало беречь и холить. Хилый огонек прилипал к дровам; наконец, дрожащий и посиневший от холода, он жался и вяло полз, не имея силы подняться под тяжестью замороженного воздуха.

Через несколько дней еще выше, в ущельях, не стало и такого костра среди черных, голых скал, не хватило запасенных дров. Ели хлебные, масляные, мясные камни, понемножку отмачивали во рту, кусочками льда напивались. Освещались от серебряного сияния гор, а небо чернело к ночи наглухо.

Николай Иванович хоть переязб от безрыбицы, но каждую ночь сымал все платье до последнего и спал в мешке меховом двойном — шерстью внутрь и снаружи.

Глава 2

ОБУВАНИЕ И ОДЕВАНИЕ ТРАКТОРИСТОВ

Тракторы вышли из Якутска через месяц после торгового обоза с Николаем Ивановичем.

Их было шесть тяжелых машин на гусеницах.

Якутское правительство придавало большое значение этой маленькой экспедиции, да и Москва запрашивала о

ней: по тем временам колонна из шести гусеничных машин была даже очень большой, а в Якутии — исключительной.

Несколько организаций заботилось о тщательной подготовке всего необходимого для небывалого похода. Трактористов снабдили даже часами, которых было в якутских магазинах в то время немногим больше, чем гусеничных тракторов.

Председатель Совнаркома интересовался одеждой и обувью трактористов. Они не могли, подобно их проводникам, бежать рядом со своими тракторами, чтобы согреться время от времени, как бегают все путешественники рядом со своими нартами и оленями. Трактористы могли замерзнуть в своих высоких креслах, под железной крышкой, — никакая русская шуба не поможет им. Приходилось завернуть их в меховые одеяла.

Но между тем, по словам трактористов, машина не позволит им всю дорогу просидеть в креслах, закутавшись в одеяла и не слезая с машины весь день.

Эта проблема обсуждалась в хозяйственных и культурных центрах республики и в частных домах столицы, в партийных учреждениях и в правительстве. Ошибка или недосмотр, упущение в одежде или обуви трактористов могли причинить республике и всей стране миллионные убытки, без преувеличения, и, кроме того, сорвать планы Главзолота, отразиться на планах второй пятилетки.

Решено было: изготовить для трактористов, как людей молодых, здоровых и сильных, испытанный в старину дорожный костюм путешествующего верхом, довольно удобный даже для ходьбы на лыжах, довольно легкий и довольно теплый.

Постановили: обуть трактористов в две пары шерстяных носков и в меховые чулки и не в обычные замшевые унты, подложив в них войлочные стельки, а в меховые олени сапоги — торбасы.

Опытнейший скорняк пошил одежды и помог трактористам облачиться первый раз.

Он повязал меховые наколенники поверх лисьих штанов — и богатыри одобрили это.

На живот надел сверх рубашки меховой широкий пояс; затем нагрудник меховой, меховую фуфайку и меховую курт-

жу; май-тарук вокруг шеи, то есть ошейник из беличьих хвостов, и сверх всего — меховой санаях, вроде крестьянско-го кафтана.

Парни посмеивались, оглядывая друг друга. Потом Сеня начал хмуриться. Портной зорко наблюдал за его лицом — и немедленно надел на него меховую шапку с длинными наушниками, висящими до пояса, и другой наушник особо — с висячим меховым козырьком, а перед глазами подвесил черную волосяную сетку.

Поверх шапки портной быстро надел на него варварку короткую, только до плеч; то есть подвеску из оленьих выпоротков с окном против лица.

Поверх всего надел парку через голову, потому что парка круглая, без разреза.

Парка длинная, до земли. Русские называют ее также куклянкой, потому что она делает человека похожим на куклу и окончательно столь же несамодетельным, как меховая кукла. Эти куклянки для трактористов были парные, то есть двойные — шерстью и внутрь и наружу, и с пришитым куколем-наголовником, вроде башлыка бесхвостого, по-иностранному — капюшон. Всё — из пыжика, для легкости. Так что всех мехов надето было на одного тракториста всего полтора пуда, двадцать четыре килограмма.

Начальнику колонны дали такой же костюм. Он взял, а когда увидел, что нет пуговиц — ни в одной одежде ни одной пуговицы, — не стал надевать, остался в своей пуговичной шубе. Его уговаривали — он и слушать не захотел.

Кроме того, дали им спальные мешки волчьего меха.

Да надо отметить пришитые на куклянках большие волчьи рукавицы для отогревания рук; внутри них были заячьи рукавицы, а внутри заячьих — обыкновенные русские перчатки, вязанные из верблюжьей шерсти — самой теплой.

И на каждом тракторе было по две пары лыж, на всякий случай.

Наконец отряд выступил в конце февраля.

Шесть «ктерпиллеров» подняли шум на весь город. С непрерывным стреляющим грохотом они поволокли массивные, невиданные сани с великанскими грузами машин для золотых приисков.

На тракторах сидели под железными крышами разгоря-

ченные трактористы в кафтанах, от них валил пар. На шапках блестели красивые большие стекла под меховыми козырьками. Все остальные меха на пяти тракторах свалены были в просторных креслах, а головную машину вел первый и единственный в мире тракторист-якут, и его княжеские меха все были на нем. Просто он хотел испытать удовольствие князей, которым до этой поры и позавидовать мог только понаслышке.

Женская часть городского населения взирала с огорчением на груды дорогих мехов, оставляемые в пренебрежении без пользы. Молодые мужчины смотрели на богатырей с веселым восхищением. Старики русские высказались, однако, так, что в Якутии лето, мол, как лето, а зима — как язва. Старики якуты тоже намекнули, что недаром говорится: «Пока не поймашь — не наедайся, пока спать не лег — не раздевайся»...

Февраль в Якутске бывает теплее января всего на полтора градуса.

Чуть выглянуло солнце, на Лене наст заиграл нестерпимой для глаз алмазной пылью, всеми цветами радуги.

Великолепные московские очки с дымчатыми стеклами-светофильтрами моментально замерзли. Трактористы старались возможно реже опускать глаза на дорогу. Но больно было смотреть и прямо в воздух, полный отраженного света. Пришлось поискать в меховых кучах сорванные с шапок черные волосяные сетки и приладить к месту, чтобы не ослепнуть.

Очень скоро заныли от холода в лисьих штанах коленки, выдвинутые вперед. Пришлось опять с бранью перерыть все снаряжение; а замерзшие меха кусались, как живые белки, зайцы, лисы, волки, — меха оказались холоднее льда на Дону, на Волге, на Енисее! Покуда нашлись эти собачьи наколенники, пальцы окоченели и не могли привязать. Не удалось отогреть руки верблюжьими перчатками внутри заячьих рукавиц, внутри волчьих. Пальцы не гнулись в глубине мехов и сразу одеревенели на воздухе.

Якуты-проводники, смеясь, оголили руки и повязали богатырям наколенники, а заодно набрюшники, нагрудники, наушники, налобники, ошейники, и подбородники, и куртки — все снаряжение, кроме куклянки-парки.

Эту превосходную одежду из двойного мягчайшего пыжика цвета топленых сливочных пенек трактористы отдали своим машинам! Живым младенческим мехом поверх спаль-

ных мешков прикрыли бесчувственное брюхо железных мертвецов, переваривающее огонь на морозе.

Но, может быть, это вовсе не мертвецы?.. Может быть, они оживают от огненной пищи?

Чудовищные машины произвели в юртах до самого Оймьякона по всей дороге наибольшее впечатление, возможно, именно тем, что одеты были в нежнейшие пыжиковые кулдянки.

А трактористы зябли и с удивлением поглядывали на проводников.

Проводники тоже зябли. На них были старые, вытертые парки, штаны и унты холодные, из оленьей замши — ровдуги. Якуты привыкли бежать всю дорогу оленьей рысцой, рядом с нартами, но тракторы шли вполосину медленнее оленьей и вынуждали пеших трусить припрыжкой, чтобы не заколоться.

Скоро трактористы обнаружили невозможность достать часы из-под глухих одежд. Начальник колонны самодовольно расстегнул свою пуговичную шубу и достал часы из нагрудного кармана.

При этом он хотел еще усмехнуться. Но твердая маска на его лице не изменила ни одной черты. Он это и сам почувствовал.

Глава 3

ОБСТУПИЛА И ПРИТИСНУЛА С НАКЛАДНЫМИ НОЧАМИ ЗИМА

Начальника не слушались пальцы и, хотя угадали в кармашек, упустили часы все-таки мимо. Часы закреплены были на ремешке и благополучно повисли.

А застегнуть шубу начальнику не удалось.

Несколько километров он ехал, прижимая локтями к животу расстегнутую шубу. Песцовые рукавицы внутри волчьих не помогли. В досаде, а потом в отчаянии начальник стал просовывать правую руку к голому телу. Потом он срыву набрасывался на петлю, ожесточенно боролся с пуговицей и одерживал труднейшую победу, после чего торопливо прятал руку с мучительной болью в пальцах.

Проводники лукаво следили за героической борьбой начальника с пуговицами и по прошествии изрядного времени прониклись удивлением и уважением к русскому упорству и

стойкости. Один из них вскочил на машину и застегнул шубу. Он не высказал при этом ни одного нравоучения, полагая, что начальник вполне убедился в бесполезности и вредности пуговиц.

Остановились обедать безо времени, на правом берегу Лены, возле юрт.

Первый день в пути должен был принести, конечно, первые досады.

Проводники тоже размышляли весь день. Они по очереди взбирались в кресла к Уйбану, то есть Ивану, и расспрашивали по-якутски. Но в якутском языке в начале 1933 года еще не было таких слов, какими Ваня объяснил бы мотор внутреннего сгорания. Ваня голословно отрицал божественность «катерпиллера» и всякое присутствие волшебной силы.

В конце дня проводники отрезали наименее важный краешек одежды на себе, но поярче, и повязали на машине своего тракториста — на переднем столбике, поддерживающем крышу: поближе к мотору, чтобы почтительная жертва была все время на глазах у все сильного Мотора и расположила его благосклонность к восхищенному жертвователю. Ибо нет бесов неподкупных и богов, не податливых на лесть...

— Он не все сильный, а сорокавосьмисильный, я уже скавал, — терпеливо поправил Ваня.

Проводник усмехнулся. По его мнению, этого вполне достаточно, чтобы претендовать на идольские почести. Мы величаем Зиму Сорокаобхватной, и этого преувеличения хватает, чтобы Холодная Дама считала себя польщенной. Сорок меньше сорока восьми...

— Не веришь в сорок восемь сил? — спросил Ваня.

— Немножко меньше сорока — верю.

— Сорок восемь.

— Ты сам считал?

— Сосчитай: сколько лошадей увезут его груз?..

Проводник согласился внести уточнение в молитву. Но поскольку она уже была произнесена, не стоило второй раз молиться для того, чтобы умалить польщенного бога внутреннего сгорания. Как ты думаешь?..

Ваня промолчал, и проводник соскочил, чтобы согреться.

В сумерки якуты выбрали место для ночлега.

Снег разгребли до земли, разложили большой огонь и

ужинали первый раз на морозе. Ели кипящую похлебку из сала и мяса. Мяса было мало, сала — много.

Сеня зачерпнул кипящую похлебку, посмотрел в свою деревянную ложку с недоумением и, не донесши до рта, зачерпнул вторично. И как только ложка вынесла из котла двадцать граммов похлебки, края покрылись льдом.

— На одной ложке видны и лето и зима,— сказал проводник смеясь.

Ввиду такого мороза оставили мотор головной машины работать на малых оборотах, чтобы этой машиной утром завести вторую. Моторы укрыли мехами, снимая с себя варварку, и санях-кафтан, и май-тарук, наушник с козырьком, и шапку с наушниками, куртку, фуфайку, нагрудник, на брюшник, наколенники, налобник, подбородник... Торбасы, меховые чулки, шерстяные носки, две пары,— все набрасывали на мотор с прыжками, с яростными выпадами, под конец — нательную рубаху, и, растерев тело, с воплями, для смеха и для храбрости, залезли в остывшие меховые мешки с твердым сознанием, что «не пытаются меня, а я делаю что хочу!».

И тогда главное — чтобы выдержало сердце.

Не так страшно показалось утром, согревшись, выскочить из мешка — с отчаянной зарядкой хватать не помня себя, надевать на трепещущее тело железную, обдирающую по коже рубаху, опаляющую морозом.

И во все остальные одежды — в одну, в другую, пятую, тринадцатую — Сеня вмораживал себя заживо в течение получаса лихорадочного и очень внимательного одевания. Затем растолкал ребят и заставил выброситься на мороз. Бедное человеческое тело в страхе сжалось, отдавая свое тепло для отогрева полутора пудов звериных мертвых шкур.

Проводники еще спали на подостланных конских шкурах, укрыв животы парками, а голые спины обратив к погасшему костру. На кофейно-черных спинах успела нарасти белая куржавина инея.

Якуты с криком и смехом потеряли спину себе и друг другу и оделись очень быстро.

Начальник запретил разводять костер для завтрака, чтобы не терять два-три часа дорожного времени.

Семену Тарутинову не понравилось предложение проводников позавтракать топленным маслом. Оно кололось, как стекло, и казалось, обрежет язык и десны.

Сеня вылил немного отработанной смазки из мотора и поджег. Снег стаял, не гася огня. Проводники воззрились на колдовской огонь, а начальник сильно накричал на тракториста.

Слава этого костра опередила тихоходную колонну и скоро добежала до Оймякона.

Завтрак сварился быстро.

Тракторы взяли на крюк сани, но сани вмерзли под свою тяжестью. Пришлось повозиться с ними.

Начальник время от времени поглядывал на часы. Он поместил их в рукавице.

При часах день потянулся медленно и никак не мог дотянуться до обеда. Проводник вскочил на Сенину машину, где сидел начальник, и закричал ему:

— Начальник! Наверно, время замерзло в рукавице!

Смущенный начальник (ему самому давно хотелось есть) опять поглядел на стрелки и убедился, что проводник прав: часы замерзли, напотев от руки.

Незадолго до наступления темноты на дороге появились взволнованные якуты на оленях. Они просили начальника остановиться возле их юрты ночлегом, потому что сюда собрались многие соседи, со ста километров, посмотреть на тракторы и воспеть их мощь, которая стала мощью якутов.

Тракторист Уйбан кратко перевел их горячую речь:

— Просят ночевать.

Тракторист Уйбан привлек наибольший интерес у всех собравшихся со ста километров. При свете костра в открытом очаге на земляном полу в тесной юрте окружили Ваню пятеро мужчин-якутов, не считая проводников и самих трактористов; пять женщин и еще дети, которых трудно было сосчитать, потому что они не сидели на месте и казались очень похожими. Ваня что-то рассказывал по-якутски — так же немногословно, как у него и по-русски получалось.

После ужина он запел, скупно отбирая слова, точные даже в образных преувеличениях. Он пел негромко и очень мечтательно, к удивлению Сени. Он воспевал страну, прекрасную зимой и летом, и ею созданный народ.

— Второй раз в жизни слышу, как ты поешь, — сказал потом Сеня.

Вот перевод Ваниной песни:

Ну-у!

Во-от!..

Морозом пышущая,
обступила и притиснула
вселенную теснящая пора.

Какое основание петь мне?..

Для меня ложе стелет ледяными иглами,
одевает спину пышным инеем,
лицо украшает снежными суметами!

Почтенная пора!

Девятимесячная важная пора!

С обжигающим туманом

убыточные сутки,
с накладными ночами,
с пургой и метелью,
вечной вьюгой и слякотью
и плетью резкого ветра!

С отвратительным видом!

валящимся лесом,
поздно рожающим скотом,
недолговечными людьми!

Какое основание взять для песни?..

Прекрасная!

С широким и знойно-дымчатым лицом
восьмигранная Земля-мать!

С тремя оторочками,
восемью путами,
с девятью подпорами!

От ледяных громад владычного моря
до краев немерзнущего моря
обставленная стоячими горами!

С зелеными равнинами лежащих гор,
с текущею кипящею водою в основании!

Какое направление петь мне?

О чем сказать мне вещие слова?..

Скоро набухнут почки на сосульках!
Увижу мягкие цветы на изваяниях льда!
Увижу серебряные цветы на белом снегу!
Увижу днем оживающие ночные камни!

И самая гибель становится мягче!

И самую гибель умягчим железом!

Мы изомнем эту зиму
в незамерзающих горстях —
нашими новыми пальцами,
железными, нажимающими
и раздавливающими смерть!
Длинноногие, подпоясанные,

с глазами из воды,
и телом из земли,
и жилами из травы!

С гибкими сочленениями
и на гибкой шее свободной головой,
оседлавшие трактор —
мы, якуты!

СОРОКАВОСЬМИСИЛЬНЫЕ ДРАКОНЫ ФИРМЫ «ПОТЕРПЕЛЕВ» И САМОЛЕТ

Николай Иванович сразу смекнул, что трактористы разогревали завтрак на гееннской смоле.

Он еще не ушел из Оймякона месяц назад, когда слух прилетел об отправлении тракторов из Якутска. И он решил дожидаться, чтобы увидеть их на ходу и увидеть котлы и драконы.

Он утомился чрезмерными впечатлениями долгого путешествия и непривычным размышлением о вещах непостижимых: о гееннской смоле, и адских котлах, и драгонах, не то драгах, и дракторах, то есть тракторах... Уже слова сбивались — оказывались мыслями, а мысли — словами: разобраться в них, что к чему, с каждым днем становилось трудней. Возможно ли, что драги и дракторы — суть одно?.. Выговаривается «драконы», а на деле — не те же драконы ли?

Догадаться ж надо! Подправили прозвание, чтобы крепких исплошить поверней.

В середине марта в Оймяконе стал слышен дальний железный гул.

Они все громче ревели, подползая к Индигирке, отрывая ноздрей огонь и смрад от своей гееннской еды — нефтяной смолы, возбуждая отвращение и страх в воображении Николая Ивановича.

Черные могучие груди, способные сбить с места любой домишко, прикрыты были от стужи пыжиковыми желтящимися парками и время от времени явственно издавали немощный кашель, и также слышался мощный чих.

Все четыре столбика, несущие кровлю над креслами, повязаны были синими и красными полосками, обрывками, клочками цветных тряпок сверху донизу на шести дракторах — подношениями от прельщенных душ, поклонившихся огнедышащему.

Оймяконские посмотрели — поспешили тоже с дарами, как только драконисты уняли своих бесов и те притихли.

Драконистов приняли почетно. У самого богатого начальника оймяконского истопили в просторной летней избе, в окнах прилепили к стеклышкам новые чистые льдинки для утепления; по полу раскидали сено для чистоты и при-

ятности. В избе стало красиво, чисто, и драконист Уйбан вечером пел:

Ласковой волной подул теплый ветер!
Затрепетал своими каплями теплый дождь!

На третий день поползли из Оймякона дальше, на Индигирку. Николай Иванович пошел за ними, а потом и рядом с ними, да и взошел на Ванин трактор. Ваня поманил рукой: узнал-таки байкальского знакомого.

В креслах посидел и рассудил, что один грех долгий, хиломеров на тысячу, согрешил уже от Иркутска до Качуги ездой на автомашине. Еще хиломеров на десять малый грешок согрешить — прибавка невелика. Тысячу бог простит — неуж на десяти упрется?

Драктор ташил на себе Николая Ивановича.

Разновидны были с автомашинами во всем, кроме шума и смрада. Силой превосходили, шумели непомерно, смрадом же мерзко подобны и, думалось, подвижны духами сродственными.

С Ванина перешел на Сенин. Осмелел, сидя в креслах, — перекрестился. И сошло. Он и драктор перекрестил и дракониста — те не поперхнулись.

Семен удивился, взгляделся в пассажира — узнал. Захохотал. Николай Иванович напрямки спросил:

— Куда идете? Зачем? Для чего котлы?

Сеня напрямки отвечал:

— Котлы с нефтью ставить и в гееннской смоле нас, грешных жильцов, уворовавших океанскую дорогу, варить по дохлomu указу.

Николай Иванович отшатнулся, с гневом взглянул на оскаленную рожу, измазанную по-чертовски, но засомневался: почему же сказал «нас варить»? Самого себя варить не станет. И смеется.

— Семен Агафангелов! Над народом скалишься! — сказал сурово.

Тарутинов перестал смеяться. И тут у них был важный разговор. Николай Иванович сам даже в руки взял железное колесо и беса водил: куда повернул ручное колесо — туда и беса повел. Открыл глаза на многое и сам веселился вместе с Тарутиным.

Мороз умягчился днем. Уйбан громко пел по-якутски:

Над самой головой четыре луны,
четыре серебряных сугроба —

четыре копыта Иэехсит,
летающей белой кобылицы.

Она фыркает сильнее, чем «катерпиллер»,—
Иэехсит, богиня, тетка,
одаряющая нас телятами,
и жеребятами, и тракторами,
и сладким творогом!

Широкая страна пусть нарядится!
Создательница звонко ржет:
«Ретивые тракторы пусть водятся у вас!
Огнепышущие да соберутся в табуны!
Полное поле железных кормите
каменным маслом, тас-хаяк!»

Николай Иванович проводил их до половины дня и вернулся в Оймякон. Стало ему покойно.

Он обещал хорошему человеку Мичике помочь в заготовке веточного корма. Мичикой звали якута, потому что не умел выговорить крещеное имя: Дмитрий.

Мичика обещал проводить Николая Ивановича по Индигирке вниз до Большого улова, до Момского ущелья на оленях. Уговорились ехать в марте, но Николай Иванович стал дожидаться тракторов из Якутска. Тракторы прошли, а Николай Иванович не заторопился.

Они выехали ломать ветки ближе к полудню, потому что раньше самые кормовые, тонкие веточки крошились и рассыпались при первом прикосновении.

Но в полдень на кустистых ледяных изваяниях начинали распускаться почки, как в песне Уйбана. Оттаявшие на солнцепеке кончики ветвей и растений начинали самостоятельно и поспешно жить.

Мичика и Николай Иванович собирали оттаявшие ветки целый месяц. В середине апреля еще были сильные морозы по ночам, да и днем в тени держался мороз. Деревья стояли, как ледяные столбы. Отененные ивовые кусты были как ледяные узоры в воздухе — бездыханные и хрупкие, — но чудно осыпаны живыми серебряными сережками над самым снегом и льдом.

На веточках торопливо развивались листочки. Зеленели ниточки трав, тянулись вверх из замороженных корешков с такой быстротой, что при охоте и терпении можно было увидеть, как они подрастали. А вечерними страшными чарами мороза все это теряло дыхание, мертвело, камелело... до завтрашнего дня.

В полдень — но каждый день немножечко раньше —

солнце творило сказку: расколдовывало льды, и камни мягчели, дышали снова, жили и подрастали в течение двух или трех часов.

Ни на один день земля не осталась оголенной, когда стаял снег. Снег сошел с зеленой земли, покрытой травами и белыми, и желтыми, розовыми, красными, фиолетовыми, голубыми, алыми цветами.

По нарядной, праздничной земле проехали веселые, праздничные гости — Сеня и Ваня с начальником, чистые, умытые, богато одетые, с песнями, в Якутск за наградой приглашенные правительством.

Сеня, Ваня и Николай Иванович встретились, как старые, добрые знакомые, и снова долго беседовали. Николай Иванович опять советовал Семену Тарутину вернуться в Русское жило, звал ехать вместе, нынче же и намекал: без меня-де дорогу не сыщешь, не войдешь в Русское жило.

Семен ответил хвастливо, что с орденом-де дорогу найдут куда угодно. Еще сказал: кто из нас-де в Русское жило раньше будет, тот и поклон исправит.

По старинному обряду облобызались, лицемерясь душевно и родственно.

Лед в реке стоял крепко, примороженный ко дну. В старой реке не было ни капли воды — только лед, кроме разве самых глубоких мест.

Но поверх льда, поверх старой, затвердевшей, прошлогодней реки хлынула новая, молодая река вешних вод.

Прошел еще месяц. Молодая лиственница начала распространять свой сильный аромат, и днем в тени уже тепло было — лето смешалось с зимой. Морозы отступили в ночь и стояли крепко до утра, замораживая все жидкое, мягкое, зеленое и красочное — до появления солнца.

Мичика предложил плыть. Он уверял, что вода как раз сейчас самая правильная, домчит в два дня до Момского ущелья.

Николай Иванович отказался и проявил упорство при этом, удивившее Мичику. Как можно человеку стать таким изнеженным и требовать от Индигирки, чтобы она была теплая?.. Правда, «течет кипящая вода в основании гор», но кто из живых плавал под горами?..

Мичика сердился:

→ Сказал, «будем плыть» — надо плыть. Люди ждут — верят Мичике.

Николай Иванович ничего не сказал, но плыть не спе-

шил и все еще находил воду холодной. И ночные заморозки признавал неприятным. Так что он провел бы еще месяц в Оймяконе.

И деньги он отдал взаймы государству для пятилетки. Взамен большого количества малых грамоток получил в меньшем числе большие раскрашенные грамоты, и на них изображались поезда, и тракторы, и пароходы, и другие вещи непонятные. И самолет.

Вот уже лед оторвался ото дна и всплыл и умчался вниз.

Тут приезжие из Якутска рассказали, что скоро полетит самолет на Студеное море и на Индигирку.

Самолет будет лететь один день от Якутска до моря, другой день — до Индигирки, третий день — по Индигирке до Оймякона.

Председатель кооперации спросил: зачем же самолету лететь в Оймякон через море и горы, вокруг вселенной целых три дня, когда он может пролететь прямой оленьей дорогой с утра до обеда и быть в Оймяконе?

Рассказчик ответил, что люди на самолете увидят сверху всех якутов и эвенков, юкагиров и русских во всей вселенной — в укрывшихся поселках, где до сей поры ничего не знают о новых законах, о советской власти. В этих поселках самолет будет садиться, и советские летающие люди расскажут обо всем новом на Руси.

Услыхав это, Николай Иванович захотел плыть тотчас или наутро.

Вечером он поговорил с Мичикой еще о Момском улове.

Мичика один раз проскочил зимой там на оленях, в солнечный день; но и самому дню тесно в Момской промoine — и ополдень там был вечер света. У оленей ноги разъехались на льду. Нарты ветром подхватило, оленей повалило, понесло. Утесы красные близко с двух сторон замелькали — лед обдутый, гладкий, зацепиться не обо что, а щель извилистая. Стоверстая щель.

Ветер быстрый тащит и тяжело с размаху бьет в скалы, от собственного удара сам отлетает к другой стене; олень же и человежье мягкое тело расшибается и волочится дальше бесчувственное, неживое и закаменевшее, как нарты, и снег, и самый ветер.

Утром рано Мичика положил в ветку-лодку небольшой запас пищи на два дня: два килограмма хлеба и два килограмма замороженного коровьего масла, сбитого вместе с

пахтой, — такое называется «хаяк». И они отправились в четырехсоткилометровый путь к своей гибельной цели.

Они сели в ветку и отпустились от берега и полетели. Так вскакивает горожанин в трамвай в момент отправления, чтобы проехать одну остановку. С этого момента и до остановки в конце дня Мичика уже не смел отвести глаза хотя бы на секунду от мчащейся вместе с ними вероломной дороги и от шалого, шатающегося и вертящегося вместе с ними дощатого скакуна.

Глава 5

МОМСКОЕ УЛОВО

Через час ветка вылетела на Индигирку и, убавив скорость до десяти или двенадцати километров, с грозным шуршаньем понеслась на опасном просторе.

Неудержимый поток раздвинул горы на несколько сот метров, а ниже, пополняясь притоками, река достигла трех километров ширины и продолжала расширяться.

Наиболее крепкие породы река обтекла со всех сторон, окружила и нарезала множество голых каменных островов. Часть из них покрылась лиственницей или тополем врозь.

По реке мчались длинные, полные скрытой мощи волны без гребешков. Они воздымали лодочку, переносили над подводными холмами и скалами и вновь опускали, как бы замахнувшись веткой, с такой стремительностью, что дух захватывало. И вдруг на всем скаку лодочку завернуло и потянуло вверх, против течения, с величайшей быстротой. Николай Иванович от ужаса не успел перекреститься, как все уже переменялось, и лодочка срыву полетела вниз по реке.

В одном русле мчались два встречных потока. Они шумно терлись шершавыми в песке боками — и дивно, почему не в пар истирали друг друга?..

Николай Иванович сотворил запоздавшее знамение благодарности спасителю-богу, но даже завершить крест не успел и выпучил глаза: лодочку занесло стремглав опять вверх... и вот уже снова вниз.

Он запутался между верхом и низом реки, в глазах закружило и в голове тоже. Дрожащей рукой вытащил

из-за пазухи первый приз москваряди — пообещанную владычице вечную ручку с золотым пером. Закричал:

— Матушка Индигирка! Уйми Большое улово! Не дай погибнуть крещеным!.. — и бросил с подкидкой вечнопишущее перо, так что взблеснуло золотым клювом, нырнуло в водоворот.

Мичика наблюдал за водоворотом, обсушив весло. Он зорко улучил мгновение, сунул весло, словно подставил ножку водовороту, и вырвал ветку из улова.

Волны скребли лодку взболтанным песком.

Николай Иванович, успокоясь, подумал, не слишком ли скоро пробежали сто километров Большого улова. Хрипло прокричал, пересиливая шум реки:

— Момское-то улово?..

Мичика неслышно засмеялся.

Они прошли много таких водоворотов и на другой день уже не считали их.

Они плыли среди гор, ставших известными для европейской географии семь лет спустя, когда здесь прошли советские геологи и географы: Сергей Обручев, сын Владимира Обручева, и другие.

Горы возвышались над рекой на два километра и поднимались все выше. Река между тем расширялась до пяти километров и понеслась еще быстрее. Мичика держал ветку все время на стрежне и поглядывал с почтением на дальние утесы, от которых отваливались штурмующие валы. Мичика берегся, чтобы внезапным водоворотом не уловило бы ветку поблизости от утесов — нанесет боком на утес и запрокидывающимся валом утопит.

После притока Ульчан утесы приблизились к лодке, шумом оглушая. Река в крутых поворотах с ревом понесла лодку на утесы. Мичика работал изо всех сил, и воюющие и шипящие стены проносились мимо. Николай Иванович крестился или бросал чего-нибудь в воду и спрашивал, не Момские ли пороги. Но это были даже и не пороги.

Горы начали сжимать Индигирку. Она поднялась перед ущельем, запруженная плотиной собственных вод, а из ущелья понеслась по водяному скату, но сразу наткнулась на следующую горную цепь и опять прорывалась между оглушающих стен.

И по всей реке, на обоих берегах, — ни живой человеческой души. Только птицы и звери.

В конце второго дня, промчав четыреста километров, Мичика ловко прихватился к берегу у преддверья Момской щели. Здесь стояли две юрты его знакомых.

В юрте собрались несколько человек и в ожидании ужина повели разговоры о Момской щели. Они сообщили усталым гостям, что якуты собрались к реке встречать Мичику по ту сторону улова — на выходе из ущелья. Все очень волнуются...

По обе стороны реки далеко разошелся слух о намерении Мичики пройти веткой через Момское ущелье и провести русского. Один только Николай Иванович ничего не знал об этом до сей минуты. Он просил Мичику проводить до улова, и Мичика обещал. А чтобы звать чужого человека в улово — разделить свою смерть, — Николай Иванович и не помыслил.

Уже триста лет никто не решался нырнуть в Момское улово — после того, как шесть храбрецов исчезли там, чтобы выручить нетерпеливого русского жильца. О таких пел Уйбан-тракторист:

Длинноногие,
подпоясанные,
с глазами из воды,
и телом из земли,
и жилами из травы,
с гибкими сочленениями
и на гибкой шее свободной головой — якуты!

Они умерли, а Индигирка осталась рекой с порогами. Но куда девался тот нетерпеливый русский? Он тоже умер! А земля все та же, как мы знаем. И если Мичика умрет, будет опять Индигирка с Момой и земля — землей.

Мичика молчал, и все понимали, что он не поколеблен и, разумеется, не должен поколебаться: столько якутов поехали встречать его у Чыбагалаха, по ту сторону ущелья.

Да есть ли пороги в ущелье? Ничего не известно, никто не видел. Говорят, что река там, стиснутая до пятисот метров, вращается всем своим жидким туловом сверлообразно и этим способом успевает прорваться через стоверстное ущемление, которое она, твердея от скорости, сумела просверлить в гранитной горной цепи.

Один оборот сверла занимает будто бы полчаса. Это

видно из того, что огромнейшие деревья, захваченные уловом, показываются вновь на поверхности, на изрядном расстоянии ниже, через полчаса. Но кто видел?

Даже с высоты утесов нельзя без головокружения посмотреть в пучину, кипящую тысячей винтов, потому что гигантское сверло извито на тысяче крутых поворотов ущелья.

Сверлит и скребет граниты с глухим и страшным шумом. От гула дрожат и рвутся жилы в человеческом теле... Но кто почувствовал это в своем теле? Кто видел или хотя бы слышал это, если никто не может подойти по утесам близко на край пропасти и сверху заглянуть?

Может быть, вода толкется без всякого порядка и непрерывными залпами волн бросается на утесы, проталкиваясь через теснину, размалывает все, что в нее падет?

Мичика молча слушал, потом лег спать. Утром он осмотрел ветку, среди молчания и внимания провожающих.

Потом Мичика и Николай Иванович поели хаяка и сметаны, хозяйка юрты угостила их последний раз. Никакой пищи не взяли с собой. В Чыбагалахе — по ту сторону — покормят их.

Привязанная веточка взлетала и опускалась на плоских волнах. Огромная река тяжело дышала. Решившиеся вскочили в лодку. Их отвязали. Люди на берегу еще словили глазами лодочку на волнах, и вдруг — две лишь головы между валов.

Рокот словно вышел из Момской щели навстречу бесстрашным жизненосцам, чтобы сокрушить их волю, грозящую скалам и самой воде, которая сильнее даже скал. И вдруг над головами Николая Ивановича и Мичики появилась в вышине серебряная невообразимая птица, и гром раскатился над Индигиркой. Охотящийся самолет высматривал героев, рожденных раз в триста лет, и не увидел их среди валов реки; полетел к Оймякону.

А люди увидели, как сотрясенная река ударила Мичику — и перед русским Николаем Ивановичем, должно быть, закрылись храбрые, немигнувшие глаза Мичики. Вода, убившая Мичику, пала также на русского и стала топить его вниз, а он, бедняжка, в это мгновение, наверно, думал: как это может сама вода тонуть в реке, словно камень, и своею тяжестью топить человека?

Но когда улетел самолет, огромный и быстрый, как не-

бесный камень, люди на берегу радостно закричали, увидев опять меж валов на крутизне две головы.

Вся громада вод бурлила под красно-серой стеной гранитных утесов. Волны нарастали туда, где стена заграждала долину; но Индигирка пробила в стене ворота широкие, в полкилометра: они казались входом в узкую щель, потому что высота стены два километра.

Перед щелью громоздились все воды Индигирки вверх по клокочущему и пятающему скату реки, чтобы сверху скользнуть вбок, вдоль гранитного откоса, ко глубокому дну и, закручиваясь всею толщей, ввинтиться в Момское ущелье.

ЛИДИЯ — ОБ ИВАНЕ АНДРЕЕВИЧЕ, О ТАНЕ И О ТАНИНОЙ СЕМЬЕ

Таня заманивала меня по телефону:

— Лида, приходи к нам вечером в девять часов, только обязательно! И угадай, кого ты увидишь!

Вечером в девять на Якиманке, в их уютной коричневой гостиной, я увидела Ивана Андреевича.

Он уже начал сесть, но красив и величав был необыкновенно — с прямкрылым лбом под океанским прибоем черных кудрей; нос граненый, глаза нарисованные и борода водопадом, как у Леонардо да Винчи! Ну и человек! И он сделал вид, будто узнал меня. Тем не менее я сказала:

— Иван Андреевич! Не делайте вида, будто вы узнаете меня. Вы не можете помнить всех ваших студентов.

Он сказал:

— Не могу. Запоминаю только будущих докторов геологических наук. А их немного. Сегодня вы у меня второй навстречу.

— А первая кто, Иван Андреевич?

— Вы — первая, Лидия Максимовна. Другой доктор — мужчина, мужичок даже. Лоцманок. Утром приходил ко мне.

— Что это — лоцманок? Фамилия? — спросила Таня.

— Профессия. Я его так называю, потому что он был моим лоцманом на притоках Северной Двины, когда едва возвышался над столом. Сейчас я его учу нефтяной геологии, а сначала-то, лет двенадцать назад, он меня учил.

— Оригинально и неправдоподобно, — сказала Таня.

— Сколько же ему лет было, когда ты плавал в тех местах? — спросил отец Тани, Антон Елисеевич.

— Да ребенок был.

— Расскажите, Иван Андреевич! — попросила мать Тани, Полина Сергеевна. — Вы всегда рассказываете необыкновенное о ваших студентах. Можно подумать, что в Нефтяном институте одни вундеркинды.

Иван Андреевич положил длинные пальцы на скатерть и поглядывал в одну сторону на меня и в другую сторону

на Таню и на Полину Сергеевну и прислушивался к нам, когда мы даже молчали, а он рассказывал, — такой внимательный и незаметно иронический, что уж мы, все женщины за столом, не сводили с него глаз.

— Тогда я толкался на северных реках. Пришлось сплывать на плоту, за отсутствием каких-либо подходящих судов для экспедиции. Но пароход или плот, а без лоцмана плавать нельзя, особенно на порожистых реках. Реки Севера к тому же до революции не были обставлены знаками фарватера, указывающими главную струю течения и наименьшую глубину. Читали вы, что писал Марк Твен о лоцманах? Это — труднейшая профессия и безусловно развивающаяся интеллигентность вместе с наблюдательностью... Память необыкновенную вместе с силой воображения. Хороший лоцман воспитывался с детства.

Плоты движутся медленно. Занятие лоцмана требует терпения, а говорить почти не с кем, не о чем и незачем — только подать команду, которая беспрекословно исполняется.

Тяжеленный и неповоротливый плот на быстрых, порожистых реках требует безошибочно точного управления. Одна или две пары слабых человеческих рук не в силах быстро и верно направить плот, когда порог или камень уже виден глазам. Лоцман, прежде чем видит, — наперед и безусловно должен знать и рассчитать остаток расстояния до подводного, невидимого камня, изменчивую скорость воды и ветра и непостоянную, слабеющую силу рук на гребях... Это значит — все расчеты у лоцмана должны быть уже в памяти чувств, направленных и зорких.

Лоцманы нередко таскают с собой сыновей с пятилетнего возраста, для приучения и передачи наследственного знания реки. У меня был такой лоцманок, знакомый с рекой, как чайка, — из скорлупок. На Выми-реке порекомендовали зырянина Васю, притом утверждали, что на Выми Вася чуть ли не лучший лоцман.

Но стоило посмотреть на прославленного лоцмана Васю, чтобы весьма и весьма засомневаться, доверить ли ему судьбу экспедиции, а может быть, и людей... На помосте плота стоял лёнволосый мальчишка в одной холщовой рубахе до пят — голый и нищий, как чайка. Эта обширная материнская рубаха на нем хлопала под холодным ветром, так что всем, кто смотрел на него, становилось тепло.

— Холодно! — поправила Таня.

— Сердитый ветер теребил худенькое тельце в рубахе и

не давал ему ни мира, ни перемирия, но мальчик не сдавался, не обращал даже внимания. Так что все, кто смотрел на него, начинали испытывать иллюзию, будто бы ветер вовсе не холодный...

С этим Васей мы поднялись на перевал и вышли к верховью реки, которую Вася назвал Жирной. На карте ее название Шомбуква.

Молодые сотрудники экспедиции, интересовавшиеся всякой экзотикой и фольклором, спросили, почему такое название у реки. Вася ответил: «Потому что жирная». Молодежь острила по этому поводу и забавлялась.

В верховьях мы свалили лес под руководством Васи, сплести плот и пустились в плавание по Жирной.

Плыть я хотел до определенного места, а затем пойти через водораздел. Я предупредил об этом Васю. Когда мы достигли намеченного места, я сделал ему знак прибиться к берегу. Вася посмотрел на меня, но не подал команды гребцам.

Я подошел к Васе и громко сказал, что надо здесь пристать. Нам надо искать нефть, а вовсе не кататься на плоту по малопривлекательной реке с нелепым названием.

Мальчишка, не отводя глаз от воды, спросил, что такое нефть. Плот снесло дальше вниз.

«Эй, к берегу!» — закричал я гребцам.

Плот был собственный экспедиции, я платил деньги гребцам и самому лоцману, я был хозяин. Но гребцы подчиняются команде лоцмана и ничьей другой команды не слушают.

Гребцы слушали голос мальчишки и не обращали ни малейшего внимания на меня. Они повели огромными рулевыми веслами из целых стволов и ввели плот в быстрину главной струи.

«Поднять весла! — воскликнул мальчишка. — Все на балаган!»

Гребцы вытащили бревна-весла и закрепили их, чтоб не смыло волной. Все поторопились залезть на помост. Признаюсь, я схватился за флагшток на балагане, когда увидел громадные пороги, к которым неудержимо теперь стремился плот.

Мы были оглушены рычанием, клетотом и шипением воды. Женщины сами не слышали, как они визжали.

— А как же вы слышали? — сердито спросила Полина Сергеевна.

— Беру свои слова обратно. Я это высказал как предположение.

— Какой живописатель.

— Мама, но Иван Андреевич извинился же!

— Все в страхе глядели на пенные буруны, появившиеся со всех сторон. Над нами пролетел ливень брызг. Мне даже показалось, что я галлюцинирую, что меня забрызгало нефтью... Плот нырнул, только помост возвышался над водой, и в следующее мгновение плот спокойно плыл по тихому плесу. Беспмятная река была полноводна, широка и невозмутима. Ветер трепал Васину рубаху, а лоцман в ней стоял крепко, — натурщик для скульптора. Гребцы сдвинули гребни в воду. Вымокшие геологи озирались и начинали уже сомневаться в подробностях того, что произошло.

«Поносну и корму вправо!» — скомандовал лоцман.

Студенты закричали:

«Смотрите, Иван Андреевич!»

«Стой, стой, — поспешно сказал я лоцману, — не причаливай, голубчик».

Я смотрел на радужные пятна, покрывшие воду. Плот прибил, гребцы соскочили на берег и замотали канат на ближайших деревьях. Река текла черная, широкая, с радужными разводами нефти.

Глава 2

ИЗУМИТЕЛЬНАЯ ИДЕЯ

— Что говорить, зрелище было волнующее, как для авантюристов Майн-Рида зрелище реки, устроившей свое ложе на чистом золотом песке. Если вы читали в детстве...

— Я читала и волновалась безумно, — поспешно сказала я, — а сейчас волнуюсь еще больше!

— Я спросил, где начались эти пятна, но мои коллеги прозевали не меньше, чем я. Ответил мальчишка:

«Сразу от порога».

Я схватил его за ухо:

«Ты почему не прибил плот выше порога, где я велел?»

Малец смотрел испуганно, и угадайте, что он ответил.

— Там нельзя было, — быстро сказала Таня.

— Позвольте мне, Иван Андреевич! — воскликнула я. — Я бы хотела угадать! — У меня билось сердце от жела-

ния угадать. — Он хотел спросить ученых людей о жирных пятнах на реке.

— Угадала! — сказал Иван Андреевич с удовольствием. — «Еще хочу узнать, — заявил дерзко мальчишка, — почему земля в берегах узором вяжется?»

Его ухо было в моих руках, но он спешил высказать свои главнейшие вопросы в жизни, которые были для него важнее целого уха.

Иван Андреевич взглянул украдкой на часы. Я ужаснулась:

— Иван Андреевич! Неужели вы не скажете, чем кончилось?

— Конеч ты знаешь, — сказала Таня. — Этот рыбак учится в Нефтяном институте.

— Земляк Ломоносова! — вырвалось у меня, не знаю почему и откуда взялось. Я покраснела.

— Таня, ты начинаешь ругаться, — сказала Полина Сергеевна.

Таня уже ревновала. Она не только перепутала его профессию, чтобы выразить пренебрежение. Она не сказала, как мы обычно говорили: «Он учится у Ивана Андреевича». Она не хотела, чтобы он учился у Ивана Андреевича, этот удивительный мальчишка. Иван Андреевич сказал:

— Таня, не ревнуй. Ты одна занимаешь в моем сердце место целого института.

— А зачем же он приходил к вам сегодня?

— Таня! — вскричала я.

— Таня, сколько тебе лет? — сказала Полина Сергеевна.

Антон Елисеевич хохотал.

— Вася решил будущим летом найти нефть в кембрийских пластах в Якутии и пришел объявить мне свое решение.

Иван Андреевич не прочь был подразнить Таню. Она разъярилась.

— А в кембрии как раз и нет нефти, — презрительно сказала Таня.

— Ты в этом уверена, Таня? — спросил Иван Андреевич.

— Внимание, дочка, здесь экзаменуют! — сказал Антон Елисеевич.

— Абсолютно уверена! — заявила Таня и скороговоркой высыпала с язычка все решительно латинские названия кембрийских рачков и по-ученому заключила: — Отсюда следует, что в кембрийский период животный материал для образо-

вания нефти имелся в небольшом количестве и не мог послужить для возникновения значительных залежей, которые было бы выгодно разведывать и эксплуатировать.

— Что скажешь, Иван Андреевич? — хвастливо спросил Антон Елисеевич.

— Ничего не скажу. Дочка красавица... и начетчица.

Таня страшно обиделась, и любящий отец вступился за нее:

— Позволь, Иван Андреевич, все, что она говорит, соответствует твоим лекциям. Ты же сам говорил, что если и были месторождения в кембрии, то они должны были выветриться за миллиард лет.

— Это самое я и говорю своим студентам. Таня мне поверила и отчитала мою премудрость, как молитву. А Вася, понимаете, не верит, не соглашается со мной и со всей сегодняшней наукой. Значит, быть ему доктором... Достаточно ему для этого сдвинуть науку с ее сегодняшней точки...

— И вы пошлете его в Якутию? — вскричала Таня. — Как его фамилия?..

— Танюша, ты бы обратила внимание, как он заставил меня спуститься через пороги, чтобы объяснить ему нефтяные пятна. Тогда он был моим лоцманом. А теперь-то я его лоцман, а?.. Его фамилия Зырянов.

— Зырянов? — с удивлением воскликнула Таня.

После ухода Ивана Андреевича я сказала отцу Тани:

— Архангельский тоже утверждает, что в Якутии должна быть нефть.

— Академик Архангельский, — аккуратно поправил Антон Елисеевич, — не утверждает, а предполагает и при этом указывает на левые притоки Лены именно потому, что там имеются послекембрийские отложения.

Я сказала:

— Антон Елисеевич, знаете, мне пришло в голову: бог с ним, с кембрием. Но это изумительная идея — найти нефть в Якутии! Пусть не в кембрии... Геологический институт прославился бы такой находкой!

Антон Елисеевич посмотрел задумчиво и ничего не ответил.

Я подошла к шкафу и порылась в полке «Север». В одной книжке, изданной в 1919 году, прочла: «Зыряне отличаются большой предприимчивостью и энергией... которая проявлялась уже в активном освоении местности. Повсюду, где посе-

лился когда-либо зырянин, он немедленно давал воде и месту свое название, — всем водам («ва» — вода по-зырянски) от Урала — от реки Оби до Москва-реки: Обва, Косьва, Лысьва, Сосьва, Чусва (Чусовая), Ува, Москва (Коровья река)»...

Даже в дневнике...

Нет, стыдно написать.

Нет — никому. Даже — себе..

Даже в этой заветной тетради, в переплете с тайным замочком...

Ведь это у королевичей принято было влюбиться по портрету или по молве... Смешно для советской девушки!

Но так хочется полюбить...

А я не королева, я — аспирантка!

Хвастаюсь. Перед кем!.. Перед собой — и под замочек!

Вспомнила, откуда я взяла «земляка Ломоносова». Из «письма номер один» многоуважаемого Бернарда Егоровича Небеля.

Неужели Н. писал о Зырянове? Можно выяснить через Таню: был ли Э. на Байкале минувшим летом?

Глава 3

ЖДАТЬ ПЯТЬ ЛЕТ, ИМЕЯ ВСЕ КНИГИ В РУКАХ!

Огромное нетерпение овладело Зыряновым, когда он начал учиться и понял, как много времени упущено. Он проучился три месяца на подготовительных курсах для поступления в вузы, но пришлось и в эти три месяца выезжать по командировкам комсомола для проведения коллективизации. Дело было в 1930 году. Все же он сдал за первый курс... Правильнее сказать — преподаватели приняли от него зачеты.

В то необыкновенное время, почти уже легендарное и давно неправдоподобное, когда больше учились взрослые, чем дети и юноши, преподаватели не столько принимали зачеты от студентов, сколько принимали во внимание студента — его огромные общественные задачи (называемые «нагрузками»), партийность, возраст — и по совокупности отмечали в зачетной книжке: «уд» — что означало «удовлетворительно».

Итак, Зырянов сдал зачеты и подал заявление о желании учиться в Московской Горной академии. Заведующий крае-

вым отделом народного образования изумился и сказал студенту, что на подготовительных курсах существует второй курс, который тоже надо окончить, прежде чем поступить в вуз.

Перед заведующим стоял довольно щуплый молодой человек, лет двадцати четырех, с незначительной внешностью, с хорошими батрацкими манерами (подтверждавшими без документов отличное классовое происхождение) и революционной смелостью во взгляде и речи. Начал учиться, когда впору жениться, проучился всего шесть лет...

Заведующий прервал его автобиографию:

— Ты сам говорил, что проучился два месяца в этом году. Наверно, так было и все шесть лет?

— Иначе и не могло быть в наше время! — воскликнул Зырянов. — Но вы хотите, чтобы я еще десять месяцев не учился!

— Пойми, товарищ, что ты не сможешь учиться в Горной академии — тебе не хватит знаний. Надо подготовиться...

Зырянов ответил, что он оставался неграмотным до восемнадцати лет; должен был памятью набирать житейский опыт и не забывать ни одного замеченного камня в реке — а замечать надо было все камешки, не упускать ни одного услышанного слова.

— Так что теперь и прочитанные слова с одного взгляда на страницу, и объяснения учителя, схваченные даже краем уха, на лету, остаются в уме на всю жизнь!

— Допустим, что так, — сказал заведующий. — Ты окончил начальную школу за одну зиму, учился во второй ступени тоже одну зиму, что ли?.. Это уже дает основание для поступления в вуз. Почему же ты пошел на подготовительные?.. Значит, ты сам сознаешь недостаточность знаний своих.

— Я бы и в прошлом году поступил в академию, если бы мне дали командировку. Чего не хватает — ухвачу на ходу. Но мне не удалось окончить начальную школу. Доучиться до аттестата во второй ступени тоже не пришлось. Что мне делать?.. Я поступил на подготовительные курсы.

Заведующий читал его анкету.

— Если бы ты учился во второй ступени, как все учатся, ты бы окончил и получил аттестат. Но ты одновременно учился — или старался учиться — в совпартшколе и даже еще в педтехникуме. Поэтому нигде не закончил полный курс.

— Заведующий второй ступенью говорил то же, что и вы. — Но Василий слышал это от многих и уже видел их правоту — и оставался при своем. — Я не мог не учиться. Второй ступени мне не хватало... Но если бы не общественная работа, я бы успел во всех трех!

Краевой отдел народного образования отказался послать его в Москву до полного окончания курсов, но согласился отпустить в Молочный институт в Вологде. Вася начал учиться в Молочном и стал подавать одно заявление за другим в краевой отдел и в крайисполком до тех пор, покуда крайисполком не вынес специальное решение командировать его в Горную академию. И он поехал в Москву.

«Радость была неопишная, товарищи, когда я сдал и был зачислен!..» — писал он своей комсомольской ячейке на родину, в село Вымьвайль.

Тут были все камни, все музеи перед его глазами! Все лаборатории он «облазил до основания». Успел несколько часов по математике «ухватить» в университете. Слушал курсы при Политехническом музее — там он посещал лекции по психологии и физиологии. Особенно интересовал его такой предмет: законы работы мозга... Не считаясь с программой, он слушал лекции выборочно уже в трех местах и хотел бы слушать во всех вузах Москвы. Медицина! Это же страшно интересно! И это же очень важно знать!.. Может, попробовать?.. Успеть?.. Законы физики стали его личными врагами, острил Зырянов: не пускали одновременно находиться в нескольких местах.

Он уже успел познакомиться со всеми студентами на своем курсе, в своем общежитии, на всех пяти курсах академии; узнал их учебные и прочие интересы, партийные и комсомольские их взгляды. Он, как электрический буравчик, забуривался в студенческую толщу, накаляясь в ней и грея ее, стремясь пройти ее всю. И все великие малости студенческой жизни тоже попали ему на глаза и хотя бы на малое мгновение приковали все его внимание, а следовательно, остались в его памяти. «Человека должно касаться все в доступном ему мире», — утверждал Вася Зырянов свой любимый девиз и повторял: — «И во временно недоступном — тоже. Потому что недоступного нет; недоступно то, что не существует, а все существующее — доступно!» (то есть Вася Зырянов и другие должны сделать все существующее доступным, и как можно скорей). Торжествующая, победная жизнерадостность не оставляла его ни на день, ни на час, на лекциях, и на ули-

цах, и в общезитии, до двенадцати ночи и до трех утра: удел баловней природы и общества, в сущности — радость здоровья и успеха, вдохновения и творчества... Та самая, что возбуждает у детей удивительное, восторженное и многозначительное чувство бессмертия! Такое интимное чувство... сокровенное и не подлежащее разглашению... К сожалению, рано, в отрочестве, теряемое у большинства, но удерживаемое гениями всю жизнь.

На первом курсе Василия выбрали секретарем факультетской организации комсомола и выбрали в члены общегинститутского бюро.

Комсомол организовал огромное количество бригад, особенно в помощь подшефным колхозам. Комсомол, и особенно вузовский, захвачен был энтузиазмом успешной коллективизации села.

В каждую бригаду старались включить Зырянова. Он только удивлялся и огорчался, втайне ликуя, огорчением обманывая ликование, скрывая его от себя и чуточку жалуясь даже, по-мужицки вздыхая: «Что поделаешь, выбирают».

Между тем это происходило просто потому, что всем бросалась в глаза его жадность ко всему совершающемуся вокруг. Зырянов так очевидно боялся, что где-то что-то происходит без его участия и могут сделать недостаточно или не доведут до конца!.. Студенты кричали великодушно, снисходительно, насмешливо: «Дайте это Зырянову!» И он был счастлив и тоже кричал: «Хорошо! Дайте это мне!» Наконец-то он вошел в замечательный мир мыслящего человечества, вечно юный мир, устремляющийся издавна туда же, куда и Вася стремился, — за тем же самым!..

Василий организовал две бригады помощи — трамвайному парку на Шаболовке и автобусному парку — для выполнения их плана. Нефтяной институт не мог допустить, чтобы план сорвался у ближайших соседей!..

И бесконечное количество раз Василий ходил по физическим и химическим лабораториям.

Он не мог ждать пять лет, имея все книги в руках, пока ему сообщат в порядке программы то, что содержали эти книги, — все, что стало уже известно человечеству до этих пор! Лихорадка познания трясла его, и он писал письма товарищам детства на Выми: «Часы, ночи, сутки — все слилось в один комок!»

Но чем больше становилось известно человечеству, тем

больше появлялось поводов для удивления. Этого еще не знал Василий — судьба человечества была и его судьбой.

«Правильно наблюдайте факты, изучайте само явление в природе и сопоставляйте, — учил студентов Иван Андреевич. — Это единственный путь для геолога-разведчика и для ученого».

Он не говорил — запоминайте факты: это, он считал, подразумевается. Необходимость запоминать факты очевидна для каждого. Нельзя сопоставить факты, которые не помнишь. Если вы не научитесь запоминать, бесполезно и наблюдать; вы и не можете изучать.

Василий слушал с улыбкой удовольствия волшебные рассказы второкурсников о том, что Иван Андреевич знает наизусть каждую буровую скважину по всему СССР и ее историю.

«Позвольте, это вы про какой номер? Сто девяносто первый? Знаю». И начинает рассказывать об этой скважине: когда она «забурилась», что она встретила по пути, все неполадки во время ее бурения и в эксплуатации.

Он знал всех буровых мастеров по имени и отчеству!

Василий считал, однако, что в этом нет ничего волшебного. Он объяснял это студентам:

— Иван Андреевич укрепляет свою память необъятным количеством фактов...

— Это укрепляет память?.. — с коварной серьезностью спрашивали студенты и хохотали.

— Да, конечно, — настаивал Зырянов, не смущаясь насмешками. — Иван Андреевич может сопоставить все факты, не допуская спекуляции и упрощения...

Великое удивление детства разрешилось без удивления — Василий узнал, каким образом нефть залила Жирную речку: поднялась на поверхность из глубины по щелям пористых известняков. Теперь это было для него азбукой геологии и почти не заняло его. Он был захвачен высшим удивлением, высшей загадкой самого возникновения нефти. Откуда она взялась в глубинах?.. И каким образом?.. Никто еще не ответил окончательно на этот вопрос.

«Самое главное — это подойти к природе образования самой нефти», — сказал Иван Андреевич и повторял это неоднократно.

На втором курсе Василий «занялся этим»: ответ на этот чисто научный, чисто теоретический вопрос будет иметь громаднейшее чисто практическое значение. Это будет почти го-

товый ответ на вопрос, где искать нефть, где она должна быть... Василий Зырянов, лоцман и лесоруб, комсомолец и партизан, принужденный с детства к борьбе за жизнь, не мог отвлечься к чистой учебе — все его привычки противились мысли «отложить» борьбу до окончания учебы, оторвать учебу от деятельности.

Его записи лекций пестрели вопросами к профессору, возражениями профессору, замечаниями о применении положений науки для практики — сразу с указанием, где их применить. Он стремился сделать науку реально ощутимой для себя самого через быстрое получение результатов и облегчение труда человека, народа.

Поэтому он не удерживал свои мысли при себе, а сообщал их каждому товарищу, даже не очень желающему выслушать и пусть совсем не согласному... Удивительно, что его слушали все же.

«Люди мучаются, — думал Вася, — государство тратит народный труд на то, чтобы колоть землю где попало, наугад, в большинстве случаев напрасно: бурят десятки скважин и не находят нефти. А профессор Губкин дает, например, существование Второму Баку одним лишь тем, что отверг старую, неправильную теорию зарождения нефти непременно там, где она лежит сегодня. Нефть может перемещаться. Материнские пласты, где она зародилась, в Поволжье и Приуралье лежат глубже пермских, где находят нефть в Баку сегодня, сказал Губкин Иван Михайлович и этими словами указал Второе Баку в глубинах девона, под спудом пермских слоев.

Указал — да. Открыл... Но Второго Баку этим не создал. Потому что тысячи геологов и хозяйственных работников нефти, закосневших в старом, все еще не верят в древнюю нефть и сопротивляются изо всей силы, не дают развиваться Второму Баку. Как убедить их? Чем их донять?

Только одним: докопаться до основания в этом вопросе. Надо непременно докопаться до происхождения нефти, а следовательно, до основания жизни на Земле, до кембрийских слоев. И пройти весь кембрий, до кристаллического фундамента осадочных слоев земной коры».

Василий обратился с вопросом к Ивану Андреевичу, большому специалисту и большевику.

Почтительно склоня голову, ссутулясь и глядя снизу вверх, он спросил:

— Почему не может быть нефти в кембрии?

Иван Андреевич ответил:

— Вам говорил об этом Губкин или будет говорить. Чем древнее осадочная порода, тем меньше в ней органических остатков. В кембрийских слоях органического нефтеобразующего материала, по-видимому, недостаточно было.

— По-моему, Иван Андреевич, это не совсем правильно! — вдруг взволнованно сказал студент Зырянов.

Студенты стали смеяться, и возможно, что большой ученый удивился. Но вежливо сказал ученому-второкурснику:

— Интересно услышать ваши соображения.

Василий поднял голову и ответил речью длинной и страстной. Во всех вышележащих слоях примешивается нефть из нижележащих пород, говорил он, и природа образования нефти в каждом слое запутана... А кембрий является горизонтом, ниже которого нефть не могла образоваться!..

Он выпрямил спину и твердо закончил:

— Поэтому я считаю необходимым для себя раскрыть и объяснить природу не из предположений, а из нее самой!

Иван Андреевич с большим старанием вникал во взбудораженные фразы. В них не было новых для науки соображений, но профессор не указал на это. Он даже не улыбнулся на «я считаю». Он остерегался связать, задержать ищущую свободную мысль ученика и сказал ему бережно, деликатно и уклончиво:

— Конечно, ничего не бывает такого, что позволило бы категорически утверждать невозможность новых открытий...

Фраза эта показалась Василию удивительно ободряющей, он с благодарностью запомнил ее на всю жизнь...

— Если таково положение, — воскликнул он пылко, — тогда, Иван Андреевич, еще рано сбросить со счетов кембрий! Я буду работать!

Глава 4

«РАБОТАТЬ, РАБОТАТЬ!.. СНАЧАЛА ДОУЧИТЬСЯ НАДО!»

Иван Андреевич прошелся глазами по аудитории со стариковской сердитостью.

«Работать, работать! Сначала бы доучиться надо!» — подумал, вероятно, Иван Андреевич, мысленно обращаясь

ко всем студентам, потому что все были такие же, как Зырянов, труженики с детства, пришедшие в высшее учебное заведение с крохами среднего образования и с неукротимой жадной получить все знания человечества, в то же время с непреодолимой привычкой взрослых людей к ежедневной практической деятельности. И эта великолепная потребность мешала им учиться. Настолько мешала, что третья часть студентов ушла из института или удалена была из-за академической неуспеваемости. Это означало, что институт на треть работал впустую.

Было специальное решение правительства об учебе и производственной работе в вузах. Партийная и комсомольская организации боролись как могли за дисциплину учебы, но в то же время и за участие каждого студента во всей жизни государства... Это было трудно.

Многих студентов пришлось удалить из института из-за академической неуспеваемости. Многих разгружали вплоть до освобождения от выборных должностей, чтобы не пришлось исключить из института.

Студенты принимали обязательство удержаться в институте, но не оставляли шефства над нефтяными районами, над колхозами и продолжали посылать бригады помощи на механические заводы, снабжавшие оборудованием трамвайный парк и автобусный парк... Бюро комсомола выпустило специальные тетради для каждого студента, где записывалось количество часов, использованных на общественной работе...

К концу второго курса Зырянова избрали в члены партбюро и секретарем общеинститутского бюро комсомола.

Секретарем факультетского бюро, на место Зырянова, избрали Сашу Кучумова — товарища и полную противоположность Васе. Можно представить себе, как они работали: взбудораженный, с неистощимой нервной энергией, Вася неудержимо устремлялся к самым дальним целям, развивая огромное давление на окружающих, ставил труднейшие задачи в самый тяжелый момент и страстно требовал самых напряженных усилий в учебе и в общественной работе... А слабый здоровьем, чернявый и худенький Саша, склонный к туберкулезу, неуступчиво продумывал Васины преувеличения и «волевые задачи» и холодно, немногословно произносил:

— Мы все говорим о больших целях и о наших скрытых силах, но это не делает дела. Не идеи Васи приведут нас к этим целям, а партия, комсомольская организация, приложение сил к делу. Где эти силы? В нас. Так вот, надо их извлечь.

Саша старался ладить с ребятами и терпеливо налаживал их на комсомольские дела. Он советовался с партийным бюро и мобилизовал факультетский комсомол и с ним студенческий народ, — а там у него и Вася был учтен и полностью использован, как лучший ударник учебы, первый отличник института и самый активный общественник.

Контроль тетрадей поручен был Зырянову.

Василий отчаянно недосыпал, и все же ему казалось, что времени и сил у него должно хватить на все. На комсомольцев он может возложить любые задачи, казалось ему. И никогда он не думал, что хотя бы один комсомолец провалится. Он никогда не боялся ни за одного комсомольца.

Когда он чувствовал, что человек не в силах, не в состоянии выполнить задачу, — немедленно подсылал ему помощь.

В институте было 900 комсомольцев, когда Василий «начал наступление». Ежедневно он вызывал для разговора всех отстающих по какому-нибудь предмету, требуя отчета от каждого о состоянии его учебных занятий и о плане его академической и общественной деятельности, об увязке и совмещении многоплановой жизни студента и комсомольца.

Комсомолец обязан был сыскать Зырянова, где бы он ни был, — если не сумел прийти в часы приема. И Зырянов слушал его в любой обстановке.

— Где Зырянов?

— Пошел в Шестигранник, — это значит — в столовую, в шестигранном зале, внизу.

— Давно пошел?

— Час назад.

— А тогда я успею его догнать, — и догнал, потому что на этом недалеком пути Зырянова встречали и догоняли многие.

Они догоняли Васю не только затем, чтобы «отвязаться», — наоборот, они пользовались случаем «привязаться» к интересному человеку, в чьей голове отзывалась громко каждая мысль. Василий вслушивался в собеседника всею душою, ищущею познания... Каждое слово наводило на собственную

мысль... Не удивительно, что множество воспоминаний у Зырянова будет начинаться словами:

— Иду в Шестигранник...

Тут же он раскрывал тетради, присаживался. Брал карандаш у комсомольца, увлеченный разговором, клал карандаш в карман и брал другой карандаш у следующего. Секретарь набрасывался на слабости комсомольца с жадной нетерпимостью, с восторгом одушевленного электрического тока, нашедшего пустую лейденскую банку.

Но это была и не пустая, и не лейденская, и не банка...

И каждому секретарь бюро говорил щедрую речь об умении «сочетать и совмещать», отличать важное от второстепенного.

Говорил с прямолинейным пафосом:

— ...И действительно, есть люди, которые не сумели сочетать и совмещать производство, учебу и общественную работу, — это плохие личности, но они сформировались у нас! Есть такие организаторы, которые не сумели сделать этого, и у них ничего не получилось. Значит, они были плохими организаторами!

Обеденный перерыв был самым насыщенным временем дня — час пик — и существовал, понятно, не для обеда. Что бы Вася мог во время перерыва просто пройтись с товарищами, погулять по Большой Калужской?!

— Как протекает жизнь, Вася? — весело прокричал дружок Алиев, пробегая мимо.

— По теории Обернулли, — быстро ответил Вася. — Как идет поток, когда струя попадает в канал, в турбинный канал?.. Что делается с потоком? Одна нога — на пути в Шестигранник, а другая в библиотеке, а голова черт знает где. Наверно, в кембри!

— Ого, значит, ты уже пообедал, Вася?

— Нет, но они, — он протянул руку, — они уже отобедали и все вместе насыщают меня своим стремлением к познанию.

— Товарищ Зырянов, а это не причинит вам тяжести в желудке?.. — услышал милый, ехидный голосок и живо поискал глазами в толпе.

— Нисколько! Ни малейшей! Я чувствую себя совсем легким. Как пух! Если вы все разом дунете на меня, я взлечу! Такое у меня творческое состояние подъема — а это же есть главное! Это — результат стремления к познанию...

ЖИЗНЬ ПО ТЕОРИИ ОБЕРНУЛЛИ

О, этот милый голосок сделал пламенное вдохновение Зырянова вовсе неугасимым. Теперь Вася ораторствовал, как вулкан, затяжным залпом, никто больше не мог прорваться и задержать своей жалкой репликой революционный поток, лаву мысли. И все же Саша Кучумов сделал это.

— Вечный подъем без спусков, творчество без материальных последствий, — охладительно сказал чернявый и худенький Саша Кучумов.

«Так ли это?..» — мгновенно задумался Василий, пронизывая Сашу Кучумова сверкающим взглядом... Это интересно! Надо продумать...

— Почему без последствий? — вступился милый голосок. — Само познание является творчеством. И творением. Если оно активно, конечно.

— А пассивного познания и не бывает...

— Интересно мыслит Кучум, — заговорил сразу с угрозой дружок Алиев. — Коммунизм зовет нас именно к вечному подъему, а Саша призывает к подъему со спусками? Прелестная осмотрительность. Но непартийная! Небольшевистская!

— Когда спускаются в Шестигранник и по дороге начинают запускать большие слова о вечном подъеме, я чувствую себя неловко, — внятно сказал, с отчетливой интонацией, черненький Саша Кучумов густым своим голосом, суровый и хладнокровный. — Мы еще только учимся творить и ничего не сотворили пока. А летаем налегке, не пообедавши. И не желаем спуститься хотя бы в столовую, чтобы сделать одно маленькое дело, но тоже необходимое. Вечный подъем — это хорошо, когда он совершается без отрыва от земли, что важно особенно для геолога-нефтяника... Не то он выпустит из пласта весь газ и не поднимет ни тонны нефти. Вечный подъем нефти — вот наше творчество в будущем. А без нефти — это вечное улетучивание газа.

— Итак, ясно: геолог без желонки подобен воздушному шару без корзинки, — сказал милый голосок профессорским тоном и продолжал, поощряемый смехом: — Состояние же в Нефтяном институте не является творческим состоянием.

— Дорогие, я вас примирю! Иначе мое кавказское сердце разорвется! — закричал Алиев. — Зырянов и Кучум, про-

тивники-друзья: вы правы оба, и только оба вместе! Но вы оба рискуете стать глубоко неправыми, если поддадитесь одной из этих двух противоположных точек зрения! Но вечная их схватка без одоления дает победу единству творчества! Этому учит нас диалектический материализм! Все дело в партийной душе коммуниста! У нас есть партийная заинтересованность в непрестанном познании и в бесперебойной материальной отдаче познания! Всем ясно?.. Вася, иди обедать!

— А ты, Соболева, зайти после занятий, — сказал Зырянов.

— Зачем? Я ведь получила задание.

— Я уточню.

— Задание очень точное.

— А ты все-таки приди!

— Товарищи, я чувую, — сказал Егоров, пожилой рабфаковец, — я своим пролетарским чутьем чувую злоупотребление выборной должностью.

— Валя, не иди! — крикнула Таня Синицкая.

— А ты думаешь, Егоров, я с этим посчитаюсь?

— У тебя жена есть в Соликамске.

— Это далеко, Егоров!

— Егорову все известно.

Все два часа Вася шел обедать. Пока не встречал уже тех, которые догнали и обогнали его и теперь возвращались последними из столовой.

— Вася, куда ты идешь?! Уже столовая закрыта.

И он бежал на лекции.

Аудитории встречали его смехом:

— Зырянов ведет наступление! — Из всех его карманов торчали карандаши.

— Сколько насобирал, Вася?..

Он уверял, будто бы собрал двести, триста карандашей. Может быть, и собрал бы двести, если бы столько влезло в карманы,

— Берешь у него карандаш и пишешь ему задание прямо в его тетради; что ему делать — на месяц. И в своем блокноте отмечаешь, для контроля... А пока пишешь — уже привык к карандашу, он уже твой! — кладешь в карман. И студент привык: ты все время писал этим карандашом!..

Но «первоначальное накопление» заканчивалось в первой туре «наступления». Во втором туре, в конце месяца, студенты приходили с исполненными заданиями и с коварным злопамятством, и Вася с утра уже набивал карманы ка-

рандашами. Опять они со своими тетрадами: показывали написанное его рукой «задание». Зырянов жадно, с любопытством просматривал, одновременно протянув руку за карандашом:

— Дай распишусь... — вопросительно поднимал глаза и встречал насмешливый взгляд. Тогда он спохватывался — и все карандаши «катились назад».

Непрерывно, безостановочно, еще и еще, неустанно, обща — и всё успевать!.. Кроме сна.

Сотни субботников было за три года. Очищали свою Большую Калужскую от снега, и разгружали железнодорожные составы, и надстроили два этажа на здании института тоже сами.

И на митингах Зырянов не упускал случая выступить с мощной речью перед девятьюстами комсомольцев и тысячей партийных и беспартийных студентов. Много митингов он провел и с профессорами. При надстройке старого здания он, конечно, был бригадиром.

В эти же годы прошла партийная чистка и проверка, обмен комсомольских билетов.

Выпускали печатную газету института «За нефтяные кадры». Надо было писать статьи для нее, да и хотелось воздействовать через газету.

С третьего курса Зырянов вел группу академической и технической пропаганды. И пропаганду технических знаний среди рабочих. На старших курсах проводились научно-теоретические конференции.

И надо было устроить «бой» — академический, против поборников только молодой нефти, за древнюю нефть вплоть до кембрийской; бой и политический: против делячества, узкого практицизма хозяйственников — за науку крылатую.

Радиоузел института извещал студентов о сдаче зачетов: по каждому предмету — кто принимает, в какой аудитории, когда... И сообщал, что начинают сдавать зачеты руководящие комсомольские работники. Сегодня сдают члены бюро: товарищ Зырянов...

Желающих послушать, как сдают руководящие товарищи, было много.

Для членов бюро каждый зачет был общественным экзаменом...

В детстве Вася всегда шел спать под неволей, со скукой и, едва продрал глаза утром, спешил вскочить. Всегда представлялось очень много дел, и все были одно другого интерес-

ней. Он думал о сне отцовскими словами: это — баловство для ребят, а нам нельзя!.. И теперь он думал: это — чистое расточение времени, спать.

Глава 6

ИСТИНА ПУЛИ, ВЫЛЕТЕВШЕЙ ИЗ РУЖЬЯ

— Опять? — сказал Иван Андреевич со спокойствием и кротостью, не подававшими студенту никакой надежды. — Третий раз на этом месте. Скажу Анне Васильевне, чтобы не пускала тебя.

Василий быстро прошел через весь кабинет и остановился у стола.

— Иван Андреевич, вы были заняты тот раз, я не хотел мешать.

— А теперь ты захотел мешать или мне делать нечего?

— Только несколько минут! Я понимаю, что невозможно требовать скважину на пять тысяч метров при сегодняшней технике. Но, Иван Андреевич, — страстно воскликнул Василий, — Байкал ведь придавил самый край огромного кембрийского пласта, настилающего почти всю Якутию. Если этот пласт нефтеносен, то мы можем найти нефть и в других местах, где легче разведать и бурить! На правых притоках Лены кембрий лежит гораздо ближе к поверхности, не глубже полукилометра... Пусть там окажется самая незначительная, ничтожная залежь, даже одна жидкая капелька, только бы живая нефть, — и она докажет в натуре нефтеносность кембрия. Тогда можно будет потребовать и сверхглубокую скважину, Иван Андреевич!

Зырянов смотрел на академика с робостью студента и с требовательностью мальчика, с надеждой ребенка.

— Все такой же упрямый лоцманишка. Ты чуть не утопил мою экспедицию на порогах.

— Иван Андреевич! — Василий схватился обеими руками за край стола, готовый продолжать этот спор еще двенадцать лет. — Вы знаете, что этого никогда не было! Я могу провести плот через любые пороги! Где угодно!

— Знаю. Только ты это делаешь, когда тебя об этом не просят.

Василий опасливо взглянул и успокоился. Глаза учителя смеялись.

— А разве плохо я провел вас, Иван Андреевич? Вам тогда понравилось!

— И все-таки я не люблю, чтобы меня провели. А ты упрямый мальчишка, тебе по-прежнему пятнадцать лет. Небось женился уже у меня в институте?

— Не женился... Иван Андреевич! Пошлите меня в Якутию! Я найду кембрийскую нефть и разгадаю загадку Байкала!

Иван Андреевич углубился в лежавшие перед ним бумаги и в рассеянности сказал:

— Поезжай в Якутию, — как сказал бы «отвяжись».

— Спасибо, Иван Андреевич!

— Тебе только придется доказать в Главгеоразведке или в Главнефти, что на Лене они достанут нефть скорее, чем на Волге.

— Вам-то они больше поверят...

— Мне? Почему же? Академику Архангельскому вот не поверили.

— Академик Архангельский высказался уж очень осторожно.

— Нет, уж ты сам докажи им... неосторожно.

Странную жизнь повел Василий Зырянов на третьем курсе: вечера — в библиотеке института, дни — на Деловом дворе, и только утра. — в аудиториях.

Большой, солидно серый дом на нынешней площади Ногина, построенный русской буржуазией во славу свою, удерживал еще в памяти москвичей привычное первоначальное название — Деловой двор — в течение нескольких лет после революции. На торцовой серой стене со двора на высоте верхних этажей еще долго держалась видная с площади простая черная надпись громадными буквами: «Деловой двор». Дом по сегодняшний день удивляет своими окнами: каждое окно — ворота, свободно въедет современный грузовик. Этaji дворцовой высоты со множеством таких окон внушают почтение. А уж внутренняя отделка — коридоры, по которым тоже проедет автомобиль; дубовые высокие панели стен без всяких украшений, и воздушная высь над головой, — деловая атмосфера мощи и удобства больших денег.

В этом доме в 1933 году помещался Наркомтяжпром со своими главками: Главнефть, Главзолото и так далее.

Василий ходил в два главных управления: Главнефть и Главгеоразведку. Он не ленился повторять свои доводы всем, кто соглашался выслушать. Но на все доводы ему возражали

начальники главков, директора трестов, геологи-ученые, директора научно-исследовательских институтов: «Надо прежде всего, молодой человек, добывать нефть. Для этого надо вести разведку там, где скорее возьмем, а не там, где потребуются сразу большие расходы и не предвидится промышленной нефти в течение ряда лет, во всяком случае как раз когда мы больше всего нуждаемся и в нефти и в средствах».

И все они были необходимо правы, возразить нечего. Василий сознавал это нехотя.

Почему же Зырянов не отложил на время свою идею, если, тем более, он сознавал и понимал необходимость и справедливость этого?.. Нелегко это объяснить, а впрочем, и нетрудно.

Вообразите человека на плоту, на реке. Остановиться ему, то есть прибиться к берегу, — это громадный труд, и если дело днем, то надо еще потом оторваться от берега, чтобы дальше плыть. Вечером, почти уже в темноте, — другое дело: ночью нельзя плыть, и для законного отдыха потрудиться последний раз — душа сама рукам помогает. Но когда только что отплыл, и не рано с утра — пустился ближе к полудню, — да вдруг и к берегу?!.. Тяжелее это любого труда для души человека. Он всячески старается двигаться вперед и находит отговорки, чтобы не прибиваться.

Люди пожившие, с присмирившей душой, легко соглашались задерживаться... хотя им бы спешить больше всех. Но они-то и терпеливы, и ждут... благоприятного времени... Благо разумно уступают остаток своей жизни другим, высшим, общим соображениям.

А молодость эгоистична и неуступчива, неблагоприятна.

Вечером в библиотеке возмущенные студенты уносили последний стул от зыряновского стола, где не было места для других читателей. Василий раскрывал и раскладывал тома и журналы рядами и веерами... Волшебные откровенные карты, выбалтывающие прошлое и будущее; да, и будущее отчасти, если умело прочитать все разом, вместе...

Он даже не знал, что ему не на чем было бы сесть.

Он стоял бдительный на помосте, пригнувшись над быстрой рябью страниц, чтобы не прозевать главную струю фактов, влекущую к истине.

Он зорко нырял в порожистых книгах и торопился на тихих плесах. А в чем заключалась его истина?.. То есть истина для него? Она заключалась в идее, способной мобилизовать все его способности. Это — истина его устремления, ко-

торое в течение лет, а особенно последние месяцы и даже дни все быстрее соединялось с его жизненной силой, становилось внутренней его истиной... Это — истина пули, вылетевшей из ружья.

Он заходил в исследовательские институты, занимающиеся различными отраслями горного дела. Однажды он зашел в Геологический институт и в кабинете директора встретил Порожина. Секунду раздумывал, говорить ли при нем.

Директор Антон Елисеевич Синицкий внимательно выслушал. Порожин не вмешивался и молчал. Синицкий взглянул на него.

— Александр Дмитрич, не попросить ли нам... — он деликатно покосился вопросительно.

— Василия Игнатьевича, — подсказал Зырянов сразу в должном падеже.

— Василия Игнатьевича — сделать у нас доклад о его работе на Байкале? Она как-то связана с прогнозом Архангельского о нефти на Сибирской платформе...

— Это интересно, — сказал Порожин ледяным тоном.

Вошел Небель и с изумлением взглянул на Зырянова.

— Познакомьтесь. Мы только что просили Василия Игнатьевича Зырянова сделать у нас доклад о его интересных изысканиях по проблеме Байкала.

Небель поклонился и не подал руки. Синицкий взглянул на обоих и вспомнил:

— Вы ведь тоже были на Байкале в прошлом году, Бернгард Егорович?

— Да, мы уже имели удовольствие слушать очень горячее выступление товарища на совещании в Танхое, — сказал Небель, пренебрегая именем товарища и с тонкой интонацией на словах «очень горячее».

— Вот как?.. — Директор, насторожась, взглянул на Порожина. — Так вот, Василий Игнатьевич, как только мы уточним срок, мы вам пришлем приглашение.

Зырянов не сомневался — Порожин уж постарается не уточнять срока приглашения.

В эти дни Василий получил письмо от Сени Тарутина. Сеня спрашивал, куда поедет Зырянов летом и можно ли к нему присоединиться.

Василий ответил, что поедет на реку Полную в Якутию, но условия пока еще не известны. На каком основании он так ответил? Его никто не посылает,

У него были некоторые успехи в Главнефти. Начальник главка согласился выслушать его. Василий заранее обдумал каждое слово, чтобы говорить не больше пяти минут. Но начальник главка сказал:

— Вы перейдите прямо к делу. Где вы предполагаете разведку?

— По правым притокам Лены, — сказал Василий.

— В Якутии? Так Геологический институт уже посылает туда.

— Геологический? — переспросил Василий и, поспешно простившись, помчался в Геологический институт.

Синицкого не было. На дверях заместителя директора Василий прочитал: «А. Д. Порожин».

У Порожина сидел аспирант Небель.

«Плохи мои дела!» Но вслух бодрым голосом:

— Здравствуйте! Товарищ Зарубин в Главнефти сказал мне, что вы решили организовать экспедицию по моей гипотезе.

Пока Порожин обдумывал ответ, Небель сказал:

— Сомневаюсь, чтобы вы это слышали от Зарубина. Мы посылаем экспедицию по гипотезе академика Архангельского, а не по вашей, разумеется.

Порожин продолжал молчать, полагая, очевидно, излишним повторять то, что и без него достаточно хорошо сказано.

— Когда выезжает экспедиция? — спросил Зырянов, обращаясь к Порожину.

— Послезавтра, — ответил Небель.

— До свиданья, — сказал Зырянов.

Порожин даже не кивнул.

— Что это? Опять пришел! — возмутился Иван Андреевич, но увидел, что лоцманок чуть не плачет. — Что с тобой, дружок?

— Я везде агитировал за Якутию, как вы советовали, и, кажется, сагитировал: Геологический институт посылает экспедицию послезавтра! Только без меня.

— Геологический? — переспросил Иван Андреевич. — Ну что ж, я попрошу, чтобы они взяли тебя.

— Они не захотят, — мрачно сказал Василий.

— Вот новости! — Иван Андреевич грозно взглянул: — Ты поругался и там?

— Нет.

— Готовься к поездке. Прощай.

ЭКСПЕДИЦИЯ «НЕ НАЙДИ ТОГО,
ЗНАЙ ЧЕГО»

*Из дневника Л. М. Цветасовой,
аспирантки Геологического института АН*

Экспедицию возглавляет Александр Дмитриевич Порожин. Это невесело для нас всех (кроме Небеля). Порожин был самым ярым противником экспедиции в Якутию вообще... Боюсь, что он далеко не оправдает надежд, которые возлагают на него Антон Елисеевич и академик Архангельский.

Таня и вовсе убеждена, что мы не можем найти нефть под руководством Александра Дмитриевича.

«Никакой Якутии не было бы, если бы не ты! Это все твоя романтическая фантазия! Конечно, и геологическая тоже!.. И ты внушила ее папе! И мне тоже!.. Положим, папе ты не сумела бы ничего внушить, он слишком робок. Но меня ты уговорила. И всех уговорила!.. И вот результат!»

Это правда, что мы обе с Таней трезвонили о «нашей» экспедиции до тех пор, пока сам Архангельский вдруг не сказал Антону Елисеевичу при встрече, что... он очень рад смелой инициативе Антона Елисеевича и хочет подробно изложить ему свои новые соображения в пользу левых притоков Лены...

Экспедицию на левые притоки Лены утвердили... И вдруг назначили руководителем Порожина! И, конечно, с участием его подсказчика и выразителя мыслей. Ох, Бернард Егорович!

— Ли, я не могу пустить вас одну в эти каторжные места, без моей защиты, — заявил он вполне серьезно.

— Бе, — хладнокровно сказала я, — если это каторжные места, то я понимаю ваше влечение к ним.

— Я говорю серьезно, Лидия Максимовна, — и больше он не посмел называть меня на свой моднодурацкий манер.

— Может, обвенчаются перед такой дорогой?

— С удовольствием, мамочка. С кем на сей раз?

— Фу, Лида! Ты же девушка. И не комсомолка...

— Я комсомолка, мама.

— Господи!.. Все-таки где ты нахваталась этого бесстыдства? Как будто на медицинских курсах обучалась.

— И так, с кем же?..

— С кем едешь, — сказала мама обиженно.

— Чудно! С товарищем Неизвестным?.. Ты согласна?.. Папа, ты слышал? Будь свидетелем. Разгневанная царица обещалась выдать единственную дочь за первого встречного! Я в восторге!

— Ты поблагодарила царицу за милость, дочка?

— Они едут с Бернардом Егоровичем, я и говорю: обвенчались бы уж... — пожаловалась мама. — А эта бесстыдница вывернула: «Ты меня выдаешь за какого-то неизвестного господина!» Да еще — «единственную».

Я рассказала Тане, мы хохотали.

Таня изводила меня каждый день по телефону:

— Лида, я откажусь от командировки на эту практику! Ты откажешься?

— Нет.

— Конечно! Ты получишь самостоятельный участок и можешь сама найти нефть!

— Я сделаю так, что они все будут землю грызть, чтобы найти.

— Как ты это сделаешь?

— Увидишь!

Я позвонила редактору накануне отъезда.

Он сразу сказал:

— Немножко подсократили мы вас, но зато завтра печатаем. Сказать, под каким заголовком? «Экспедиция «Не найди того, знай чего».

— Прелестное название. Про Зырянова не сократили?..

— А вот... Сейчас... Сейчас я вам прочитаю: «Инициатора экспедиции в Якутию комсомольца Зырянова, энтузиаста — разведчика сибирской нефти, руководство экспедиции вовсе отстранило от участия...» Правильно?

— Правильно. А вы знаете, что дорога ложка к обеду?

Редактор подумал и спросил:

— А когда вы обедаете?

— Сегодня, товарищ редактор. Потому что завтра экспедиция у-ез-жа-ет.

— Ладно, — сказал редактор и почему-то не обиделся. — Еще понадобится обедать.

На Казанском вокзале стало сразу шумно, как только собралась якутская экспедиция. Порожин и Небель направились к своему мягкому вагону. Сережа Луков, студент Нефтяного, мой будущий коллектор, сказал:

— Товарищи! Нас должно быть семнадцать жестких пассажиров и два мягких.

— Сережа, не острить — это первая заповедь геолога-разведчика! — скомандовала Таня, не терпевшая пошлостей.

— Я совсем не острою! — Сережа покраснел. — А только мне было свыше приказано купить мягких два места и жестких семнадцать.

— А нас шестнадцать жестких! — мгновенно сосчитала маленькая Надежда, обещающая стать вундеркиндом экспедиции.

— И, конечно, не сказали, для кого еще одно место?

— Не сказали.

— Товарищи! — закричала Таня. — Завещание нового чудака!..¹ К экспедиции должен присоединиться в пути еще один участник — неизвестный!

Проводник взял у Сережи семнадцать билетов и разрешил занимать места в вагоне. Я шепнула Тане: «Первое отделение, двухместное, — нам!» Таня вошла первая, за ней другие девушки и потом мужчины. Я стояла возле проводника и смотрела во все глаза. И когда все наши влезли, к Сереже подошел семнадцатый пассажир — худощавый студентик среднего роста в кепке. Розовый загар на его лице был, вероятно, патентованный — зима не сняла его. Необыкновенно быстрые зеленовато-серые глаза на мгновение коснулись меня и обратились на Сережу. Сережа воскликнул:

— Так это вы?..

— Это я, — абсолютно уверенно ответил пассажир, проходя в вагон.

Его резковатый голос не понравился мне. Да и сам...

— Вы бы хоть спросили фамилию, — упрекнула я Сережу.

— Зачем мне спрашивать фамилию у Зырянова?

Таня толкнула меня — и роковым шепотом:

— Лида! Твой суженый!.. Господин Неизвестный!

Я вздрогнула от неожиданности всего — и толчка, и встречи с Зыряновым, и действительно нелепого совпадения с разговором мамы... Странно, что оно произвело на меня впечатление, я не суеверна.

На тележке повезли к багажному вагону кипы газет. Сегодняшний номер. Дома он уже получен, в институте тоже, а

¹ Роман Жюль Верна «Завещание чудака».

на вокзале в киоске еще нет. Он поедет с нами и по всей дороге, неделю, будет продаваться в станционных киосках — после отхода нашего поезда... Потом мы сойдем с поезда, а он поедет дальше, дальше, дальше... и по таежному шоссе с юга на север, почти по меридиану, по кратчайшей оси через Якутию в Якутск — а мы будем «влачиться» на карбазах по бесконечной Лене и въедем, то есть вльвем, в Якутию с запада, по параллели — навстречу газете... и опоздаем на свидание... и я так и не узнаю, что там напечатано!.. Напечатано ли?.. А от этого может зависеть успех или провал нашей экспедиции!

Как получить один экземпляр этого номера?!

Я готова была наброситься на тележку и произвести невооруженный грабеж одного экземпляра газеты... Но я, жалкая трусиха, только проводила глазами роковой груз и вошла в вагон. Там лоцманок Зырянов сидел за столиком, уткнувшись в целую грудку книг.

Он немедленно и щедро стал предлагать свои книги всем. Таня разочарованно посмотрела:

— Да это же у него все сплошная геология! Я думала, что-нибудь приличное...

В первый же вечер Зырянов поручил Сереже Лукову составить список комсомольцев в экспедиции. Оказывается, господин Неизвестный — большая шишка в Нефтяном институте: секретарь общенститутского бюро комсомола.

Глава 8

ЕЩЕ ИЗ ДНЕВНИКА Л. М. ЦВЕТАЕВОЙ, АСПИРАНТКИ

За обедом в ресторане я сказала Порожину:

— Александр Дмитриевич, в случае неуспеха нам припомнят неподготовленность. Никто не знает даже, на каком участке ему придется работать. А разве не следовало каждому изучить свой материал еще в Москве?

— Ну что ж, — ответил он, — пока мы пребываем в принудительной вагонной праздности, пусть Бернард Егорович прочитает вам цикл лекций.

Небель начал приходить в наш вагон регулярно в десять часов утра и бубнить:

«Основная архитектоника всей Якутии связана с передвижением участков земной коры вдоль линий молодых сбросо-

вых трещин, относящихся, по-видимому, к концу третичной эпохи...»

Это об удивительной стране, где некогда местные жители будто бы лили пули из платины!

Впрочем, когда я рассказала маме о платиновых пулях, она заявила: «А мне этого недостаточно, чтобы отпустить тебя туда!»

И я каждый день рассказывала ей вычитанное о Якутии...

В Якутии климат самый континентальный на всем земном шаре. Нигде в мире не собраны в одной стране более разнообразные картины природы.

На севере океанские волны свободно катятся в глубину берега на два-три километра, но это не приливы, а сгонно-нагонные течения.

Огромная территория плоской тундры расцвечена бесчисленными глазками больших и крохотных озер. Их так много, что местами между ними почти не осталось суши, а только перемычки, иногда не шире тридцати сантиметров,— пройти только человеку с очень храброй душой. Как жаль, что я не увижу этого нынче же летом своими глазами!

На востоке тянутся горные цепи с гольцами выше трех километров... Вообрази эти черные, голые черепа гор на полюсе холода, не покрытые даже снегом!

Мама прилежно слушала — как первокурсница.

В вагоне, как всегда, томилась пленницей: ни выскочить, ни травку сорвать. Я мечтала о якутской земле, где будут наконец ходить мои ноги...

Нудные занятия с Небелем перемежались с увлекательной беготней за жареными цыплятами, вареными яйцами и земляникой.

Небель ни одним словом не обмолвился об указаниях на нефть в районе деятельности экспедиции. У слушателей должно было сложиться впечатление, что гораздо вернее искать нефть в Баку, нежели в Якутии. А еще лучше искать на Кавказе виноград!

После второй лекции неожиданно он предложил выступить мне. Я решила подразнить уважаемого лектора и сказала следующее:

— Путешественники утверждают, будто бы именно в якутском пространстве возникают северные сияния. Многим приходилось видеть его на близком расстоянии. В одном случае северное сияние заслонило лес перед наблюдателем...

— Лида! — испуганно вскрикнула Таня.

Она допускает любые выходки, но только не в области науки.

— Другой свидетель видел даже, — строго продолжала я, — как северное сияние занавесило отдельные деревья. Научная проверка этих свидетельств представила бы интерес, вы не думаете?

— Простите, — сказала неумная коллекторша Небеля, — вы хотите, чтобы мы это проверяли?

Этот старомодный вздор я выкопала из архивного метеорологического журнала. Небель сделал вид, что не заметил издевательства, я сама попала в глупое положение.

— Сообщение Лидии Максимовны представляет несомненный интерес, — любезно заявил он. — Вы еще что-то хотите рассказать?

Мне ничего не оставалось, как продолжать в том же духе, и я сказала:

— Мне удалось разыскать любопытнейшее указание для геолога. В Якутии существует литофагия.

— Литофаги? Пожиратели камней! — прервала маленькая Надежда.

— Я не говорю, что мы можем встретить в наши дни земледов, но, по некоторым данным, в Якутии имеются минералы, пригодные в пищу.

— Я уже догадываюсь, — сказала Таня. — Например, соль едят, воду пьют, воздухом дышат. Мы все литофаги.

— Шутка остроумная, — Небель улыбнулся Тане, — но я отвечу на нее со всей серьезностью. Земная кора снабжает и определяет полностью весь состав нашего тела и нашей пищи, включая и воздух...

— Когда я была маленькая, — перебила Таня, — я ела глину.

— В Скандинавии и поныне встречаются гастрономы, любители бутербродов с жирной, влажной глиной, — подхватила я. — Употребление съедобных земель наблюдается как обычное явление во многих местах жаркого пояса. Это наблюдается в Иране и в Индии. В старину тунгусы ели какую-то «земляную сметану», разводя ее оленьим молоком, а якуты — светло-желтую мягкую массу какого-то алюмосиликата, известного, например, на реке Кемпендяй под названием «тас-хаяк», что значит «каменное масло». Река Кемпендяй как раз в зоне нашей экспедиции...

— Одного я не пойму, — перебил меня Сережа, — какое

отношение имеют к нашей экспедиции северные сияния и литофаги?

— Прямое отношение. Надо уметь слушать,— начальнически разъяснила я моему коллектору, еще не зная, как я из этого выкручусь.

Но Сережа не унялся:

— А что вы думаете об этом, товарищ Зырянов?

Зырянов с чайником в руке пробирался к выходу.

— Я согласен с Цветаевой,— ответил он, по-моему, довольно бесцеремонно, так как нас еще не познакомили.— Породы, содержащие нефть или близкие к ней битумы,— это главным образом глины и пески, то есть кремнеземы. Съедобные земли — это большей частью те же глины и кремнеземы. Мы едем в Якутию, чтобы найти то, чего еще не знает наука,— кембрийскую нефть. Что такое «каменное масло», тас-хаяк на языке якутских скотоводов? Может быть, то же самое, что слово «нефть» на языке азербайджанских древних скотоводов? Мы же за этим и едем в Якутию.

Все онемели и ждали, что еще он возвестит.

— Сомневаюсь,— проворковала коллекторша Небеля, глядя в спину своего руководителя.

Но наш ученый лектор тоже молчал.

— Вспомните-ка горы на водоразделе Индигирки и Яны: они ведь называются Тас-Хаяк,— продолжал Зырянов.— Туркменские горы Нефтедаг оправдали свое название. Может быть, и якутские оправдают!

— Итак,— сказала Таня торжественно,— на наших глазах появляется новый способ разведки на нефть: кроме геодезического, геофизических и геохимических, способ геогастрономический! Автор — Лидия Максимовна Цветаева, аспирант. Талантливый популяризатор — товарищ Зырянов, наш лоцман в море кембрийской нефти.

— Море по колено,— сказал Небель, тонко улыбаясь.

— А лужа по уши,— проворковала его коллекторша, Очевидно, эта пословица была у них в ходу.

Девочки засмеялись. Это граничило с издевательством, и мне было неловко поднять глаза. Но либо Зырянов не чувствителен к подобным тонкостям, либо умеет владеть собой.

— Сопоставим геогастрономические указания с другими фактами,— продолжал Зырянов (он принял пародийный термин Тани всерьез?).— Страны распространенной литофагии — Иран и Венецуэла — занимают по нефтедобы-

че третье и второе места в капиталистическом мире после США.

Геологи перестали улыбаться — столько было неожиданного в этом сопоставлении. Остолбенело слушали Зырянова, нетерпеливо сжимая в руках чайники, бутылки.

Поезд уже несколько минут стоял, в раскрытые окна врывается аппетитный шум пристанционного базарчика.

А Зырянов говорил и говорил, позабыв о том, что сам собрался за кипятком. Он смотрел на Таню не отрываясь, как будто обращался к ней одной. Может быть, он просто загляделся? Таня действительно очень красива. Во всяком случае, это не очень любезно было по отношению ко мне. Все-таки от меня он получил сведения о тас-хаяке и о Кемпендяе.

— Интересно будет узнать, в какой породе содержится «каменное масло» на Кемпендяе. Исток этой реки близко подходит к другому притоку Вилюя — Чабыде. Между ними километров всего пятьдесят. На Чабыде известна глина, которая оставляет маслянистый след, — следовательно, битумная. Получается географическая близость битуминозных глин с теми, которые сльвут съедобными. На Кемпендяе, кроме того, известны богатейшие залежи соли, которая часто является спутником нефти. Какие еще признаки вам нужны, чтобы признать битумной чабыдинско-кемпендяйскую глину?

— Чтобы она воняла и горела, — сказала Таня.

— Не все битумы воняют, — сказал Сережа.

Ему суждено всю жизнь страдать от Таниной недобросовестности в споре.

— Я, может быть, найду недостающие сведения, — скавал Зырянов и исчез.

Мы переглянулись.

— Товарищ махнул на Чабыду живым манером, — сказала самая маленькая Надежда (у нас три Надежды).

Но товарищ уже вернулся — с блокнотом.

— До прибытия на место придется ограничиться выпиской из газеты. Заголовок «Горящее место». Корреспондент сообщает, что лет пятнадцать назад охотниками обнаружено горящее место недалеко от реки Чабыда. «Почва глинистая, торфяных залежей нет». Слышите? Так что не торфа горят.

— Но что это значит — горящее место? Я не понимаю. Как оно горит? — спросила Таня.

— К сожалению, об этом ничего не сказано. Читаю дальше: «Раза два любители выезжали осматривать это место, привозили глину...— слышите, глину — для отправки на исследование. Население очень интересуется и готово помочь. В руке, которой сжимали кусок глины, остается маслянистый след с запахом, напоминающим запах керосина. Запах слышен на расстоянии двадцати — тридцати километров от горящего места. Около самого места запах до того силен и тяжел, что редкие прохожие выдерживают его. Земля там выгорела на большую глубину, образовав неширокую, но глубокую пропасть». — Он спрятал блокнот.

— Эх! — вскричал Сережа. — Лидия Максимовна, вот бы нам отбить горящее место!

— В какой газете это напечатано? — полюбопытствовала я.

— В «Автономной Якутии». Вы можете взять этот район. Я туда не поеду.

— Почему?

— Левые притоки меня не интересуют.

— Ах, да! Ведь вам нужна только кембрийская нефть! — съязвила коллекторша Небеля.

— Вы имеете еще более знаменитые указания? — в великом изумлении спросил Сережа.

— Нет. Но даже самой маленькой лужицы кембрийской нефти по уши хватит мне. Хотя вы, — он повернулся к коллекторше Небеля, — никогда меня пьяным не видели.

— Что это значит? — спросила Таня властно, как привкла с мужчинами.

— Это значит, что на кембрии я имею более широкие теоретические интересы, — немедленно и вежливо ответил он.

— Позвольте получить у вас по возможности более узкое указание на номер газеты, — сказала я с досадой.

— За тысяча девятьсот двадцать третий год. — Лоцманок вынул свой затрепанный блокнот: — Номер девяносто пять, понимаете, а с другой стороны — восемьдесят пять.

— Ничего не понимаю, с одной стороны, — нелюбезно сказала я, — а с другой стороны, я прошу лишь точный номер, если он у вас есть.

— Я вам сказал точно: девяносто пять и восемьдесят пять, — он ничуть не смутился. — Еще более узкое указание дать не могу.

— Кажется, теперь я поняла: заметка была повторена в двух номерах.

— Ничего подобного, в одном номере.

— Значит, вы не уверены, в каком из этих двух номеров?

— Я не уверен? — Лодманок просто изумился. — Почему бы мне быть неуверенным? Я списал оба номера и вполне уверен в обоих.

— Боже! — прошептала Таня.

Остальные молчали, подавленные. Но на Зырянова это не произвело никакого впечатления. Он весело окинул светло-зеленым взором удрученное общество и сказал:

— Это редактор газеты был не уверен и напечатал два номера: на одной стороне листа девяносто пять, а на другой — восемьдесят пять, как я вам и сказал с самого начала. Я бы посоветовал вам разыскать этого редактора и с ним установить, какой был настоящий номер его газеты в тот день.

Я сказала абсолютно серьезно и, кажется, абсолютно глупо:

— Очень вам благодарна за указание и совет.

Глава 9

В КУПЕ НА ДВОИХ

В нашем купе на двоих мы с Таней обсудили весь состав экспедиции. Таня ни на минуту не оставляет меня одну в купе, записываю наскоро.

— Если он еще посмеет за мной ухаживать, я отошью его быстро.

Тане нравятся лихие словечки.

— А ведь он настоящий мужчина. Тебя разве не волнует его взгляд?

— Такой шуплый?.. Его зелененькие глазенки?.. Что ты в нем нашла — не понимаю! Вот Небель — мужчина. Рост, мужественная красота, северный тип. Меня ничей взгляд не волнует.

— Как раз он с Севера. Ведь он зырянин.

— Сравнила — зырянина с нормандцем! Притом возмутительно самоуверен, пьет водку, наверняка ругается самыми худшими словами...

— Господь с тобой, откуда ты взяла, что он пьет водку?

— А ты почему его защищаешь, «господь с тобой»? Кстати, Небелюшка твой не коллектор как-никак, и ты не

слишком грамотно называешь «коллекторшей» его практикантку. И она ему не жена... официально.

— Не официально!

— А твой Зырянов с одной нашей студенткой в таких же отношениях, говорят...

— Ну и что?

— Ага, значит, Зырянову можно то, чего нельзя Небелю?

— Да! — сказала я твердо.

— Лида! — Таня изумилась. — Ты влюблена!

— Нелогично. В таком случае я должна была бы запретить Зырянову то, что можно Небелю.

Таня взглянула с недоверием.

— Говорят, у этого лешего даже есть жена где-то в лесу.

— Почему нельзя лесному Юпитеру иметь жену в лесу?

— Лида!..

И она уставилась в меня с изумлением и с ужасом.

Глава 10

НЕБЕЛЬ УХАЖИВАЕТ

Экспедиция остановилась в селе Усть-Иннях, при устье реки Иннях. Здесь всех распределили по отрядам. День был шумный. На берег Иннях высыпало все село: крестьяне, охотники, рыбаки, русские и якуты.

Зырянов озабоченно бегал по берегу и тщательно осматривал лодки. Одни лодки были на воде, другие лежали на суше днищем кверху. Никто не поручал этого Зырянову, но как-то получилось так, что никто этим не занимался, кроме него.

Начальник экспедиции Порожин прогуливался в стороне и удивленно морщился, прислушиваясь к торгу Зырянова, закупавшего лодки.

Едкий кизячный дым пропитал воздух на всем берегу. Дымокуры разложены были у лодок и вещей экспедиции. Люди влезали в самый удушливый дым и обливались слезами, спасаясь от облака комаров.

— Посмотрите, что делает законченный псих! — с восторгом сказал Небель Цветаевой.

Зырянов распорядился вытащить лодки из воды, а те, которые были на берегу, спустить на воду.

Лидия держала мокрый платочек у носа и у глаз и сле-

дила за суетой на берегу. Впрочем, из членов экспедиции бежал один Зырянов.

— Какой маршрут возьмет Александр Дмитриевич? — спросила она.

— Наименее таежный. Хотите, я предложу ему широкую Лену, где поменьше комаров, и вы увидите — он с удовольствием примет.

Она засмеялась:

— Хочу. Чтобы доставить вам двойное удовольствие.

— Мне?

— Вам! Ведь вы находите свое удовольствие в удовольствии других, не правда ли? И я позволяю вам угодить сразу двоим: Порожину и мне.

— Лидия Максимовна, вы нарочно хотите оскорбить меня?

— Ну, что вы! Оскорбляют всегда нарочно! Если не нарочно, то какое же это оскорбление? Конечно, я не хочу оскорбить вас.

Пока Небель разбирался в каверзах и коварствах ее речи, Лидия перевела разговор на Зырянова.

— Можно подумать, что начальник экспедиции — Зырянов.

— Завхоз экспедиции, вы хотите сказать. Александр Дмитрич — хозяин от науки, не от копейки. Простите! Я принужден оставить вас, чтобы не остаться с разбитым корытом.

Небель побежал к лодкам. Лидия с изумлением следила за ним.

— Вот эта, кажется, самая лучшая? — спрашивал Порожин, когда подбежал Небель.

— Да, — подтвердил Зырянов.

— Я беру ее для моей партии.

Когда Порожин отобрал себе лучшие лодки, Небель сказал:

— Александр Дмитрич, поскольку вы уже выбрали, я возьму вот эти лодки.

— Пожалуйста.

Лидия медленно подошла и спросила:

— Какие лодки будут мне?

Порожин не спешил ответить. Небель сказал:

— Осталось три. Вам с Сережей и рабочими нужны две. Одна совсем плохая. А вот эти две ничего.

Цветаева положила руку на борт своей лодки и спросила:

— Куда я поеду, Александр Дмитрич?

— Я беру западный край вилюйской впадины, самый трудный,— сказал Небель.— А вы, Александр Дмитрич, вероятно, поедете по коренной реке?

— Да, я возьму на себя Лену.

Таня смотрела с открытым отвращением на руководителя экспедиции. «Хорошо еще, она молчит»,— подумала Лидия. Геолог и профессор, заместитель директора Геологического института, выбрал для себя наименее интересный в геологическом отношении маршрут, но зато наиболее легкий: вместо поисков нефти он «взял на себя» лодочную прогулку по Лене! Предпочел не затруднять себя геологическими открытиями.

— Я вам советую Иннях, Лидия Максимовна,— сказал Небель, хотя она обратилась не к нему.— Вы сразу на своем участке и сразу начинаете работать.

— Я согласен с Бернардом Егоровичем,— сказал Порожин.

— Я рада, что больше не придется ездить! А геология— вся в ногах.

— Вопрос,— сказал Сережа, недовольный пристрастием своей начальницы к пешему хождению.

— Вопрос, выдержат ли ваши ноги геологию,— строго сказала Цветаева.

— Значит, мы идем по левым притокам? — сказал Небель, чтобы подразнить Зырянова.— Мы действительно хотим найти нефть?

Зырянов немедленно откликнулся, и Небель пожалел о том, что задел его.

— Я буду очень рад, если вы действительно найдете нефть вне кембрийских отложений. Но это будет малая нефть, и она даже не укажет вам дорогу к большой нефти, потому что некембрийских отложений в Якутии очень мало. Между тем, найдя даже одну капельку живой кембрийской нефти, вы уже сделаете очень много: докажете, что есть смысл искать древнюю нефть, следовательно, во всех отложениях старше третичных, но моложе кембрия.

— Как то в девоне на Волге,— язвительно сказал Небель.

— В первую очередь на Волге в девоне,— хладнокровно подтвердил Зырянов.

— Я не возражаю, чтобы вы взяли маршрут, ну, скажем, на Томптор,— перебил Порожин сучая.— Возьмите Томптор.

— И Полную,— сказал Зырянов.

— Бернард Егорович, какое расстояние между Томптором и Полной? — спросил Порожин.

— Примерно двести пятьдесят верст,— ответил Нельбель.— Товарищ Зырянов убежден, что вся геология именно у него в ногах.

— Вы не успеете, товарищ Зырянов,— сказал Порожин.— Но я не возражаю.

Бывший владелец гнилой лодки, доставшейся Зырянову, вмешался и тоже сказал ему:

— Томптор — на Дарагар плыть, а Полная — на Игсясы.

Может быть, он посочувствовал человеку, который понимает в лодках, а сам в гнилой, ненадежной думает плыть в разные стороны — одним разом вверх и вниз по Лене! Якутоватый мужичок указывал Зырянову на это важное обстоятельство, и притом с полной определенностью — в наиболее знакомых словах. Но его, оказывается, не поняли. Молодая женщина спросила:

— Что это — Дарагар, Игсясы?

— Остров,— сказал продавец гнилой лодки и протянул руку, указывая пальцем по очереди на два конца длинного острова, загородившего прямой выход реке Иннях в Лену.

Верхняя половина острова по течению Лены называется Игсясы, а нижняя — Дарагар... По всей вероятности, раньше это были два острова и сама Иннях намыла оба, а потом забросала песком свое устье между ними и удовольствовалась протокой.

Житель Усть-Иннях ничего этого вовсе не объяснил, а просто указал пальцем на остров, повел рукой и произнес два слова:

— Игсясы, Дарагар...

Посмотрел на москвичей и подумал насмешливо: «Знают обо всем, чего нельзя увидеть глазами, а что на глазах — ничего не знают!..»

— Разделите снаряжение, Александр Дмитриевич,— попросил Зырянов.

— А что там имеется?

— Мешок белой муки. Женщины хотят разделить.

— Белую муку всю на мой маршрут,— просто распорядился Порожин.

Он без стеснения показал, какие ящики — с лучшими консервами и другими лучшими продуктами — снести в его лодки, и перестал интересоваться распределением.

— Где же наши рабочие? — спросил Порожин, обращаясь в безымянное, подчиненное ему пространство.

Зырянов не ответил. Он поднял мешок ржаной муки, доставшийся на его долю, и понес к своей дырявой лодке.

— Давайте ужинать,— предложил Небель.

— Последний раз все вместе,— сказал Сережа.

— Не все вместе,— поправила Цветаева,— Зырянова нет.

— Он не наш,— сказал Небель.

Таня и все запротестовали.

Сережа развел костер.

Монотонный звон комаров в воздухе как будто даже усилился.

Небель стал развлекать девушек:

— Да, Сережа может оказаться мрачным пророком! Вы слышите? Ужасное рычание! Крылатые тигры в неисчислимом количестве подстерегают нас со всех сторон!.. Говорят, в старину богатый якут велел связать одной веревкой свою жену в объятьях ее любовника и выбросить голых подалее от дымокуров. Очень скоро они умерли, и богач велел проколоть их копьями при многих свидетелях. Это было как бы судебно-медицинское вскрытие: все увидели, что в них не осталось ни капли крови, и могли свидетельствовать, что они не были убиты, а умерли оттого, что комары выпили из них всю кровь.

— Боже мой! — воскликнула коллекторша.

Лидия попросила Сережу найти Зырянова и звать к ужину.

Сережа ушел и вскоре вернулся.

— Товарищи, лодка Зырянова исчезла с ним вместе!

— Просто он уплыл,— сказала Лидия с непонятым торжеством.— Ведь его участок дальше всех.

— Он отчалил раньше всех, а причалит ближе всех,— сострил Небель.

Все почувствовали себя словно виноватыми перед Зыряновым. Никто не улыбнулся. Практикантка Надя, которую все называли маленькой Надеждой, невежливо сказала:

— Вы намекаете на то, что он выбрал все лучшие лодки для нас и за это получил самую худшую? Конечно, это заслуживает насмешки.

Глава 11

НЕЗАВИСИМОСТЬ МЫСЛИ

Якут-проводник вычерпывал воду из лодки. Василий свалил драгоценный мешок на ящик с консервами и другими продуктами и спрыгнул. Отяжелевшая лодка приняла воду во все щели. Но мука была на ящике в безопасности. Зырянов поправил мешок. Это был не просто хлеб насущный, который нельзя было бы в случае потери ничем возместить или заменить в лесной и водяной пустыне Лены и тайги. В мешке ржаной муки заключалась независимость мысли искателя, следовательно — и открытие кембрийской нефти: возможность плыть по своей воле на правые притоки!

Зырянов с нежностью поглядывал на серый мешок, и если подумывал об опасности потонуть, то именно для муки, а не для себя.

Течение Иннях подхватило лодку. Василий не удовольствовался этим и налег на весла. Ни одной минуты он не хотел терять и не мог: сумеречило. И ни одной лишней минуты он не должен был оставаться поблизости от людей, которые так грубо показывали ему свое неуважение.

Он вышел из устья Иннях и повернул влево, в потоке, продолжающем рукав Лены между материком и длинным островом Дарагар. Проводник отнюдь не все силы вкладывал в весла, но Василий работал не жалея себя, и не почему-либо, а просто потому, что не привык жалеть себя на работе.

Его руки на веслах загорелись вдруг. Он знал отчего. Он услышал тонкий, напряженный звон, но это не кровь звенела в ушах, а комариные крылья в безветрии под берегом. В протоке перестал чувствоваться запах кизячных дымокуров из деревни.

Пальцы облились огнем, всю кисть опалило, жгучая кислота проникла за рукава, потекла вверх по локтям. Тончайшие отравленные иглы проникали сквозь рукава суконной рубахи, быстро накалывали кожу до плеч. Он не стал тратить время на надевание второй рубахи, потому что якутские

комары прокусят и две суконные рубахи и рукавицы. Руки опухнут наутро все равно.

Он проплыл четыре километра мимо острова Дарагар и не стал выходить на Лену, а пошел следующей протокой, за близким соседним островом Хатын-Ары, и, зайдя в кусты, решил ночевать.

Проводник разгрузил лодку, вытащил на берег и перевернул. Затем он приготовил постели и повесил котелок с водой над костром.

Вдвоем они быстро срубили смолистые деревья и устроили из целых стволов особенный дымучий костер на всю ночь, не требующий вовсе надзора. По обе стороны костра положили свои постели.

После ужина они конопатили лодку шпагатом, предназначенным для упаковки геологических образцов. Василий конопатил, проводник заливал смолой. Лиственничную смолу запасли в Усть-Иннях, но ее не хватило, потому что проводник щедро лил, испуганный обилием воды в лодке.

Ночью был морозец, и ветер утих.

Две лесины, положенные одна на другую, тлели всю ночь. Проводник разжег их с комля — попросту развел костер под комлями — и на том покончил заботу. Огонь потянулся меж стволов, объедая кору и медленно въедаясь вглубь, деревья обугливались; на земле по сторонам двое поджимали стынущие ноги и ползли за огнем, не просыпаясь. Василий разбудил проводника с рассветом и погнал лодку дальше.

Утром они вышли на Лену. Течение было тихое, но весенний ветер сдувал лодку вместе с верхним слоем воды, не надо было паруса и весел. Тем не менее Василий работал веслами или заставлял проводника, а сам в это время торопливо читал книги, наполнявшие рюкзак: все, что удалось получить в дорогу по общей и нефтяной геологии и по Якутии.

Когда останавливались для обеда, якут садился у костра, смотрел на небо и сообщал:

— Ветры дерутся.

Нетолстые облака в голубой вышине плыли навстречу друг другу.

Потом якут сообщил с огорчением:

— Троицын день не пришел. Плохо!

В Якутии бывало всего два значительных дождя летом: около Троицына дня в июне и второй в июле, и от них за-

внесел весь сытый год или голод. В представлении якут-крестьянина годовой праздник связан был именно с этим важным событием — дождем, а вовсе не с мифологическими событиями религиозной истории. Дождь не пришел,— значит, и праздника нет.

В береговых сельсоветах жаловались на сухое небо и спрашивали, будет ли дождь.

Против Буотомы проводник сказал:

— Кемис-Хая. Серебряная гора.

Василий не удостоил вниманием Серебряную гору. Ишь ты, подумал проводник, серебра не хочет. Золото, что ли, хочет?

Еле слышный звук, чужеродный реке и горам, заинтересовал его больше, чем Серебряная гора.

Василий прибил к берегу и стал прислушиваться. Это было явственное частое постукивание. Оно приближалось снизу по Лене. Работал маленький мотор на лодке. Она прошла мимо них — белая, чистенькая, с каюткой. Проводник с восхищением сказал:

— Директор Черендейского затона. Сам директор смотрит.

— Где этот затон?

Директор стоял на борту, могучий человек с большой головой в форменной фуражке. Усы его видны были за полкилометра.

Василий переправился через Лену по тихой воде перед рассветом и ввел лодку в приток Томптор. В сельсовете на Томпторе ему дали лошадь и мягкий хомут, позволяющий лошади тянуть бечеву. Проводник сел верхом, лошадь потянула лодку на длинной бечеве до первого переката. На перекате лодка распалась.

Василий с проводником выловили из реки ящик с консервами, муку, соль, сахар, сухари, чай и разложили на гальке сушить.

Глава 12

НА ЗЕЛЕНОМ КОВРЕ СЕРЕБРЯНЫЙ УЗОР

После разъезда экспедиции Лидия осталась в деревне на весь день. К ней приходили крестьяне, особенно крестьянки, без зова — за человеческим словом, потому что она была из Москвы, подающей надежды и судьбы народам и людям.

Она обыскала очень тщательно с помощью Сережи набросы гальки на косе. Сюда Иннях приносила и складывала образцы всего, что встречала на своей недлинной дороге от верховьев, и то, что приносили ей ручьи и весенние потоки. Лидия помнила, что около устья Иннях были ранее найдены учеными остатки кембрийских трилобитов.

Против Усть-Иннях были найдены археоциаты.

Иннях омывала самое «обещающее» место — по левую сторону от Лены.

На другое утро лошадь медленно потянула две лодки вверх по Иннях. Лидия без накомарника шла берегом и наслаждалась ходьбой.

Она подбирала и бросала гальку и обломки, а некоторые передавала Сереже. Ветерок лучше накомарника защищал от мошкары. Солнце нагревало камни, всю землю и воздух, до высоты роста Лидии, чтобы она могла идти в летнем легком платье и радоваться дружелюбной якутской природе. Все было яркое вокруг: небо и облака, река и галька, зелень там, где кончались галечники, на правом берегу, и бледно-розовые известняки в стене левого берега, особенно розовые в утренних лучах. Это была гостеприимно розовая, приветливо зеленая, синяя и голубая Якутия, но особенно зеленая, описанная так выразительно, хотя и старомодно, у Серошевского — как бы с птичьего полета под голубым небом: сплошной ковер разноцветной зелени, но больше всего темной, лесной, с оттенками лиственницы, ели, сосны, ольхи и тополя в различных местах.

И вот Лидия сама на этом ковре. Взволнованная, она радостно идет вдоль серебряной прошивки Иннях...

Сине-серебряный узор Лены с притоками, ветвистый и густой, вышит по всему ковра. Он тоже выражает лесную Якутию по Серошевскому. Поляк Вацлав Серошевский, политический ссыльный, поэтически изобразил Якутию в виде огромнейшей вышивки по ковра. Главное дерево узора — Лена. Ее корни погружены в Ледовитый океан. Серебряный гладкий ствол имеет много километров в обхвате. Его крона тремя гигантскими ветвями — Вилюем, Алданом и самой Леной — отогнута далеко на запад, словно давлением необычайного ветра. Тысяча ветвей-притоков растет по стволу Лены, а при них десятки тысяч серебряных веточек вышиты во всех ложбинках, углублениях и ущельях на пространстве трех миллионов квадратных километров.

А на выпуклых местах, на плоскогорьях и даже на склонах гор положены сто тысяч блестящих озер. Около каждой сияющей капли и вдоль многих серебряных нитей узора вытканы светло-зеленые оторочки луговой и болотной растительности, серо-зеленоватые полосы раkitника или желто-зеленые — в июле — полосы хлебов.

Лидии хотелось вообразить вид всего ковра: вплоть до загрязненной узкой бахромы, всего в двести — триста километров шириной, зеленоватой тундры, мокнувшей краями в Ледовитом океане.

Ковер был продран во многих местах гребнями гор, но они тоже участвовали в общей картине своими красками — ржавыми лишайниками и бледно-желтыми ягелями или совсем оголенными черными, серыми, желтыми, красными утесами...

Проводник по коврам пел почти весь день. Он пел одной-двумя нотами и тянул свою песню, как тянет и журчит серебро-синяя Инних по камням, и почти по такой же причине: он двигался по дороге, дорога была каменистая... Он терпеливо порицал дорогу за неудобства и песенно удивлялся тому, что русская богатырь-девица командует русским парнем Сережей: велит ему собирать гальку в лодку, словно это не простые тяжелые камни, а тас-хаяк — пушистое «каменное масло»...

Проводник рассказывал ветерку той же мелодией без слов о нелепом занятии Сергея: Сергей старался разбить каждый камешек на три куса и каждый кусок завертывал отдельно в чистую бумагу и писал на каждой бумаге, писал, писал, как шаман, и складывал в лодке завернутые камни...

Не скоро чувства проводника утомились обильными впечатлениями от реки, от Сережи и русской девушки, и комаров, и неустанно текущего дня. Голос излетал из его горла громкий, бессловесный, но полный человеческих чувств, и желаний, и мыслей — веселых, грустных, разных...

Но Сережа не различал его чувств и не желал угадывать мысли певца в курлыкании голоса, необъяснимом, повторяющемся однообразно для Сережиного слуха много часов.

— Перестань! — закричал Сережа.

— Почему нельзя ему помурлыкать? — укоризненно сказала Лидия.

— Ничего себе мурлычет! Как разбитое дерево в лесу скрипит и поет! — закричал Сергей, доведенный до отчаяния. — Как вы можете переносить, Лидия Максимовна!

— А мне даже нравится,— сказала она смеясь.— Без его песни пейзаж был бы недостаточно человечный... и недостаточно якутский.

Вспомнила хвастливую казахскую легенду о песне: богиня песни пролетела низко над степью, но высоко пронеслась над лесом...

Вечером проводник пустил лошадь искать корм, а сам занялся костром. Сережа рассердился:

— Зачем пустил коня? Теперь он уйдет в Усть-Иннях.

Пока не появился обильный дым, Сережа проклинал комаров. Проводник качал головой и говорил ему:

— Неладно ругаешься. Комаров послал добрый Иисус Христос, чтобы помочь якутам.

— Хорошенькая помощь! Ничего себе добрый!

— Ты говоришь — лошадь уйдет,— сказал проводник очень спокойно.— Не уйдет. Мне Иисус помог, чтобы я не ходил пешком искать мою лошадь: она сама от комаров придет к дымокуру.

Перед этой наивной верой не устояло Сережино раздражение. Он хохотал и приговаривал:

— Главное, по божеской доброте послал комаров! — И вдруг взрывался хохотом, еле мог выговорить.— Главное, чтобы ему пешком не ходить за лошадью!

Стоянки для обеда и для ночлега Лидия старалась подтягивать к населенным местам. Ей хотелось все видеть у людей: как живут и чем живут. Она замечала меньший их рост по сравнению с русскими, узкие плечи, маленькие нежные руки и широкие лица, оживленные любопытствующими глазами.

Их одежды, заимствованные от русских, еще сохраняли некоторые особенности прежней самобытной моды: прямой разрез платья на середине груди, отложные воротники, на старых женщинах — длинные платья, сшитые сборкой к плечам и вороту.

В наступившие жаркие дни многие работали в кожаных трусах на полях и на берегу. И все пели: маленькие дети и взрослые, на работе, на дороге, утром, днем и темной летней ночью.

Свои наблюдения Лидия записывала в одной тетради с геологическим описанием маршрута.

Сережа сказал с презрением:

— Вам надо было стать этнографом.

— Дорогой Сережа, я с вами не согласна. Мне всегда

хочется добыть нечто матерьяльное, а достижения этнографов невещественные...

Якуты жили здесь в обыкновенных русских избах. В верховьях Инних Лидии удалось увидеть бревенчатые юрты. Стены их наклонно сближались шатром под кровлей. Бревна в стенах не лежали, а стояли врытые в землю в плотном строю. Пол в юрте был земляной.

Самая древняя якутская постройка ураса — островерхий берестяной шалаш — не встретила ее, но Лидия утешалась тем, что видела урасу на Ленинских горах. Там был Музей народов СССР.

Глава 13

ПЕСНЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ДУШИ

В одном селении, уже в верховьях реки, Лидии удалось услышать профессиональных якутских певцов.

Их было двое. Слушать их собрались в самой большой избе. Хозяин, пригласивший певцов, приготовил для них самое дорогое угощение, которое было для него даже несколько разорительно.

Хозяин сказал Лидии пренебрежительно о певцах:

— Эти — не настоящие певцы. Ни один не умрет, если будет побежден.

Может быть, он опасался строгого суда москвички. Лидия поняла, что готовилось состязание вроде того, о котором написал Тургенев.

Певцы сами подошли представиться и познакомиться. Один из них сказал:

— Нам будет совестно петь при вас. Мы поем для простых людей.

— Я слышала про вас еще на Лене и в Кесь-Тюнгюрене, — любезно соврала Лидия.

Певцы оживились, и тот, кто помоложе, сказал:

— Был когда-то певец, таких нынче нет. С женщинами случались припадки, мужчины ослабевали, как маленькие дети, и не могли уйти. От его пения люди теряли рассудок, а деревья сохли. Ему платили, чтобы он только не пел.

— Если сохли деревья, значит, он пел плохую песню, — сказал старший певец.

— Таковую песню ты нам не пой, — сказал хозяин.

— Я буду петь,— старший певец поглядел на москвичку,— песню челевеческой души.

— Я больше всего люблю такую песню,— сказала Лидия.

Певец поклонился ей и стал смотреть в пространство, как бы задумавшись о своей песне.

Первым должен был петь младший.

Он отчетливо выговаривал каждый звук, его горловой голос бился молодой силой и горячностью. И, не зная слов, Лидия понимала чувства, выражаемые голосом певца: боль, гнев, радость похожи у всех народов.

Песня была длинная, и, когда она кончилась, певец сначала отдыхал, потом принялся есть. Слушатели хвалили его.

— Хорошо поет, жалко его,— прошептала хозяйка.

Лидия удивилась:

— Почему же ты жалеешь его?

— Счастливым не будет,— сказала хозяйка.

Старший певец тоже сказал похвалу в его честь:

— Он умеет петь еще лучше. Жалко, что свои лучшие песни он не поет людям, которых любит, чтобы не внести разлад в их жизнь.

Потом старший сам запел. Он пел чрезвычайно размеренно. Его пение более походило на певучий разговор или на певучее чтение стихов. Мелодия состояла из двух-трех нот и все же сильно волновала его слушателей.

Мужчины сидели на скамьях вдоль стен, задумавшись каждый о чем-то своем, наваянном песней. Женщины, взволнованные, побледневшие, а девушки, наоборот, покрасневшиеся, столпились в углу.

Лидию усадили за один стол с певцами, как особо редкую и почетную гостью.

Ей интересно было пробовать изобретения якутской кухни, бесконечную череду блюд, то мясных по вкусу, то рыбных, то фруктовых, десертных, но приготовленных всё из одного и того же топленого и сквашенного молока и одинаково называемых «сорат».

На первое это была изжелта-белая кисловатая гуща, прохладная — из погребца.

Но во второй смене это уже был рыбный студень. Лидия поискала рыбу в чашке и не нашла: рыба вся с косточками растворилась в молочной кислоте выдержанного сората.

Хозяйка принесла отдельно для Лидии красивый «белый» сорат, очень белый и пушистый, сбитый со сливками.

Потом для всех был «красный сорат-тар», красный от брусники. Гости громко обрадовались, а хозяин, скромничая, пожалел почтенным гостям, что не может до осени угостить их осенним соратом, совершенно не кислым. Он тут же обшутил свою любезность и напомнил поговорку, что «осенний сорат, жалко, не дается» — его любят хозяева, дескать, сами съесть.

После кислых блюд пошли жирные. Пожилой певец показал Лидии, как надо брать — тремя пальцами — жирное, жарено-желтое, сыплющееся как халва и класть в рот.

— Это пища мощных духов и богатых родильниц, — сказал он, — божественный саламат.

Божественный саламат запивали густой белой эмульсией, полной углекислого газа. Лидия догадалась, что это сливочная пахта вместе с маслом, которое не выбили из пахты, а с ней вместе сбили.

— Как это вкусно! — сказала Лидия. — Как вы это называете?

— Хаяк, — сказал пожилой певец. — Это очень хорошо.

— Хаяк? Масло?

— Нет, — сказал певец, — масло по-якутски «ары».

Он заговорил по-якутски с хозяином, все гости приняли участие в разговоре, мелькали два слова: «ары», «хаяк».

— Не знаю, как вам сказать. Хаяк — это вот такое. Мы, якуты, очень любим хаяк.

— Сережа! Вы слышите?.. Вы помните, что говорил Зырянов о тас-хаяке? Ведь это еще более подтверждает его догадку, даже больше, чем он сам предполагал! Вы же знаете, что нефть — это газированное минеральное масло и, к сожалению, очень часто в эмульсии с водой. И вот, оказывается, хаяк — это не просто масло, а масляная эмульсия в воде, и притом газированная. Но, таким образом, «тас-хаяк» должно обозначать взбитое «каменное масло» с водой и с газом!

Старый певец внимательно прислушался и сказал:

— Тас-хаяк, я слышал, на Кемпендяе.

— Вы пробовали? — быстро спросила Лидия.

— Нет, — сказал он брезгливо, — это плохой хаяк. Вы не будете кушать.

До слуха хозяйки долетело слово «ары» из разговора Лидии с певцами. Хозяйка сейчас же поставила перед почетными гостями чашки с прозрачным маслом, подобным свежему меду, — самое дорогое угощение.

Старый певец продолжал рассказывать, попивая топленое масло.

Хлеба вообще не было на столе. Молодой певец пил бледно-золотое масло, как пьют чай в сильную жару. Он заметил изумление русской и стал рассказывать ей о знаменитых удальцах, которые умели выпивать сразу полпуда масла.

От одних отвеживаний Лидия была уже так сыта, что не могла и пробовать больше.

— Я расскажу вам историю якутов,— сказал старый певец.— Наши предки имели много лошадей и пили много кумыса, ели мясо. Земля под ними была чистая. Они были очень умные, быстрые, горячие были, обиды не запасали.

— Отомщали немедленно,— пояснил хозяин.— Обидчиков убивали до девятого колена.

— Потом пришлось скрести кору с деревьев и варить коренья, лошадей потеряли. Сами стали кушать, как лошади,— лошадиную пищу. Теперь русские научили нас сеять и кушать хлеб. Сначала у всех болела голова от хлеба... а потом немножко опять поумнели...— закончил он, исправляя легенду с очевидной любезностью не в сторону якутов, а по отношению к хлебу, введенному русскими.

Слушатели рассмеялись. Хозяин сказал:

— Кто кушает хлеб, тот рассудительный человек, спокойный. В драку не полезет, пока ему не очень надо.

После жирного подали сладкое, из которого Лидия предпочла взбитые и замороженные сливки с ягодами, пломбир по-якутски. Но после мороженого был чай...

К чаю принесли в глубоком блюде желтоватые кусочки в виде колотого сахара, это оказались жирные сладкие льдинки из сливочной пенки.

Под конец вечера хозяйка с особой торжественностью разлила по чашкам бело-розовую густую жидкость. Тонкий и нежный букет лесных весенних цветов и самых душистых таежных ягод — земляники и княженики — поднимался из чашки. Лидия улыбнулась хозяйке. Темнолицая женщина просияла и порывисто подошла:

— Пейте, еще налью.

Питье показалось Лиде вкуснее шоколада, вкуснее всего, что она знала. Позднее, перед сном, она спросила у хозяйки рецепт: земляника и княженика были вскипачены со сливками и усердно разбиты мутовкой в эмульсию.

СТАРЫЕ ДРУЗЬЯ НА ПОЛНОЙ

Томптор, приток Лены, течет почти рядом с Леной и в одном направлении с ней, за узким водоразделом. Василий пешком поднимался берегами Томптора от его устья до истока и таким образом приблизился к нижнему течению соседнего большого притока — Полной. В конце августа он прошел через водораздел на запад и после трех дней очень трудного пути по тайге и топям плоскогорья вышел на Полную.

Он сразу с радостью увидел, что река мыла ребра пластов. Это соответствовало геологическим описаниям: Полная текла по падению пластов, то есть поперек складок. Вся длина ее 100 километров, а исток выше устья на целых 200 метров. Тысячелетия Полная следовала за Леной, снижаясь и углубляя свое русло, прорезала и обнажила многие слои кембрийских известняков и дала много окатанных, а также свежих обломков.

Василий стремительно порылся в гальке, но ничего не нашел.

Он сплотил несколько бревен, радуясь этой работе, словно вернувшей его к надеждам детства.

Он испытывал спортивный восторг, проводя свой плотик по незнакомой, чрезвычайно порожистой, опасной реке. Он не сводил глаз с Полной и все время прислушивался к ней.

Он слушал приближающийся рев и разлагал его на голоса в хоре, поспешно старался определить — еще не видя — размещение главных ревунов.

Издаലെка он вглядывался — еще не видя кипения воды, но зная, что она бурлит, напрягая не только глаза, но все чувства. Льющиеся выпуклости вызывали на расстоянии почти осязательное ощущение твердости камня под упругими живыми буграми и желваками воды.

Вся река подскочила. Бесчисленные большие и маленькие голубые бугры с мелькающим блеском бежали, стремились и не трогались с места, но налетали на Василия. Плотик прыгнул и, больно стукнувшись, перемахнул через высокий порог.

Василию хотелось похвастаться хоть перед кем-нибудь своим искусством читать текущий свиток струй в чужой реке. Но восхищался ли проводник, этот земледелец из Усть-

Иннях, ловкостью лоцмана или не видел ничего необыкновенного?.. Он улыбался по-якутски, хотя мог бы сказать кое-что по-русски.

Густо обросшие горы летели мимо, на тесных берегах лежала масса гальки и обломков, соблазнительных для осмотра. Но приходилось спешить. При таком быстром течении можно было выскочить на Лену к вечеру... Зато на Лене, при ее неторопливости, предстояло влачиться до Якутска дней четырнадцать, если не больше. Василий боялся опоздать к последнему пароходу.

В небольшом распадке гор приютился крохотный поселок. Должно быть, все его население оказалось на берегу, привлеченное редкой возможностью увидеть заезжих людей в своей лесной пустыне. Василий смотрел на них тоже с интересом. Не так-то много людей он видел за эти недели в Якутии, где все население составило бы только одну из колонн первомайской демонстрации в Москве.

С берега он услышал возглас:

— Василий Игнатьевич!

Василий прислушался, не веря ушам. Знакомый?.. Но снова кто-то кричал и размахивал руками. Поселок уже отдалялся со своим навсегда неразгаданным знакомым. Однако тот человек судил иначе.

Человек прыгнул в лодочку и погнался за плотом.

Василий увидел торжествующее медно-красное лицо с оринным носом меж втянутых щек и глубоко сидящих ликующих глаз.

— Женья? — не очень уверенно спросил Василий.

— Я! — крикнул Женья. — Правьте к берегу, Василий Игнатьевич!

— Нельзя, плоты не ходят против течения!

— Василигнатич! — свирепо и жалобно закричал Женья и засверкал глазами в лучшей манере грозных предков. — Правьте к берегу!

Василий улыбнулся. Женья восторженно крикнул:

— Утоплю ваш плот!

Василий командовал проводнику на кормовом весле:

— Корму влево! — и сам нажал носовым веслом вправо.

Плотик пошел к берегу под конвоем Жени.

— Все лето мы прождали вас, а вы — мимо!

Они привязали плот и лодку и пошли пешком в поселок.

Все население приветствовало Василия, как дорогого го-

стя. Каждый мужчина сказал ему благожелательное слово, а некоторые спросили, нашел ли он керосин. Женя создал ему славу здесь, и Василий не пожалел, что задержался. Он оставил бутылочку с бензолом Жене и напомнил, как делать вытяжку битума из толченого доломита.

— Мой отец — лучший охотник на Полной, — гордо сказал Женя, и все присутствовавшие на беседе, то есть все население поселка, подтвердили это, каждый сказал или подумал: «Алексей Никифорович Петров выследит нефть... Я ему помогу...»

— Я ведь знал, что ты родом с Полной, — сказал Василий.

— Я говорил, Василий Игнатьевич!

— Но как ты узнал, что я буду на Полной?

— Вы же объяснили нам, что кембрий легче обследовать в Якутии. Потом Сеня прислал письмо. Велел подстеречь вас, если он сам запоздает. Но он не приехал. Сеня и Ваня учились на курсах в Иркутске, — сказал Женя с гордостью и с некоторой завистью, — они стали трактористами.

— Передай им привет от меня.

— Не знаю, где оба, — печально сказал Женя.

На рассвете Зырянов поплыл дальше. Горы стали выше. И вдруг все кончилось: бег плота меж крутых гор, и самые горы, и стремление воды. Василий увидел гладкую воду, и солнечный песок на плоских, улегшихся берегах, и крутой простор яркого неба в вышине.

Полная излилась в довольно просторное озеро. Справа, из-за острого угла, открылся широкий, очень спокойный плес, вода совсем не двигалась. Василий угадал все сразу: это не было озеро. Это широкая протока Лены поглотила сильную Полную.

Плотик сразу завяз в тишине. А за огромным островом ветер должен мореподобно играть волнами безмятежной Лены...

Василий начал работать гребком влево, изо всей силы, чтобы втянуться в протоку. Здесь он велел проводнику сойти на берег и тянуть плотик бечевой.

Протока тянулась на шесть километров, вдоль песчаного острова. Василий отдыхал, сидя на плоту, а проводник устал и поглядывал осуждающе на него. Но Василий не шел припрягаться. Он приберегал свои силы для другой работы, Еще ее не было, но она была необходима.

Сразу за этим островом показался другой, еще больший, весь покрытый лугом, а на хребте материкового берега Василий увидел то, что ему надо было: сосны. От нетерпения он даже помог проводнику тянуть.

От воды до подошвы хребта было метров тридцать. Деревья, сброшенные сверху, пришлось бы волочить по песку, что еще потяжелее, чем тянуть плот.

Они протащили плотик пять километров под вторым островом. Крутой обрыв коренного берега подступил к самой воде. Василий закрепил плотик и немедленно полез по скалистой крутизне, утоляя усталость мыслью о том, что зато легко будет деревьям по такой дорожке сверху срываться прямо в воду. На вершине он сел отдышаться.

Усталость не могла помешать его удивлению перед открывшейся картиной, хотя из книг он знал, что путешественники на Лене всегда удивляются, поднявшись на береговые хребты, где вдруг увидят покрытую лесом равнину.

За его спиной стоял сосновый лес, а перед ним, в отдалении, на другой стороне Лены, виднелся тот же хвойный лес на беспредельной равнине.

Василий срубил несколько прямоствольных деревьев, ближайших к обрыву. Они скользнули по ребристой скале с высоты полутора метра и по дороге очистились от коры и мелких ветвей.

Василий увеличил и утяжелил плот вторым настилом, придав устойчивость, необходимую плоту для плавания на великой Лене. Двойная связка сырого леса, почти одинаковая по весу с водой, погрузилась вровень с поверхностью.

Он изготовил новый прочный гребок из торцовой доски консервного ящика, насадил ее на крепкий шест щитком, потом закрепил гребок на краю плота клиньями, чтобы его не смыло волной. Таким гребком придется, возможно, оттягиваться от берега в тихих местах. Но выгрести на Лене этим легким щитком — все равно что пригоршней. Плотик сросся с водой и целиком был во власти течения; корчевать его из стрежня реки — как пень из земли. Для этой трудной работы Василий укрепил на носу плота длинное, толстое весло из целого молодого дерева.

На большом расстоянии от намеченной точки поворота он начинал работать двухпудовым веслом, чтобы отворотить нос плота и направить в должную сторону косвенным давле-

нием течения, хотя скорость Лены и в самом стрежне была старушечья. Необъятная Лена плелась без всякой спешки, уступая натуге попутного ветра только самый верхний слой, и мелкие волны перебежали над плотиком, не увлекая его за собой. Василий закрепил весло прямо и оставил всякое поечение о своем судне.

Глава 15

РАДОСТИ И ТРУДЫ ПЛотовИКА

Широчайшая водная полоса плыла по дну глубочайшей долины, вырытой за долгую жизнь реки, а главным образом в годы энергичной молодости Лены. Теперь ее собственные берега возвышались над нею, словно крутые горы. Они так и назывались у населения: береговые хребты. На самом деле это были не хребты и не горы, а просто берега, созданные самой Леной.

На их вершинах молодая Лена играла, и раскидывалась, и мыла равнину, и терзала своими волнами когда-то... В недостижимой ныне вышине она оставила пологие берега своей юности.

Василий мог читать предлинную биографию сверху донизу. Это доставляло ему замечательное удовольствие и восхищало его. Он видел, что Лена была очень стара и вся ее система одряхла. На протяжении целого километра Лена стекала и снижалась едва на десять или пятнадцать сантиметров. Трудно было поверить, что эта ленивая, еле движущаяся вода стесала здесь двести метров твердых и скалистых пород. Значит, эта водица пожила и долго и лихо. А теперь остались ей на дожитие до конца ее речной жизни последние пятнадцать или десять сантиметров наклона русла на километр течения!

Василий жадными глазами провожал светлые известняки и красноцветные породы. Это были самые верхние слои кембрия. Лена текла здесь в толще очень спокойных отложений кембрийского моря — верхние двести метров она сама вскрыла. Ниже дна лежат еще многие сотни и тысячи метров. Сначала красные известняки и мергеля, потом темные, пропитанные нефтью... Никто не доказал, что в них нет жидкой нефти.

Берега были как искусственные стены, выложенные из

красных и светло-зеленых пластов. На протяжении двадцати километров цветные каменные полосы сохраняли одинаковую толщину и лежали на одинаковой, неизменной высоте, а уровень реки под ними незаметно снижался — всего на 10—15 сантиметров на километре.

Василий смотрел на спокойные полосы и безупречно горизонтальные послойные линии известняков, точно наливанные, и думал, что здесь нет смысла искать структуры, видимые искривления складок, под которыми образуются в глубине земной коры купола, бассейны, где могла скапливаться нефть. Означает ли это, что здесь не образовалась нефть, если были условия и был материал? Она должна была образоваться. Но ей негде было собраться в залежь...

Просто она осталась рассеянной по пласту?.. Нет, это противоречит законам физики. Нефть сможет собраться в любом месте, была бы только пористая, собирающая порода, и как раз здесь сплошь известняки. Следовательно... Простая догадка — сама очевидность: здесь, на сибирской плите, могут найтись залежи нефти на любом ровном месте. Не надо искать сильно изогнутые структуры, резко выраженные купола. Здесь надо искать везде!

Василий смотрел на разрезы и размывы берегов, «распадки», где берега распадаются, и «разбой», где река разбивается на рукава-протоки в островах и почти приостанавливается, чтобы затем в защемлениях заторопиться и наверстать упущенное время...

Смотрел с неослабевающим интересом — час за часом, день за днем... Так умеют лодманы смотреть. Время для них тоже течет с разной скоростью, но всегда несколько меньше скорости реки: вместе с тяжелым плотом и внутреннее время плотовщика отстает от течения воды...

На пятый день плавания течение несло плот под обрывом правого берега, и Василий зорко следил, чтобы не прозевать остров Дарагар и протоку на Усть-Иннях.

Пришлось изо всех сил работать гребью, чтобы вырваться из стрежня и перебраться через Лену. Плот очутился против широкого устья, скрытого до последней минуты за острым мысом.

В устье не было течения, это была протока, и по каким-то неосознанным признакам Василий угадал остров против Иннях. Он вырвал гребок из клиньев и крикнул проводнику:

— Шест!

Он всаживал гребок в плотную воду, как деревянный крюк, и с силой тянул, подтягивал и забрасывал снова, а проводник отталкивался с кормы, упираясь длинным шестом. Они втянулись в протоку. Вода стояла в ней совсем неподвижно.

— Это Дарагар? — для проверки спросил у проводника, кивнув на остров.

— Нет, Исгясы. Дарагар дальше.

Василий в недоумении осмотрелся, но работать гребком не перестал. Место было незнакомое ему, он здесь не был. Из Усть-Иннях они сплыли протокой вниз, а теперь подошли сверху. Василий сердился:

— Давай нажимай! Пусть Исгясы, а все-таки за этим островом будет Иннях.

— Иннях будет, — согласился проводник. — А только это остров Исгясы. Дарагар дальше. Теперь, осенью, конечно, вместе Дарагар — Исгясы.

Отсюда уже видно было все село. Дома выстроились довольно далеко от Лены, но все лицом к ней, отдаленные один от другого, и все в одну линию, до самой Иннях. Каждая изба крепко держала за спиной свое поле, навечно привязала его к себе прочнейшей изгородью в три хлыста из целых лиственниц, до самой горы.

Длиннейшие деревянные цепи линовали равнину во всю глубину и делили на прямые полосы до самого дальнего, под небом, древнейшего берега Лены, он теперь возвышался над равниной подобно хребту.

Василий прибил плот к косе, загородившей до половины устье притока. Иннях протискивалась влево от косы, в протоку между материком и островом; в эту сторону остров назывался Дарагар.

На селе Василию сказали, что сверху пришли двумя лодками богатырь-девушка и мужчина из экспедиции. Это могла быть только Цветаева с коллектором... Круглолицая девушка с длинной косой, с влажными и смеющимися глазами, устроенными для выражения радости. Он хорошо запомнил это за полтора месяца в ежедневном соседстве с Лидией Максимовной — в вагоне, потом на карбазе, на Лене. Но с Небелем надо считаться. Это серьезный противник. Соперник? Нет — противник. Почему? На этот вопрос не отвечаю, но чувствую — враг... Но ухаживает за Лидией Мак-

Симовой — книжно. По книжке, что ли? Или — из дворян? А красиво.

Лидия Максимовна позволяет ему ухаживать.

Не может быть, чтобы нравился этот... вылизанный.

Чувствуется в девушке человек, будущая сила. Василий даже мысленно не иначе называл ее, как по имени-отчеству. Думал о ней, не сравнивая с Валей Соболевой, и не вспоминал о жене. Цветаева была сама по себе, одна такая, вне сравнений.

Не должен Лидии Максимовне нравиться Небель. Но его ухаживания нравятся ей.

А какой мужчина может понравиться ей?.. Наверно, не грубый лесоруб, — с грустью думал грубый лесоруб и робел ее. Со всеми обращался с привычной уверенностью, называл Надькой, Наденькой, Надюшкой; Таню — Синицкой; а Цветаеву... как незнакомый — никак! Полтора месяца в одном вагоне, в одной компании на карбазе!

Для его вседержающей головы мысль — влюбиться в Цветаеву — была немислимой. Он не сознавал в себе никакого чувства к ней, кроме почтительности.

И ревниво примечал манеру Небея.

Утром он увидел Цветаеву и коллектора Лукова в лодке, медленно пересекавшей устье Инных. Они выходили первыми в протоку. Цветаева держалась обеими руками за скамью и смотрела на Зырянова. Розовое от мороза лицо в меховом якутском капоре было особенно круглое и светлое, не подавшееся загару. Черный романовский полушубок хорош был на ней. Над водой поднимался пар.

Василий с трудом оттянулся от косы и думал: «Куда они дели вторую лодку?» Он перенял их там, где Инных энергично проталкивалась в узком горле протоки. Плот и лодка сблизилась до десяти метров. Солнце озарило береговые хребты, и лес на острове, и лодку. И рот — большой, красный. Губы сильные, честные — характер прямой и добрый. Пар засветился над водой. У Лидии Максимовны зарозовели щеки еще более от розовых лучей солнца, и даже черный капор зарозовел.

За островом еле слышно родился звук, чужеродный реке и громадному уединению этого утра.

Сережа Луков держал весла в воде и зевал, широко открывая рот. Цветаева разбудила его затемно.

Она смотрела на Зырянова. Василий сказал:
— Здравствуйте!

ЗНАНИЕ И ЧУВСТВО

— Ну, что вы успели? — спросила Лидия.

— Я сделал съемку на Томпторе.— Он ухватил гребком лодку и притянул к плоту.

— Нашли интересное?

— Да,— сказал он безразлично и, спохватившись, добавил: — Конечно.

А еле слышный звук за островом стал явственней. Это было легкое, частое постукивание.

— Вы нашли? — Она с оживлением повторила вопрос, выразивший теперь сочувствие к его особенным поискам.

— Нет,— сказал он.— На Полной я бы нашел.

— Почему именно на Полной?

— Она сечет все пласты и падает круче других притоков Лены.

— Почему же вы не зашли на Полную?

— Без лодки я потерял много времени, потом уже не мог успеть.

— Знаете, я возмущена была вашей покорностью. Зачем вы согласились взять негодную лодку? Вы, такой энергичный!..

— Я просто не обратил внимания. Мне всю жизнь предоставляли самое худшее,— сказал он угрюмо, прислушиваясь к чужеродному звуку за островом.

Звук перемещался. Несомненно, постукивал маленький мотор.

Лидия с жалостью взглянула на Зырянова, но возразила с обидой:

— Разве Нефтяной институт — это самое худшее?

— Не об этом речь. Вы меня неверно поняли,— сказал он досадую.

— Но вы же получили то, что хотели, и якутскую экспедицию вы же сами придумали.

Он сказал сердясь:

— Не стоит агитировать меня за советскую власть.

— Но ведь и советская власть пока еще не каждому желающему может предоставить экспедицию в Якутию!

— Я не понимаю, чего вы хотите? — Он вскипел.

— Я хочу, чтобы вы поняли, что не каждый лоцманенок может придумать экспедицию в Якутию и добиться ее от

правительства. А от Порожина вы не сумели получить просто хорошую лодку! Истратили экспедицию, истратили год из-за какой-то гнилой лодки! Из-за каких-то детских привычек получать худшее, видите ли! Это возмутительно! И непростительно!.. Я хочу, чтобы вы поняли, на что вы способны!..

Он удивленно смотрел на нее и уже не сердился. И почему-то Лидия смутилась.

— Я уверена, вы и теперь еще успеете на Полную. Вы можете перехватить последний пароход в Черендее. Он ведь там ночует...

— Успеть можно... только на моторке... А вы разве тоже думаете, что на правых притоках, в кембрии, есть нефть? — недоверчиво спросил он и вслушался в памятный стук мотора.

Мотор стучал на катере. Катер проходил за островом. Василий отчетливо представил себе могучие усы под форменной фуражкой речного флота, видимые за полкилометра.

— Я думаю, что вы должны разведывать кембрий, — сказала Лидия.

Он прихватил гребком лодку и с восхищением сказал:

— Вы первый разумный человек, которого я встречаю!

Она стала хохотать и смеялась долго и громко, а он удерживал лодку и смотрел без всякой обиды, как она смеялась над ним. Потом она сказала:

— Бедный!

— Поздно, — сказал он, — вы захватите последний пароход в Якутске перед самым отплытием.

— А если он задержится?

— Тогда он замерзнет где-нибудь около Усть-Кута.

— А какое вам дело?

— А такое дело, что я застряну в Усть-Куте до зимнего пути.

— А куда вы так спешите с пустыми руками?

— Я должен попасть в Москву до декабря, иначе нельзя будет включить мою тему в план экспедиций будущего года, — сказал он и слушал моторчик за островом.

Теперь он определенно знал, что катер директора Черендейского затона пошел вниз, к Якутску.

— Да кто же вам даст деньги на будущий год, если вы приедете с пустыми руками! На чем основана ваша сумасшедшая самоуверенность? Можете забыть тогда о Полной!

Он поднял голову, его глаза блеснули. Теперь он убежден был, что катер не уйдет от него, и сказал решительно:

— Я не приеду с пустыми руками.

— Вы сейчас пойдете на Полную? — живо спросила Лидия.

— Моторная лодка! — закричал Сережа. — Вот бы она взяла нас!

— Я никогда иначе не думал, — сказал Зырянов заносчиво, как мальчишка, и улыбнулся.

Лидия замолчала и сейчас же спросила с негодованием:

— Ну, а как вы оттуда выберетесь, с вашей Полной?

— Сейчас я не могу об этом думать. Я думаю о том, как туда забраться. Возьмите меня в вашу лодку.

— В мою?.. Но я не собираюсь на Полную.

Зырянов швырнул в лодку свой рюкзак:

— И не надо. Мы поплывем в Якутск.

— Погодите! — воскликнул Сережа. — А куда же я денусь?

— Ах да!.. Наша лодка троих не поднимет, и к тому еще у нас масса камней. Какая жалость, что мы оставили проводнику вторую нашу лодку!

Зырянов шагнул с плота в лодку и спокойно сказал:

— Нам и не надо третьего.

— Я не понимаю! А Сережа?

Лодка тяжело погрузилась.

— Товарищ Луков поплывет на плоту.

— Но он же мой коллектор!

— На Инняхе, Лидия Максимовна. На Лене он лишний пассажир. Но я буду вашим коллектором, если потребуется. Товарищ Луков, вы утопите лодку.

Он схватил Сережин рюкзак и выбросил на плот.

— Но с какой стати?! Лидия Максимовна!..

— Потом будете объясняться! — свирепо закричал Зырянов. — Или вы хотите сначала утопить Лидию Максимовну?

— Сережа, скорее, голубчик! — малодушно попросила Лидия, когда лодка зачерпнула. — Сереженька, это в интересах экспедиции!..

Сережа вылез на плот.

— Кембрийский лоцман! — закричал он, чуть не плача, по-детски отомщая дразнилкой победителю.

Лидия засмеялась, отвернувшись, и тут же с гневом обратила вспыхнувшее лицо к Зырянову.

Василий выровнял лодку и сильным толчком отдалился от плота. Плот словно остался на месте — так быстро лодка уходила от него. Сережа растерянно кричал:

— Это неслыханное безобразие! Куда же мне направиться, Лидия Максимовна?..

— Лена укажет дорогу! — крикнул Зырянов.

Стук моторки удалился вниз и оставил их снова в утреннем одиночестве Лены.

— Это насилие!.. Какое вы имеете право?.. — заговорила Лидия взволнованно. — Я думала, что вы просто сумасшедший, а вы дикарь! Что вы сделали с этим бедным Сережей?.. Это отвратительно!.. И он погибнет с голоду!

Василий слушал с удивлением и не перебивал, пока она не высказала все слова негодования, возмущения, запоздалого протеста. Тогда он с недоверием спросил:

— Вы это серьезно говорите?

Она смотрела на него онемев. Он даже не понимает!

— Но ведь он вам действительно не нужен больше? А я без вашей лодки не успею на Полную. Это же государственное дело! Вы сами сказали Лукову...

— Но вы бы хоть объяснили ему! Зачем надо было обижать!..

— Ему от объяснений стало бы еще трудней: за это время плот отплыл бы от острова, а теперь Луков прибил к острову, видите?.. Важнее сделать, чем объяснить. На острове есть челн. Луков вернется в Усть-Иинях, отберет вашу вторую лодку и еще догонит нас! — Зырянов засмеялся тому, что Луков может догнать его, Зырянова!

— Откуда вы знаете, что на острове есть челн? — спросила она сердясь.

— А вы разве не видели? Лежал на берегу.

Он смотрел на девушку с насмешкой: настоящая интеллигентка! И в то же время с невольным уважением: деликатная — не может обидеть человека. Но ни на мгновение не пришло ему в голову усомниться в своей правоте.

Сережа торопливо, отчаянным усилием прибил к острову. Он решил вернуться в деревню за лодкой, купить — если проводник не вернет, либо телеграфировать Порожину, если не хватит денег.

Он не подумал привязать плот, и вода тихо потянула его, но из кустов выскочил старик, прыгнул в воду и захватил добычу, радуясь легко доставшемуся запасу — дров и строевого леса.

Старик рыбачил на острове.

После достаточно долгих переговоров старик согласился доверить Сереже свой челн, чтобы он добрался до Усть-Иинных и затем лодкой привел бы челн обратно на Дарагар.

Сережа вздрогнул, когда старик назвал остров — Дарагар. Переспросил:

— Куда приплавить челн? Где ты будешь?..

— Здесь буду, никуда не уйду, — сказал дед.

— Значит, на Исгясы?

— Зачем на Исгясы? — Дед рассердился: — На Дарагар.

— А разве это не Исгясы?

— Дарагар, тебе говорю! — закричал дед.

— Как же я попал сюда? — сказал Сережа неуверенно. — Не отходил от Исгясы, а попал на Дарагар...

— «Как попал»! — передразнил старик. — Выпил на ночь, Исгясы проспал, на Дарагар попал.

Старик заботливо привязал плот и нырнул в кусты, не оглянувшись на спутника.

Сережа сел в дедов челн и погнал вдоль берега вверх. Он не сводил глаз с острова Дарагар, чтобы не пропустить его голову и, вероятно, протоку, после которой Сережа надеялся обнаружить потерянный остров Исгясы.

Глава 17

НА ЧТО СПОСОБЕН ЭТОТ ЧЕЛОВЕК?

Василий гнал тяжелую лодку рывками весел и сердился, когда Цветаева теряла фарватер. Лидия усердно старалась с помощью рулевого весла удерживать лодку в главной струе течения. Она избегала взгляды на Зырянова, она почти боялась его. Они работали в молчании очень долго, и она сильно устала.

— К берегу, — скомандовал Зырянов отрывисто, вдруг.

Она повернула к берегу.

Василий вытащил лодку и, не сказав ни слова, побежал с топором к небольшой группе деревьев, выросших по обрыву берега. Он выбрал и срубил два молоденьких, тонких и гладкоствольных. Ветки он изрубил и приказал Лидии:

— Отнесите в самый нос и не бросайте, а сложите побористей.

Он нарубил и наколол еще дров, и она сложила их убросто в носу лодки. Затем по его указанию выложила дерном дно лодки в носовой части, возле дров. В это время Зырянов расправил палатку на гальке. Лидия подошла посмотреть.

По краям выцветшего полотнища в многочисленных кольцах продета была бечева. Василий привязал полотнище к рее и послал Лидию на нос лодки привязывать растяжку. Мачта поднялась, парус принял ветер.

Лидия быстро и точно исполняла его распоряжения с полуслова. Он мог быть доволен такой сметливой и ловкой помощницей и мог бы, кажется, похвалить ее. Лидия уселась возле мачты запыхавшаяся. Зырянов взял руль и управление парусом. Окрыленная лодка полетела, кренясь, как яхта, и вода зашипела под ней...

— Замечательно! — воскликнула Лидия и сейчас же с досадой увидела, как Зырянов самодовольно улыбнулся.

До этого момента он совсем не обращал внимания на Цвстаеву. Но теперь он заговорил, потому что его ум освободился и стремился к действию, в то время как глаза его непрерывно изучали очертания берегов и островов и предугадывали в них изломы течения и рывки с рикшетами осеннего ветра.

— Меня, в сущности, интересует не только якутская нефть, — сказал он. — Меня даже больше интересует байкальская нефть. Я ишу ее выходы в Якутии... чтобы доказать ее кембрийское происхождение на Байкале.

Он стал высказывать свои доказательства в пользу кембрийской нефти и соображения в пользу именно правых притоков Лены. Он говорил один для одной слушательницы, но так громко, горячо и даже страстно, как для большой аудитории.

Лидия удивлялась. Все, что он говорил, давно установлено было. Так чем же он склонил Ивана Андреевича? Известно, что Иван Андреевич принципиально признает возможность образования нефти в кембрии, но относится весьма хладнокровно к поискам ее. Больше того: Иван Андреевич против затрат на поиски далекого и труднодоступного, пока не исследовано близкое и самое доступное, — и Лидия безусловно согласна была с ним... «Но как же я сама добивалась этой экспедиции?..» — со смущением подумала.

Но Иван Андреевич тоже поддерживал Зырянова... То есть он уступил яростной борьбе Зырянова в защиту идеи

Ивана Андреевича о возможности существования кембрийской нефти.

Потом авторитет академика Архангельского... И силы Геологического института...

И все эти большие силы не соединились бы и не склонили бы государство дать огромные деньги на экспедицию — кто знает?.. — если бы не подала свой скромный голос в пользу Зырянова Лидия Цветаева... Ее агитация могла ведь сыграть роль последней капли? Даже роль катализатора...

А он все говорил и говорил... Он слишком был многословен.

— Вы ни с кем не разговаривали два с половиной месяца? — внезапно спросила она.

Он запнулся и сдержанно ответил:

— Не с кем было. — Замолчал.

В полдень он завел лодку в крошечную бухточку на острове, укрытую от ветра. Цветаева выскочила и нарвала какой-то травки. Она сказала, что удобнее всего будет обедать в лодке.

Лидия расстелила камчатную салфетку на ящике и поставила блюдо с короткими перьями и мелкими головками дикого лука и синими узкими лезвиями чеснока. Ослепительно белая рисовая каша подана была в светлых эмалированных мисочках, посыпанная изрезанной мытой травкой с росинками воды. А между мисок лежала на салфетке с маминной монограммой тополевая чудесная ветка с желто-красными осенними листьями.

И на теплом солнышке сама хозяйка в белом сарафане с желто-красно-черным украинским орнаментом, с красным тополевым листиком в каштановых волосах уселась против Зырянова. А он принял все как должное. Как будто он привык в тайге, на своей зырянской Выми-реке, обедать не иначе как с изяшной сервировкой, с очаровательной собеседницей за столом.

Но все-таки она уловила осторожно-мгновенный взгляд. Любопытствующий? Но, кроме того... Ну конечно, восхищенный, она же не могла ошибиться.

Тотчас она сердито посмотрела:

— Вы недовольны?

— Нет, я доволен. — Он осторожно поглядел на пышные украинские рукава до локтя и пояснил: — Мы совсем не теряем время на остановки для приготовления обеда.

Она рассмеялась: Зырянов опять похвалил себя. Ведь

это он придумал дерновую подстилку под костер в лодке — и все сварилось дорогой. Только этим и хорош был ее стол в его глазах.

— Сказать вам, о чем вы думаете?

— Зачем? Я знаю сам, — рассеянно ответил Василий.

Задыхаясь от подавляемого смеха, она спросила:

— Значит, вас не удивляет, что и я это знаю?

— Конечно, вам известно, о чем я думаю. О чем же другом я могу думать!

— Неужели вы теперь будете думать только о Полной? И ни о чем другом? Ни на минуту?

— Нет, в данную минуту я думаю не о Полной.

— О чем же?

— Как поймать последний пароход.

— Ну, и что вы придумали? — спросила она язвительно.

— Надо, чтобы пароход на траверзе Полной дал долгий свисток. Там хорошее эхо. Эхо передаст его вверх по Полной.

Она молча смотрела, как он ел — быстро, уставился в свою миску и кашу. И вдруг исподлобья... Так мгновенно взблеснули глаза и скрылись — но она увидела, что он все понял. И почувствовала страх, и тоже в свою миску опустила глаза, с колотящимся сердцем.

Страх, не испытанный никогда в жизни: убежать бы!

Неосторожно было кокетничать с таким человеком — в такой обстановке! Как могла она так легкомысленно?..

Ей уже казалось, что и страх ее замечен. Никогда еще так не билось... придержать сердце рукой... но он увидит... Она почти не сознавала, но знала точно, что не его испугалась, а себя — своей внутренней беззащитности против него. Что, если он понял и это... В лице жарко.

«Все-таки хорошо с его стороны, что он хоть не смотрит на меня... Но должна овладеть собой немедленно, не теряя ни минуты. Как быстро он ест!»

Он продолжал есть, и не знал об этом, и все быстрее ел, и совсем уже ничего не знал об этом — и уже не смел поднять глаза — чтобы она не увидела бешеной волны, поднимающейся из недр высоко, до уровня глаз, и грозящей подняться еще выше, покрыть лоцмана с головой, — и он ел все быстрее, чтобы удержать голову над кипящей волной — голову удержать, иначе... крушение на этом пороге...

Они в молчании доели рисовую кашу.

На каком пороге?

**«ДВЕ ТЫСЯЧИ СТИХОВ НИКТО НЕ ЗАПОМНИТ
С ОДНОГО ПРОЧТЕНИЯ!»**

Цветаева переделалась на берегу в шерстяное темное платье и села за парусом, где не было ветра.

Сентябрь был очень ясный. Дни стояли теплые, но на реке дул сильный ветер. Лидия без конца любовалась рекой. Сама природа несла Лене и с нею вместе Лидию, летящую низко над водой, без всяких усилий обгоняя воду. Я сама веяние. Я — веяние!.. Девушка в темном платье испытывала бездоказательную радость самотека жизни, стремящейся и побеждающей, а нерассуждающей.

К вечеру ветер ослабевал.

— Как вы думаете, Василий Игнатьевич, с какой скоростью мы теперь двигаемся?

Он посмотрел на близкие, в ста метрах, скалы правого берега.

— Пять километров в час.

— А доплывем мы к Столбам до захода солнца?

— Через час они будут, — сказал он не задумываясь.

— Скажите, пожалуйста, — с насмешливой серьезностью спросила она, — мы идем по расписанию, без опоздания?.. Но вы свои плоты не водили по Лене! — Она вспыхнула наконец: — Вы побывали здесь один раз, три с половиной месяца назад!

— Этого достаточно, — сказал он хвастливо, как мальчишка.

Она мстительно взглянула на часы и мысленно помолилась: «Лена, не дай этому человеку торжествовать над нами!.. Леночка, он не мог запомнить две тысячи километров реки и берегов твоих с одного взгляда! Даже две тысячи стихов никто не запомнит с одного прочтения!»

Зырянов хвастливо улыбнулся про себя.

И в воображении мгновенно возникла картина: отец брал Васю за плечи, повернув лицом к правому берегу, и заставлял рассказывать не про то, что мальчик видел на крутом, правом берегу, а как раз напротив — про то, что было за Васиной спиной в это время на левом, низменном берегу. И Вася рассказывал из памяти про левый берег пядь за пядью, глядя на правый, и научился видеть глазами одно, а мыслью в это время — другое, противоположащее.

Отец Васи стоял на невысоком помосте на плоту и не отводил глаз от реки. Он произносил два или три слова, например: «Корму влево!» или «Поносну и корму вправо!», и молчаливые, беспрекословные гребцы — жена и старший сын — выжимали огромное рулевое весло, грубо вытесанное из целой сосны, или всей семьей наваливались на оба весла, на носу и на корме плота, и обливались жгучим потом сыновья и мать.

Лидия вглядывалась в дальнюю перспективу обрывистого, правого берега, испытывая всемогущее очарование неспешной Лены и жалкое свое бессилие на необъятной самодвижущейся дороге. То, что дорога сама несла путника, лишало желанья двигать ногами. Пешеход на берегу обогнал бы лодку. Незначительное движение еле улавливалось при такой ширине пути; вступало в противоречие с внутренним темпом чувствования у современного человека, отнимало перспективность у времени. В течение этого часа Лидии казалось, что целая жизнь исчезает в ничтожности, предавшись пустому величию равнодушного потока, отвратительной бесконечности.

Бесконечно, извилисто двигался мир реки мимо Васинного летнего дома на плоту. Нескончаемым узором наполнял целую жизнь Васи, охватывал крохотное сознание — и забывался. То есть он входил в Васю и оставался в нем.

Именно таким путем обширность зримого расширяла сознание Васи и уже не заполняла его целиком... Сознание сравнивалось с миром и стремилось охватить... Жадно поглощало мир. Зримое занимало все меньше и меньше места. А все больше и больше места заполнялось тем, что ушло из глаз, но оставалось в памяти и становилось видимым в воображении, в любой момент, по желанию.

Воображаемое, памятное накапливалось, не встречая никаких преград и теснот внутри Васи. А зримое всегда ограничено было довольно малым, досадно тесным, недостаточным полем зрения. И оно было бы еще меньше, если бы в него не возвращалось многое из памятного.

Добавление памятного к видимому становилось незаметно как бы чувствованием. Васе не надо было раздумывать о связи зримых следствий и скрытых причин: ему казалось, будто бы он прямо видит их. Глядя на поверхность реки, он будто бы видел глубоко под нею скрытое дно.

И вот уже зримое, такое важное и необходимое, стало слишком малым; воображаемое оказывалось обширным и то-

же очень важным, потому что оно становилось пониманием зримого. Вася привыкал понимать живую струю в реке, как будто чувствовал, камень ли выбивает ее на поверхность, глубоко ли под ней этот камень. Очертание берега вызывало в памяти всю картину реки за поворотом впереди.

Солнце ушло за лес.

...Отец только одно твердил: для лоцмана нет незначительных, неважных мелочей на реке и на берегу. Все — самое важное, даже единственно важное, потому что как раз это одно, может быть, уцелеет, когда река изменит берега, и лес, может быть, сгорит или будет вырублен на берегах, и тогда по одной этой уцелевшей частичке старого, по камешку, замеченному когда-то, по извилине слоев в обрывах, по нутряному узору земли узнаешь местность и разберешься в мире, где ты есть. Наблюдай за узором и помни!

Игнатий доверял Васиному чутью воды даже больше, чем своему опыту и знанию. Это наполняло мальчика ликованием. Вася с изумлением осознал себя ловчее и зорче отца и возмечтал быть зорче и ловчее всех в мире, то есть в родной деревне, а потом и на всех реках, где он плавал с отцом.

Но все-таки отец заставлял заучивать весь свет назубок.

Внимание Васи упражнялось каждый день в постоянном, неослабном напряжении, от пробуждения и до сна все примечать и ничего не забывать. Его память приучилась терпеть усталость и не поддаваться ни за что. Лоцманенок запоминал без пропусков непонятное наравне с понятным... покада окончательно не заходило солнце за лесом и внезапно умолкали взбудораженные весь день птицы, а потом и костер погасал на берегу или на глиняной подстилке на плоту, у плывущего края воды.

Меркла Вымь-река, обесцвечивался лес, и берега оставались в-недвижимости... Тогда столь же внезапно исчезали в полной тьме и все образы виденного, смыкало крылья-веки взбудораженное воображение, погасало сознание — и Вася спал без памяти, как не было его, до солнечного нового и яркого восхода.

Голос Лидии насмешливо вернул Зырянова на Лену.

— Где ваши Столбы? — любезно спросила она и демонстративно подняла часы на руке.

Он молча показал на потемневшие нижекембрийские известняки, мимо которых они плыли. Серая тень скрадывала неровности высокого обрыва, все сливалось в общий не-

определенный, неразличимый известково-грязный, сумеречный, бесформенный фон без теней.

Но вот за кормою лодки солнце, отяжелевшее в высоте за лесом, выпало в разрыв речной долины.

Почти горизонтальные лучи протянулись вдоль борта лодки и вдоль высокого обрыва и отделили от стены башеннопоподобные столбы; нет — расщепили стену на лес столбов, поднимавшихся крутым амфитеатром, и стена берега исчезла.

В глубоких тенях потонули основания столбов. Длинные, резкие тени быстро двигались и как будто сдвигали с мест самые столбы и высокие красные башни, соединенные арками.

Тени перепутывали все и меняли, словно декорацию на сцене, пока солнце переплывало речной плес.

Лидия затаила дыхание от восторга, и неслышная лодка плыла в лепете Лены, засыпающей без сна и покоя.

Василий взволнован был своим успехом у Лидии, впечатлением, которое он произвел, и тихим, красивым вечером, довольно теплым. Уединением с Лидией в этом вечере. Хотелось говорить, говорить — воздействовать на эту девушку. Но что сказать ей?.. Любуется Столбами. Ждал нетерпеливо, когда кончатся Столбы. Боялся ее интеллигентности, культурности.

Да, она — как все девушки: чувствует мужчину, — тревожно и прямо размышляя Василий и поглядывал туда, где Цветаева сидела за парусом — спрятала за парусом голову и плечи; и женские красивые линии сидящей обезличенной фигуры наводили на мысль, что она — как все.

Линии стали сравнимыми. Валька тоньше. Изящнее. Гораздо манительней.

Глаза стеснительно и неотвратно тянулись к темным линиям шерстяного платья, преодолев почтительность, и робость отступила. Снова он обладал всею самоуверенностью и подумал с решительностью и беспричинным внезапным гневом, что если она — как все, тогда он не как все, и нечего ей бояться.

Он удивился тому, что он — не как все, и усмехнулся: конечно, он — как все. И ему надо, как всем, и не более того. Почему это он — не как все? А потому, что тут иное дело: не так он к ней, как относился к другим.

«Она честно испугалась, а я приложил общую мерку. Она плохой мысли обо мне — как я того и заслуживаю.

Но у нее я не заслужил. Не хочу, чтобы она — под общую мерку меня.

С Луковым не боялась — все лето. Меня испугалась — в первый день... Ну, Луков...

Небеля — не побоялась бы?.. Он — благородный? Рыцарь!.. Но я докажу.

Но если она как все — тогда не надо ее!»

То, что было так не важно у Вали Соболевой, у жены в Соликамске, у бабенок на Печоре, оказалось неожиданно важно у Цветаевой, имело особенное значение... Какое? Не знал. Необычайное. Но почему же? Не думал.

Не думал, не знал; не предвидел, что есть иные чувства, сверх испытанных, и требования другие.

Но не может этого быть (чтобы — как все)! Вглядывался в сидевшую перед ним фигуру, и уже не общеженские линии, а вопреки сравнению — полные необъяснимой и ничем не обоснованной прелести линии Цветаевой, Лидии Максимовны, внушающей великое и радостное почтение — очень обоснованное, убедительное! Он испытывал чрезвычайную тревогу во всем теле и поразился необыкновенной мыслью вдруг: уж не это ли — любовь?..

Не спекуляция, на языке при случае болтается между лекциями, — а та, в стихах и в некоторых книгах — для красоты... Выдумали греки, объявили божеством... Недаром: тоже поповщина — для заморочивания головы гречанкам.

Вдруг это правда и на самом деле существует?..

Вдруг он услышал свой голос — без предисловия, беспричинно, бесповодно он рассказывал свое детство, с увлечением, вдохновенно и восторженно, не стесняясь неправильностей языка. Вода сумеречно шелестела и чуть отсвечивала, и Лидия Максимовна была не как все. Она понимала, что ему на воде лучше и естественнее было жить, чем на земле. Плот на воде — не менее прочная точка опоры для жизни, чем суша под ногами; только это — движущаяся точка опоры.

Земля была гораздо менее подвижной, чем вода, но тоже непрерывно двигалась — в сторону, противоположную движению плота.

Она двигалась со всеми своими неисчислимыми деревьями, а внутри нее, видимые в обрывах берегов, текли в тесноте на просторе твердые полосы коричневой, красной, серой земляной начинки, очень длинные полосы — как Вымь-река и вся Двина. Весь мир находился в непрерывном противоре-

чивом движении, неплавном, убыстренном на стрежне, замедленном у берегов.

На земле жили люди — на берегах, на прогалинах в лесу и между болот. Все лето Вася нетерпеливо и молча дожидался встречи с людьми. Зимой худенький мальчик с яркими глазами и взмокшими льняными волосами под овчинной шапкой неудержимо скатывался с высокого берега на замерзшую реку, по залысинке, протертой в снегу. Потом нетерпеливо, с веселой компанией, взбирался обратно.

Его нетерпение относилось не только к земному тяготению, позволявшему кататься, но мешавшему подняться на берег; а он еще не знал, что сила одна и та же, ему и враг и друг в одно и то же время. Его нетерпение относилось ко всему замороженному, остановленному миру, где оставалось почти единственное доступное веселое движение — на ледяных, но слишком короткое и все на том же месте.

Вода и земля приморожены были друг к другу и остановлены на долгое, почти бесконечное время. Этот мир тесно ограничен был одним-единственным белым цветом — и радостным, и мало съедобным. Он также ограничен был неизменным холодом, рыхлым снегом и тихоходными ножками мальчика.

В доме матери все, и даже отец, жались к печке, и было голодно-просторно день за днем в опустевшем и стесненном мире.

Но земля великолепно раздевалась из белоснежной шубы, и Вася переселялся в разнокрасочный, скороподвижный и недолгий летний мир отца. Вася в одной рубашонке бегал на теплых бревнах плота, нырял в холодные омуты, сплывал с отчаянной смелостью на шумных перекатах, где мускулистая вода толпится и толкается и маленькому мальчику страшно одному, но весело убежать от отца.

Все лето, слишком короткое, Вася наблюдал обнаженную, зацветающую и отцветающую землю в о скалах берегов.

По ночам бывало холодно. Зырянов устраивал затажные костры для Цветаевой и для себя. Шпалерный огонь отгораживал Лидию от Зырянова и закрывал от мороза и от обильного утреннего инея. Под утро мороз крепчал до 10—12 градусов.

Только один день был пасмурный. Сначала выпал снежок, а потом, к вечеру, придождило. В этот день Лидия мечтала попасть в Якутск, но город не появлялся, и она нервничала.

— Может быть, он за этим островом, а мы заночуем под самым городом и утром увидим уходящий пароход? Давайте пройдем этот остров.

Они проходили этот остров и видели впереди следующий.

Начался дождь, Василий решительно повернул к берегу.

Лидия съежилась в своей палатке и слушала торопливый стук топора. Думала: без нее Зырянов наверняка продолжал бы плыть еще часа два под дождем, до полной темноты, хотя он-то знает, что город будет завтра.

Сквозь однообразный, уже приשמевшийся в ушах шест дождя Лидия услышала шорохи мокрого песка под шупающими копытами лошадей, боящихся скользкой гальки. Она выглянула. Люди ехали верхами со стороны Якутска.

Трое якутов остановились у костра, и старший приветствовал хозяев:

— Капсе.

— Говори,— приветственно сказал младший то же самое по-русски.

— Здравствуйте! Говорите! — приветливо ответила Лидия.

Гости уважительно помолчали.

— Далеко ли до Якутска? — спросила Лидия по-русски.

— А тебе в Якутск? — спросил младший.

Два якута посовещались, не слезая с коней, поглядывая на лодку, на мачту. Они громко разговаривали между собой по-якутски. Младший не принимал участия в совещании, а когда двое покончили, младший сказал по-русски:

— Они говорят, без паруса два горшка до Якутска. С парусом, должно быть, два конных горшка осталось вам до Якутска.

— Какие горшки? — спросил Василий нетерпеливо.

— Конные горшки, если с парусом,— повторил младший.

— Когда горшки бывают конные, а когда пешие? — Василий вспыхнул гневом.

— Я все понимаю,— быстро сказала Лидия, удерживая смех,— мы будем в Якутске в полдень, если не будет ветра, а с парусом успеем к десяти.

— Правильно,— сказал молодой по-русски и, удовлетворенный, спросил: — Будем ночевать?

— Не путайте, Лидия Максимовна! Пусть он объяснит. У меня тоже есть горшок на плечах.

— Твой горшок на плечах не умеет считать дорогу,— сказал молодой якут весело.

Василий онемел от негодования. Он, конечно, устал и хотел поскорее спать и пораньше встать — потеря времени на болтовню с якутами чрезвычайно раздражала его. А необходимость быть вежливым в присутствии Цветаевой становилась невыносимой.

— В твоём горшке не варится, понимаешь, — любезно пояснил молодой, улыбаясь обоюдной шутке.

— Ну, я вижу, тебе свой горшок не дорог! — Василий поднялся от костра.

— Надо обыкновенный горшок с мясом, — сказал молодой якут примирительно, — чтобы накушались мама и папа, два мальчика, их сестренка.

— Ну, вы поняли?.. Это старинная мера времени в пути, в различных условиях дороги. Пока уварится горшок мяса для средней семьи, то есть часа за два, конный пройдет вдвое большее расстояние, чем пеший. Отсюда пеший и конный горшок пути...

Младший якут внимательно выслушал Лидию, после чего повторил вопрос, обращаясь к Василию:

— Будем ночевать?

— Ночуйте, — сказал Василий хмуро.

Досада на свою промашку не могла скоро пройти.

Глава 19

ГОСТЬЯ КАЗАКА

Утром часу в десятом Зырянов торопливо взогнал лодку на плоский берег у пристани Якутска, крикнул нетерпеливо Лидии:

— Обождите! — и побежал.

Она осталась сидеть в лодке и смотрела, куда он бежит. У пристани стоял катерок — Зырянов добежал до него и скрылся.

— Дикарь! — сказала Лидия громко, вышла из лодки и подошла к катеру.

Зырянова не было видно.

Он появился через некоторое время очень довольный и, ничего не объясняя, перенес на катерок свой рюкзак. Потом он помог Лидии добраться до гостиницы и перевезти груз образцов, наняв тележку.

Лидия не задала ни одного вопроса. Самое главное она

угадала: катер отвезет его на Полную. Но как ему удалось добиться?..

Он почтительно простился у гостиницы.

— Вы хоть позавтракайте!

Он махнул рукой в сторону пристани, пробормотал:

— Там,— и побежал.

Она живо представила себе, сердясь и насмехаясь, возмутительно самоуверенный его ответ на упреки, если бы она их высказала когда-нибудь: «Вы же видели, что я еду на катере?.. А чего тут было добиваться? Почему бы он не взял меня с собой, если он живет как раз против Полной? Ему же и ехать веселее было со мной! Мы подружились дорогой...» — «Кому веселее — катеру?» Мысленно она утешилась издевательством над его мальчишеской речью, скачущей мыслью.

В гостинице Цветаеву встретили шумно — она застала в ресторанчике всю экспедицию, кроме Порожина, конечно (профессор, доктор, заместитель директора института и руководитель, начальник экспедиции соблюдал пафос дистанции, не смешивался с массой и завтракал отдельно). Завтрак затянулся. Лидию засыпали вопросами, но прежде всего удивились отсутствию Сережи.

— Куда ты девала Сережу? — кричала Таня.

Ответить на этот вопрос было довольно трудно.

— Я его убила и утопила в Лене по частям. При этом он прекрасно себя вел, и я им очень довольна, за исключением того, что он задержался в Усть-Инняхе со второй лодкой. Причины пусть он сам объяснит. А вот вы скажите, как вы себя вели это время и все ли у вас благополучно?..— Лидия с волнением ждала ответа.

— Мы вели себя очень хорошо, и у нас все благополучно! Никто не нашел нефти! — объявила Таня.

«Никто не читал, ничего не знают?.. Неужели не напечатали?!..» Лидия вспомнила свой предотъездный разговор по телефону с редактором газеты. Неужели он обманул? Она еле могла окончить завтрак и пошла к Порожину.

Александр Дмитрич в своем номере стоял у окна и скучал.

— Ну, как успехи? — спросил он с таким равнодушием, что не захотелось отвечать ему.

Да он и не заметил, что ответила Цветаева, и сразу сказал, что пароход готовится к отплытию завтра утром.

«И он тоже не читал? Но ему сказали бы здесь... Неужели не напечатали?.. Нет, ему бы никто не сказал...»

Она уже не могла больше оставаться в неведении, ни одной минуты.

В огромной Публичной библиотеке, основанной трудами ссыльных революционеров в Якутске, Лидия быстро получила комплект газеты и стремительно раскрыла... С полосы пахло жаром, обдало лицо: «Экспедиция «Не найди того, знай чего».

Лидия испуганно оглянулась и лихорадочно проглотила два столбца. Перевела дух. Перечитала про Зырянова. «Инициатора экспедиции в Якутию, комсомольца Зырянова, энтузиаста — разведчика сибирской нефти, руководство вовсе отстранило от участия...»

Сознание и мысль вернулись к ней после пронесшегося вихря чувств. Она презрительно сказала себе: «Обрадовалась? Писательница! Напечатали... После драки помахали кулаком. Никто даже не заметил... Говорила ему: «Дорога ложка к обеду». Пообедали без ложки!.. Суп остался в тарелках... нефть — в недрах...»

Она вышла из библиотеки еще более расстроенная, злая. Первый встречный — пожилой казак с крупным лицом и каштановой бородой, аккуратно подстриженной, — показался ей похожим на ссыльного автора «Что делать?». Это удача, быстро решила Лидия.

— Не можете ли сказать, где жил Чернышевский?

Казак остановился и не спешил ответить. Девушка была ему незнакома, таких в Якутске не бывает, полагал он, и внимательно проверял свое впечатление: рассмотрел наряд вплоть до побитой обувки, затем посмотрел в лицо.

— Пойдем, барышня, я покажу. Вы из Москвы? — спросил он с особенным любопытством не к ней самой, а к породе москвичей. — Интересуетесь Чернышевским?

Он уже вел ее и пригласил:

— Пожалуйста в этот дом!

Лидия с сомнением поглядела на новенький деревянный домик.

— В этом доме жил Чернышевский?

— Думаю, что не пришлось ему, потому что дом новый, — сказал казак рассудительно. — Однако в этом собственном доме достоверно живет мой сын.

— Не понимаю! — сказала москвичка с нетерпением. —

Вы обещали показать дом, где жил Чернышевский. Покажите хотя бы улицу!..

— Собственно говоря, такой улицы не должно быть в Якутске,— осторожно сказал казак, дослушав речь москвички.— Но вы заходите все же, не обижайте.

Лидия в изумлении, но сразу послушно вошла в дом.

— Маша! — закричал казак.— Иди, Маша, принимай гостью из Москвы. Николай Алексеевич не ушел?

— Здесь! — Из смежной комнаты вышел молодой человек в форменном кителе пароходной службы.

Старик сказал скромно и гордо:

— Сын,— и сказал сыну с не меньшей гордостью и без малейшей скромности: — Из Москвы ко мне!

И тут все в доме завертелось.

Минуту спустя гостя из Москвы уже сидела за столом, еще более недоумевающая, но послушная простым словам «не обижайте». И она уже понимала, что знакомство с городом началось...

А на столе были уже пыльные пироги с черемуховой начинкой, причиняющей запор, и топленое масло, которое этого не допустит... Ватрушки, сахар и в облаке пара огромные — два на ладонь — с решетá паровые пельмени с мясной начинкой, скользкие, как налимы, а к ним сметана, которую можно было резать ножом и намазывать и она не сразу таяла на горячих пельменях. И самовар.

В рюмки разлили цветное самодельное вино из таежных ягод. За столом появилась Маша в шелковой белой блузке, а мать, в бордовом платье, продолжала еще хлопотать.

Лидия уже знала, что Николай Алексеевич — капитан буксира «Верхоленец» и поэтому живет в Якутске, в семье жены. Он женился недавно, и вот родитель приехал из Вилюйска навестить. И узнать получше семью снохи, да и себя, отца, показать поближе.

А сейчас «Верхоленец» должен был уйти в Усть-Кут помогать «Партизану» тянуть баржу со слюдой. «Партизан» сильнее «Верхоленца», но один, без него, не вытянет в верховьях Лены.

— Николай Алексеич, не знаете ли вы, где тут жил Чернышевский? — спросила Лидия.

Капитан молча взглянул на отца.

Казак не спешил говорить.

— Маша, ты знаешь? — ревниво спросила мать, возмущенная тем, что свекор так важничает.

Маша, не сводя глаз с мужа, отрицательно качнула головой.

Тогда старик, оставшийся вне конкуренции, заговорил — неторопливо, основательно:

— Николай Гаврилович Чернышевский, ссыльный переселенец и, говорят, великий человек, проживал в городе Вилюйске под надзором моего покойного родителя, — казак свысока оглядел всех за столом. — После революции родитель даже свечку ставили за него в церкви.

Старый казак дорожил этим воспоминанием, как семейной гордостью, и не видел позора в том, что отец был жандармом. На памяти у русских три века в здешней «тюрьме без стен» безотлучная жизнь была одинаково безжалостна ко всем: ссыльным, получавшим «за здорово живешь» царское жалованье — десять копеек в сутки, — и равно к тем, кто отвечал перед царем за наличную сохранность ссыльных и за это получал свое пропитание от царя же. Жестокость жандармов была в местной норме и куда меньше жестокости якутских богачей к своим соплеменникам. Иные жандармы даже довольно по-житейски обходились со своими пленниками, получая от них кое-что, и расстались в начале 1917 года в патриархальной миролюбии, как видно из рассказа казака.

Осужденная, не так давно сгинула царская власть, жандарм лишился службы, но отец был отцом, и память его чтила была сыном.

Капитан, смущенный, поднялся и тихо сказал:

— Папаша, мне идти.

Лидия поблагодарила гостеприимную семью и особенно горячо старого казака.

— А то, может, посидите? — предложил старик. — Он себе пойдет, а мы посидим, я еще расскажу про Николая Гавриловича.

Капитан благодарно поклонился ей — за уважение к отцу — и решился, уже с фуражкой в руке, задать вопрос москвичке:

— Это не про вашу экспедицию статья была в газете?

— А вы читали? — она обрадовалась.

— Читал. Этого комсомольца так и не пустили с вами?

— Он с нами! — оживленно сказала Лидия. — Сегодня уехал катером на Полную продолжать поиски нефти.

— Пожелаю успеха, — сказал капитан.

— Спасибо! — горячо сказала Лидия.

Она побежала в музей, повеселевшая, и по дороге вглядывалась в деревянный городок, которому еще только предстояло стать современным городом в течение трех-четырех пятилеток.

— Ребята! Как пройти к деревянной башне... древней крепости?..

Мальчики не торопились с ответом. Внимательно и безмолвно они закончили осмотр невиданной тетеньки. Они, наверно, знали в лицо все двадцать три тысячи тетенок и дяденек в Якутске в 1933 году. Лидия со своей стороны внимательно рассмотрела пять серьезных лиц.

— Идите за нами,— распорядился старший.

И Лидия поняла, уже из опыта, что дальнейший ход событий будет зависеть не от нее.

Глава 20

В ЯКУТСКЕ ВСТРЕТИЛИСЬ ВЕКА

Они привели подопечную Лидию к уцелевшей и обновленной казачьей башне. Башня-изобка напоминала в общих чертах архитектуру Московского Кремля — с островерхим шатром и балкончиком для дозорного. Она запирала ворота Ленского острожка 270 лет назад. Многочисленные одинаковые башенки располагались когда-то по берегу и вокруг городка. Между ними сперва стоял несокрушимый тын из цельных лиственниц, врытых стоймя, а впоследствии двухэтажная деревянная стена под кровлей, с висячей галереей, премудро устроенная для боя, с узкими прорезями для нижнего огня и бойницами на втором этаже. Внутри этого острога, как называли крепость, был казацкий город в семнадцатом веке и полтысячи жителей.

Из Ленского острожка писали в Москву, что страшно казакам здесь. Но так велика была сила стремления к неизведанным местам и нелегкой добыче, что и самые непосильные труды, необычайные мученья от холода зимой и от гнуса летом не отпугнули их.

— Вот музей,— сказал один из мальчиков, показав на каменное здание в два этажа.

Лидия взяла билеты для всех ребят.

Они оказались не единственными посетителями. Несмотря на будний день, в каждом зале были люди, неторопливо переходившие от витрины к витрине.

Лидия остановилась перед пейзажем. Из уверенных, сильных мазков художника встали, как Адам из глины, темно-зеленые горы-стражи, в высоком молчании, под пылающим небом ледяной якутской ночи — над закованной рекой. А перед ними на тревожно розовом снегу смертельно застыли три бревенчатые избы с пустыми страшными вырезами — проемами окон. Что здесь происходит или случилось?.. Почему склоненные над этим местом окровавленные знамена неба в траурном окаймлении ночи? И хвойные венки лесов на склонах гор, и стража вечного молчания? Название картины — по местности: «Сасылсысы» — как шепот, одним коротким словом одушевляет ее и населяет воображение. Белое войско окружило неприступные избы, но не может ворваться в них. Белый холод неослабно жмет, пули щепят дерево, но застревают в телах защитников, убитые встают непробиваемую ледяной стеной вокруг живых. Что за люди неостывающие, неугасимые и несгораемые вызвали на себя целое войско? Загнанные в «тюрьму без стен», отрезанные от народа тайгой и тундрой, но скопив на душе его силу и гнев, они и здесь подняли непримиримую войну один на один против всемогущей державы белых царей и богачей. Что за люди?.. Ни в чем не уступили легендарным героям человечества. Потеряли всю кровь, но остались красными против белых, и северное сияние несет над ними знамя их победы.

«Зырянов может быть таким?» — вдруг подумала.

Никто из членов экспедиции не видел Зырянова. Никто этим не огорчился, но много было разговоров, когда появился обиженный Сережа Луков.

Все единодушно осудили поступок Зырянова, и только Таня смеялась над Сережей.

Бесчувственность Тани удивляла и огорчала Сережу.

— Не мог же я устроить турнир в присутствии Лидии Максимовны, в ее лодке! Тем более, что она так боится утонуть. Зырянов спекулировал на том, что я не буду рисковать жизнью...

— И он несколько не ошибся, — подхватила Таня.

— ...жизнью Лидии Максимовны! — закричал Сережа. —

Но пусть попробует он еще раз!

В шесть часов вечера Лидия зашла к Тане.

— Танюра, приготовиться. Я взяла билеты в русский драматический театр.

— Что ты говоришь! — в ужасе сказала Таня. — Я ни за что не пойду!

— А я всегда верила, что ты меня любишь.

— Но при чем это, Лида! Господи!.. Музыкально-драматический театр в Якутии!

— Люди не могут любить друг друга, если у них настолько различные вкусы.

— Ах, это ультиматум?

— Нет. Я могу любить тебя, потому что мне нравится все то, что нравится тебе.

— А я люблю тебя потому, что мне не нравится все то, что нравится тебе! Например, Зырянов! — стремительно сказала Таня.

— Ах, это угроза! Если тебе понравится местный театр, ты можешь разлюбить меня? Но вдруг он не понравится мне? Испытаем нашу любовь.

Таня процитировала какое-то страшное ложноморское ругательство из ложноморского романа и начала одеваться. Одеваясь, она без умолку болтала.

— Почему ты выгнала Сережу из лодки?

— Ты знаешь, что я симпатизирую этому ребенку, но было бы чудовищно не дать Зырянову испытать последний шанс, когда это зависело от меня.

— Какой шанс?

— Найти кембрийскую нефть.

— А,— равнодушно сказала Таня.— Но он же исчез, твой безлюбый вундеркинд. Ты знаешь об этом?

— Он уехал на Полную. Почему он стал безлюбим? Я помню, ты назвала его многолюбим... В поезде.

— Ты с ума сошла! — сказала Таня испуганно.— Ты отравила его зимовать на Полную?.. Берnardик сказал, что пароход уйдет в десять часов утра.

— Танюра, нельзя ли, чтобы пароход ушел в десять часов послезавтра?..

Таня сделала гримасу.

— Если это даст шанс любимому вернуться с Полной... Если бы это зависело от меня...

— Это даст шанс нам с тобой посетить завтра вечером... драматический якутский театр.

— Два театра в Якутске?.. Спасибо, что сказала. Если на пароходе испортится паровая машина, я сама потащу его завтра утром.

— Таня! Ты же знаешь, я всю жизнь потом буду огорчаться, что не увидела театральную культуру в Якутске.

— Театральная культура Якутска?.. Уморила.

— Ты думаешь, в Москве всегда были МХАТ и Большой?.. Неужели ты не захотела бы увидеть начало московских театров?.. Это же чудо, Таня, увидеть начало культуры! Это же возможно только раз в истории!.. Все равно что геологу открыть кембрийскую нефть. Нет, присутствовать при ее зарождении...

— Ну хорошо, но мы же утром уедем... Тебе стоит попросить Бернарда — и он собственноручно испортит паровую машину, чтобы пойти с тобой в театр.

— Я не попрошу Небеля.

— Почему?

— Потому, что это бесстыдно — эксплуатировать его надежды.

— Но ты не заставишь меня пойти с тобой и завтра?..

— В якутский драматический театр? Заставлю.

Глава 21

РЕЙС СПАСЕНИЯ

— Ты серьезно предлагаешь задержать пароход?.. — с удивлением спросила Таня, загораясь озорством.

— Конечно, серьезно — я же тебя знаю!

Таня озабоченно сказала:

— Придется задержать!

Утро экспедиции прошло в жестоких волнениях. Все грузы и вещи вынесены были на улицу в ожидании подвод, быстрой погрузки, чтобы не опоздать к отплытию. Но подвод не было.

— Сережа, вы толково договорились с возчиками? — нервничал Небель.

— Разумеется, толково! — Сережа сердился и сам волновался больше всех.

Он побежал бы за этими возчиками, но где они все живут?.. Сережа договорил их на базаре.

Болельщики всех возрастов, как водится, стояли на улице вместе с экспедиционными и дожидались возчиков, но при этом не волновались и уговаривали москвичей:

— Да вы не беспокойтесь! Возчики приедут!.. Они же слушают гудки. А еще первого гудка не было.

— Может быть, у вас пароход без гудков уйдет? — спросил Небель. — Десятый час.

Якутянин обиделся, присмотрелся к обидчику и степенно отошел, не ответив. Но потом вернулся и сказал:

— Он и погудит, и не уйдет. А чтобы без гудков — быть этого не может.

В час дня с пристани разнесся первый пароходный гудок, и еще час спустя начали появляться возчики с подводами. Подъезжали они почти все разом, так что неторопливость проявилась у них дружная и ровная.

Возчики миролюбиво выслушали нападки Небеля и успокоительно сказали:

— А куда спешишь? Еще и второго гудочка не было. Еще на пристани насидитесь. А то и назад поедем.

— Как — назад?!..

— Бывает, что и раздумает отплыть. Но вы не тревожьтесь: не пойдет сегодня — завтра уплыете.

— Ну, это уж черт знает что! Почему раздумает и что это значит?

— На это причины бывают...

Но тут возмущенного Бернарда Егоровича Таня увела в сторонку и что-то ему шептала довольно долго, а Лидия с волнением выпытывала у возчиков обычаи и нравы пароходов на Лене. Из гостиницы вышел Порожин и, выслушав доклад Небеля, сказал:

— Так не будем и мы спешить...

Но возчики предостерегали:

— Вам, товарищи, нельзя в спокойе оставаться никак: народ на берегу не подумал бы, что по вашему пожеланию пароход задержался... Пароходство грузы любит... А народ нынешний год плывет аховский. Не обидели бы вас...

— Едем, едем, — сказал Порожин.

Обоз экспедиции наконец благополучно тронулся и еще через час

прибыл на Осеннюю пристань, что в шести километрах от города.

На плоском песчаном берегу стояла толпа сотней в четыре. В ней очень мало было стариков и совсем не видно детей.

— Неужели все едут с нашим пароходом? — спросила Таня испуганно.

— Столько не может поместиться на этом пароходишке, — сказал Сережа.

— А вот поместятся, — сейчас же сказала Таня.

— Но почему они уезжают под самую зиму? — озабоченно спросила Лидия.

— Сами видите, — сказал дядя, охочий объяснять.

Значит, она должна была сама видеть, и она больше не спрашивала. Но Лидия видела только странную смесь грубых и огрубевших лиц, неукротимых и измученных русских и разноплеменных лиц.

— Нажились — и отъезжают, — сказал дядя с насмешкой.

— Нажились бы, так и прижились, — отразила сейчас же с раздражением молодая женщина.

Таня подскочила к Небелю и опять пошептала ему. Небель поднялся на пароход.

Груз экспедиции скоро начали переносить. Грузчики ходили словно со скуки. Посадка не начиналась, второго гудка не было, и пассажиры волновались.

— Давай, что ли! Зимовать, что ли! — кричали нетерпеливые.

Чей-то потрясающе сильный голос перекрыл весь гомон:

— Эй, капитан! Мороз не велик, а стоять не велит!

В толпе были люди, привычные затевать бучу. По тону толпы ясно было, что она действительно не собирается зимовать.

— Старатели, — сказал кто-то. — Легко мечтали мочдрать и золото брать.

— А не хватило соболошек, собачьи шубы не по моде...

И Лидия с жалостью увидела, как плохо одеты все подряд: в отслужившие ватники и полушубки, подвязанные обноски на ногах, веревочные чуни. У этого пестрого люда — с Украины, Белоруссии, Рязани, из Крыма, Казахстана и так далее — было одно общее качество: подъемистость — и одно общее уродство, пригнавшее их сюда и выгонявшее теперь отсюда: авантюристическое сочетание жадности и шаткости.

Они должны были обратиться до морозов. Для них последний рейс «Якута» был рейсом спасения, и они опасались каждого часа промедления.

Капитан в обношенном кителе вышел из каюты к пассажиру и, глядя в сторону, выслушал изысканно пространное изложение просьбы отложить на завтра отправление парохода. Ничуть не торопил пассажира, даже выждал еще после того, как Небель замолчал. Капитан, плотнотелый, краснолицый, глядя по-прежнему в сторону, спросил:

— Ну, так чего вы хотите?

Небель, озадаченный, изумленный, сказал оторопело:

— В интересах экспедиции Академии наук Советского Союза в высшей степени желательно, чтобы пароход ушел завтра.

— Пароход не может уходить, когда это желательно пассажирам. Перед отходом дадим гудок. А вы будьте наготове. Сегодня, видимо, не уйдем.

— Но гудок уже был...— робко напомнил Небель, еще более изумленный и немного встревоженный.

— Мало ли что был,— властно сказал капитан, не пошевелив закаленные, твердые складки на лбу и на щеках.— Один гудок был, а больше не будет. Напрасно не ждите, предупреждаю. Можете сказать всем.

На палубу вышел помощник капитана с Небелем. Небель сошел на берег, а помощник подошел к борту и, не потрудившись взять мегафон, крикнул, что пароход отплывет завтра в десять часов, по расписанию.

В толпе передались его слова волной голосов, как по воде кругами.

— Но расписание на сегодня! — закричали возмущенные геологи и стали требовать, чтобы, по крайней мере, допустили их на пароход.

— Расписания никакого нет,— объявил помощник и ушел.

В страшном шуме рассвирепевшей толпы Таня дерзко кричала:

— Конечно, он совершил это в надежде, что я расскажу тебе о его всемогуществе. Кроме того, он хочет пригласить нас в театр сегодня вечером... А кроме того, ты ошибаешься, предполагая, что Бернард в тебя влюблен. Он влюблен только в себя.

Лидия смеялась.

— Скажи ему, что он ничего не совершил. Мы уже узнали, что здесь такой порядок: ничего не делать вовремя, если можно сделать не вовремя! Нахал он, твой Бернардики.

На другой день около часу дня четыреста человек вскочили со своих сундучков; пароход выдал традиционные три гудка подряд, матросы на борту встали у трапа, а на берегу милиция отошла в сторону — и пассажиры штурмом, отесняя друг друга, навалились на мостки.

Часы в салоне стояли. Может быть, забыли их завести однажды, а потом и стали считать, что часы испорчены. Команда не слишком задумывалась даже о том, чтобы самим обернуться до ледостава, — а ответственности перед пассажирами не было в заводе с тех самых пор, как пароходы появились на Лене.

В этот день пошла первая легкая шуга — ледяные чешуйки на реке. Чешуйчатая вода медленно лилась километровой полосой по совершенно плоской земле и казалась мелко разлитой. Но она имела несколько метров глубины и была лишь одной из протоков Лены, а главное русло скрывалось где-то за шестидесятикилометровой плоскостью острова Харьялах.

Лидия с тревогой оглядывалась на рябую реку и увядшие берега.

Пароход сделал размашистую дугу в три или в четыре километра вокруг отмели Харьялах. На заиленных песках после заморозков побурел покос в оголившихся редких кустах.

Справа по курсу парохода лежали небольшие острова, потом начался большой остров Улу-Ары и по другую сторону от главного русла тоже большие острова, покрытые обмороженными, помертвелыми лугами, поросшие тальником или голопесчаные. Встречались и маленькие острова, широкие и узкие, — на куски разбитый материк. Острова цеплялись один за другой, фарватер обходил их справа и слева, и по всей просторной долине река оставила многочисленные озера у самого берега и далеко за горизонтом. Где же было увидеть всю Лену?.. В островах она имела ширину возле Якутска двадцать пять километров.

Погода была пасмурная, дул так называемый «свежий» ветер. Геологи проводили день на палубе, одевшись потеплей в стеганые ватные штаны и куртки и меховые шапки.

Один Небель прогуливался с непокрытой головой, и «свежий» ветер не мог пронять густейшие волосы на его голове.

Порожин в мохнатой ушанке сидел на палубе, обнявшись с собакой, оба в собачьих мехах одинаковой расцветки. Геологи острили, что Порожин приобрел в Якутске собаку и заодно доху с плеча ее сестер и братьев.

Глава 22

ЧЕЛОВЕК ПРИЯТНЫЙ, КАК БУЛЬОН ИЗ ПОТРОХОВ

Две недели пароход поднимался до Полной. Секрет этой медлительности заключался в том, что пароход простоял у девятнадцати пристаней девять дней в ожидании грузов и разгрузки. Матросы лениво разъясняли затосковавшим пассажирам:

— Нам груз интересен, пассажир — без выгоды.

Пятнадцать минут «Якут» шел мимо очередного плоского острова и все это время беспрерывно гудел. Это вызвало удивление всей команды и привело в отчаяние пассажиров. Лидия прибежала на мостик с мольбой о пощаде. Капитан молчал. Пароход гудел.

Наконец остров кончился, пароход поравнялся с протокой.

Капитан поглядел на похудевшее и чем-то опечаленное лицо пассажирки и приказал в трубку:

— Усилить гудок!

Пытка прекратилась, когда ушли от протоки. Лидия спросила, что означал этот гудок. Капитан сказал:

— За тем островом река Полная.

Лидия порывисто оглянулась. Остров уже слился с берегом, и протока стала неразличима.

— Как вы узнали, что он на Полной? — нелепо вскричала, страшно раздосадованная тем, что сама не позаботилась о гудке.

— Из пароходства передали. Директор Черендейского затона тоже просил... Но только навряд ли услышали гудок... Из Совнаркома звонили в пароходство... — Звонок из Совнаркома, конечно, меньше значил для капитана, чем просьба директора Черендейского затона.

Час спустя «Якут» остановился против поселка Черендей, растянувшегося на левом берегу реки, у подножия пологих гор.

Лидия первой сошла на берег и помчалась к светленькому лиственничному домику с лавкой эвенкийской кооперации.

Лидия влетела в комнатку председателя кооператива. За некрашеным крепким столом местной работы сидел человек в пальто и в шапке, с широким русско-якутским лицом, начавшим стареть, и слегка косоватыми внимательными глазами, которые не поддавались старости.

— Здравствуйте! — воскликнула Лидия и сгоряча: — Вы, конечно, знаете товарища Зырянова?

— Здравствуйте! — приветливо сказал председатель. — Товарища Зырянова знаю. Человек приятный, как бульон из потрохов.

Этот якутский комплимент она слышала не первый раз, но чтобы о Зырянове сказали!..

— Его подстерегает удача орла, — уверенно продолжал председатель.

Она совсем развеселилась и уже не сомневалась в том, что ей попался самый любезный из «сибирских французов»¹ и он, конечно, в глаза не видел Зырянова.

— Вы тоже должны меня помнить! — вскричал он, обрадованный, вскочил, перегнулся через стол, схватил ее руку и нежно пожал. — В июне вы вместе с товарищем Зыряновым сплывали на карбазе. У меня в кооперации кое-что покупали. Тогда товарищ Зырянов спрашивал о Полной. Он теперь ходит на Полной, — сказал председатель.

— Вы его знаете? Вы уверены, что он еще там?..

— Кожи знакомятся ржанием, коровы — мычанием, люди — разговором, русские — письмом! Мне директор Черендейского затона привез письмо от товарища Зырянова. «Еду, мол, не изводи дрова до конца!..» Молодец парень! Он там ищет нефть для нас. С вашим пароходом думает ехать.

— Но капитан не хочет ночевать у вас, он хочет сегодня уйти! А Зырянова еще нет... — жалобно сказала Лидия.

— Капитан хочет уйти сегодня? Он прав. Когда улетает кряква, чирок не остается. Шуга пойдет густо, пароход замерзнет.

— Но что важнее: старый пароходик или нефть в Якутии, на Лене, около самого Черендея!

¹ Старые этнографы называли эвенков «французами Сибири».

Кооператор обиделся:

— Пароходишко не старый, а новый. Очень хороший пароход! Самый большой!

В каморку вошел капитан «Якута», придвинул стул к столу и сел. Кооператор встал и почтительно дотянулся до его руки. Капитан небрежно заговорил:

— Когда-то ты нас встречал на пристани. Или большие дела задержали?

Он бросил список на стол и обратился к пассажирке:

— А вы что тут делаете?

— Я извиняюсь, Алексей Лукич,— сказал председатель,— мы не ждали вас.

— Как это — не ждали? Вчера должны были быть, если бы не задержка в Якутске из-за экспедиции. Давай грузить. Что вы покупаете в этой дыре, Лидия Максимовна?

Она не успела придумать — председатель эвенкийской операции бросился на выручку:

— Вино! На пароходе одна водка в буфете. У нас все — первый сорт.

Капитан смотрел на Лидию и ничего не говорил.

— Алексей Лукич,— сказал председатель, просматривая список,— заказ громадный, на два парохода, это все сегодня не дадим.

— А завтра мне не нужно! В Якутск не повезу.

— Рано, чуть свет, приготовим. Ночью будем для вас хлеба печь.

— Чего же вы не сказали мне, Лидия Максимовна? Я вас угощу хорошим вином.

— Я вовсе не хочу... Я не для себя!..

Председатель снова бросился выручать:

— Она правду говорит, Алексей Лукич. Тут есть один товарищ, с вами поедет. Она для него покупала. Эта барышня — ушко его сердца.

— Вы и ему скажете обо мне что-нибудь в этом роде? — гневно спросила Лидия.

— Кулаков сосватает,— смеялся капитан.— Итак, Григорий Иванович, ты меня давно знаешь? Через два часа я ухожу.

— Алексей Лукич! Над бревном вечно висит топор, над мной вечно висит твоя немилость.

— Ладно, пока висит,— сказал капитан,— через два часа упадет. У меня четыреста пассажиров на борту, двойной комплект, второй день без хлеба.

— Алексей Лукич! Как ты узнаёшь, что будет через два часа?..

Капитан поднялся, махнул рукой. Кулаков схватил его за руку и утешительно сказал:

— Алексей Лукич, никто не прозревал свое будущее, осветив его лучиной.

Глава 23

«НИКТО НЕ ПРОЗРЕВАЛ СВОЕ БУДУЩЕЕ, ОСВЕТИВ ЕГО ЛУЧИНОЙ»

Капитан стоял возле будки рулевого, Лидия неподалеку от него. Фарватер против Черендея перебрасывался к южному берегу. Капитан внимательно следил. Пароход вышел на середину реки, кормой к восходящему солнцу. Неподъемистое октябрьское солнце запуталось в дыму пароходной трубы, и «Якут» нечувствительно повлек задымившееся солнце за собой.

Дым притупил прямые и острые лучи, и вдруг Лидия увидела вдалеке, на громадной, подобной озеру, и пустынной поверхности реки черное крохотное суденышко. Она заволновалась и неуверенно взглянула на берег. Черендей еще ежился в утренних сумерках. На тусклом берегу выстроилось в одну линию все население, и, выступив из линии, председатель эвенкийской кооперации Кулаков махал платочком в правой руке пароходу на «стоп», а левой, свободной рукой пламенно призывал и торопил кого-то с низу реки.

Лидия закричала:

— Смотрите! Катер идет за нами, надо обождать, Алексей Лукич.

Капитан оглянулся и сказал в будку рулевому:

— Полный вперед!

Рулевой приложил губы к вырезу трубки и прогудел вниз:

— Полный вперед!

Капитан ожидал протеста от девушки. Она молчала. Капитан смягчился и сказал:

— Катер догонит.

Катер шел мимо Черендея. Лидия уже видела Зырянова. Он рукой приветствовал черендейцев, а с берега не один платочек — целый конвейер машущих больших и крошечных

рук, дирижируемых платочком Кулакова, пылко помогал Зырянову догонять пароход. И он догнал.

Он стоял с рюкзаком за плечами, готовый перейти или перепрыгнуть. С парохода спустили трап.

Зырянова окружили все члены экспедиции. Небель не дал ему снять рюкзак и потащил наверх.

Длинноусый, с лицом свирепого боцмана, человек на катере, директор Черендейского затона, с удовлетворением созерцал почетный прием, оказанный его пассажиру. Затем катер повернул к Черендею.

— Рассказывайте или показывайте, что вы добыли,— сказал Небель в каюте.

— Я нашел битумы,— сказал Василий.— Теперь доказано, что якутский кембрий содержит нефть.

— Ну? Уже и доказано?! Послушайте, а где вы достали катер? Вот ловчага!.. Но вам бы и катер не помог, благодарите меня за то, что я задержал на сутки пароход!

Лидия видела, как Зырянов развязал мешок и вынул кусок темного доломита.

Сережа подбирал такие камни по всей Иннях, а потом выкидывал их. То же самое делала вся экспедиция, по всей вилюйской впадине. Такие камни можно набрать где угодно, сколько угодно. Архангельский указывал именно на такие известняки, что они встречаются на всей колоссальной сибирской платформе, повсеместно.

— Товарищ Зырянов, скажите, но как вы угадали, что пароход пришел? — спросила самая маленькая Надежда.

— Я вовсе не угадал: за мной пришла моторка.

— В таком случае почему вы не изволили поспешить вчера? — вмешалась Таня.

— В Черендее пароход всегда ночует. Во-вторых...

— Ну, так вам повезло, потому что капитан хотел плыть вчера же. Впрочем, имея моторку...

— Но обождал же он. Моторка не спасла бы, если бы пароход ушел вчера. Во-вторых, мне всегда везет!

— В таком случае вы просто не стоите, чтобы о вас заботились,— сказала Таня.

— В-третьих,— продолжал Зырянов с железным преодолением,— моторка пришла за мной сегодня на рассвете.

— Вам действительно везет,— сказал Бернад Егорович с ядовитой интонацией.

Он поднял образец, чтобы все могли видеть.

— А разве нет?..

Лидия стояла в стороне. Зырянов обвел глазами всех, но он не искал ее. И она ушла на капитанский мостик.

Помощник капитана подошел к ней и любезно заговорил:

— Шуга.

— Уже две недели шуга! — сварливо ответила пассажирка, очаровавшая капитана.

— Все-таки жаль, что мы задержались в Якутске и в Черендее.

— Я тоже жалею, — сказала она неохотно.

Помощник осторожно отошел.

Она подставила жесткому ветру упрямое лицо и всю досаду и гнев. Потом сняла якутский капор, память с верховьев реки Иннях: рысий мех на затылке и опушка из черных беличьих хвостиков вокруг пылающего лица.

Октябрьский ветер занялся исключительно Лидией Цветаевой и открыто уединил ее с собой перед целым миром. Он рвал каштановые волосы на бедной ее голове и жадно, даже грубо сушил слезы на ее сердитых глазах, им самим исторгнутые, и нежные, чувствительные к ласке щеки он грыз, не умея целовать.

Если бы Зырянов показал ей первой свои образцы, она спасла бы его от позора. Обыкновенные известняки — какой ужас!.. Но так ему и надо!

За обедом Зырянов робко поздоровался. Она бегло ответила и продолжала разговаривать с Небелем. Бернад Егорович хвалился своими успехами:

— Я считаю, что мои прогнозы уже теперь доказаны. На Юдье я обнаружил среди осадочных пород изверженные, вклинившиеся шириною в полтора километра. Конечно, при камералке¹ я докажу все, вплоть до мельчайших деталей.

— Какое в этом месте направление реки? — спросил вдруг Зырянов.

Вопрос удивил всех.

— С юго-запада на северо-восток, — сказал Бернад Егорович улыбаясь. — Вас это интересует с точки зрения транспортных возможностей реки? Юдья несудоходен. Но, может быть, годится для лесосплава, в чем я некомпетентен.

— А как там залегают эти вклинившиеся породы к те-

¹ Камеральная — кабинетная, лабораторная обработка материалов, в противоположность полевой — в условиях экспедиции.

чению реки? — вел Зырянов, как плуг свою борозду, не обратив внимания на издевку.

— Почти параллельно, — ответил Небель, уступая плугу.

— Значит, вы шли по простиранию.

Все услышали, как Зырянов сказал это, и все замерли.

Бернард Егорович покраснел и молчал.

— То есть вы хотите сказать, — злорадно сказала Таня, — что Бернард Егорович всего-навсего принял длину вклинивания за его ширину?

Грубая ошибка Небеля была очевидна и без этого пояснения. Никто не засмеялся — всем стало неловко. Необычайная ошибка для такого специалиста, каким считался в институте Небель. Но самое удивительное было то, что Зырянов с помощью двух простых вопросов сумел ее обнаружить. Это было потрясающе. Таня изумленным шепотом спросила:

— Как вы догадались?

— Я ведь плотовщик, — громко ответил Зырянов, — а направление реки очень важно для транспорта и сплава леса, что правильно отметил Бернард Егорович. А геологическую карту Якутии каждый из нас должен помнить.

Таня фыркнула. Лидия громко сказала:

— Не унывайте, Бернард Егорович. Зато вы наверняка не примете известняк за битум.

Бернард Егорович на эту поддержку ответил злобным взглядом. Таня убежала из-за стола, бросив недоеденное второе. Она ждала Лидию на палубе и все еще смеялась.

— Зырянов же разыграл всех своими известняками! Когда ты ушла на капитанский мостик, Бернардик стал издеваться и сказал, что одни известняки не указывают на нефть. Зырянов сказал: «Значит, вы теперь признаете, что я был прав, когда не советовал искать нефть в вилуйской впадине, основываясь на одних известняках?» А Бернардик покраснел и ничего не мог ответить.

Лидия холодно ждала.

— И вот тут-то Зырянов... Нет, ты подумай, какой хитрый!.. «А вот такого, сказал он, академик Архангельский не видел в вилуйской впадине и вы не видели». Небель посмотрел и заявил: «Это тоже известняк». Но я-то видела, что это настоящий битум. И поэтому Небель никогда не простит твоих слов, — закончила Таня с торжеством. — Он ведь принял битум за известняк! Он так и понял, что ты на это намекаешь!

Лидия молчала. У нее мелькнула мысль, что Таня, восхищаясь ею и немного завидуя, влюбилась в Небеля.

Таня заглянула осторожно сбоку в глаза ей и перестала болтать.

Лидия пристально вглядывалась в ровно-бесперывную рябь льдинок вдоль борта и наблюдала за собой — за тем, как началось и усиливалось головокружение. Пароход поднимался навстречу ледяной ряби, но в то же время он уходил от тяжелой шуги. Лена замерзала снизу — от Ледовитого моря. Шуга, плывшая сверху, на самом деле надвигалась и нарастала от устья реки. Внизу она уже вымостила просторы Лены крепким льдом. Она гналась за пароходом, загоня его на юг, в сужающиеся верховья, и запирала за ним путь назад. А сверху не было надежного затона для большого парохода... Лидия уже плохо чувствовала железные высокие поручни, навалилась на них. Сейчас она улетит в широкую, ровнобегучую, бесконечно стремящуюся рябь... Она испуганно схватилась за железо.

Пусть он невиновен перед наукой, зато он виновен перед Лидией Цветаевой. А в чем он виновен?

Но все льдинки стали крупнее, их стало гораздо больше, теперь просто много было их. Теперь уже было очень холодно.

Глава 24

ЛОВУШКА

День за днем тянулись известковые горы. На северном берегу они сменялись низменностями и пашнями.

Наблюдателю с парохода кажется, что река течет по обширной горной стране, — вспоминала Лидия из Обручева. На самом деле это слабоволнистая плоскость, сплошь покрытая лесом, — если взобраться на одну из этих кажущихся гор. Ей так хотелось взобраться и увидеть!

Быть здесь, так далеко забраться — и все оставить неувиденным на всю жизнь?.. Невозможно!

В одном месте капитан показал Лидии редкость в Якутии — ключ. Хрустальная жилка билась на ложе из чистого льда.

— Когда же успел намерзнуть лед, да еще в таком количестве?

— Он не успел растаять,— сказал капитан,— это прошлогодний лед. Вернее — прошлых лет. Лед ни в одно лето не успевает растаять. Холодный ключ прикрывает его от солнца.

Капитан заметил дурное настроение пассажирки и старался развлечь ее. Однажды он постучался в ее каюту и пригласил Лидию подняться наверх. Лидия вышла.

Пароход входил в ущелье. Почти отвесные утесы поднимались метров на полтораэта.

— Вы не боитесь револьверного выстрела? — спросил Алексей Лукич.— Маленький браунинг, пустяжи.

Он выстрелил в воду.

Почти немедленно со всех сторон поднялась стрельба. Лидия вздрогнула. Стреляли уже не из револьверов, а из ружей.

Выстрелы следовали быстро один за другим и сливались в оглушительные залпы. На палубах появились помощники капитана, успокаивавшие пассажиров. Стрелявших не видно было, и так же не видно было дыма, хотя откуда-то из-за скал начала стрелять легкая батарея, а вслед и вторая. Стреляли оба берега. Артиллерийские залпы сотрясали ущелье. Пароход напрягал все силы своей машины, чтобы уйти поскорее подальше отсюда. Сражение утихло так же внезапно, как началось.

— Наше эхо! — гордо сказал Алексей Лукич. — Сто-ствольное.

Члены экспедиции занимались разбором собранных образцов и ссорились. Зырянов тоже без конца развертывал бумажки и показывал доломиты с Полной. Все его образцы оказывались раздетыми: бумажки с указаниями места, где взят был образец, лежали ворохом, Таня наблюдала с негодованием, а Лидия — с тревогой.

— Товарищ Зырянов,— не выдержала Таня,— я просто не могу этого больше видеть! Мне жаль вас. Или вы относитесь с полным неуважением к геологии?

— О чем вы?

— Как вы обращаетесь с образцами! Вы все перепутаете. Смотрите, как тщательно Бернад Егорович завертывает каждый образец и не выпускает из рук этикетку, пока не завернет. Все образцы у него лежат на своих этикетках.

— Я уверен, что у Зырянова давно все перепутано,— сказал Сережа.— Но для него это не имеет значения...

Зырянов живо повернулся:

— Хотите попробовать? Перепутайте все образцы. Я не боюсь. Только сделайте на камнях пометки для себя, чтобы вы-то сами не запутались.

— И вы, конечно, обратно приведете их в порядок? — сказал Сергей насмешливо и сразу принялся за работу.

— Не надо, вы все перепутаете! — закричала Таня. — Не позволяйте ему!.. Остановитесь! Довольно!

Зырянов, не задумываясь, определил раздетые образцы. Таня держала этикетки в руках.

— Ни одной ошибки!

— Не верю! — вскричал Сергей. — Покажите!

Он проверил свои знаки на камнях и на бумажках и молча торопливо стал раздевать другие образцы подряд. Таня тревожно следила за ним.

— Готово! — воскликнул Сережа, будто играя в фантики.

Минералы лежали кучей. Зырянов стал брать обломки один за другим и быстро описывать их, указывая, откуда взят образец, остро вглядываясь. Таня едва успевала находить нужную этикетку.

— Все благополучно? — спросил Василий победоносно. Он мог допустить ошибку только у них в нумерации образцов, но никак не у себя в памяти.

О зыряновских образцах нескончаемо спорили и обращались за разрешением споров не к Порожину и Небелю, а к Цветаевой.

Лидия сказала, что химический анализ вынесет окончательный приговор зыряновским доломитам, а пока спорить не о чем.

— Они спорят, потому что им холодно, — объяснила Таня.

Геологи начали спорить с утра, чтобы не сразу вылезть из постелей. Они спорили и в то утро, когда пароход подошел к Усть-Куту. Их можно было бы услышать на палубах, но там тоже спорили и кричали: «Обман!»

Пароход стоял. В каютах никто не интересовался этим. Геологи кричали друг на друга, пока не пришел к ним помощник капитана и не предложил срочно вылезть из постелей, так как «Якут» через полчаса пойдет вниз.

На палубах кричали: «Обман!» На сходнях толкались и страшно ругались. Лидия, втянутая толпой, старалась не

оказывать ни малейшего сопротивления потоку и подчинялась внезапным его броскам и с некоторым запоздалым страхом думала об этой грозной толпе, в которой она прожила такое долгое время. Десять минут назад это был такой веселый народ, готовый обшутить любую неприятность. Никто бы не догадался...

Кто бы мог предугадать эти беспощадные лица мужчин и необыкновенно злые лица женщин? Все они попали в ловушку и винули того, кто предвидел и не предупредил их честно. Теперь им была «крышка». Они не хотели «крышки». Потерянные женские голоса спрашивали:

— Господи! Да где же это мы?..

— До Смоленска далеко?..

И над всей ужаснувшейся толпой раздался трубный возглас веселого бородача, насмехающийся над «крышкой»:

— Организация убийственной картины!..

Над берегом кучилось не особенно большое деревянное село.

Полчаса спустя пароход бежал вниз, чтобы успеть укрыться в ближайшем затоне до ледостава. Пассажиры сидели на мешках и чемоданах на заснеженном берегу, окруженные младшими жителями Усть-Кута.

Благоразумные сразу ушли в поселок устраиваться жить до наступления зимнего пути или до лета. Менее опытные смотрели с надеждой на баржу и два буксира, тихонько дымившие у пристани. Но баржа была нагружена слюдой, а буксиры только потому стояли, что еще не решили, тянуть ли им баржу обратно или бросить здесь на погибель и самим бежать вниз. Капитаны запросили Якутск и ждали ответа.

Все это сообщил Лидии Небель, чтобы похвастаться своей осведомленностью и распорядительностью.

— Какие это буксиры? — рассеянно спросила Лидия, сама не зная зачем.

— «Повстанец» и «Верхоленец», — с удовольствием сказал Бернад Егорович.

— Очень жаль, — сказала Лидия, чтобы отравить ему удовольствие.

Бернард Егорович поднял брови и побежал дальше собирать информацию, а Лидия вспоминала: молодой капитан Николай Алексеевич, сын бородатого гостеприимного казака, гордого тем, что его отец имел кое-какое отношение к Чернышевскому...

— Кажется, вам пора подумать, как выбраться отсюда,— злопамятно сказала она подходившему Зырянову.

— Я ищу Порожина,— ответил он доверчиво и, очевидно, принял как должное, что она возлагает на него, Зырянова, ответственность за положение экспедиции.

Ему незачем было вспоминать самонадеянные речи в устье Иннях.

— Можно пойти с вами?

Вдвоем они подошли к начальнику экспедиции.

— Вы должны принять меры, Александр Дмитрич,— сказал Зырянов,— не будем мы здесь ждать санного пути.

— Что я могу сделать? — спросил Порожин с вежливой грубостью.

— Вы можете просить правительство Якутии дать приказ буксирам, чтобы они повезли экспедицию на барже.

— Говорят, баржа нагружена доверху слюдой.

— Слюду мы выгрузим и спасем. Без нас она вероятнее всего погибнет.

— Я отказываюсь делать такие предложения правительству.

— Пойдемте в поселок,— предложил Василий Лидии.

— Зачем?

— Чтобы найти помещение. Еще через пятнадцать минут все дома будут забиты до потолков и нам останется рыть землянки.

Глава 25

«ДАЙ БОГ, НО УМЕРЕННО»

Зырянов всматривался в деревянные домики.

— Итак, вы придумали,— медленно начала Лидия,— получить подпись у Порожина. Ни мало ни много!

— Только подпись,— подтвердил Зырянов,— все остальное и разгрузку баржи я беру на себя.

— Только подпись Порожина! — передразнила Лидия.— Вы, следовательно, ничего не придумали для того, чтобы Порожин сел и поехал.

Василий угрюмо спросил:

— Вы согласны пойти пешком?

— Согласна! — с вызовом сказала она.

— И потащите свой багаж?

— И поташу,— сказала она с тайным страхом.

— До Жигалова?

— До Жигалова,— неуверенно повторила она за ним, точно слова клятвы, все значение которой от нее скрыто.

— Пришли! — неожиданно сказал он. — Это подходящий домик.

— Пришли?..— недоуменно спросила Лидия.

Хозяйка так быстро открыла, словно дожидалась их.

— Только двое вас? — разочарованно спросила она.

— Нас двенадцать.

— По мне, хоть и все двадцать, всех приму! — обрадовалась.

— Давай задаток,— сказал Зырянов, протянув руку.

И, к удивлению Лидии, хозяйка безропотно положила в его руку пятирублевую бумажку.

— Чтобы не сдала квартиру другим,— объяснил Зырянов Лидии тут же, при хозяйке.

Василий так же быстро договорился с хозяевами двух соседних домов.

— Кажется, мы не спешим идти пешком до Жигалова,— сказала Лидия с неотвязной иронией.— Или Жигалова — это фамилия нашей квартирной хозяйки?

— Сейчас я пошлю телеграмму.

— За чьей подписью?

— Экспедиция Геологического института Академии наук.

— Должна быть подпись ответственного лица, без этого не примет телеграф.

Зырянов молчал.

— Подпишите сами? — спросила Лидия, сдерживая волнение.

— Это я могу, но в Совнаркоме Якутии мою фамилию не знают. Телеграмму бросят в корзину.

— Все равно же ничего больше сделать нельзя...— сказала она и не утерпела, язвительно добавила: — А вам всегда везет!

— Я на телеграф,— сказал он быстро и сразу ушел.

Она пошла на берег звать товарищей на квартиру и, грустя и смеясь над собой, чтобы утешиться, принялась мечтать о том, что произойдет в Совнаркоме Якутии. Помощник председателя Совнаркома доложит телеграмму...

«Кто это Зырянов? — спросит председатель.— Ко мне приходил начальник экспедиции, профессор, с какой-то другой фамилией».

Помощник положит перед ним номер «Комсомольской правды» и укажет на корреспонденцию: «Экспедиция «Не найди того, знай чего». «Инициатора экспедиции комсомольца Зырянова, энтузиаста — разведчика сибирской нефти, руководство экспедиции вовсе отстранило от участия...» Фамилию Зырянова помощник подчеркнул красным карандашом.

«Имеются о нем сведения, кроме этих?» — спросит председатель.

— Лида, куда ты пропала? — кричала Таня и бежала ей навстречу. — О чем ты замечталась? И даже не видишь — я машу тебе...

Домики Усть-Кута ждали невольных постояльцев. В Усть-Куте привыкли к ежегодному доходу от последнего пароходного рейса. Нынче пароход выбросил небывало много пассажиров. Поселок приотил всех, кто мог уплатить за приют.

На берегу худо одетые люди, не внушавшие доверия хозяевам, устраивали ночлѣг под открытым небом. Им это было не впервые, конечно.

Весь этот день в Усть-Куте было шумно, и всю ночь было беспокойно.

Хозяева Усть-Кута не спали, сторожили свое добро.

Утром Василий зашел в домик, занятый девушками. Лидии не было.

— Посмотрите, как у нас хорошо, товарищ Зырянов, — быстро-быстро застрекотала самая маленькая Надежда, — получше, чем в общежитии института!

— Хорошо, — признал он, — так можно жить.

— Конечно, можно!

— Ну, живите, девушки. Счастливо!

— Что это значит?..

— Зашел проститься. Еду в Москву догонять свой курс.

— Девочки, быстро складываться! — скомандовала самая маленькая Надежда.

— Видели баржу? Со слудой. Тот, кто разгрузит ее, поедет на ней.

— Мы ее разгрузим!

— Девочки, надо зайти за мальчиками! Жалко оставлять их, — сказала Таня.

Они зашли в соседний домик и с энтузиазмом пригласили мальчиков разгружать баржу.

Сережа Луков недоверчиво взглянул на Зырянова:

— Я не бандит. Я такими делами не занимаюсь.

— Сережа, миленький,— сказала Таня,— конечно, вы не бандит, вы геолог! Вам придется иметь дело со слюдой...

— Я помню вашу товарищескую услугу,— сказал Зырянов,— я спешил тогда, вы уступили мне место в лодке. Разве я не понимаю, что вы могли не уступить?

— Конечно, я мог,— сказал Сережа.

— Теперь я предлагаю вам целую баржу. Буксиры получили приказ тащить нас до Жигалова.

— Это замечательно! Я и не знала,— воскликнула Таня.— А Лидия знает?

— Еще не знает.

— Как это нехорошо с вашей стороны! Я побегу скажу ей.

— От кого приказ? — недоверчиво спросил Сережа.

— От Совнаркома Якутии. Вы подготовьте всех, товарищ Луков, но к барже не подходить, пока я не скажу.

Люди лежали на своих узлах и взглядывали на экспедиторских без любопытства.

— Граждане! — крикнул Василий.— Кто голова семьи, подойдите. Имею важную новость.

Все триста или четыреста голов окружили его, ибо каждый был главой семьи, состоявшей из него самого, и никто не желал узнать новость с опозданием, да из вторых, корыстных рук.

— Ну, говори! — уже кричали нетерпеливо и грубо.

Василий не спешил.

Не они должны командовать, по его плану, а он.

Он неторопливо сказал:

— Я вижу вас всех. Как вы одеты.— Он обвел глазами толпу и сказал: — Посмотрите сами.

И вот многие стали осматриваться с усмешкой, а другие закричали:

— Видели! Говори к делу!

— Как вы обуты.— Василий взглянул на ноги ближайших.— Ясно, что вам надо отсюда выбираться... Выбираться — это не выбирать!

— Это — куль дыму,— сказали наиболее самостоятельные, подошедшие последними.

Они стали отделяться от толпы и уходить.

— Выбирать не из чего. Надо, граждане, запрягаться.

— Да и бог, но умеренно,— сказал одинокий голос среди напряженного внимания.

Стали смеяться, и настороженное недружелюбие к оратору смягчилось.

— Тут едет экспедиция. Буксирам приказано отвезти их в Жигалово на барже.

— Мужики! — внезапно и звонко закричала женщина. — Не отдавайте баржу! Не пускайте от себя!..

В толпе возникло движение, бабы готовы были ринуться со своими пожитками на баржу.

— Уплывут, а нам здесь могила!..

— Тихо, бабы! — грянул голос выстрелом.

Рядом с Василием встал бородач, загорелый под цвет окладистой каштановой бородки. Лицо у него было богатырское. Он с небрежностью оглядел толпу и сказал Василию ободряюще:

— Глаголай.

— Пока экспедиция разгрузит баржу, Лена встанет, — сказал Василий.

— Ясное дело, — заговорили обрадованные мужские голоса, — в полчаса разгрузить надо.

— У них на это зубов не хватит, — сказал бородач на весь берег, на всю Лену. — Они без нас — как мы без них.

Глава 26

ЧАСТНАЯ СОБСТВЕННОСТЬ НА ЖИЗНЬ

Буйноголосый принял командование над толпой, разбил ее на пятнадцать бригад под началом у геологов. Сотни грузчиков торопливо выносили слюду с баржи. Бригадиры-геологи наблюдали за бережной выгрузкой и переноской слюды и заботливой укладкой ее в безопасности от весеннего поводья.

Несколько часов спустя люди вселились в темный и холодный трюм, отделявший их от ледяной воды всего доской. Бородач сумел заставить толпу внести на баржу багаж экспедиции и выгородить для геологов лучшее место — на середине.

Глухую тьму в трюме вызвездило мерцающими папиросами-самокрутками, и оттого темнота стала еще слепее.

Ворчание реки наполнило трюм. Баржа пошла.

— Урр-ра Зырр-рянову-у! — закричала Таня, стуча зубами.

И четыреста человек во тьме прокричали глухо, но охотно:

— Ура!

И стучали зубами.

Водолей встал на работу.

К ночи буксиры прибили баржу к берегу. Все население поспешно выбралось из плавучего погреба. Несколько сот человек кинулись в крутизну горного берега наперегонки собирать древесную падаль.

Почти немедленно стали загораться костры, но лишь в немногих местах слышен был топор. Владельцы этого инструмента неожиданно приобрели очень важное значение и уже не развязывали свои мешочки с провизией, снисходили к чужому угощению, а сами растягивали огненную линию подлиннее, чтобы привлечь ночлежников побольше. Костер был частной собственностью, и тот, кто не имел топора, должен был купить себе место у чужого костра, чтобы попить кипятку: немного тепла и продление жизни.

Под утро берег посветлел раньше неба. Люди с ругательствами или стонами вытряхивались из пухлого снега и, с трудом разогнувшись, шли на баржу. Снег продолжал падать.

Снег накрыл баржу и накапливался на льдинках, густо заселявших реку; они разрастались на бегу.

Тайга на горах помертвела и притихла. Мегафон с буксира велел пассажирам на барже сбросить снег с палубы, чтобы не тащить лишнюю тяжесть. Плавание возобновилось.

Окоченевшая Таня в отчаянии спросила:

— Но как мы сюда попали, Лида?..

— Я сама не знаю,— устало сказала Лидия.

Четвертая ночь застала их у голого, безлесного берега.

— Ну, давай ночь делить,— провозгласил бородач,— кому больше достанется.

Люди остались на барже, зарылись во все пожитки и все-таки спали, а под их боками, под настилом, хлюпала вода и водолей во тьме выплескивал. Это были привычные к невзгоде люди.

Удушливая и вонючая морозная сырость лишала дыхания. Лидия ушла бы на палубу, если бы не боялась. Под утро она услышала шепотный разговор:

— Друг, эй! Запрягать пора.

Она узнала поразительный голос, усмиривший буйную

толпу в Усть-Куте. Бородач говорил, может быть, во сне? Но кто-то проснулся.

— А?.. Кого запрягать?

— Людей.

— Сбежали? — яростно спросил разбуженный Зырянов.

— «Повстанец».

Оба замолчали. Потом Зырянов сказал:

— Теперь «Верхоленец» побежит. Одному ему не вытянуть.

У Лидии застыло сердце.

— Нипочем одному «Верхоленцу». Одно, как ты говоришь: запрягаться самим.

— Самим тут не пройти, — сказал Зырянов, — щеки¹ не пропустят.

— Промазали, — сказал бородач. — Был капитан «Верхоленца» в руках, когда он на берег сходил. Поддержали бы его до Жигалова, никуда бы не ушли оба.

— Василий Игнатьевич, — тихо позвала Лидия.

Собеседники замолчали.

— Я могу поговорить с капитаном «Верхоленца».

Зырянов зажег спичку.

Бородач могучей рукой поднял люк. Они вышли на свежий мороз и вдохнули его, как жизнь.

В незаметном рассвете стал проявляться корпус «Верхоленца». Буксир менял очертания и как будто приближался к барже, зеленый огонек двигался.

— Хочет взять канат, — тихо сказал Зырянов.

Лидия дрожала от холода. Бородач внезапно заорал на всю реку, и воздух дрогнул между гор:

— Эй! На «Верхоленце»!

— Что надо?

— Капитана давай!

— Со мной говори, — сказал мегафон.

— Как звать тебя? — быстро спросил бородач, обернувшись к Лидии.

Бородач закричал так необычайно гулко, что капитан должен был проснуться, если он спал в недрах буксира.

— Боярышня Лидия свет Максимовна с капитаном побеседовать желают!.. Пускай подойдет, — зашептал он, — и ты беседуй, Лида, беседуй! А я с ним справлюсь, как повар с картошкой.

¹ Щеками на сибирских реках называют отвесные скалы на берегах, не оставляющие прохода.

Буксир стал приближаться, и мегафон заговорил другим голосом:

— Лидия Максимовна? Здравствуйте. Кто там на палубе, кроме вас?

— Два товарища. Здравствуйте, Николай Алексеевич.

— Скажите им, чтобы не двигались с места, когда вы будете переходить, — быстро проговорил мегафон, — буду стрелять.

— Смышленный, — свободно сказал бородач и засмеялся.

— Не трогайте его, — сказала Лидия.

— Да отсохни мои рукава...

Глава 27

НАДО ЗАПРЯГАТЬСЯ

Буксир принял Лидию на борт. Николай Алексеевич по ее просьбе допустил также Зырянова. Буксир сейчас же отошел от обреченной баржи. Лидия снова почувствовала холод этой обреченности. Капитан буксира знал, что четвереста человек должны бороться за жизнь.

— Я не знал, что вы на барже, — сказал Николай Алексеевич.

— Мы вас не осуждаем, если вы ничего не можете сделать.

— Без «Повстанца» я один не вытяну.

— Правительство рискнуло обоими буксирами, — сказал Зырянов. — В Жигалове вы должны вмерзнуть.

— И прощай мой «Верхоленец», — сказал капитан буксира.

— Вы имеете право и даже обязаны идти поэтому до конца.

— Я и шел до конца. Без «Повстанца» я не могу идти.

— Мы заменим «Повстанца», — сказал Василий.

Николай Алексеевич взглянул без выражения.

— Каждому легче унести на себе свои пожитки, чем тянуть баржу.

— А багаж экспедиции? Погибнет. Это обойдется государству дороже нового буксира.

— На обоих берегах есть щеки, — сказал капитан, — нет сквозного прохода лямщикам.

— У вас хватит каната на оба берега? — спросил Зыря-

нов.— Там, где один берег непроходим, будем перебрасываться на другой берег.

— А там, где оба непроходимы? — спросил Николай Алексеевич и, не дожидаясь ответа, продолжал: — Это правда, что вы нашли нефть на Полной, товарищ Зырянов?

— Правда, — сказал Зырянов. — Я за это голову положу.

— Он за это голову положит, — сказала Лидия, пытаясь улыбнуться, — это правда. Мы собрали большие коллекции, которые имеют важное научное значение и будут изучаться в Москве.

Николай Алексеевич думал.

Лидия и Василий молча ждали.

— Сейчас высылайте лямщиков на правый берег. Потом на левый.

Они вышли на посветлевшую палубу.

— Дайте ему мегафон, — сказал Николай Алексеевич помощнику. — Подайте команду отсюда, — сказал он Зырянову.

Василий поднял трубу и повернулся к барже. На палубе стояло все ее население, и все глаза устремлены были в эту минуту на Зырянова.

Он опустил трубу.

— Пока я не в их руках, они не поверят моим приказаньям и не исполнят их.

— Как только я подойду к барже, они утопят буксир, — сказал Николай Алексеевич усмехаясь.

— Отправьте канат с нами на берег, — сказал Василий. — Потом скомандуйте им всем на берег. Через час перебросите половину на другой берег.

— Лидия Максимовна, пожелаете остаться на буксире? — робко пригласил сын казака.

— Спасибо, Николай Алексеевич, теперь я сама стану буксиром! — Лидия засмеялась. — Не хочу, чтобы люди меня осудили.

— Эти люди? — Николай Алексеевич чрезвычайно удивился. — Да что вам от их осуждения? Какие же они судьи вам?

— Я не знаю, — искренне сказала Лидия.

Они съехали на берег.

Лидия присела на круге каната на снегу.

На барже кричали и спорили, затем гулко прокатился голос бородача, сбивая весь шум, и словно толкнул толпу с

палубы. Люди стали сходить по длинной пружинящей доске.

Они сходили с баржи и бежали к Зырянову с решительными, опаленными лицами, сверкая глазами.

— Они не убьют вас? — тихо спросила Лидия.

— Нет.— Василий подумал и повторил более уверенно: — Нет.

Ей казалось, что они сразу собьют его с ног многоголовой, но сливающейся и страшно осмысленной волной.

Они мчались и набегали на худощавого и напрасно такого спокойного юношу возле девушки, сидящей на бунте каната, и обрушились бешеной пеной крика:

— Завел?! Хозяин!

Лидия с облегчением увидела, что к ним бежал буйно-голосый.

Василий легко глянул в глаза крикунам и продолжал считать людей на доске, сходявших с баржи. Не отрывая глаз от баржи, он сказал заурядно:

— Посторонитесь, чтобы я видел трап.

Они посторонились и продолжали ругаться так же устрашающе громко, но гораздо спокойнее.

Подшли Порожин и Небеля.

— К чему эта высадка? — спросил Бернад Егорович.

— «Верхоленец» сам вытянуть не может,— сказала Лидия.

И Василий с облегчением промолчал. Она почувствовала его успокоение и ощутила на себе враждебное ожидание толпы. Это и был момент наибольшей опасности для Зырянова, если бы он принужден был сам ответить на вопрос Небеля.

Она с ненавистью взглянула на Небеля и улыбнулась ему, готовая отразить его дальнейшие бессмысленно страшные выпады.

Бернард Егорович воскликнул, издеваясь над Зыряновым:

— Но в таком случае надо спешно возвращаться в Усть-Кут и в ударном порядке грузить слюду на баржу!

Бородач шагал махом и уже слышал их разговор.

— Что вы, Бернард Егорович! Разве народ позволит вам отнять баржу обратно под слюду! — Она говорила это весело и с ужасом подумала: «На что я способна!»

— Вот именно, у тебя на это зубов не хватит,— весело прогремел буйноголосый и встал рядом с Зыряновым.

Толпа угрожающе загудела, послышались возгласы:

— Голову отломаем!

— Отправить самого в Усть-Кут, самоплавом!

Небель побледнел.

— При чем же я? — сказал он мрачным лицам, надвинувшимся вокруг. — Ведь я сыронизировал.

— А я пять лет сыра не зыривал! — заорал обросший человек. — Отходи, пока цел!

Бернард Егорович, не споря, быстро ушел к барже.

Глава 28

НА ПЛЕСУ БУЯНЫ

— У меня к вам несколько слов, товарищ Зырянов, — холодно сказал Порожин. — Пройдемся.

— Нельзя ли вам говорить при всех? — попросил Василий.

— Потому что мы любим шепоток во весь роток, товарищ начальник, — сразу поддержали из толпы.

— Пожалуйста. Я узнал, что вы телеграфировали из Усть-Кута Совнаркому Якутии с безответственной просьбой предоставить для экспедиции баржу, фактически на погибель. Меня поражает подобный поступок.

— Я подписал телеграмму своим именем.

— Не верю, чтобы в Совнаркоме обратили внимание на телеграмму, подписанную каким-то Зыряновым, — перебил Порожин с раздражением.

— Вам в тот день нездоровилось, Александр Дмитрич... Надо было смело принять решение и дерзко, без колебаний, провести в жизнь.

— Верно! — воскликнул бородач.

Порожин, морщась, прикрыл ухо.

— Но я не вижу возможности двигаться вперед. Наоборот, вы завели четыреста человек в пустыню, где они принуждены ждать зимнего пути! — Он неловко взмахнул рукой в сторону толпы, заискивая у нее.

— Ох! — сказали в задних рядах.

— Зачем ждать? — весело сказал буйноголосый. — В Жигалове он нас догонит.

— Но «Верхоленец» не тянет.

— Так мы его потянем! — сказала Лидия и вскочила. — Я во главе лямщиков. Кто разматает канат?..

Она слышала себя, громкий свой голос и вызов — и не верила своим ушам.

— Вот это девка!

Лидия взяла конец каната на плечо. Несколько парней бросились к бунту и покатали канат по затоптанному снегу. Сотни рук схватили размотанный канат и подняли. Теперь назовут его бечевой, как принято у бурлаков.

Буксир загудел. На барже привязали буксирный канат-бечеву. Течение оторвало баржу от берега, бечева натянулась и отвердела струной. Внезапная сила шатнула людскую длинную цепь, все начали оступаться на скользких под снегом камнях. Буксир угрожающе-жалобно запищал.

— А ну, взяли-и! — загудел буйноголосый, перехватив бечеву на плечо следом за Лидией. Он желал перенять на себя ее долю тягости, оставить на ее плече только вес одного метра плетеной пеньки.

Но это зависело и от нее тоже! Лидия продолжала больно сминать плечо канатом. Крепкие ноги уже устали. Она не могла оглянуться, но она знала, что тяжесть баржи почти полностью переняли четыреста плеч, а она тянет самый неподатливый, невесомый груз отсталого, косного сознания, четырехсоткратно одушевленный только единоличной своей нуждой. Четыреста недовольных человеческих душ навалились на ее плечо.

— Лидия Максимовна, ты у нас шишка!

В цепи нашелся знающий бурлацкую терминологию.

— А вы чувствуете, как я тяну вас?

— Чувствуем!

— Тяни-и! — кричал ей мегафон с буксира. — Тяни-и, а не то я тебе... вытяну-у-у! — и ругался.

«Верхоленец» пытел и не щадил котла, видимо считал себя все равно потерянным. Из высокой трубы клокотал дым.

— Давай, давай! — покрикивал буйноголосый. — Какая натуга, такая заслуга!

Движение ободрило людей. Работу они любили подстегивать веселым словом, и они уже не унывали.

— А что, Лидия Максимовна, испугали мы вас? — интересовался за ее спиной буйноголосый.

— Я думала, сейчас вот убьют, — откликнулась Лидия, не отказываясь, и ее слова покатались по цепи, доставляя всем необыкновенное удовольствие.

Смех укатился к хвосту и оттуда снова догнал Лидию.

— Слышишь, Лидия Максимовна, что говорят, — сообщ-

шил голосистый дядя: — «Дома бурлаки — бараны, а на плесу — буяны».

И опять смех пробежал с его словами назад и вернулся с другими. Кто-то прокричал высоким голосом:

— Сказано собаке: не тронь бурлака! Он сам собака.

— А ну, поехали, не бойся! — крикнул буйноголосый.

— Да вить конь езды не боится, а корм боится, — ответили ему.

Бурлаков не то буянов было слишком много в этой цепи, и характер у них был неартельный. Они делали вид, за смехом, что отирают пот со лба, и тайно ослабляли усилие, сберегая свой корм, охотно сваливали тяготу на других. И вот уже вся цепь топталась на месте, а в следующую секунду попятилась. Буксир сердито запищал, но далеко не все поняли, какая им грозила опасность: потерять и баржу и буксир.

Зырянов побежал вдоль бечевы вперед, грозя глазами и ругаясь. Геологи отирали настоящий, бесхитростный пот со лба и с любопытством взглядывали исподлобья. Другой Зырянов, незнакомый, жестокий начальник жестокого, нечеловеческого транспорта, помыкал ими.

Он вырвал канат у Лидии с криком:

— Голосина, за мной! — и замотал конец вокруг лиственницы.

Люди сразу сели где попало, радуясь отдыху. Баржа и буксир медленно склонились к берегу. Лиственница дрогнула. Зырянов закричал:

— Все прочь от бечевы!

— Все прочь от каната! — удесятеренным эхом грянул Голосина.

Лиственницу вырвало с корнем и потащило. Свисток «Верхоленца» опять заволновался. Зырянов бежал за деревом, на бегу обрубая канат, затем кинулся к лесу и охватил канатом несколько деревьев сразу. Буйноголосый подхватывал каждое его действие.

Баржу прибило к берегу. Буйноголосый привязал ее другим коротким канатом, постоянно служившим для этой цели, а бечеву освободил и бросил на снег. Вдвоем с Зыряновым тут же присели у деревьев.

— Приходилось бурлачить? — спросил голосистый с уважением.

— Лоцманом был, — сказал Зырянов гордо.

— Большая специальность. Теперь по какой части работаешь?

- По нефти.
- Это как?
- Узнаю, где она есть.
- Где она есть?
- В земле.
- В земле?.. Глубоко?
- Пускай хоть на пять километров глубины — узнаю.
- О?.. Разве сегодня твой день врат?
- Я говорю правду, а ты по невежеству удивляешься.

Спроси у любого геолога из экспедиции.

Буйноголосый задумался и чуть отодвинулся от Зырянова. Потом сказал медленно:

- Вроде из подземного царства смолу достаешь?
- Даже не вроде, а точно.
- А тот царь... позволяет тебе?
- Какой царь?
- Того царства... Проклятый.
- Ничего не понимаю! — Василий начал сердиться.

Буйноголосый плюнул и сказал:

- Сатана.
- Ты чего ругаешься? — сурово окрикнул Зырянов.
- Крест на тебе есть ли? Сам заставляешь проклятого царя называть, меня же и коришь.

— Второго такого болвана вижу. Плевал я на твоего подземного царя.

— Ладно, я спрошу доктора в Жигалове. Он тебе не поблажит.

— Вот это сказал! А что врач понимает в геологии?

В экспедиции восемнадцать геологов, спроси у любого.

— А твой-то и скажет по-твоему, это я верю: свой своему поневоле друг.

Буйноголосый поднял конец бечевы и привязал довольно грязное полотенце широкой петлей. Вторую лямку он сделал из поясного ремня и подвязал штаны веревочкой.

Зырянов, нахмурясь, издали наблюдал за его деятельностью.

Люди отдохнули, Зырянов сказал им краткую речь:

— Вот что, лямочники. Присаживаться потным на снегу, останавливать буксир — это вы бросьте. Скажи ты им, — он махнул рукой голосистому.

Буйноголосый вскочил.

— Эй, архаровцы! Баржу тянуть — вить не мох драть и золото брать. А чужими руками хорошо только жар за-

гребать. А снег растоплять чѣрез сто шагов, да чтобы мой товарищ Зырянов с конаты за вами бегал — это ты брось у меня!

Архаровцы выслушали внушение и взяли бечеву.

Буйноголосый надел через грудь ременную лямку и подал Лидии тряпичную.

— На свое первое место, боярышня Лидия Максимовна, пожалуй!

— Как вас зовут? — благодарно спросила она.

— Савва, Савватей Иванович.

Лидия вспомнила картину Репина и, удивленная, впряглась. У Репина всего пять бурлаков, а она шла шишкой, то есть головою, у четырехсот!

Глава 29

ЛЯМКА К СВОБОДЕ

На буксире пустили машину и дали гудок. На берегу потянули бечеву — и сразу ее сила рванула людей назад, а они, преодолевая, повлекли ее наперекор. Они боролись с бечевой до обеда и после обеда — до ужина. Бечева непрерывно тяжелела, а они слабели.

Вечером на барже Таня жалобно сказала, прижимаясь к Лидии под сдвоенным одеялом:

— Это зыряновские известняки такие тяжелые, Лида?..

Подруги смеялись. Во многих углах трюма брань уже мешалась со смехом. Буйноголосый ободрял всех:

— Это не беда, другая бы не была!

Перенесенные страдания, кончившиеся всего час назад и лишь затем, чтобы возобновиться через несколько часов, уже стали воспоминанием — на эти несколько часов.

Молодые, здоровые люди спали крепчайшим сном, несмотря на холод. Назойливый, неумолкающий гудок разбудил их, но не заставил подняться. Савватей Иванович зычно сказал:

— Что, на Лену заехали спать?

Люди вышли дрожащие и почти обрадовались ожидавшему их жестокому труду.

А к вечеру они радовались отсыревшим одеялам и переживали блаженство отдыха у костров. Люди нарочито развлекались, обыгрывали свои неприятности и высмеивали друг друга и себя двусмысленными, намекающими прибаутками.

— Ты за что попал сюда?

— Однажды шел я по ограде, вижу — курица каркает. Подумал, что яйца свежие. Зашел и взял да продал. А яйца оказались засижены — меня за это в лямку. А тебя за что?

— У начальника дом сгорел, а я спину грел.

Бечева обросла лямками. Каждый бурлак навязал из тряпки мягкую лямку для себя и находил свое место среди сотен, а «кукушек», влезавших в чужую лямку, изгоняли с трезвоном пестрых слов.

Идти в лямке даже удобно было.

Лидия подняла лицо и опустила руки. Широкая петля стянула плечи, прижала руки к телу. Тело само нашло для себя наивыгоднейшее положение в этой работе на ходу, и оно оказалось именно такое, как представлено на картине у Репина.

Руки оказались совершенно ненужными. Лидия перестала заботиться о них. Они повисли, брошенные, и... уставали тоже.

А грудь уставала очень. Грудь и плечи. Петля стягивала плечи с каждой минутой все туже.

Лямка работала мягкими клещами, но скоро тряпичные клещи стали твердыми, железными.

Медленно раздавливаемые мышцы на плечах болели ужасно. Начали ныть кости. Но еще не от боли, а от испуга — забилося сердце. Лидия почувствовала себя живым орешком, попавшим в омертвляющее объятие... Однако клещи были в ее руках.

Она могла сделать то, чего не может сделать орех: в любую минуту выйти из клещей. И свободно дышать полной грудью. Значит, она не была орехом и ей не грозил крах.

Верхушки легких задыхались, лямка не впускала в них воздух. Только нижние ребра чуть-чуть раздвигались. Ну выйди же из клещей, выйди! Почему ты не выходишь? Чего же ждешь?..

Не надо наваливаться всей тяжестью в лямку. На секунду остановись — и сними. Ты не удержишь цепь. Они не осудят тебя. Другие женщины тянут не так, как ты!.. Нет, это неправда.

И я перестану быть шишкой.

И не надо!.. Почему я не выйду из лямки?.. Сама не знаю.

Позднее, после обеда, во время отдыха, Лидия думала: «Почему я не освободилась из лямки?» И, отдышавшись, ответила себе: «Потому что в лямке я наиболее свободна. Я вовсе не покорилась лямке. Совсем наоборот: я ее выбрала. Лямкой я отвоевываю мою свободу у якутской зимы, которая хочет приковать меня. И — отвоевываю мою личную независимость среди четырехсот...»

После обеда Таня заплакалась:

— Миленькая Лида, ты тоже задыхаешься в лямке?.. Или надо ее как-то иначе надевать! Я не знаю, как ее надевать!.. Да, тебе легче — ты впереди!..

— Я не знаю, Танюра, может быть, впереди мне легче...

— Нет, ты скажи: разве возможно повеситься не с падения, а с ходу? Не отрываясь от земли, а наоборот — упираясь ногами в землю?.. Ах, если бы эта петля отрывала от земли — сразу масса воздуха ворвалась бы в легкие и я способна была бы взлететь! — Таня уже смеялась и болтала вздор.

После обеда это показалось смешно и Лидии.

А потом — она только подняла лицо и открывала рот, чтобы выпрямить горло и захватывать немножко больше воздуха — лучшее из всего, что она желала бы иметь во рту. И когда стало невмочь, она попыталась поднять руки.

Руки, так свободно отдохавшие, оказались тяжелые и вялые, совсем без мышц. Но Лидия не удивилась. У нее не оставалось самого незначительного свободного излишка сознания, необходимого для того, чтобы удивляться. Она только огорчилась и подняла ноющие руки, как мешки с теплой водой, и слабо схватилась за петлю, выжимающую из нее последние капли воздуха.

Ее уши слышали звенящий стук. Это кровь билась где-то. Лидия ощущала свое распухшее лицо и смутно подумала, что не узнала бы себя в зеркале. Но это было обманчивое ощущение от прилива крови.

Кружилась голова. Перед глазами колебался берег и плыл не вперед, не назад, а венчанием — вкруговую, — и казалось, что заколдованный омут закружил ей голову, хотелось упасть в него, — ах, как хотелось упасть! Но лямка держала.

«Вспотели, выбились из сил. Потаща, ноги задрожат, да и падут в лямке среди пути ниц лицом, что пьяные», — вдруг сказал Савва за ее спиной.

Без лямки она могла бы упасть. Она упала бы непременно

но, потому что захотела этого и решила не противиться больше. Но лямка с бесчувственной неумолимостью поддерживала ее, и Лидия возненавидела изношенную, серую, мертвую тряпку, которая держала в эту минуту всю ее жизнь на ногах.

И опять гулкий шепот за ее спиной: «Вспотели, выбились из сил... Потаща, ноги задрожат, да и падут в лямке среди пути ниц лицом, что пьяные...» Господи, откуда же это у него?..

«Озябше, встав, еще попойдут и паки упадут...»

Она не сознавала, что продолжает тянуть. Она и не тянула — а тянулась к белой земле, к снежно-пушистой купальной простыне. Она падала. Но лямка оттягивала ее кверху, назад. Назад! Со страшной силой, безусловно превышающей силы Лидии и вес большого тела. Поэтому она упиралась ногами в гальку и не только всюю своею тяжестью, но главное — всеми силами души сопротивлялась и не покорялась лямке, а физических сил уже не было.

Глава 30

УДАЛЫЙ ДУМАЕТ НЕДОЛГО

За восемь часов они проходили едва пятнадцать километров. Шуга очень тормозила ход судов и становилась тяжелее с каждым днем. У берега появилась полоска льда и быстро расширилась.

Вечером буксир и баржа приблизились к влажной, стеклянистой кромке и сейчас же примерзли. На тонкий лед положили доски, и лямщики перешли на баржу.

— Это невыносимо! — пожаловалась Лидия утром Зырянову.

— Я предупреждал в Усть-Куте, что будет тяжело.

— Да, вы сказали, что придется тащить рюкзак. Но где же это видано, чтобы рюкзак тащили не на спине, а на барже?! Вообще это безумие: пусть нас не везут на барже, но зачем мы везем баржу?.. Вы обманули меня в Усть-Куте. Меня и всех.

— Я не хотел, чтобы вы остались, — сказал он с неожиданной смелостью.

— Да?.. Значит, вы думаете, я испугалась бы тащить баржу?

— Теперь я этого не думаю, но тогда думал,— сказал он непростительно честно, по-мужски.

— Значит, тогда вы думали?

Она неторопливо повернулась спиной к нему и пошла вдоль бечевы. Бечева лежала на земле, раскинув лямки, чудовищной мертвой многоножкой. Ни один из четырехсот лямщиков не подумает подойти к бечеве, пока в головной лямке не встала шишка.

Лидия подняла грязное полотенце.

Немедленно подбежал Савватей Иванович. Над рекой прогремел залп его голосовых связок:

— А ну!

Несколько человек топорами освобождали баржу от ледяного припоя.

Бечева, оживая, поднялась с земли, извиваясь, и вытянулась, напряглась. Баржа отлипла от берега, привязной канат ослабел, и Василий отвязал его. Лидия уперлась ногами в гальку, покрытую снегом. Она ловила ногами опору и проталкивалась вперед, в необычайно тесное, выжатое пространство без воздуха, плотно свитое из пеньки, жесткое, как лямка. Впереди не было никого, но за Лидией шло множество людей и заставляло ее уходить безостановочно вперед, иначе она остановит всех на узкой бечевной тропе.

«Озябше, встав, еще попойдут столько же и паки упадут...»

«И я взирал на них, лежа: яко искры огня, угасали. Ринулся во мне стремливый дух...» Как у Зырянова... «И воскликнул им: «Мучьтесь хорошенько! Не оглядывайтесь назад!» Ах, боже мой, так это же для меня он говорит!

Эти удивительные древние слова, зажигающие таким странным восторгом. Не оглядывайся назад, Лида! Через любые мученья — с решимостью вытерпеть — вперед!

И как будто не было мягкого снега и твердых кожаных подметок между колючими камнями и бедным, побитым телом. Лидия надавливала ногой на острые камни и теснила тугую тяжесть, бесконечно вытягивающуюся. Ее никогда не удастся вытянуть до конца, а только до обеда и опять — до ужина. И все же это был предел, пусть незавершенный, неокончательный конец, пусть на самое малое время — но прекрасный, счастливый маяк передышки.

«Сила большая человеку дана: брат мой, на землю вышед, смеялся», — громче сказал Савва.

Начался день, когда все проспало рассвет и проснулись

поздно, без гудка. Суда стояли посреди широкой ледяной полосы.

— Все ваши усилия не помогли,— сказала Лидия почти злорадно.

— Почему? Здесь Илга,— сказал Василий.

— Не все ли равно, где просидеть до октября — в Черендее или в Илге?

— Но я вовсе не думаю сидеть.

— Удачный долго не думает — сядет да воеет,— сразу под-сказал буйноголосый.

— Иди ты к черту! — сказал Василий.— Скажи твоим архаровцам, что отсюда осталось тридцать километров до Жигалова, могут пешком уйти.

Лидия ласково взглянула на Савву, смягчая грубость Василия.

— Ладно,— сказал Савва.— Приказываешь и мне уйти?

— Я тебе не приказчик, сам уйдешь.

— И вдруг не уйду?

— Твое дело.

Буйноголосый отошел и начал толковать людям, что до-тащить свои вещи до Жигалова каждому легче, нежели та-щить свои вещи и чужие, да и баржу в придачу, как они делали всю дорогу. Люди бранились и удивлялись своей недогадливости и хитрости Зырянова, горько смеялись и вытащили пожитки из трюма.

— Вы больше не поддерживаете меня, Лидия Максимов-на,— сказал Василий.

— А разве вам нужна от кого-нибудь поддержка? Вы отлично поддержали себя сами, когда выставили моего кол-лектора из лодки... И затем, вам ведь всегда везет...

Она с любопытством следила за ним, покуда он не скрыл-ся за поворотом берега.

К ней подбежал Савва:

— Куда он пошел?

— Не сказал,— ответила она, не скрывая обиды.

— Ладно, не горюй. От меня не уйдет. Я там свой ме-шок подкинул к вашим вещам...

Она смотрела, как он побежал по следу, проложенному Зыряновым, и тоже скрылся за поворотом берега.

Там стоял маленький поселок Усть-Илга.

Савва постучался в первые избы. К удивлению его, вез-де еще спали, и спали крепко, несмотря на светлый день. Даже детей не было видно.

Его первое сердечное побуждение было — поднять заспавшихся жильцов Усть-Илги, которым давно пора заняться хозяйством. Он не стал терять время за недосугом стучать во все окна, а вместо того крикнул по улице:

— Эй, соль, соль!..

И поспешил на следы Зырянова. И уже из всех дверей на «соль» выскакивали заспанные люди, кое-как одетые... В те ранние годы едва еще налаживалась в Якутии расстроенная войной торговля, и достаточно было одного выкрика бродячего торговца «Соль!», чтобы поднять на ноги всю деревню.

Следы лежали на снегу, ясно оттиснутые самим Зыряновым и его мелконогим конвоем... Зырянов постоял в поселке с детьми. Вот они повели его в поле... Через поле — на ток. Зырянов как раз подошел к молотилке, и Савва увидел его.

Молотилка работала конным приводом, прямо на снегу. Шесть лошадемок неохотно ходили в приводе, и половина всех колхозников работала. Другие шесть лошадей кормились поодаль и отдыхали, а другая половина работоспособного населения отсыпалась в поселке. Колхоз был маленький, все его лошади были здесь.

Василий выбрал глазами единственного человека, стоявшего без дела, и рассеянно представился ему.

— Говори, — любезно сказал рослый председатель.

Но Василий молчал. Говорить было не о чем. Все было ясно — лошадей свободных не было. Все же Василий сказал:

— Мне нужны лошади до Жигалова. Мы тебе отработаем за лошадей.

Председатель плоховато понимал русский язык, ему представилось, что человек предлагает отработать вместо лошадей.

Председатель скользнул взглядом по щуплой фигуре прокожего человека и не ответил. Он, может быть, не думал в это время о лошадях, а больше о людях — людей не хватало в колхозе еще больше, чем лошадей.

В этот момент подошел Савва и протянул руку председателю.

— Договорились? — весело грянул он.

Лошади в приводе шарахнулись, на молотилке закричали, там что-то случилось. Председатель попытался вернуть себе руку, но веселый голос гостя, пугающий лошадей, настойчиво повторил:

— Договорились!

— Не знаю, о чем договариваться,— сказал председатель, чувствуя, что рука немеет в плену.

— Ну, вот и договорились,— сказал Савва.— Начальник правильно сказал тебе: колхоз не надо обижать. Мы работаем за лошадей.

Глава 31

НИЧЕГО

Председатель колхоза снова засветил «летучую мышь» на шесте. Значит, прошли еще сутки.

Усталые лошади замедленно ходили возле молотилки.

— Может, отдохнете? — предложил председатель людям в мякинном облаке.

— Ничего, — прохрипел Зырянов за людей и за лошадей. — Еще поработаем.

— Пойдем, друг, — сказал председатель наверх.

— Слезай, слышишь, Буян! — сказал Зырянов.

Савва слез со стола молотилки. Он взглянул на председателя и пошатнулся. Буян удивленно и виновато обвел глазами людей, проверяя себя, и увидел, что все шатаются. Тогда он понял и поверил, что это он сам и шатается, а весь народ ходит крепко, и это успокоило его.

Председатель ласково обнял русского богатыря и увел.

К барабану встал Порожин. Это было замечено всеми сквозь одурь и мякинно-сонный туман в глазах. Но молотилка вымотала у геологов способность острить.

Почти все они были горожане, о сельской работе имели газетное и литературное представление. Молотилка удивила их, они отнеслись вначале с недоверием к самим себе — к своей чрезмерной усталости. Таня сразу высказала это со своей непосредственностью и балованной прямоотой до навности:

— Неужели вправду так трудно работать на молотилке?..

Сережа Луков, жалея Таню, возмутился:

— Какая это машина, если на ней так трудно работать? Чушь, такой машины не бывает!

Председатель не первый раз предлагал товарищам из Москвы отдохнуть ночку, смениться. Но кто-нибудь отвечал ему: «Ничего!..» Председатель звал Савватая Ивановича и уводил в поселок кормить.

Два часа без Саввы были самыми трудными. Только Небель еще мог продержаться на барабане все два часа подряд.

— Идет! — восклицала Таня.

И все с облегчением прислушивались к далекой песне. Савва вышел из деревни, он возвращается. Это всего два километра — через двадцать минут он будет принимать снопы на стол.

— Бернад Егорович, сменить? — закричал Зырянов.

Небель не ответил. Он задыхался и не хотел сдаваться Зырянову.

Савва желал петь после отличного обеда. Поэтому он предостерегающе кричал, выходя из председательской избы:

— Эй, на молотилке! Придержи лошадей!..

Лошади тревожились от его лихого пения.

Он приходил веселый, отдохнувший, и Таня хрипло командовала, передразнивая его:

— Эй, на молотилке! Долой со стола!

Савва смеялся и занимал свое ведущее место. Затем он оставлял его утром, когда председатель приходил гасить фонари.

Председатель оглядывал людей с любопытством и с восхищением при дневном свете.

— Может, сменить?..

Кроме того, наглядно приближалось время дать лошадей до Жигалова. Ему не хотелось.

— Спасибо, товарищ, ничего, — хрипло сказала Таня.

Председатель пробормотал что-то по-якутски и сам перешел:

— Русский говорит «ничего», пока совсем не околует.

Он ухватил Савву Ивановича и увел, бережно пошатываясь под его мощной тяжестью, а к барабану встал Сергей Луков.

Иногда геологи шли в поселок по одному, по двое, в избу, где Лидия кормила их остатками консервов и дорожными сухарями и поила чаем и, чуть не плача, будила уснувших:

— В дороге отоспитесь!.. Зырянов говорит, на санках сладко спится!..

Имя Зырянова она произносила с отвращением, а с ним самим не разговаривала.

Все знали, что на снях не будет места для людей, и, вздыхая, поднимались. Брели, открывая и закрывая глаза, в темное или ослепительно сияющее поле, — только по этой разнице в освещении разбирая день от ночи.

Порожин когда-то предложил, в самом начале этой недолгой, но чрезмерной эпопеи, чтобы женщины дежурили в избе поочередно. Лидия возмутилась против того, что Зырянов назначил ее постоянной кухаркой. Это была непозволительная привилегия. И такая забота со стороны Зырянова была необычайно бестактной и неприличной, по ее мнению.

Зырянов заявил, что он этого назначения не отменит, и обозвал мещанским ее мнение об этом. Лидия была поражена.

— Лида, ты этому подчинишься? — спросила Таня дрожащим голосом.

Зырянов не обратил ни малейшего внимания на протесты Лидии и расставил людей на молотилке, заняв все места.

Лидия оказалась совсем без дела, и в то же время кухня без Лидии оказывалась без хозяйки и раздатчицы питания.

— Итак, вы ставите нас на работу и в то же время лишаете питания, — сказал Небель. — Учтите хотя бы, в какое положение вы ставите Лидию Максимовну, подвергая ее такому обращению, на которое вы не имеете морального права в Советской стране, даже по отношению к сестре или жене.

— Когда я вас выведу на железную дорогу, вы успеете осудить мое поведение, — сказал Василий свирепо. И председателю колхоза: — Через час мы примем молотилку, подготовьте все, что надо.

Председатель ушел на ток.

— Я не понимаю, — сказал Небель, — каким образом Зырянов оказался руководителем экспедиции? Когда Александр Дмитрич передал ему свои полномочия? Почему все подчиняются самоуправству?

Вот как это произошло тогда, в первый день, давно... Так давно — в мякинном угаре бессонницы, — что это плохо вспоминалось.

Лидия сидела на лавке и разглядывала свою сильно пострадавшую обувь. Не вставая с лавки, надела якутский капор с реки Иннях. Поднялась и надела романовскую шубку. Разговор прекратился, все смотрели на нее. Не все: она видела боковым зрением или чувствовала, что Зырянов не смотрит. Но она ошиблась в этом: Василий замечал не меньше других.

— Куда ты? — испуганно спросила Таня, помогая Лидии надеть рюкзак.

— В Жигалово. Для общего блага.

— Это безумие, — сказал Небель, — мы не можем отпустить вас одну.

Она улыбнулась. Ей хотелось ответить: «Я это знаю, вы говорили это в Москве...»

— Не бойся за меня, Танюра, я вполне подготовлена, и это всего два дня пути.

— Но вы замерзнете без костра ночью, — сказал Небель, и действительно он был встревожен. — Вы не можете повалить деревья, сделать ночной костер, у вас топора даже нет.

— Почему я не могу?.. Василий Игнатьевич, конечно, одолжит мне свой топор.

За ее спиной Танины пальцы на пряжках рюкзака замерли. Но пикто не смотрел на Зырянова.

— Безусловно, — ответил Зырянов за ее спиной, — костер я обеспечу.

Тут все взглянули на него, и Лидия оглянулась. Он стоял вполне одетый для дороги, с рюкзаком за плечами, с топором за поясом.

На мгновение она растерялась. Она не могла же запретить ему идти по одной дороге с ней, тем более после того, что она так неосторожно, так легкомысленно-вызывающе попросила у него топор. И глупо будет в дороге отказаться от его костра... Но всего глупее будет сейчас действительно уйти с ним вместе!.. И бросить товарищей?! Но как он смеет бросить экспедицию? «Нет, что это происходит? Я ничего не могу понять...»

— Я поражаю вашему поступку, — заговорил Небель. — Вы, комсомольский активист, бросаете товарищей в самый трудный момент, зная, что без вас экспедиция не может получить лошадей! — Он повернулся к практикантам, приглашая их разделить его изумление.

Зырянов усмехнулся в сторону, но Лидия увидела — и с величайшей досадой поняла, что он победил. Он заранее знал, с самого начала знал, что он победит, и все это была смешная демонстрация, игра, он с ними обращался, как с маленькими и глупыми.

И вдруг заговорил Порожин:

— Согласитесь на это маленькое самопожертвование, Лидия Максимовна. Мы понимаем, что вы лично никогда не пошли бы на такое порабощение вашей личности. Но ради блага нас всех...

— Знаете что, товарищи? — сказала самая маленькая Надежда с горячностью. — При чем тут порабощение лично-

сти и еще какое-то самопожертвование, когда Зырянов прав! Это же несправедливо, чтобы Цветаева работала на молотилке!

«Ах, какой молодец эта маленькая!» — подумал Василий.

— Конечно, несправедливо! — воскликнула другая практикантка. — И мы обойдемся без нее на молотилке!

— Она больше всех намучилась в лямке, — быстро сказала Таня, — я же знаю! Мы все тянули изо всех сил, но не через силу, как Лидия! Она ведь шла шишкой!

Самая маленькая сказала:

— Теперь пусть она в наказание посидит трое суток на кухне. Это, я вам скажу, тоже счастье для тех, кто его не пробовал.

— Лидия Максимовна, мы вас не пустим на молотилку! — проворковала коллекторша Небеля.

Таня немедля отстегнула ремни и стащила рюкзак с Лидии, не ожидая согласия. Внезапно Лидия почувствовала полное свое безволие.

Самая маленькая тонко довершила свою дипломатию, обратившись к зачинщику всех неприятностей:

— Товарищ Зырянов, мы просим вас тоже остаться.

Зырянов в раздумье поглядел на самую маленькую Надежду. Он победил или потерпел поражение?

Глава 32

НЕБЕЛЬ, ТРОГЛОДИТЫ И ДЕВУШКИ

Они узнавали друг друга по одежде и по фигуре, а лица у всех одинаково мохнатые и желтые от соломенной пыли. Грохот молотилки они воспринимали теперь как слабый шелест.

Впоследствии, в поезде, они спорили о том, сколько дней и ночей это продолжалось, но сговорились в одном: не верить Зырянову, будто бы все это продолжалось лишь трое суток.

Однажды утром председатель погасил фонари и отпряг лошадей от молотилки, а других не запряг.

Шесть лошадей, отдохавших ночь, были поданы для экспедиции. В санях лежал весь багаж, и Лидия Цветаева стояла возле саней, в рысей шапке, отороченной беличьими хвостиками.

Все население Усть-Илги, отдохнувшее и отоспавшееся,

было здесь, а рядом с председателем колхоза стоял капитан буксира «Верхоленец».

Молотильщики смахнули кружевные занавеси соломенной пыли с ресниц и осмотрелись.

Председатель пожелал им доехать здоровыми до Жигалова, а там и до Москвы. Он сказал торжественно, что в колхозе Илга дети внукам будут рассказывать олонхо — былину — о том, как умеет работать Москва.

Василий пожал руку председателю колхоза и капитану буксира, но сказать ответную речь не мог.

— Живите! — сказал сиплым шепотом и отошел к саням.

Все захлопали оратору, очень довольные, а Савва Иванович вышел вперед.

Его выступление было еще короче. Он подмигнул колхозникам:

— Я на Илге заломил ветку!

На охотничьем таежном языке это означало: место понравилось, я его запомнил!

Савву проводили веселыми криками и приглашениями вернуться поскорее, а то и сразу остаться. Буян успел завоевать сердца илгинцев.

Порожин уселся на вещах в кошеве и сказался больным. Все мужчины и женщины пошли рядом с санями, придерживались за поклажу и пытались соснуть на ходу.

Но дорога была скверная.

Дороги по-над берегом не было. Тайга густая, непроезжая, и скалы прерывали путь и принуждали объезжать рекой, по молодому льду. Здесь только одна дорога была зиму и лето — рекой.

В такую раннюю пору зимы еще никто не ездил.

Лед прогибался под санями, груженными камнем.

Лошади видели живую струю под тонким стеклом, где ветер смел снег, и боялись ступить.

Лед опускался и трещал, лошади отчаянно кидались вперед и в сторону. Сани Небеля проскочили, а сани Порожина заскользили по наклонному льду.

Порожин спрыгнул и отбежал, и девушка убежала, но Сережа Луков один толкал сани, чтобы поскорее продвинуть с опасного места, и в следующую секунду очутился в ошпаривающей воде.

— А ну, побанимся! — крикнул Савва и побежал к Сереже.

Небель, не оглядываясь, ударил свою лошадь.

Лед под санями Порожина только треснул. Из щели хлынула вода. Лошадь поскользнулась и упала. Над клоко-тавшей водой поднялся пар.

Она лежала неподвижно, научась выносливости от людей, вода заливала ее. Лошадь знала из опыта, что бесполезно ей пытаться встать самой и как опасно мешать людям. Она терпеливо ждала помощи от людей и ждала команды. Кто-то уже тянул за ремни, поддерживая ее ноздри над водой.

Часом позже провалилась лошадь Небеля. Он закричал, сзывая всех на помощь.

Замерзшая одежда скрипела и шумела на Савве и на вознице из колхоза.

Небель жалостно захромал и хлопотливо бегал по сухому снегу, остерегаясь замочить ноги.

— Небель, показывайте, где трещина,— сказал Зырянов.

— Я не заметил, где треснуло.

— Тогда придется кинуть ваши сани: нельзя рисковать людьми.

Бернард Егорович с отчаянием оглянулся, желая, чтобы среди зрителей не было Лидии. Она была тут и улыбнулась ему. Он, съездившись, вошел в воду поперек разлившейся лужи и провалился по самую шею, но сани тонули рядом. Небель ухватился за боковую отводину и вылез. Он предоставил другим спасение его вещей — о лошади он не думал, — побежал к берегу, ужасаясь, что воспаление легких и ревматизм начнутся раньше, чем он успеет развести костер. Он чуть не плакал от жалости.

Вода растопила снег, под водой стал невидим лед.

Пар был тепел для глаз.

Савва закричал:

— Распарим шкурку! — и полез второй раз в воду вместе с илгинским колхозником и смеялся коротким, ухающим смехом, кривя негнущиеся губы.

От его смеха у Лидии захватило дыхание.

Зырянов увидел ее лицо в эту минуту. Он с недоумением перевел взгляд на Савву и вдруг прыгнул в воду с яростью и подвел плечо под сани.

Небель на ходу рванул пальто — негнущиеся пальцы не отстегивали пуговицу. Спичечную коробку выронил на снег. Потом никак не мог захватить.

Бернард Егорович трясся, умерщвляющий холод проник

в желудок, в кишки, в спинной мозг. Он оглянулся и ощутил мгновенный жар ужаса, не увидев саней и людей на разлившейся воде. «Неужели все утонули?.. Тогда я наверняка погиб! Нет, нет! Этого не может быть...» От ужаса и отчаяния он понял, что Зырянов не позволил сделать остановку.

Этот... троглодит погнал вымокших людей дальше, не позволил согреться, просушить одежду! Зырянов пожалел намокших лошадей — полагается прогнать их вскачь!..

Скала закрывала вид на реку вверх. Небель со слезами побежал берегом, увязая в снегу, понесся догонять жизнь, готовую ускользнуть от него.

Скорее. Еще быстрее. Только догнать! Берегом было дальше, но он боялся вернуться на лед реки и метался вокруг деревьев, спотыкался, сворачивал в сторону. Они безжалостно бросили его на смерть, словно крысу. Но он сейчас же догонит, они не знают, как он умеет бегать! Они спасут его.

Колени уже не гнулись, или он не чувствовал. Только бы успеть, пока еще не сомкнулись ледяные челюсти капкана! Он мчался с прекрасной скоростью большой дугой вокруг скалы, а снег взрывался под его ногами, но смерть не отставала. Да ведь он сам и нес ее на закорточках.

Из его сознания выпало все, кроме смерти. Она поймала-таки на этот раз лично его в ледяной капкан. Из-за этой проклятой девчонки!

Образ Лидии вспыхнул в его памяти с этим проклятием и больше не появлялся. Не нужна она! Она — такая здоровенная — не сумеет свалить два дерева и устроить затяжной костер и, не доспавши три ночи, не сообразит немедленно напоить Небеля спиртом. Она постесняется растереть его оледеневшее тело снегом до проступания крови из пор и не сумеет расторопно сварить чего-нибудь и напоить Небеля горячим. Нет, она не могла бы спасти его, и в этой первобытной обстановке сама нуждается в уходе. Он задыхался. Только бы успеть к этим грубым и бессердечным людям, которые спасут его. Они выросли в ссыльных широтах, где каменеет дыхание, вылетев из ноздрей. Они сохранили звериную прочность плоти. Только они спасут его.

От напряжения у него мутнело в глазах.

О, надежда! Из-за мыса человек бежал ему навстречу... Черт побери, это практикантка. Хотя из них есть деревенские. Это самая маленькая Надежда!.. О черт, это директорская дочка.

Она остановилась, встречая его, и кричала:

— Вас ищут на реке, зачем вы побежали в лес?

Он пролетел мимо Тани, не взглянув.

От бега ему стало лучше, он ободрился.

Небель обежал вокруг мыса и на долю секунды замер перед величайшей в его жизни картиной, которая ему открылась.

Глава 33

«УМЕЕТЕ ЛИ ВЫ ЛЮБИТЬ?»

За скалой огонь в рост человека — две шпалеры искрившего, трескучего счастья, почти бездымного, ожидали Небеля и упоили его глаза восторгом. Порожин выстрелил из ружья, вызывая Лукова с реки. Небель не смотрел на людей, он подбежал к огню и лихорадочно стал рвать одежды с себя. Савва в одеяле, подобный картинному римлянину, оттащил его от огня. Небель отбивался как мог.

— О, да ты здоровый! А ну, барышни, потрите-ка его белянкой мочалкой, ручки, личико, животик. Ножки разуйте, скоро! Этот мужик не пропадет.

Его положили на разостланной шубе. Бернард Егорович жалостно стонал. Таня и самая маленькая оттирали его снегом. Самая маленькая кричала на Таню:

— Что ты делаешь? Зачем ты мажешь?! Это снег, а не крем! Надо тереть изо всей силы, до крови! Ты совершенно не жалеешь человека! Ты свои руки не жалеешь! Смотри, как я тру!

Она оставила Небеля Тане и кинулась к Сереже Лукову. Он поднялся с реки, белый в лице, как ледяная глазурь на его ватнике, на штанах и на сапогах.

— Зачем стреляли? Я не нашел Небеля!

Самая маленькая схватила его за руку, небрежно крикнула:

— Вот ваш Небель! — потащила к костру, торопливо стала снимать с него и бросать помощницам стеганую куртку, сапоги, стеганые ватные штаны, чтобы девушки сразу выколотили и развешали сушить. Сережа еще пытался защищаться, устыдившись. Самая маленькая прикрикнула:

— Не мешай мне!

У костра на зеленом хворосте Зырянов лежал не то в

беспамятстве, не то в оглушении внезапного сна. Он был укрыт двумя шубами, одежда его сушилась, распяленная, у огня.

Двухнедельная реденькая бородка соломенного цвета, уплотненная мякиной, уменьшала худобу его лица. Лидия поддерживала ему голову и пила из ложки чем-то горячим, раскрывая ему ложкой рот, и сама бессознательно усердно полуоткрывала рот, помогая ему вкушать.

Савва сидел возле нее и рассуждал:

— Эх и щуплый! Где вмещается дух в нем?.. Ты, Лида, ученая, укажи мне: непомерный дух в нем.

Лидия молчала. Разговор Голосины мешал ей. Лучше бы Савва совсем ушел, пока она покормит. Это занятие всецело поглощало ее, как в детстве, когда приходилось кормить большую куклу, которая тоже при этом закрывала глаза, и в эту минуту они обе ни о чем не думали — кукла и Лида.

Но Савва не уходил. Он не сводил глаз с ложечки.

Кукла любила сладкий чай, так же как ее мама Лида.

Лидия сварила сахарный сироп в спирту: сахар залила спиртом и подожгла. Прежде чем мужчины успели разложить костер, уже готов был сироп для Зырянова. И, конечно, для Саввы, для илгинского колхозника, для Сережи и для Небеля.

Сережу не надо было поить с ложечки. Для Саввы Лидия прибавила спирта в стакан, но он великодушно отдал колхознику и дождался следующего стакана.

Илгинец выпил с увлечением. Сладкий спирт изумил его, он сказал, что согласен еще купаться, пусть барышня лечит его.

Савва не сводил глаз с ложечки и тоже вытягивал губы, как будто передразнивал Лидию. Он, видимо, мучился сочувствием. Лидия решительно сказала:

— Савва, присмотрите за девушками, чтобы они не испортили Небеля.

Он побежал и добросовестно занялся порученным делом — стал развлекать девушек рассуждениями:

— Вот, говорят, человек тоже зверь. А морж — зверь или человек?.. Из всех на свете только моржи да люди способны купаться зимой — дай бог здоровья им. Но на морже — сапоги из чистого сала и обут с головой, а на человеке? Ум, смекалка крепче моржовой шкуры.

— Василий, вы меня слышите?.. Вам лучше? — спросила Лидия шепотом.

Зырянов не отозвался. Он лежал с закрытыми глазами. — Никогда бы не подумала, чтобы плотовщик оказался таким неженкой, — сказала она погромче и внимательно наблюдала за его веками, но они не дрогнули.

Он спал глубочайшим сном и во сне сосал с ложечки сладкий спирт.

— Как вы могли так отвратительно поступить со мной?.. Никогда в жизни я вам этого не прощу, слышите? И разговаривать с вами не буду! Я в этом тысячу слов дала себе... Вы безнравственный человек. Вы дикарь... на третьем курсе вуза. — И еще тише, с дерзостью спросила: — Умеете ли вы любить?.. — и вся залилась неудержимой краской. — Я думаю, что эта способность еще не зародилась в вашем тысячетии...

Она зорко наблюдала за его веками. Зырянов безмятежно сосал с ложечки сладкий спирт.

Ей захотелось поцеловать эту грязную, нечесаную голову, обсыпанную мякиной. Никто не смотрел в их сторону, но она испуганно оглянулась, как будто желание могло быть подсмотрено людьми.

На другой день к вечеру экспедиция пришла в Жигалово.

На темной улице стояла трехтонка, груженная прессованным сеном.

Зырянов сообщил результаты переговоров с шофером:

— Машина идет в Иркутск. Шофер возьмет пять человек. Я считаю, первыми должны уехать студенты.

— Как ехать-то, вместе с этим сеном? — спросил Порожин. — Поезжайте, я не возражаю.

— Студентов четверо, — сказал Зырянов. — Лидия Максимова, вы поедете?

— С удовольствием.

— Сомневаюсь в этом удовольствии, — сказал Сережа.

— Но вы не возражаете? — вежливо спросила Таня.

Порожин и Небель пошли искать Дом крестьянина, уже переименованный в Дом колхозника.

— Они забыли попрощаться, — сердито сказала Таня.

— Они не забыли, — сказал Зырянов. — Они не привыкли.

Лидия смотрела на могучего человека, сиротливо стоявшего в стороне от их сварливой, но все-таки дружной компании. Он с грустной завистью наблюдал за перебранкой своих недолгих сотоварищей в трудах и дорогах. Лидия подошла к нему.

— Я тебя буду помнить, Савва... У тебя не только голос удивительный...

— Я весь удивительный, — сразу подтвердил Савва.

Лидия рассмеялась:

— Пожалуй, это правда.

— Правда. Потому никогда по имени не зовут, а клички придумывают.

— Понимаю. Имена все обыкновенные. Куда же ты теперь, Савватей Иванович? Жалко, что не с нами.

— И мне жалко!

Помолчав, он сказал:

— А ему, как ты понимаешь, жалко?

— Он сюда вернется, — сказала она уклончиво.

— Да что ты!

— Будущим летом хочет вернуться.

— Опять по камням? Или по золотишку?

— Нефть искать будет.

— Я бы ему помог. Я бы и тебе помог. Я ведь сколько истоптал по Якутии, знаешь? Я вам покажу такие места, камушки-самоцветы.

Он засунул руку в глубь одежд на груди и протянул что-то на ладони:

— Возьми на память.

Он зажег спичку. Лидия увидела в своей руке красивый кристалл.

— Носи! — сказал Савва гордо. — Алмаз! Цены нет!

— В Якутии пока алмазов не найдено. Это удвояющий шпат.

— Как не найдено! Вот он — как мой глаз! Я нашел.

— Спасибо, Савватей Иванович. Но это чересчур дорогой подарок. Алмаз такой величины стоил бы пуда два золота. — Она протянула Савве кристалл.

— Не беру, — твердо сказал Савватей Иванович. — Я подарил тебе. У другой и отобрал бы.

Лидия опять рассмеялась. Какая откровенность! Интересно, откуда этот человек?

— Я могу подарить и вдвое... Только верно ли?..

Он нагнулся и приблизил глаза к ее лицу. Отдала бы она так скоро два пуда золота?.. Он погрустнел.

Она должна была вернуть затуманившейся душе Буяна ее алмазную ясность. Лидия сказала:

— Я стеснялась взять такой дорогой подарок! Спасибо, Саввушка!

— Вот и я говорю! — Он обрадовался. — Ты побереги его, Лида.

— Откуда ты родом, Савва?

— Для чего тебе?

— Речь твоя мешаная. Разноязыко говоришь.

— Разноязыко?

— Ну да: по-нынешнему и по-старинному, по-городскому и по-деревенски... Ты не отвечай, если не хочешь.

— Врать тебе не хочу. Вот как скажу я тебе одной, втай: русский я жилец. Поняла?

Она с любопытством вслушалась. Он сказал это с гордостью. Но что означало это странное выражение? Оно имело для него особый смысл.

— Не поняла.

— Пояснить не могу... Не ученый же я по вашей науке, — вдруг жалобно сказал Савватей Иванович.

— Жалко, что неграмотный... Написал бы ты мне письмо в Москву...

— Я напишу, Лида! Говори, куда послать.

— В Москву, на Арбат, Денежный переулок, дом семь, квартира два.

— В Денежном переулке два квартира занимаешь?.. — с уважением сказал Савва.

— Нет, нет, квартира номер два, так и пиши. А в переулке нашем денег не делают уже триста лет.

— А на что зря? Всегда денег мало. Сотню добрых людей угощу, а то и полста: с улицы сколько наберется — всех угощу, и карманы пусты. А долго будут везти письмо до Москвы, на Арбат, да в переулок?

— Смотря откуда.

— От Усть-Илги.

— За месяц довезут. Но в Усть-Илге кто тебя научит русской грамоте? Лучше ты здесь, в Жигалове, устройся.

— Я сам кого хошь научу грамоте. После Нового года сразу и жди письма!

— Сразу и ждать буду... А говорил — неграмотный!.. И я буду хранить твой подарок! — и в мыслях добавила: «Ты сам — алмаз».

— Там этого так много, что из него можно, — шепнул Савва, — алмазные хоромы для тебя построить. Пойдешь со мной?

— Лидия Максимовна! — закричал Зырянов раздраженно.

— Скажи ему, что я здесь.

— Сюда иди, Василий Игнатьевич! Здесь она.

Когда Зырянов подошел, вокруг Лидии сбежалась толпа местных жителей на возглас Саввы.

— Прощай, друг-человек! — Буян не выпускал руку Зырянова. — Назад будешь?

— Непременно. В июне.

— Возьми меня в свою партию.

— С удовольствием. Да где я тебя достану в будущем году? В каком лагере тебя искать?

— Назначай свидание, — сказал Савва сурово.

— Не могу, — сказал Василий.

— Эх!.. А то — «с удовольствием». Один рот, два языка.

— Почему не можете? — сказала Лидия. — Человек относится к вам с редкой искренностью.

— А что, если он обчистит экспедицию, — резко сказал Василий. — Ему разве нефть нужна?

«Ему нужны вы», — мысленно сказала Лидия.

— Ему хоть бриллианты — и тех не надо в земле, а в чужом кошельке.

— А ты люби друга не без убытка, — сказал Савватей Иванович.

— Вот это сказал!.. — Василий восхитился. — В Черендее, в эвенкийской кооперации у председателя узнаешь про меня.

— Заметано! — весело сказал Савватей Иванович.

Грузчик на машине перекидал сено. Он повысил штабель в передней части кузова и вынул середину, оставил боковые стенки, а когда пассажиры уселись, достроил заднюю стенку и накрыл всю камеру кровлей.

— Он попросту замуровал нас, — сказала Лидия.

Грузчик неохотно вынул один брус из задней стенки для продуха, положил наверх и сказал:

— Вам же хуже — скорей завалится.

Через рев мотора они услышали мощный голос:

— Прощай, Вася!..

Машина запрыгала на ухабах таежного тракта.

Путешественники с беспокойством прислушивались к шуршанию стен и кровли. Каждый брус сена весил двадцать четыре килограмма.

— Я так надеялась выспаться в Жигалове! Там, наверно, упонительно жарко в избах... — жаловалась Таня.

— Побереги язык, откусишь на ухабе.

В кабине шофер говорил грузчику:

— Интересно, еще держится или похоронило их?

— Надо посмотреть.

— Сами скажут.

— Они скажут под тонной сена! Удушатся.

— Этот щупленький, который договаривался? Он не удушится.

По крыше кабины застучали. Собеседники примолкли, шофер прибавил газ. По крыше забарабанили. Шофер грозно сказал:

— Кому там руки отбить?

Он остановил машину, злобно ругаясь. Стали слышны крики и стоны.

Грузчик помог Зырянову откопать пассажиров. Сережа Луков пробормотал под глыбами:

— Товарищи, спасайтесь сами... Помочь не мо...

Когда его подняли, он был без сознания.

Выяснилось, что Зырянов разбросал часть сена дорогой, пока шофер не спешил остановить. Шофер расвирипел, а потом впал в отчаяние и примирительно заявил, что его оштрафуют, если он доставит неполный груз. Василий вручил ему тридцать рублей и сказал:

— Поехали.

Глава 34

КЕМБРИЙСКАЯ ПЫЛЬ

В теплый, сухой вагон в Иркутске они вошли с нетерпением, с восторгом, почти ворвались, и Таня с завистью поглядела на равнодушные к этим благам лица многодневных пассажиров, слегка уже отупевшие от благ.

— Есть же счастливые люди!

Она получила их приедающееся счастье и спала сутки с перерывом на обед. Вся экспедиция спала.

Лидия будила восемнадцать человек по очереди, прогоняла их умываться, кормила и снова отпускала спать и даже гнала, если кто-нибудь пытался затеять разговор.

— После Урала успеете наговориться. Зырянов велит спать.

— Кончилась тирания Зырянова, — сказал Сережа Лу-

ков с верхней полки. Поборолся со сном и еще сказал: — Не желаю спать по приказу Зырянова. Нарочно не буду спать.

— В таком случае расскажите, что вы почувствовали, когда провалились в воду. Рассказывайте, Сереженька! Ну?.. — Она подняла глаза.

Сережа спал.

Зырянов спал двое суток и спал бы дальше, но услышал разговор в соседнем купе и насторожился. Там ехали какие-то нефтяники. Они говорили о Байкале.

Они оказались из байкальской экспедиции треста «Сибирьнефтеразведка». Двое узнали Зырянова и усмешливо припомнили его содоклад в прошлом году. Зырянов ехидно спросил, успешно ли бурят в третичных слоях на Байкале, а они не менее язвительно осведомились, нашел ли он нефть в кембрии.

В купе пришел Небель и поздоровался с девушками:

— Приветствую ляточниц-практиканток!

Девушки с жалобным смехом и с энтузиазмом стали вспоминать свои мучения на Лене и горевать о разбитых полуботинках и туфлях. Туфли пропали, мучения зажили, начала выступать героика минувших дней.

В теплом и сухом вагоне перед самой Москвой, уже не на зимней Лене, лямка излучала хвастливый ореол живописного подвига, выпадающего раз в жизни. И пыльный, накуренный курятничек на колесах становился изумительно уютным, и лямка обнаруживала неожиданное свойство нематериального, но чем-то очень ценного приобретения на всю жизнь.

— С чем вас и поздравляю, — сказал Небель презрительно. — Не забудьте поблагодарить Зырянова, который запряг вас в одну лямку с бандитами и сифилитиками, чем и обогатил вас духовно на всю жизнь.

Девушки приумолкли на минутку, удивленные и оскорбленные.

— Они у нас ничего не украли, — сказала обиженная коллаторша Небеля.

Самая маленькая побежала и привела Зырянова за рукав.

— Ну вот, теперь говорите, Бернад Егорович! В чем вы обвиняете его? — сказала самая маленькая Надежда, самая бестактная, самая пазойливая... Ее можно было именовать различными кличками, но непременно самыми крайними. Таково было мнение Небеля всегда, а сейчас он был особенно неприятно удивлен ее пронырливостью.

— Я, наоборот, советовал поблагодарить Василия Игнатьевича.

— Ах, так?..

Она в негодовании оглянулась на подруг.

Зырянов покраснел:

— Больше я вам не нужен?

— Пойдите!.. Разве вы ничего не хотите ответить на это?..

— Я должен отвечать? Я не знаю, что отвечать на это... Меня никогда не благодарили. — И вдруг, вместо того чтобы уйти, уселся в уголок и сказал: — Вы хотели судить меня за Усть-Илгу? Судите.

— Перестаньте! — сказала самая маленькая. — Мы все за вас. Правда, девочки?

— Правда! — искренне и дружно сказали три или четыре девочки.

— Именно поэтому вы, товарищ Зырянов, и должны доказать нам всем, что вы поступили правильно.

— Но если вы согласны со мной, зачем доказывать?..

— Нет, не согласны! — воскликнули те же три или четыре девочки.

— Это — в Усть-Илге?

— Да, — сказала коллекторша Небея.

А Бернад Егорович молчал.

— Нет, — сказала самая маленькая, — спор идет о лямочниках.

Он усмехнулся:

— Если на то пошло, они тащили ваш багаж. И в то время, когда они тащили, мы не возмущались. Теперь вы возмущаетесь мною за то, что я заставил их тащить.

— Но почему это наш багаж, а не ваш?

— Его багаж, — сказала самая маленькая, и все засмеялись, — он дотащил бы уж как-нибудь сам.

Зырянов помрачнел при этом намеке на легковесность его кембрийского багажа, но смело сказал:

— Правильно. И уж я-то сам не пропал бы в лесу. Но государственные интересы требовали защиты... А четыреста человек, если бы пошли самотеком, неорганизованно, что случилось бы с ними? Сильные ушли бы вперед, слабые могли погибнуть в дороге. Из Усть-Илги до Жигалова нетрудно каждому дойти со своей котомкой. А от Усть-Кута до Усть-Илги — сто пятьдесят километров, — легче баржу тащить всем народом, чем одному свою котомку.

Девочки молчали. Василий увидел, что им непонятно.

— Объяснить невозможно было — эти люди не поверили бы. Они росли в единоличном духе и вкоренились в нем. Надо было организовать принудительную взаимопомощь, чтобы их самих спасти.

— Всех? — иронически спросил Небель.

— А спасать надо не всех?

— Вы сами отметили, что сильные не нуждались в принудительном спасении.

— Но слабые не могли спастись без помощи сильных.

Он помолчал и добавил:

— Сначала надо заставить людей сделать. Потом они осознают и оценят... Даже среди интеллигентных людей, если вы помните... не удалось достигнуть согласия без принуждения... Вы извините, я вернусь, как только вы подготовите ваши возражения.

Он вскочил, но Лидия заговорила напряженным голосом:

— Итак...

Василий быстро сел.

— Товарищ Зырянов очень доволен собой и своим поведением в Илге тоже.

— В Илге был порог, — сказал Василий тихо и опустил глаза. — Я увидел, что пройти через Илгу будет потруднее, чем шли всю дорогу в лямке... На порогах лоцман обязан без промедления подавать команду, а не объяснять обстановку... Но я — прошу извинения у всех девушек и у Лидии Максимовны... (ох, как трудно далось это простое слово, которого не было в лоцманских привычках!) — я не оправдываю себя. Я должен был попробовать объяснить... — Он вскочил. — Позвольте мне сейчас уйти!.. А потом мы поговорим... — Он медлил, не решаясь уйти самовольно, и пытался скрыть смущение: — Там надо чуточку додраться!..

— Идите, — разрешила самая маленькая Надежда.

Байкальцы ревниво осмотрели кембрийский битум и попросили разрешения сделать бензольную вытяжку.

Затем они принялись рассуждать о доломитах и высказали высоконаучные сомнения, а Зырянов загорячился. Это продолжалось весь день — в купе, на площадке, в ресторан-вагоне, — со страстью, с яростью, как первая весенняя встреча на стадионе, со штрафными ударами (по образцам!) и забитием голов (опять-таки образцами)... «Мячи», то есть образцы, разрушались, их заменяли другими.

Когда замелькали пригороды Москвы, спорщики сразу

вернулись в обманчиво холодное состояние пассажиров, которым, вообще говоря, нет дела до попутчиков, почти и незнакомых, и занялись своими чемоданами. Зырянов тоже занялся своим рюкзаком.

Он удивленно шарил в опустевшем мешке. Он даже пытался потребовать от недавних собеседников свои образцы, но пассажиры усмехнулись: чужак этот Зырянов. Кому нужны его доломиты?..

Василий схватил рюкзак и вытряхнул над газетой. На газету высыпалось немного темного порошка, купе наполнилось тонкой, очень древней пылью кембрийского возраста и громкими протестами: девушки уже почистились и привели себя в опрятный вид для Москвы. Все, кроме Лидии, выбежали из купе. Василий скомкал газету и швырнул в сетку. Сложил книги в рюкзак и ушел на площадку сконфуженный и злой.

Лидия осторожно развернула скомканную газету, смела с полок драгоценную пыль в нее же и успела все собрать в папиросную коробку, когда поезд медленно подходил к перрону.

Зырянов стоял на площадке. Лидия обратилась к нему с некоторой церемонностью, потому что ведь она не разговаривала с ним после Усть-Илги...

— Василий Игнатьевич!

Он повернулся к ней и молча ждал.

— Вам в детстве кто-нибудь рассказывал сказки, Василий Игнатьевич?

— Мало, — неохотно ответил Василий. «И найдет же время женщина говорить о сказках», — подумал с горечью.

— Ваше поведение было сказочное... — Она протянула ему папиросную коробочку с кембрийской пылью. — Возьмите вашу иголку, Василий Игнатьевич, которую вы выменяли с козы, которую выменяли с быка, которого выменяли с куска золота... Поберегите хотя бы иголку... Не подумайте, что я с вами разговариваю. Я просто пожалела... сказочного человека. Без иголки вы растеряете и пуговицы... Надеюсь, что при вашей кембрийской вежливости вы известите меня, какой будет приговор лаборатории.... Если Викентий Александрович возьмет на себя риск анализа такой драгоценной пыли. Желаю вам удачи!

Она подала ему руку и с важностью ушла прятать загоревшееся лицо: «Я сама указала ему для анализа нашу лабораторию!.. И он должен сообщить мне результаты анализа,

который сделают в моем институте, у Викентия Александровича!.. Что это значит, Лида?.. Как тебе не стыдно быть такой девчонкой?! Нет, как это я могла?!..»

Василий побежал прямо с вокзала в институт и «поймал» одну хорошую лекцию по петрографии.

Вечером в общежитии он выяснил у товарищей, что они успели пройти на четвертом курсе, и решил, что догонит в два месяца.

На другой день вечером он начал работать в библиотеке, а днем побывал в Геологическом институте.

— Это все ваши образцы? — в недоумении спросил Спицкий, директор института, когда папиросная коробка легла на его стол. — На вес алмазов. Едва ли будет возможен анализ.

Заведующий лабораторией доктор химических наук Викентий Александрович заявил определенно, что полный анализ не удастся сделать. Вряд ли есть вообще смысл занять лабораторное оборудование и затратить время лаборанта на такой сомнительный анализ.

— Я сам буду работать лаборантом, без оплаты! — предложил или, вернее, попросил Зырянов.

— А вы работали в лаборатории?

— Я научусь, — попросил он.

— Но как вы будете совмещать это с занятиями в Нефтяном институте? Как бы за вас не попало от Ивана Андреевича, — сказал Антон Елисеевич со злопамятностью, — ведь он вас прочит в аспирантуру.

— Я догоню свой курс через два месяца, я рассчитал.

Он стал ежедневно приходить в лабораторию и помогать лаборантам. Когда он освоился с несложной технологией анализа, доктор разрешил приступить к сомнительному образцу.

Василий спал четыре часа в сутки и в течение двух месяцев догнал свой курс. В лаборатории он закончил анализ.

— Пожалуйста! — Викентий Александрович протянул бумажку Зырянову и наблюдал за ним.

На бумажке были выписаны несколько букв и несколько цифр... заключавшие неопровержимое подтверждение наличия кембрийской нефти. А может быть — отрицание?..

Василий понимал значение каждой цифры и буквы. Но их сочетание указывало на что-то... на то, что появилось в результате их сочетания. Что это? Василий не мог этого знать.

Химик наконец сжалился и сказал:

— Это пиробитум. Материал, не дошедший до нефти. Василий молчал.

— Процесс образования нефти в этом пласту когда-то начинался, но по какой-то причине не завершился.

Лидия просила сообщить ей приговор, вспомнил Василий. Приговор соответствует всем данным мировой науки, сказал доктор.

Он тщательно спрятал бумажку с приговором.

— Спасибо, Викентий Александрович,

1934 год

ПОЖАРОМ В ТАЙГЕ

Глава 1

БОГАТОЕ СВЕТОМ

Когда Лена прочно встала, Григорий Иванович Кулаков поехал в Алексеевку, на реке Полной. Сына он взял с собой для его роста: девочка растет в пеленках, мужчина — на охоте.

Весь Черендей оглянулся с удовольствием на богатейшую новую кошеву председателя эвенкийской кооперации, сплетенную из зеленой лозы и выстланную внутри шкурами.

В теплой пыжиковой шубе-парке Кулаков расселся на дне глубокого короба и руки спрятал в лисьи огромные рукавицы. Он вытянул ноги на мягкой черной шкуре. Задняя стенка, обтянутая желтым мехом, поддерживала спину и поднималась выше головы, укрывая от снега и от ветра.

Лайка побежала за кошевой и даже впереди лошади, нетерпеливо угадывала направление. Но она ошиблась.

Она побежала берегом, трактом на Якутск, а лошадь непредвиденно спустилась на неезженный лед реки. Собака вопросительно остановилась. Сверху она увидела обоих хозяев в кошеве: малого и большого. Большой хозяин грел свои мягкие руки в рукавицах, а вожжи отдал Владуку. Лайка постояла, изучая намерения Владуки. Она прекрасно понимала, что не кобыла выбирает путь. Два ружья спрятаны были в мехах, но чуть слышный запах железа дразнил горячие ноздри, и тайга синела на высоком дальнем берегу; там тепленькие белки падают с высоких кедров, когда гремят железом руки хозяев. Собака с немим восторгом кинулась галопом вниз, наперехват кобыле, и вперед — к Алексеевке.

Григорий Иванович как будто не заботился о лошади, а смотрел якобы только вдаль. На самом деле он любовался сыном, который жаждал привлечь внимание отца.

Отец пристально всматривался в расплоские, скрытные сугробы: вот где Владик ошибется — и обидит, подведет старую кобылу, доверившуюся руководству восьмилетнего мальчика. Через Лену еще не было следа. Но Владик чувствовал выжидающий взгляд отца, устремленный на косые череды белых длинных клиньев с неразличимыми гребешочками, тихонько ослаблял вожжи и настораживался к тем сметенным суметам. И лошадка обегала каждый такой сугроб и запряжанный под ним гладкий, стесанный ветром лед, где она, некованая, могла бы поскользнуться.

Она выгодно, извилисто, бежала через Лену наискосок, направляемая мудрым сыном Кулакова. И в круглой голове папаши, битком набитой пословицами, мелькали блаженные мечты о том, как «этот мальчик просушит отцовы копыта». Какой отец не обрадуется таким ожиданиям?.. Григорий Иванович решил, что пора отпустить Владуку одного с собакой на белку, ибо орленок — всегда орел. Отсюда ясно, что Кулаков не был плохого мнения о себе.

В ночной Алексеевке лайку не встретила ни одна собака, а ее хозяев — ни один мужчина. Все лайки и мужчины добывали белку в тайге. Григорий Иванович внес в один из

домов спящего сына и раздел, а через несколько часов одел сонного, с нежностью, и повлек за руку в предутреннюю темноту.

Лайка слегка поталкивала Владика, поигрывала с ним, помогая избавиться поскорее от сонливости. Скоро Владик разгулялся.

Отец вручил ему ружье. Владик позвал собаку и пошел один в тайгу, не оглянувшись. Лайка оглянулась на старшего хозяина и молча бросилась галопом в сумерки меж деревьев. Она сразу скрылась. Владик не побежал за ней. Лайка могла убежать очень далеко и неизвестно, в какую сторону. Она будет носиться весь день взад и вперед и обрыщет огромный кусок леса.

Владик шел неторопливо, подражая отцу, ожидая от лайки вызова туда, где она облает белку.

Григорий Иванович пошел в сторону от сына. Он не так нуждался в собаке, потому что белка в эту пору жировала, то есть кормилась, на земле: усердно собирала шишки под неглубоким снегом и тут же, на снегу, шелушила. Она оставляла хорошие следы и мало таилась. Впрочем, Григорий Иванович не рассчитывал на большую добычу вблизи охотничьего поселка, да еще такого славного, откуда и сам он родом.

Он прислушался к страстному непрекращающемуся лаю и усмехнулся: Владика приходилось побегать за лайкой. Но — выстрел, и собака удовлетворенно умолкла. Владик сбил белку.

В сумерки лайка привела Владика в Алексевку в одно время с другими охотниками.

Он протянул шкурку отцу таким же движением, как все взрослые охотники сдавали пушнину кооперации. И никто из присутствовавших в доме председателя поселкового Совета не посмеялся над малой добычей молодого охотника.

Отец сказал, что белка метко застрелена одной дробинкой в глаз и шкурка отлично снята, без повреждений. Теперь надо ее высушить так же отлично, чтобы сдать первым сортом. А тогда охотнику будет выдан членский билет эвенкийской кооперации. После отца охотники сказали о Владике похвальное слово. Владик сел рядом с отцом в кругу мужчин перед очагом, как равный.

Все поели, потом отец рассказывал множество новостей, которых даже Владик не слышал в Черендее. Особенно про человека из Москвы. Человек обещался найти керосин на Полной.

Дрова сгорели в очаге, а новости не кончились, и женщины подложили новые дрова. В котле кипел чай. Большое пламя беспокойно озаряло темнокожие лица и красило их выражением веселья и неожиданно перекрашивало, нахмуривало, будто бы злобой, искривляло носы им, поджимало им губы. А за спинами скрытная тьма стеснила людей, и сама ежилась, и шарахалась при внезапных прыжках огня на очаге. Владик устал наблюдать мелькание теней и света. Он решил, что больше пользы будет пойти бить белку; взял ружье, кликнул собаку и отправился в тайгу, уткнув спящую голову в отцовский бок.

Зима была жаркая в том лесу, где охотился Владик во сне. Он сбросил теплый кафтан и не удивился, что белки делали то же самое: сбрасывали пышные меха и прыгали голенькие на снегу. Владик подбирал отличные шкурки, снятые первым сортом, не истратив ни единого выстрела. Теперь их надо было только высушить, чтобы получить членский билет эвенкийской охотничьей кооперации.

После Кулакова сказал свое слово председатель совета Алексеевки Алексей Петров. Он рассказал, что в конце лета спустился по реке человек из Москвы, Зырянов. Человек ночевал в его доме, и многие разговаривали с ним в ту ночь. Зырянов был начальником Евгения, сына Петрова, на Байкале.

Он показал обломки горючих камней, собранные на Полной. Зырянов удивился и обрадовался тому, что охотники в Алексеевке знают давно о горючих камнях. Он доверил охотникам свой секрет: подарил Петрову бутылку с жидкостью, похожей на керосин. Эта жидкость взрывается, как порох. Ее надо держать подальше от огня. От ее запаха болит голова. В ней растворяется жир — как соль в горячей воде. Если в камне есть жир, можно узнать с помощью этой жидкости.

Зырянов просил Петрова, как лучшего охотника в Алексеевке, отыскать обломки камней с черными прожилками окаменевшего жира. Через месяц Зырянов приехал на катере и забрал у Петрова собранные камни. Он еще раз налил бутылочку и просил собрать еще лучшие камни, отослать ему в Москву, в Нефтяной институт.

— Это очень интересно, — сказал Григорий Иванович. — Что еще он говорил?

— Он говорил, что глубоко в земле, ниже мерзлоты, черный жир еще не отвердел. Там он покоится совсем жидкий,

подобный хаяку. Зырянов назвал его тас-хаяк и сказал, что это древний жир.

Но самые неслыханные слова из всех, сказанных Зыряновым, были вот какие: будто бы из древнего жира, который стал жидким черным камнем, русские умеют делать керосин,— вещество текучее, подобно воде; жирное, подобно лучшему жиру рыб, откормившихся комарами в жаркое лето; богатое светом, подобно большому лесному пожару, и еще более жаркое, чем самый большой лесной пожар.

Это сказал Зырянов, и Петров поверил в это, ибо, если оно дает больше света, — оно дает больше тепла. В Алексеевке знали, что две ложки керосина дают столько света, сколько может дать целое дерево, мелко изрубленное и сжигаемое на хорошо сложенном, немного наклонном очаге. Но керосин в Алексеевке бывал в то время редко. Продавали его в эвенкийской кооперации только сдатчикам пушнины. Керосин — не золото.

Охотники знали, что их река течет по золотому ложу. Но в Алексеевке предпочитали доставать золото ружьем, а не лопатой, — пушистое золото, греющее зимой подобно летнему солнцу и ценимое не меньше того холодного золота, подобного снегу или железу, которое выбирают из грязи по одной пылинке.

Охотникам приходилось таскать из лесу в огромном количестве дрова: сто кубометров на год, чтобы прожить зиму в тепле. Поэтому они заинтересовались каменным жиром, когда узнали, что из него делается керосин.

Старый Петров нашел отличные кусочки окаменевшего черного жира у Повешенного Зайца.

Если не трудно будет председателю, сказал он, увезти небольшой ящичек в Черендей и отправить Зырянову в Москву вместе с письмом — это будет хорошо для алексеевских охотников. Зырянов прочтет письмо, рассмотрит окаменевший жир и приедет весной.

Он отыщет место, где хранится жидкий тас-хаяк. Алексеевские эвенки смогут отапливать свои дома с меньшим трудом и освещаться всю зиму — жароносным и светозарным нутряным жиром земли.

Сын Петрова, Женя, принес ящичек и вынул деревянные шпильки, вставленные в отверстия вместо гвоздей. Женя разогрел один камень в очаге, и Григорий Иванович с недоверием и надеждой, с изумлением ощутил сильный запах керосина, и все громко подтвердили, все учуяли запах.

«ЧУДО» В ЧЕРЕНДЕЕ

Кулаков упивался запахом керосина! Председатель эвенкийской кооперации хорошо знал цену керосину в ленской тайге.

Кулаков долго рассматривал камни и любовался ими. Утром он увез их в Черендей.

Григорий Иванович не торопился отослать посылку в Москву. Ящичек лежал на столе у председателя эвенкийской кооперации. В кабинетике за лавкой перебивали почти все жители Черендея. Многие охотники, колхозники, эвенки, якуты и русские издали приезжали взглянуть на камни и понюхать их. За эти дни увеличилось число пайщиков эвенкийской кооперации. Охотники вносили сразу полный пай, чтобы не отстать от первой очереди при получении керосина с реки Полной.

Григорий Иванович заменил крохотную экономную лампенку в лавке, так называемую пятилинейную, настоящим «чудом»: эта новая лампа так и называлась. Она устроена была наподобие печи. Она имела поддувало — сквозную дыру внутри корпуса, снизу вверх, для притока воздуха к огню. Над широкой дырой укреплялась на корпусе горелка, над горелкой поднималась еще более широкая и очень высокая стеклянная труба для хорошей тяги. Поверху трубы написано было название лампы: «Чудо». Многие приезжали в Черендей с отдаленных зимовий в пятидесятиградусные морозы, чтобы полюбоваться светлым сиянием в лавке эвенкийской кооперации.

Глазам больно было смотреть на круглый огонь за стеклом.

Все спрашивали:

— Сколько требуется керосина для такого чуда?

— Пол-литра, — драматически отвечал Григорий Иванович.

— Столько я покупаю для своей коптилки! — удивлялся пайщик. — Поистине это чудо-лампа!

— Твоей коптилке это на всю зиму, а «чудо» требует пол-литра на один вечер... Столько сжигают за вечер все коптилки у наших пайщиков во всем районе, снабжаемой черендейской лавкой.

Сияющее окно эвенкийской кооперации притягивало гла-

за, и головы невольно поворачивались в ту сторону. В тепле за этим окном был островок живого света среди океана мертвой зимней тьмы, а люди стремились к свету. Тьма тяготила людей не меньше, чем холод. У порога эвенкийской кооперации кончалось царство белого холода и черного безмолвия!

В лавке собиралось так много народу, что покупателям трудно было пробиться к прилавку. Но покупатели не обижались. Григорий Иванович соорудил две длинные скамьи. Они стояли днем у стены, а вечером одну из них придвигали к прилавку.

И вот тогда-то, в ту памятную зиму, жители Черендея начали понимать, как много надо керосина, чтобы жить светлее. Но его везли из очень далекого южного города Баку — железной дорогой, лошадьми, автомобилями и еще полгода Леной.

Свет завладел умами в Черендее.

Жирные камни на реке Полной и разведка Зырянова стали первейшим предметом разговоров. До зимы 1933 года клуб в Черендее считался самым светлым домом, но там горела десятилинейная лампа (это значит — с шириной фитиля 2,5 сантиметра), а не «чудо».

Заведующий клубом Демидов, худощавый и нервный человек, принес главную клубную лампу, десятилинейную, из зала в маленькую комнатку. Двенадцать человек молча взглянули на нее.

Только эти двенадцать продолжали еще приходить сюда. Они искали общения между собой каждый день. У них всегда было о чем поговорить, и отдохнуть им нравилось тоже своим кружком, за своим разговором.

Заведующий клубом заговорил с раздражением. Он сказал, что «чудо» в Черендее имеет политическое значение. Это недопустимо в нашей стране, чтобы товарищ Кулаков сидел на тридцатилинейном «чуде». Этим «чудом» Кулаков ослепляет глаза, отвлекает народ от света коммунистической культуры и затемняет мозги.

— Твое предложение, товарищ Демидов? — по привычке спросил седоватый Матвей Ильич.

— Передать «чудо» клубу, — твердо сказал Демидов.

Председатель сельского потребительского общества (сельпо) толстый Акамков поддержал:

— Кулакова надо снять с работы за превращение торговой точки в обывательский клуб. Эвенкийская кооперация получила всего одну бочку керосина — это слезы!.. Сле-зы!

А Кулаков что делает? Он эти слезы, вместо того чтобы распределить между полными пайщиками, присвоил половину. Слезы он украл у полных пайщиков и устроил из них иллюминацию. Кулакова снять надо с работы за превращение торговой точки в обывательский клуб, оплачиваемый средствами пайщиков, и за незаконное сокращение часов торговли, за подрыв эвенкийской кооперации, выразившийся в преступном разбазаривании керосина при помощи купеческих «чудес»...

— Это пахнет клеветой, ого, — сказал Григорий Иванович.

— Он неправильно выразился, он хотел сказать: «Через посредство купеческих «чуд», — поправил заведующий школой.

— То-то, — сказал Григорий Иванович и задумался над поправкой.

— Это не чуда, а причуда, — пробормотал Астафьев, грузчик Золотопродснаба, и, определив свое мнение по вопросу, устроился прикорнуть.

— С передачей материала прокуратуре для привлечения к суду, — яростно закончил Акамков.

— А что сделать с лампой? — спросил Матвей Ильич.

Акамков махнул рукой.

— Чепуха! — сказал небритый, с черными щеками, большоголовый директор мукомольного завода. — Акамков завидует Кулакову, потому что Григорий Иванович замечательно работает. Он своим «чудом» уже удвоил число полных пайщиков и удвоил накопление средств. Этим он уже полностью оправдал перерасход керосина. Сельпо не выкупает поступающие ему товары за недостатком средств. А Кулаков уже состоятелен перекупить грузы, от которых сельпо отказывается. Пайщики еще скажут спасибо Кулакову...

— Он тебе керосину дал за счет пайщиков, — в гневе сказал Акамков.

— Дал, — хладнокровно сказал директор. — Пусть бы он не дал, я бы ему зерно не смолот для его пайщиков. А ты — не дал? Откуда же на мельнице свет, если бы ты да Кулаков не давали мне керосин?

— Григорий Иванович молодец, — сказал директор базы Золотопродснаба.

— Это «чудо» — кооперативная собственность, кто имеет право отнять? — сказал председатель сельхозпромартели.

— Астафьев! Скоро тебе выступать.

— А? Что? Я не сплю,— сказал Астафьев и проснулся. — А разве собрание у нас?

— Если бы собрание, кто бы тебя стал будить на свою голову? Ты еще выступишь, скажешь речугу.

— Керосин идет на общую пользу, не одних пайщиков,— сказал Гаврильев, председатель сельсовета.

— И по-моему, хорошо, что Кулаков создал в Черендее еще один культурный уголок,— сказал Антошин, молодой начальник почтово-телеграфной конторы.

— Уголок создал, а клуб подорвал,— сказал Демидов,— и стало культуры меньше.

— Народу не укажешь, товарищ Демидов, куда ему ходить для разговоров,— сказал заведующий школой. — В леспромхозе объявление около бочки с водой, написано: «Кроме этого места курить воспрещается». Григорий Иванович создал в магазине обстановку — и народ ушел от твоей бочки с водой туда, где ему понравилось.

— Что это за бочка с водой? Что ты называешь «бочкой с водой»?

— Успокойся, Демидов,— сказал Матвей Ильич.

— Нет, я знаю, что он называет «бочкой с водой»!

— Это тебе придется повторить на бюро. Беру всех в свидетели,— сказал заведующий школой.

— Демидов, не сходи с ума,— сказал директор Затона.

— Эти слова возьми обратно, Демидов,— сказал Матвей Ильич.

Демидов надулся и молчал.

— Захожу я к Григорию Ивановичу,— сказал Астафьев,— и верно: понравилось. Светло. Хорошо. Но скажу: не все. Газет у него нет, библиотеки нет. От его света идти в демидовскую тьму не хочется, а культуры в одном «чуде» маловато, это так... Зашел как-то учитель в лавку — рассказал, как нефть произошла. Интересно было узнать. Зашел наш директор базы, рассказал о тракторах и автомобилях. Оказывается, и они бегают от нефти. Другой раз директор Затона...

— Закругляйся, Астафьев.

— Если бы в лавку послать докладчика по международному вопросу, в другой раз — о солнечном затмении, вот тогда у Григория Иваныча был бы полный клуб. Надо дать нагрузочку Грише: наладить культурную работу.

— Сказал-таки речь! Кто его разбудил?..

— Астафьев оценил тебя как массовика, Гриша,— ска-

вал седой, усмехаясь, — а все же и недостаток отметил: негоже одним керосином питать умы... Как ты усилишь культурную работу? Расскажи.

Григорий Иванович испугался:

— Торговать будет негде тогда и некогда.

— Отдадим тебе помещение клуба. Разворачивай работу.

С чего начнешь?

— Первым делом повесил бы «чудо» в клубе, — сказал Григорий Иванович и рассмеялся вместе со всеми. — Ты очень хитрый, Матвей Ильич! Труды-то мои, а песни будут Демидова? Ладно, пускай он приходит за «чудом». Только чтобы не вышло бюрократизма, товарищ Демидов!

— Какого бюрократизма, товарищ Кулаков?

— Такого, что в лавке свет погасите, а в клубе не запылите. Керосина-то у вас — на десять линий?.. А тут — пол-литра каждый вечер! А в клубе — еще больше спалите. И выйдет, что в лавке свет погасите, а в клубе не запалите. Бюрократизм...

— Без керосина я «чуда» не возьму! — нервно сказал Демидов.

— А у меня керосин получен для пайщиков. За разбазаривание знаешь что со мной сделает Акамков?.. Под суд!

Глава 3

ПИСЬМО ИЗ XVI ВЕКА ВО ВТОРУЮ ПЯТИЛЕТКУ

— Мама!

Лидия с громким возгласом вбежала в мамину спальню, светлую от обоев и от белых чехлов на всей мебели; пикейного покрывала с тяжелым кружевным подзором на деревянной кровати, кружевной накидки на комоде красного дерева; холщовых, многостиранных чехлов на стульях с подушечкой; кружевных нежно-кремовых занавесей во все окно, сверху до полу; и тоже кружевного тихого сияния из раскрытого комода с бельем.

Мать сидела в белоснежной блузе, очень тонкого полотна, еще из ее собственного приданого, очень просторной и не заправленной в черную юбку. Она раскладывала белье по выдвинутым ящикам комода.

— Мама, я получила удивительное письмо от удивитель-

ного человека и не могу прочитать! — кричала Лида звонко, как маленькая девочка.

Мать оставила белье.

— Испугаешь ты меня когда-нибудь, Лида. Вот не нравятся мне эти Танины замашки.

— Но ты не представляешь себе, что это за письмо, мама!.. Посмотри!

Мать расправила лист серой крепкой оберточной бумаги, осмотрела его со всех сторон и медленно начала читать вслух:

— «О солнце и луна московския земли! Лидия и Татьяна...»

— Боже, что это ты читаешь? Неужели это здесь написано?.. Покажи!.. Это по-церковнославянски, мама? Откуда ты умеешь это читать? Мой дедушка тебя научил, да?.. Читай, читай скорей!

— Это полуустав, невежественная ты. Получаешь письма от кавалеров времен Ивана Грозного, а читать не умеешь.

— Ладно, скорей читай дальше, мама же!.. Итак, я — солнце, а Татьяна — луна!

— Если ты не будешь мне мешать. «Лидия и Татьяна, яко звезды сияющие!»

Лидия села на пол и залилась смехом.

— Иди с твоим письмом, не мешай мне разложить белье, — но письмо не отдала дочери, ей самой стало интересно прочитать.

— Мама, милая, читай, я больше не буду!.. Мамочка, читай сначала! — сквозь слезы смеха выговорила Лидия.

— «О две зари, освещающия весь мир на поднебесной!» — с пафосом прочитала мать.

Лидия навзрыд захохотала.

— Господи помилуй! Сколько гимназистов и студентов за мной ухаживали и письма писали, и даже семинаристы, — а ни один не догадался сочинить акафист в мою честь, — сказала мать смеясь. — А ты смеешься, недостойная. Кто же этот акафистник?

— Мама, неужели ты не догадалась?.. Я ж тебе рассказывала, когда приехала из Якутии! Ну, читай, читай, читай! С самого начала начни!

— «О солнце и луна московския земли! Лидия и Татьяна, яко звезды сияющие! Две зари, освещающие весь мир на поднебесной!»

Не ведаю, как назвать! Язык мой короток, не досяжет вашей доброты и красоты. Ум мой не обымет подвига вашей

го на Лене и страдания вашего на Усть-Илге. Вы — Василию Игнатьевичу собеседницы, экспедиции украшение и всем лямочникам сопричастницы тож! Подумаю: как так, боярышни изволили, а матушка ваша позволили со московския высокая ступени ступити вам на стылую, нечистую баржу и в лямочницы вринутися?

Но говорится: у матери сердце в детях, у детей — в камнях».

Мать с удивлением покачала головой.

— «Яко голубица посреде коршунов, ныряла посреде лямочников изрядная и избранная девица красная, изящная геологица!»

Лидия давно перестала смеяться и притихла. Мать оглянулась кверху над плечом на ее загоревшиеся щеки и расширившиеся глаза и продолжала разбирать полуустав.

— «Посем была посажена, горяша, в тепле томиться, в трапезной избе. А прочие геологи и геологицы на молотилке горе мычут. Твое же за них доброе сердце изболело».

— Он все понял! — прошептала Лидия. — Удивительный Савва!

— «Еще ли ты помнишь меня, голубка? Друг мой сердечной! Яко трава посечена бысть — мне от забвения твоего».

Мать взглянула на дочку, улыбаясь.

— Ух как забирает!.. «Я-су окаянный кривыми стопами́ измериваю жизнь свою по Якутии. Где мне взять — из добрых ли породы или из обышняя? Которые породю получше девицы, те похуже, а те девицы лучше, которые породю похуже».

Ты же знаменита в Москве: лепотою лица сняешь, очи же твои молниеносны, ноги же твои в московских мелких обувочках, видел я, дивно ступают по снегу, лямку поташа. Персты же рук твоих тонкостны и действенны. Глаголы же уст твоих алмазам подобны, яко исландский шпат, удвоят мое разумение».

— Ну, что опять ты прыскаешь? — недовольно сказала мать. — Чего-нибудь по минералогии он напутал? А Небель твой облысеет — так красиво не напишет. Не мешай читать, а не то буду про себя! — Она молча уставилась в письмо.

— Читай вслух, мама! — закричала Лидия.

— «Василий Игнатьевич не сердитует ли на меня? Миленькой, где ты гуляешь зимой? Не слышать про тебя на Лене. В лесу людском большом ты, Василий, бродишь и в расселинах каменных московских или по холмам измышлений

книжных скачешь? Да добрую-то силу и горою не рассыплет, ниже зной науки иссушит.

А то шум краснословцев слышал, яко ветром лес, возмущает человеческие души. В расселинах книг их человецы погибают.

Не сердитуй!

Ну, дружи со мной, не сердитуй же!

Дочаюсь тебя весною в Черендее!

Писано сие в Новый год. А преж сего послано: неведомо дошло, неведомо нет.

А что ты, Лида, сама не отпишешь ко мне? Как хошь.

Писал своею рукою я, ведомый вам Савватей Иванович».

Мать стала молча перечитывать письмо.

— Ну, что ты скажешь, мама? Теперь ты узнала, от кого это?.. Ну, говори со мной, мама!..

— Ты же не даешь мне рта раскрыть, Лида. Право, ты сегодня совсем на Таню похожа. Твой знакомый мне кажется попроще, нежели ты его представляла. Может быть, он старовер? Должно быть, еще прячется издревле где-то кучка староверов и этот Савватей оттуда... Но какая у них культура сберегается! Не списал ли он свое письмо у протопопа Аввакума? Так или иначе, он предлагает тебе руку и сердце.

— Что ты, мама, откуда у него могут быть общие знакомые с тобой? И это же совершенно неграмотный человек! Я не знала, что он умеет писать.

— Пресвятая богородица! Если бы отец это услышал!.. Чему их учат в Геологическом институте?.. Протопоп Аввакум — мамин знакомый!

— А я же не хожу в церковь, откуда мне знать этого протопопа? Ах, это какой-нибудь церковнославянский автор?.. Ты думаешь, Савватей списал из какого-то церковнославянского любовного письмовника?.. Как обидно, если это так. Это не так, мама! Ведь все письмо о наших приключениях!

— Должно быть, ему редко приходится писать. Уж очень старательно он лепит буквы. Что же ты ответишь ему? Как ты относишься к его предложению?

— Ты шутишь, мама!

— Не шутится мне, когда дочка в двадцать пять лет еще не решила, в кого влюбиться.

— В двадцать четыре. И ты бы согласилась, чтобы я вышла за этого полудикаря?

— А к тебе все какие-то полудикари сватаются.

— Неужели Небель — полудикарь?..

— А никак не больше половины. Куда Небелю до Савватей, которого ты величать изволишь полудикарем.

Лидия хмыкнула, но затем ее губы опустились.

Глава 4

ПОХВАЛА ЭГОИСТАМ

— «В тепле томилася!» Вот как он тебя почувствовал, бродяга. Сердце золотое... Тебе такое ни к чему, — мать продолжала свои размышления вслух, разглядывая письмо. — Нет, матушка, этот — не дикарь. Что ж, нынче взрослых учат. Увидишь — Савватей Иванович таких Небелей десятых за пояс заткнет да спляшет.

— А знаешь ли ты, что Небель — высоколобый?

— Нет, не знала. И даже задумывалась: отчего у этого мужчины такая высокая прическа?..

— Ты не поняла, мама: это в переносном смысле. Высоколобый — это интеллигент с высшим образованием не меньше чем в третьем поколении. Его родители и все родители его родителей имели высшее образование.

— Все родители? — насмешливо выделила мать. — Кто выдумал такой ценз? Вот как я отстала. Но вижу, и такой ценз не для всех полезен.

— Нет, мама, такое происхождение полезно для всех. Но даже образование не может сделать всем хорошие характеры.

— Я и говорю. У Небеля хотя и кудри высоколобые, а сердце низколобое.

— Почему же я виновата, если я нравлюсь, как ты говоришь, дикарям?

— Не рви кружева. Что ж, по-твоему, дикари виноваты?

— Вы виноваты, родители. Потому что вы и ваши родители не получили высшего образования.

— А вот и нет, не виноваты. Я вот была блондинка, а твой отец жгучий брюнет.

— Мама! Ну при чем тут бывший цвет волос, господи!..

— А при том, что на свете вся гармония зависит от неравномерности и не должно быть ни в чем равновесия. То же самое, что в магнитах, то и в людях. Ты ученая, к тебе и льнут полудикари. Я за твоим отцом всю жизнь ухаживаю, каждому его желанию наперед угождаю. И он так и ждет, так и привык.

— Мама, я прошу: не говори так об отце.

— И уж дочки за отца горой. А кто вас этому научил? Я научила. От меня вы переняли, девочки, все обхождение. Ты над Ольгой смеешься, как она к мужу внимательна. А он никогда не вспомнит ей туфли купить, пока сама не скажет или купит сама. Увидишь — какая ты будешь с мужем. Небель это и чувствует. Этакую ему и надо, чтобы его любила. Себялюбцы, такие, как он сам, ему не нравятся. Любящие сердца ему по душе. Лида, я дам по рукам! Отойди от накладки.

— Ты хочешь сказать, что отец тебя полюбил, потому что он эгоист?

— А что ж в этом удивительного? Ты удивись другому: ва что мы любим эгоистов?

— За что?

— Ну, не за то, что они во всю жизнь о нас не подумают и нашу заботу даже не замечают. А потому, что мы умеем позаботиться и о себе и о других. Нам и нравится делать то, что умеем... Мы так приучены. А ты думала о себе: сама такая хорошая?..

— По твоей теории выходит, что ты своим воспитанием подготовила мне довольно обидную судьбу. Я могла бы не поблагодарить за такую судьбу.

— А дети никогда почти и не бывают благодарны родителям. Кроме таких детей, которые как Небель. И правда: благодарить не за что. В трамвае — ноги у ней скучают, оттого что в детстве набегалась с отцом, по двадцать километров каждый день. Вот и гуляешь всю жизнь в драных туфлях.

Мать принялась за белье. Лидия сложила письмо и пошла к отцу, взволнованная и смятенная.

— Папочка, можно к тебе? Ты отдыхаешь?

— Разумеется, можно, Лидуша.

— Что ты читаешь?.. Лысенко. А прежде ты читал всё Вильямса и Тимирязева.

— Неужто ничего другого не читал?..

— Читал, конечно. Но когда ты лежал на диване — значит, или Вильямса, или Тимирязева. А Лысенко... Я что-то слыхала о нем.

— Действительно, ты что-то слыхала о нем? Меня возмущает невежество нынешней молодежи. Кроме своего клочка науки, вы ничем не интересуетесь. Даже такой дельный молодой человек, как Бернад Егорович. Девушки, впрочем, и в мое время не читали газет.

— Я читаю газеты, папа. И даже очень старые!

— Это я знаю за тобой,— отец рассмеялся.

— Я интересуюсь не только своим клочком геологии. Небель даже презирает меня за разбросанность.

— Дело в том, дочка, что можно оставаться необразованным и мужиком в звании профессора. Если не выглядывать за околицу своей науки. Как поживает Бернад Егорович?

— Ты всегда говорил мне, что науки не имеют околиц, и это я запомнила... Право, папа, Бернад Егорович интересуется вас с мамой гораздо больше, чем меня.

— А он не так плох, чтобы не стоило интересоваться им.

— Ты находишь? Что ты можешь сказать в его пользу?

— Во-первых, он законченный эгоист.

— Восхитительно! Как раз то, что мама считает его худшим свойством... У тебя улыбка мудреца, папа.

— Понимаешь, маме надоел мой эгоизм за тридцать лет. Поэтому она больше не хочет эгоистов... Ну, через тридцать лет и тебе надоест какой-нибудь эгоист.

— Вы говорите о Небеле уже как о моем муже. Этим одним он мне надоел на тридцать лет вперед. А почему ты рекомендуешь мне в мужья эгоиста? Потому что ты считаешь себя эгоистом?.. А ты о себе так думаешь, потому что привык во всем полагаться на маму.

— Значит, я не должен во всем полагаться на маму?.. Ты, девочка, хотела бы, чтобы я полагался больше на тебя? А ты не считаешь меня эгоистом?

— Нет, не считаю! Я знаю, что ты очень внимателен ко мне. Я хорошо изучила твой характер. И я бы хотела, чтобы меня полюбил такой человек, как ты.

— А ты не находишь, что мама посвятила больше времени изучению моего характера?

— Не настолько больше: тридцать лет, а мой стаж с тобой — двадцать пять лет.

— Не все двадцать пять, Лидочка. В первые годы жизни ты недостаточно интересовалась мной, мне казалось...

— Значит, я начала увлекаться тобой в то время, когда матери ты стал надоедать?.. На моих глазах ты все более совершенствовался, а мать этого уже не замечала! Лежи, почему ты встаешь?

Отец спустил ноги с дивана и с удивлением смотрел на дочку.

— Кажется, я за тобою не уследил, девочка. Эка ты рассуждать научилась.

— Серьезно, папа, ты мне скажи, почему ты высоко так ценишь эгоистов?

— Не высоко, Лидочка, это было бы самодовольством... Но ты сама выбираешь эгоиста.

— Такого, как ты.

— Спасибо, Лидочка, если я тебе по вкусу. Такой, как я, не будет, по крайней мере, запрещать тебе ходить пешком.

— Ну, еще бы! Ты не деспот.

— Конечно, нет, Лидочка. Эгоисты редко бывают деспотами. Они слишком заняты собой. Деспотом будешь ты.

— Я?!

— Ты вылитая мать, Лидочка.

— Моя мать — деспот? Папа, как ты... можешь!

— Как я смею оскорблять? Боже меня упаси оскорблять вас с матерью. Скажи, кстати, из-за чего ты поссорилась с матерью сегодня за ужином?

— Мама уверена, что она знает лучше, чем я, мои вкусы и мои потребности. Поэтому мои котлеты утопают в сметане. А я люблю мясо в виде мяса.

Отец раскатисто захохотал, по-полевому.

— Не так громко, папа!

— Твоя мама ведь не эгоистка, правда?

— Противоположный полюс.

— Вот такой полюс в галстук запретит тебе ходить пешком, чтобы ты не била свои ножки.

«Как Зырянов в Усть-Илге», — подумала Лидия.

— Но ты будешь набивать ему горло голыми котлетами без сметаны и ни за что не согласишься поставить свою заботливость в гараж и катать свои крепкие ножки в мужском автомобиле. Такими способами вы легко сможете отравлять друг другу целую жизнь каждый день.

— Я поражена, да какой степени ты под влиянием мамы!

— Надо, девочка, чтобы одному нравилось подчиняться влиянию и заботам; по крайней мере, если другому нравится влиять и заботиться. Два заботливых супруга — это все равно что две автомашины в супружестве. Если бы автомобили были хозяевами, они бы покупали себе пассажиров, а вовсе не грузовик для перевозки автомобилей.

— У тебя даже мысли мамины, папа!

— Все мамино, Лидочка. Обо всем мама позаботилась, чтобы все было готовое и самое полезное для нас: и котлеты в сметане, и мысли в голове.

ЭГОИСТЫ И ДЕСПОТЫ

Василий шел по коридору сначала вдоль правой стены, открывая и закрывая двери, оглядывая однообразно обставленные лаборатории и кабинеты. Он искал Лидию. Очень не хотелось говорить ей об анализе пиробитума... Но тогда не надо и встречаться? Она ведь спросит непременно, не может не спросить. Значит, порвать знакомство с Цветаевой? Об этом нечего и думать.

Василий и не думал об этом. Его мысли были слишком заняты, все внимание приковано неотрывно, все сознание мобилизовано на преодоление огромного порога с латинским названием: пиробитум.

— Чем вы будете заниматься теперь? — спросил его Викентий Александрович, прощаясь после заключения по анализу.

— Как — чем! Я же не кончил с кембрием, — ответил Василий.

— А! Вы еще не кончили с кембрием, — язвительно сказал Викентий Александрович. — Химия, конечно, не авторитетна для вас.

— Химия авторитетна, — сказал Василий, — когда она не останавливает меня. Пиробитум остановил меня. Так бывает на реке: слишком большой порог. Я еще не вижу прохода, где пробиться, чтобы идти дальше.

В конце коридора Василий перешел на левую сторону и заглядывал во все двери, во все углы комнат недумаящими глазами, пока не увидел Лидию.

Он пошел к ней, зябнувший и слепой щенок навстречу солнечным лучам, не сознавая свою радость. Он протянул руку, чтобы взять со стола руку Лидии, и взял бы, но она сама подала, и он не услышал, как произнес привычное, обычное приветствие — он его не произнес. Он слушал ее голос. Она что-то говорила, не имеющее значения, и не отнимала руки.

— Вам горячий привет от Саввы. Я получила письмо, — говорила Лидия и поняла, что он не слышит. — Что с вами? Вы оглохли, Зырянов, или вы спите?

— Я очень занят, — сказал он рассеянно и грустно.

Ее губы красиво двигались, потом она стала смеяться, и ему это нравилось, как пение. Он смотрел на красивые губы

и, может быть, поцеловал бы их, потому что он давно решил это сделать.

Но Лидия вдруг отступила на шаг и велела ему сесть. Он сел.

— Да чем же вы так заняты, если не лунатизмом?

— Что это — лунатизм?

Лидия опять засмеялась и сказала:

— Ну, слава богу, вы, кажется, начинаете возвращаться в наш мир. Но что с вами случилось?.. Лунатизм — это когда спящий ходит где попало и, должно быть, старается исполнить все, что ему снится. В одну прекрасную ночь лунатик способен уйти на Полную реку искать кембрийскую нефть... во сне. Только не захватите с собой мою руку.

— А мне никогда ничего не снится,— сказал он и неохотно отпустил руку.

— Этого не может быть! Это значит, что вы забываете свои сны в ту самую минуту, как просыпаетесь.

— Тогда почему я один забываю, а все люди помнят? Я не беспамятный.

— Действительно...— сказала Лидия с любопытством.— Скажите, и в детстве так было?

— Я помню, мать очень сердилась на меня за это. В детстве, бывало, зимой собирается вся моя семья; у нас большая семья была. Мать начинает рассказывать, какой она видела сон. Потом детям велит: «Ну, теперь вы расскажите...» Она очень любила сны рассказывать и слушать. И все рассказывали сны. Я молчал. «А ты что видел?» — «Ничего не видел». И мать меня не любила за это.

— Неужели за это не любила?..

— «Что это за человек растет, который не видит снов? — говорила отцу.— Надо его отвезти в монастырь. Может быть, там вылечат его». И она повезла меня в монастырь, на Соловки, зимой. Монахам подарки сделала, хотя самим нечего было есть и дома... И всю дорогу мы ехали голодные. Где подвозили попутчики, где шли пешком... Потом она меня била за это с досады. «Столько на тебя, проклятого, истратила,— жаловалась,— а ты как дерево! Собаки и те сны видят...» Я и сам думаю, что у меня неладно. Чего-то не хватает в мозгу. Физиологические процессы суть химические процессы...

— Это на вас повлияли занятия у Викентия Александровича. Кстати, анализ все еще не закончился?

— Да вот, я с ним и пришел. С приговором.

— Так что же вы не показываете!..

Лидия схватила бумажку. Василий с интересом следил за каждым ее движением. Она читала какую-то бумажку, — он уже забыл, что это его бумажка, его приговор.

Лидия Максимовна углубилась в его интересы. Лидия Максимовна вся предалась его делу, озабочена его положением перед порогом пиробитума, непроходимым порогом. Напряжение во всем теле. Несознаваемым усилием всего существа — за этой девушкой — плот влетел, уже на пороге, — сейчас она увидит — мгновенно решит: разбился на ее глазах или проскочил — к победе, только к победе!..

Проскочил с неожиданной легкостью, вылетел на ровный глубокий плес. Вдохнул, полную грудь набрал, рассмеялся.

Она пожала плечами. Она вынула книгу из шкафа. Она спросила:

— Пиробитум?.. Что это значит? Что говорит Викентий Александрович?

— Он говорит — материал, не дошедший до нефти, — улыбнулся.

Лидия замолчала и взглянула с сочувствием. Действительно, это приговор для него. Очень интересный научный результат, но, конечно, он хоронит стремления Зырянова вместе с кембрийской нефтью.

— Я вам очень сочувствую, Василий... — Лидия запнулась, и получилось так, что она назвала его одним именем, и он мгновенно проснулся.

— Спасибо, Лидия!.. Спасибо!

Она порозовела.

— Вы потратили два года. Но все-таки не вовсе напрасно, — сказала она ласково.

— Совсем не напрасно. И еще три потрачу, если понадобится.

— На что вы потратите? Я не поняла.

— На кембрий, — сказал он внезапно злым, низким голосом, почти рычанием.

— Но если в кембрийский период не образовалась нефть — а теперь вы это знаете, вы сами установили неопровержимо этот факт...

— Еще не факт.

— Химический анализ — не факт?.. Когда вы пришли к этому открытию?

— Сию минуту. Анализ относится к тому пласту, из которого взят образец. В других пластах процесс мог идти по-другому и мог дойти до нефти.

— Это невероятное упрямство! И если бы я не боялась обидеть вас, я бы еще сказала, что это от недостатка знаний...

— О кембрии я знаю все, что до сих пор стало известно,— кротко сказал он.

— Вы даже не знаете, что такое пиробитум. Вам пришлось верить на слово Викентию Александровичу. Вы не можете разобраться сами в анализе. И вы воображаете, что вам известно все о кембрии!

— Я знаю химию как геолог. Я не могу знать химию как химик.

— Вот видите! Значит, вы не можете самостоятельно разобраться во всей проблеме! Какая же это самостоятельность, если вы принуждены в решающем анализе верить тому, что вам говорят другие,— верить, а не знать!

— Не тому, что говорят, а тому, что показывают.

— Нет! — вскричала она.— Анализ не показал вам ничего, кроме определенной смеси углеводов. А пиробитумом назвал эту смесь Викентий Александрович. Это его мнение по данному образцу о процессе образования нефти, то есть о самом спорном вопросе... И как раз этот вопрос имеет первейшее значение для проблемы кембрийской нефти. Оказывается, вы не только по химии, но и по теории нефтеобразования тоже слабы и поэтому верите чужому мнению об анализе!.. А вы помните мнение Ленина по этому вопросу?

Василий изумился:

— По вопросу нефтеобразования?

— По вопросу образования своего мнения,— сердито сказала Лидия.— Ленин сказал: кто верит на слово, тот безнадежный идиот.

Василий вздрогнул:

— Вы не считаете меня идиотом?

— Конечно, нет.

— Вы действительно советуете проверить мнение Викентия Александровича?

— Я-то верю ему. Викентий Александрович авторитет. Но я ведь не утверждаю, что под Байкалом лежит кембрийская нефть и что ее можно найти через Якутию. Не я же собираюсь истратить еще три года на поиски.

— А не все ли мне равно, что это пиробитум? — сказал он.— Пусть это пиробитум, а в других пластах я найду жидкую нефть.

— Опять! Опять ребенок хочет и, главное, верит, что ему

дадут новые игрушки просто потому, что дитя стремится к ним! Запомните: вы будете правы до самой смерти, но денег вам больше не дадут на кембрий после заключения Викентия Александровича... Ладно, оставим эту тему, я рассердилась. Василий Игнатьевич, расскажите, что вы видели, где вы успели побывать?

Он подумал и сказал:

— В Минералогическом музее.

— Что вы видели в театрах? — пояснила она смеясь.

— Я был в Большом театре, — сказал он скромно и гордо.

— О! А я никогда не могу поймать билет в Большой. Балет или оперу?

— Оперу, — сказал он, не уверенный, что понял ее вопрос.

— Какую?

— Оркестр здорово изображал бурю.

— Скажите название оперы или хотя бы содержание.

— Это было два года назад...

— Ах, вот что!.. И с тех пор вы нигде не были?

— В кино я был.

— Сколько раз?

— Несколько раз, — соврал.

Она поколебалась секунду.

— Вы можете достать билет для меня? В Художественный.

— Могу.

— Нет, это будет нехорошо: чтобы вы доставали билеты для меня, когда вы сами не ходите...

— Я бы пошел! — сказал он горячо.

— Да? — сказала она простодушным голоском. — Тогда покупайте два билета.

Лидия осталась одна и, улыбаясь, вспомнила давний разговор с Бернардом, по возвращении в Москву.

Небель долго рассуждал о приключении в Усть-Илге, о выходке Зырянова, как он это называл... Он, разумеется, желал и сам устроить Лидию подальше от молотилки. Он считал необходимым разъяснить это. Но он устроил бы Лидию тактично и дипломатично, так что и все поддержали бы его предложение.

— И оценили бы вашу тонкость, — вставила Лидия.

Бернард дипломатично сделал вид, что не обиделся.

— Но ведь я отказалась устроиться, — сказала она, — а

девочки очень благородно поняли нетактичный приказ и без всякой дипломатии поддержали.

— Это было великолепно! — сказал он. — Но вам не пришлось бы отказываться, если бы я провел единодушное избрание вас хозяйкой.

— А я бы отказалась! — повторила она, смеясь.

Небель умеренно развел кисти рук.

— Я не намерен заставлять вас даже ради вашего блага.

«А Зырянов намерен», — подумала она и возмутилась.

«Как прав папа», — подумала и сказала:

— А мне всегда хочется заставить человека для его блага.

— Насилие с такой целью от вашей руки я готов принимать ежедневно, всю жизнь, с наслаждением.

— Но выслушивать галантности такого рода ежедневно, всю жизнь — нет, нет, ни одной даже минуты больше! — сказала она и оставила Бернарда Егоровича в библиотеке рассерженного и недоумевающего, как всегда после их разговоров.

Сейчас она вспомнила тот разговор в библиотеке института и вдруг поняла, только сейчас, какую жертву принес для нее Зырянов в Усть-Илге. Он работал за нее без отдыха — это совсем не важно, подумала она. Но он пошел на ссору с ней. Он не искал заслуги в ее глазах, не пошличал перед ней и не подличал против коллектива: он не хотел «устроить» ее, он предпочел принять на себя всеобщее осуждение, — и ведь это был единственный способ заставить ее «в тепле томиться».

Тирания заботливости не лучше любого другого гнета, говорит отец.

Нет, все-таки Зырянов — первобытный человек.

Жутко было бы полюбить его!

Глава 6

«ПОСТАВЬТЕ БУДИЛЬНИК НА ЖИДКУЮ НЕФТЬ»

«Что же она, смеется надо мной все время? Или хочет, чтобы я пошел с нею в театр?» — Василий не мог разгадать эту загадку, а все же ему стало весело, и он даже подумал, что Лидия права: второй экспедиции на кембрий не дадут.

Он стал думать о деньгах. Иван Андреевич не даст денег. Но он разрешит ему самостоятельную практику на Лене. А денег все-таки не даст. Не даст. Значит... значит...

Значит, надо самому доставать деньги: найти работу, которая дала бы много денег...

Он решил пропустить еще одну лекцию в Нефтяном и зашел еще раз в лабораторию. Викентий Александрович встретил его без всяких выражений приветливости, но Василий и не нуждался в них.

— Я вернулся поблагодарить... — начал он.

— Не стоило за этим возвращаться, — перебил Викентий Александрович.

— Меня было ошарашил пиробитум...

— Напрасно, — сказал Викентий Александрович. — Я вас предупреждал, что от кембрия не ждите живой нефти.

— Под вашим руководством в два месяца я научился понимать химию больше, чем за два года в институте, — быстро продолжал Василий лстыть напролом. — Теперь я понимаю, какое великое значение должна иметь химия. Все процессы жизни суть химические процессы...

— Послушайте, Зырянов, за эти же два месяца я научился понимать вас. Говорите, что вы хотите. Вы сомневаетесь, что это пиробитум?

— Не думаю сомневаться!

— Тогда уходите. Впрочем, если б вы выразили сомнение, вам пришлось бы уйти еще быстрее. Кстати, и мне пора.

— Викентий Александрович, почему я не вижу снов?

— Обратитесь к врачу. Впрочем, я не думаю, что вы вернулись задать мне этот вопрос.

— Именно за этим!

— Тем более надо обратиться к врачу. К невропатологу, знаете. Скажите ему, что у вас переутомление от недостаточного сна. А сны вы увидите — спите побольше.

— Я спрашивал, когда был осмотр студентов нашего института. Чего-то химического не хватает в мозгу, я думаю?..

— Ладно. Впрочем, на новой неделе я вам достану кое-что химическое для мозга.

— И я увижу сны? — весело спросил Василий.

— Сколько угодно.

— Викентий Александрович! Даю вам слово, на Байкале я видел своими глазами, что нефть должна быть в кембрии.

— А теперь, с помощью моего снадобья, вы увидите, как пиробитум в течение одной ночи дойдет до жидкой нефти. Впрочем, поставьте будильник на жидкую нефть. Иначе процесс пойдет дальше, если вы проспите.

— И живая нефть выветрится и снова станет битумом.— Василий засмеялся.— Миллионы лет я просплю в течение одной ночи! Может быть, я пойму при этом, что произошло с нефтью в кембрии, откуда взялся этот пиробитум?..

— Рад услужить,— сухо сказал Викентий Александрович,— и убедить вас, что химия видит быстрее и тоньше, чем глаз человека.

— Но химия не мыслит,— сказал Василий.

— И поэтому не заблуждается.— Викентий Александрович надел пальто.

— Но ее показания вы... толкуете,— сказал Василий.

— Вот это прямой разговор. С этого бы и начали. Итак, вы не верите в непогрешимость моего толкования. Может ли ваш анализ означать не пиробитум, а что-нибудь другое? Не может.

— До свидания, Викентий Александрович!

— Приходите за спотворным.

— Не хочу я его.

— Послушайте, Зырянов. Вы перестанете искать несбыточные сны на Полной, когда найдете их сбывающимися на вашей подушке и без всякого труда.

— Не перестану,— сказал он грубо.

— Ваши сонные видения будут обладать такой утешительностью, что вам не захочется никаких вещественностей взамен. Сны станут важнее яви.

— Неужели? — Василий опять заинтересовался,

— Так вот, приходите в понедельник.

— Не надо, спасибо.

— Вы же не видели снов в жизни!

— Мне и спать-то некогда. Сделайте мне пилюли, чтобы жить без сна. Или еще лучше: дайте мне работу, мне надо заработать много денег.

— У меня вы много не заработаете.

— Мне надо много,— сказал Василий.

Он нашел такую работу в Тресте зеленого строительства, где его помнили по отлично сделанной съемке в позапрошлом году.

Он снова начал работать, с неистощимой выносливостью

и настойчивостью. В неделю он выполнил геодезическую съемку площадки на Можайском шоссе и заработал 1150 рублей. По нормам эту работу надо было делать шесть недель.

Он получил деньги в четыре часа дня и прямо от кассы пошел спать.

На другое утро, в десять часов, в опустевшем общежитии встревоженная уборщица пыталась разбудить его. Василий громко сказал, не просыпаясь:

— Поставьте будильник на жидкую нефть.

— На что? — переспросила уборщица.

— Иначе процесс пойдет дальше, — сказал Василий и разом вскочил, протирая глаза кулаками.

— Не пойму я, чего ты говоришь, — сказала уборщица. — Или сон дурной видел?

— Я не вижу снов, — сказал Василий, — и не говорил с тобой.

— Как же, не говорил! «Поставьте будильник на жидкую нефть, иначе чего-то пойдет дальше»!..

Василий схватил ее за плечи.

— Я говорил это?.. И чуть не проспал!.. Вот спасибо, что разбудила!

Он не пошел в Трест зеленого строительства брать другую площадку и не пошел в институт на лекции. Он побежал в библиотеку и набрал огромное количество иностранных книг на неизвестных ему языках.

Но химические формулы и цифры пишутся одинаково на всех языках. Василий сравнивал формулу своего кембрийского пиробитума с другими формулами, изображавшими химический состав самых разнообразных нефтей и битумов, добытых в сотнях месторождений во всем мире.

А в голове у него повторялась эта забавная фраза Викентия Александровича, но уже голосом уборщицы, передразнивающим его собственный сонный голос: «Поставьте будильник на жидкую нефть!»

Да, вот именно: действительно ли доказано, что пиробитум — это материал, не дошедший до нефти?.. Кто верит на слово, тот безнадежный идиот.

Иначе процесс... процесс.. процесс... Процесс... идет. Процесс не может остановиться... Процесс идет дальше...

В этих занятиях прошла еще неделя. Затем Василий отправился к Ивану Андреевичу.

ГЕОЛОГИ ДОЛЖНЫ МЫСЛИТЬ ГЕОХИМИЧЕСКИ

Василий вошел в просторный кабинет директора Нефтяного института и с порога начал говорить на ходу:

— Иван Андреевич! Выслушайте меня еще только один раз! Химики не умеют геологически мыслить! — Он дошел до громадного стола и остановился.

— Как ты сюда попал? Ты убил Аграфену Васильевну?

— Она живая, Иван Андреевич.

— Так почему же она, черт побери, пропустила тебя?

В кабинет вошла толстая Аграфена Васильевна, закутанная в пуховый большой платок, взволнованная, и тоже с порога заговорила, устремляясь к столу:

— Иван Андреевич! Увольте меня от разбойников, я не привыкла сражаться! — Задыхаясь, она указала пальцем: — Он запер меня!.. В письменный стол!

— Бог с вами, Аграфена Васильевна! В письменный стол — вас?

— Да, конечно, мой платок, смотрите! — Она показала разорванные петли. — Пока я нашла ключи и освободилась, он ворвался к вам. Ведь этак могут и разбойники ворваться к вам с целью ограбления или даже убийства!

Директор сурово молчал, чтобы не рассмеяться.

— Я вижу, вы смеетесь, Иван Андреевич! — вскричала Аграфена Васильевна. — Так пусть он теперь ходит к вам со всеми своими ископаемыми, я вас не защищаю от него!

Она вышла из кабинета обиженная и возмущенная.

— Тсперь я пропал. Хотя есть еще одно средство: выгнать тебя из института.

— Вы не захотите выгнать меня, Иван Андреевич.

— Выгоню за мальчишество! — закричал Иван Андреевич. — Не седи меня.

— Выгоните, Иван Андреевич, только сначала выслушайте еще один раз. Я даже буду молчать.

Он положил перед академиком трубку из бумажной ленты и раскатал ее начало с заголовком: «Анализы нефтей и битумов типовых по возрасту месторождений мира в сопоставлении с анализом образца из месторождения на реке Полной».

— А,— сказал Иван Андреевич, взглянув,— ты будешь

молчать? Пожалуй, тогда я соглашусь послушать тебя еще разок.

Он уже углубился в интересную таблицу и понемногу раскатывал бумажную ленту.

— А что это за новый афоризм насчет химиков? — спросил он совершенно спокойным голосом.

— Они не умеют геологически мыслить, — быстро сказал Василий. — Вы увидите из этой таблицы.

— Такой таблицей, — проворчал Иван Андреевич, продолжая раскатывать свиток, — можно таранить скептиков.

Василий не сводил глаз с учителя. Иван Андреевич внимательно просматривал жирно подчеркнутые формулы, придерживая пальцем шифр полнинского образца.

— Химики считают, что это не стало нефтью, — заговорил Иван Андреевич почти шепотом и тоже не назвал по имени уважаемого Викентия Александровича. — На самом деле это давно перестало быть нефтью. Это было жидкой нефтью и потерпело дальнейшее превращение. — Он с нежностью посмотрел на своего воспитанника и уважительно спросил: — Какие выводы ты делаешь, Василий Игнатьевич?

— Те же самые, что и вы, Иван Андреевич! Это выветрилось на поверхности, а следовательно, ничего не говорит о недрах! — воскликнул Василий сияя и с силой. — В недрах это может оставаться жидкой нефтью!

— Отсюда явился афоризм... что химики не умеют геологически мыслить. Что ж, им и не надо. Это нам, геологам, надо научиться мыслить геохимически. Отсюда, братец, вывод следует сделать мне, как директору Нефтяного института: что геологов надо учить геохимии.

— Геологический институт решил на основании приговора химиков дальнейшие разведки на кембрий не производить, — презрительно сказал Василий.

— Страна еще очень бедна, — сказал Иван Андреевич и помолчал. — Ты, может быть, и прав, что надо разбудить кембрий... Не хватает денег, чтобы поднять все сокровища везде, где они лежат. Приходится начинать с тех, которые подручнее. Ведь и та речка, покрытая нефтью, на которую ты обманным образом завел меня тринадцать лет назад, не эксплуатируется до сих пор.

Он прав, сознавал Василий с горечью. Прав, узко прав...

— Но она будет эксплуатироваться!

— Она поближе Полной. А есть и еще ближе, где еще важнее ускорить разведку.

— Иван Андреевич! Я убежден, что нам скоро понадобится нефть не самая близкая, а самая удаленная.

— Тоже верно...

— Но ведь экономия будет огромная, если мы пойдем через кембрий. Мы именно не настолько богаты, чтобы тратиться на дешевую разведку ошупью, по-капиталистически, по-американски — дикими кошками, втемную, без уверенной теории, без точного знания!.. Самый дорогой путь — через Якутию, через кембрий — окажется самым выгодным, в конечном счете самым коротким путем к большой нефти.

— Может быть, да, — сказал Иван Андреевич, — но на очереди у страны Второе Баку, а не Третье.

И тут он был безусловно прав.

— Ты сделал интересное исследование по своему анализу, Вася. Я буду демонстрировать твой свиток пятому курсу как образец геохимического мышления... Конечно, если ты позволяешь.

— Пожалуйста, Иван Андреевич! Я очень рад... Спасибо!

— Но если бы ты представил мне заурядный кусочек битума вроде тех, которые ты раскрошил дорогой, тогда, возможно, я мог бы демонстрировать тебе ассигновку на повторную экспедицию в район Полной, любезной твоему сердцу.

Василий молчал.

— Пора бы знать, что требуется для получения денег в хозяйственных и финансовых учреждениях. Кусок вещества, заявка неграмотного местного жителя стоят дороже блестящего исследования. Зайди ко мне... недельки через две. Может быть, что-нибудь удастся выкроить.

— А если не удастся?

Иван Андреевич развел руками.

— Тогда я сам организую экспедицию!

— Ты-то организуешь. Но кто будет финансировать?

— Сам буду финансировать.

Иван Андреевич занялся бумагами.

— До свидания, Иван Андреевич!

Он помчался в Геологический институт.

Перед дверью Цветаевой в пустынном коридоре он молниеносно сплясал вприсядку.

КОМУ САДИТЬСЯ В КАЛОШУ

— Опять лицо победителя. Что там случилось, в коридоре?

— Я не заметил,— скромно сказал он.

— Как раз перед тем, как вы вошли,— настаивала Лидия,— происходило что-то неслыханное за моей дверью: попытка разрушить старинное здание, скифские пляски. Сейчас все явятся узнавать у меня.

— В коридоре никого не было,— сказал Василий.

В двери появились встревоженные лица.

— Нам показалось, что к вам ломились, Лидия Максимовна.

— А я подумала, что вы все собрались за моей дверью улаживать свои научные разногласия геологическими средствами,— сердито сказала Лидия.

— Извините, Лидия Максимовна.

Многочисленные глаза с глубоким недоверием обзирали Василия, и дверь закрылась.

Лидия в упор взглянула на него:

— Правду!

— Я уронил геологическую коллекцию, тяжело нести... Несколько сот образцов...— тяжело сострил он.

— Что за странное выражение: «Геологическая коллекция»? И она там валяется в коридоре?! Откуда она взялась там?

— Я подобрал, вот она.

Она схватила бумажную трубку, развернула с озорством — во весь размах — бросила на стол. Широкая лента склубилась высоким курганом колец, спиралей и химических формул. Он грустно взирал на перепутанный и скрученный бумажный хаос.

Но Лидия с женской аккуратностью быстро скатала ленту, увидела заглавие, быстро сказала: «Ах!» — и принялась читать, нетерпеливо, изумленно.

— Василий! Но вы же замечательная умница! — воскликнула она минут через пятнадцать.— Но вы совершенно не умеете делать скромное лицо,— недовольно добавила она, взглянув.

Его лицо сразу вытянулось.

— Вот теперь лучше. Но вы же молодец, Василий Иг-

натьевич! Теперь вы должны показать это Ивану Андреевичу. Когда вы к нему пойдете? Идите немедленно!

Теперь он должен показать Ивану Андреевичу? Василий молчал с полным ртом хвастливых слов.

— Я даже буду волноваться теперь, пока не узнаю его мнение! — говорила она, и кровь прилила к ее щекам.

Но оно известно. Можно успокоить ее. Или лучше пусть волнуется?..

— Вы опрокинули незыблемое мнение великого Викентия Александровича, — говорила она с восторгом, — и доказали, что нефть, возможно, и была в полнинском кембрии!

— Безусловно была и есть, — поправил он.

— Василий! — сказала она укоризненно. — Только что вы посадили в калашу — и в какую калашу! — доктора химических наук и немедленно повторяете его неосторожность! Наука не выносит чрезмерной уверенности.

— Одно из двух: либо я сажаю Викентия Александровича благодаря своей чрезмерной уверенности, либо я не слишком уверен — и тогда я подчиняюсь его чрезмерной уверенности. Тогда я сажусь в его калашу.

Она поколебалась и молча взглянула на него.

— Прошлый раз вы упрекали меня, чтобы я не верил на слово...

— Извините, Василий... Нельзя сказать: «Упрекали, чтобы». Упрекать можно в чем-то, за что-то, но не для чего-то.

— Не согласен, Лидия Максимовна. По-моему, упрекают именно для чего-то: для того, чтобы человек не делал этого в другой раз.

— Вы смешиваете цель речи с правилами грамматического построения фразы. И почему это вы уверены, что я забочусь о вас и воспитываю вас, позвольте спросить?.. А я насмехалась над вами!

— Нет! — вскричал он.

Лидия помолчала, остановленная его силой.

— Не кричите.

— Вы не должны со мной так разговаривать, я этого не понимаю, — сказал он.

— Значит, никогда нельзя вас подразнить? Ну немножко?..

— Я этого не понимаю. Зачем меня дразнить?

Она только смотрела блестящими, смешливыми глазами. Она удерживала чересчур опасный язычок, но не могла погасить глаза и забавлялась его смущением.

— Я приглашаю вас в мою экспедицию на Полную.
— Ах, как важно! Большая у вас экспедиция? В качестве кого я поеду?

— В качестве моего коллектора.

— Ого! Аспирант будет коллектором у студента.

— Я же был вашим коллектором.

— Когда?..

— На Лене.

— Ах да! Вы предложили свои услуги взамен бедного, изгнанного Сережи. Но я и тогда уже была аспирантом. А какой будет штат в вашей экспедиции?

— Больше никого.

— Вы это серьезно предлагаете мне?.. Ну конечно, серьезно. Вы же не умеете говорить несерьезно...

— Конечно!..

Оба помолчали.

— Предположим... что мы вдвоем составляем целую экспедицию. Кто же нас посылает? Мы будем сами себе институт? И сами себе Наркомфин?

— Нефтяной институт даст командировку,— сказал он и промолчал о Наркомфине.

— Одной Полной не хватит для целой экспедиции на все лето. Знаете что? Возьмите Полную и Нымаан-Тогойю, а я возьму Эржежей... Если мама позволит.

— Мама?..— вскричал он со смехом и замолчал, глядя на нее.

Она отвела глаза, покраснела, продолжала:

— Я поднимусь с вами по реке Полной в качестве вашего коллектора, а в верховьях вы перейдете через водораздел на Нымаан-Тогойю, а я — на Эржежей.— Все это она говорила серьезнейшим тоном, но он не видел насмешки.

— Согласен! Я подарю вам газовый источник на Эржеже. Вас проводит к нему Ваня, якут из моих байкальских беспризорников. Я сегодня же отошлю письмо в Алексеевку на Полной, чтобы Женя Петров — я вам рассказывал о нем,— чтобы он разыскал и вызвал Ваню.

Она испугалась.

— Я забыла, какой вы невероятно настойчивый. Вы еще в самом деле организуете вашу единоличную экспедицию...

— Конечно, организую. Можете не беспокоиться об этом.

Она молча подала ему руку и проводила его глазами. Он ушел торжествуя и не оглянулся в дверях, и без оглядки закрывает дверь за своей спиной, сейчас.

«ВЫ ОТЛИЧНО ПОНИМАЕТЕ!»

— Погодите!.. Василий!.. Вернитесь!

Он повернулся, отступая в комнату из раскрытой двери, и охотно закрыл ее за своей спиной.

Лидия ждала и молчала, пока он прошел все десять шагов через комнату и подошел к столу.

— Мне очень жаль, Василий Игнатьевич, что я не подхожу для вашей экспедиции.

— Почему?

— Потому что я — не кембрийский пласт.

— Что это значит?.. Лидия Максимовна?

— Это значит, что я не хочу подвергаться обращению наравне с кембрием.

Он пытался разгадать ее слова и не сумел.

— Какое это обращение, Лидия Максимовна? — спросил с обидой.

— Когда вы уверены, что в кембрии есть нефть, кембрию ничего другого не остается, как стать нефтеносным.

Он ждал продолжения, настороженный, и не улыбнулся.

— Вы, конечно, уверены, что я благодарна вам за Усть-Илгу?

— В Усть-Илге... Я очень измучился там... Не помню, извините. Я что-нибудь сделал для вас в Усть-Илге?

— Прекрасно! Ничего подобного я не ожидала услышать! Он что-нибудь сделал для меня в Усть-Илге?.. О да! Он оскорбил меня перед всем коллективом, — безусловно, это что-нибудь!

— Лидия Максимовна! Выслушайте меня!

— Вас нельзя не слушать, потому что вы не позволяете слово вставить. Теперь слушайте меня. Я не позволяю вам слово вставить!

Она проскандировала грозным, обвиняющим тоном:

— Вы! Отлично! Понимаете! Что я не могу, это невыносимо — сидеть в теплой избе, когда все девушки на морозе трое суток без сна работают на молотилке! И вы! Нарочно! И сознательно! Устроили скандал!.. Вы пошли на отвратительное самопожертвование для моего удобства, воображаемого вами. Посмейте отрицать это!

— Это вы сами принесли жертву ради коллектива, все в этом убедились, — пробормотал он удрученным голосом.

— Значит, вы признаете, что все это вы разыграли?..

В ее сознании медленно возникала какая-то новая обида, вытесняя старую, — еще более важная, чем старая. Он жлет сейчас!.. Он просто — слишком просто — рисуется сейчас картиной чувств, которую она перед ним нарисовала! А их у него не было на Усть-Илге, вся эта сложная рефлексия была ему неведома и недоступна... Но сейчас он уловил ее! Мужичкиным умом смекнул.

А в Усть-Илге он поступал не более как с первобытной мужественностью — дикарь берег свою самку... Положим, не его... но которой он намерен завладеть.

Мама ошиблась в своей заочной оценке.

Лидия увидела боковым зрением лицо дикаря — похудевшее за несколько минут, — забыла гнев и Усть-Илгу.

— Сказать вам мнение моей мамы об Усть-Илге?.. «Он вовсе не чудище, а необузданные чувства не получили воспитания...» — Все-таки она пропустила мамины слова: «Он хороший».

Он быстро поднял глаза — уже победоносные, и гнев с такой же быстротой вернулся в сердце Лидии, но она не успела высказать.

— Это значит, вы хорошо рассказали обо мне! Оправдали меня!

Он кинулся к двери и без оглядки закрыл за собой. Бежал! Словно страхась: опять окликнет — и отнимет.

И отняла бы — негодующая!

Дверь открылась, всунулась голова Зырянова. Сказала ликующим голосом:

— У мамы я сам попрошу разрешения! — Исчезла.

И больше он не приходил. И не позвонил по телефону.

— Ты что-то странно посматриваешь на меня, — сказала мать.

— Может быть, показалось?

— Лучше бы ты уж сказала, чего тебе хочется от мамы, девочка.

И Лидия не выдержала, сдалась. Рассмеялась.

— Мне хочется по твоему лицу узнать, не приходил ли в мое отсутствие пожилой студент...

— Пожилой? Нет, не был. Может, не застал никого. А он придет просить твоей руки?

— Мама! У тебя одно на уме — чтобы я не засиделась в старых девах.

— Двадцать четыре года — без одной недели старая де-

ва. Какое же повеление от ученой дочери? Чтобы претенденту отказала мать, что ли?

— Кажется, я до сих пор не затрудняла тебя этим,— обидчиво сказала Лидия.

— Неужто никто не сватался?

— Конечно, сватались! Отказывать я сама умею... Ах, что я сказала! — засмеялась, быстро покраснела.

— Это серьезно, Лидочка? Ты хочешь, чтобы я разрешила ему объясниться с тобой? Но зачем тебе пожилой муж?

— Мама, неужели ты думаешь, что современные молодые люди идут к родителям за разрешением?..

— Но ты сказала, что он пожилой? Конечно, если он пожилой...

— Он придет... Впрочем, он может и не прийти... Он намерен просить твоего разрешения, чтобы ты разрешила мне... Вот видишь, ты меня смутила, я совсем запуталась!

— И что же я должна разрешить?

Но Зырянов не приходил к маме за разрешением.

Глава 10

ОН ПРИДЕТ... ВПРОЧЕМ, ОН МОЖЕТ И НЕ ПРИЙТИ

«Невоспитанный, некультурный, нисколько не обтесался! — сердилась Лидия. — Но если я не всегда и не во всем согласный пласт — он больше не интересуется мной». Не могла же она угадать, что он проводил ночи в Землеустроительном отделе Моссовета за вычерчиванием планшетов... Вместе с дневным заработком это давало ему около пятидесяти рублей в сутки. Он не запускал занятия в институте и ухудшил питание, чтобы ускорить накопление денег для дороги.

Вечером в Землеустроительном отделе он отдыхал несколько минут, прежде чем мог приступить к работе.

Именно в эти минуты отдыха ему пришло в голову подсчитать, сколько он заработает всего, если продолжать до первого мая. И все стало ясно. Денег не хватит платить Лидии Цветаевой жалование по ставке, а если недоплатить, она догадается, что Зырянов платит из своего кармана, а не из государственной кассы.

Ему уже не хотелось приниматься за планшет. Не к чему. Он взглянул на часы. Через полчаса в Нефтяном инсти-

туте начнется доклад Порожина об экспедиции в ленско-вилюйскую впадину. Интересно! Но какое дело Моссовету до кембрийской нефти? Студент взялся за работу в Землеустроительном отделе и обязан ее выполнить.

Вздыхнув, студент прикрепил лист ватмана. Он ничего не потеряет, если не будет слушать Порожина. Это само собой, что единственный интерес доклада заключается в том, что он дает повод Зырянову лишний раз выступить о кембрийской нефти.

Он тщательно вычерчивал планшеты и вполне мог представить себе доклад Порожина.

Порожин говорил с солидностью и осторожностью очень строгого ученого: «Если даже допустить, что нефть была когда-то в некоторых слоях по правым притокам Лены, то эти породы метаморфизировались, как это должно быть ясно каждому студенту, начиная со второго курса...»

«Ясно!» — закричали второкурсники и шепотом спрашивали у соседей: «Почему они метаморфизировались?..» — «А черт их знает почему», — отвечал сосед.

Василий тщательно вычерчивал бессмысленные планшеты. То есть они не вели к кембрийской нефти. Для Моссовета в них был, конечно, смысл, но другой.

Когда рассвело, Василий пошел в общежитие института поспать часа три.

На тумбе возле кровати он увидел извещение о посылке. Адрес отправителя: «От Алексея Никифоровича Петрова. Из Алексеевки. ЯАССР».

Сон сняло. Но он заставил себя лечь и проспал четыре часа как заведенный, без снов. В восемь он был в почтовом отделении.

Василий содрал обшивку. Дощечки сделаны были без пыли — выструганы ножом из чурок.

В ящичке не было ни одного железного гвоздика, и крышка прибита деревянными шпильками. Василий с трудом вогнал лезвие ножа под крышку и нетерпеливо рванул. Наверху лежал крохотный кусочек бумаги, которой так дорожили на Полной, а под бумажкой — куски доломитов с темно-коричневыми, черными вкраплениями битума величиной со сливу и вишню в щелях и отверстиях известняка.

Таких превосходных образцов у него еще не бывало. Ну что за молодчина Женья!

Василий любовался образцами и перечитывал письмо: «Уважаемый Василий Игнатьич! Вашу жидкость использо-

вали и склянку, жалко, разбили. Нашли на урочище Повешенного Зайца. Надемся, они вам подойдут и вы приедете к нам опять».

Он едва дождался прихода Ивана Андреевича в институт.

Аграфена Васильевна уставилась на ящик, затем демонстративно отвернулась, и Зырянов прошел без помех и без вззрения совести.

— Она была права,— сказал Иван Андреевич,— опять самовольно и на этот раз со всеми ископаемыми.

— Иван Андреевич, вы велели прийти через две недели!

— Не помню. Не хочу помнить. Покажи, что принес.

Он осмотрел образцы и покидал обратно в ящик.

— Это заявка от местного человека, на это надо обратить внимание! — воскликнул Василий.

— Ах, извините, я не знал,— сказал Иван Андреевич.

Василий покраснел.

— Сколько ты заработал?

— Пять тысяч,— тихо сказал Василий.

— С такой суммой ты сорвешь экспедицию в нынешнем году. Советую заказать по телеграфу самолет в Иркутске прямо к месту разведок, стоимость переведи по телеграфу сегодня. Желаю удачи. Ну, уходи! Почему ты не уходишь? Завтра получишь в кассе семнадцать тысяч.

Глава 11

ЕЩЕ ОДИН ДОБРОВОЛЕЦ СО СВОИМИ СРЕДСТВАМИ

Сеня шел береговой улицей над Иркутом и небрежно поглядывал на деревянные домики и на женщин, спускавшихся к воде косою тропинкой и поднимавшихся с полными ведрами и корзинами мокрого белья на коромыслах. Если в каждой корзине считать не больше трех ведер мокрого белья, то все же они тащат от трех до шести пудов, размышлял Сеня. Вот здоровые кобылы. И стремительно обернулся.

Необычайно сильный мужской голос возле домиков скавал:

— Главное — не барантратить.

Серединой улицы по траве шел Зырянов с девушкой богатырского телосложения, со сказочной косою до колен. Старый, памятный рюкзак — солдатский «сидор» — торчал на

плечах у Зырянова. Девушка несла рюкзак поновее и смеялась.

Она говорила, Василий Игнатьевич очень внимательно слушал и смотрел под ноги.

— Я почти подумала, что это наш Савватей,— говорила она,— до чего похожий голос!

— Этого человека я видел в позапрошлом году, в Танхое,— припомнил Василий.

Сеня медленно перешел дорогу:

— Виноват!

Зырянов поднял глаза:

— Гарутинов!

— А, товарищ Зырянов, я вас приветствую!

— Сеня! — бурно закричал Зырянов и в третий раз — изумленно: — Сеня, здравствуй!

Его внимание успело все оценить: и новый синий костюм, купленный, несомненно, в закрытом распределителе высшей категории, и — черт возьми! — орден?!.

Сеня сжал протянутую руку изо всей силы и не выпустил.

— Я думал — не вспомните...

Но он думал: «Не захотите узнавать».

Он обратился к девушке:

— Позвольте ваш рюкзак.

— Спасибо, не надо,— сказала девушка, но рюкзак уже был в его руках. Она засмеялась и освободилась от ремней.— Вы попортите ваш прекрасный костюм!

— Куда вы теперь, Василий Игнатьевич? — спросил Сеня, вздев рюкзак лихо на одно плечо.

— Опять на Полную, Сеня. А ты в Иркутске работаешь?

— Возьмите меня с собой, Василий Игнатьевич.

— К сожалению, Сеня, у меня деньги отпущены в обрез.

— Не важно! — сказал Сеня.— Денег у меня хватит на все лето.

— За свой счет будешь работать? Кто же так делает?

— Товарищ Зырянов,— сказал Сеня с удовольствием.

Девушка расхохоталась. Сеня вслушался. Ее смех накапливался в нем, как пение. Он даже не предполагал, что есть такие емкости в сердце для накопления певучего смеха. Он заговорил смело, решительно:

— Мы с Василием Игнатьевичем работали на Байкале,

Товарищ Зырянов все свое жалованье всадили в общий котел. Они думали, что никто не разбирается в их финансовой самодеятельности.

Девушка смеялась несколько не обидно для Зырянова, и Сене захотелось, чтобы его тоже она вот так осмеяла.

— Другая заковыка происходит, дорогой Сеня, оттого, что у нас на завтра заказаны два места в самолете.

— И я могу получить билет на самолет.

— Я вижу, ты стал богат, Сеня!.. Настоящий синий шевиот!.. Но мы заказали билеты полтора месяца назад,— продолжал Василий.— Вряд ли есть свободные места не только на завтра, но и на все лето... Когда ты успел получить орден?.. Я еще такого не видел...

Сеня оглянулся на домики, на улицу в оба конца. Может быть, вон тот хорошо одетый бочонок с портфелем?.. Еще не поздно догнать его. И попросить подать голос для опознания. Сейчас он завернет.

— Тогда прощайте. Извините, я должен спешить. Может, еще увидимся! — Сеня помог девушке надеть рюкзак и сразу исчез.

— Вот так Сеня! — воскликнул Василий.— Мне, наверно, еще лет пять, не меньше, наживать ревматизм, пока я орден наживу!

— Почему он так внезапно простился? Он не обиделся?

— Как бы не с милицией у него свидание, — сказал Василий.— Обижаться ему незачем, а ушел действительно... Этот парень у меня всегда вызывал сомнение.

Утром гидросамолет поднялся с Ангары. Пилот посмеялся по поводу требования геологов сбросить их на парашютах над Полной. Он с нескрываемым неудовольствием подчинился приказанию начальника порта посадить двух человек у Чуранской базы. Садиться на Лене у Черендея летчик отказался наотрез.

Лидия взлетела над Байкалом — и от неожиданности у нее захватило дыхание. Все привычное, нормальное стало незнакомым до нереальности, наново узнаваемым. Колоссальная мощь и тяжесть земных стихий, всю жизнь подавлявшая, умалилась внезапно, стала отвлеченной, лишь геологу известной; а воздух стал видим, приобрел цвет и плотность наравне с нижележащими красками воды и гор, смешался с ними, полупрозрачными, светящимися. Акварельные оттенки небесно-голубого и зеленого, жемчужные тона невесомоплыли внизу долго, несколько часов.

Дальше самолет полетел над Леной. Первую посадку он сделал в Усть-Куте, чтобы заправиться горючим и сдать почту.

Как только самолет пришвартовался, заведующий почтовым отделением подскочил на легкой лодке. Помощник пилота открыл дверцу багажника и стал доставать небольшую усть-кутскую почту. Любопытный почтовик, заглядывая через его плечо, спросил:

— Кто это там?

Помощник пилота захлопнул дверцу. Он тоже увидел человека в багажнике. Неужели заяц на самолете?.. Но то, что он попал на глаза постороннему, было самое неприятное для летчиков. Случай вообще, черт возьми, необычный, и надо было доложить пилоту.

Помощник объявил пассажирам, что заправка займет не меньше двух часов, и предложил всем съехать на берег. Все отправились искать обед, и помощник с пилотом тоже.

Василий повел Лидию к той самой хозяйке, что приютила их прошлой зимой.

Лидия оглядывала село и вдруг вскрикнула: рядом шагал Сеня.

Но этого не могло быть! Она посмотрела на человека в упор. Какое поразительное, пугающее сходство! И этот шикарный шевиотовый костюм... Но ордена нет на пиджаке. Человек смотрел в сторону, избегал ее взгляда... Да не может же быть — это Сеня и есть! Она приложила пальцы ко лбу. Василий тоже видел Сеню и не удивлялся!

— Здравствуйте, Сеня, — сказала она со страхом. — Где ваш орден?..

— Здравствуйте, Лидия Максимовна, — ответил он обыкновенно.

Конечно, он первый должен был поздороваться, но где уж думать об этом. Сеня вынул орден из кармана, показал и спрятал.

— Вы прилетели другим самолетом? Но когда?..

— Вместе с вами. Другого не было.

— Неужели... Но где же вы были?.. На поплавах? — пыталась она состричь. — Почему орден в кармане?

— На поплавах невозможно. Вообще очень неудобная машина. Например, под железнодорожный вагон никто не заглянет на ходу. А самолет показывает свое пузо всему свету, и весь мир будет смеяться над зайцем, а на ближайшем

аэродроме встретят с музыкой. Делегации от неорганизованных ребят, от ГПУ и от взрослых несознательных граждан. Кому это нужно? Чтобы меня загепеучили? Пришлось ехать с комфортом: в багажнике. Орден пришлось снять, потому что некрасиво для ордена: красоваться на зайце. А билета не дали.

— Эй! Хозяюшка! — закричал Василий. — Принимай гостей, старых знакомых!

— Не забыли меня, — сказала хозяйка, с достоинством кланяясь. — Спасибо.

— Накорми нас, как на крыльях, через час летим дальше. Поняла?

— Поняла. Все на жару, будто ждала вас. Поелозьте, дорогие гости!

Гидросамолет осторожно спрямлял изгибы Лены, не теряя из виду серебристо-голубую непрерывную посадочную дорожку.

Вторую посадку они сделали в Витиме, чтобы ночевать. Лидия поспешила первой сойти в лодку и сейчас же обернулась к самолету, во все глаза уставясь на багажник.

Помощник пилота выдал витимскому почтовому служащему его долю и захлопнул дверцу багажника. Лидия жалобно воскликнула:

— А наш Сеня?

Помощник оглянулся на нее:

— А Сеня, оказывается, ваш?

— Да!

— И вы надеетесь получить его обратно?

— Да, безусловно! — твердо сказала Лидия.

К ним подошел пилот.

— Что такое? — зарычал он и обратился к Лидии: — Почему вы беспокоитесь о багаже? В Черендее получите все, что сдали. С самолета не украдут, не беспокойтесь. Пойдем, Дима!

Помощник негромко сказал, чтобы слышала только пассажирка:

— Нас засмеют на всем Севере: зайцевозы. Придется уйти с Севера.

— Но что вы сделали с Сеней? Где он? — умоляющим шепотом спросила она.

— Имейте терпение.

— Я уплачу стоимость билета за Сеню, — предложил Василий.

— Не в этом дело... Зато высадим вас в Черендее, там уже подготовились принять самолет. — Он повернул обратно к берегу.

Глава 12

СЕНЯ, ДОБРЫЙ ВЕСТНИК, ПОНЯЛ ЦЕЛЬ СВОЕЙ ЖИЗНИ

Лидия и Василий пошли улицей и выбирали домик на глаз.

— Вот большой дом, — сказала Лидия.

— Значит, хозяину надо много денег. Обдерет.

— Вот чистенький домик.

Они вошли в палисад, и с ними вошел Сеня.

— Фу, вы всегда пугаете! — обрадованно сказала Лидия.

— Больше не буду!

— Вы были опять в багажнике? Как это вам удалось, Сеня?

— Секрет изобретателя.

— А что, если здесь набьют полный багажник почтой в Якутск и вам некуда будет влезть?

— Для меня местечко найдется, — скромно сказал Сеня.

Хозяин уже вышел на крыльцо и с достоинством приглашал войти.

Хозяйка сейчас же захлопотала у печки. Гостей усадили в красный угол. Хозяин завел с ними беседу. Василий охотно отвечал ему и сам задавал вопросы.

Лидия тихо сказала Сене:

— Все-таки я беспокоюсь. Вдруг он не возьмет вас дальше?

— Возьмет, — шепотом сказал Сеня. — Он ничего парень. Допытывался, верно ли, что я с вами вместе до Черендея; а может, только до Витима?..

Хозяйка приготовила гостям летнюю половину дома, постелила на своей кровати, а Сене на полу и сильно озадачилась, когда Зырянов потребовал две постели на полу. Оставила огарок свечи, просила загасить, как только разберутся.

Лидия сразу погасила, как только хозяйка затворила дверь за собой.

Хозяйская дочка закрыла ставни на окнах,

— Сеня, почему вы убежали от нас в Иркутске?

— Надо было человека догнать.

— Я подумала, что вы обиделись.

— Зачем?.. — тем же словом, что и Зырянов в Иркутске. — Я ведь увидел вас нечаянно. Я шел... и вдруг услышал голос. Это такой голос, какого нет больше в мире. Я помчался за ним.

— Вы тоже обратили внимание?.. Я даже подумала, что это один знакомый с Лены.

— Как он выглядит?

— Вы, может быть, увидите его в Черендее.

— Напрасные ожидания, — сказал Василий.

— Ну, не надо так говорить, Василий! — воскликнула Лидия. — Мне бы так хотелось, чтобы он исполнил свое слово и был с нами все лето!

— Как я понимаю, — сказал Сеня напряженным голосом, — ваш знакомый тоже бесплатный доброволец на Полной? Вроде меня?

— Вы угадали.

— Зачем сравнивать его с Сеней, — сказал Василий. — Какой он доброволец и друг! Бродяга он.

— Посмотрим на него, — сказал Сеня с угрозой. — А впрочем, если он окажется в Черендее, значит, он наверняка не тот, кого мы слышали вчера в Иркутске.

— Почему?

— Потому что в багажнике я — единственный заяц.

— Какой у вас характер, Сеня! Вы летите зайцем на гидросамолете, чтобы работать бесплатно целое лето в самой дикой глуши! Вы бегаєте за человеком, потому что вам понравился его голос!..

— Голос у него завидный. Но я не стал бы за голосом бегать. Хотите, расскажу.

— Спать надо, — сказал Зырянов с неудовольствием.

— Это недолго, Сеня?

— В двух словах. Один чудака на Байкале нанялся вместе с нами копать ход в геенну огненную.

Лидия сквозь смех сказала:

— Для двух слов этого достаточно!

— Честное слово, я не шучу. Николай Иванович совсем не был так прост, не верил он, что мы за один месяц докопаемся... Но потом мы узнали, что бог окрестил все выходы из ада. Из-за крестов невозможно из подземного царства выйти в СССР. Теперь представьте, что мы с Василием Иг-

натьевичем копаем новый ход, не сотворенный богом и незакрещенный. Вы поняли?..

— Через этот ход сатана может выйти на дневную поверхность, — сказал Василий.

— Какой дивный фольклор!

— Ах, нет, Лидия Максимовна, вы недооцениваете. Вы думаете, сатана выйдет на дневную поверхность для того, чтобы побывать на футбольном матче? Вам, конечно, неверующей, геенна огненная — все равно что рыбке дождик. Русскому жильцу, однако, приходится остерегаться.

— Русскому жильцу? — испуганно переспросила Лидия.

— О господи! — сказали за дверью и завздыхали.

— Ну, хватит контрреволюционной пропаганды, — сказал Василий.

— Помощник предложил мне: «Хочешь лететь до Якутска?» Я ответил: «Спасибо, мне не надо».

— Сеня, вы же не договорили о геенне?!..

— Он говорит: «Все-таки еще пятьсот километров». — «Я, говорю, и тысячу не возьму». — «Значит, от двух тысяч ты не откажешься?..» Вот как искушают, Лидия Максимовна! Две тысячи километров! Вижу, они меня ценят. Я стал запрашивать: «В багажнике?» Помощник переглянулся с пилотом: «В кабине». А пилот сказал с насмешкой: «Увидишь все побережье, до Индигирки. Знаешь, где это?» Он был уверен, что я не знаю. Но я даже всхлипнул, честное слово. «Кто же не знает про знаменитое и преславное Русское жило!» — говорю. «Какое еще там знаменитое и преславное? Что он сказки рассказывает?» — сказал пилот. Но помощник у него грамотный: «Это — старинное название Русского Устья». Тогда пилот ко мне с подозрением: «Откуда ты знаешь? Ты тамошний?» И тут мне открылся их коварный план.

— Какой? — прошептала Лидия.

— Им надо доказать, что никаких зайцев. Концы в воду: выкинуть меня в самое большое в мире болото.

— Как это тебе открылось? — насмешливо спросил Василий.

— Какой ужас! Василий!..

— Самое большое в мире болото не на Индигирке, а на Оби, — хладнокровно сказал Василий. — Так и называется: Море-болото.

— Вы не должны возвращаться на самолет! Вы доедете отсюда пароходом до Черендея и догоните нас на Полной! Слышите, Сеня?

— Он же дал слово вернуться, — сказал Василий с насмешкой. — У беспризорников есть свои правила честной игры. Любишь кататься...

— Слышу, Лидия Максимовна. А вы чувствуете случай?.. Можно мигом попасть в Русское жило. Василий Игнатьевич, вы помните, что рассказывал тот человек на Байкале?.. Такой случай пропустить?.. Последний человек буду!.. Ну, словом, произошла и совершилась роковая схватка между сибирской нефтью и Берестяной Сказкой в моей душе... Откровенно говоря, я понял цель моей жизни.

Лидия смеялась в подушку.

— Пилот спросил: «Что тебя тянет в болото? Мечтаешь мох драть и золото брать?» — «Наплевать на золото, — сказал я. — Там спрятано наследство моих предков, Берестяная Сказка...»

Лидия смеялась:

— Что он говорит?.. Что-то невообразимое!

— Не принимайте всерьез. Это его манера, — сказал Василий.

— Вот-вот, — сказал Сеня. — В этом духе летчики тоже отнеслись к моей откровенности, и помощник предложил выкинуть меня на Дороге Мертвецов. Это ближе, болота подходящие.

— Но что такое Берестяная Сказка? Расскажите, Сеня.

— Это слишком долго сейчас, — сказал Зырянов, — в другой раз.

— Я очень коротко. Будто бы русские люди в шестнадцатом веке прошли Северным морским путем до Индигирки и об этом записана длинная летопись на берестах. Писали добрые вестники. И я тоже — добрый вестник... Добуду Сказку! За троевысокими ледяными горами!.. Как Василий Игнатьевич: на дне жизни...

Лидия ахнула:

— Настоящая летопись?.. И я об этом ничего не знаю!.. Василий, это же для науки может иметь значение не меньшее, чем ваши поиски теоретической нефти в кембрии! И вы этого не поняли?!..

— Лидия Максимовна, вы вправду считаете, что это стоящее дело? — спросил Сеня смущенно.

— Но это неправда, напрасно я взволновалась! Берестяная летопись не могла сохраниться. Сырость смыла писмена, а морозы разрушили и самую бересту.

— В том-то и дело, что нет, Лидия Максимовна! Меншик Николай Иванович в детстве сам видел эту летопись; а ему теперь не больше чем пятьдесят лет. Письмена не смыты, потому что писаны без чернил — резцом, резаные буквы.

— Я много читала о древних рукописях, но ничего подобного... Постойте! Сказочнику вашему пятьдесят лет?.. Эта удивительная летопись на берестах действительно существовала, это правда!

— В самом деле? — подал голос Зырянов. — От кого вы слышали? А я не поверил Меншику...

— Я об этом читала в прошлом году, готовясь к первой экспедиции в Якутию. В одном старинном казачьем селении на Ледовитом побережье существовал архив на берестах... Ваш рассказчик был последним, кто его видел! Этот удивительный архив больше не существует. Его сожгли лет сорок назад.

— Сожгли? — вскричал Сеня.

— Тише! В казенной избе не хватило топлива. Культурное начальство приказало топить архивом.

— Безобразие! — пробормотал Зырянов. Ему очень хотелось спать.

— Этого не могло быть, — убежденно сказал Сеня, — потому что мокрая береста не горит.

— А почему архив должен быть мокрый? Какой вы чу-дак, Сеня!

— Меншик говорил, что Сказка неопалимая, потому что мокрая береста не горит. Значит, она у них мокрая.

— В таком случае ее просушили.

Сеня промолчал, потом огорченным голосом спросил:

— Лидия Максимовна, вы не помните, как называлось в той книге казачье селение?

— Оно так и называлось — село Казачье.

— Есть такое, — пробормотал Зырянов, — только это на Усть-Яне, а не на Индигирке.

— Ах, верно! Я вспомнила...

— В таком случае спокойной ночи, — заявил Василий.

— Но какая может быть спокойная ночь, когда я теперь буду думать о Берестяной летописи!.. И до самого Черендея не узнаю, что станет с Сеней!.. Почему же вы добрый вестник?..

— Лидия Максимовна, возьмите это!.. Я записал часть Сказки...

ГОЛОС ИЗ БАГАЖНИКА: «ЭТО ОНИ..»

В Черендее при свете «чуда» всю зиму само собою продолжались разговоры о разведке Зырянова. У жителей появилось выражение «наша экспедиция». Уже в отдаленных наслезах рассказывали о Зырянове, который нашел на Полной каменное черное масло. Но одного только имени недостаточно для образа человека. Поэтому рассказывали о Зырянове, что он замечательный охотник, родом из Алексеевки, он эвенк. Григорий Иванович сказал, что Зырянов — орел и его подстерегает удача орла. Зырянов учится вываривать керосин из каменного масла. Весной он вернется...

Первую весть в Черендее о возвращении Зырянова получил милиционер по телеграфу из Якутска и по долгу службы утаил ее, горюя о том, что нельзя никому сказать, а все равно узнают.

Телеграмма извещала, что на гидросамолет, вылетевший 24 мая 1934 года из Иркутска, проник неизвестный без билета, с неизвестной целью, ввиду чего следует соблюдать особую осторожность: не обнаруживать наблюдение, не обыскивать самолет, а в случае попытки неизвестного сойти и скрыться задержать и сообщить телеграфно о задержании. Перечислялись все пассажиры самолета, в том числе Зырянов.

Милиционер плохо спал почь, рано встал и вышел на береговую и единственную улицу Черендея.

Первый человек, увидевший милиционера, почел своим долгом сообщить ему новость: Зырянов летит из Москвы с женой.

Огорченный милиционер спросил только:

— Как ее фамилия?

— Зачем тебе фамилия? Достаточно, что она жена Зырянова. Еще летит помощник Зырянова Сеня.

— Фамилия? — спросил милиционер.

— Неизвестно. Сеня летел верхом на самолете до самого Витима.

— Этого нельзя, — сказал милиционер и вкрадчиво добавил: — В таком случае его должны были арестовать в Витиме.

— Не арестовали! Это помощник самого Зырянова.

— Если не арестовали, значит, он сам свалился в Лену.

— Сеня не упал, потому что держался за хвост, люди видели!

— Из самого Иркутска не слезал с хвоста? Это орленок! — сказал восхищенный милиционер.

Скоро стало известно, что почта везет письмо от Зырянова Кулакову Григорию Ивановичу. Люди собрались на берегу и ждали почтаря. Он примчался в сопровождении десяти человек верховых, присоединившихся по пути. Все интересовались письмом Зырянова.

В лавку эвенкийской кооперации письмо доставили двадцать человек и сам почтарь, желавший тоже немедленно ознакомиться с содержанием письма, которое было послано из Москвы месяц назад самолетом.

Григорий Иванович вскрыл конверт и громко прочитал: «Здравствуй, дорогой Григорий Иванович!» — и дальше прочитал весь список продуктов, заказанных Зыряновым для экспедиции на Полную, на Эржежей и Нымаан-Тогойю, на пять едоков на целое лето.

Григорий Иванович тут же дал распоряжение хлебопеку и кладовщику, а сам поспешил на берег проверить состояние лодок для экспедиции. Владик поспешил за отцом.

Берегом с верху реки приблизился человек невысокого роста, очень широкий в груди, с темным от загара лицом, с бородой светлее лица и очень светлыми голубыми глазами.

Он неожиданно гулко сказал:

— Капсе!

Владик, маленький сын Кулакова, вскрикнул от восторга!

— Еще раз, дядя!

Дядя захохотал. Его хохот раскатился по берегу и по реке, и за Леной горы хохотнули в ответ.

— Мне надо председателя эвенкийской кооперации, — прогремел дядя.

— Я председатель эвенкийской кооперации, — сказал Григорий Иванович.

— Вот это ладно. А я Савватей Иванович, первый друг и помощник Зырянова Василия Игнатьевича. Ты все ли приготовил, Григорий Иванович? Письмо от него получил ли?

— Только что получил, сейчас готовлю весь заказ.

— Молодец! — оглушительно похвалил Савватей Иванович.

Кулаков отступил и почтительно оглядел первого друга Зырянова. Голос друга обладал замечательной полнотой и полетностью звука, и Савватей Иванович пользовался им

без стеснения. Дети и взрослые собирались вокруг неслыханного крикуна.

— Скоро Василий Игнатьевич прилетит, — сказал Савватей. — А ну, пошли в лавку!

Он сам пошел без колебаний впереди хозяина и впереди всей толпы. Он превосходно чувствовал толпу и вел ее безошибочно в том направлении, которое она давала ему своим движением.

Владик открыл дверь перед ним.

— Это приготовили? — Савватей Иванович увидел два ящика, вытащенных к двери.

— Кто вы будете? — спросил Григорий Иванович.

— Савватей Иванович Меншик. Я же сказал.

— Кто вы будете для Зырянова? У вас есть от него удостоверение?

— Ты что же, не веришь мне? Я знаю все дела Зырянова. И что в письме заказал — все могу пересказать тебе.

— Как я могу не верить! Вы знаете то, что известно малым детям на сто километров вниз и вверх по Лене, а завтра будет известно на четыреста километров. Почему не доверять? Я доверяю. А ты мне доверяешь, Савватей Иванович?

— Доверяю, Григорий Иваныч!

— Снимай «сидор». Будешь моим гостем вместе с Василием Игнатьевичем, а после проводим честь честью.

— Что ты, что ты! Василий Игнатьевич прилетит — и по лодкам, я его знаю. Гостевать не будет.

— Василий Игнатьевич не пролетающий путник, не проплывающий человек. Он добрый конь в броду. Оглянись, посмотри, Савватей Иванович: люди съехались издалека, три дня живут. Белка просит стрелу, слышал? Пайщик просит доклад.

— Твое дело — зови в гости, проси доклад, — сказал Савватей Иванович, — а я буду мое дело исполнять.

— Его рот — кузнечные мехи, — сказал по-якутски Григорий Иванович и закричал по-русски: — Жена! Приготовьте для гостыи, для жены Зырянова, звонкоголосную постель!

— Вот это правильный почет, — одобрительно сказал Савватей Иванович.

Он удобно взял два ящика по центнеру и вышел из лавки.

Григорий Иванович поспешил за ним, стараясь не отстать, и вся толпа сопровождала их. Милиционер тоже пришел на берег.

Савватей Иванович столкнул одну лодку на воду и привязал веревкой к ящику, оставленному на берегу. Другой ящик спес в лодку и сложил на него свой мешок.

Он сел на веслах и закурил «дюбек, от которого сам черт убеги», — самосадную сибирскую махорку страшной силы, настоящую отраву. А «Дюбек» — это было название фирмы самых тонких табаков.

— Я дружка знаю, верь. Все усмотрит разом: лодка не течет; провиант и прочая на месте! Весной плавко ехать, поплыли!.. По теплой воде. — Он пояснил: — Ваша, конечно, вода холодная, а у нас так говорят: по теплой воде... Потому что наша река теплая.

Григорий Иванович поверил. Он уселся на второй ящик, оставленный Меншиком на берегу, и сказал коротко:

— Будете ночевать. Доклад сделает.

Оба смотрели, по привычке, в широкую, стекающую к ним даль голубой ленской дороги, потом спохватились и запрокинули глаза в зенит, не мигая, и проследили небо до западного горизонта. И все на берегу стерегли западный горизонт.

Мальчишки закричали вперевой:

— Летит!

Взрослые тоже закричали. Самолет шел против ветра и садился по течению, без захода. Мотор умолк.

— Ура! — крикнул Савватей Иванович, горы охнули, и мальчишки восторженно закричали «ура».

Из кабины метнули конец, на берегу подхватили двадцать рук и живо подтянули крылатую машину на плавучих лапах.

Савватей мгновенно очутился возле кабины. В дверь высунулась кудрявая льняная голова с обтянутыми, обветренными щеками, длинным носом выше средней упитанности и такими быстрыми серыми с зеленью глазами, что они приковали все внимание и мешали рассмотреть лицо Зырянова — оно не запоминалось. Савва схватил друга и бережно опустил на ящик. Василий сошел с ящика.

— Лидия Максимовна! — бешено заорал Савва, завидя ее.

Лидия выглянула — толстая, жизнерадостная, розовая от волнения и улыбки.

— Не кричите, самолет сорвется!

Он хотел схватить ее так же, как Василия, но она коснулась его руки и прыгнула на ящик. Савва в изумлении отступил. Так вон кто жена Зырянова!

Лидия радостно протянула ему руку:

— Как живете-процветаете, Савватей Иванович?

— Как майская розочка! — прорычал.

— Саввушка! Я получила ваше чудное письмо! Какое красивое письмо вы написали!

— Возьмите багаж, — сказал помощник пилота.

Лидия торопливо повернулась к багажнику. Василий принял два рюкзака. Из недр самолета послышалось глухо:

— Василь Игнатыч, это он!..

Помощник захлопнул дверцу багажника.

— Пойдите! А Сеня? — воскликнула Лидия.

Милиционер протолкался к лодке и стал вплотную.

— Вы просили высадить в Черендее вас двоих? Действуем согласно приказу начальника порта, — громко сказал помощник пилота и привычно крикнул: — Подальше от самолета! — Потом тихо Лидии: — Вы что же, хотите, чтобы вашего Сеню арестовали? Не видите — милиционер наготове.

Мотор взревел и потянул. Толпа с раскрытыми ртами смотрела вслед сказочной лодке. Самолет первый раз садился и взлетал у Черендея. Дети проводили очарованными глазами дивную птицу.

Лидия опустила на ящик.

Василий вышел на берег. К нему подошли двое с приветствием.

Глава 14

ЗА ЧТО ЛЮДИ ЛЮБЯТ?

Он не знал, что это председатель сельсовета и секретарь партийного комитета. Третьим подошел Григорий Иванович.

— Это мне такая почетная встреча? — шутливо спросил Василий.

— Вам, товарищ Зырянов, почет и привет от граждан Черендея! Ваша удача принесет нам радость, — сказал председатель сельсовета.

Василий сорвал шапку и поклонился собранию граждан:

— Спасибо, товарищи! Я не ожидал... Я еще не заслужил у вас... Но я надеюсь на вашу поддержку. Я уверен, что нефть будет. Не могу поручиться точно, в каком месте мы ее найдем и как скоро, но она будет — при вашей поддержке!

Григорий Иванович отступил на шаг от гостя и воскликнул громким голосом:

— Дорогой товарищ Зырянов! Мы уже давно полюбили вас и ваше стремление дать свет в нашу тайгу.

Он обернулся к черендейцам. Сограждане одобрительным шепотом поощряли его. Они охотно слушали Кулакова.

— Мы очень любим свет... Но мы любим солнце больше зимой, когда его слишком мало, нежели летом, когда его слишком много. Мы говорим: скупое небо — с солнцем, как скупая хозяйка — со смехом... И пусть ваша надежда светит, как дальняя звездочка, — мы народ терпеливый!.. Вы, Василий Игнатьевич, спешите туда, куда хочет весь народ. Поэтому я скажу от имени эвенкийской кооперации: мы хотим разделить сегодня ваши труды, чтобы вы потом разделили наши песни.

— Очень хорошо сказал!

— Молодец!

Григорий Иванович, и сам довольный своей речью, вернулся на свое место рядом с гостем.

— Общественные силы Черендея — все, а не только эвенкийская кооперация — готовы помочь вашему делу, товарищ Зырянов, — сказал секретарь партийной организации.

Василий Зырянов смотрел на обступившую его толпу детей, мужчин и женщин. Дети придвинулись ближе всех. Все происходило слишком неожиданно.

— Дорогой товарищ Зырянов, — говорил молодой учитель школы, — комсомол Черендея предлагает все свои силы, если понадобится в трудный момент...

Учителя и секретаря союза молодежи слушали с деловым вниманием комсомольцы, их отцы и матери, хозяйственные руководители поселка. Они взвешивали его слова, чтобы обещания не причинили ущерба Черендею. Они верили, что слова говорятся для того, чтобы исполнить их.

Все это надвинулось на Василия и охватило внезапно и тревожно, как в детстве материнская ласка — случайная, беспричинная и не имевшая продолжения. Но сердце его билось, и он испытывал такое же, как в детстве, недоумение и счастье: предчувствие победы, для которой он хотел отдать всего себя, потому что этого ждала от него мать, а теперь другие люди ждали, народ — с материнской силой.

— Василий Игнатьевич! Если вам будет полезна разведка в окрестностях Черендея, школа с удовольствием посвятит свои экскурсии собиранию минералов. Мы просим вас дать инструкцию ученикам, — сказал заведующий школой.

— Мы найдем нефть! — закричали ребята.

И родители одобрили речь заведующего школой, и желали еще послушать хорошие слова, и ждали их от Зырянова тоже. Черендейцы присматривались к нему впервые.

— Василий Игнатьевич, — сказал длинноусый, свиреполикий директор Черендейского затона, — когда понадобится катерок — пожалуйста.

Василий вглядывался в незнакомых, но не чужих людей, приветливо обступивших его на теплом берегу. Они радовались и верили ему наперед и предлагали свою помощь, ничего не требуя для каждого отдельно. Он взглянул на Лидию, почувствовал необходимость узнать, что она думает обо всем этом. Он увидел ее покрасневшие щеки и ощутил восторг от ее взгляда. Она требует от него необыкновенных слов для этих людей!

А он хотел сказать, что приехал на Полную за доказательствами существования кембрийской нефти на Байкале, только всего... Он же не вправе обещать...

Его удивила мысль, что эта девушка ему дороже всех на свете, — и он решил: во что бы то ни стало дать жителям Черендея чудо света!

Чудо ручного и карманного света, солнце в бутылке!

Из толпы вышел немолодой крестьянин и остановился против Зырянова. Он ревновал к черендейцам, которые столько наговорили и нахвалялись. Он обдумывал вское слово... Но оно было трудное! В особенности, если обратить внимание на плохие приметы — к неурожаю.

— Народ примечает: кукушка не начала куковать... — заговорил он трудно, по-крестьянски и обращался не к Зырянову, а к народу. Решился: — Но... все-таки я обещаю вырастить для экспедиции: хлеба... мяса... яичков... масла...

Он твердо называл по каждому предмету вес и число, и люди слушали очень внимательно, потому что знали своими руками, как делаются эти числа, и вес хлеба знали спиной. Человек сказал гордо:

— Колхозники «Луча» ни в чем не отстанут хоть от кого. — Повернулся к Зырянову: — Ну, теперь ты должен обещаться нам, а то и ехать пора мне.

— Товарищи! Даю слово коммуниста, — сказал Василий и побледнел: — Будет свет в Черендее!..

Все закричали, захопали. Василий ждал и не понимал, что ему уже не дадут продолжать. Савва тоже воодушевился и закричал чудовищно гулким голосом:

— Василий Игнатьевич! Лодка гружена всем припасом, поплыли по теплой воде!

Василий весело обернулся к лодкам, но в эту минуту председатель эвенкийской кооперации схватил его за руку и повел к дому. Рядом с Василием шла Лидия, которую точно так же за руку вела жена Григория Ивановича.

Василий успел еще заметить, что обе лодки вытащены на берег. Саватей и еще четверо уносили куда-то ящики и мешки.

Глава 15

ДАВАЙТЕ РАССКАЗЫВАТЬ СНЫ

Приблизившееся облако потянуло на себя все глаза.

Головы откинулись, движение толпы замедлилось. Все остановилось. Григорий Иванович в волнении выпустил локоть Зырянова.

Облако низко волочилось. Оно было тяжелое, мокрое. Уже видно было, как оно начало проливаться. Толпа молчала почти благоговейно. Облако надвигалось на безлесную, разогретую солнцем равнину Черендея, но вдруг оно стало подниматься, подобрало рыхлый живот и взлетело, подброшенное мощным толчком теплого воздуха.

Толпа застонала.

— Вот как хочешь, — грустно сказал председатель сельсовета, — а у нас надо закрывать поля лесом от солнца, иначе сами поля прогоняют дождь, и главное — чем сильнее засуха, тем скорее прогоняют.

Погрустневшие граждане проводили Зырянова до дверей домика эвенкийской кооперации.

Но даже в эти дни таких тревожных весенних предзнаменований приезд экспедиции был событием чрезвычайным в Черендее и возбудил волнение почти праздничное.

После обеда Лидия ходила в школу и беседовала со школьниками. Ни на одну минуту ее и Зырянова не оставляли одних, и она не могла поговорить о Сене. Вечером Василий в клубе сделал доклад о разведке нефти на Лене. Граждане задавали вопросы и не хотели расходиться. Молодежь потребовала, чтобы родители освободили место для танцев. «Чудо» сияло.

Матвей Ильич пригласил Василия и Лидию посидеть в комнатке партийного комитета.

Все были довольны, разговор шел хороший. Лидия почувствовала, однако, за всей благорасположенностью у людей какую-то скрытую озабоченность. Это не относилось к Василию. Это была дальняя тревога. Дальняя и большая.

Слушали Василия, а он, конечно, не замечал летевшее к полночи время и с жаром говорил. Лидия смотрела на него в упор, и наконец он замолчал, догадался.

— Ну, давайте рассказывать сны, — сказал председатель совета.

Василий удивленно взглянул.

— Что подумают о нас москвичи? — сказал Матвей Ильич, усмехаясь.

— Москвичи тоже сочувствуют, беспокоятся о нашем урожае. — Председатель совета вздохнул. — Не видится.

— Весь день в бумагу смотришь, оттого и не видится тебе, — осудительно сказал директор Затона. — Я вот видел сон хороший. Солнце мочилось сквозь облачко. Прямо в Лену.

Председатель выслушал со вниманием и сказал:

— Еще?

— Мало, — сказал директор мукомольного завода.

— Я что-то видел и забыл, — сказал начальник почтово-телеграфного отделения и зевнул.

Вздохнул украдкой и Матвей Ильич.

— Извиняюсь, — обратился председатель совета к Лидии, — вы что-нибудь видели во сне по дороге от Витима?

— Они из другого климата, — сказал заведующий школой.

— Бросьте, ребята, — сказал Матвей Ильич, — москвичи засмеют нас.

— Я никогда не вижу снов, — сказал Василий.

— Ну-у? — Председатель сельсовета немного оживился. — И в Москве не видишь?

— Всю жизнь.

— Значит, сегодняшнюю ночь первый раз в жизни увидите сны, — сказал директор Затона и подмигнул всем.

— Благодаря чему? — спросил Василий.

— Благодаря гостеприимству Кулакова, — сказал заведующий школой.

— Я думаю, — сказал председатель сельсовета, оживляясь, — может быть, из всех якутов Григорий Иванович один сберег почетную постелю для гостей. — И спросил: — Перед сильным дождем вы видите все-таки?

— Никогда не видел ни одного сна, — сказал Василий.

— Кажется, я догадалась, — сказала Лидия. — Это такая примета?

— Народ дождя просит, — сказал Матвей Ильич, обращаясь к Лидии, — на все приметы кидается, вы правильно поняли. Григорий Иваныч, не позволяйте ваших гостей мучить. Отдыхать им надо.

— А эта примета может иметь научное основание, — сказала Лидия, заинтересованная. — Известно, что животные предчувствуют изменения погоды. И человеческий организм во сне ближе к природе, когда он освобождается от контроля сознания...

— Вот и я это говорю! — воскликнул заведующий клубом. — А они смеются, говорят: тебя надо из партии исключить за суеверия...

В доме Кулакова Лидия спросила:

— Где Савватей Иванович?

— Спит. Сейчас я все налажу, — сказал Григорий Иванович и вышел из маленькой столовой в другую комнату.

— Лидия, вы слышали, что Сеня крикнул из багажника?

— Слышала.

— Я не доверяю Савватею.

— Товарищ Зырянова, вы можете идти отдыхать, — сказал Григорий Иваныч, входя.

— Товарищ Цветаева, — поспешно поправил Василий.

Григорий Иванович в смущении смотрел вслед ей.

Жена Григория Ивановича зажгла свечу в честь гостей и отвела Лидию в крохотную комнатку. Ласково посмотрела и сочувственно улыбнулась:

— Поругались?

— Кто с кем? — вежливо спросила Лидия.

— С мужиком?

Лидия поняла и покраснела.

— Не пускаешь к себе?.. А постель-то какая!

— Он мне не муж!.. — Почему-то ей стало удивительно стыдно, что он ей не муж.

И женщина смутилась, как-то даже испугалась, повторила за Лидией непонятливо, не то строго:

— Не муж?.. Так как же, девка ты или как?

— Девка, — прошептала Лидия в отчаянной растерянности перед незнакомой, невежественной, некультурной женщиной, якуткой. «Почему я отвечаю на ее вопрос?.. Почему я

перед нею оправдываюсь?.. Я неправа?.. Но почему перед этой якуткой?»

Якутка внимательно оглядела ее, задерживая взгляд, как ни один мужчина еще не посмел.

— Как же ты не любя ему?

И Лидия загорелась вся под ее взглядом и трепетно ждала. Якутка сделала решительный вывод:

— Люба. Не останешься девкой с ним в тайге. Слышь, завтра тащи его к Гаврильеву.

— К Гаврильеву?..— в непонятном страхе спросила Лидия.

— В сельсовет. А я сейчас велю ему идти к тебе.

— Не надо! — Лидия схватила женщину за руки, взмолясь, испытывая стремительное чувство изнеможения своей воли.

За час до отъезда в Москве спросил — побледнел: «По дороге на вокзал, может, заскочим в загс?..» — «Это новое в геологических экспедициях, я не слыхала. Теперь коллекторов регистрируют в загсе? — Сдерживая дыхание, непримиримо: — Вместо разрешения у мамы?..»

Он сказал только одно слово: «Поехали».

И все будет, как решит эта женщина вместо мамы за восемь тысяч километров от Москвы. Если она не сжалится над Лидой...

— Как хошь.

Ушла.

Лидия подошла к окошечку, распахнула настежь. Лицо, наверно, никогда не перестанет гореть. Будет уличать Лидию всю жизнь перед всеми.

Огонек затрепетал от дуновения из окошечка. Подсвечник со свечой хозяйка оставила на полочке, заменявшей стол в этой комнатусечке. Лидия подошла к белой раскрытой узкой постели и провела пальцами по свежим простыням. После иркутской гостиницы она не раздевалась.

Одеяло было мягкое, толстое. Ох, да из чего же оно сделано? Это мягкий, словно шелковый, заячий мех. И какой же глубокий, пушистый белый заяц! Сколько бедных зайчиков отдали свои шубки для этого огромного снежного покрывала! Остудить лицо в нем!

Вместо тюфяка положен был тоже мех. Лидия блаженно улыбнулась и расплела косу. Она развязала рюкзак, чтобы вынуть большой гребень. Поверх всех вещей лежал смятый листок бумаги. Откуда он взялся? В недоумении она подо-

шла к свече. На листке написано было карандашом большими, растопыренными буквами. Буквы боялись задеть друг друга и старались держаться врозь, но все-таки свалились на строку строкой:

Л М В И
ПОСЛЕДНИЙ ЧЕЛОВЕК БУДУ
ЕСЛИ ПРОПУЩУ СЛУЧАЙ
ДОБРАТЬСЯ ДО БС
ИЗВИНИТЕ
ВРЕМЕННО
ОСТАВЛЯЮ ВАС СТ

Он догадался сунуть записку в ее рюкзак!.. Но что это значит? Сеня сам не захотел сойти в Черендее? Он добровольно остался на самолете?.. Он сговорился с пилотами? Но зачем?.. «Добраться до БС»! Что это означает?..

В темноте багажника, ошущью, он написал это... Лидия была взволнована. Ей хотелось немедленно показать Василию, но весь дом спал.

Ночной холод набросился на нее из окна. Лидия быстро и радостно окунулась в глубокий мех постели. Мелодичный звон оповестил об этом всему дому: гостья легла.

Разнесся новый быстрый перезвон, и музыка умолкла, потому что гостья спрыгнула с кровати.

Она стояла на полу и тревожно разглядывала свою коварную постель. На уголочках подушек она обнаружила колокольчики, на концах исподней простыни были бубенчики пришиты, и еще где-то какие-то очень звонкоголосные украшения; должно быть, серебряные и медные. Это не кровать была, а целая колокольня, музыкальный инструмент.

Лидия осторожно села и тихохонько легла. Но все эти хитрости были напрасны. Нежный звон сопровождал ее старания, и она рассмеялась.

Колокольчики оживленно перевили ее смех. Каждое ее движение стало мелодичным. В отчаянии она съежилась и лежала не шевелясь, и простыня притихла, но пушистые зайцы не унимались и вместе с подушками отмечали тихими трелями легкое дыхание гостьи.

Лидия не выдержала и прыснула в подушку под радостный аккомпанемент бубенчиков и колокольчиков, и тогда она стала хохотать. Она побила свою веселую постель, ужасаясь громозвучным следствиям своей смешливости, а почетная

постель трезвонила, как рассказавшаяся удалая тройка, частично утешая радушного хозяина в том, что гости не сполна воспользовались кулаковским гостеприимством.

Глава 16

ЖЕНЯ ИЗ БРИГАДЫ ВЕРНЫХ ЗАМЕНЯЕТ СЕИО

Бесконечная стена южного берега Лены, оштетиненная тёмно-зеленым лесом, раскрывается неширокими доломитовыми воротами, и Полная выбегает из них, будто торопится поспеть в протоку и через протоку — в Лену, чтобы Лену пополнить. Она спешит, бежит и никак не выбежит вся — и совсем незаметно тонет в протоке. А Лена и не знает о ней.

Лена и Лидия длительно глядят на ободранные ворота Полной. Крутые и высокие откосы ворот поросли тайгой, но в некоторых местах она содрана вместе с питательной почвой — широкими полосами снизу вверх. После жестокой вырубки лес не может прижиться вновь, и такой берег разрушается, насыщая воздух пылью далеко, и Лена «болеет» в таких берегах: обмелевает, ее теснят пески.

А Лидия сказала с эгоизмом геолога, что эти склоны «хорошо обнажены»: она могла с удобством видеть желтые, красные, светлые и темные оттенки коренных пород.

Первые сорок километров от устья Полной — до Алексеевки — Зырянов обследовал в прошлом году. Теперь их прошли довольно быстро, сделали общий обзор из лодки. Только перекаты задерживали даже в нижней части реки, наиболее полноводной.

В Алексеевке помнили Зырянова по его прошлогоднему посещению, а в одной семье было у него даже двухлетнее знакомство. Сын старого охотника Алексея Петрова работал с Зыряновым в 1932 году на Байкале.

Лидию удивила пылкость встречи Василия с его знакомыми в Алексеевке: в Черендее он этой пылкости не проявил — хотя к нему она проявлена была в избытке.

Василий бросился к старику Петрову, жал ему руку, обнимал, благодарил за присланные камни. Старик улыбался и сказал, что все камни сыскал Пётра. Это вызвало у Зырянова новый прилив энтузиазма — по адресу Пётры. Лидия смотрела на эти чрезмерности с ироническим сомнением.

Лидия заметила, что Женя взглянул сразу с ревностью на влюбленное обхождение Саввы с Василием Игнатьевичем, и это ей показалось тоже смешным. И вдруг она услышала имя Сени, произнесенное сыном Петрова.

Женя спрашивал, не знает ли Василий Игнатьевич, где Сеня, получал ли от него письма.

— Улетел в Русское жило! — сказал Зырянов смеясь.

Лидия возмутилась:

— Как вы можете смеяться над его ужасным положением! К тому же он попал в это положение из привязанности к тебе!

Василий опять посмеялся и ушел.

Женя со скрытым волнением тревоги и зависти выслушал рассказ Лидии о необычном и, может быть, опасном приключении, затеянном Сеней, всем сердцем благодарный женщине за интерес и сочувствие к его товарищу. С этой минуты он оказывал ей высшее доверие. Они еще ни о чем не поговорили — только о Сене, но обоим казалось, что вполне поймут друг друга во всем. И, с бессознательной мудростью укрепляя эту общность, оба держались первой темы, которая их сблизила: каждый вечер, встречаясь за ужином, они стали говорить о Сене.

В Алексеевке Лидия впервые видела эвенков, которых в 1934 году еще называли тунгусами, по старой привычке, а от ссыльных русских и польских интеллигентов пошло им прозвание «французов Сибири» за их живость, подвижность, общительность. Ссыльные революционеры величали эвенков «рыцарями» и восхищались их быстрым умом. Старый справочник утверждает, что «взаимная поддержка и выручка развиты у них, как ни у какого другого народа», и аттестует тунгусов «одним из самых симпатичных народов Сибири»...

Женя легко убедил отца принять участие в поисках нефти на своей родной реке. Зырянов был этим очень доволен, так как опытный охотник должен был обеспечивать экспедицию свежей дичиной.

Василий рассчитывал еще на одного рабочего из своей байкальской разведки — маленького якута Ваню с Эргежея. Ваня обещал показать выход природного газа. Встреча с Ваней тоже условлена была в Алексеевке.

— Я же не найду без него Шаманский источник на Эргежее! — пожаловалась Лидия.

Женя успокаивал ее и уверял, что «наш Ваня» обманет

только мертвый, а живой все сделает, как обещал: придет как раз когда надо будет.

Женя так понравился Лидии, что она даже стеснялась его и отводила глаза, встречая открытый взгляд очень темных глаз, и разглядывала украдкой омедненное солнцем, почти индейское лицо, только с прямым, а не орлиным носом, высокий и широкий прямоугольный лоб, худые щеки, туго обтянутые тонкой кожей, черные длинные волосы, гладко отложенные к вискам, черные лаковые брови уголками. Особенно удивляла необычайная стройность фигуры при среднем росте. Впрочем, такими же стройными были все мужчины и женщины в Алексеевке, молодые и старые. Лидия не знала, что тунгусы-эвенки — едва ли не самые длинноногие люди в мире: на длину ног приходится у них больше шестидесяти процентов всего роста.

Отец Жени, Алексей Никифорович, отличался такой же своеобразной внешностью. Лицо его закоричневело от времени и многолетних загаров. Из глубоких ниш под сильными бровями темно-карие глаза смотрели наблюдательно и ненавязчиво, полуприкрытые выпуклым верхним веком. Старческие морщины изрезали высокий лоб, широко открытый под черным и тонким чепцом гладко расчесанных на две стороны, плотно лежащих волос. Под очень широкими скулами щеки втянулись ложбинками, верхняя безусая тонкая губа сохранила юношеский изгиб — классическую форму длинного боевого лука. А вместо бороды — рыжеватый кустик.

Глава 17

ЗАПАХИ КАМНЕЙ

Два мальчика, выбранные Женей, — два Пётры, — верхом повели лошадей, запряженных бечевою в три лодки. На стоянках старший Пётра по совместительству занимался кухней, другой заботился о лошадях.

Восьмым активным участником экспедиции была Тайга — собака Петрова.

Лошади медленно тянули против крутого течения и часто сходили с береговых осыпей в воду там, где их сталкивала скала или вытесняли частые деревья, подступившие к обрыву. Но и по дну реки дорога была плохая. Некованные копыта осторожно нащупывали скользкие и острые обломки, загро-

моздившие ложе потока. Копытам и ногам лошадей грозила постоянная опасность.

После Алексеевки разведчики вышли из лодок.

Река во многих местах отходила и обнажала обсохшие галечники, нагромождения обломков.

Лидия показала Савватею и Жене, какие камни следует подбирать. Женья с отцом должны были ходить по притокам Полной и заходить в ключи, ни одного не пропуская. Отцу Жени это позволяло заниматься охотой.

Савватей Иванович пошел за геологами коренной рекой, Лидия шла берегом, а Василий — прямо водой, и Савватей за ним.

Под водой Василий подобрал темно-серые куски доломитов. Камни были темные от воды, но в порах известняка Василий различил оттенок битума.

Он в нетерпении, выходя из реки, обтер находку рукавом и побил камень о камень, пока не появился сухой порошок и не запахло порохом и керосином. Он подбежал к Лидии:

— Чтобы взять это в прошлом году, я должен был пройти выше на двадцать шагов!

Она сочувственно улыбнулась и думала о Сене: что с ним сейчас?.. Летчики посадили его в тюрьму.

Глубина в реке иногда уменьшалась до тридцати сантиметров. Большие камни вылезали грядой, поток бился и прорывался прыжками. Тогда Савва кричал аврал всем, кто оказывался поблизости.

Василий становился с шестом в первой лодке и показывал дорогу. Вторую лодку проводил Савватей, третью — Женья.

Таких перекатов было на каждом километре по одному, по два и по три.

Женья поспорил с Василием Игнатьевичем, требуя себе вторую лодку, и подчинился с недовольством приказу начальника. Но уже на следующем перекате Женья опередил неторопливого Савватейя Ивановича и проскочил с помощью смышленного Пети в упор за флагманской лодкой Зырянова. Савва не обратил на это ни малейшего внимания и, по-видимому, даже не догадывался о соперничестве Жени...

Вечером Савватей с нахмуренными бровями наблюдал новую для него технику искательства нефти. Он и Женья толкли осколки от лучших образцов, Василий и Лидия взбалтывали щепоть порошка в бутылочках с бензолом. Жидкость

окрашивалась в коричневые тона, светлые и кофейно-темные. Василий Игнатьевич осматривал камни, давшие самую густую окраску.

— Смотрите, товарищи, они все хорошо окатаны. Значит, река притащила их издалека и успела пошлифовать.

Женя быстро смекнул, что лучшие образцы были в находках Василия Игнатьевича не только потому, что он лучше всех умел выбирать. Женя понимал, что все притоки и ключи сносят свою добычу в коренную реку. Азарт веков искания и добычи всегда был в его сердце... Женя был сыном лучшего охотника на Полной и потомком десятков поколений племени охотников, и все они бесстрашно боролись с медведем в тайге, ранее того выслеживали тигра в Средней Азии, а еще ранее в Малой Азии убивали льва.

Женя отвел Савватая в сторону и долго расхваливал мелкие притоки.

Савватей молчал. Женя в нетерпении спросил:

— Ну, так как же, согласен?

— Правильно, — сказал Савватей. — Когда правильно говорят, я всегда согласен.

— Пожалуйста, — сказал Женя гостеприимно, — бери все ключи и притоки.

— Я всею бы душой, да не управлюсь я с притоками и с рекой... Ты не обижайся, Женя.

— Да ведь я тебе хочу услужить! Тебе притоки, а мне река!

«Какой проstack! — подумал Женя. — Ничего не стоит обмануть его, но очень трудно объяснить ему...»

— За что же ты мне?

— Ты мой гость на Полной! По нашему обычаю, я должен отдавать тебе лучшее место.

— Спасибо! Отслуга за мной, — сказал Савватей. Веролюбства не было в его душе.

— Ничего не надо, — великодушно сказал Женя.

Преданность и приверженность Саввы к Лидии Максимовне тоже не нравились ему.

Он почувствовал недоверие к легкому согласию Савватая и решил опередить его: утром после завтрака сразу пойти в реку — раньше всех.

Но утром у кухонного костра, когда экспедиция собралась позавтракать, Савватей уже вытряхивал камни из своего мешка.

— Где ты взял? — спросил Женя.

— На первом ключе по сей стороне,— сказал Савватей Иванович.

— Когда ты успел?

— А ночью!

Василий побросал камни:

— Ночью нельзя искать.

— А ты и днем не ищешь, берешь втемную под водой. Счастье,— сказал Савва.

Женя совсем не входил в ледяную воду. Он шел быстро по сухой и светлой гальке и выхватывал зорким глазом по всей береговой россыпи малейшее темноватое пятнышко. Он усердно бил камни и обнюхивал.

Он встречал отца на выходах из ущелий и внимательно наблюдал за его действиями. Отец тоже нюхал. Отец поднимал лицо и нюхал, а камни держал при этом в опущенных руках. Он нюхал воздух.

Женя не спрашивал. Отец сам не говорит — считает, что Женя должен догадаться. Женя старался, но не догадывался — и нюхал воздух. Если он должен догадаться, он догадается. Иногда воздух чуть отдавал свежим дымком. Пожар прогонит белку, лишит ее корма и лишит охотников добычи. Отец беспокоится?

Глава 18

БОГ ДАЛ ПУТЬ, А ЧЕРТ ДАЛ КРЮК

Василий заторопился вперед. Весь день он брел в ледяной воде, закатав штаны, а голову пекло июньское солнце. Икры сводило, в ногах сделались судороги. Мальчишки-эвенки смеялись над ним.

Он с трудом выходил из реки, чтобы отогреть ноги. Но скоро вода в кожаной обуви согревалась, потом сапоги высыхали, и галька жгла сквозь кожаные подошвы.

А эвенки всё примечали.

Невозможно было скрыться от их наблюдательности, и Лидия не спрятала слезы, хотя она отворачивалась и низко опускала лицо под широкополой абхазской шляпой.

Вечером отец Жени вынул носки, выделанные из какой-то мягкой шкурки, шерстью внутрь, и подал Лидии.

Носки были новые. Лидия не утерпела — примерила, несмотря на усталость. Носки оказались впору. Алексей Никифорович внимательно смотрел.

Сейчас же он вынул из мешка другие, длиннейшие чулки-сапоги, шерстью наружу, снятые целыми с оленьих ног.

— Больше не будешь плакать, — сказал, протянув Лидии.

Природные чулки оленя оказались и ей по ноге. Выяснилось, что дальновидный старик взял их в запас именно для Лидии.

После первого дня в новой обуви Лидия уверяла, что она вполтину меньше устала. Она горячо благодарила Алексея Никифоровича. Эвенкийская охотничья обувь не пропускала воду, тепло и холод.

— На Инняхе легче было прошлым летом, — сказала Лидия. — А на Полной всегда так жарко?

— Всегда легко на Полной, — сказал старик. — Нынче год худой.

— Но когда мы пришли в Алексеевку, еще не было так жарко, а вы запасли эти сапоги для меня!..

Петров промолчал.

— Отец знал: будет жарко, — сказал Женя.

— Почему вы знали, Алексей Никифорович?

— Тайга совсем не ела траву, — сказал старик.

Тайга подняла косматую голову и старалась уяснить себе, к чему приведет разговор о ней.

— Тайга, оказывается, метеорологическая собачка!

— Другое: бурундук не стал бояться человека, — сказал старик.

— Не понимаю, какая связь.

— Еще: зайцы набежали.

— А из этого следует засуха?

— Скоро набегут лисицы. После лисиц — медведи. Увидишь. Может, и волк придет.

— Допустим, что все это будет. Но в Алексеевке этого не было.

— Комаров мало было.

— Мало?! — Лидия ужаснулась.

— Совсем мало, — подтвердил Алексей Никифорович. — Сегодня еще не жарко.

— Еще не жарко?!

— Комары днем и те занемогут жить, будут жить ночью. И ты захочешь жить ночью. Увидишь: солнце будет умирать, потом хорониться. Днем жара будет густая, как дым от пожара в лесу. Пожары тоже будут.

— И это все мы увидим? Как интересно! Это похоже в его описании на гибель планеты!

— Погибель будет, — подтвердил Алексей Никифорович. — Голод. Почему тебе интересно?

— Нет, это не интересно, — сказала Лидия виновато.

Обломки битуминозных пород попадались с каждым днем все менее окатанные. Следовательно, экспедиция приближалась к месту, где они обламывались. Возбуждение Василия и увлечение Жени забавляли Лидию, но она и сама волновалась. В один день было пройдено двадцать пять километров. Последний вечерний образец имел крепкие углы. Он откололся где-то совсем близко.

За ужином у костра Лидия подразнила увлеченных искателей. Василий крепился и молчал: значит, возбуждение и усталость вместе достигли угрожающего уровня. Она почувствовала опасность с этой стороны и перенесла свои насмешки на Савватаея. Его успехи были ничтожны, хотя он приносил целые мешки камней.

— Он набирает их в одном месте разом полный мешок, — сказал Василий.

Савватаей с подозрением взглянул на Зырянова.

Он относился добродушно к своим неудачам. Когда один камешек из его мешка вызывал интерес у Лидии Максимовны, Савва весело говорил:

— Бородавка — и та прибавка!

Женя отвел Савву в сторону и с горящими глазами сообщил ему свою тревогу. Отец неспроста заговорил о пожарах: он чувствует опасность: где-то она бродит вокруг экспедиции... Отец опасается только засухи. Старик не знает о врагах советской нефти. Но Женя знает о таких, которые несут угрозу Зырянову и всем искателям нефти. На Зырянова уже нападали один раз, три года назад — на Кавказе, где он тоже нашел нефть.

Савва внимательно выслушал и кратко сказал:

— Ладно, побережемся.

— Савватаей Иванович, — слукавила Лидия, — я слыхала, у вас была мена?

— Бог дал путь, а черт дал крюк, — благодушно сказал Савва, поглядев на Женю.

Женя не слушал. Он искоса смотрел на отца. Савва за ним тоже посмотрел. Алексей Никифорович нюхал воздух, поднимая лицо.

И вдруг Савва вскочил, схватил мешок.

— Ладно, — сказал угрожающим шепотом. — Достану тебе камушек.

— Нельзя в темноте искать! — закричал Василий.

Но Савватей ушел.

— Русский, а какой азартный! — сказал Василий.

— Русские — истовые, — сказала Лидия.

— Каждую ночь ходит, — сказал Женя.

— Неужели? — изумился Василий.

— На берегу остановится, слушает, набирает полный мешок.

— Женя! — воскликнула Лидия недоверчиво. — Откуда ты это знаешь?..

— Слышу.

Василий молчал.

— Каждый день тайга горит, — сказал Алексей Никифорович.

Василий молчал, опустив глаза.

— Где горит? — испуганно спросила Лидия.

— Снизу. Где прошли — там горит.

— Завтра еще скорей пойдем, — сказал Василий.

— В таком случае, Женя, расскажи про Ваню! — весело попросила Лидия.

— Мы с Ваней пошли с Эржежа вместе на Кузнецкстрой, там узнали Сеню. Вот это парень — да!.. Он подговорил сходить на Байкал. На Кузнецкстрое получили сапоги — пошли. На Байкале нанялись на землекопную научную работу к Василию Игнатьевичу — на разведку тайны Байкала. Работа была самая нехорошая, рассказы Василия Игнатьевича — самые охотные в жизни...

Лидия со смехом поправила его:

— Самые охотничьи?..

Василий надулся, а Женя старательно поправился, не ведая подвоха:

— Самые охотничьи. В моей жизни, в жизни Вани и Сени тоже. Мы не слышали ничего более научающего...

Лидия опять поправила:

— Ничего более научного?

Но этой поправки Женя не принял.

— Я сказал правильно по-русски: разговоры Василия Игнатьевича были самые научающие для каждого, который охоч... Мы — люди охочие, охотники.

Василий поднял голову и с гордостью взглянул на Лидию.

— Ваня очень серьезный человек, — продолжал Женя, — говорить совсем не любит. С ним скучно... Сеня — другое дело! Он не сказал, откуда его род. Мы раньше не верили, что человек может не знать, откуда его род. Ванин род живет на Эржежее. Мой род — в Алексеевке. Русские тоже знают свой род. А Сеня не знал; оказалось — правда. И пришел на Байкал один старинный человек...

— Старый, — поправила Лидия.

— Опять нет: Василий Игнатьевич сам сказал — старинный человек. Его звали Николай Иванович, фамилия — Меньшик, прозвище — Плехан. Он признал Сеню за Тарутина из Русского жила и рассказал про Сеню, что у него предки — достойные люди, они писали сказку на берёстах — обо всем, что с ними произошло за четыреста лет. Сенин отец писал, дед писал, прадед писал...

— Я все поняла теперь!.. — прошептала Лидия. — Николай Иванович велел Сене вернуться в Русское жило, где его род живет. Сеня должен тоже писать Берестяную Сказку Русского жила. Так вот что означают эти две буквы в Сениной записке: БС...

Женя считал невежливым подтверждать очевидные вещи. Он только сказал:

— Надо выручать Сеню. Василий Игнатьевич будет выручать?

— Поехать на Индигирку он, конечно, не сможет.

Мальчишки спали. Женя с отцом легли у костра. Василий делал бензольные вытяжки, Лидия записывала в тетрадке и обвязывала образцы. Это продолжалось долго. Она думала о необыкновенной судьбе Сени, о пугающих пророчествах Алексея Никифоровича, об опасностях пожара в тайге и вспомнила тетрадку.

Слипались глаза. Надо будет прочитать Сенину тетрадку. Доломиты загорелись у нее в руках, она отбросила их. Они упали в траву, лес загорелся. Она побежала в лес предупредить Савву о пожаре.

Василий разбудил ее.

— Я уснула, — сказала Лидия виноватым голосом. — Куда-то уронила тетрадку. — Она пыталась найти тетрадку в густых сумерках и шарила по сухой безросной траве.

— Я подобрал тетрадку, — сказал Василий. — Завтрак готов. Я уже поел, иду на реку.

— В темноте? Ночью?

— Сейчас рассветет.

Из темноты к костру подошел Савватей, вытряхнул добычу. Камни глухо застучали, запахло порохом и керосином.

— А ну-ка, посмотри-ка, Лида!

Василий, не взглянув, ушел. Лидия похвалила камни. Она подошла к воде, умылась и тогда поняла, что ночь каким-то образом миновала ее.

Глава 19

А В ЭТО ВРЕМЯ...

Впервые самолет из Якутска летел на восток. Маленький, с кабиной на три пассажира, «юнкерс» разведывал кольцевую трассу по договоренности с богатой организацией, заготавливающей пушнину. Для очень рискованного полета выбрали самых опытных летчиков, летавших в гражданскую войну, несмотря на важный недостаток у обоих: притупление почти до утраты чувства страха.

Полет поторопили ради его агитационного значения. Самолет летел на поплавах. В тундре оттаяла трава, но еще не стонулся лед на реках внутри Полярного круга. Внизу, не очень далеко, зелено-бурая равнина медленно поблескивала водой в траве, уплывала к северу. Белая полоса льда на Индигирке неровно раздирала тундру в течение трех часов, от моря к югу, к туманным горам, и негде было сесть.

Летчики высматривали на равнине и в предгорьях жилое место, хотя бы одну юрту или одного охотника, и приличную воду.

Помощник указал пилоту пальцем на белый распадок в горах на восточном берегу. Распадок уходил в ущелье, а над истоком клубилось облачко.

Единственный пассажир в кабине, затиснутый между судами с горючим и другими запасами, тоже прильнул к целулоиду квадратного окошечка. Светлая полоска в распадке оказалась громадной наледью, на многие квадратные километры, и гороподобный обрыв наледи неприступно висел над долиной Индигирки.

Пилот мрачно сказал:

— Вот сюда бы его и вытряхнуть.

Наледь примерзла обоими концами к каменным косякам ущелья, запирая наглухо распадок. А в одном месте из-под наледи вытекала речка и впадала в Индигирку.

Наледь захватила все видимое ущелье, километров на

тридцать вверх. Истоки ее скрывались в прорези гор, под облаком — и там, сквозь легкий туман, блеснула вода.

Пилот не мог поверить, чтобы в верховьях такой наледи могла быть чистая вода.

Глава 20

ЛИДИЯ ЗАКАЗЫВАЕТ ИМЕНИННЫЙ ПИРОГ

На сухих осыпях тлел сухой и теплый рассвет.

Солнце где-то уже взошло, но в ущелье Полной небо было серое, пепельное.

— Алексей Никифорович, посмотрите, какое небо! — воскликнула Лидия. — Это не от пожара в тайге?

— Само небо дымит, — сказал старик, — солнце нажгло.

«Как поэтично!» — подумала она. Не могла же она принять его слова буквально. Она взглянула на часы — было шесть часов — и тут же увидела темную полосу в низком обрыве берега. В это время она шла левым берегом.

Лидия бросилась к ней, отбила кусок породы, понюхала. Сделала вытяжку. Битуминозный слой известняков вышел на дневную поверхность!

Она стала кричать Василию.

Он шел в реке ближе к правому берегу. Клокот переката заглушал голос Лидии, но, может быть, Василий слышал и не хотел оставлять след, которым шел? Она продолжала кричать. Наконец-то!

Он посмотрел на Лидию, потом разглядел темную полосу породы в обрыве берега у ее ног, над самым урезом воды, и побежал к ней.

Он оступался, дно завалено было колкими, валкими обломками. Поток на перекате схватил его за ноги и два раза повалил. Он весь вымок. Лидия ждала. Василий поднимался и смотрел на темную полосу доломита, устремляясь к ней. Несомненно, он огорчался. Да что огорчался — он прямо горевал, что не сам первый увидел выход породы на дневную поверхность. Он сразу жгуче приревновал к Лидии кембрийскую нефтеносную породу — за первый взгляд.

Но больше не надо было «пахать реку ногами». Они следили за обнажением доломитов, работая теперь молотком, а не пальцами. Оба добывали интересные обломки прямо из пласта, молотком, — и тут же бросали, не жалея.

Можно было идти очень быстро, но двигаться стало трудно и становилось все трудней. Это казалось необъяснимым, так как быстрый поток холодной воды смягчал жару и облегчал дыхание.

Лидия с любопытством наблюдала за поведением доломитов: битуминозная полоска в бровке берега явно застлела, зашевелилась меж соседних слоев и поплыла, Лидия это видела. Кроме того, порода уже не была серо-коричневой. Не то она была коричневая, не то лиловая, но скорее синебагровая. Лидия почувствовала усталость в глазах от этого беспокойного поведения породы и отвернулась к реке.

В реке текла фиолетовая вода.

У Лидии защемило сердце от мелькания аметистовых бликов на фиолетовой воде. Она подняла глаза на приподнятую тайгу и ощутила облегчение. Багровые стволы лиственниц объята были спокойным коричневым излучением хвои. Это было тоже странно, а все же лучше. Но только и эта краска была какая-то неверная, сомнительная под саваном мертвенного света, одевшего долину.

Сожженное небо опустилось в долину пепельно-бледным шелком и почти касалось лиственниц. За серебристыми шелками — малиновый крохотный уголек солнца. И Лидия поняла, что солнце умирает. Но все же они прошли до вечера двадцать пять километров и разбили палатки на острове Повешенного Зайца, в излучине реки.

Отец Жени надеялся, что в излучине удержался хоть какой-нибудь ночной ветерок, отгоняющий комаров.

Мальчики пустили лошадей в глубину островка. Островок имел форму речной раковины-двустворки. Середину раковины занимало мховое болото, подсохшее по краям. Ели окружали болото.

Утром Василий осмотрелся. Правый берег стоял крутой осыпью метров на двести пятьдесят, если не триста. Залегание пород под осыпью невозможно будет проследить без специальной расчистки. На левом берегу, более низком и затеженном, едва заметно выделялся в обрыве берега над водой незначительный изгиб слоев, складка доломита, но без малейших признаков битуминозности.

Василий подошел к палатке Лидии:

— Ты не спишь?

— Я уже оделась.

— Не выходи без накомарника. Проклятое болото! Проклятые ели вокруг болота!

— А вечный ветер в этой излучине? — тотчас съехидничала Лидия.

— Он тоже поддыхает от зноя. Петров говорит, что останутся живы одни комары и рыбы. Я начинаю расчистку осыпи.

— Нет уж, сначала позавтракаем. — Она вышла из палатки.

К завтраку Савватей не пришел из очередного ночного похождения, поэтому Василий хмурился, и все молча и как-то скучно жевали, сидя на земле. Говорить не хотелось из-за духоты, ничего не приходило в голову, не думалось... Но нельзя поддаваться, надо преодолеть — как бывает надо проснуться, вырваться из кошмара. Лидия заговорила о жаре и о том, как удивительно Алексей Никифорович предсказал наступившую погоду.

Василий тоже рассказал о подвигах Петрова, и только эвенки молчали: мальчики — ввиду молодости, Женя — из скромности, потому что люди восхваляли его отца.

Старый охотник польщен был, как никогда за всю свою жизнь. Ему хотелось тут же подтвердить уверенность в нем этих молодых московских людей.

— Здесь рябчики есть.

— О! — воскликнула Лидия. — К именинам мне чтоб был вкусный пирог с рябчиками. Слышишь, Петя?

— Когда именины? — спросил Алексей Никифорович.

— Послезавтра. — Лидия пристально смотрела по деревьям: — Где же рябчики?

Но старик не взглянул на деревья.

— В августе их будет видно. Теперь они в гнездах сидят.

— Алексей Никифорович, голубчик! Как же вы узнаете?

— Место такое. Вижу, для рябчиков хорошо здесь.

Женя тихо разговаривал с Петей-поваром. Когда старшие замолчали, Петя спросил, что такое вкусный пирог.

— Научить тебя, Петя?.. Превкусный пирог на шесть человек требует всего шестьсот граммов муки крупчатой, а воды меньше полутора стаканов. Полагается полторы чайных ложечки соли и до тридцати шести граммов сухих дрожжей. Форма пирога должна быть продолговатая. Величина его должна быть в пол-листа писчей бумаги, чуть-чуть покороче, — Лидия декламировала, как стихотворение в прозе, на память из поваренной книги, со вкусом, с увлечением.

Петя смотрел на нее во все глаза.

— Когда тесто будет раскатано, осыпать слегка мукою,

сложить вчетверо, переложить на салфетку, развернуть тесто, положить на тесто приготовленный фарш, загнуть все четыре края, красиво защипать посередине, вдоль и с концов. И вставить в горячую печь. Ну, ты все понял, Петя?

— Все понял,— ответил за Петю Женя.

— Не все,— сказал Петя.

— А для начинки ты же ничего не найдешь в тайге. Ну, возьми масло...— Лидия продолжала забавляться.

— Масло ара или хаяк? — внимательно спросил Петя-повар.

— Хаяк! — поспешно подсказал Василий и шутливо добавил:— Тас-хаяк! Для меня это было бы вкуснее всего.

— И непременно корицу или кардамон, бадьян, шафран, мускатный орех, ваниль, какао «Золотой ярлык», сахар и много изюма, можно черного.

Петя-повар со вниманием кивал головой, но спросил только об одном предмете из названных.

— Сколько класть черного тас-хаяк? — и засмеялся.

— Побольше! — крикнул Василий из лодки.

Он отправился на осыпь.

— Почему черного? Черного масла не бывает,— сказала Лидия.

— Ты это ела? — спросил Петя-повар.

Он боялся, чтобы над ним не посмеялись. Он очень удивлялся пирогу.

— Ну конечно, ела... Сказать тебе, о чем я все время думаю? — Она повернулась к Жене:— Что означали слова Се-ни: «Василий Игнатьевич, это он!»?

— О ком это Сеня сказал?

— В том-то и дело — о ком!.. Сеня крикнул эти слова из самолета, из багажника.

— Значит, он не видел людей на берегу?

— Не видел, но услышать мог.

— Кого он мог услышать?

— Конечно, Савва орал, как всегда.

Женя задумался.

Глава 21

НЕОБЫЧАЙНАЯ ЖАДНОСТЬ ЗЫРЯНОВА

Лидия занялась обработкой собранного материала. Старик Петров бродил, по обыкновению, в тайге с ружьем и собакой. Василий мобилизовал свободных мужчин, то есть

Женю и Петю-коновода, в помощь себе на расчистку осыпи на горе.

Лидия слышала легкий шорох катящихся обломков. Ей казалось, что на горе работают очень слабо. Там, наверно, сильно припекало, на горе.

Время от времени она выходила из тени взглянуть, как работают на горе. С удивлением она видела целый камнепад, летевший с крутизны со слабым шумом. «Господи, неужели я оглохла?» — думала она.

Стало тяжело, как в сухо натопленной бане.

Испепеленное небо бесшумно, медленно осыпалось и застревало к вечеру в хвое тончайшим сухим туманом. Петров говорил же: «Будет сухой туман». Верхушки лиственниц связались через реку колышущимся кисеистым пологом. Истомленная Лидия смотрела на эту картину, такую выдуманную, не похожую на правду, и напоминала себе, что сухой туман — все равно мокрый туман, образованный испарением воды, он состоит не из пепла.

«А вдруг на этот раз — дым?» — подумалось ей. И она недоверчиво смотрела на полупрозрачный воздух.

Старик Петров вышел из тайги на левом берегу. Лидия обрадовалась ему.

Петров посмотрел осудительно на работающих в горе, ничего не сказал и потащил на гору воду в брезентовом ведре. Работники бессильно двигали лопатами и наконец легли возле своих лопат. Они не могли больше работать и не хотели возвращаться домой. Они не хотели шевельнуться.

Алексей Никифорович окатил сына всем ведром и велел ему встать. Женя бодро поднялся. Отец дал ему в руки ведро. Женя принес воду и облил Петю-коновода, затем Петя принес ведро воды для Василия Игнатьевича. Женя обнял Зырянова за плечи и со скрытной нежностью помог ему сойти к лодке.

Василий в своей палатке пробормотал:

— Будем работать с комарами.

Он приказал себе проснуться в два часа утра и, когда проснулся, недоверчиво смотрел на светлый солнечный день.

Он подошел к Лидии с вопросом:

— Сколько на твоих часах?

— Шесть часов.

Он был поражен и сказал с настоящим испугом:

— Не может быть!

— Почему не может быть?

— Потому что я хотел встать в два и работать с командами, как советовал Петров.

Лидия поняла, что его драгоценная самоуверенность пострадала от первой осечки.

— Но твой механизм тоже может разлаживаться, так же как механизм часов, положенных на горячую печь. Если ты хочешь, чтобы часы не ввали, не клади их на горячую плиту.

— Ты права. Сегодня весь день будем работать в палатке, а ночью — на горе.

Ему не пришло в голову объявить просто перерыв, отдых на несколько часов. Но он повеселел: он нашел причину ошибки и уже был уверен, что не допустит повторения.

— Вы позавтракали?

— Нет.

Он обрадовался:

— Меня ждали?

— Да.

— Спасибо!

Он с нетерпением смотрел на белоснежную скатерть, поставленную поверх полотнища палатки на мху, не спешил к столу.

— Лидия! Старик Петров говорил, что в сухие туманы днем не работают. Вы знаете, почему мы работали?

— Знаю. Потому что у вас такой характер.

Она с тайной насмешкой наблюдала, как он обдумывал — с полной и мгновенной сосредоточенностью мысли: есть ли у него такой характер.

— Нет, у меня этого не было в характере до сих пор. Я сам не понимаю, как это случилось у меня в характере.

— Я заинтересована.

— Вы думаете, что я хотел поскорее раскопать жилу.

— Неужели нет?..

— Да, это верно... Но я хотел раскрыть ее непременно к сегодняшнему дню.

Он знал, что она скажет хоть слово после каждой его фразы. Но она молчала.

— Но я проспал,— сказал он с горечью.

— Спасибо,— сказала она церемонно,— вы хотели посвятить мне первую жилу кембрийских битумов? — Но она отлично поняла, что неудавшийся подарок выражал для Василия нечто очень большое, необыкновенное.

— Первую залежь кембрийской нефти,— поправил он важно.

Ей стало беспричинно весело и захотелось подразнить его, такого незащищенного перед ней, лишенного кожи.

— Почему же вы захотели сделать мне такой исторический подарок?

Но она готова была безвредно-болезненно мучить его, добиваясь, чтобы он сказал, потому что ведь он не выговорит больше ни одного слова. Она хотела играть в эту игру целую жизнь.

— Ко дню рождения? — ответила за него с кошачьей вкрадчивостью.

Он только смотрел на нее и улыбался, страшно довольный, что она догадалась, — какой глупый!..

— Но ко дню рождения разве подносят подарки, делающие эпоху в нефтеведении?.. Такой великолепный подарок прилично сделать Академии наук, ко дню ее двухсотлетия, — продолжала она.

Он немного побледнел от гордости и страха.

— А мне как геологу и ста не исполнилось!.. Ну ладно, надо покормить вас!.. Вы мне потом скажете, хорошо?..

Он кивнул головой, не понимая: что он должен сказать ей?.. Лидия вынула миски из мешочка и расставила по ска-терти.

— Итак, Савватей окончательно пропал? — весело спросил Василий и почему-то нюхал воздух.

Начальник был в прекрасном настроении. Петя-повар тоже уловил это и решился на важное и рискованное признание. Он что-то сказал по-эвенкийски и держал поднятое ведро в руках. Начальник нюхал воздух и тянулся носом к ведру.

— У него украли много консервов, — сказал Женя. — Он думает, Савватей украл.

— Сколько банок?

— Пять банок.

— На здоровье, — сказал Василий нетерпеливо. — Еще что-нибудь?

— Может быть, муку, соль, может быть.

— Значит, честно взял из своей доли... Почему он не взял всю долю?.. Мало взял. Ему же это на два дня.

— Он вернется, — уверенно сказала Лидия. — Он и взял на два дня.

— Пускай лучше не возвращается. — Он уже приревновал ее защиту. — О, черт!..

Петя-повар перевернул ведро.

На скатерть выпал коричневый чурбан. Зырянов хищно ринулся и наклонился над ним, раздувая ноздри. Пахучий пар тяжело поднимался над чурбаном.

— Пирог! — закричала Лидия и замолчала, пораженная тяжелым запахом.

Петя-повар сиял ярче малинового и пудренного солнца над его головой. Василий нервно выпрямился. Лидия с решимостью схватила нож. Скатерть была все равно испорчена.

Пять пар голодных глаз следили за руками, делившими пирог. Он был красив. Черные очень крупные ягоды, величиной с черешню и даже сливу, сидели в желтом хлебном тесте.

Лидия вырезала боковые куски без ягод для Алексея Никифоровича, для Жени, для Пети-коновода. Эвенки не спорили против такого несправедливого дележа и, по-видимому, даже не считали его несправедливым. Их доверие к хозяйке было непоколебимо.

Пете-повару она мстительно положила огромный кусок пирога с ягодами, себе взяла крохотный ломтик из корочки, а перед Василием водрузила всю донную половину чурки с целым комом самых крупных ягод, почти слившихся в массу.

После этого она поблагодарила Петю-повара самым невиданным образом. Она поклонилась ему по старинному образцу, присела с важностью боярышни, заключила иностранным реверансом и послала воздушный поцелуй. Мальчик обомлел от счастья.

Тогда Женья с любопытством поднял глаза на подательницу этих благ и увидел, что у Лидии Максимовны пламенело лицо от истинного энтузиазма.

Она воскликнула:

— Такой именинный пирог я желала бы получать ежегодно!

Очарованные и смущенные гости протянули руки к своим кускам.

— Стойте! Не ешьте! — закричал Василий. Он был взволнован необычайно. — У кого попадутся ягоды — отдавайте мне!

— Василий Игнатьевич! — сказала Лидия укоризненно, всеми силами удерживаясь от счастливого смеха, — это ужасно невежливо отбирать у моих гостей изюм из пирога. И я тоже должна отдать вам ягоды?

— Вы тоже,— с жадностью сказал Василий, заглядывая в ее миску.

Гости поспешно выбирали ягоды и охотно складывали в миску начальника. Петя-повар даже соскреб с зубов прилипшую ягоду и добросовестно отдал. Ягоды наполнили миску и слиплись горкой. Петя-повар был в восторге от успеха пирога у начальника.

Лидия тихонько сказала:

— Как жаль, что здесь нет известного теоретика литофагии Небеля...

— Где ты это взял? — крикнул Василий.

— На том берегу,— ответил Женя за Петю-повара и рассмеялся.— Сказать ему, что он молодец?.. Он велит вам скушать весь тас-хаяк, потому что вы велели положить его в пирог.

— Женя и Петя-повар, со мной! — скомандовал Василий, пренебрегая насмешками, и побежал к лодке.

Старик Петров поблагодарил Лидию, не прикоснувшись к пирогу. Он хотел плыть с Василием, но не успел — лодка ушла.

— Возьмем другую,— предложила Лидия.

На острове остался один Петя-коновод. Он размышлял над именованным пирогом, который так обрадовал русских, что они убежали от завтрака.

Глава 22

УМЕНЬЕ СЛЫШАТЬ

Василий встретил Лидию на материковом берегу нелюбезно.

— Лидия Максимовна,— сказал он взволнованно,— вы должны мне позволить самому найти...

— Еще раз? — воскликнула она.— Третий раз вы хотите подарить мне одну и ту же залежь?

— Почему третий раз?

— Вы поднесли мне ее наперед и посвятили мне ее в торжественных выражениях — это раз? Второй раз я получила целую залежь кембрийского битума в пироге...

— Это не от меня. От Пети-повара,— сказал он нахмурился.

— Но кто велел начинить пирог тас-хаяком?

— И третий раз в структуре,— сказал Василий.— Вы правы, и вы должны уйти.

Она повернулась и пошла в тайгу. Отец Жени пошел за ней.

— Алексей Никифорович, зачем вы сопровождаете меня? Я недалеко.

— Нельзя,— сказал старик.— Посол близко гуляет.

— Какой посол?

— Не знаю какой. Медведь. Посол по-нашему.

Они вышли на болотце — алас — круглое, как чайное блюдце, с крутыми и ровными откосами бережков. Дно было ярко-зеленое, очевидно еще топкое. Такие прудочки, а впоследствии лужки образуются часто после пожаров. Солнце прогревает оголенную площадь, мерзлота подтаивает, почва оседает, и через год-два появляется алас.

Петров внимательно осмотрел болотце и обошел его.

— Сегодня ночью придет большой сохатый на алас.

— Сегодня ночью? Откуда вы это знаете?

— Вижу.

Лидия, рассмеялась:

— Это ваше любимое выражение, Алексей Никифорович: слышу, вижу.

Тотчас ей стало стыдно, что она так сказала. Ведь он не мог понять ее шутливость.

— Алексей Никифорович, я читала о знаменитых охотниках, которые замечали всякий след проходившего зверя и даже довольно точно могли сказать, когда именно зверь прошел.

— Это хорошие охотники.

— Но вы видите следы, которых еще нет! — воскликнула она.— Вы видите, какой зверь еще придет, и вы видите, в котором часу он придет!

— Не вижу, в каком часу придет.

— Но все-таки ночью сохатый придет?

— Такое дело его. Должен прийти.

Московская девушка не поверила ему, но он не обижался, потому что она не понимала его дела. Его охота не была ее делом. Он обдумывал, как объяснить ей.

— Слушай. Смотри: живой оставляет след на мягкой земле, на траве,— он указывал рукой, но она не видела никаких следов там, где он указывал, а он продолжал: — На листе, смотри, на дереве... Вот посол, медведь, пробежал только что, когда мы с тобой шли сюда...

Лидия невольно оглянулась.

— Там не увидишь, сюда смотри. Везде следы, только на воде нет, на камне следы плохие, скоро пропадают. А ты показываешь на камне. След букашки! — сказал он с изумлением. — Та букашка сидела давно, когда еще люди эвенки не пришли на Полную, а ты видишь след. Я верю, ты видишь — твое дело. Мое дело — я вижу. Василий Игнатьевич видит еще больше, а в Москве он ученик, ему еще год учиться. В Москве живут великие охотники!

Лидия молчала, боясь перебить его быструю речь.

— Ты говорила Жене о том, что будет на Полной через много лет. Женья умрет, его дети умрут — и будет то, что ты знаешь. Я верю. Но как ты видишь? Не знаю. Что ты слышишь? Я того не слышу.

— Нельзя увидеть того, что будет, — сказала Лидия. — Я знаю это, но не вижу. А ты видишь, будто бы сохатый придет.

— Ты ученая. Ты не видишь, а знаешь. Я не вижу — не знаю. Я умею немного видеть и слышать. Вот слышу — медведь жалуется. Теперь знаю: комары обижают деда.

— Почему я не слышу?

— Жарко — плохо слышишь. Он близко ревет.

— А может, у него другая обида?

— Лидия!.. Лидия!.. — услышала она азартный зов Василия.

— Идем посмотреть, — сказал старик.

— Меня зовут.

— Идем посмотреть! — повторил старик и пошел.

— Мне будет страшно! — сказала Лидия, но пошла за ним.

— Со мной не страшно.

Он шел очень ловко и скоро. Она с завистью старалась усвоить его способ ходить по лесу. Медведь ревел все ближе. Он жестоко страдал и ничего не мог поделать со своим ничтожным противником. Он ревел от необыкновенной боли и от ужаснейшей ярости.

Его рев наполнил лес и все тело Лидии, она дрожала и раскрыла рот, чтобы легче дышать. Старик пошел смело, не таясь, и шумел ветвями. Вдруг она увидела черного зверя.

Он стоял на дыбках и бил себя лапами по морде в исступлении, кровь заливала ему глаза и передние лапы, стекала по брюху на землю. Лидия смотрела зачарованно. Она забыла свой страх и действительную опасность.

Выстрел испугал ее. Медведь замолчал, опустил на лапы и лег.

— Я пойду в лагерь,— сказала Лидия.

Ей не хотелось видеть, как будут снимать шкуру с бедного, пострадавшего от комаров мишки.

Глава 23

УМЕНЬЕ ВИДЕТЬ

Старик вывел ее к реке и ушел обратно за своим делом.

Лидия услышала разноголосое пение, русское и эвенкийское. Василий стоял спиной к ней и распевал диким голосом что-то неразборчивое, а Женя выплясывал вокруг него, по-видимому, в честь большой плиты доломита, которую Василий держал поставленной на торец. Пляска была воинственная и победная, и все в целом напоминало о чем-то языческом, древнем, вычитанном из экзотических путешествий прошлого века. И в смешном согласии с этим эффектным и колдовским зрелищем, по другую сторону реки, на островке, плясали Петя-повар и Петя-коновод вокруг кухонного костра и ведра с новым завтраком. Они поддерживали компанию, не задумываясь о причине торжества на материке.

Но чему они все радуются?

Лидия обошла стороной, чтобы не помешать, и посмотрела на плиту. По черному камню проходила глянцево-черная жила битума. Так вот как выглядел идол новейших нефтепоклонников!

— Лидия! Я кричал, где ты была? — заорал Василий.

— Я слушала рев медведя.

Он замолчал очень обиженный: зачем она обижает его в самую счастливую минуту? Каждый поет как умеет.

— Медведя доняли комары, он рвал на себе шкуру.

— Это в самом деле? — недоверчиво спросил Василий.

— Я слышал, как ревел медведь,— подтвердил Женя.

— Давайте замерять,— сказал Василий.— Крышу я уже замерил. Записывай.

Он вошел в воду с веслом в руке и держал его лопаткой вниз. Лопатка была ровно обрублена топором. Василий поставил ее на дно — на плоскую плиту доломита. Плита была отшлифована рекой.

Весло слабо склонялось. Плита лежала очень полого. Ва-

силий приложил геологический компас к перу весла и следил за угломером.

— Два градуса.

Лидия записала.

Он прошел под берегом вдоль всей складки и замерил угол ее наклона в нескольких местах.

Лидия записывала.

— Сколько в среднем?

— Полтора градуса,— ответила она.

— Здесь купол,— сказал он в чрезвычайном возбуждении.— Здесь надо бурить.

— Ну, что ты!

— Здесь купол! — повторил он страстно.

— Разве это делается так скоропалительно?

— Мы же измерили!

— Еще надо будет провести теодолитную съемку, геофизические работы...

— Само собой, надо!.. Что ты мне читаешь азбучную лекцию? Но купол будет здесь!

— Тебя лихорадит, выйди из реки. Зачем ты предприняешь то, что еще должна только определить вся дальнейшая работа?

— Ты же видишь ясно, что здесь структура,— сказал он, стуча зубами.

— Выйди из воды. Я пока не вижу структуры... Слои недостаточно круто лежат. Один градус, два градуса — это вообще слишком мало, чтобы говорить о куполе. Да еще утверждать, как вы утверждаете,— сказала она с возмущением.— И разве можно замерять здесь веслом! Хорош инструмент для такого тонкого замера! Разве дно реки гладкое, как стол?.. Малейшая выбоинка, шероховатость — вот вам уже два градуса! А ледяную воду вы учли? У вас дрожит рука... Не говоря о том, что вы хотите видеть структуру во что бы то ни стало.

— Замеряйте сами! — сказал он и не спускал глаз с нее все время, пока она работала.

Он следил горящими глазами за движениями ее, способными украсть у него бесценный купол.

Лидия тщательно замерила кровлю складки и вошла в реку в своих высоких оленьих сапогах, пока вода не залилась в них. Он нетерпеливо спрашивал:

— Ну?

— Складка очень слабо изогнута.

— А я вижу, что здесь ее элементарное ядро! — закричал и топнул ногой у идольской плиты.

— Ты этого не можешь видеть, — крикнула она из реки. — Если бы ты видел, то и я не слепая!.. Ты говоришь совсем как Алексей Никифорович: «Сегодня сюда придет сохатый»!..

Она вышла из реки, дрожа от холода и возмущения.

— Куда придет сохатый?

— На алас... Тут алас недалеко. Я спрашиваю: «Откуда вы знаете, что сохатый придет именно сюда, именно сегодня ночью?» — Она стукнула зубами, дрожь доняла ее. — «Виджу!» — Она стукнула зубами. — Но этого он не может видеть, это не общее будущее всех сохатых на Полной хотя бы, а ближайшая ночь одного сохатого — этого он не может видеть!

— А что, если сохатый придет? — спросил Василий с раздражением, стуча зубами от холода. — В каждом частном случае есть черты общей закономерности. Так же, как в этом куполе! — Он топнул ногой возле идольской плиты с глянцевой змейкой битума.

— Он не придет!

Теперь оба кричали и стучали зубами.

— Я сам пойду с Петровым на алас!

— Я пойду с вами, и чтоб вы никуда не смели отойти от аласа! — И она тоже топнула ногой. — А что, если не придет?.. Во всяком случае, проверить сохатого стоит дешевле «дикой кошки»!

— Петров! — закричал Василий и перестал стучать зубами: бешенство согрело его. — Ты говорил Лидии Максимовне, что сохатый придет?..

Охотник вышел из леса с тяжелой шкурой на плече. Шкура подействовала на воображение Лиды.

— Говорил.

— Мы должны твоего сохатого убить на аласе.

— Василий Игнатьевич, другой пожар в тайге, — сказал Петров. — Наверху тоже горит.

— Пройти можно?

— Сегодня пройдем.

— Выйдем завтра утром.

— Утром пройдем ли.

— Сначала мы должны твоего сохатого убить на аласе.

После обеда все легли спать.

В полной темноте Зырянов, Лидия и Петров пошли в лес.

Их ждала неожиданность. На алас опустился остывший «сухой туман». Он казался светящимся и мог спрятать целое стадо сохатых.

— Пойдем домой? — зябко предложила Лидия, мечтая о покинутом спальном мешке.

— Пожалуй, — согласился Василий. — Если мы не можем увидеть его...

— Значит, вы признаете, что он не обязательно придет?

— Это нечестно! Я говорю, что мы не можем увидеть его из-за тумана, и согласен уйти ради тебя.

— В таком случае я остаюсь здесь до утра!

— Простудишься.

— Какой же я геолог-разведчик, если простужусь от ночной сырости!.. Вот к утру похолодает, и туман может еще более уплотниться и осесть.

— Лидия Максимовна хороший охотник, — сказал Алексей Никифорович. — Надо ждать. Туман сядет.

— Вот тебе! — с торжеством сказала она.

— Не шумите же! — вырвалось у него.

В час ночи сон победил ее. Она побрела к реке, жалуясь маме на Василия в сонном бреду и натываясь на деревья. Женя проводил ее и вернулся на алас. Потом ушли спать оба мальчика.

Вокруг аласа едва заметные прояснились ели. Белесая мгла понизилась. Над аласом чуть высунулись кончики рогов.

Лидию разбудили мальчишки. Она вскочила и побежала за ними к лодке.

На колеблющейся волне тумана будто всплыла темная спина сохатого и голова, поднявшая высокие рога. Зверь стоял недостреленный. Петров и Василий истратили свои два

заряда неудачно, обманутые движением ночного марева. Взять сохатого нельзя было, но и уйти он не мог.

— Обожди! — крикнул зверю Петров. — Я сейчас!

Он побежал к лагерю и вернулся с патронами. Добитый еще двумя выстрелами, сохатый рухнул на середине топи. Мужчины разделелись и скрылись под волной тумана, Лидия следила по легкой зыби за их движением под мутно-белой поверхностью мглы. Впятером, с помощью Жени и обоих мальчиков, они были не в силах втащить тушу на крутой бережок аласа и послали Петю-коновода на остров за ремнями.

«За вас всех управился бы один Саввушка», — подумала Лидия сердито.

Мальчики Пётры с помощью Петрова быстро разделали тушу возле аласа. Петя-повар тут же сварил в ведре богатейший завтрак. Взошло солнце. Несколько пудов мяса они нарезали полосами для завяливания.

Покончив с этой работой, они сняли палатки и пошли дальше вверх по реке.

Глава 24

ПОЙДЕШЬ НАПРАВО — СГОРИШЬ, НАЛЕВО — УГОРИШЬ

К сухому туману примешался дымок.

Долина расширялась, а высота склонов понизилась к вечеру до ста метров и еще меньше — над уровнем реки.

Двигались очень медленно. Лошади шатались от жары и плохого питания. Высохшие и зачахшие травы не давали им сил.

Выше притока Маягас-Тах по течению Полной лес сменялся кустарником. Полегшие берега поросли мхами под кустарником. Обнажения коренных пород встречались все реже. Река продолжала мелеть и текла гораздо спокойнее, чем в низовье. Дальше к истокам водораздел должен был еще более понизиться и заболачиваться.

Василий решил не подниматься выше к истокам и отсюда сделать перевал через водоразделы.

Ночью ветер принес теплую струю с водораздела Эржея, и отец Жени проснулся с инстинктом лесного жителя, ощущающего опасность всем телом.

Он подошел к кустам и постоял, осторожно вдыхая запах ветерка. На перевале сильно горело. Но ветер оттуда дует только ночью; с восходом он повернет и отведет огонь. Старик вернулся в палатку Василия и лег.

Утром пожар стал виден.

Василий попросил Петрова снять грузы с лодок и после завтрака выучить на лошадей. А лодки вести порожними, чтобы не рисковать на перекатах. И с обоими мальчиками спуститься до притока Маягас-Тах, поставить палатку там и ждать. Если пожар прогонит оттуда, спускаться дальше.

Старик с помощью мальчиков навьючил лошадей и повел их вниз, на Маягас-Тах.

Лидия, Василий и Женья проводили глазами караван.

— Ну, до свидания, Лидия! — Василий торопливо пошел.

— До свидания, Василий Игнатьевич! — воскликнул Женья.

— Куда ты идешь? — Лидия с удивлением смотрела. — Ведь это к Эргежею.

— А ты на Нымаан-Тогойо. Какая разница?

— Ни в коем случае! Шаманский источник — мой. Эргежей — мой! Я к нему готовилась в Москве. И теперь меняться не будем. Вы шутите?!

— Вы не найдете Шаманский источник без Вани.

— Ваня придет... — сказал Женья и осекся под грозным взглядом Зырянова.

— Вы не можете пройти на Эргежей: Женья не знает дорогу, — сказал Василий непререкаемо.

Женья опустил голову.

— Женья прекрасно знает дорогу и даже покажет мне Шаманский источник без вашего прославленного Вани, — сказала Лидия.

— Я могу не найти в таком дыму, — пробормотал Женья.

— Вот, слышите, — сказал Василий.

— Не понимаю! Чего ты не найдешь, Женья? Дорогу назад, что ли? Когда пожар усилится?

— Конечно, — сказал Женья стыдливо.

— И не надо! Проводи меня туда.

Она победоносно взмахнула рукой и ушла в кустарники, навверх, в сторону пожара, преграждавшего ей путь на Эргежей. Женья взглянул на Василия:

— Может быть, переждем день? Пожар пробежит...

— Задерживаться не будем,— сказал Василий.

Женя бросился догонять Лидию.

— Правее, Лидия Максимовна. Надо пройти над ветром.

— Почему над ветром? Ведь это значит идти под огонь?

— А если пойдем под ветер, попадем под дым.

— Правильно, я не подумала. В русских былинах и сказках пойдешь направо — жизнь потеряешь; пойдешь налево — коня потеряешь. Но нам с тобой еще хуже: пойдем направо — сгорим, налево — угорим.

— Лучше направо,— сказал Женя.

— Почему это лучше? Не понимаю.

— Дышать будем. И может быть, только обгорим.—

Женя подумал и добавил: — Если ночевать будем на Эрже-
жее.

— Если пройдем до вечера двадцать пять километров тайгой, по топям, где опытные люди проходят пять километров в день,— сказала Лидия и скомандовала себе: — Лидуша! Вперед!

Женя засмеялся и посмотрел на нее с восхищением.

Лидия держала направление по компасу, но Женя сказал, что по компасу они придут не к вечеру, а к утру. Препятствия отнимают больше времени у путника, чем расстояние. Компас ведет прямо на препятствия, которые тропа обходит.

Он нашел тропу и спокойно пошел по ней.

— Но ведь это чуть ли не в обратную сторону, Женя! — воскликнула Лидия.

— Это на Эржежей, к Шаманскому источнику.

Она покорилась.

Тропа была бесконечно извилистая, и Лидия перестала взглядывать на компас. Она больше не могла удерживать направление при бесконечных поворотах и заворотах. Самое возмутительное было то, что при этом хватало достаточно и топей, и валежника, и лесной гнили. Тропа завела в болото.

«Ты мечтала о земле, по которой будут топтать твои ноги,— получи, Лидуша. Геология — вся в твоих ногах. Господи! Но для чего это геологии?»

Женя с шестом в руке мужественно разведывал дно тропы, входил в грязь по колена, затем до живота. Лидия шла за ним, сжав губы.

Но, выйдя из болота с отвратительным ощущением грязи на всем теле, она с дрожью в голосе спросила:

— Больше этого не будет, Женья?

— Вся дорога такая, до Эргежея.

— Так для чего же мы кружим? Не лучше ли пойти напрямик?

— Напрямик хуже.

— И засуха не берет здесь! Что за несчастье!

Она знала из книг, что таковы все водоразделы в этой части Якутии: болота и мари на болотах, и провальные окна — бадараны, и несохнувшие топи. Но в книгах все это как-то... легче.

Как остроумно путешественник Булычев в 1856 году назвал якутские пути сообщения: земноводные тропы!

Глава 25

НА ЗЕМНОВОДНОЙ ТРОПЕ

— Это хорошая тропа, не очень топкая. Но, может быть, есть еще лучшая, — говорил Женья.

Он обождал, пока Лидия выбралась из кучи полусгнившего валежника и отряхнулась.

— После того, что я пожил в Сибири, не знаю в лесу, куда идти! Отец смеется надо мной: «Как русский без дороги».

— Но ты отлично ведешь меня, Женья.

— Нет, плохо... Вот вторая тропа.

Он остановился и с огорчением сказал:

— Не знаю, которая тропа лучше.

— Постарайся вспомнить, Женья! Это очень важно. Ты давно здесь не был?

— Я все помню. Я никогда здесь не был.

— Женья! Ты говорил, что знаешь насквозь каждое болотце в этой местности и не пройдешь здесь только ночью!

— Я говорю правду: знаю каждое болотце. Почему я не пройду ночью? Потому что сам не был здесь.

— И не знаешь поэтому дороги!

— Знаю дорогу.

— Но ты же не был здесь?!

— Мой отец ходил.

— Поздравляю. Значит, отец знает дорогу. А ты при чем?

— Я же его сын.

— О господи!.. Мой отец доктор, но я никого не лечу!— сказала она с раздражением.

— Почему, Лидия Максимовна? Если бы мой отец был доктор, я бы лечил. О!.. Но, конечно, ваши братья лечат?

— Даже братья не лечили бы... если бы они у меня были.

— Разве их отец не научил бы?

— И не подумал бы.

Женя не утерпел и скрыто осудил отца Лидии:

— Василия Игнатьевича отец научил лодманить.

— Я пошутила, Женя, мой отец агроном.— Но агрономических советов она ведь тоже не подает.— Разве отец должен научить детей всему, что он сам умеет?

— Дочерей мать учит, — сказал Женя. — Для этого у человека есть отец, мать и предки. Один человек не может узнать все дороги ногами. Он узнает головой.

— Ты знаешь все дороги, по которым ходили твои предки? — спросила Лидия насмешливо.

— Конечно, знаю. Я еще очень мало сам видел, но я могу пройти по следам предков. Предки не могли видеть Кузнецкстрой, где я работал. Мои дети будут знать еще больше, чем я знаю!

— Потому что они прибавят свои следы к следам предков, о которых они узнают на словах?

— Конечно. В книгах вы узнаете тоже на словах,— сказал Женя, отражая жало ее вопроса.

— В книгах слова лежат крепче. Можно прочитать несколько раз.

— Зачем несколько раз? Вы говорите один раз, и я буду всегда помнить.

— Ну, расскажи, какая дорога впереди.

— Мы шли березами, — сказал Женя. — Теперь идем кочкарником. После будут березы вместе с ольхой. Одна большая ольха там росла. Возле нее можно посидеть на сухой кочке в июле...

— А если ольха сгорела?

— Кочка не сгорела.

— И ты узнаешь кочку среди кочек?

— Это же легко! На этой кочке растет такая трава, не знаю по-русски как называется. Она не росла на соседних кочках десять лет назад.

— А теперь она разрослась на всех кочках!

— Все равно узнаю. След после пожара остался. От

большой ольхи тоже осталось что-нибудь. Потом, дальше, маленькое болото, но очень глубокое.

— А до Эргежея много осталось? — спросила она то-скую.

— Много.

— Почему ты не знал, которая тропа лучше?

— Потому что не было другой тропы раньше. Новая тропа.

— Значит, ты не виноват.

— Я очень виноват: я сам увидел новую тропу и не понял ее.

— Ты видел начало тропы и не мог угадать, какая она будет дальше.

— Я должен был понять. Мой отец понял бы. Он всегда понимает.

Кочкарник окончился. Они вошли в худосочный лес. Низкорослые березы смешались с ольхой. На месте, где росла большая ольха, осталась лысинка, и одна кочка выделялась побольше других. Трава на ней высохла. Лидия присела и мысленно сказала себе: «Жены огляделись и начали плакать».

Незабываемые слова из Сениной тетрадки — описание первого приюта русских жильцов — блуждали в голове.

«Жены огляделись, начали плакать. Видят: земля с водой перемешана божьим попушением. При самом сотворении мира бог попустился этой земли, не стал отделять воду — и вода не вся собралась в свои места, и суша на Индигирке явилась не вся сухая. Хлеба на ней не будет. Русскому хлебу и зябко здесь, не возрастает. Чем будем жить? Зело было горько...»

— Ты останешься жить в Алексеевке, Женья?

— Хотел бы еще попробовать в городе.

— Твой отец угадывает дорогу в лесу, потому что прожил всю жизнь в полудиких условиях. Любой олень обладает еще лучшим угадываньем, чем твой отец.

— Отец сам полагается часто на Тайгу, — сказал Женья.

— Ты пожил немножко культурной жизнью и потерял немножко дикого чутья. Человек не может все приобретать и все сохранять. Он выбирает лучшее и отказывается от менее стоящего. Когда ты прочитаешь множество книг, ты утратишь способность помнить каждое слово. Но зато ты приобретешь бесконечно больше знаний, чем это возможно на слух, через устное слово.

— Что я должен буду еще потерять? — деловито спросил Женья.

— Тебе уже невозможно будет спать голому на морозе, и ты станешь зябким, таким же, как я, и нервным, болезни будут подстерегать тебя на каждом шагу. Но ты будешь знать, как от них уберечься, и ты научишься сам лечить людей, если захочешь... Женья! Почему я слышу запах гари?

— Потому что нет ветра. Жарко.

— Значит, и дым будет? — Лидия вскочила. — А ты позволяешь мне сидеть! И болтать!

— Разговор очень важный, — сказал Женья.

Глава 26

УМЕНЬЕ ЖЕЛАТЬ ВСЕЮ ДУШОЙ

— Женья, облака! — радостно закричала Лидия.

— Нет.

— Неужели сухой туман такой густой и клубящийся?..

— Нет, — сказал Женья.

Лидия со страхом взглянула на него:

— Это... дым?

Лидия почувствовала страшную усталость в ногах. Сапоги стали тяжелые от грязи, налипшей на всю высоту голенища. Она подумала о Жене: хватит ли у него сил дойти, если она уже не чувствует ног?.. Женья такой худой и на голову ниже ее ростом.

Дым распространился над лесом и опустился. Рыхлая невесомая кровля легла на тайгу и прижала. Стало сумеречно, хотя часы показывали пять. Потом дым всосался меж деревьев до самой земли.

Теперь они видели кочки под ногами, несколько стволов, а выше сгущался дым.

Лидия нацеливалась на кочку и сразу на следующую впереди, чтобы не оступиться и удержаться на одной ноге на мягкой, шатающейся кочке и быстро перенести тяжесть тела на другую ногу и на другую опрокидывающуюся, обманчивую кочку.

Она прыгала и успевала иногда взглянуть на компас. Они двигались на север, на юг и даже на запад и, кажется, только на восток никогда не шли, куда следовало прийти.

Женья шел спокойно, без колебаний. Может быть, он

давно потерял отцовскую дорогу? Она думала: спрошу его. И не спрашивала.

Лесной дым был горек и груб, от него першило в горле.

Она перестала разбирать под ногами, равнодушно падала, упиралась руками в темную, мягкую землю, в невидимый жесткий валежник, вставала, проваливалась, вставала.

Потом она стала наткаться на деревья и больно ушибла голову. Последний свет потерялся. Наступила самая темная, удушливая и горькая ночь в жизни Лиды.

— Женья! — крикнула она отчаянно.

Вдруг он не заметил в темноте, что она отстала, и ушел? Ведь это была ночь, когда он не знал дороги.

— Я здесь, — сказал Женья рядом с ней.

— Я тебя не вижу, где ты?..

— Я здесь.

— Что ты хочешь делать?

— Выйти на Эргежей, к Шаманскому источнику.

— Женья! Ты говорил, что ночью не пройдешь здесь!

— Жалко, что не успели днем пройти.

— Что же теперь нам делать?! Женья!..

— Выйти на Эргежей. Протяните руку, Лидия Максимова.

Он взял ее руку и обвязал веревочкой повыше компаса. Святившаяся стрелка показала ей, что Женья ведет к северу, а вовсе не к востоку.

— Женья! Может быть, ночью лучше двигаться по компасу?

— Нет, — сказал он хрипло. — С компасом занятно на дороге, в лесу компас мешает.

— Но мы можем обдумывать дорогу по компасу.

— Разве можно обдумывать то, чего не видишь?

— Можно, Женечка! — сказала она умоляюще.

— Все равно. Отец говорит: дорогу нельзя обдумывать.

— Но что же можно, Женья?

— Можно желать прийти на Эргежей, к Шаманскому источнику.

— Я этого желаю всеми силами! А это разве поможет, Женья?..

— Нет. Это помешает. Вы не должны желать прийти на Эргежей.

— Не желать!.. Но ты же сказал...

— Я сказал о себе. Потому что я знаю, куда надо идти. Мне Ваня сказал место. Вы не обижайтесь, Лидия Макси-

мовна. Как вы можете желать прийти туда, не зная куда? Это я иду на Эржежей, я иду к Шаманскому источнику. Я знаю, и я желаю того, что знаю. Вы идете за мной. Жалко, что вы не умеете желать всей душой.

— Неужели? — сказала она обидчиво. — Как это тебе стало известно?

— Я плохо узнавал дорогу днем, и мне стало известно, что вы не верите мне. Вы не надеетесь на меня, вы боитесь, что я не найду дорогу, я даже устал от этого. Вы должны верить, что я иду, куда вам надо, вы не должны бояться ни сколько. Вы желайте идти за мной. Вы всеми силами желайте прийти туда, куда я веду. И тогда я легко пойду.

Веревочка потянула ее за руку. Лидия подняла обе руки вперед и откинула плечи.

Она откинула голову, и широко раскрыла невидящие глаза, и выдвинула ногу вперед, но веревочка сильно дернула за руку.

Женя пошел быстро и не давал ей времени на ощупывание дороги.

Она выдвинула другую ногу и провалилась, торопливо поднялась и пошла так быстро, что веревочка ослабла. Лидия проваливалась и выбиралась ползком, упрямо, переползала через кучи валежника, торопливо переваливалась через гнилые стволы за веревочкой, за Женей, не думая о царапинах, о руках, ногах, о своем лице и даже платье, и только верила, верила и упорно надеялась.

Она не думала больше и о дороге. Она устала и страстно желала, чтобы Женя поскорее пришел туда, куда он ведет. Все равно куда.

Хоть бы он слово говорил иногда! Но он будет молчать всю дорогу. Всю ночь...

И это хорошо, что он идет так быстро...

Ноги онемели, оленьи сапоги давно полны были теплой воды, неощутимой грязи. Топи все были неглубокие, деревья не очень твердые, падать совсем не страшно было и ушибаться — не больно.

В горле першило и царапало, в груди усиливалась боль, дыхание прерывалось при каждом толчке, и легким не хватало чистого воздуха.

Она не помнила о веревочке и, может быть, не чувствовала больше. Впереди вязко хлюпали и глухо чавкали Женины сапоги. Лидия поворачивала голову почти бессознательно и шла на этот звук. Еще более громкое чавканье и

хлюпанье, под своими ногами, она не слышала, чтобы не мешать себе слушать Женю и идти за ним неотрывно, на веревочке.

Глава 27

МЕЖДУ ОГНЕМ И ЛЬДОМ

Женины сапоги перестали чавкать, но Лидии казалось, что Женя идет впереди, она знала, где он, и шла за ним, не испытывая беспокойства. Стало легче идти, но потом она больно ушибла ногу. Свежий, оживленный ветер ударил в лицо, но она почти не почувствовала оживления. Она сделала несколько шагов вниз и еще больнее ушибла ногу. И вдруг сознание пробудилось, и появилась мысль, что уже давно не слышно шагов Жени. Лидия испуганно дернула за веревочку, бросилась вперед и натолкнулась на Женю. Он подхватил ее и осторожно поддержал.

— Ой! Что случилось? Я перестала слышать твои шаги.

— Гладкое место, галька.

— Это Эргежей? — спросила она без удивления. — Я хочу сесть.

— Можно, — сказал Женя. — Эргежей.

— Морская галька... Женя, не отвязывай меня. Почему ты не садишься? Сядь возле меня, Женя!

— Я зажгу костер.

Он развел громадный костер над берегом. Он положил у обжигающего жара спальный мешок, Лидия легла на мешке. Женя стянул с нее мокрые сары — оленьи сапоги. Когда вскипела вода, он позвал Лидию и тряс за руку, пока не добудился. Она нехотя выпила чаю и сказала:

— Я опять вижу тебя, Женя! Я так давно не видела! — и улыбнулась уже спящая.

Женя смотрел на нее и думал: «Как бы не заболела в мокрой одежде. С эвенми я бы сам снял...» Он снял с себя все мокрое, развешал на кустах и голый блаженно лег на теплой земле у костра, овеваемый волнами теплого воздуха с верховьев Эргежея, откуда спускался пожар.

Утром они увидели дымную кровлю над собой и над Эргежеем.

Лидия пошла вверх по реке. Она не делала замеров и описаний, только бегло осматривала обнажения. В верховьях Эргежея до истока лежали те же породы, что и на Полной.

В полдень Лидия не хотелось есть от усталости, от жары и давящей, кружащей голову духоты. Она легла на гальке у самой воды холодного Эргежея и пожаловалась:

— Я хочу домой, к маме! Или хотя бы на Полную!.. Только — не сама... Не хочу идти никуда... Если бы Савва здесь был, он бы меня отнес на Полную!.. Мамочка!..

Женя слушал внимательно, с удивлением: такая большая — а такая маленькая!

Она боролась против одолевающего дурного сна, отнимающего сознание, и сквозь дрему слушала рассказ Жени о чем-то бате.

— Я думал, что это значило: «Василигнатич, это он!..» всю дорогу думал, все время. И понял: Сеня кричал про бату.

Некий батя обладал, по словам Жени, неслыханным богатырским голосом («Как наш Савва», — подумала Лидия в дреме). Сеня бату не видел, только слышал. Батя был Василигнатичу врагом и агитировал Николая Ивановича помешать поискам нефти. Будто бы через нефть хотят погубить русских жильцов. Николай Иванович — с большой бородой, на голове меховой островерхий колпак... Позапрошлый год ходил за нами на Байкале. А прошлый год Савва очутился около Зырянова, с тех пор не отвяжется... Не батя ли он и есть?

Вдруг Лидия поняла, что Савва — это батя, и рассердилась на Женю. Стала кричать, чтобы не смел клеветать на Савву. Женя замолчал, но только он не слышал, чтобы Лидия кричала, а слышал — она всхрапнула в угарном сне.

На другой день вечером Лидия повернула обратно. Они снова шли до полной темноты, затем проспали четыре часа и продолжали идти вниз. Лидия полоскала платочек в реке и закрывала ноздри. Огонь шел рядом. Он не выскакивал на опушку почему-то, но они видели его иногда меж разреженных стволов. Огонь шел на восток, вниз по водоразделу. Он уже отрезал их от Полной.

— Здесь мы вышли на Эргежей. — Женя указал на остатки большого костра. — Я боялся, что вы заболете. Надо было снять мокрую одежду. Вы уснули.

— А я вот и не заболела! Я стала эвенкой.

— Женщины по-нашему — эвенми. Эвенки — мужчины. Мы не спим в мокрой одежде.

— А на морозе голые, раскидав шкуры?..

— Это не вредит.

В этом месте лес отошел от реки метров на сорок. Его отодвинул Эргежей давно и завалил новое ложе галькой, а потом покинул. Среди гальки осталась яма, полная воды, на половине расстояния между лесом и рекой. Из ямы вытекал ключик. Лидия поглядывала на струйку воды в гальках.

Ключ — большая редкость на мерзлоте.

В двадцати шагах за ямой лежала интересная наледь. Пласт льда десятка в два метров шириной начинался от самой опушки и спускался в реку, затем появлялся на другом берегу. Здесь была ледяная плотина. Эргежей рассосал ее так рано благодаря чрезвычайно знойному лету.

За наледью галечная отмель еще более расширялась.

В сухих облаках, обволокших небо, дымилось крохотное солнце.

В лесу трещало. Они не обогнали пожар ни на шаг.

— Надо пропустить огонь, — сказал Женя. — На топи он не останется, уйдет.

Изумление и радость отразились на его лице.

— Что ты увидел?

— Смотрите!

На дне ручейка, вытекавшего из ямы, был выложен из белой плоской гальки небольшой круг, размером в тарелку.

— Что это?

— Тамга Вани!

Лидия с живостью спросила:

— Это Шаманский ключ?

— Да.

Они сели над ямой. Лидия смотрела в лес и засмотрелась. Там шумел и проблескивал огонь. С разорительным шумом и горелым дыханием пробиралось неуклюжее стадо пламён — крылатых пресмыкающихся с дымным разлетающимся оперением. Женя придвинулся к яме и заглянул. Лидия без мысли последовала за ним — а воображение не отрывалось от всеохватывающего пожара тайги.

В воде бесчисленные пузырьки поднимались и летели вверх стремительными телеграммами и выскакивали с такой энергией, что казалось, их можно увидеть вылетающими над водой.

— Дай бутылку и воронку, скорей!

Женя вынул из мешка темно-зеленую боржомную бутылку и свернутую резиновую воронку. Лидия утопила воронку трубкой вверх и бутылку. Бутылка наполнилась водой. Резина расправилась, стала большой, широкой и накрыла

своим куполом середину ямы, из трубки зажурчали чуть слышно, забулькали пузырьки газа. Лидия опрокинула бутылку под водой и надела горлышком на воронку.

В реке зашипели головни. Клубочки пара закудрявили поверхность Эргежея. Опалило жаром. Лидия оглянулась. Пламя вырвалось на опушку.

Если хоть одна искра попадет сюда или только пролетит над ямой, в струе горячего газа?.. Сколько здесь газа?.. Лидию обдало испугом.

— Женя! Сургуч, пробку, спички!..

— Через наледь не переползем. Надо лесом обойти наледь, — сказал Женя.

— Хорошо! — сказала Лидия, дрожа от волнения. — Но бутылка еще до половины полна воды. Мы успеем, Женечка, успеем?..

— Пожар пойдет берегом теперь.

Он лег щекой на гальку, чтобы смотреть сквозь темно-зеленое стекло бутылки на свет пожара, пытаясь увидеть, как вытесняет газ воду из бутылки. Внимание Жени было всецело поглощено.

— Лидия Максимовна! Бутылка полетит?

— Конечно, нет! Но мы с тобой легко можем взлететь... на этом нелегком газе... Еще много воды в бутылке?

— Совсем не видно воды. Будто пустая бутылка... И можем перелететь через наледь? Ах, шаманство!

— Слушай внимательно! Я буду держать горлышком вниз. Или ты возьми бутылку. Не наклоняй!.. Забей пробку снизу! Не поднимай из воды!.. Пробка вошла вся? Теперь поверни пробкой кверху, под водой!

Резиновая пробка держала удовлетворительно, пузырьков почти не было. Женя вынул бутылку из воды. Лидия отбежала от ямы подальше, зажгла сургуч и залила пробку. Женя держал бутылку на вытянутой руке и удивлялся:

— Какой нелегкий газ!

— Ну, это у тебя руки отяжелели. Бежим!

Они побежали к скрещению наледи с опушкой. Лидия вбежала в лес, как в печь, и увидела огонь перед собой. Два оленя прошли, опустив рога, и почти коснулись ее. Сухой жар хлестнул по лицу. Лидия отшатнулась, повернула и с разбегу оступилась на чистую обтаявшую поверхность льда. На спине она быстро скользнула вслед за оленями, Женя тщетно старался догнать ее. Мокрый склон наледи перешел в пологость. Лидия села. Холод охватил ее ноги, но голову

жег зной пожара. Огонь с треском вздыбился над наледью. Он подскакивал из кустов и набрасывался на листву. Искры в изобилии сыпались на лед и на оленей. Лидия со страхом подумала о своих непокрытых волосах. Женя схватился за оленя и поднял Лидию.

Измученные олени вошли в реку, увлекая их за собой, и Лидия обняла другого оленя, повиснув на нем.

Глава 28

УГАРНЫЙ БРЕД У ШАМАНСКОГО ИСТОЧНИКА

Ноги на льду в воде загорелись от холода. Длинные искры мороза прожгли пятки, прошли все тело вверх, сквозь сердце вонзились в темя. Голову и ноги жгло и замораживало с одинаковой болью, но Лидия знала, что сверху терзал огонь, а снизу мороз.

Женя помог ей взобраться верхом на оленя. Лидия даже не удивилась тому, что олень терпел и не двинулся с места.

Ветра не было, но лихорадочные сквозняки метались вокруг нее. Левый берег пылал стеной. Искры сыпались по всей реке, на Лидию и на оленей. Лидия взглянула на дальний лес правого берега и увидела, как бред: под тепловым лучом с горящего левого берега пожелтела хвоя по всей опушке за рекой и вспыхнула.

Тогда Лидия вспомнила о газовом источнике. Она не могла оглянуться на яму, тело не повиновалось, не могла шевельнуть распухшими или оцепеневшими губами, спросить у Жени.

Берега разгорались все сильнее, но Лидии стало как будто легче. Она поняла, что Женя обливал ее водой. Он обливал также оленей и себя. Звери стояли неподвижно, совершенно покорные, опустили морды к воде. Они понимали, может быть, или были домашними и одичали недавно. Лидия крепче обняла своего оленя. Она уже знала, что своими ногами не выйдет из реки: ноги не подчинялись ей.

Пламя упало на левом берегу с такой же внезапностью, как вырвалось двадцать минут назад. Большие красные ящерицы еще бегали по деревьям и на земле. Женя толкнул оленей к берегу, но они не поддались, а вместо того пошли рекой против течения и вышли на отмель недалеко от газовой ямы, Лидия упала на гальку.

Волевое усилие больше не нужно было. Она едва сознавала, что из ямы поднялся большой пузырь с довольно плоским коричневым лицом якута и широко расставленными якутскими глазами. Над ямой не было огня. «Это же просто голова, — подумала Лидия, — и у меня воспаление мозга, я галлюцинирую». Она заплакала.

Но сквозь слезы она упорно смотрела на коричневую голову и заставляла себя не видеть ее. Она решила преодолеть воспаление мозга в самом начале — и вот с удовлетворением она увидела, что голова быстро погрузилась обратно в яму.

Новое видение появилось в виде старинного русского лица, очень памятного ей: оклад каштановой бороды, намокшей и позолоченной отсветом пожара; голова, конечно, прикрыта меховым намокшим колпаком, — слезы мешали разглядеть как следует колпак, описанный Женей. Но где же она его видела, это лицо? На Лене?.. Ах, Савва! Но теперь у него лицо стало какое-то старинное, былинное. С ватного пиджака стекала вода.

Савва перекрестил Лидию, держа камень в пальцах, и нацелился, камнем. Она услышала свирепое рычанье, из ямы выплеснулся на этот раз целый якут с той же головой, что высывывалась раньше. Лидия закрыла глаза.

Она почувствовала, как Женя поднял ее и понес. Она подумала о нем с благодарностью и лаской и постаралась открыть очень отяжелевшие глаза и поблагодарить его взглядом. Женя сам был измучен. Он стал неузнаваем. Скорее он похож был на первую галлюцинацию: плосколицый, с бесстрастными глазами, чужой. Она не успела додумать, что это и в самом деле якут из ямы, — снова она услышала крик, но это уже был спасительный гром из человеческого горла, хриплый, яростный, обрадовавший ее.

Из дыма вышел Савва, милый избавитель Савва, обросший, небритый, но молодой — не старинный и с шапкой мха на голове. Он весело сказал Жене:

— А ну-ка, положи! Куда потащил?

Якут бесстрастно опустил ее на землю. Вода согрелась в тканях одежды и ошпарила спину ей. Земля была горячая. Савва прогремел, смеясь:

— На чужое сам не свой? На это дело у тебя зубов не хватит, — и примерил к подбородку якута кулак и вдруг упал в сторону.

Но разве мог бы Женя отбросить богатыря, ее Савву? Ей показалось, конечно. Савва тотчас поднялся и набросился

на якута с бранью и страшным криком. Якут бросился бежать, а Савва побежал за ним. И тогда Лидия поняла, что это вовсе не Женя. Женя — эвенк, а это — человек, сидевший в яме!

Измученная и потрясенная, она закрыла глаза и забылась. Шорохи отовсюду сбегались к ее ушам. Земля хрипела в тяжелом удущье. Краснокрылые ящерицы пожара слетели с обглоданных верхушек тайги на обсохший подлесок и грызли его с хрустом, перебегали и с жаром сутились в кустах. Лидия застонала от ужаса внезапной мысли: что, если Старинный человек — батя, которого она приняла за Савву, — убил Женю?..

Она заметалась, повернулась лицом к реке и почувствовала сильную боль, пронизавшую мышцы. Жени не было на отмели. Что, если это множество людей, появившихся вдруг среди пожара в пустыне болот, — не угарный бред и не горячечный сон? Лидия поднялась на четвереньки и увидела Женю рядом.

Он лежал с закрытыми глазами и очень похож был на себя, как всегда.

Он тяжело дышал, с хрипом.

Лидия подползла к нему счастливая и испуганная. Он был жив и целехонек. Он спал.

Он просто спал и даже не сразу проснулся под взглядом Лидии. Поднялся и пошатнулся. Виновато взглянул на Лидию и со стыдом опустил глаза.

— Выкинь все битумы. Оставь только бутылку с газом, — сказала Лидия и удивилась голосу — как будто чужому, но своему.

Женя не вытряхнул битумы, а приторочил заплечные мешки со всем грузом на оленей.

Он с сожалением оглянулся на отмель, словно оставляя там нечто неразгаданное, важное.

— Уйдем отсюда, — сказала Лидия.

Она удобно положила руку на плечо ему, высокая — на голову выше его, и совершенно успокоенная, и бесконечно уставшая, беззаботная, доверившая ему свою жизнь. Они пошли, ступая в теплую воду и дымящуюся золу, под которой еще роились красные личинки саламандр.

Он повел бесстрашную и беспомощную девушку в глубины горящего леса, очень серьезный и даже важный от сознания своей задачи. Он шел опять на север и видел это, но дорогу он знал, не задумываясь о направлении, чуткий и наце-

ленный, уверенный в том, что туда и следует идти, куда он идет, чтобы привести Лидию и себя к цели.

На другой день после полудня они подошли к Полной, где расстались с Зыряновым. Пошли вниз по реке и еще через сутки увидели палатку возле притока Маягас-Тах. Олени не отставали от них ни на шаг. Они шли за женщиной, вытягивая головы. Невыветрелый дым стоял в тайге, тревожил их и угнетал.

Василий выбежал обрадованный, готовый обнять — с протянутыми руками.

— Ну, что на Нымаан-Тогойю? — быстро спросила Лидия с озорством, хотя чуть живая.

Он остановился на расстоянии руки от нее и опустил руки. Деловым, обыкновенным тоном сказал:

— На Нымаан-Тогойю то же, что на Полной. А на Эржежее?

— На Эржежее то же, что на Нымаан-Тогойю!.. А я нашла газовый источник.

— Горючий газ?

— Не знаю.

— А ну его к черту! — сказал он с внезапным озлоблением.

— За что ты ругаешь его? — весело спросила Лидия и, очень довольная, попросила Женю вынуть бутылку с газом.

Но Женя виновато взглянул и не пошел за бутылкой — он отчитывался перед отцом. Лидия вошла в палатку и переоделась.

Женя горячо заспорил с отцом. Старик молчал и, очевидно, недоволен был сыном. Лидия вышла из палатки. Женя пошел за бутылкой.

— Алексей Никифорович, ваш сын молодец. Без него я бы пропала.

— Плохой сын, — сказал старик. — Слабый.

— Что вы! Он вынес меня с берега, я была почти без памяти.

Старик вопросительно взглянул на вернувшегося Женю. Женя покраснел и с великим усилием сказал:

— Зачем, Лидия Максимовна, говорить неправду?

— Как неправду!..

— Потому что... было не так.

— А как было?

— Я думаю, что вы меня вынесли, — тихо сказал Женя.

— Зачем ты выдумал это, Женя?

— О чем спорить, когда все ясно: вы несли друг друга... Ого, какой тяжелый газ! — говорил Василий, принимая бутылку.

Он взвесил ее на руке, рассмеялся и камнем сбил сургуч.

— Что вы делаете?! — закричала Лидия.

Зырянов выбил пробку и вылил полную бутылку воды.

— Как же это случилось, Женя? — в отчаянии спросила Лидия.

Она готова была немедленно идти обратно на Эргсжей. Этому строго воспротивился Алексей Никифорович.

— Опасно, — сказал он, — все угорели. Очень сильно угорели. Как пьяные.

— Ну, что ты скажешь в свое оправдание? — смеясь потребовал Василий у Жени.

Опечаленный Женя не ответил и оборотился к Лидии. Он думал не о бутылке с водой вместо газа — о другой своей вине.

— Как я попал в лес? Я не носил вас и не сам ушел с берега.

— Ты угорел, — повторила она слова Петрова.

— Вы сами знаете, мы не встретили ни одного человека, — сказал Женя. — И не видели следов.

— Алексей Никифорович, что ты думаешь об этом? — спросил Василий.

— След есть. Люди тоже были, — сказал старик, указывая на беловатое пятно, кругло намазанное известняком на куртке сына, под самым воротом.

Женя снял куртку и радостно закричал:

— Круглая тамга! Ваня там был, он пришел! Лидия Максимовна, он вынес с берега нас обоих!.. И там были еще люди — враги, они помешали Ване остаться с нами. С одним врагом Ваня справился бы сразу.

— Нет, нет, — быстро сказала Лидия, — может быть, два друга... Я думала, что у меня был бред. Я сейчас расскажу все, что я видела...

— Савватей, — сказал Василий со злобой, выслушав Лидин рассказ. — Кто-то помешал ему убить тебя камнем возле источника и потом еще раз в лесу. Первый раз вы его не узнали. Вы были в таком состоянии, что могли не верить себе, все принять за бред.

— Савватей не мог бы убить меня!

Рано утром они снялись и пошли вниз, желая достичь урочища Повешенного Зайца в половине дня, чтобы еще

сегодня повторить замеры на складке и сделать описание. Но они прошли едва полкилометра и остановились. На берегу лежал ничком, раскинув руки, головою вниз и лицом у самой воды Савватей. Савва полз к воде, и вода была уже близко, в нескольких сантиметрах от его рта.

Василий постоял над телом в раздумье. Собака Алексея Никифоровича Тайга тоже смотрела, обеспокоенная. Когда Женья и Василий подняли тело, Тайга одобрительно замахала хвостом.

Тело мягко повисло у них на руках.

— Тайга права, — сказал Алексей Никифорович, — живой.

Он быстро ощупал Савву и нашел на голове опухоль от сильного удара.

Они отнесли и положили Савватея на траве. Лидия влила в безжизненный рот ложечку спирта.

Приятно воскрешенный, Савватей Иванович причмокнул и облизнулся, затем произнес довольно отчетливо:

— Кто это забавляется? — и уже совсем зычно: — Отдай бутылку, а то потеряешь!

Он открыл веселые глаза и увидел жестокое лицо Василия, бесстрастные лица эвенков и боязливый взгляд Лидии.

Глава 29

ЗДЕСЬ РЕШАЕТСЯ ЕГО СУДЬБА

Савва явственно грустил. Никто не подходил к нему. Он надеялся, что Лидия сама подаст ему укрепляющую похлебку, и следил за ней жалостно-просящими глазами. Но она посылала похлебку с Петей-поваром. А все-таки она сама готовит для Саввы, не доверяет Петьке-поваренку, сказал себе Савва и утешался, бормоча:

— При худе худо, а без худа — гаже того.

Его удобно устроили в лодке, и Василий самолично проводил ее через перекаты.

В полдень они достигли острова Повешенного Зайца. Лидия немедленно принялась за описание обнажений левого берега. Она сидела на обломках возле плиты с битумной жилой и писала в блокноте на колене:

«Мраморовидные и доломитизированные известняки, светло и пестро окрашенные в красно-бурые, розовые и зе-

ленные тона, очень яркие, чередуются с плитчато-слоистыми мергелями, фиолетовыми, красными и зеленовато-голубыми. На плоскостях наслоения видны частые волноприбойные знаки и другие признаки мелкого моря.

Скопления асфальта в пачках мергеля...»

Она подчеркнула: «мелкого моря».

Она старательно подбирала и расставляла слова. Ей хотелось, чтобы обнажения выглядели красивыми в ее описании.

Василий вновь подрубил топором лопасть весла, чтобы торец составлял действительно прямой угол к длинному перу весла.

Низовой ветер с горьким запахом гари рвался по долине так, что трудно было удерживать весло. Василий привязал компас к перу весла пониже валька. Малейшее вздрагивание дало бы отклонение на один-два градуса, то есть удвоило бы истинную величину изгиба складки. Лидия строго следила за приемами и тщательностью работы Василия.

Ветер становился горячее с каждой минутой. Старик Петров покричал с острова:

— Игнатич!.. Уходить пора!

Лидия прислушивалась к нараставшему шуму пожара.

— Сколько в среднем? Считайте внимательно! — прокричал Василий срывающимся голосом.

— Два градуса.

Он крикнул:

— Скважина будет здесь!

Лидия засмеялась.

На острове мальчики и Женя отвели лошадей и лодки в протоку под правый материковый берег.

— Ни одна современная разведка не намечает точку для бурения без топографического картирования структуры! — прокричала Лидия.

Василий вернулся к ней дрожащий, мокрый и топнул ногой по доломиту.

— Вот свод складки. Структура размыта рекой.

— Но когда структура размыта, ее нельзя определить на глаз. Необходима инструментальная съемка, — неумолимо сказала она.

Он швырнул компас и отвернулся. Лидия с сожалением искала глазами осколки разбитого инструмента.

— Давай твой компас!

Она молча подала ему свой компас с подчеркнутой слу-

жебной подчиненностью. Но он ничего не заметил. «Как будто здесь решается его судьба и сию же минуту, без какой бы то ни было отсрочки», — подумала Лидия. Но все равно, никакого снисхождения для грубости он не получит.

Он вошел в воду по пояс и снова повторил все замеры без исключения. Она изумилась и пожалела упрямаца.

Но когда он вышел из реки, она сидела спиной к бедному парню и усердно заканчивала описание обнажений.

— Что ты теперь скажешь? — прохрипел он.

— Скажу, что структура Повешенного Зайца ознaменована фонтаном грубости.

— Вы должны понять меня... — начал он.

Но она перебила:

— Я пойму только извинения.

Он с трудом выговорил за ее спиной:

— Извините.

— А теперь поймите вы, что даже после инструментальной съемки трудно было бы найти нефть на месте мелкого моря...

Она замолчала, увидев белое лицо перед собой. «Сейчас он меня убьет».

Но он подошел не за этим. Рев пожара и ветра помешал ему слышать ее слова. Он попросил повторить. Она повторила. Его глаза стали бешеными. «Теперь он уже убьет меня. Сумасшедший!» Он сжал кулаки, бросился. Лидия зажмурилась и спрятала голову в плечи. Она вздрогнула от его крика, над самой головой.

— Почему я знаю, откуда здесь нефть?.. Может, она образовалась в глубоких впадинах... — сказал он изменившимся, низким голосом и перестал стучать зубами.

Лидия протянула руку к волноприбойным знакам и думала: «Теперь уже нельзя простить, если даже не убьет. Но что делать?.. Я не ожидала, что он не ударит...»

— Но почему я знаю, как она попала сюда? Может, она образовалась в сотне километров отсюда?.. И путешествовала, пока не застряла здесь, в подходящих условиях для залегаания... Я знаю только то, что в настоящее время она здесь! — Он опять топнул по доломиту.

Совсем как Женя в лесу: «Я знаю дорогу, потому что стремлюсь, куда мне надо», или что-то в этом роде. Женя тоже отверг компас, противоречивший его стремлению. «Вы должны верить, что я приведу вас туда, куда хочу», — и Женя сердился. «Жене было тяжело оттого, что я не верила...»

И снова она пожалела бедного мальчика, все обиды забыла ему в горячем желании поддержать Васю верой. Но сейчас же она воспротивилась чувству. Компас недостаточно усердно поддержал Зырянова — компас подвергся немедленной казни! При чем здесь чувства! Жене она могла вверить свою жизнь. При чем здесь наука! Науку она не может доверить каким бы то ни было чувствам, кому бы то ни было!

Над головой полетели пылающие лапы елей. Василий взглянул в ее записную книжку и сказал:

— Теперь и для тебя ясно, что здесь есть нефть?

Она нервно рассмеялась:

— Вероятно, вы ее чувствуете.

— Ладно. Чувствую.

Он побежал к лодке, и она побежала за ним. Она села, а он все еще стоял на берегу, придерживая лодку.

— Прыгай же! Господи! — сказала она.

— А вы, Лидия Максимовна, вы не чувствовали рябчиков в июле, когда Петров сказал, что они здесь есть?

Она сказала насмешливо:

— Вот уже август, и я еще не почувствовала этих рябчиков во рту.

— Так вы предупредите Петрова, что он еще не доказал их присутствие всеми современными объективными методами, а не то как бы он их не зажарил недоказанными.

Как неуклюже! Но она почуяла подвох и отвернулась, стала любоваться пожаром. Ветер вырывал из тайги куски пламени и нес над лесом штурмовые знамена. Головни падали в двухстах метрах впереди фронта наступающего пожара и зажигали тайгу. Василий в два взмаха перебросил лодку к острову.

Алексей Никифорович дожидался на берегу и, чтобы не терять время, жарил рябчиков на вертеле над маленьким костром, хотя скоро уже возможно было жарить их, просто подняв над головой повыше. Но Алексей Никифорович не хотел терять время, пока мужчина с женщиной доспорят.

Он доглядывал за рябчиками на вертеле и размышлял: какой у них спор — как у мужа с женой? Или у парня с невестой? Когда любят — любят и подраться. Или спор у хозяина с работницей?

Пока он жарил и гадал, они доспорили. Алексей Никифорович сунул в мешок недожаренного рябчика вслед за готовыми и кинул мешок в приткнувшуюся к берегу лодку.

— Петров, покажи ей рябчиков! — закричал Василий.

Алексей Никифорович взглянул на огорченное лицо Лидии и сказал, поспешно сталкивая лодку:

— Пока не поймал, не наедайся, Василий Игнатьич.

— Да ты уже поймал и нажарил, я видел!

— А ты и на жеваное не надейся: на проглоченное надейся, Василий Игнатьич.

— Bravo, Алексей Никифорович! — закричала Лидия. — Если б вы только знали, как необходим ему ваш совет!

Огонь охватил и ту опушку, где они так пламенно спорили минуту назад. Но ветер бешено гнал огонь над левым берегом, излучина и остров остались в стороне. Мужчины завели лодку за остров, в протоку.

Здесь спокойно стояли олени, пришедшие с Эргежея, и пять лошадей экспедиции. Мальчики собирали для чего-то мох и сносили в лодки целыми охапками по приказанию Петрова.

Савватей лежал в Женной лодке на мягкой моховой постели, Лидия поразила мрачному выражению его глаз. Савва следил с неистовой верой за бешеной скачкой пожара по верхам тайги. Огонь с грозным шумом промчался вниз. Только хвоя успела обгореть и тонкие ветки. Через десять минут лес стоял рыжий, курящийся и шепеляво свистел на ветру.

— Надо плыть, — сказал Алексей Никифорович.

— Лес горит с расчетом, — сказал ему Василий в стороне от Лидии. — Теперь я вижу: нас опаливают.

Петров промолчал. Вежливость не позволяла оспаривать мнение столь великого охотника, да к тому же гостя на Полной, где Алексей Никифорович считал себя хозяином.

— Больше не будут авось, — сказал вдруг Савватей.

Василий резко повернулся к нему, глядя в упор.

Савва хотел еще что-то сказать, его губы шевельнулись — и сжались. Он смотрел не мигая, и Василий отвернулся, но почему-то не мог отделаться от его глаз. Что означал его взгляд? Очень прямо смотрел Савватей.

Василий повел первую лодку, оглядывая реку и обдумывая план дальнейшей работы.

Перейти на Томтор: небольшой повторный маршрут по Томтору. Правым берегом Лены дойти до Якутска. Сделать перевал на Алдан... Идти врозь с Лидией разными маршрутами, чтобы охватить побольше площадей... Можно пройти две с половиной тысячи километров и обследовать за одно

лето весь правобережный кембрий. Рассказать Лидии про Савватаея? От его глаз нельзя было отвязаться.

— Лидия! — крикнул Василий.

Перекат опять поглотил все внимание. Лидия сидела на мешках и боялась мокрых гребешков, залетавших к ней на колени. Река сделала крутой поворот вправо и ушла под дымную кровлю. Стало тихо.

— Савватаей сознался, — сказал Василий с досадным чувством, что это неправильно.

Лидия оглянулась на вторую лодку. Женя вел ее. Савва не лежал теперь, а сидел и смотрел на левый берег не отрываясь, с таким напряжением, «словно у него тоже судьба решается сию минуту и именно на левом берегу», — подумала Лидия с внезапным раздражением.

Савва качался от слабости и обнимал вьюки.

Дым тяжелел и оседал. Он медленно растворял в себе обнажения и осыпи, тайгу на склонах, несокрушимо твердые траппы.

Высокая лиственница наклонилась с левого берега во время половодья и легла поперек реки горизонтально на высоте десяти метров. Уже ствол ее замывало дымом, а ветви свисали над проходившими лодками.

Глава 30

ОРГАНИЗАЦИЯ УБИЙСТВЕННОЙ КАРТИНЫ

— Петров, причаль! Василигнатыч, причаль!..

Савва кричал и указывал на корни лиственницы. На корнях лежала голова. Василий погнал лодку к берегу. Лидия смотрела, приоткрыв рот. Дым мешал разглядеть лицо, но вот оно открылось на мгновение — якутовидное закопченное лицо под старинным колпаком, иконописно окруженное каштановой бородой, прибредившееся на Эргеее...

— Бандит! Поджигатель! — выкрикнул Савватаей.

Дрожа, она взглянула на широкоскулого, похудевшего, с такой же бородой богатыря в лодке и увидела в голубых глазах Саввы убийство.

Стон обессилил могучий выкрик Саввы, и дым поглотил голову на обрыве. Но, конечно, человек тот на обрыве слышал. Если он живой.

— Он, может быть, без памяти, — сказала Лидия, дрожа от волнения.

— Он слышал! Он смотрел! — закричал Женя.

Дым опустился еще ниже, до половины высоты обрыва. Лиственница вся исчезла вверху. Лодки пристали к берегу.

— Необходимо снять, — сказал Василий и выскочил на берег.

— Василигнатыч, как вы туда заберетесь? — сказал Савва. — Скоро дым сойдет до воды.

— Это ужасно! Неужели мы должны покинуть живого человека в огне?.. — воскликнула Лидия.

Лицо Саввы заблестело, облитое потом дикого торжества.

— Нехорошо получается. Тем более, я его где-то видел, — сказал Василий.

Но Женя лез уже на обрыв — и тут же спустился.

— Никого нет!

Лодки оттолкнулись от берега и обогнули мысок.

— Вот он! — закричал Савва в исступлении.

Это был живой паренек, малорослый, коренастый якут. Он стоял у воды, отбросил мховую шапку с головы и мховую бороду. Женя заорал и погнал свою лодку к берегу. Василий сделал то же.

Паренек лет восемнадцать молча протянул руку Василию.

Он бегло оглядел людей в лодках и уставился на Савву.

— Лидия Максимовна! — воскликнул Женя. — Ведь это наш Ваня!

Савва достал ружье Жени и навел на Ваню.

— А ну-ка, Женя, посторонись. Ваня ваш — не ваш, а ты свой, а на дороге не стой.

Женя услышал щелкнувший затвор берданы и не стал оборачиваться на слова Савватаея. Он повалил Ваню и упал на него, потому что Ваня доверил свою жизнь друзьям.

Он услышал выстрел и, не чувствуя удара и боли, стремглав повернулся, потому что теперь опять нельзя было терять ни мгновения.

Но уже все было сделано без него и бердана валялась в лодке. Савватей тоже валялся в лодке. Отец вынимал гильзу из ружья, и Женя не сомневался, что отец все сделал правильно, как всегда, то есть ровно настолько, насколько необходимо было, не больше.

Женя спокойно направился к лодке — поднять Савватаея и прибрать бердану, ибо и то и другое должно было, несомненно, остаться в исправности.

Контуженный легко Савва, очевидно, считал себя жестоко обиженным и дулся на Женю, покуда Женя заботливо устра-

ивал его на мху в лодке. Бердана получила от пули Алексея Никифоровича небольшую вмятину на оковке. Трудно было избежать этого, и не следовало обращать это в упрек отцу.

Дым спустился до трех метров над уровнем реки. Конюхи увели лошадей и оленей вперед. Пора было и людям уйти с непроветриваемого участка.

Женя переменялся лодкой с отцом и повел третью лодку. Там они с Ваней быстро выясняли взаимные дела. Но Савва не сводил глаз с Вани, а отец Жени зорко наблюдал за поведением Савватаея.

Василию не до них было теперь. Перспектива реки превратилась в узкую щелочку между водой и дымом, и щель была извилистая. Только под самым носом у лодки можно было рассмотреть фарватер.

Дым опустился еще на метр. Перекаты вскипали перед лодкой внезапно, когда уже поздно было лавировать, и спасение каждый раз казалось Лидии удачей или случайностью.

На реке впереди послышался кашель. Лошади и олени появились перед лодками так же внезапно, как буруны. Они брели в реке, опустив морды к воде. Всадники лежали на спинах лошадей и кашляли. Двенадцатилетний Петя-коновод нехотя соскользнул, цепляясь за хомут, и погрузился в воду. Петров закричал второму Петру.

Петя-повар прыгнул и выловил приятеля-тезку. Холодное купанье привело мальчика в чувство, но ему было явно дурно, и он болтал головой, Петя-повар смеялся.

Василий велел Пете-повару вывести лошадей на галечную отмель и положить Петю-коновода у самой воды.

Лодки были вытасканы на гальку. Ваня взялся за лошадей и заставил их лечь.

Люди охотнее всего тоже легли бы на прохладную гальку, пахнувшую чистым, влажным воздухом.

Но еще не все хозяйство устроено было, и они ходили, кашляя, согнувшись, и ползали на четвереньках по всей отмели.

Палатки поставлены были возле самой воды.

Алексей Никифорович велел Ване полить обильно водою кучу мха, взятого из лодок. Животные жадно погрузили морды во влажный, рыхлый мох, не пропускавший дыма. Они еще не ели. Они только дышали легким, процеженным воздухом, очищенным от мучительного запаха.

Работать в пространстве почти плоском, высотой в один метр, оказалось очень трудно.

Приходится сказать неточно, что люди передвигались на четвереньках, за неимением слова, обозначающего передвижение на трех конечностях. Но они двигались именно таким способом, придерживая одной рукой у носа комок сырого мха.

Влажный воздух успокаивал воспаленные слизистые оболочки.

Мох настлали также в палатках. Но скоро и там собрался дым. Савватей выполз со словами: «Организация убийственной картины!» — и лег лицом к самой воде, подложив под скулу комок мха.

Все легли, кроме Петя-повара, поближе к воде или зарывшись лицом в мокрый мох.

К вечеру дым опустился еще ниже.

Глава 31

О ПОДВИГЕ КОРМЯЩЕГО

Петя-повар долго еще ползал под горой и на отмели. Он ползал с закрытыми глазами, но дым заставил его плакать с закрытыми глазами, и Петя думал, что ему труднее, чем слепой собаке, которая «видит» носом. А ему только мешал его нос и мучил его, и Петя закрыл нос толстой пачкой мокрого мха в платке.

Он завязал концы платка на макушке головы.

Так он освободил обе руки и сумел собрать хворост под горой. Большую вязанку хвороста он привязал на веревке к поясу и уволок ползком, на четвереньках, в лагерь, к палаткам.

Возле палаток, но ниже их по реке, под ветром, он разложил костер и с бесконечным упорством отстоял его от дыма. Петя взлелеял верный огонь и сварил обед — такой же, как вчера и позавчера и все минувшие дни его поварения: очень хороший обед, немного пахнувший дымом, но очень вкусный.

Ему самому не хотелось есть на этот раз — первый раз в жизни! Он сам удивился. Не хотелось даже пробовать. Шестьдесят раз он варил этот обед для экспедиции и каждый раз убеждался, что новый обед вкуснее всех съеденных. Сегодняшний безусловно был самый вкусный. К сожалению, Пеня совсем не хотел его есть.

Все равно — он хорошо сварил этот обед.

Мешочек с мисками и ложками и другой мешочек, с сухарями, он повесил на шею. Ведро с обедом взял в левую руку. Петя встал с закрытыми глазами и пошел вдоль берега, над урезом воды.

Здесь, он знал, лежали его столовники, лицом к воде.

Он, конечно, знал, в каком порядке они лежали. Он осторожно ткнул в бок Василигнатыча. Петя поставил ведро и опустился на колени. Он вынул миску и придвинул к самому лицу Василигнатыча, положил сухарь возле миски на чистой, мытой-перемытой, гальке и ложку положил на сухарь. Затем опять приоткрыл глаза и налил похлебку в миску.

Он склонился к воде и погрузил в воду свою мховую маску, хорошо надыхался. Потом взял ведро и снабдил обедом всех. Савватей страшно ругал Петю за то, что он якобы прибавлял дыму своим костром. Петя дал ему обед последнему и велел покричать, чтобы все ели.

Савва хлебнул прямо из реки, сполоснул горло и прорычал:

— А ну, обедать!

Другой день продолжали валяться на гальке, все кашляли и ничего другого не делали. А Василий Игнатьевич совсем лежал без памяти.

Лидия Максимовна подползла к нему, поднимала левой рукой ему голову и кормила из ложки.

Скормив ложку, Лидия Максимовна отворачивала лицо и кашляла.

Но Петя не позволял себе даже кашлять, когда он раздавал еду. И так как он больше всех находился в дыму, то он ел меньше всех и очень ослабел. И думал, что хуже только начальнику. Видно, Василий Игнатьич наделен непрочным дыханием. Он все время дышал с воды, то и дело нырял носом и чуть было не утонул совсем, оставаясь на сухой земле всем телом, кроме носа.

После этого Лидия Максимовна не отползала от него и берегла его днем и ночью. Савватей смотрел на них и бормотал:

— Солнце всех не обогреет: кому мать, кому мачеха.

Может быть, начальник десять раз должен был умереть, и десять раз Лидия дала ему жизнь, может быть, а он, как новорожденный, не узнал об этом ни разу.

Но каждый раз Василий Игнатьевич начинал жить сызнова и лежал в беспомощном младенчестве и ничего не знал десять дней.

А Петя животворил всем и самой Лидии Максимовне.

Десять дней экспедиция оставалась без начальника, но ни одного дня — без повара.

Петя понял, что он стал главнее начальника экспедиции. Если он не удержится, вся экспедиция умрет. Никто не узнает — эвенки, якуты и русские не узнают о жирном черном окаменелом масле на Полной, которое Зырянов нашел в те шестьдесят дней, когда Петя кормил экспедицию.

Петя понял это, не думая. Ему показалось это понятно само собой. Уже несколько дней не думалось ему ни о чем, только он не знал и не замечал. Он и раньше не знал, что понимать — это и есть думать. Ему и теперь казалось, что он понимает сколько надо; а надо было не очень много для его теперешнего дела, которое он делал шестьдесят дней, и оно уже само делалось в его руках.

Его работа стала самой важной. Утром Петя тихонько стонал и поднимался на свою службу кормильца. Берег покачивался иногда очень сильно и вставал вместе с Петей все круче. Петя цеплялся за гальку и мог скатиться в реку, если берег покачается слишком круто. Петя боялся. Он тогда ложился, раскинув ноги и руки, и дожидался, пока берег успокоится. Он совершенно не мог понять это поведение твердого и крепкого берега и очень пугался, но тотчас вставал на четвереньки, как только берег успокаивался.

Только отец Жени помогал ему. Все другие лежали, кроме Вани.

Алексей Никифорович не сказал мальчику ни одного слова похвалы. Хвалят маленьких и слабых. Этому мальчику можно думать о себе, что он не хуже других мужчин и поступает, как все на его месте, в должности повара. И Петя-повар чувствовал свое достоинство, несмотря на головокружение. Он сознавал, что лучший охотник на Полной подает ему мощь, как равный равному.

А Ваня сберег лошадей и оленей.

Ваня изготовил себе мховую маску раньше Пети. В его маске не было дырок даже для глаз. Но при надобности Ваня протыкал дырку пальцем — на минутку: упругий мох сразу закрывал ее. Ваня собирал в лесу корм для животных, когда запасенный фуражный мох подошел к концу.

Ветра все не было.

А Лидия Максимовна сидела около Василия Игнатьевича и вычитывала вслух ему из тетрадки. И Савушка тоже слушал — и во все глаза смотрел на Лидию Максимовну.

— «Лев Меншик повелел делать нарты и с утра послал трех человек проведывать землю: в которой стороне. Ушли, не убоившись смерти.

И, прождав тех троих напрасно день до утра, положи на нарты свой борошнишко, люди начали есть за последний раз со столов.

Покудова ели, вода прибыла без ветра и почала самый толстый лед ломать. Затирало заторы большие, и как понесло в море, скоряе парусного побегу, пятеры сутки. И кочи переломало.

Шестая ночь постигла — и огня уж нет на кочах. Воды пресной нет. Ели рыбку невареную, без хлеба. И я, Первая Тарутин, сам-таки что собака, так и ел: не умываясь ведь.

С соляной воды люди перецинжали. И, не хотя́я нужною смертью помереть, без дров и без харчу-привару (а в море лед ходит по водам без ветру), вынесли из кочей хлебные запасы на тонкий лед ночемёржей, что ночью наморозило.

Я-су, Первая Тарутин, потащил тарели и прочее для трапезы, книги и бумаги довольно для письма, также писания мои дорожные, в каковых списал дорогу всю — от устья двинского и до великой сахаларской реки Улахан-юрях, — что видел и от людей что услышал. А лук со стрелки, топорик да кое-што для меня брат мой взял.

Как пошли с кочей — и льды запоходили! Кочи доламывает и запасы разносит.

Люди на нартах и веревками друг друга переволачивали, и со льдины на льдину перепихивались, и корм и одежду дорогою на лед метали.

Бумагу и книги в чемодане соляною водою попортило. Впоследствии списание мое переколол на бересты железным пером, востроною стрелкою, сбереженья для ради потомкам, потом кои придут: дедовским навечным способом, воды не боится.

Сверху снег. А все изорвалось на мне, на плечах одно кафтанишко просто. Льет по спине и по брюху вода и замерзает. Стало у меня в те поры кости-то щемить и жилы-то тянуть, и сердце зашло, да и умирать стал. Воды пресной глоточек мне в рот плеснули, брат родной или кто, — так и вздохнул.

Шли до земли девять дней...»

— Вот и мы — десять дней тут... — сказал Савва.

— Не мешай! — строго оборвал Василий.

— «Сила большая человеку дана: брат мой, на землю вышед, смеялся.

На землю вышед, поделали нартишка и лыжишка. Стрелки приготовили и луки вздели. Второй Тарутин пищаль свою положил в нарты поблизку для рук. Все обружились. А ноги не служат.

Вспотели, выбились из сил. Потаща, ноги задрожат да и падут в лямке среди пути ниц лицом, что пьяные.

Озябше, встав, еще попойдут столько же и паки упадут. И я взирал на них, лежа: яко искры огня, угасали».

— Ой, верно! — закричал Савва. — И я взирал на них, лежа: яко искры огня, угасали, Василий Игнатъевич! Но!..

— «Ринулся во мне стремливыи дух, и воскликнул им: «Мучьтеса хорошенько! Не оглядывайтесь назад!»

Лидия закрыла тетрадку.

— Читай, — потребовал Василий.

— Больше нельзя больному.

Савва сложил руки ладонями, как перед иконой.

— Лидия-свет, или ты ангел, или кто ты? Откуда Сказку имеешь?

— Не говори! — приказал Василий слабым голосом.

Лидия отвернулась, не могла видеть несчастные глаза Саввушки.

В конце августа дым поредел и поднялся выше одного метра над водой. Лидия Максимовна велела Савве приготовить лодки. Она сказала Василию Игнатъевичу, что надо плыть, иначе она не успеет описать обнажения ниже Алексеевки.

Эти обнажения в устьевых воротах Полной остались не описанными, когда Василий Игнатъевич спешил подняться по реке.

Первую лодку повел Женя. Василий указывал ему.

Вторую лодку вел Савва, и Ваня помогал ему.

Глава 32

ЭТИЧНО ЛИ, ЧТОБЫ УБИЙЦА И ЕГО ЖЕРТВА ШЛИ В ОДНОЙ УПРЯЖКЕ

Лидия была в третьей лодке с Алексеем Никифоровичем. Мальчики вели лошадей, как всю дорогу.

У лошадей новдри обложены были пачками мокрого мха и обвязаны по способу Вани.

В таком виде экспедиция подошла к Алексеевке и миновала бы ее, не заметив в дыму. Собаки не лаяли, их обоняние поражено было дымом.

Но лошади под мальчиками повернули к берегу и упрямо пошли домой. Они узнавали дорогу ногами.

В Алексеевке нельзя было передохнуть из-за дыма. Василий решил только ночь провести, чтобы помыться горячей водой.

Он просил Петрова сопровождать экспедицию еще некоторое время. Старик согласился. Женя заявил, что не оставит Василия Игнатьевича.

Женю между тем ожидало дома небольшое по виду, но редчайшее для Алексеевки событие: на его имя получено было письмо. Человек из Черендея, письмовозец, специально с этим посланный, привез в Алексеевку письмо Евгению Алексеевичу Петрову.

Конверт был крепко заклеен и адрес написан хорошим мужским почерком. Но письмо оказалось написано совсем другим почерком, карандашом и неразборчиво. Женя не сумел прочитать и передал Лидии.

Женя обратил все свое внимание на Лидию. Она прижала левую руку к сердцу. Несколько времени спустя она сказала.

— У меня болят глаза от дыма. Если можно, я оставлю письмо у себя и прочту в другой раз... Потом...

— Вы совсем ничего не разобрали? — Женя был поражен и разочарован.

— То, что Жене, я разобрала. Другое — Зырянову...

«Женя! Жди в будущем году.

А тогда, если не прибуду, выручай! Всем, кто Верный, кланяется Сеня Тарутин, русский жилец».

— Тарутин Сеня? — удивленно сказал Савва.

— «Письмо передай Зырянову.

Лидия Максимовна, Василий Игнатьевич! Поздравьте, пишу из Русского жила...»

— Откуда? — рявкнул Савва.

Лидия вздрогнула:

— Не кричите так!

— Это кто же такой Сеня? — спросил Савва.

Ему не ответили. Лидия продолжала читать:

— «Масса фантастических подробностей, но летчики то-ропятся вылететь отсюда, а я остаюсь — и вперед, за Берестяной Сказкой!»

— Чего? — заорал Савва.

— Тише! Подпись: Семен Тарутин.

— Тарутин?!.. — опять гаркнул Савва, вконец изумленный.

— «Это письмо пом. пилота обещал бросить в ящик». — Лидия, потрясенная, сказала: — Они бросили Сеню там...

— Он сам остался, — сказал Женя.

Женя и Ваня одеты были для зимнего дальнего пути.

Ваня шел с мальчиками правым берегом Полной, а потом Лены, помогая вести лошадей.

На Лене был воздух!

Дым поднялся и раскинулся низким нечистым небом над широкой рекой. Под пепельным небом был простор для дыхания — и путешественники чувствовали, что они дышат!

Встревоженная река выхватила три лодки из Полной и увлекла медленно и неудержимо на середину. Волна бросала к лодкам ящики с бакалеей, откуда-то смытые. Может быть, неистовая жара вызвала более глубокое таяние мерзлоты и прибыль воды.

Бревна и целые острова обгорелого леса грозили бортам лодок. Путешественники отбивались от них шестами и удирали в протоки. Весь день они путались в протоках и почти только случайно не проскочили мимо Чуранской базы на левом берегу, где назначена была встреча проводникам в конце августа.

Они прибились к берегу, но никого и ничего не нашли — ни проводников, ни базы. Только дымящиеся кучи пепла и головешек. Жители еще не вернулись, они спасались на островах.

Василий перевел лодки через Лену на правый берег и стал ждать Ваню с мальчиками и лошадьми.

Но он не хотел терять время и пригласил Лидию осмотреть берег. Они пошли по обломкам, пробуя куски молотком. Лидия сказала:

— Поговорим о наших спутниках. Ты все время откладывал разбор этого дела.

— Я не откладываю. Приходится все время спасаться, даже работать невозможно. С постоянной головной болью тоже не разберешь это дело.

— Но сегодня уже не болит голова? И время есть на этом неинтересном берегу. Поговорим сейчас с ними?..

Василий, поколебавшись, сказал:

— Я сочувствую Ване и не люблю Савватая.

— Я думаю, что если Ваня чуть не убил Савву, то надо сочувствовать не убийце, — сказала Лидия.

— Савватей тебе сказал?

— Я с ним не говорила с тех пор. Ты тоже мог понять... когда Савва хотел застрелить Ваню.

— Теперь уже скоро мы выйдем из тайги и разберемся с ними... перед расставанием, — сказал Василий.

— Почему не сейчас?

— Что тебе даст этот разбор сейчас?

— Мы будем знать, с кем имеем дело. Кто наш враг и кто друг.

— Хорошо. Что мы сделаем с врагом?

Лидия замолчала и покраснела.

— Мы узнаем, что Савватей поджигал лес, а Ваня, допустим, покушался на убийство... Без их помощи нам еще труднее будет выбраться из тайги. Но и отпустить их мы уже тогда не можем, не имеем права. Мы должны будем сторожить арестованных, а не геологией заниматься. Будем обслуживать и тащить двоих туеядцев, которые сами даже идти не захотят. Придется их заставлять.

— Значит, ты предлагаешь лицемерить?.. Но ведь мы унижаем себя, принимая помощь от людей неравных... от преступников... А они становятся нашими товарищами. Сперва принять товарищескую помощь, потом предать суду — это же предательство! Рассчитанное, заранее обдуманное предательство! Уж лучше я откровенно заставлю их работать на меня... на себя самих... И кроме того, я уверена, что Савва не поджигал!

— А ты не можешь ошибиться?

— А ты не можешь ошибиться в структуре Повешенного Зайца? Когда ты уверен — это достаточное основание для бурения на кембрийскую нефть, которая не найдена нигде в мире!.. Когда Алексей Никифорович уверен в сохатом — это для вас основание просидеть ночь на болоте. И меня заставить, — добавила она, подумав. — Жене я вверяю жизнь, потому что, видите ли, он желает всей душой прийти туда, где никогда не был, так же, как я!.. Так вот, я желаю всей душой невиновности Саввы, — заключила она непреклонно.

— Позвольте! Это же разные вещи.

— Да?.. Разные вещи — когда желаете вы с Женей и Петровым или когда я желаю?.. Но я докажу, что умею желать не менее сильно, чем вы все!

Василий молчал. Она сказала:

— Это даже неэтично, чтобы убийца и его жертва трудились в одной упряжке.

— Это очень этично, Лидия Максимовна: оба вместе пусть трудятся для отечества социализма и науки.

Она решительно пошла к лодкам.

— Прекрасно, Василий Игнатьевич! Но ведь это — вне наших личных и частных отношений с убийцей и его жертвой.

Ваня и Петя-повар были там. Петя-коновод пас лошадей и оленей в лесу.

Глава 33

ВАНЯ СМЕЕТСЯ ПЕРВЫЙ РАЗ В ЖИЗНИ

Василий объявил, что отсюда они пойдут выюком на Буотому, Алдан и до Невера, к железной дороге, трактом по заболоченной тайге. Тракт назывался «автозимник». Это слово означало, что зимой по замерзшим болотам здесь могут проходить автомобили.

Но летом пешие и конные предпочитали обходить и объезжать болота. Автомобили летом не ходили в Якутию.

Петя-коновод вышел из тайги со своим табуном на берег.

— Что скоро напас? — закричал на него Савва.

— Кормить нечем, — сказал Алексей Никифорович, — мох сгорел. Как пойдём с некормленными лошадьми?

— На водоразделе непременно мокро, — сказал Василий. — Пятьдесят километров до Буотомы. В крайнем случае мы их пройдем за два дня.

Старик покачал головой:

— Может быть, пять дней, может быть, больше будем идти. Лошади пропадут в один день под нашим выюком, если не кормить. Придется камни оставить.

— Что ты, Алексей Никифорович! Я душу оставляю раньше.

Алексей Никифорович кивнул, соглашаясь и с этим.

— Женя, — сказала Лидия, — объясни мне: эта дорога на Буотому будет хуже эргежейской и полнинской?

— Хуже.

— Но ведь и до сих пор мы могли десять раз погибнуть.

Женя вопросительно обратился к отцу по-эвенкийски и, получив ответ, сказал:

— На этой дороге мы ни одного разу не можем спастись.

— Это преувеличение, как полагается, раз в десять, —

сказал Василий. — Дорога опасная, но я верю Петрову. Если он поведет, мы все равно дойдем. Алексей Никифорович, ты поведешь?

— Ладно, — сказал старик.

— Я считаю, что каждый, кто с нами пойдет по этой дороге, должен знать, на что он решается. Он рискует жизнью, — сказала Лидия. — Мальчики это знают?

Женя сказал мальчикам несколько слов.

Петя-повар кивнул. Петя-коновод смотрел на Петю-повара и тоже кивнул.

— Ваня, вы понимаете, о чем мы говорим? Вы не пойдете с нами?

— Пойду, — сказал Ваня.

— Сколько вам лет, Ваня?

— Не знаю.

— Восемнадцать, — сказал Женя.

— Вам ведь не хочется умереть. Зачем вам идти с нами?

Ваня взглянул на Лидию и рассмеялся.

— Он смеется надо мной! — воскликнула Лидия.

— Лидия Максимовна! — восторженно закричал Женя. — Ваня смеется первый раз в жизни!

Ваня сказал несколько слов по-якутски, и все эвенки засмеялись.

— Он никогда не видел, как люди идут за смертью. Ему смешно видеть. Но вы разве идете за смертью? — перевел Женя.

— Конечно, нет.

— За что вы ему обещаете смерть, если он пойдет с вами? Разве он заслужит смерть?

Лидия покраснела.

— Я вовсе не обещаю смерть! Но мы с Василием Игнатьевичем обязаны поскорее отвезти в Москву наши камни. А Ване зачем рисковать? Он даже не служит в экспедиции.

— Он не может оставить меня в опасности, — сказал Женя с гордостью. — Потом он пойдет со мной за Сеней.

— Ах, вот как! А ты, Женя, вовсе не должен идти с нами. Ты вообще договаривался до Алексеевки.

— Я иду с отцом, — сказал Женя. — Потом идем за Сеней в Русское жило, Ваня со мной.

— Да ну? — насмешливо сказал Савва. — А Сеня ваш — русский жилец?

Василий с беспокойством наблюдал за разговором. Он видел, что Лидия еще не думала остановиться.

Лидия обратилась к старику:

— Алексей Никифорович, почему вы рискуете жизнью сына? Мы должны вам сказать большое спасибо за то, что вы проводили нас до сих пор. Почему бы вам не вернуться отсюда в Алексеевку?

Старик поднялся, готовый уйти в Алексеевку.

— Отец обижается, — быстро сказал Женя. — Он думает, вы недовольны и не хотите, чтобы он вел дальше экспедицию.

— Алексей Никифорович! — воскликнула Лидия. — Женя! Ты же меня понял, объясни отцу!

Старик подумал и сказал:

— Я возвращусь другой дорогой — через Буотому.

Василий опасливо взглянул на Лидию: но, видно, она не слышала о дороге несчастных старателей с Алдана — через Буотому на Алексеевку. Хищники золота дали ей название «Дорога Мертвецов».

— Савватей Иванович, — сказала Лидия, — что вы делаете сейчас?

— Сейчас?.. Думаю ждать приказа Василия Игнатьевича выступить.

— Василий Игнатьевич, вы не спорите против продолжения разговора?

— Пожалуйста, — сказал Василий.

— Савватей Иванович! Раз вы идете в одной упряжке, это все равно как в лямке — помните? — вы помогаете на канате всем, а не по выбору. И мне и Ване...

— Понятно, — сказал Савватей, — в песне все слова поются, и недобрые...

— Вам понятно?.. А мне непонятно: почему вы будете спасать Ваню после того, как хотели убить?..

— А что я, хуже их? Верно, что я только хотел убить, а он меня убивал... Дружба богата, как земля.

— Не понимаю, о какой дружбе вы говорите. Расскажите, что произошло между вами.

— Под самую-то дорогу? Лидия Максимовна, под самую дорогу стоит ли ворошить, когда в одной упряжке погибать?

— Что я вам говорил? — быстро сказал Василий.

— Да, стоит! Не одни вы с Ваней! Я хочу знать, с какими людьми я пойду в эту дорогу!

— С какими шла... прошлый год, — сказал Савватей.

— Что ж. Может быть, прошлый год слепая шла, сейчас прозреть хочу.

Савва недолго угрюмился. Глаза его блеснули, он стал говорить с веселым интересом к собственному рассказу.

Он еще в Алексеевке почуял неладное, когда стало гореть в тайге до начала засухи, объявил Савва, оглядывая всех и подмигивая. Он бродил по ночам вокруг лагеря, потому что ночью легче заметить поджигателя. До урочища Повешенного Зайца он никого не увидел, а там приметил и пошел преследовать. Он взял провизии на денек всего... чтобы не пугать Лидию Максимовну.

На Эржежее увидел вот этого паренька, Ваню.

Савва настиг его. Ваня отпустил Лидию и ударил Савву камнем.

— Кулаком, — поправил Ваня.

— Что же, кулак у него каменный? — с возмущением сказал Савва.

— Ваня дерется только кулаком, — гордо сказал Женя. — Ваня чемпион Кузнецкстроя по боксу.

— Подпольный чемпион, — поправил Василий усмехаясь, — бокс у нас официально запрещен.

Глава 34

УМ ХОРОШО, А ДВА ЛУЧШЕ, А ТРИ — ХОТЬ БРОСЫ

— Ваня! — голос Лидии звенел и дрожал. — Ты признаешь за правду все, что говорил Савватей Иванович?..

— Да, — сказал Ваня.

Лидия в испуге смотрела на него и молчала. Она с жалобным упреком взглянула на Женю.

— Я расскажу про него! — вскричал Женя.

— Нечего рассказывать, — сказал Василий, — надо идти. Ваня, тебе не все ясно?

— Ясно, — сказал Ваня.

— Как он рассказал, неправильно?

— Правильно, — сказал Ваня.

— Ум хорошо, а два лучше, — сказал Савва с одобрением.

Василий взглянул на Лидию, приглашая ее говорить.

Но она молчала.

— Зачем ты поджигал тайгу? — сурово спросил Василий.

— Я не поджигал, — сказал Ваня.

— Как не поджигал? — закричал Василий. — Только что ты сам признался, что поджигал!

— Я лучше расскажу, Василий Игнатьевич, — попросил Женья тоскуя.

— Не мешай! — резко сказал Василий. — Ты, Иван, признал правильными слова Савватея, а теперь отпираешься.

— Не отпираюсь, — сказал Ваня спокойно.

— Значит, ты поджигал?

— Нет.

Василий с бешенством взглянул на него.

— Савватей не говорил, что Ваня поджигал, — успел сказать Женья.

— Ты говорил, что Ваня поджигал? — яростно спросил Василий.

— Говорил, — сказал Савватей.

Василий успокоился.

Лидия ожидала, что теперь Женья непременно заговорит в пользу Вани, но Женья молчал.

— Охрану я возлагаю на тебя, Женья, — строго сказал Василий. — Ты отвечаешь за него.

— Он не убежит, — сказал Женья.

— Возьми ружье, — строго сказал Василий.

Женья неохотно взял.

— Заряди.

Женья положил заряд.

— Отбери нож у арестованного.

Ваня подошел к Жене, взял его за руку и вложил в пальцы охотничий нож.

— Савватей Иванович, — сказала Лидия, — вы не говорили, что Ваня поджигал.

— Как же, Лидия Максимовна, — Савва стеснялся оспаривать ее, — вы недослышали.

— Савватей Иванович! Вы замечали в лесу человека, но не разглядели его ни разу до Эржежея. Так?

— Так. Но на Эржежее я увидел его, вот этого.

— Но вы ни разу не заметили его за поджогом.

— Верно.

— Так что вы и не говорили того, что не видели.

— Правда твоя, Лидия Максимовна!

— Вы хотите задать вопросы? — предложила она Василию срывающим голосом.

— Ты шел за Ваней от Алексеевки до Эргежея,— сказал Василий,— вся тайга за вами полыхала.

Лидия рассмеялась.

— Безусловно,— сказал Савватей.

— Один из вас и поджигал. Или вы оба.

— Он поджигал,— сказал Савватей.— Я хоть не поймал за руку, а больше некому.

— Двое лысых ищут друг у друга,— сказал Петров сыну по-эвенкийски.— Все очень сильно угорели.

Женя с изумлением взглянул на отца.

— Вы ему сказали, что он шел от самой Алексеевки за Ваней. Откуда вы знаете, за кем он шел, уважаемый следователь, когда он сам этого не знает?.. Вы заставляете его оклеветать Ваню, чтобы защитить себя. В советском суде недопустимы такие уловки, как вы думаете?

Савва потянулся рукой к затылку и сказал с удивлением:

— Ум хорошо, а два лучше, а три — хоть брось!

Ваня внимательно слушал и смотрел широко расставленными глазами... как тогда... Когда?.. Но теперь Лидия поняла его взгляд... и вздрогнула. Такой же, как тогда... на Эргежее. Коричневое плоское лицо, высунувшееся из шаманской ямы...

— Ваня! Расскажите, что вы делали в Шаманской яме?..— спросила она отчаянно и с огромным волнением услышала спокойный ответ.

— Прятался от огня,— сказал Ваня.

Глава 35

УТРОМ НАСТАЛО ВРЕМЯ СОЛНЦУ УПАСТЬ

— Ваня,— сказала она звенящим голосом,— расскажите все сразу и до конца, как рассказал Савватей.

Ваня не ответил и молча взглянул на Женю. Женя тотчас перевел:

— Он думает, надо много дней рассказывать, потому что он шел много дней. Я расскажу быстро, Лидия Максимова!

— Ваня, говорите только главное!

— Он говорит: «Слова — жир: мало — вкусно, много — затошнит».

— Говорите вкусное! — взмолилась Лидия.

— Шел Дорогой Мертвецов, — сказал Ваня. — Положил тамгу на ключе.

— Для меня, чтобы я нашел Шаманский ключ, — быстро пояснил Женья, — потому что Ваня был занят: выслеживал поджигателя.

Василий усмехнулся:

— Ваня тоже выслеживал...

— Он бросал огонь, — продолжал Ваня. — Я не выслеживал.

— Он! — в отчаянии воскликнула Лидия.

— Кого ты видел? — оглушительно крикнул Савватей.

Женья мгновенно прицелился. Савватей остановился на прыжке.

— Я его охраняю, — многозначительно сказал Женья. — Ты слышал? Я отвечаю за него.

— Продолжай, Ваня, — ободряюще сказал Василий. — Что ты сделал после того, как отметил тамгой Шаманский источник?

— Пошел.

— Постой. А что ты сделал с Савватеем?

— Ничего.

— Но он жег тайгу!

— Все жгут тайгу, — сказал Ваня.

— Возмутительно, — сказала Лидия.

Алексей Никифорович, видимо, тоже рассердился. Женья с огорчением вскричал:

— Все бросают огонь, все ленятся потушить костер!

— Продолжай, Ваня, — сказал Василий.

— Спрятался от пожара, — сказал Ваня. — Он подошел к яме.

— Правильно, — сказал Савва.

— Перестань орать! — сказал Василий.

— Я высунулся. Он убежал.

— Ты подумал, это сам водяной черт высунулся? — весело спросил Василий.

— Он врет и сам себе не верит! — сердито сказал Савватей.

— Отнес Женью, Лидию на горячую золу, положил просушить. Он хотел драться. Я — раз. Он — раз, раз, раз. Я — раз. Ну — нскаут.

— Здоров! — воскликнул Василий, хлопнув азартно ладонью по кулаку. — Главное, терминологию знает!

— Жени нет, Лидии нет — следы на Полную. Пошел. Следы вниз, на Маягас-Тах. Пошел вниз. Опять он...

— Погоди ты, местоимение с глаголом! Кто это «он»? Савватей, что ли?

Ваня пристально взгляделся в Савву и сказал:

— Он.

Лидия сжала руки.

— Теперь понял: он против вас. Женья за вас. Хорошо. Я — за вас. Крикнул ему: «Унеси свое солнце!»

— Унеси ноги, спасайся! — быстро, возбужденно перевел Женья в ответ на недоуменный жест Зырянова.

— Он — за мной. Я — берегом, тайгой: на Алексеевку. Крикнул еще: «Не торопи свое солнце упасть!» Он за мной. День, ночь — вымотал его.

Ваня помолчал, собрал слова. Савватей ждал с не меньшим увлечением, чем все.

— Утром настало время солнцу упасть. — Грозная нота зазвучала в бесстрастном голосе Вани.

Лидия затрепетала. Ей не доводилось еще слышать поистине страшный клич, смертельный вызов якутских дуэлянтов.

— Крикнул: «Трижды взгляни на свое солнце!»

Женья привскочил, переживая пыл вызова, экстаз нападения. Савва смотрел на Ваню, приоткрыв рот.

— Продолжай, — сказал Василий.

Ваня слабо пожал плечами.

— Все! — сказал Женья.

— Как — все? Что было дальше?

— Упало! — воскликнул Женья. — Солнце врага упало.

— Хоть бы я что-нибудь поняла!..

— Но его спасли, — сказал Ваня.

Василий спросил:

— Алексей Никифорович, ты разобрался в этом парне?

Старик сочувственно посмотрел на Ваню.

— Пестрота птицы — снаружи, пестрота человека — внутри.

У Лидии загорелось лицо и трудно забилося сердце наитием истины. Это было так трудно, что она не могла унять дрожь в теле.

— Ваня! Мы его не спасли!

Ваня взглянул на Савватейя. Савва смотрел на Лидию, и в глазах его была только вера в ее справедливость, но такая вера, при которой человек заранее веряет свою жизнь.

ВАНЯ СМЕЕТСЯ ВТОРОЙ РАЗ В ЖИЗНИ

— Я тебе говорил! — воскликнул Женя.

— Тот человек очень похож на Савву, — сказала Лидия.

— Опять бред на Эржежее? — сказал Василий вопросительно.

— Я сама думала, что на Эржежее был бред!.. Слушайте! Не два, а три человека прятались друг от друга в лесу и в дыму! Третий был очень похож на Савву, только он с бородой и в старинном колпаке. Мне о нем Женя рассказал на Эржежее. — Лидия возбужденно торопилась все разъяснить.

Все смотрели с недоверием, и только Ваня заинтересовался.

— Ваня и Савва принимали друг друга за того, третьего!.. Я только не понимаю, как мог Ваня побить нашего богатыря на Эржежее!..

— И я удивляюсь, — сказал Савва и разглядывал Ваню с любопытством, будто первый раз.

— А тот, третий, видел, что против него двое. На Маягас-Тахе это он чуть не до смерти убил Савву, потом кинулся за Ваней. Над обрывом Полной, где нависла лиственница над рекой... Там, в дыму, упало солнце настоящего поджигателя!

— Ваня смеется второй раз в жизни, смотрите! — закричал Женя радуясь.

— Но я удивляюсь, почему Ваня не обращал внимания на бороду... Ведь он знает того человека и должен помнить: его зовут Николай Иванович! — стремительно рассказала Лидия, вдохновенно, с шерлок-холмсовской убежденностью.

— Ты убил Николая Ивановича? — закричал Савва и затрясся.

Лидия ужаснулась: Савва тоже знал поджигателя?..

— Не допустил бог меня за него... Не судьба ему была жить, — сказал Савва удрученный и медленно перекрестился двуперстно.

— Не торопи свое солнце упасть, — сказал Женя тихо и держал бердану на весу. Совсем тихо шепнул: — Батя!..

— Какого Николая Ивановича? — рассеянно спросил Василий, поглощенный своей мыслью, и сейчас же стал вы-

сказывать ее:— В таком случае я особенно жалею, что не сняли того человека с обрыва. Необходимо было допросить его и обыскать.

— Допросить мертвого?..— сказала Лидия.— Женя! Помоги же!.. Я устала, наконец!

— Я все время хотел помочь! Василий Игнатьевич, сказать вам, кто это был? — попросил Женя, искренне огорченный тем, что все разъяснялось без его помощи.

Василий хмуро взглянул.

— Плехан! — воскликнул Женя.

— Ну? Чего тебе? — глухо спросил Савва.

— Я не тебя.

— Кричит «Плехан», а говорит — «не тебя».

— Ты разве Плехан? — спросил Василий.

— Прозванье такое было в старину.

— Постой, постой. Неужели это был Николай Иванович?.. — спохватился Василий.

Ваня с интересом сказал, глядя на Савву:

— Похож, как брат.

— Неужели Николай Иванович твой брат? — спросил Василий, еще более удивленный.

— Савватей — батя! — крикнул Женя.

При общем молчании Савва заговорил. Его голос утратил полноту и слышался глухо, незнакомо.

— Василий Игнатьевич, за что же это... Николай — на вас?

— Не придумаю, — сказал Василий. — Не было у нас плохого. Расставались хорошо...

Савватей тяжело заговорил:

— Кто тебя знает... А может быть, и горело без его руки?.. Пойми-ка, это я все лето ходил за братом?! С одной думой — убить. Своего батю!.. Спасибо, что этот Ваня благословил меня по голове, а то в дыму или ночью мог ведь и я убить Николая.

— Вы черните Ваню, чтобы обелить брата. Никогда я этого не ожидала от вас!

— А как ты велишь, Лидия Максимовна-свет? Батю осудить ради чужой честности? А мне Ваня за брата не будет.

— Я вспомнила, что вы сказали Жене на Полной тогда: «Свой не свой, а на дороге не стой». А где ваша дорога? Куда вы идете, Савватей Иванович? Вы еще не выбрали дороги. Вы же ходите по чужим дорогам, за другими людьми.

Вот вы шли за Зыряновым и защищали его дорогу; но встречали брата — и готовы пойти за братом, совсем в другую сторону.

Савва слушал. Выражение истового, почти детского интереса было на его лице.

— А у Николая Ивановича была дорога в жизни, — говорила Лидия. — И уж если он на своей дороге преследовал Зырянова, а брат помешал, он и брата чуть не убил. Вы даже этого не можете.

— Не могу, — Савва виновато опустил голову.

— Не можете потому, что не знаете, добро это или зло.

— Какое уж добро!

— А это смотря на какой дороге. На свете нет ни добра, ни зла, ни права, ни лева. Все это есть — на дороге у человека.

— Как это? — Савва поднял голову.

— А так: пошли по одной дороге — право от вас и лево от вас. Пошли по другой — опять право и лево от вас, но навыворот перевернулось, а на земле ведь нету... Николай Иванович выбрал одну дорогу — с ее правой и левой стороной, с ее добром и ее злом.

Савва задумался. Женья сказал:

— Василий Игнатьевич, Савва хитрый. Он прячется за мертвого. Называет батей Николая Ивановича. Савва и есть батя. Сеня говорил, на всем свете только батя один имеет такой голос. Разве у Николая Ивановича такой был голос?

— А и может быть правда! — сказал Савва.

И все взглянули на него.

— Ну вот! — воскликнул Женья.

— Да, да, прочтите письмо Сени, — сказал Василий, — он что-то пишет о божьем человеке, это интересно.

Лидия вынула письмо и поискала, откуда начать.

— «Коротко: они хотели оставить меня в Русском Устье. Это безвыходное болото. Я потребовал доставить меня в Русское жило... «Заячья наглость!» — зарычал пилот...»

— Бросьте эту чепуху! — зарычал Зырянов.

Лидия моментально перевернула листок и громко прочла:

— «Спешу написать главное: это его голос! Я узнал его в Черендее! Батя втерся к вам, но он ваш враг. Он выдумал теорию. Николай Иванович тоже безоговорочно поверил в бату теорию...»

Лидия опустила письмо. Василий с новым подозрением смотрел на Савву.

— Кто же из вас батя? — спросил Василий. — Выходит, что ты? Читайте дальше, Лидия Максимовна.

— Что ты! Я самый младшенький, — простодушно сказал Савва, но теперь уже никто ему не верил.

— «...поверил в батину теорию происхождения нефти...»

— Что? — закричал и засмеялся Василий. — Плеханы занимаются генезисом нефти?.. Ну, это не Савва и не Николай Иванович! Но кто же этот батя?.. Интересно, какая же у него теория происхождения нефти?

— Дайте же читать! «Николай Иванович безоговорочно поверил в батину теорию происхождения нефти от горения сырых грешных душ в аду... — Лидия удержала смех и дочитала: — которые выпускают при этом вонючую смолу. Понятно, кто запачкается в этой смоле, попадает в ад. Но я внушил сомнения...»

— Интересно он придумал! — сказал Василий с удовольствием.

Савва рассмеялся:

— Пошла моя душа на смолу! Я ел русский хлеб, тракторами паханный и сеянный. На пароходе плавал!.. Везде эта самая нефть.

— И ты веришь в эту чепуху? — спросил Василий.

— А ты не веришь в геенну?

— Конечно, нет.

Савва пробормотал:

— И смотри ты: от одного дерева — икона да лопата! Батя святой, и я — грешник...

— Ну, слушайте же! «Между прочим, батя дал понять Николаю Ивановичу, что Зырянов добывает нефть с ужасной целью устроить небольшое и некультурное отделение геенны огненной в Русском жиле и по указу чертовых государей Михаила Федоровича и Филарета Никитича сварить живыми в адской смоле всех русских жильцов за незаконный проезд их предков Северным морским путем до Индигирки. Меня тоже сожгут, по мнению Николая Ивановича. Батя сказал: кто помешает поискам нефти, тот второй раз спасет Русское жило и войдет в царство небесное живой, что очень интересно, по мнению Николая Ивановича. Поэтому остерегайтесь его, а особенно бати. Между прочим, я выяснил, что батеи у них называется вовсе не отец, а старший брат и зовут его Сергеем. Со сказочным приветом. Ваш Семен Тарутин, русский жилец...» А у Сергея Ивановича, у вашего старшего бати, голос тоже такой сильный?

Савва махнул рукой с изумлением:

— Я против него — комар.

Все рассмеялись.

— Теперь вы знаете, ради чего Николай Иванович преследовал нас и чуть не убил вас. Он вовсе не был бандитом, а был даже очень достойным, преданным человеком. Его погубила отсталость, он ничего не мог понять в наших делах и нас мучил, мешал. Нам пришлось защищаться против нашего же человека... С вашей помощью и с помощью Вани...

— Эх, Николай! — воскликнул Савва. — Жил — не человек, умер — не покойник!

Ваня пристально смотрел на Савву и, по-видимому, хотел что-то сказать. Женя с живостью придвинулся к нему, но Ваня уже раздумал говорить. Молчание казалось ему всегда содержательнее самой экономной речи. А если уж не молчать, так лучше петь, чем говорить. Повод и материал был самый подходящий для смешной и героической песни. К сожалению, трое из семи возможных слушателей определенно были бы против.

— Правильно ли я рассудила, Алексей Никифорович? — спросила Лидия, желая услышать похвалу, очень довольная своим судопроизводством.

— Правильно, — любезно сказал старик. — Не всех.

— Не всех?.. Кого же неправильно?..

— Николая Ивановича засудила.

— Как же, Алексей Никифорович! — сказала Лидия обиженно. — Ваня же рассказал все, как было!

— Ваня — певец. Он хотел песню петь о пожаре и дружбе, — Алексей Никифорович усмехнулся. — По-якутски спел бы еще лучше.

— Ах, так вы пошутили! — сказала Лидия.

Женя подошел к Лидии близко и попросил негромко:

— Про Сеню... Вы не дочитали.

Лидия снова вынула письмо.

— «Заячья наглость!» — зарычал пилот. «Ай да Сеня! За одно это надо его доставить в его сказку», — сказал помощник. Я сказал: «Это ваша прямая задача — обнаружить потерянные поселки и приобщить к социалистическому строительству». Словом, с нами со всеми чуть не покончили в Русском жиле в первый же момент после приводнения. Но я заорал: «Я Тарутин! Правлю поклон от Николая Ивановича Меншика!..» Колоссальный эффект, не могу описать — помощник пилота отнимает письмо».

— Лидия-свет Максимовна, почитай ещё из Сказки!..

— Выходить сегодня поздно, — сказал Алексей Никифорович.

Лидия раскрыла Сенину тетрадку и, волнуясь, прочитала:

И я, Первай Тарутин, говорил людям об их борошнишке, чтобы лучшее не бросать, а сволочить с собой на землю. Не вода и не земля дают пищу — без хлеба сыти будете от рук своих. А борошнишко нарядное со всею опрятностью дорогою покинете — Руси далече, в иноземцах и без русской утвари, сами одичаете, яко иноземцы: грязны и смрадны, со псами едят из одна.

Тоже Лев Меншик призывал, чтобы взяли все железо.

И люди отказали. Что мы-де и сами перепропали вконец, земли не ведаем, в которой стороне выпадем и на которое место, и будем ли живы или нет.

Началовожу пеняли на том: идем шестой год и харч дорогою съели. В море без дров и без харчу, и с соляной морской воды перецынжали, — а преж сего такого гнева божьего не бывало. И не слышали, кто тем морским путем ни бывал, в таком заносе. И больше трех фунтов железа нам волочь не в мочь, потому что ладных нарт и собак у нас нет и далеко ли земля или близко, не ведаем.

Того ж дни согласились взять по три фунта на человека железа, а больше не в мочь, не знаем-де мы и сами, что над нашими головами будет. Дворяна и промышленные люди взяли сверх того пищали и свинцу довольно, сабля одна была и копьё, стрелок много и топорик малый.

Торговые люди не взяли железа, оприч товару, да и хлеба помалу взяли, а нагрузили нарты и на плечи верверету и бисер, и другие товары.

Лев Меншик взял железа волочь весом полпуда, сети и соли изрядно, а хлеба три фунта...

А кочи остались на море, три изломаны. Все суда с якоря и с парусом, со всею судовою снастью, с хлебными запасы и всяким борошнишком... И лодок с собою не взяли, потому что оцынжали, волочь не в мочь. На волю божью пустились.

Как пошли с кочей — и льды запоходили! Достальные пять кочей ломают и запасы разносит.

Люди на нартах и веревками друг друга переволачивали и со льдины на льдину перепихивались, и корм, и одежду дорогою на лед метали...»

ЗЕМЛЯ ГОРИТ

Каменный груз, малозаметный в лодках, оказался очень тяжелым для истощенных пяти лошадей и двух оленей.

Отслужившие лодки брошены были на берегу Лены.

Старик Петров пошел впереди. Вид автозимника ему не понравился. Женя шепнул об этом Лидии:

— Отец недоволен.

Женя доверял мужеству Лидии после дороги на Эргежей.

Автозимник завален был павшим обгорелым лесом. Пожар свалил тайгу, но каким образом? Он выжег многослойный мох над мерзлотой, в котором держались корни деревьев, и лес упал.

Лошади переступали через лежавшие стволы и осторожно переносили задние ноги. Но там, где стволы лежали навалом, животные останавливались. Взрослые мужчины принимались рубить и растаскивать завал.

Угольная пыль из-под топоров покрывала их лица и одежду. Лошади, олени и люди стали черно-серыми.

Перед каждым завалом Лидия в недоумении спрашивала:

— Но почему вы не обойдете его?

Алексей Никифорович ни за что не соглашался обойти стороной, пройти там, где лес, по-видимому, прочно стоял.

— Там нельзя ходить, — отвечал он каждый раз.

Приходилось развьючивать животных.

В течение дня они проходили не более пяти километров.

Поэтому Лидия обрадовалась, когда развалины леса кончились и открылась высокая черная тайга на дымящейся земле.

Петров и Василий остановились в сомнении и в страхе — впервые. Они осматривали лес и серый пепел у его корней. Зола еще сохраняла форму недавно сгоревших мхов.

— Надо идти, — сказал Василий.

Воздух был удушливо-горький в этом лесу, а земля горячая. Лошади поспешно отымали копыта от мягкого праха. Еще больше страдали олени. Тонкий пепел, как пыль, оставался в воздухе.

Головная лошадь наступила на невытлевшие корни высокой ели. Дерево покачнулось и пошло вниз. Оно зацепило соседнюю ель. Вдвоем они увлекли за собою третью, потом четвертую. Так толкают одна другую игральные карты, рас-

ставленные вереницей нарочно для этой забавы. Петя-коновод отчаянно закричал, его лошадь вырвалась. Лес вокруг зашатался и валился, будто декорация, наскоро расставленная и неприбитая.

Испуганная лошадь с прыжка глубоко погрузила ноги в горячую золу и с паническим храпом бросилась дальше. Изпод ее копыт вырывалось пламя. Она помчалась по лесу, оставляя огненные следы на черно-серой земле, пробивая множество труб для почвенного пожара.

Лошади и олени дрожали и храпели. Их вели под уздцы. В любую минуту нога могла оступиться и отворить пламя из земли. Удержать животное при этом было бы невозможно.

— «Будем ли живы или нет...» — прошептала Лидия.

— Василий Игнатьевич, — прерывистым хрипом позвал Петров, — не убежать нам... Надо убавить камни...

Василий остановился, задыхаясь. Почти сразу на нем задымились сапоги.

— Кинуть камни?.. — Он закричал: — Перегружай с лошадей в рюкзаки!

— На сапоги смотри! — ответил Петров, продолжая вести свою лошадь.

Убежавшую лошадь нашли на топи. Она лежала в болотце на боку, в блаженстве. Мешки свалились рядом и тлели в золе.

Здесь на небольшом участке подтаяла мерзлота под углубившимся пожаром. Берега вокруг топи тихо горели.

Всех животных завели в болотце тесной кучей и перегрузили часть камней на свои спины. Савва положил в свой мешок больше трех пудов.

Старик Петров повел оленя. За ним пошел Савватей с лошадью и потом Лидия. Она несла все свои вещи, спальный мешок и палатку.

— Где же мы ночевать будем? — беспокоилась Лидия. — Хоть бы скорей выбраться повыше, на топи.

Они не могли остановиться, пока не нашли годную воду для лошадей в «травяном ручье». Незначительный слой воды стелился еле заметным течением по травяному дну. Здесь был также спасительный корм для животных, и поэтому пришлось остановиться на ночь здесь, хотя было еще светло и рано.

Утром напоили животных и пошли. Днем дали им трехчасовой роздых у другого ручья, с голодной пастьбой, а на ночь остановились на пепле.

Пепел был теплый и безопасный, под ним огонь углубился сантиметров на двадцать.

— Здесь пожар старый,— сказал Алексей Никифорович.— Еще год погорит и кончится.

— Еще год! — изумилась Лидия.— Как это так? Зимой должно погаснуть! Еще до зимы дождями зальет.

— Дошло до мерзлоты,— значит, не в год,— сказал Алексей Никифорович.— Может быть, третий год горит. Есть одно место — десятый год горит, глубокая яма выгорела. Там снег не лежит.

— Где это? Я слышала про такое горящее место на Чыбыде, выше верховьев Синей. Я не могла туда пройти из-за топей. Почему вы не показали нам, если это возможно было? Ведь это очень интересно.

— Что интересного в пожаре? Плохое дело,— сказал старик.

— Может быть, тас-хаяк, нефть горит?

— Такого запаха нет. Я думаю, мох горит, как здесь.

Женя подошел к отцу:

— Отец, Тайга спать захотела, смотри.

— Дай бог,— сказал Алексей Никифорович, с интересом взглянув на собаку.

— Собака заболела разве? — спросила Лидия, не поняв.

— Не дай бог,— сказал старик.— Когда тучи подходят, она спать хочет.

— Тучи? — воскликнула Лидия.— Я лучше не буду надеяться!

— Тайга не обманывает,— сказал Женя с гордостью.

Палатки не поставили, а расстелили на пепле. Спать было тепло.

Утром первая мысль проснувшейся Лидии была о собаке.

— Алексей Никифорович, ну, что говорит Тайга?

— Говорит — дождь близко.

— А я не вижу туч,— сказала Лидия.

— Видишь, как спит?

Собака спала калачиком.

Лидия вдруг рассмеялась:

— Женя, а почему мы идем по компасу, а не тропой?

— Все тропы сгорели.

Они шли прямо на юг. И заботились больше всего о воде и о корме для животных. Это можно было найти в притоках. А для отдыха годились и топи.

Мокрые после брода лошади, олени и люди ложились прямо в золу. Многослойная грязь приросла ко всем. Одежда стояла корой, на Василии и на Савве одежда совсем обветшала, до неприличия.

Пятый день был самый тяжелый. Шли по молодому пожару. Земля прожигала сапоги и копыта, но двигаться быстро никто не мог.

— Край пожара! Выходим! — закричал Савватей.

Они еще не вышли, когда заморосило.

Пепел всасывал каждую каплю и оставался сухим. Возбуждение охватило людей и животных. Лошади снова помахивали хвостами, а люди перекликались хриплыми голосами.

Скоро земля стала мокрой и даже скользкой. Ноги и копыта заскользили. Лошади падали в черную грязь, люди поднимали их и падали сами.

Глава 38

ДРУЖБА БОГАТА, КАК ЗЕМЛЯ

Под проливным упоительным дождем они вышли на Буотому, перешли ее и разложили костер и наконец не расстелили, а поставили палатки.

Лидия ушла на Буотому помыться.

Она бесцельно, обессиленно смотрела на свое чумазое отражение в воде, прикрывая воду от дождя, и вдруг заплакала. Она пошла дальше, услышав быстрые шаги Василия. Он догнал, схватил ее за плечи и повернул к себе:

— Ты плачешь?

— Это дождь, — сказала она и возмутилась, но не успела выразить возмущение и рассмеялась в лицо ему: он был до нелепости чумаз и диковиден. — Сию минуту отпусти-те меня, угольщик. Кто вы?.. Назовите ваше имя!.. Пещерный человек!..

Пещерный человек еще крепче схватил ее, ликуя, что она не противится, и протестующие слова ее звучали, как призыв.

Ваня управлял костром при помощи длинной палки, высовывая ее из палатки. Женя советовался с отцом о предстоящей ему и Ване дороге на восток. Савва заметил в их

разговоре слово «Индибирка». Он улавливал кое-что из якутской речи и догадался о предмете разговора, прислушался со вниманием. Это не укрылось от старого охотника. Он сказал сыну, и оба замолчали.

— Думаешь найти Русское жило? — заговорил Савва. Женья промолчал.

— Не доверяешь? А я зла не держу против вас.

— Ты думаешь, мы хотим сварить живыми твоих родичей в тас-хаяке, — сказал Женья насмешливо.

— Это Николай думал. Теперь чего уж поминать его дурость. А я знаю. Четыре года живу на советской Руси.

— Ты против Вани зло имеешь.

— Не держу зла. Николай за Ваней охотился и на меня замахивался... Мог ночью я сам убить Николая в дыму, в тайге. Бог разберет нас, а я в Ване разобрался, хотя и молчит: золото и в земле светит.

Ваня сидел спиной к ним, как будто и не слушал. Но палка в его руках замедлила свою деятельность, выдав интерес к последним словам Саввы.

— Николай не убил же тебя насмерть.

— Замах хуже удара, — сказал Савва и, помолчав, спросил: — Кто это сказал о берестах вашему Сене?

— Николай Иванович рассказывал вашу историю... А что, так трудно уйти Сене из Русского жила? — быстро спросил Женья и затаил дыхание.

Савва помолчал — ему нелегко было разломать великую древнюю тайну, хранимую триста лет.

— Есть лаз потайной.

Савва замолчал, и Женья ждал, не нарушив его молчания. Савва долго боролся с собой.

— Так вот. Растет малец — чей ни сын, все равно, — мой отец присматривает, хорошо ли растет малец. Потому что мой отец ноне началовож — ну, как председатель. Видит, растет парень-богатырь и вырос на восемнадцать лет, женить пора. Такому отец открывает лаз да велит вылазить в русский мир, добывать невесту.

— Своих не хватает?

— Как тебе сказать... Хватило бы. Так заведено. А человеку слабому отец не говорит про лаз, велит невесту брать из русских жиличек.

— Почему же так?

— Трудный лаз. Слабому не вернуться этим лазом самому, не одолеть. А еще и бабу втащить... Он останется в

Миру. А ведь он тайну вынес. Не удержит. И к нам пришли бы вороги.

Помолчали. Женя спросил:

— Теперь ты куда пойдешь, Савватей Иванович?

— Домой пойду.

— Где твой дом?

— Дома мой дом, — сердито сказал Савва.

— В Русском жиле?

— Стало известно.

Женя овладел собой.

— Значит, сыскал невесту, Савватей Иванович?

— Было, сыскал, — нехотя сказал Савва.

— Потящишь?

— Ошибка, — сказал Савва и поглядел в сторону Бутомы. — То он венчается, а мне и не чается... Ему бог дал, а мне посулил.

— Возьми другую девку, — сказал Алексей Никифорович сочувственно.

— Совет хорош, когда его спрашивают, — проворчал Савва и жалобно вдруг вскричал: — Так ведь и мой язык — не лопата!

— Твой язык — не лопата? — озадачился Женя.

— Ну, да уж знает, что горько, что сладко.

Разговор застрял. Тогда Ваня сказал, не оборачиваясь:

— На обрыве я сидел.

Все мгновенно поняли эти странные слова и от неожиданности продолжали молчать. Мысль остановилась и у Жени перед этими необыкновенными словами. На обрыве сидел... У нависшей лиственницы над Полной?.. В дыму бородастое лицо, в шапке! Всклокоченная борода, окутанная дымом, кудлатая шапка... Ваня? Нет!

— Говори, не тяни душу, людомор! — хрипло сказал Савва.

— Алексей Никифорович знает! — сказал Ваня и окончательно занялся костром.

— Объясни, аминни! — взмолился Женя, назвав отца по-эвенкийски: «мой отец», и в гневе обругал друга: — Следовало бы отрезать язык, если он тебе лишний!

— Зря, напрасно ругаешь, — заговорил Алексей Никифорович: — Савва не поверил бы Ване раньше, теперь поймет. Они были двое в тайге — третьего не было.

— Ваня путает, — сказал Женя взволнованно: — Ами, ты же сам тоже видел: большую бороду и шапку!..

— Мокрый мох под носом и на голове. Все угорели, как пьяные.

— Кто же поджег тайгу?

— Солнце. И люди. Савва тоже.

— Не было брата Николая на Полной?..— Савва дошел до осознания удивительного факта. Не батя — Ваня меня побил на Маягас-Тахе?

На этот раз Женя не успел охранить — Савва вынес Ваню из палатки, подняв на руки, как ребенка. Но Женя схватил бердану и буквально выбросился за ними. Алексей Никифорович остался на месте и взял свою трубку.

Ваня мужественно молчал, как подобает мужчине, попавшему в позорный плен. Савва целовал его, как маленького, и весело спрашивал, предусмотрительно захватив его страшные кулаки:

— Ну, так как — пойдете за Сеней?

— Экспедицию проводим и сходим, — хладнокровно ответил Женя, пряча бердану за спиной.

— Ладно. За мной пойдете.

— Ты поведешь? — радостно воскликнул Женя.

Савва бережно поставил наземь измятого, задыхающегося Ваню и задумался.

— В Русском жиле чужие из Миру званы в гости знаешь как? Мимо нас почаще!.. Ладно, доберемся — там разберемся.

— Савватей Иванович! Тогда рассчитывай на Верных товарищей — всю жизнь!

— Верю, — сказал Савва. — Дружба богата, как земля.

ОХОТНИК ЗА БЕРЕСТЯНОЙ СКАЗКОЙ

Письма Сени Зырянову

Уважаемый Василий Игнатьевич!

Из Якутска мы полетели над Леной. Я узнал, что с вылетом не спешили оттого, что в низовьях Лена еще не освободилась от льда. Василий Игнатьевич, я видел берег Лены, сложенный из угля. Его ломают и прямо грузят на баржу и сплавляют к Ледовитому морю для кораблей Северного морского пути.

Летим — а я смотрю в окошечко и пишу в блокноте.

О таком путешествии я не мечтал. Лена — это целая страна безлюдных островов. Справа на востоке видна высокая снежная стена Верхоянского хребта.

Выйдя к морю, мы сдали почту. Из Тикси мы полетели над морем на восток и садились возле факторий и крохотных поселков. Мы сдавали литературу. В одном месте охотники просили покатать и предлагали уйму мехов. Но летчики боятся расходовать бензин. Мы можем здорово сесть, если не хватит бензина.

Я услышал интересный разговор обо мне. Они говорили между собой, что я доживу до зимы, а зимой пропаду без меховой одежды. Больше об этом не говорили, и я вспомнил мнение помощника, что смелый должен платить проигрыш головой. Может быть, я и соглашусь платить головой за Берестяную Сказку? Но зачем зимовать в драповом пальто? Разве мыслимо, чтобы люди дали человеку замерзнуть?

Утром мы опять сели возле какой-то фактории, где собрались охотники. Они опять упрашивали покатать. Пилот катал троих якутов минут пять, и они отдали кучу мехов, из которых летчики взяли себе всего несколько малых шуток, а полный зимний наряд отдали мне. Я опишу этот наряд в следующем письме, потому что на описание уйдет целое письмо.

По дороге мы взяли бензин.

Мы летим не одни над морем, но мы летим под самыми облаками. А внизу, почти над волнами, или это кажется сверху, летят дикие гуси и дикие утки. Они закрывают крыльями поверхность моря. Темно-зеленые волны просвечивают сквозь белое кружево крыльев. Над всем морем

летят живые кружева. Василий Игнатьевич, я хотел сосчитать число стай, но не сумел.

Мы летим над Русским Устьем. Сегодня 13 июня — а Индигирка покрыта льдом. Раз в жизни мне повезло. Самолет не может сесть и оставить меня в Русском Устье. Да, Василий Игнатьевич, в этом и заключался их план.

Найдите в моей тетради описание Русского Устья из Берестяной Сказки, там есть. Я помню его наизусть и сверху смотрю на это преуютное местечко, где московские люди, мои предки, остановились жить поначалу!.. «Земля с водой перемешана, вода не вся собралась в свои места, и суша не вся сухая, хлеба на ней не будет. Русскому хлебу и зябко здесь, не возрастает. Чем будем жить?..»

Верный С. Тарутин.

А письмо-то остается в моем блокноте!

Уважаемый Василий Игнатьевич!

Русское жило — это райское жило, но только здесь очень плохо дело обстоит с бумагой. А мой блокнот скоро испишется.

Летописец Русского жила воспользовался берестой, как мы слышали. Вы тоже учились на белых березах. И я не прочь приобрести запасец писчей бересты — но здесь нет ни одной березы. Я обошел весь лес кругом.

Расспросил русских жильцов, и они знают о березе меньше, чем я о баобабе. «Береза? Знаем: чернокорая».

Как вам это понравилось? Чернокорая береза! Сказочные люди.

Вы можете представить, как это неприятно мне. Ведь если нет березы, значит, не было и летописи на берестах! Для этого исторического памятника береза более необходима, чем история.

Не мог Тарутин Первый получить бересту и в Русском Устье — там голая тундра. Что, если я сам попал в историю? Может быть, это сказка — о Берестяной Сказке? От этой мысли я обливаюсь потом еще больше, чем от здешнего райского климата.

Спрашивается, чем я буду заниматься всю жизнь в раю?

Мне совсем не о чем разговаривать с русскими жильцами. У них на уме одна еда, в основном — рыба.

Разговор вечно о «едишке» и кто сколько выловил — «это какая страсть!». Да какую краснину съели: в рост человека, — «грех, браа!». Да какая была розовая: что твой язык. «Это какая страсть!»

И так весь день. Послушать их только два года — и перезабудешь весь русский язык. Это какая страсть!

А за 400 лет русские жильцы перезабыли и то, что знали при Иване Грозном. 400 лет не пахали! 400 лет не ели «русского хлеба!». (Пекут из икры и называют хлебом.) И слова, относящиеся к этим предметам, потеряли смысл.

Некоторые слова употребляют в другом смысле. Мать говорит: «Мост паши!» — девочке, это значит: подмети пол.

400 лет они не слышали ни о каких врагах России, ни о каких чужестранцах и так одичали, что теперь обмануть их ничего не стоит. Они не понимают вранья, верят всему. Сказка — означает истинный рассказ о были. Но мои рассказы о нашем строительстве принимают за сказку!

Сами они сказочны и небывалы, все их жило — сама сказка и небыль. Если я выскочу отсюда — через год перестану верить собственным воспоминаниям.

С. Т а р у т и н.

Еще одно сказочное событие: только что проводили одного молодца в Мир!

Надо Вам знать, что не каждый из русских жильцов доходил даже до предмирного края. Есть старики, которые за всю свою жизнь не побывали на краю Великой наледи и не видели обрыва ее в Мир.

Мир начинается за обрывом Великой наледи: там Русь.

Беликую наледь проходят легко в три дня. Но — прожить на льду три дня. Русским жильцам это кажется самоубийством. Изнежились в своем оранжерейном климате. На такое путешествие осмеливаются только удалыцы-богатыри.

Молодчику лет восемнадцать. Румянец во всю щеку, и вообще лицо красной девицы, я таких красавчиков не видел в новосибирском театре. В Русском жиле все мужчины такие и женщины тоже.

Начинающий богатырь простился с отцом, матерью, попросил у них благословения. Весь поселок провожал его до Ворот. Он сложил в лодочку свое фантастическое копье и лук и пустился с беспечным видом.

Этот былинный отрок отправился за тридевять земель в Русское царство добывать невесту. И все с полной серьезностью верят в эту сказку! Что ни говорите, есть расчет увидеть такую древнюю оперу в исполнении самих былинных героев. К слову: отрок пел, стоя в лодке, и все на берегу провожали его песней. Я запишу эти песни, если придумаю что-нибудь вроде бумаги.

Но — жить в былине! — после первой пятилетки, когда началась вторая!

Мне с ними смертельно скучно.

С. Т.

Уважаемый Василий Игнатьевич!

Срочно необходимо с Вами посоветоваться... Необходимо сделать полное научное описание Русского жила — а я не знаю, на что обратить внимание, что важно. Например: в озере вода кипяченая, а как считать в реке, которая вытекает из озера? Кипяченая или сырая река?

У русских жильцов чересчур белое тело, из-за отсутствия солнца, особенно женщины белолицы, которые не выходят за Ворота. Мужчины возвратятся с рыбной ловли или из тайги, банятся вечером на берегу озера, дети весь день ласкаются теплым песочком. Но загорать, увы, можно только за Воротами — на Наледи.

Скоро и я стану как Иванушка после купанья в горячем молоке!

Особенно меня удивляет, что здесь никогда не бывает дождя, но вечно капает на голову. Я еще не привык и все поднимаю голову, поглядываю на облако и жду дождя. А его никогда не будет! Вот чудо.

Речка Теплая прорывается через порог в Воротах, не оставляя обхода. Выйти из Русского жила возможно только по реке. Вернуться через порог против течения еще трудней. Но рыбаки это делают каждый день, так как самая вкусная рыба водится именно за Воротами, в реке.

За Воротами же Теплая течет глубока и крутоберега под горою влево, с краю Наледи, так что левый берег — отвесная скала, а правый — отвесный лед.

Во льду вырублены небольшие пристаньки, причалы. Неводят на небольшом участке и не допускают, чтоб лодки снесло, потому что где-то недалеко («в одно днище пешепутья») река будто бы проваливается и течет подо льдом.

Это, я думаю, верно, потому что видел с самолета: из-под ледника вытекает речка.

Русские жильцы очень боятся свалиться с реки и выпасть из Русского жила.

С. Тарутин.

30 июня 1934 г.

Целую неделю бродил по тайге сквозь: искал чернокожую березу.

Не нашел, конечно.

Да я не особенно и старался найти непременно березу. Хотя было бы неплохо сделать попутно и такое открытие. Но я искал дерево с черной корой, вроде бересты. Не обязательно березу.

Должно же существовать какое-то дерево, которое эти люди окрестили чернокорой березой? Они не могли же ее выдумать!

Летописец мог изготовить цветные чернила и писать в крайнем случае на черных берестах. Он мог и без чернил нацарапать свою летопись железным острием.

Я нашел сколько угодно черной, прелой коры с любых деревьев, но я не нашел подходящей коры для письма.

Конечно, Вы понимаете, что я из осторожности не спросил самих русских жильцов о Берестяной летописи. А вдруг они не захотят отдавать ее государству? Может быть, она у них вроде святыни? Тогда они спрячут ее от меня и от истории еще на четыреста лет.

Я обошел все избы в первые три дня по прибытии, с 14 по 16 июня.

Они живут в обыкновенных рубленых избах, и полы деревянные, белые, чисто вымытые, как везде в Сибири. Они не скоблят, за неимением ножей, а шлифуют особым камнем. А вот стены и потолки черные от сырости, бревна потемнели не только снаружи, но даже и внутри домов.

Избы стоят незапертые, только заходить в отсутствие хозяев считают невежливым, но не очень. Я заходил один раз вежливо, при хозяевах, другой раз не очень вежливо.

Хозяева охотно раскрыли сундуки по моей просьбе, показали свое нестоящее добро. Там шубы меховые — дунду-

ки по-ихнему, кожаные рубахи — камни называются; между прочим, они в сундуках покрываются плесенью, от сырости.

Сундуки тоже незапертые. Другой раз, когда я заходил в отсутствие хозяев, я специально интересовался, нет ли припрятанных сундуков, но таковых не оказалось. Все у них на виду, и подполов нет.

Во время гощения по русским жильцам и еще два дня после я болел, благодаря угощению. Но во имя науки я геройски угощался и гордо болел самой негордой болезнью. Может быть, угощение надо научно описать? Моего блокнота не хватит для таких подробностей.

Уважаемый Василий Игнатьевич!

Я не окончил прошлое письмо и даже не подписал, как-то опустились руки. Подумал, что все равно не удастся огривить. Полежат мои письма вроде Берестяной Сказки лет триста... и погниют в этом банно-прачечном климате. И дерзкий потомок услышит легенду о какой-то Блокнотной Сказке и, не найдя в здешнем бредовом лесу ни блокнотного, ни сказочного дерева, назовет это выдумкой.

Блокнотная сказка еще не написана, но я обрываю последние листки с единственного блокнота в Русском жиле — и почти чувствую, как обращаюсь я сам вместе с ними в легенду... через каких-нибудь четыреста—триста лет... если блокнот не сгниет. Я-то сгнию даже меньше, чем в триста лет, но тут уж ничего не поделаешь. Или я, или легенда обо мне.

Я не удержался — потратил довольно много на записи песен.

Но, Василий Игнатьевич, выход из Русского жила существует, я в этом уверен. Не только по реке. Во-первых — потому что по реке нельзя вернуться, а нам с Вами известен человек, который отсюда выскочил и сюда возвращался! Благодаря его идиотским пророчествам меня чуть не «стрелили», потому что Николай Иванович предсказал мое прибытие на самолете. Как его, громобитный враг, угрозадило, сатану, громобитный враг? (Насчет ругательств совсем плохо, нечем пользоваться.)

Папаша Плехан до сих пор посматривает на меня очима грозооко: не перенял ли по дороге Николая Ивановича, не сварил ли в гееннской смоле?.. С самого начала очень даже

хотел убить меня, прежде всего. Выясняется, что русские жильцы не знали, как это сделать, ввиду отсутствия опыта. В основном это меня спасло.

Они стреляли в железную птицу. Но в живого человека стрелять?.. «Это какая страсть!»

Люди не умеют убить человека! Дикари и те умеют.

Спрыгнув с самолета, я неторопливо зашагал к поселку и разглядывал его бескрышие домики. Дети окружили меня, но, конечно, они не закрыли меня от стрел — если бы в меня стреляли. Все дело в том, что не стреляли.

В эту минуту вдруг начался грохот, и дети стали прятаться за мной и закричали. Все горное помещение затряслось, и под ногами загудело. Отовсюду загремело и раскатывало презлющим рычаньем. А это самолет взлетел. Весь шум наделало эхо с боков, снизу и сверху, от облачной пробки, я думаю.

Какие же храбрецы эти русские жильцы, подумал я сразу: выступили в бой против летящего Змея Горыныча, когда от одного его рыканья началось у них светопреставление, едва мы влетели в их уютный мирок.

Самолет сделал круг и устремился в горные ворота. Чуть он исчез — и все население окружило меня. В этот момент и началось необыкновенное.

— Братцы,— сказал внушительный бас, но чей?

Все стояли с разинутыми ртами, таращились на меня, но никто не говорил. А все-таки кто-то откуда-то сказал басом:

— Не смотрите на антихриста.

Ближайшие скалы подхватили его призыв: «...на антихриста!»

Горы за тайгой изволили отозваться в том же духе, затрубили, залютовали.

И я увидел над головами людей в воздухе крошечного человечка... А он стоял в поселке на угоре, в двухстах метрах, и вовсе не маленького роста. Оттуда он говорил:

— Сокрушайте антихриста крестом и копьем.

И со всех сторон его чертовы подголоски нажимали на последнее средство:

— ...и копьем! Копьем!

— Крылья его не ангельские, не мягкие, а железные,— доказывал зловредный бородач ясно и внятно, без крика.

Ведь это был тот голос и толковал опять об антихристе, как в 1932 году на станции возле Байкала!

Но я знаю свою силу тоже, и люблю при случае дать, и у Вани кое-чего перенял из бокса.

— Подойдем к нему поближе, — я сказал. — Пускай ощупает мои крылья.

Все пошли за мной, а бородач наверху стоял и ждал. Оказался могучий старик с могучей черной бородой и плешивый! И я сам не сообразил, как у меня сказалось:

— Папаша Плехан, будь здоров!

Тут многие захохотали, и все заговорили:

— По прозванию знат, слышь?.. Все знат!

Тут уже я без риска лихо ахнул такое:

— Папаша Иван, тебе сын посылает низкий поклон! — Поклонился старику сказочно низко.

— Который сын? — живо спросил старик и призабыл мне обидное первое обращение. И был на том куплен мною, Семеном Тарутиным.

В минуту я узнал, что за Краем в Мире бродят целых три его сына.

Тогда другой бородач, помоложе, стоявший немного выдвинувшись, потянулся рукой к затылку и заявил:

— Ты объявись нам, сынок, чей ты сам будешь?

Я помолчал для важности и объявил со значительностью:

— Я-су Агафангелов Семен Тарутин.

Всеобщее молчание. Думаю: неужели влип? Не может быть такой ошибки у Николая Ивановича. И не такой он человек, чтобы подвел.

Подходит ко мне этот самый моложавый бородач, присматривается.

Обнимает меня, целует в губы, черт возьми, и собирается явно плакать!

— Правнучек мой?.. А я твой прадед Агафангел. Ах, богоданный мой! Теперь и помереть могу, братцы, сыны мои.

Сыны его, то есть мои прадедья, окружили меня — один другого моложе, вот порода! Я на них посмотрел и подумал: неужели и мне жить вечно?

Тут и вся родня окружила, и меня целовать. Шум, крик, пратетки, праплемянницы — я перестал уже различать и только заметил, что Маруся — не родственница мне — стояла в стороне.

Я проголодался и чувствовал нетерпение. Наконец один дядя — или не дядя — сказал:

— Грех, бра-а!.. Самого-то председателя советной власти нету, рыбачит. Кто тебе возглаголит?.. Или ты, Микунька? Он ведь называется заместителем председателя советной власти у нас. Глагольник!

Микунька вышел вперед, отставил правую ногу в сапожке коротком сапоге. Поправил черную бородку и начал глаголить:

— Не знаю, как лучше сказать, а ты ведь снизошел яко ангел небесной к нам, чертыханам, ну просто как царь, пра-а!..

Бригадир Верных

русский жилец

С. Т а р у т и н.

Уважаемый Василий Игнатьевич!

Я опоздал спасти ее. Погиб замечательный документ русской истории. Берестяная Сказка изгнила или еще как-то исчезла. Но она больше не существует.

Это были аккуратно нарезанные тонкие листочки бересты, каждый размером в две ладони или в одну. Листочки были черные от сырости. Большой сундук, набитый берестами, стоял в избе у Тарутина Агафангела, у прадеда моего. Я живу у него, и прадед ко мне тоже неплохо относится. Она, правда, намного моложе мужа, прадеда моего.

Я все думал: как подойти к вопросу о Сказке. И догадался, откуда у русских жильцов понятие о чернокорой березе. Спросил в кругу вечером: не видал ли кто черную бересту? Два старика, мой прадед и Меншик Иван Еремеевич, прозвищем Плехан, ответили, что писание Первого Тарутина было на таких берестах. Итак, она была, Сказка, ее не выдумали!

Когда я высказал пожелание увидеть Сказку, прадед Агафангел положил мне руку на голову и подержал, с благословением, что ли, а Иван Еремеевич рассказал о том, как пропала Сказка.

Бересты были от употребления уже ветхие и многие порвались. Никому не позволялось трогать. В первое зазимье, в день Покрова богородицы, собирались русские жильцы возле сундука с берестами, в доме Тарутина старшего, и слушали Сказку, а сказывал наизусть Семен Агафангелович, мой дед.

Кто из детей Тарутиных, слушая, сумел запомнить слово в слово, тому позволялось на следующий Покров день чи-

тать по берестам, чтобы проверить все слова и научиться выговаривать правильно, по-старинному. Но после Семена не успел еще никто.

Прапрадед Ондрей, потерявши память божьим соизволением, а больше от ушиба, приказал сыну, а моему прадеду, Агафангелу услать в Мир Семена, моего деда. О том Ондрей сговорился и согласился с началовожем Иваном Еремеевичем Меншиком-Плеханом.

А Семен, тот не хотел уйти. Погрозился: отправите — не вернусь.

(Но я сообщаю не только то, что поведал Иван Еремеевич, а все обстоятельства, какие удалось выспросить у родичей моих.)

Услали Семена — не осталось грамотного, кроме одного Николая — сына Ивана Еремеевича: сметливый, успел запомнить всю Сказку. В день Покрова — после ухода Семена в Мир — Николай Иванович сказал Сказку без запишки.

Тогда Иван Еремеевич потребовал Берестяную Сказку к себе, в Меншиков дом.

А между Тарутиных и Меншиков домами Сказка потерялась, то есть сундук с берестами. Ничего о нем не известно.

Иван Еремеевич рассказал, что посылал сына Савву за сундуком. Савва один раз вернулся с пустыми руками, на другой раз послан — сундука не принес и сам сгинул. Может, утонул или на озерный ключ заплыл и сварился или, не дай бог, сорвался с Теплой реки в Мир, — не нашли его. Отчаянный был.

А на той беде стали Тарутины отпираться от сундука — валить на пропащего: Савва-де сундук унес. Но прапрадеду Ондрею веры нет: память отшибло.

Меншик Сергей Иванович, грубый человек, сказал, что Тарутины не память утратили, а сундук с берестами. На них и грех. Отговариваются беспамятством прапрадеда.

С тех пор идет спор между Меншиками и Тарутинами о Берестяной Сказке. Читал изустно Николай Иванович без проверки по берестам, и Тарутины жаловались на Меншиков, что-де у русских жильцов плошает без проверки древний язык и на Меншиках великий грех.

А Вы помните рассказ Николая Ивановича о берестах, о связках?.. И я думаю, что не уберегли Сказку в доме у Меншиков.

Теперь Николай Иванович — единственный хранитель

Берестяной Сказки в своей памяти. Моя задача: записать с его слов полностью всю.

Хорошо, если он скоро вернется в Русское жило!.. Приходится не мечтать о бегстве отсюда. Это вернее, чем бегать искать его по всему Миру!

Но когда он вернется — на чем я запишу Сказку?

С. Т.

Уважаемый Василий Игнатьевич!

Я стал опытным рыбаком. Это довольно тяжелая специальность, но полезная. Теперь я нигде не пропаду. Только иметь при себе небольшую сеть — везде для меня приготовлена «едишка»!

Теплая река перегорожена сетями от Наледи до горы. Она очень глубока, сетей потребовалось много. Каждый рыбак ставит свои сети, а Плеханы и Важеники ставят больше всех.

Весь улов мы делим равными паями между взрослых ловцов, а подросткам до 15 лет даем полпая.

Обычай артельного лова существовал испокон веку, но недавно вывелся, потому что владельцы большого количества сетей почли для себя добычливее отделиться от мира. Это — Плеханы и Важеники. Из-за них перестали запирать реку.

А когда Николай Иванович принес известие о колхозах на Руси, Тарутины закричали:

— Вот она, древняя правда! Братцы, давай жить назад по русской артельной правде!

— Еще понравится ли, — сказал Николай Иванович. — Артельная советная правда — ровная для всех: по работе пай. У нас улов поровну, а труды-то врозь. Вы, Тарутины, тружаетесь на рыбалке летом, и вы, Матигорцы, и все так. Мы же, Меншики, сверх того зиму всю сети чиним и новые плетем и за труды пая не имеем.

— Сети-те ваши-су, — сказал Агей Тарутин.

— А рыба-та ваша-су, — сказал Николай Иванович.

Тут уж Важеник начал соображать и заинтересовался:

— Как же в советных живут?

— Сети общие, — ответил Николай Иванович.

— А чинит же кто? — спросил Микунька, удивясь.

— И чинят сообща.

— У нас четверо в доме, — сказал Микунька, — а вас,

Плеханов, бог не сосчитал, дивно. Вы и триста сетей вычините, а нам и десять наших в тягость.

— Мы для вас должны чинить и плесть? — спросил Важеников батя.

Агей Тарутин предложил давать полпая за сети. Иван Еремеевич обрадовался, сказал:

— Спасибо на том.

Но и тут Николай Иванович сказал, что это будет не по русской советной правде.

Спор они не кончили и выбрали Иова Матигорца советным председателем — не ради перемены, которую вовсе и не осмыслили, но затем, чтобы все у них было, как на Руси.

Иов Матигорец не получил никакой власти над согражданами. И прежде началовож Иван Плехан тоже не имел власти, потому что не имел средств для принуждения. Его суждение принимали, когда оно было справедливое, а кто не хотел — не принимал и справедливости. Началовожами испокон веку бывали Плеханы, по наследству или по привычке.

Власть была теперь у «советного собрания»... Русские жильцы считали советом общее собрание. Сначала я думал, что такой совет тоже не умеет принуждать. Потом я увидел, что у него была настоящая власть.

Но скажите: как сумел Николай Иванович восхвалить Советскую Россию и в то же время посулить антихриста из той же Руси, да со злыми казнями для русских жильцов, по указу государей Михаила Федоровича и Филарета Никитича?!..

С. Т а р у т и н.

Или это без него уже додумали?

Уважаемый Василий Игнатьевич!

Мы раскидываем всю рыбу, каждый сорт по числу ловцов: чирь отдельно, хариусы отдельно, то же самое красина, муксун, и даже селедка идет счетом: по одной штучке. Пять, шесть и до восьми тысяч сельдей требуется наловить каждому хозяину для прокормления только одной запряжки собак в течение года: это на 8—12 собак.

Плеханам и Важеникам откидывают еще полпая за сети.

Каждый ловец забирает свою кучу муксуна, кучу сельдей и так далее. Он кладет в лодку, что ему требуется для дома, остальное под лед.

Плеханы и Важеники забирают свои полтора пая и начинают толковать о несправедливости, грозятся не вычинить сети в новую зиму.

— Грех, бра-а! — говорит Агей Тарутин ужасаясь.

— Бери мои сети от греха, — отвечает Иван Плехан весь-ма хладнокровно.

— А пошто я буду чинить да свои сети для тебя?

Мне это сильно надоело. Однако русские жильцы крепилась не спрашивать меня — ну, и я крепился молчать. Знаем: совет хорош, когда его спрашивают.

Я оказался крепче.

Вообще у них молодые имеют полный голос. Только начнут работать со взрослыми наравне — их и слушают наравне, даже пятнадцатилетних малышей.

Вот один такой молодой человек выступил при всех с обращением ко мне:

— Научи нас, дядя, по-советному паи делить, как на Руси делают?..

— Заведи бороду, тогда будешь спрашивать для людей, — сказал я ему.

Этот мужчина с достоинством ответил:

— Я — человек за людьми.

— За тобою да другие станут людьми, — сказал я с удивлением и молчал, пока не заговорили старики. Тогда я принял авторитетный вид и разъяснил, как надо жить по-колхозному.

Я всегда дивился авторитетному виду начальника снабжения Кузнецкстроя и пробовал сам, наедине, но чувствовал, что у меня не получается. Теперь представилась нужда, и должно было получиться обязательно.

Я сделал такое каменное лицо, что русские жильцы устались и укладывать рыбу под лед оставили.

Иов Матигорец подошел, Микунька Важеник, Агей Тарутин, Иван Плехан — все почтенные жильцы подошли поближе ко мне, оставя на время свою рыбу, и со вниманием ждали.

Я заговорил медленно и немногословно, сказал, что рыба ловится сначала на дому зимой, когда плетут и чинят сети.

Это вызвало возгласы удивления и одобрения.

Я сказал, что работу на дому, на сетях, следует оплачивать подешевле, как более легкую... Этим моим словам все рассмеялись, как хитрой шутке. Они считают сидячую работу дома куда «нужнее» ловецкой работы на реке и на льду.

Они поняли так, что я считаю несправедливо дешевой существующую оплату труда вязальщиков и чинильщиков сетей — половиной пая.

Я сказал, что по-советному работать артелью — значит работать все для артели: и рыбники кладут пай рыбы гусникам, и гусники кладут пай гуся рыбникам. Оттого-то в советских колхозах одни рыбачат, другие по гусям ходят, иные за зверем — а все и с рыбой, и с гусями, и с пушной.

Это всех поразило до глубины души, они стали просить, чтобы я сказал об этом еще раз и пояснил бы.

Мы поздно задержались на леднике, но бабы в Русском жили не привыкли беспокоиться о мужчинах. Им хватает работы дома на весь день.

На порогах Теплой, в Воротах, мне пришло в голову рационализировать жизнь русских жильцов и повисить производительность их труда.

Чадный запах жареной рыбы чувствовался уже в Воротах. Над рекой он уже усиливается и сгущается в тайге и становится невыносимым в поселке. Все лето мы живем в чаду жареной рыбы. Все старухи заняты вытапливанием рыбьего жира к зиме — для кухни, для еды, для питья, для освещения. Рыбий жир — это кошмар для меня.

Василий Игнатьевич, прощайте, кончается моя переписка с Вами! Кончается блокнотная летопись моей жизни в Русском жили, кончился мой блокнот. На последнем листике, на корочке, остается места еще на три строчки. Моя цель: дождаться Николая Ивановича, записать с его слов Берестяную летопись. Но на чем я запишу ее?

С. Т.

Видимо, конец августа.

СТОИТ ЛИ ИСТРАТИТЬ ЖИЗНЬ НА ОШИБКУ?

Глава 1

ХАРАКТЕР — ЭТО ГЛАВНЕЙШИЙ ТАЛАНТ

Василий опять поспевал за своим курсом — четвертым — и сам делал контрольный анализ полнинских образцов. Все шло нормально, и сон обычный: четырехчасовой.

— Человек страдает познанием,— сказал Егоров.

— Кто больше знает, тот меньше спит,— ответил Зырянов.

— Из тебя, Вася, во благое время вышел бы добрый кулак.

— Во благое время ты бы отведал доброго кулака.

Но, в общем, Василий молча слушал, когда касались особенностей его сна.

— За что? — покойно спросил Егоров. — Таких, как ты, жадных немало есть в деревнях. Был бы ты ярым стяжателем в старых условиях. Советская власть направила твою ненасытную жизнь к науке. От крестьянства и страдальчество у тебе.

— Честное слово, не понимаю: ты меня хвалишь или осуждаешь?

— Осуждаю. Учиться высшим наукам — не землю пахать, не страду страдовать. Страдание для этого не идет, и кулацкая жадность не пристала.

— Клянусь! Такой чепухи, как от Егорова, я не слышал никогда в жизни, даже от моего дядюшки после его святого хаджа в Мекку, — сказал Алиев, потряхивая черной блистающей короной кудрей на высоком черепе. — Зырянов имеет кулацкую способность годами спать не больше четырех часов в сутки! А Егоров имеет буржуазную склонность дрыхнуть, когда советскому студенчеству время делать физзарядку под радио и внедряться в науки!

— Кулацкая жадность — это не талант, а характер, — сказал Егоров.

— Чудак! — закричал Алиев. — Характер — это главный талант! При социалистических отношениях он делает Ломоносовых, и он же при капиталистических делает кулаков и миллионеров и бандитов! На всю историю России до нас был один Ломоносов...

— Это мы с тобой Ломоносовы?

— Зырянов — да, а ты — нет. Ты, Егоров, человек достоверно полезный. А Зырянов — человек сомнительный, рискует напрасно разбить нос. Ты будешь директором шахты, потому что у тебя бездарный характер. А Зырянов сочинит мировое открытие и совсем перестанет спать, чтобы успеть...

— А вот мы заставим тебя повторить эти ереси на комсомольском бюро.

В час ночи общежитие утихло. Василий лег в три. Он сделал работу в счет завтрашней, чтобы освободить пару часов днем.

Он отправился в Институт мозга. Он давно задумал это посещение.

— Доктор, почему я не вижу снов?..

— Вы, вероятно, не по этому вопросу пришли сюда? — спросил доктор.

— Именно и только по этому одному вопросу.

— У вас много свободного времени? — вежливо и недовольно спросил ученый и посмотрел карту больного. — Вы же студент. У вас должна быть порядочная нагрузка.

— Да, я студент, и у меня, кроме учебной, большая партийная нагрузка. Времени не хватает настолько... что вот уже одиннадцать лет, как я сплю не больше четырех-пяти часов в сутки. Надо мной смеются, даже издеваются: называют меня сверхчеловеком. Другие пугают, что я должен скоро умереть... Но ничего, я все еще живу. И работаю.

И я хотел бы узнать, что известно об этом науке: можно так жить, как я живу?.. Но если это вопрос только воли... Если человеку возможно довольствоваться четырьмя часами сна, то это очень важный вопрос не только для меня одного. Вот откуда мой вопрос о сновидениях: нет ли связи?

— Связь, по-видимому, есть. Вы очень быстро и глубоко засыпаете? Вы недолго лежите до засыпания?

— Только ложусь — и ничего больше не помню. Вероятно, моментально засыпаю.

— Можно позавидовать вам. Вы обладаете даром глубокого сна, может быть даже исключительно полного сна. Поэтому вы можете позволять себе очень короткий сон. Кора головного мозга успевает отдохнуть, биохимически освежиться. Когда человек видит очень яркие сны, он встает почти не отдохнувший: кора продолжала работать.

— Так вот какая связь!

— Глубокий сон — это великая вещь. Берегите его. Его тоже можно потерять... Много снится тому, кто медленно засыпает и легко выходит из сна, спит неглубоким сном, не дающим полного отдыха, и нуждается поэтому в продолжительном сне.

— Но все-таки я бы хотел хоть раз увидеть...

— Что ж... Попробуйте, хотя вряд ли у вас выйдет при такой могучей способности... Попросите кого-нибудь из товарищей причинять вам легкое раздражение в момент засыпания.

Василий поблагодарил за совет.

Ночью, покончив с учебниками, он просверлил две дыры

в рамках окна и лег головой к сквозняку. Острая струя морозного воздуха шевелила тонкие пряди льняных волос на темени и приятно освежала, причиняя легкое раздражение. Василий мгновенно уснул.

Глава 2

ЧЕЛОВЕК ДОЛЖЕН ЗНАТЬ СЕБЕ ЦЕНУ

В первое воскресенье после окончания анализа полнинских образцов Василий отправился к Лидии Цветаевой.

Он сразу, лоцманским взглядом окинул светлую комнатку с кружевной белой занавесью на маленьком окне и белым убранством постели и приветливым зимним солнцем на свежести дешевеньких обоев, отразивших мартовский снег. Сделал шаг от порога и вдруг сослался на приглашение. Он явно выглядел оробевшим.

— Без письменного приглашения вы бы не пришли? — насмешливо спросила Лидия. — Вы вообще не хотите быть знакомы?

— Вы интересуетесь Сеней... Я принес его письмо... Переслал Женя из Алексеевки.

— Дайте скорее!

Теперь она взглянула более пристально.

— Вы опять успели похудеть... И побледнели. Вы не больны?

— Я здоров. — Первый раз в жизни кто-то говорил ему, что он «похудел» и даже «побледнел». Он уточнил: — Я выздоровел.

— Значит, вы все-таки болели! Что у вас было?

— Воспаление легких... сначала. Потом плеврит с сильным жаром, сказала няня.

— «Сказала няня!» Вы были в больнице! И вы не дали знать!.. — Она помолчала от обиды, но рассердилась на себя: «Это все я!.. Какой отвратный характер! От кого это у меня?..»

За портьерой звонкий, чистый голос сказал:

— Лида, к тебе можно?

Василий насторожился: какой милый голос. Лидия не говорила, что у нее есть младшая сестра.

— Войди, мама.

— Открой мне, пожалуйста.

Лидия вскочила и откинула портьеру. Василий огорченно подумал, что это следовало сделать ему.

Мать, в темном просторном домашнем платье, вошла с белым подносиком, с двумя белыми чашками, вазочками и крохотными блюдами под варенье.

— Ах, мама!.. Я же сама могла!.. Мама, это и есть знаменитый Василий Игнатьевич Зырянов!

Она с опасением взглянула—она еще не знала, как он себя поведет. Зырянов пошел навстречу полной, расплывшейся женщине лет шестидесяти, с удивлением, с нетерпением желая услышать ее голос. Старушка села и музыкальным, юным голосом спросила о его успехах.

— Можете говорить со мной, как со специалистом.

Зырянов, улыбаясь, сказал, смущенный, сбитый с толку противоречием голоса и внешнего вида мамы:

— Неужели Лидия Максимовна заставляла вас пройти вместе с нею всю геологию?..

— Я ее заставляла, а не она меня,— строго сказала старушка.— А как вы думаете? Нам, родителям, нельзя иначе никак. Вот будет у вас свое высшее образование и даже докторское, как Лида говорит...— Ее речь была полна лукавства.

— Мама! — Лидия покраснела.

— И вы думаете — уже обеспечены у детей? Тогда я вас пожалею. Они вам ответят очень скоро: «Ах, мама, тебе это неинтересно! Ты не поймешь!..» Или так вот, вежливо: «Неужели дочь заставила вас пройти геологию?» — Глаза у мамы, молодые, насмешливые, согласны были с голосом и коварными, переменчивыми интонациями в решимости задразнить Зырянова.

— Извините! — воскликнул Василий.— Спасибо вам! Теперь я буду действовать по вашему способу!.. А много у вас детей?

— Не жалуюсь, слава богу. Второй вуз кончаю, не считая своего. С аспирантурой плохо у меня: не допускают по возрасту.

— Ну, конечно! — с жаром воскликнул Василий, но уже с почтением к учености, а не только к старости.

— Так и ожидала эту любезность,— мелодично сказала старушка.— Но вы ошиблись, намекая на мой возраст. Я имела в виду возраст Лиды.

— Замечательно! — пролепетал Василий, глядя на старушку со страхом и восторгом.— Разрешите ответить на ваш

вопрос. Я заложил два анализа на одинаковом материале, составленном из полнинских асфальтов и битумов. Я сам делал контранализ...

Мама внимательно выслушала задумчивую паузу Зырянова и осторожно спросила:

— Какой же результат?

— Целых два результата: один анализ положительно указывает на нефть, а другой очень далек от нефти.

Мать и дочь рассмеялись. И Василий увидел, что они очень похожи друг на друга.

— В Институте горючих ископаемых тоже закончили анализы и решительно отвергли возможность нефти в полнинском кембрии.

— Вот как,— сочувственно сказала мать.

— У профессора Каслина в Ленинграде получились противоречивые данные, сходные с моими собственными результатами: и за и против нефти.

— Как интересно! Следовательно, вы можете продолжать бороться.

— Мама,— взволнованно сказала Лидия,— ну зачем же ты поощряешь его! Ведь он уже три года борется и два года ведет разведку в Якутии, а кембрийскую нефть хотя бы в лаборатории нашел.— У Лидии горели щеки, и она не смотрела на Зырянова.

— В таком случае пейте чай! — сказала быстроглазая мать и вышла из комнаты.

— В таком случае будем пить чай,— сказала Лидия.

Она не смотрела на Василия.

— В таком случае пьем чай! — сказал Василий с внезапным весельем.

Лидия положила на кукольные блюда прозрачные ягоды в изумрудном густом сиропе. Василий посмотрел на свое блюдо с искренним интересом. Тотчас Лидия отзывчиво подложила еще ягод и взглянула с ласковым сочувствием к его детской радости.

— Рассказывайте ваши дальнейшие планы.

— Я был у начальника Главгеоразведки. Он сказал: «Если Академия наук заслушает ваш доклад, я уделю вам десять минут».

— Грубиян! Что вы ему ответили?

— Я сказал: хорошо.— Василий встал и прошелся по комнате.

Лидия покраснела от гнева.

— Вы должны были обрезать эту свинью! А вы проглотили оскорбление с покорным «хорошо»!

— Что же другое я мог ответить ему с достоинством?

— С достоинством?.. Его высмеяли, а он с достоинством ответил: «Хорошо!»

— Он хотел выразить ту мысль, что, может быть, я и заработаю доклад в Академии через десять лет, но и тогда кембрийская нефть, да еще в Якутии, не будет стоить больше десяти минут делового времени...

— Вы полагаете, что я сама не в состоянии понять?..

Василий остановился у книжной полочки и рассматривал книги в смущении.

— Ну, а я ответил: хорошо.

— Боже, какая угроза! — Лидия тоже подошла к полочке и встала рядом с Василием. — Я действительно не поняла вас. Вы ответили в том смысле, что принимаете его условие!..

— Конечно! — Ему хотелось взять в руки какую-то книгу, но он не решался.

— Будто бы вы придете к нему после доклада в Академии наук?..

— Да.

— Вы действительно уверены, что Академия наук будет слушать ваш доклад?.. И не дальше как через десять лет?

— Зачем? Через две недели.

Она взглянула почти испуганно.

— Иван Андреевич уже внес предложение на Геологическое отделение Академии заслушать мой доклад о разведке на кембрийскую нефть.

— Извините, Василий... Вам это не приснилось?

— Вы опять забыли, что мне никогда не снится.

Она продолжала смотреть недоверчиво, не желая верить, что этот человек способен на такое дерзкое бахвальство. Он был очень бледен и худ. Он взял наконец эту книгу, которую ему хотелось раскрыть.

— Тринадцать лет назад вы были неграмотны, — напомнила, чтобы заставить его одуматься.

— Верно! — воскликнул он с гордостью. — А нынче я буду докладывать в Академии наук!

— Больше всего мне не нравится у вас нескромность.

— Лидия Максимовна! Объясните мне, что такое скромность? Может быть, я не понимаю: разве я должен прики-

дываться, будто бы не замечаю, насколько я успел больше многих других?

Она не нашла прямых слов для возражения и сказала:

— За тринадцать лет каждый ребенок доходит до четвертого курса. Мартин Иден успел больше вашего в три года.

— Кто это? — живо спросил он.

— Вы попросту не сознаете своего невежества и воображаете, что это и есть сознание своей ценности.

Василий сильно покраснел.

— Человек должен знать себе цену. Образование не мешает мне понимать, что есть люди не менее умные и более знающие.

«Это и есть скромность», — подумала Лидия и сказала:

— Простите, если я обидела вас. Я не хочу обижать вас!..

Василий угрюмо попросил рассказать биографию Мартина Идена. Он слушал с жадностью и оживился.

— Мартин Иден удовольствовался тем, что узнал за три года, и тем, что сделал за три года, потому что у него была слишком маленькая личная цель. Я вовсе не довольствуюсь собой. У меня другая цель. Почему я не должен радоваться тому, что успел узнать и сделать?

— Какая у вас цель?

— Облегчить труд человека!.. — сказал он с неожиданной жесткостью в голосе, отвернувшись и хмурясь. Да, пафос простой задачи, но великой — суровый и стыдливый пафос посвящения жизни одной службе. — Да. Я горжусь тем, что успел за тринадцать лет получить некоторое образование, применяя его к жизни все время. Каждую крупницу моего знания я разделил среди большой массы людей.

Глава 3

АВТОБИОГРАФИЯ УЧЕНИКА В 1918 ГОДУ

— Сядьте, Василий, и расскажите мне об этом.

Он сел против нее у столика.

— Я проучился, может быть, меньше трех лет из этих тринадцати... — Он встал и снова прошелся по комнате: два шага от кровати до окна, три шага до двери.

Он стоял перед Лидией и говорил. Время от времени он делал шаг к столу, поглядывая на зеленое варенье — густое,

прозрачное, как драгоценный камень, искрящееся в бликах, Он говорил не очень гладко, иногда несвязно, повторял и разъяснял свою мысль для самого себя. Синтаксис прихрамывал у него заметно.

— Я проучился в семилетке одну зиму, с осени до весны, и не успел окончить: кончился учебный год. А уже весной я проводил комсомольскую кампанию, собирал бригады на сплав и сам был бригадиром. Я провел в тот год плоты по Северной Двине до Архангельска...— Он наклонил голову, уставясь в свои воспоминания.— Месяца не хватило. Еще месяц бы занимались — и я окончил бы семилетку.

— Семилетку? За одну зиму?

— Семилетку! — сказал он торжествуя.

— Это какое-то недоразумение. Четырехлетку, наверно. Да и не могли в такой глухой деревне в то время открыть сразу семилетку, а только начальную школу. И в начальной-то в первый год открыли один первый класс, наверно. Откуда могли быть учебники для второго и старших классов? Школа должна была расти вместе с учениками. Потом открыли бы и третий, и четвертый...

Как же она не примет факта?.. Он сидел в третьем классе... Одно мгновение, секунду... Взрослого среди детей — во втором совсем невозможно было бы, а четвертого еще не было, это верно. Жарко натопленная зима в замечательной сереговской школе на секунду вернулась, одно мгновение с госторговским незабываемым сахаром и крепчайшим чаем и с хлебом — с хлебом! — и учителя занимались отдельно с Зыряновым по программе первого и второго года.

Вася Зырянов понравился ребятам тем, что вникал во все дела и любил помогать. Но он и тянул, чтобы ему помогали.

Сухари у него кончились, Вася поступил на службу в Госторг круглосуточным сторожем. Сторож, поскольку ничем не занят, обязан был топить печи в лавке. Но Вася, кроме этого, и полы мыл, и наблюдал за опрятностью на полках. Он очень расширительно понимал свою стражу: ведь он являлся сторожем Государственной торговли!.. Он очень гордился своей должностью.

Пришлось и белье свое стирать, вдалеке от матери.

Вася чувствовал себя, как на чужой порожиистой реке. Его лодманская память прихватывала все на ходу и не упускала ничего. И то, что объясняли третьей группе, еще

непонятное, запоминалось. И вот оно уже возвращалось из памяти, привязывалось к понятному. В ноябре месяце Зырянов догнал третью группу и стал мешать общим занятиям. Пришлось его отсадить и продолжать с ним отдельные уроки — теперь уже по программе вперед. Учителя этой юной революционной школы не придерживали великовозрастного ученика. Они не прочь были поощрить его пыл и пронаблюдать.

Лощман, сын лощмана, ослеплял учителей точной памятью и сам упивался всеобщим восхищением. Теперь он окончательно уверился на всю жизнь, что будто бы все ему доступно.

Комсомольцы выбрали его секретарем ячейки.

Спустя еще месяц увлеченный заведующий школой известил уездный отдел народного образования, что в январе потребуется открыть пятую группу, понадобятся недостающие учителя. В уоно захотели узнать, откуда появится пятая группа в январе и сколько в ней будет учеников. Предложили отложить до будущего сентября.

Заведующий предложил Зырянову замедлить ход и предостерег против опасностей слишком быстрого накопления первоначальных знаний.

«Надо спешить,— возразил Вася и с жаром воскликнул:— Дайте мне факты и выводы! Потом я разберусь и все сам проверю!»

Он стал допекать учителя вопросами о камнях и особенно о черном жире земли. Но учитель сказал с огорчением: «Я никогда этого не видел и не слышал об этом, ничего не могу тебе сказать».

— Открыли семилетку, я вам говорю! Были ученики! Меня, большого, неудобно было посадить с маленькими — посадили сразу в третьем классе. За первые два я догонял, мне помогали учителя и ученики. А в старших классах я был единственным учеником, со мной одним занимались, из интереса. Я торопился.

— Но разбираться в программе вы же не могли! Сколько вы там прошли — за четыре или за семь, что вы в этом понимали? У вас осталось в памяти название «семилетка», и оно вам льстило. Вы за него и держитесь до сих пор и не хотите рассудить.

Василий помолчал вежливо и смущенно. Кротко рассказал дальше:

— Вернулся и получил путевку в совпартшколу первой

ступени. Я еще погулял в то лето по лесам и рекам со школьными товарищами, а потом поехал в Усть-Сысольск. Прежде всего обежал все учебные заведения и выяснил, что во всех преподавали частью одни и те же предметы, а частью разные. Я подал заявления, кроме совпартшколы, во вторую ступень и в педтехникум.

Лидия больше не задавала вопросов и не мешала ему. Она безмолвно слушала, совершенно потрясенная «лоцманским» подходом к учебным заведениям Усть-Сысольска.

— Оказалось, надо было жить; ждать экзаменов двадцать дней. Я работал в это время на уборке сена, и на молотбе, и на лесных работах. Одновременно готовился к сдаче экзаменов...

(И как тут не похвастать?)

— Мне велели решить задачу из седьмой группы... Но я же не окончил семилетку и не знал, как надо решать эту задачу! Стал думать... и пробовать. А учитель стоял возле; спросил: «Что это вы делаете?» — «Я такую задачу не видел, говорю». — «А я никогда не видел такого способа решать эту задачу, какой способ ты придумал, — сказал учитель. — У тебя интересная голова, ты сам можешь задачи выдумывать...»

Меня приняли во все три заведения, но директора и преподаватели были недовольны: они считали, что я не могу успеть. Я объяснил, что это вполне возможно и даже очень просто: совпадающие предметы я тоже разделил. Например, начатки естествознания буду проходить во второй ступени; а в педтехникуме — продолжение этого же курса. Во второй ступени пройду также математику, а в совпартшколе — общественно-политические науки, в педтехникуме — исследование химии и физики.

— Исследование!.. — тихонько подивилась Лидия.

— Директора второй ступени тоже удивило это слово, — откликнулся Василий усмехаясь. — Тут у меня был интересный разговор с этим директором... Он сказал: «Вы торопитесь исследовать все области науки? Но это не исследование, а обследование...»

— Правильно! — вырвалось у Лидии.

— «Сначала надо приобрести начальные знания, затем фундаментальные: одновременно это невозможно... А потом уже человек может что-то исследовать самостоятельно».

Я сказал, что не могу ничего откладывать. Я повсюду опоздал. Мне уже девятнадцать лет...

«Вы очень способный человек, вам трудно подчинить свой ум школьной программе, тем более что вы уже взрослый. Но именно поэтому вам она особенно необходима. Если вы не сумеете обуздать свое нетерпение, систематизировать свое образование, дисциплинировать свой ум, вы не станете исследователем и вообще вы не научитесь работать для жизни».

«Я с двенадцати лет работаю для жизни!»

«Вы с самого рождения подчиняетесь жизни, а с двенадцати лет увлекаетесь жизнью. Вы живете стихийно. Эта опасность грозит одаренным людям больше, чем заурядным, потому что одаренность — это стихийная сила».

«Я так организую свое время, что у меня ни одной минуты не пропадает без пользы. А вы говорите, что я живу стихийно!»

«Да, и скажу, что вы расточаете жизнь, а не используете».

«Объясните!»

«Если бы вы сосредоточились на узкой программе, скажем, второй ступени, вы бы усвоили эти знания быстрее и закрепили бы в памяти прочнее. К самостоятельной деятельности, к исследованию вы бы подготовились раньше и успешнее».

«То, что я раз увидел или услышал, я никогда не забуду. У меня такая память».

Директор не согласился со мной и остался недоволен моими ответами. В заключение он сказал:

«Я бы на вас надел здоровую узду — и вы, может быть, пошли бы далеко и великую пользу стране принесли бы... А вы принимаете свою любознательность за объективные интересы какого-то дела».

«А разве любознательность — не дело?..»

«Нет, не дело. Она только залог в интересах дела, но отнюдь не сами интересы и совсем не дело, если это одна любознательность. В этом ошибетесь — будете всю жизнь громыхать пустой телегой».

«Да вы посмотрите, какой воз я уже везу!»

Но этого директор не видел и не хотел видеть. Это был педагог старой закваски...

Скоро меня выбрали в бюро комсомольской ячейки, потом в городской комитет комсомола, в областное бюро пролетстуда... Я был счастлив, что способен уже не только познать, но и созидать!

Лидия дивилась, но уже верила всему. То, что он рассказывал, было романтично!

— Особенно привязался я к одному учителю, горному инженеру, который проучился много лет в Москве, в Горной академии. Я провожал его каждый день из училища до его квартиры, чтобы воспользоваться его временем по дороге. Утром я приходил к его дому, и опять шел с ним до училища, и учился у него по дороге... Вот наконец узнаю обо всем удивительном на свете!.. Но и горный инженер не все знал о земле.

И тогда я подумал: надо мне самому поучиться в самой высшей московской школе.

Да, он поспевал повсюду — кроме сна. Потому что юноша в девятнадцать лет еще владеет вечностью и бесстрашно употребляет ее каждый день.

А от бюро пролетстуда выбрали Зырянова в культурно-социалистическую секцию горсовета. И он с жаром бросился в ее работу тоже и стал ее председателем и был счастлив, потому что юноша в девятнадцать лет жаждет уже не только познавать, но и созидать...

Но как же он мог учиться?.. Лидии нелегко было понять это, и не только это в рассказываньях Зырянова, в той отдаленной жизни в маленьком загрязненном городишке почти сразу же после гражданской войны.

— Нам надо было почистить наш город. Я выступал на заседании горсовета и говорил: «Нам надо поднимать миллионы людей к новой культуре!..»

Лидия думала: значит, и после «семилетки в одну зиму» он еще не имел арифметического представления о миллионе?.. Или другое: после северных лесов, где соседи поселяются не ближе ста километров, население Усть-Сысо́льска показалось ему неисчислимым, как миллион?..

На самом деле в голове у Зырянова было не то и не другое, а третье — самое простое и загадочное: двадцатилетний лесоруб в горсовете Усть-Сысо́льска уже чувствовал вместе со всеми свою жизнь как долю соучастия в работе советской власти для всей страны. Да, это ему — «нам в Усть-Сысо́льске» — надо было поднимать миллионы все-русского народа.

Надо было поднимать их к новой культуре и, опережая миллионы, самому подниматься — для того, чтобы поднимать. А какая она, новая культура?.. Вася не видел и старой. Как бы не обознаться?.. Но он совершенно убежден

был в том, что ясно представляет себе новую: она была прекрасной!.. Надо ли яснее, чтобы самим создавать ее?

Надо было и зарабатывать на жизнь. Вася получил работу в Облплане..

Пролетарское студенчество не замыкалось в своих вузах. Наоборот, оно само было шумом революционной жизни. Революция ворвалась в стены науки и обратила храмы ее в строительные площадки самой жизни.

Студенчество вместе с председателем областного бюро пролетстуда Василием Зыряновым выезжало на сплавные пункты и лесозаготовительные пункты, бросая на это время учебу.

Студенчество шефствовало над заводами.

Затем Василия послали председателем комиссии по чистке комсомола в Сельскохозяйственном техникуме и в Лесном техникуме — за двести пятьдесят километров.

Он выезжал и в Москву — на съезды. В 1929 году в Москве он сделал тринадцать докладов в разных местах...

На протяжении пяти лет врачи, наблюдавшие в Усть-Сысольске за здоровьем студенчества, не могли поймать студента Зырянова для осмотра ни в одном из учебных заведений, которые он, однако, посещал и где упорно продолжал учиться.

Василию казалось, что все эти годы он спал не более двух часов в сутки; а может быть, и в самом деле вроде того?

Было немало споров и очень много разговоров о необходимости совместить учебу с производством и с общественной работой, с революционной, неотложной исторической деятельностью партии и государства..

Глава 4

ЗНАКОМСТВО С РОДИТЕЛЯМИ ЛИДИИ

...Окончил совпартшколу и прошел два курса техникума, третий пройти не удалось. Комсомольская организация перебросила меня на юридические и землеустроительные курсы.

Проучился я здесь всего два месяца и должен был ехать на неотлагательную работу по коллективизации и землеустройству.

Но я взял с собой программу первого года курсов и закупил все книги, много книг...

Началась бесконечная вереница собраний и разговоров с беднотой, с партизанами. Потом на общих собраниях. До середины мая и провел подготовительные работы в двенадцати селениях и выехал в область сдавать за первый курс.

С экзаменов сейчас же поехал обратно в район, но не пробыл на этот раз и недели, как меня вызвал обком комсомола и предложил выехать с одной экспедицией в качестве политработника, для политической работы среди населения.

Экспедиция ехала на изыскания нового пути. Там один знакомый научил меня хорошей нивелировке. Экспедиции пришлось прорубаться в лесах и прокладывать трассу канала через огромные болота.

Нивелировка шла у них плохо. Комары донимали. Между тем достаточно шевельнуть рукой — и сразу сбивается рейка. А место жидкое, и без того все шевелится. Закладывали огромные жерди, по восемь, по десять метров, и на них ставили инструмент.

А я мог задерживать дыхание в момент инструментального наблюдения, и я совершенно не думал сопротивляться комарам. Инженеры и техники покрывали нивелировкой едва один километр хода в день, а я четыре-пять километров! И без рубки леса, без всяких жердей.

Вечером, после ужина, я беседовал с рабочими на политические темы, для чего и был послан обкомом...

Еще позднее, когда рабочие укладывались спать, Василий расспрашивал инженеров и геологов об их специальности и науках. Ему казалось, что он получал исключительно широкие сведения из области самых разнообразных наук. Ему захотелось стать горным инженером.

Еще позднее, когда инженеры уставали от его жадных расспросов и принимались храпеть, Василий вытаскивал учебники из мешка, служившего ему подушкой, и готовился по одиннадцати предметам второго курса.

— ...Но больше я успевал заниматься в дождливые дни. Там было порядочно дождливых дней.

Я очень хорошо рублю лес, прекрасно переплавляю плоты, очень хорошо владею лодками. Таким образом, я тут отличился здорово. Народ меня очень полюбил, и, когда кто-нибудь не успевал, я помогал. И когда мы проходили густую чащу леса, я сам возглавлял эту рубку.

Бывало, отточишь остро, как следует, и рубишь!.. Так и получилось, что я всю жизнь рубил лес и попутно занимался культурно-просветительной работой, а учился я ночью и еще в дождливые дни.

После курсов направили меня на проведение классового землеустройства. Тут уже никакой учебы не было.

Разговаривал с каждым крестьянином во всем районе!

Однажды меня ударили поленом по спине. Положили на две недели. Другие уполномоченные тоже бывали избиты и лежали в больнице. Но мы верили в успех нашего дела, потому что мы работали крепко на советскую власть. Я обещал лучшее среди всех районов области строительство колхозов!..

Тогда я потребовал дать мне возможность учиться.

Мне дали командировку на курсы подготовки в вуз. Проучился февраль, полный март и апрель, в апреле сдал за девятимесячный курс и подал заявление с просьбой направить меня в Московскую Горную академию. Но краевой отдел народного образования отказал и предложил мне поступить в Молочный институт в Вологде. В Молочный институт!..— У него сияло лицо и голос зазвучал сдавленно от внутреннего смеха.— Человек просится в Горную! Я стал подавать одно заявление за другим до тех пор, пока облисполком не вынес специальное решение командировать меня в Горную академию.

— В Молочном институте вам уже не мешали учиться?

— Мне и раньше не мешали учиться. Сама жизнь мешала, Лидия Максимовна. Например, в тысяча девятьсот тридцать втором году, когда я закончил практику на Байкале и должен был возвращаться к началу занятий, семнадцатого — восемнадцатого августа выпал снег около метра толщиной. Как раз в это время происходила уборка сена, было настоящее лето. Произошло знаменитое затопление и наводнение в Монголии и на Байкале. Все поезда стояли по обе стороны Байкала, до Владивостока и до Москвы. Уровень Байкала здорово поднялся и разрушил все откосы юго-восточного берега. Бревна длиною в десять — двенадцать метров просто, как бомбы, били по откосу и отскакивали. На Байкале плавало столько бревен, что прямо ужас.

Меня забрали сюда в порядке мобилизации на восстановление железной дороги. Я занимался бурением и картированием, изучал гидрорежим основания фундамента же-

лезной дороги, когда приехала комиссия из НКПС и предложила перенести железную дорогу за Байкал. Я выдвинул свою точку зрения... Таким образом, я там получил много интересных материалов и пропустил около двух с половиной месяцев учебы, поехал домой в конце декабря.

— Вот видите,— сказала Лидия,— это характерно для всех ваших мобилизаций: как будто бы вас мобилизовали, вы даже и спорили. Но в конце оказывается, что это дало вам много интересных материалов, и выходит, что вы самиnapросились на мобилизацию или, по крайней мере, хотели ее.

— Лидуша,— девичий голос матери возник за портьерой, заменявшей дверь,— веди гостя обедать.

Василий шагнул за Лидией через крохотный коридорчик, плохо освещенный из внутреннего окна над дверью. Из коридорчика он попал в столовую, немного побольше Лидиной комнатки.

Отец уже стоял возле квадратного накрытого стола и дожидался гостя. Знакомство состоялось без представлений и без малейших церемоний. Отец шагнул навстречу со словами:

— Рад вас увидеть,— и крепко пожал руку.

Василий сразу повеселел и охотно стал отвечать на энергичные расспросы отца.

— Предупреждаю,— сказала Лидия,— как только мама разольет суп, все разговоры должны быть прекращены до полного очищения тарелок. Иначе мама будет очень недовольна всеми нами.

— Поэтому быстренько расскажите,— сказал отец,— почему это вы так безвозвратно сдались в плен случайной кембрийской идее на Байкале?

Василий усмехнулся:

— Идея была не случайная. А самое главное, что я все не сдался. Наоборот — я завоевываю кембрий!

— Ага! Я так и знал,— сказал отец, крепко пожимая руку самому себе.

— Почему это ты так и знал? — недовольно спросила Лидия.

— Я заинтересовался кембрием на первом курсе,— сказал Василий.— Даже можно сказать, что еще до поступления в Горную академию.

— Даже еще до рождения, атавистически,— подсказа-

да Лида и с любопытством ждала: сейчас он спросит, что такое атавизм...

— Лет через десять — двенадцать после рождения, — хладнокровно и кротко сказал Василий и не спросил, что такое атавизм. Он посмотрит в словаре.

— Расскажите об этом, — попросила мать.

И тут же вышла на кухню.

— Я задался целью узнать происхождение нефти. С этой мыслью пошел в академию. На первом курсе нам читал Иван Михайлович Губкин. Из его лекций я узнал — первое: что в мире неизвестна нефть самых древних осадочных образований — кембрия. И второе: о вековой борьбе в науке вокруг проблемы образования нефти.

Генезис настолько перемешан, природа образования нефтей каждого слоя запутана так, что никогда нельзя будет подойти к разрешению вопроса. Все нижележащие породы примешиваются к вышележащим, нефтяные газы проникают в вышележащие отложения из нижележащих слоев. Я спросил, почему не может быть нефти в кембрии. Иван Михайлович ответил, что в кембрийскую эру органический¹ материал был в небольшом количестве. Я тогда сказал, что, по-моему, важно принципиально, что он существовал, а возможности накопления в больших количествах могли зависеть от условий.

Поэтому я считаю необходимым вскрыть настоящую научную теорию, чтобы найти все очаги нефти. Чтобы искать их не ощупью, как мы сейчас ищем и во всем мире ищут, — искололи всю планету. Наука должна указать точно, математически: нефть должна находиться там и там.

Леверье вычислил крохотную планетку в мировых пространствах, за миллионы километров. А мы должны указать у себя под ногами — это легче.

— Замечательно! — воскликнул отец.

— Не поддавайся ему, папа! — И думала с досадой: «Неужели он испортился и не захотел при отце спросить про атавизм?..»

— Иван Андреевич сказал: «Конечно, нет ничего такого, что категорически отрицало бы возможность нефти в кембрии. Но мы должны согласовывать наши представления с практикой. В Америке пробурили все осадочные и нигде не нашли нефти в кембрии».

¹ Органический — органического происхождения, то есть из остатков растений и животных.

Таким образом, это главный камень преткновения. Это узел, который никем не развязан... Как видите, я задался кембрием с точки зрения общетеоретической.

Отец был очень доволен. Лидия видела, что он наслаждался речью Василия. Она радовалась и сердилась.

— Папа, я тебе говорила, что этот студент — сирена Нефтяного института!

— Что вы будете докладывать в Академии?

— Я потребую одну точку для бурения и организацию комплексных работ: электроразведку, магнитную, топографическую и буровую. Моим оппонентом будет выступать аспирант Геологического института Небель. Я заранее знаю, что он скажет.

— Ну еще бы! — сказала Лидия.

— Небель не способен сказать ни одного слова, которое бы я не предсказал. Вы придете слушать, Лидия Максимовна?

— Приду нарочно, чтобы вас уличить в неслыханной самоуверенности.

— Будьте самоуверенным, Василий Игнатьевич, это залог вашей победы, — сказал отец.

— Но не правоты, — сказала Лидия.

— А разве победитель бывает неправ? — весело спросил отец.

— Римляне рассчитывали на свою победу, но не на правоту, когда откровенно заявляли, что победителей не судят.

— Но в науке побеждает тот, кто прав, — сказал отец.

— В науке больше всего временных побед и временных победителей, — недовольно сказала Лидия.

— Вот что скажет Небель, запомните, Лидия Максимовна: «Академик Архангельский не исключал возможности обнаружения нефти в глубокой вилюйской впадине, куда возвращалось море в послекембрийские эры развития жизни. Но уважаемый докладчик (это обо мне) во время своей практики искал не там, где указывал академик Архангельский, а на правых притоках, где в кембрийскую эру было мелководье, а после кембрия осталась суша».

— Похоже, Лида? — спросил отец.

— «Членам Академии известно, что нефть представляет продукт гниения без доступа воздуха...»

— Послушаем дальше, — сказала Лидия сурово.

— «Для такого гниения необходима глубина не менее

сотен метров. Поэтому в мелком море нефть не образовалась. Тем не менее уважаемый докладчик, по-видимому, считает свое убеждение основным и даже абсолютным доказательством существования нефти на Полной...»

— Bravo! — воскликнула Лидия. — Вы действительно ничего не представите Академии, кроме убеждения. После трех лет поисков...

— А вы считаете, что три года — это много для такой задачи? — запальчиво спросил отец.

— Но он находится у самого начала, там же, где три года назад! — ответила дочь с не меньшим пылом.

— Тогда Академия не стала бы слушать мой доклад, — сказал Василий. — Ведь я представил тезисы.

— Правильно! Ты терпишь поражение, дочь!

— Суп в тарелках! — грозно сказала мать.

Василий, еще не севши, схватил ложку, и Лидия улыбнулась. Он и через десять лет не забудет услышанного и сказанного сегодня в этом доме. А что особенного говорилось? Ничего.

Глава 5

«МАТЬ РОДИЛА МЕНЯ НА ПЛОТУ...»

Но после супа спор возобновился. Отец вызвал его как будто неосторожностью, а на самом деле намеренно.

— Из ваших слов я понял, — сказал отец, — что не один Небель против вас, а многие старики.

— Решительно все старики, — сказал Василий, — кроме Ивана Андреевича и Губкина. Все консерваторы.

— Небель, между прочим, не старше Зырянова, — сказала Лидия. — Вся молодежь заодно со стариками в этом вопросе. У Зырянова нет единомышленников даже среди студентов, его ближайших друзей. Справка из словаря Зырянова: все несогласные называются консерваторами.

Отец смотрел на Василия с очевидным вопросом.

— Но если и ты против него, — сказала мать с упреком, — на кого же ему надеяться, если жена против. А все-таки директор института дает же ему командировки, экспедиции, деньги на этот кембрий.

— Да он ведь лесоруб и плотовщик! Зырянов способен заставить всю Академию!

— Ого!

— Я не преувеличиваю, папа! Иван Андреевич привык иметь дело со студентами и учеными, а не с лесорубами! Зырянов привык водить плоты... Кто может встать на пути плота?..

— Ты говоришь о нем, как если бы он сам был плот, — сказала мать.

— Он заимствовал психологию у плота! — сказала Лидия.

Василий рассмеялся со всеми:

— Лидия Максимовна, вероятно, права: плотовщик привыкает не бояться столкновений.

«Но столкновения с Лидой ты боишься», — подумала мать и поспешила отвести эту опасность от обоих:

— Лучше расскажите про свое детство. Мне так хочется узнать, как это вы могли заинтересоваться нефтью в той обстановке... Это даже удивительно для лесного ребенка!

Все взглянули с ожиданием. Василий подумал несколько секунд и начал так:

— Мать родила меня на плоту...

Да, мать родила Васю в молчании и терпении, а если вскрикнула — шум порога заглушил.

На Выми и Вычегде, на Северной Двине, на малых притоках лодман не очень-то много зарабатывал. Игнатий Зырянов зимою рубил и скатывал лес к реке. Чуть только вскрывалась река — плотил плот и сажал на него всю семью. И до ледостава они жили на плотях, — в наблюдении и молчании.

Все Васины реки текли большею частью в скалистых берегах: Веслянка и Коин и другие мелкие речки, притоки Выми, сама Вымь-река и Вычегда, Мезень, да и коренные реки — Северная Двина, Печора. Узорчатые скалы построены были цветисто и многослойно.

Линии слоев иногда уходили за обрывку обнажения, скрывались и вновь обнаруживались, все те же и в прежнем соседстве.

Земля в непрерывном плетении берегов завязывала и распускала свои пестрые ленты и каменные полосы, видимый мир — удаляющийся назад от отцова дома на плоту и неограниченно раскрывающийся впереди.

Вася сбегал с плота на берег, чтобы увидеть поближе этот мир, пощупать его руками и подивиться разной твердости его пород, но особенно разным их цветам.

Он уже помнил эти цвета. Он заметил их постоянное соседство и с увлечением следил за взаимной связью слоев. И когда обнажалась порода, Вася озабоченно ждал появления знакомых ее спутников, боясь моргнуть, чтобы не проморгать их встречи и смыкания линий...

Целые дни Вася не сводил глаз с берегов. Вся его скрывающаяся, неизведанная активность и подвижность напрягалась в наблюдении, чтобы словить линии земного узора, но вдруг они круто наклонялись и утекали под урез воды. Как ему хотелось угадать их путь под водой! Или, может быть, их путь еще ниже дна реки?.. Действительно ли путряные слои в земле непрерывны, бесконечны? Куда они втекают?.. Или где начинаются?

Потом они снова появлялись над водой с непонятным смыслом.

В одном месте они пахли керосином!

Это он увидел на Жирной реке. Васе было тогда одиннадцать или двенадцать лет. Отец взял его на перевал у верховья реки. Игнатий свалил там лес зимой, а теперь сплотил на малом притоке, и они поплыли вдвоем. Речка брыкалась, как лошадь. Вася не мог бы справиться с гребью, поэтому отец стоял на гребне, а Вася ему лоцманил с высокого помоста повыше обычного.

Вася всматривался в самые дальние струи и радостно узнавал их, как старых знакомых в лицо. Их повадки и характер каждой из них ему даже лучше известны были, чем характеры жителей села Вымьвайль. Но Вася не сумел бы сказать, почему он так хорошо понимает каждую струйку в этой реке, где он плавал первый раз в жизни и никогда раньше не был. Он не сумел бы сказать, почему он так уверен. Но он чувствовал подводный камень в реке так же скоро и точно, как занозу в пальце, и уверен был в своем понимании, как в самом себе.

Ниже Жирная стала большой рекой и сильно пахла керосином, воду из нее нельзя было пить. И Вася увидел, как вся река, от берега до берега, словно заполнилась черной маслянистой жидкостью.

«За то и называется Жирной, — сказал отец и ничего больше не мог сказать сыну о черном масле. Он только добавил: — Струя здесь иная, гладкая. Гляди в оба...»

— ...Вот как это началось... Только я не знал в то время, что эти породы, в которых течет Жирная река, называются кембрийскими.

— Он же борется за родную природу своего детства, Лида, — сказала мать с упреком.

— Интересно... Очень интересно, — сказал отец. — А теперь объясните, почему же старики и молодежь заодно против кембрия?

— Причин главных две. Одна — это лженаучное наследие старой нефтяной геологии, которая создавалась в интересах Нобеля, нефтяного короля, а для этого она должна была доказывать, что в России нет нефти, кроме бакинской. И Нобель — пророк ее... Вторая причина — давление наших хозяйственников. Они хотят, чтобы советское хозяйство как можно скорее получило побольше нефти, и не понимают необходимости многолетних теоретических исканий, которые не могут дать скорых результатов... Это узкоглядство, но оно очень соблазнительно для молодых умов, так же как для старых...

— Я согласен, что это узкоглядство. Но все-таки эти хозяйственники и ученые — не консерваторы. Дать нефть стране — это ведь задача прогрессивная?

— Но давать нефть можно по-разному. Я называю их консерваторами не за то, что они дают нефть, а за то, что консервативным, реакционным путем ищут ее и не готовят запасы на будущее. Они берут только такую нефть, которая лежит наверху, велют геологам искать только ту нефть, которая лежит поближе к поверхности. Поближе к европейской квартире... Они не желают идти в глубь земной коры и в глубь континента и нас не пускают, молодых, в глубь родной природы, — сказал он, опустил голову и глядел в глубь своего северного детства. — Это делячество, хищничество от косности... Но скважина на кембрий протаранит путь вглубь!

— Значит, главное сейчас — решить теоретическую задачу?

— Да! Теоретическая задача стала политической задачей... Но это не значит, что я не ищу промышленную нефть. Я ищу то и другое! Больше того: я получу возможность решить теоретическую задачу только в том случае, когда найду промышленную нефть!

Лидия принесла сладкое и остановилась в дверях, за спиною Василия, послушать его ответ на вопрос отца:

— Еще позвольте спросить: вы давно женаты?

— Почти еще не женат: полугодом нет.

— Слухам нельзя верить... — начал отец.

— Безусловно! — поспешил согласиться Василий. Он чутко прислушивался к обстановке за спиной и видел отражение ее в веселых глазах отца.

— Желательно узнать из первых рук, — сказал отец, забавляясь негодованием дочери. — Ходили слухи вокруг этого стола, будто бы за вами замужем наша дочь.

— Этот слух я подтверждаю! — воскликнул Василий.

— В жизни не слыхала ничего подобного! И в книжках не читала про такие супружеские отношения!

— Ну что особенного, мама! Обыкновенные, как у всех! — Лидия сердито двинулась в дальнейший путь от дверей и раздала сладкое.

— Как у всех?.. — Отец веселился.

— Мы уже были на «ты». А это он сегодня... пришел на «вы».

— Почему так?

— Отвык, — сказал Василий хладнокровно.

— Не смешите людей, ради бога! Разве у молодежи ученой нынче такая мода? Не слыхала. И уверена, что все это Лидины выдумки. Но, может быть, вы тоже одобряете?

Лидия с грозным вызовом повернулась к Зырянову.

— Лидия Максимовна не виновата. Просто так складывалась геологическая обстановка. Когда мы уехали из Москвы, Лидия Максимовна еще сомневалась, выходить ли за меня...

— А когда вернулась, нетерпеливый муж через месяц пришел к жене с визитом! И Лидия представила: «Вот это Зырянов!» Даже не сказала — муж!

— Во всем я виноват, Елизавета Пименовна. Я оказался сразу так занят.

— Так занят, что и жить надо зятю в общежитии. Ведь приходится от людей скрывать такой срам!

— Так занят, что даже поспать не успел в этом месяце, честное слово!

— В этом вы можете ему поверить, мама!

— Но обвенчаться в этом месяце вы успеете?.. Я без спроса уверена, что моя современная дочь не подумала венчаться, хотя бы тайно!..

— Разрешите им ограничиться загсом, Лиза.

— Мама!.. Ты помнишь Сеню?

— Конечно, мать обязана помнить всех поклонников дочери.

Василий быстро взглянул на Лидию, но не увидел признаков для ревности.

— Папа, Василий принес письмо от Сени! Бедный, Верный Сенья!

— Надеюсь, он жив?

— Может быть, и нет. Хотите, я прочитаю?

Отец кивнул.

— «Уважаемый Василий Игнатьевич! Я опять не успел узнать Ваш адрес! Опять пишу в Алексеевку и не буду знать, получите ли Вы мое письмо.

Опишу Вам все сначала.

Василий Игнатьевич! В Якутске они не выпустили меня из багажника. Ко мне пришел помощник пилота. Ночь была светлая, как пасмурный день, но весь город спал. На Лене ни одна душа не слышала наш разговор. Помощник, между прочим приличный человек, сказал: «Ты шел на риск и не должен обижаться».

«Я не думаю обижаться», — сказал я.

«Не хочется поступать с тобой подло», — сказал помощник.

Я уже хотел сказать: «Почему?» — но, уважая приличный разговор, спросил: «Например?»

«Например, не выпускать тебя из багажника все время, что мы простоим здесь».

«Сколько это времени?» — спросил я.

«С недельку».

Я сказал: «Ценю».

«Если бы тебе удалось, нам с пилотом пришлось бы бросить извозный промысел и заняться торговлей папиросами поштучно. Ты должен войти и в наше положение».

Я сказал, что он должен войти тоже и в мое положение.

Он сказал: «Мое мнение, что человек по-настоящему смелый не может быть бесчестным. Если бы ты дал слово лететь с нами дальше, я бы выпустил тебя из багажника. Дадим деньги на кормежку».

«А ночевать где?»

«В нашем общежитии Аэрофлота. Питаться будешь в нашей столовой, если захочешь».

«Деньги у меня есть. Могу заплатить за проезд до Чендея. Сами знаете: билетов не было в кассе, в Иркутске, а мне обязательно надо было лететь с вашим самолетом».

«Это не пройдет, — сказал он. — Ты войди в наше положение».

Я подумал и спросил: «Ваше мнение, бесчестный человек может быть по-настоящему смелым?»

«Наверно, нет, потому что смелость идет на риск, а это честно. Тот, кто идет на риск, согласен платить головой».

«Вы правы», — сказал я и с тяжелым сердцем вошел в их положение и вышел из багажника.

Неделю мы чистили и проверяли мотор, чуть не перенесли весь. Я помогал, конечно.

На гидровокзале весь день толкся народ. На улицах нас останавливали, когда я шел с летчиками, и в театре подходили и спрашивали: «Это ваш заяц?»

Я сказал: «Дядя, этого не было в уговоре, чтобы меня выставлять».

Но старший пилот сказал: «На этом основан весь план».

Я понял, что эти летчики очень хитрые дяди, и больше не мешал им выхвастываться мною, что я их заяц.

Прощайте, Василий Игнатьевич! Поклон передайте от меня Лидии Максимовне. И привет всем Верным! Завтра вылетим из Якутска. Семен Тарутин. Седьмое июня».

Глава 6

ДЛЯ СЛУШАНИЯ ЛЕКЦИЙ НЕ ОСТАВАЛОСЬ НИ ЧАСУ

Молодая женщина в темном платье сказала начальнику Главгеоразведки:

— Зырянов по телефону спрашивает, когда вы можете его принять.

— Какой Зырянов?

— Студент Зырянов. Один раз он уже был у вас, в прошлом месяце.

— Чудак, который обещает найти нефть в кембрии, — сказал заместитель усмехаясь. — Вы ему посулили десять минут после его доклада в Академии наук.

— А-а, вспоминаю. Его уже слушала Академия наук?

— Он говорит, что да.

— Что-о? Наглец! — Начальник поднял трубку: — Ну? — Потом: — Повторите!

Потом он спросил:

— Синицкий был?

Сказал секретарю:

— Запишите Синецкого, Соколова...— продиктовал несколько фамилий из называемых Зыряновым и положил трубку.

«Как это понимать? — размышлял Василий, потирая ухо. — Эта скотина бросила трубку. Но ведь он велел секретарше записать, я слышал».

Василий решительно опустил другой гривенник, на что автомат откликнулся безучастным секретарским голосом:

— Да?

— Меня разъединили...

— По вашему вопросу созывается совещание. Вы получите десять минут для доклада. Я вас извещу.

И действительно, он получил извещение в институте через неделю.

Он посидел час на кожаном широком диване в продольно вытянутой секретарской комнате между кабинетами начальника и заместителя, пока не пришли приглашенные. Пришел директор треста Георазведки и прошел прямо в кабинет к начальнику. Пришел Синецкий, директор Геологического института, а за ним увязался, разумеется, Небель, чтобы встать на дороге у Зырянова. Синецкий и Небель прошли в кабинет, и Василий немедленно последовал за ними.

— Начинайте, — сказал начальник Главгеоразведки, не взглянув на докладчика.

Зырянов изложил очень коротко результаты поисков на кембрии и затем план комплексной экспедиции в 1935 году.

Начальник поднял глаза и тотчас опустил. Этот студент, рассказывали, ездит на свои средства, по-туристски. Он даже не представляет себе стоимость настоящей большой экспедиции. Одним словом — студент.

— Сколько стоила ваша экспедиция прошлого года?

— Семнадцать тысяч, — ответил студент официальной цифрой, умолчав о своих пяти тысячах.

Вокруг стола обменялись улыбчивыми взглядами.

— Это экономно. А на экспедицию 1935 года какая смета у вас?

— Полтора миллиона, — ответил студент.

Начальник заговорил о чем-то с директором Геологического института, и это уже не имело отношения к кембрию: Директор треста закурил и заговорил довольно громко с соседом. Докладчик сидел забытый, не видимый никому.

Неожиданно начальник вспомнил о нем:

— А вы знаете, сколько всего ассигновано стране на разведку нефти в тридцать пятом году? Восемь миллионов.

— В таком случае кембрийская нефть заслуживает больше, чем полтора миллиона, — сказал студент.

— Почему вы требуете деньги у промышленности на эту чисто научную, академическую экспедицию? На эти дела имеет деньги Академия наук. Пусть она и разведывает кембрий, — сказал заместитель начальника главка, и он был прав, хотя он и знал, что в Академии преобладали другие научные взгляды, не согласные со взглядами этого студента.

— Что скажут ученые? — Начальник отвернулся от Зырянова.

— Видите ли, — сказал Сеницкий, — товарищ Зырянов доказывает, что в кембрии была жидкая нефть. Я бы даже это допустил. Но с тех времен она высохла.

Другие молчали.

— Товарищ Зырянов увлечен проблемой кембрия, — продолжал Сеницкий. — Мы же, в Академии наук, считаем нецелесообразным исследование кембрия, пока еще не изучены, не разбурены вышележащие, более молодые осадочные породы, непосредственно под третичными.

— Если будет найдена хотя бы капля живой нефти в кембрии, то будет ясно, что более поздние, вышележащие слои наверняка нефтеносны! — перебил Зырянов. — Будет сломлено недоверие к девону. Откроется возможность бурить на девон в Поволжье, чего давно добивается Губкин. Девон обещает больше кембрия!

— Разрешите разъяснить товарищу Зырянову, — сказал Небель, — что в Америке буровые скважины дошли до кристаллического фундамента и доказана нефтяная бесплодность кембрия.

— Вы беретесь за эту разведку? — спросил начальник у директора треста Георазведки.

Краснолицый человек с могучим затылком пренебрежительно отвернулся от Зырянова со словами:

— У него одна скважина глубиной в триста пятьдесят метров будет стоить полтора миллиона, потому что это в Якутии, у черта на макушке. Пусть не полтора миллиона, а восемьсот тысяч. В Баку на эти деньги можно пробурить восемьдесят тысяч метров.

— Чушь и нико́му не нужная вещь! — заключил начальник.

Зырянов злыми глазами провел по лицам, но это никого не задело. Сжатые кулаки, глубоко засунутые в карманы, не были опасны.

Хозяйственники не торопились уходить от начальника главка, ученые — спешили. С ними прощались стоя, их провожал начальник, и через почетные проводы близорукий Силицкий, например, мог не заметить скромный поклон Зырянова за спиной начальника.

— До свиданья, — сказал Зырянов уходившим и оставшимся... не ожидая от хозяйственников ни слова, ни взгляда в ответ.

Он пошел необыкновенно просторным коридором Наркомтяжпрома меж гладких, очень деловых, очень дорогих стен под могущественно высокоподнятыми потолками и вышел через двери, широкие, как стеклянные ворота, на площадь Ногина.

Он предвидел, что в институте сочинят очередной анекдот и весело расскажут Ивану Андреевичу, когда он спросит о Зырянове — а он непременно спросит: «На последних лекциях я не вижу Зырянова. Он не заболел?» — «Заболел, Иван Андреевич!» — «Чему же вы радуетесь? Что с ним?» — «Ходит каждый день в кино, изучает картину «Процесс о трех миллионах»! Ему крайне срочно необходима половина этой суммы».

Студенческие не очень смешные остроты, думал Василий с привычно-трудной выносливостью к насмешке, приставшей в детстве, — к насмешке над бедностью.

Но теперь насмешка обижала весь его народ — и выносить ее одному Зырянову стало еще трудней.

«Вы знаете, сколько всего ассигновано стране на разведку нефти в 1935 году? Восемь миллионов».

Эти бедняцкие гроши ассигновал народ — владелец страны, наследник всех ее сокровищ, который сегодня упорно недоедает, чтобы отрыть все ее клады и раз навсегда сменить нищету изобилием, избытком изобилия.

— Сколько вам нужно? — переспросил директор Геофизического института.

— Полтора миллиона, — повторил Зырянов.

Директор рассмеялся и даже не рассердился на «молодого энтузиаста», как он выразился.

Для слушания лекций не оставалось ни одного часа...

Василий добился приема у начальника Главнефти. Тот слушал пять минут — ровно столько, сколько и в прошлом году, — и сказал, оборвав Зырянова на полуслове:

— В будущем году поговорим. Заходите.

«Вы знаете, сколько всего ассигновано стране?..»

От девяти утра до пяти часов вечера Василий ходил по учреждениям. Вечером он приходил незванный на заседания в институтах и наркоматах и выступал под видом прений с докладом о кембрийской нефти. Непредусмотренный доклад затягивался. Участники заседания протестовали, председатель звонил, законный докладчик скандалил, но Василий продолжал говорить.

Глава 7

«ПРОЦЕСС ИДЕТ МИЛЛИОНЫ ЛЕТ, Я ЭТО ПРОСЛЕЖУ НА ОПЫТЕ»

Он вошел в спящее общежитие весь в поту от усилия преодолеть неврастеническое изнеможение и сел на кровати осторожно, чтобы не разбудить Алиева.

Он думал: «Они все правы, но ведь я тоже прав?.. Может быть, я не прав?.. Иван Андреевич признал мою правоту. И другие могли бы понять. Но им поручено настоящее — и они обязаны все делать для настоящего и не имеют права отнимать у настоящего ни копейки для будущего. И вообще — настоящее интереснее... А мое дело — для будущего... Служить будущему... Поэтому я должен... — Он сидел на кровати, опустив голову, и думал, покачиваясь от усталости. — Поэтому я должен... Я должен...»

А друг Алиев делил кровать с Васей и все чувства и мысли — тоже пополам, и Вася знал о себе, что он «снимает копии» со всех движений Алиева. Поэтому Алиев проснулся и, ни о чем не спросив, сказал сразу:

— Вася! Если ты хочешь с народом жить, ты брось кембрий!..

И Вася сразу додумал свою мысль: «Поэтому я должен обратиться в штаб, откуда руководят настоящим, думая о будущем».

На тумбе у изголовья кровати лежали тетради, чужие. Алиев оставил ему свои записи лекций. Алиев это делал каждый день. Когда Алиев уснул, Вася в огромном возбуждении нагнулся над тумбой, над алиевскими тетрадями, по-

ложив на них чистую тетрадь, стоя на каменном полу босой, и написал письмо в ЦК партии при тусклом свете потолочной лампы.

Тетради не хватило, он взял другую, опять не обратив внимания на алиевские записи лекций, тщетно напоминавшие о том, что Зырянов — студент. Ближе к двум часам ночи он все же увидел их, когда кончился запас чистых тетрадей. В алиевских тетрадях не оставалось тоже ни одного чистого листка. Василий с сожалением закончил письмо. Он мог бы продолжить его еще на много тетрадей... А закончить можно было давно.

Он долго умывался. Вынул учебники из тумбы и сел к столу. Началась работа воли: работа на работу — как самоиндукция в динамомашине. Труд обладал животворящей способностью наращивать силы в человеке, и вот уже мышцы перестали ныть, «перебитые кости», по-видимому, срослись и понесли тело. Василий выпрямился. К четырем часам утра он заработал вполне удовлетворяющую, законченную усталость и новую уверенность в своей способности воспрять из мертвых и добиться цели. И сон вошел в него, как пуля, и он канул в сон без дна. В бездонном сне в эту ночь прорастут семена новых наступательных планов на завтра.

На первом этаже Наркомтяжпрома больше нечего было делать: там он уже обследовал все близкородственные организации. Василий поднялся на третий этаж и принялся за разведку этого напластования. Ему, как всегда, везло: он наткнулся на стекловидную черную плитку с золотыми вкраплениями в виде надписи: «Главзолото». Он толкнул дверь.

Девушка, весьма изящно подготовленная людьми и самой природой для секретарской службы в Главзолоте, с сомнением скользнула взглядом по худому лицу и всем остальным признакам общественной маломощности посетителя.

— Вы к кому?.. Как доложить начальнику? Какое у вас дело?

— Новые золотоносные территории.

— Где?

— В Якутии.

— Вы от организации?

— Нет. От себя.

— Я доложу. Вам, вероятно, придется обождать.

— В таком случае я предпочту зайти в другой раз.

Но он, конечно, предпочел бы дождаться среди этих лоснящихся дубовых панелей и огромных окон. Отсюда управлялось самое богатое в мире золотопромышленное предприятие. У него имелось, наверно, не восемь миллионов на разведку. Василий решил: у него надо взять полтора миллиона.

— Войдите, — сказала девушка.

Он пошел быстро по ковровой дорожке вдоль длинного стола под огромным потолком (прямо церковь, подумал) и увидел вдалеке человека, который мог вызвать помощника после пяти минут разговора и просто сказать: «Дайте Зырянову полтора миллиона». Пять минут удачного разговора. Человек среднего роста сидел один, видимо не очень перегруженный.

— Я вас слушаю, товарищ Зырянов.

— Я нашел в Якутии нечто более драгоценное, чем золото: нефть. Но там же имеется и золото. Главнефть не имеет денег для Якутии. Вы можете сделать выгодную комплексную экспедицию на золото, олово и нефть.

Начальник нажал кнопку.

— Мы не будем заниматься нефтью. Кто-нибудь ждет? — спросил у вошедшей девицы. Он же знал, что никто не ждет.

Кровь бросилась в лицо Василию.

— Вы один можете разведать эту нефть. Следовательно, это ваш партийный долг.

Начальник взглянул на него и ничего не сказал...

Стеклянные двери-ворота Делового двора закрылись за спиной человека, почти дрожащего от стыда и гнева на себя. Он остановился на гранитном широком пороге площади Ногина — просторной, очень деловой и не заинтересованной в Зырянове. «Какая глупость — сказать начальнику Главзолота, что в Якутии есть золото! Это все, что ты мог ляпнуть? За полтора миллиона стоило придумать что-нибудь умнее для начала разговора — одно меткое, решающее слово, чтобы получить пять минут у миллионера. Но я не умею хитрить. Я не дипломат — я с тяжелого Севера. Я веду стрежнем тяжелый плот в холодной реке — только стрежнем через пороги, а никак не обходом».

Холодная булыжная площадь, всегда малолюдная, не-

прерывно торопилась трамваями, перебивала сама себя громозвонкими стрелками во всех направлениях: вокруг делового здания Наркомтяжпрома; вверх по бульвару, мимо серого простого и внушительного дома ЦК партии; вовнутрь Китай-города по Варварке к Кремлю; вниз к Яузе в одну сторону, к Москве-реке — в другую. Василий не замечал ни малолюдья, ни трезвона. Вверху, на пригорке, слева стоял серый дом. Очень хороший тон серого, отличная облицовка. Василий смотрел на хорошо облицованный дом ЦК и шел к нему через порожистую площадь, сбивая носки и каблуки на выперших булыгах, не отрывая глаз от серой облицовки. Поднялся на пригорок и так же медленно прошелся. Несколько золотых больших букв прибиты прямо на темно-сером камне. Мы находим битуминозный известняк такого темно-серого тона — и знаем: его пропитала жидкая нефть когда-то и улетучилась, оставив в камне сухое вещество битума...

Василий вспомнил опыты по исследованию накопления влаги в почвах и, обрадованный, пробормотал:

— Природа не так легко отдает то, что она принимает!..

На курсах землеустроителей в Усть-Сысольске он увлекался этими опытами. Что, если применить лабораторную технику этих агрономических опытов к битуминозным доломитам?

Геохимические условия в породах веками не поддаются разрушению. И нефть могла сохраниться жидкой в кембрии, под перекрытием миллиарда годовых осадений, наслоений, напластований — силура, девона, карбона, перми, триаса, юры, мела, третичного и четвертичного периодов?.. А все-таки неизвестно, сохранилась ли она. Василий неотрывно смотрел на темно-серое здание.

Милиционер вежливо козырнул ему:

— Вам нужно в ЦК или вы ждете?

— Одну минуту, товарищ! — Он должен был додумать. — Как длительно шел процесс выветривания этой нефти?

— Виноват? — Милиционер еще раз козырнул.

Василий спохватился, что додумывать не надо вслух, но объясняться было бы еще нелепей, и он сказал милиционеру:

— Миллионы лет, товарищ. Я это прослежу на опыте! И тогда пойду в ЦК.

Он сделал прощальный жест и вошел в вагон, еле под-

нимавшийся на Ильинскую горку. В то время возле ЦК проходил трамвай, обе линии, вниз и вверх по этой стороне бульвара.

Трамвай чересчур отставал от внезапного подъема настроения у пассажира. Василий вышел из вагона и энергично зашагал рядом, понемногу обгоняя его.

— Помог бы, чем так, налегке, — сказал вожатый со скуки.

Лидия, может быть, правильно обозвала его маньяком?..

«О чем-нибудь ты думаешь, кроме кембрия?» — «Ни о чем другом, пока не решу эту задачу».

У РЫБНОГО ФОНТАНА В УЩЕЛЬЕ ДОГДО ЖЕНЯ РАССКАЗЫВАЕТ ВАНЕ И САВВЕ ЛЕГЕНДУ О НАСТОЙЧИВОМ УЧЕНИКЕ

Глава 1

В РАЮ ТАЛАЯ ЗЕМЛЯ СКВОЗЬ

Один из них отдыхал врастяжку на собачьих мехах. Откинул с глаз черную волосяную сетку, поднял взгляд и заострившийся нос к высоко бегущему небу, голубому и бело-разодранному о белую гору.

Другой упрямо и гордо сидел на своих нартах — а все же погнулась отвесная могучая линия спины, и глаза светлые, голубые на почерневшем лице в пушистой округлой каштановой бородачке открывались изредка под волосяной сеткой, чтобы взглянуть на собак.

Отощавшие собаки лежали у проруби, спрятав голову, прижавшись ко льду, чтобы ветер не сдул. Ветер со свистом причесывал длинную шерсть и заглушал слабое постукивание в проруби, и оно прекратилось. Лайки приоткрыли глазные щелки природной волосяной сеткой на ослепляющее поле. Из проруби высунулся желтый шар. Меховой шар заключал в себе голову человека. Ветер ухватился за него, чтобы сразу укатить, — напрасно. Черные меховые лапы легли на края проруби. Неторопливый человек вылез из ледяного колодца и пал на колени перед ветром. Пополз, и его сносило по гладкому льду быстрым течением ветра. На берегу он поднялся с четверенок и попятился к нартам, под укрытие скалы. Лежавший на нартах спросил высоким голосом:

— Еще далеко?..

— Близко.

Бородач поднялся, но и лежавший вскочил.

— Моя очередь!

Бородач не обратил внимания на его право очереди и слабый голосишко. Оба поползли к проруби. Бородач заглянул и разочарованно прогудел в колодец:

— Промерзло до дна. А рыбка в омут ушла.

— Здесь этот омут.

— Ты погляди, лед какой.

— Ваня сказал: все озеро промерзло, вся рыба в омуте.

Савва спустился, упираясь ногами и руками в узкие выемки. Женя вернулся к нартам.

Ваня вслушивался в короткие мертвые звуки откалываемого льда. Через недолгое время сказал:

— Пора.

Женя пополз к проруби.

— Вылезай. Ваня велит.

— Помолимся Ване, а?..— Савва поднял смеющееся лицо, ударяя с силой топориком под ноги, и топорик пробил тесное горлышко и выскочил, но Савва удержал его, а сам не удержался в свисте и шипении удавленной воды. Одно мгновение он видел множество рыб, взлетевших вереницей в белой струе воды, выжимаемой тяжестью льда.

Женя завертелся в радуге брызг и рыб. Мощный толчок вышвырнул Савву с хлопаньем битого льда и шлепаньем рыбьих тел и воды, с громогласным бульканьем и клеткотом и с такой быстротой, что он не успел почувствовать ледяное купание.

Он тяжело шлепнулся в лужу на льду и в шуме разнозвучья услышал смех, возглас Жени: «Рыбина какая летит!» — и деловую команду Вани: «Подхватывай, уплывет!»

Савва хотел бы и сам посмеяться, но масса воды мокро обняла его, рыбьи тела плотно и вертко толкали в лицо и со всех сторон. Убоялся открыть глаза. Вслепую выхватывал бешено отбивающуюся добычу и отбрасывал подальше от расшумевшегося разлива.

Он выполз из-под фонтана и пощечин и увидел диво: бугор воды, битком набитый рыбой, и под ветром очумелые хариусы вертелись на льду и скакали встречу ветра, к водомету, что изверг их с плеском из родного переполненного омута.

Трое вымокшие хватали чиров, муксунов, хариусов — отбрасывали подальше к берегу. Собаки носились ошалело с рыбой в зубах.

К вечеру масса рыбы уложена была удобно на нартах и на льду для замораживания ночемёржем, ночным морозом.

Собаки храпели во сне, они объелись, раздутые собачьи пуза открыты были для холода — не позволяли свернуться теплым калачом. Псы разместились на сухом снегу, на большом пространстве берега, соблюдая приличную дистанцию взаимной безопасности от всех друзей.

Усталые рыбаки расстелили мокрую одежду по камням для просушки на ветру, а сами довольствовались паркой собачьего меха.

Теперь была их очередь покормиться, и они соревновались в разнообразных способах поедания сырой рыбы без хлеба и соли. Ваня успел подморозить чира во льду и угощал строганиной. Но все признали даже над строганиной превосходство блюд, предложенных Саввой, и без счета портили чиров: вырезывали лентой жирные горбы из живых рыб, трепещущих и вырывающихся, и смаковали тающее во рту, подобное русскому маслу по вкусу.

— А в Русском жили, об эту пору щавель нажарят, красной яголки поедят, — Савва причмокнул.

— Клюквы, — подсказал Женя.

— Земляники. Да какой же сладкой!.. Я по глазам вижу, не веришь, — сердито сказал Савва.

— В раю земля талая насквозь, — Женя сказал насмешливо.

— У нас и есть рай. У нас не докопаешься до мерзлоты, нету ее. — Савва вздохнул и тихо добавил: — А она не восхотела жить в раю.

— Про землянику говорил? — спросил Ваня.

— Не... А надо было?

— Поехала бы, — твердо сказал Ваня.

— В Москве, поди, талая земля сквозь, — предположил Савва.

— Этого нет нигде на свете, даже в Москве. Только глубоко, — сказал Женя.

— Ладно. Чужая шуба — не одежда, и чужая жена — не надежда.

— Лидия Максимовна вовсе не жена Василию Игнатьевичу, — сказал Женя со смехом.

Савва вскочил и уставился на него.

Ваня отбросил изуродованного чира и сытым голосом запел:

Стоят железные деревья,
растет железная трава...

— Нету деревьев, на тысячу километров кругом. Нет горячего чаю, — сказал Женя жалобно. — Нету травы в ущелье Догдо, не захотели олени везти нас. На камнях Догдо растут безгорбые чирьи!.. Скажи, куда пойдём из Русского жила?

— Дам чаю, рассказывай, — сказал Ваня.

О-О? СЕГОДНЯ ТВОЙ ДЕНЬ ВРАТЬ?

Женя с подозрением осмотрелся. Нигде не видно было даже мшинки на топливо.

— Чай будет горячий? — спросил недоверчиво.

Ваня коротко кивнул.

— Чай будет сегодня? Раньше, чем мы ляжем спать?

— Да,— сухо сказал Ваня.

Женя вытянулся на нартах и вдохновенно начал говорить:

— Из Русского жила мы пойдем в Москву!

— О-о? Сегодня твой день врать?

— Мы пойдем в Москву, бригада Верных: Сеня, Женя, Ваня! Мы будем в Москве учиться!

— О-о? — сказал Савва, а Женя продолжал вдохновенно говорить и неотрывно наблюдал за действиями Вани: Ваня складывал на щербатом камне обезгорбленных чиров. Из огромных ран капал жир. Некоторые рыбы проявляли еще признаки жизни.

— Мы будем в Москве учиться у московских учителей. Я научусь лечить, и буду лечить московских людей, и стану жить в Москве!

— Неладно так. Ты вернись в Алексеевку, к своим.

— В Алексеевке никто не болеет. Я один в Алексеевке заболел. Я отвыкну от хорошей жизни, таежной, морозной. Я отвыкну от хорошей охотничьей пищи и заболел. Я буду тяжело болеть в Алексеевке, у меня не станет силы вылечить самого себя — надо мной посмеются охотники, посмеются и над отцом дурака... Нет, лучше я останусь жить в Москве! — И он зорко следил за действиями Вани.

Ваня сложил поленицу из чиров, резаными спинами внутрь, и капельки жира стекали и накапливались в углублениях камня.

— Наш Ваня станет знаменитым песенником. Его лучшие песни захочет послушать вся Москва. Лучшие люди будут звать Ваню в свой дом, угощать Ваню русским маслом и удивительными вкусными шишками, которые растут на русских деревьях и называются яблоками, грушами и другими русскими словами. Я видел в огромных магазинах большого города Новосибирска.

— Это не дело — песни петь,— сказал Савва.— А вот

я видел бойцов в Якутске, называются не по-русски: боксеры. Богато живут ребята. Пускай Ваня становится боксером. Всех побьет и все денежки отберет... Только не будет этого, братцы! Не дойдете до Москвы.

Над рыбной поленницей Ваня устроил треногу и подвесил ведро с водой.

— Докажи,— сказал Ваня Жене.

Потом он опустил в колодезь поленницы немного сухого мха из своего запаса и, напоив его рыбьим жиром, поджег. Пламя охватило вонючей копотью все ведро с дужкой, обвило копотью вихор треноги. Женья в восторге сразу посвежевшим голосом воскликнул:

— Сейчас я докажу тебе, Савватей Иванович, про одного парня! Он жил в тайге до семнадцати лет, и даже старше меня, и хотел учиться. Один раз он ушел учиться, но еще мал был и обмерз. Его принесли домой дорожные люди. Другой раз убежал, опять обмерз и долго болел. Третий раз — ушел.

Ваня выбрасывал из костра черные скелеты и подкладывал свежее топливо. Жирный костер жарко пылал, и запах от него был как от горящей шерсти. Женья с удовлетворением взирал на обнадеживающую картину. Ваня бросил чай в бурлящую воду и снял ведро. Он налил первую кружку Савве, вторую — Жене, третью — себе. Все чуть не залпом пили кипяток, после трех дней без горячего, — да и холодной пищи не хватало.

Но когда Женья в который раз протянул пустую кружку, Ваня кратко сказал:

— Рассказывай.

Женья заговорил мечтательно:

— Хорошо! Сторожа ночью девки сторожили!

— Какого сторожа?

— Васю. А платил сторожу совет. А Вася увлекался ученьем так, что «предела и края не было его силам», сам сказал. Он хотел бы учиться все сутки без отдыха.

И все говорили ему: «Умрешь. Что же, ты пришел — был здоровым парнем, а теперь одни кости у тебя остаются».

За восемь месяцев ученья он потерял тридцать фунтов и не испытал удовольствия выспаться ни в одну ночь. Ему страшно было уходить в сон и переставать учиться.

Окончилась школа — поехали праздновать. Поплыли на большой реке, перевалили на другую реку. С той реки на третью реку, после — на четвертую, свою родную реку. По-

плыли до большого села, от села — на пароходе. Но денег мало было у всех учеников, скоро сошли с парохода в тайге.

Утро было, солнце было, весело. Дождик весенний полил.

Ночью прохладно было. Нашли охотничью избушку. Знаете: посидеть, а выпрямиться нельзя. Влезли в избушку четверо, сумели улечься на полу. Тогда другие четверо легли поперек и другие четверо — сверху, под самый потолок втиснулись два ученика — и спали. Было тепло и весело.

Еще двое провели где ночь, не знаю. Но им тоже весело было.

Я также не знаю, как эти четырнадцать вылезли, не разорвали избушку и сами не удушились.

Женя протянул кружку, получил желанный чай и обьявил:

— Я спать буду.

— Говори, что случилось с Васей, — потребовал Савва.

Женя выпил пятую кружку и блаженно вытянулся на нартах.

— Говори, глаголь, — сказал Савва. — Еще до Москвы далеко.

— Далеко до Москвы, — сказал Женя. — Слишком много он еще мучился до Москвы, я не могу сразу так много.

Женя повернулся на правый бок.

Все трое мгновенно уснули.

Ваня разбудил товарищей в темноте, когда ветер поприших.

Им надо было проскочить против ветра не более четырех километров. Но даже ослабевшее движение воздуха ночью сдувало собак и нарты по ледяному ошлифованному зеркалу. Летели хвостами вперед комочки шерсти, и лодки-нарты под парусом-седоком догоняли собак.

Потащили люди свои нарты и собак, отталкиваясь остолом. До утра отпихнули эти четыре километра и достигли приверха озера.

Не дожидаясь чаю, стружили дрожащими руками, ели тонкую стружку мороженины, утоляя разом и жажду и голод, а холода не чувствовали после горячей дороги.

Скалы впереди выпрямились и встали во весь рост по реке тесным коридором. Под сумерками стен засверкали алмазные курганы при взошедшем солнце. Путешественники вошли в ущелье реки Догдо.

Они с неудовольствием взглядывали под ноги и вдаль. Освободившаяся вода в широких трещинах бурно текла под огромные опрокинутые противни — горбы ледяных накипней. В противнях накаплился солнечный свет искрящимися радугами.

Путники цеплялись по осыпи скал около трех километров, а дальше и осыпей не стало, стеновидные скалы столкнули собак, и нарты, и людей, и они пошли через накипни.

Здесь река замерзала по крайней мере десять раз. И каждый раз быстрота течения не давала льду нарастить больше десяти сантиметров. Каждый раз река взламывала свои горбы-гробы и вырывалась поверх крышек; но и мороз поспевал закрыть их десять раз; и река строила многоэтажные домовины вверх. В десяти этажах между десяти непрочных перекрытий текла расслоенная Догдо.

Верхний лед, подтаявший под майским солнцем, на середине реки не выдержал тяжелого Савву, когда он спрыгнул с нарт. Вода брызнула фонтаном. Савва отскочил и проломил сразу два слоя. В третьем подвале понесло его быстриной под сияющий купол накипня, а там вода клокотала, и на полированном подводном льду никак невозможно было удержаться. Но тут Ваня настиг — и успел воткнуть нож в легкий подводный лед.

С чрезвычайной быстротой боксер перехватывал ножом по несколько сантиметров и подтянул Савву до края верхнего крепкого льда, где обоих выловил Женя.

Голой Савва под берегом обтирал мокрое тело и смеялся глазами.

— Воздух там?

— Мало,— пробормотал Ваня, тоже голый, энергично работая всеми мышцами и полотенцем.

— А не лучше пройти зимой?..— Женя огорчился за обоих, но и сам подмок.

Потом поспел чай, и после первой кружки Ваня ответил:

— Зимой лучше. Но вода бежит по льду, по всему озеру. Идти в воде по колена.

Савва отогрелся и произнес первые слова:

— Про Василия Игнатьевича глаголил вчера?

— Про него.

— Взáболь пойдете в Москву?

— Пойдем.

— А я?..— сказал Савва с сомнением и повернулся к Ване: — В Москве будешь песни петь?

- Нет, — сказал Ваня.
- Не будешь? — строго спросил Женя. — А что будешь?
- Тракторы. Большие. Больше американских.
- Такого нет завода в СССР.
- Будет.
- Для тебя построят, — закричал Женя.
- Сам, — сказал Ваня и по собственной инициативе добавил еще одно слово: — Всем.
- Всем? — спросил Савва.
- Каждому якуту трактор.

СТОИТ ЛИ ИСТРАТИТЬ ЖИЗНЬ НА ОШИБКУ?

(Продолжение)

Глава 8

ИНСТИТУТ НЕОЖИДАННО ОКОНЧЕН

Вася Зырянов замолчал. Самый общительный человек в институте и в общепитии и любитель поговорить — не вступал в разговоры. Он заметил, что к нему стали относиться иронически, и начал избегать товарищей.

Из аудитории он быстро уходил в лабораторию, где лежал ничем не закрытый большой кусок доломита с обмеренной поверхностью, точнейшим образом взвешенный. Нефть в строго рассчитанном количестве была залита в трещины и медленно впитывалась в окаменелую древнюю породу. Микроскопические зерна солей кальция и магния, составлявшие породу, прочно прихватывали тончайшую пленку нефти. Она закупоривала все поры и окончательно прекращала ничтожную вентиляцию воздуха сквозь минерал.

Лабораторные весы не могли уловить в течение месяца убыль веса плиты. Они не уловят и в течение года: нефть не усыхала в открытой плите на воздухе. Вот что дал опыт!

Должны пройти миллионы лет, прежде чем выветрится нефть в глубине погребенного пласта.

Утром Василий побежал в ЦК партии.

В Промышленном отделе ЦК оценили по достоинству значение нефти в Якутии. Худенький студент с Севера расположил к себе работников Промышленного отдела. Но только — у него были чрезмерно дерзкие идеи. Он просил собрать ученых Москвы на диспут, он вызывал всех нефтеведов на публичный научный поединок.

Он горячился в разговоре и начинал комкать синтаксис.

— Пусть ЦК поверит лучшим представителям геологической мысли, когда они не смогут опровергнуть мои принципиальные положения, из которых явствует наличие жидкой нефти в кембрии!.. А вот мне не верят... И вообще, я считаю эту нефть сибирской нефтью. Я разрешаю проблему байкальской нефти и даю оборонную нефть на континенте!

Его слушали с удивлением, с любопытством. Без тени бахвальства он говорил дико хвастливые речи и даже не замечал этого. Местоимение «я» в его речи звучало отрешенно от личности Зырянова. Он утверждал не себя, но идею кембрия и континентальной нефти. Нет, он не был самохвалом и далеко не был глупцом. Но в таком случае — он был энтузиастом?

— Нет ничего более естественного, чем научная дискуссия, организованная Центральным Комитетом правящей партии коммунизма, партии науки! Моей партии! — восклицал он.

Идея дискуссии понравилась работникам Промышленного отдела. Но представители геологической мысли не примут вызова от студента. Ему надлежало отрастить по крайней мере профессорскую бороду, прежде чем посылать такие мальчишеские вызовы.

Василию пришлось на время отставить эти дела, чтобы подготовиться к сдаче последних экзаменов.

Институт неожиданно оказался оконченным.

В коридорах института студенты гулом посвящали друг друга в свои планы и советовались о своих замыслах, куда идти работать. Они уже чувствовали себя перед самым началом — через два месяца — самостоятельной долгожданной деятельности. И в мимолетных веселых воспоминаниях светлело то, что бывало и темновато в студенческой жизни, но все-таки соединяло и сближало их, и в чем-то создало взаимную обязанность, и удерживало признательность.

— Через этот базар молодой радости, — закричал Алиев, — спешит протиснуться убитый горем Зырянов!.. Что с тобой, дорогой мой?

Он схватил за руку дорогого друга и остановил посреди снующей и бегающей толпы, как в самом укромном уголке. Василий смотрел с терпеливой неохотой.

— Обрати внимание, как на меня смотрят, — сказал он.

— Очень хорошо смотрят! С симпатией, все очень хорошо о тебе думают, уважают!

— С иронической улыбкой, а в лучшем случае — с недоумением, — сказал Василий. — Скалят зубы.

— Покажи хотя бы одну такую улыбку, — Алиев повел глазами грозно, — на твоих глазах она моментально станет беззубой!

— Все вспоминают эти пять лет, как праздник учебы, после которого начинается праздник труда, — сказал Васи-

лий, — а для меня после пяти лет мытарств и тяжелых переживаний все кончено к окончанию института.

— Зачем, Вася, столько пышных слов?.. Знаешь что? Давай уйдем отсюда.

Они вышли на улицу и стали прогуливаться, обнявшись, не замечая уличного шума.

— Знаешь что? У тебя очень много крестьянского индивидуализма. Я тебе говорю, я, твой лучший друг! Да-да, несмотря на то, что ты член партии и очень хороший коммунист!.. Дорогой мой, это пережитки, от которых надо избавляться не только беспартийным, но и коммунистам... Я тебя слушал пять лет, разве ты не заметил, Вася? Послушай меня один раз, хотя я говорю не так убедительно, как ты. Тебе не приходит в голову рассчитывать на товарищескую помощь — тебе, руководителю нашей комсомолки. Ты надеешься только на собственные силы. Мне это не нравится в тебе, честное слово, — вот это единственное, что не нравится. И другим тоже не нравится, нашим товарищам. Мы учились коллективом, а ты, наш секретарь, учился отдельно, одиночно. Главным образом даже по моим тетрадям, а не по лекциям. Мы все — днем, а ты один — ночью...

— Я не имел возможности делиться, потому что у меня не было единомышленников, кроме тебя, — сказал Василий.

— Когда я тебе сказал, что я твой единомышленник?! По-моему, идея кембрийской нефти, да еще под вечной мерзлотой, — непрактичная идея и безраздельно твоя. Пять лет я критиковал тебя, по-товарищески критиковал. Поэтому моя критика была для тебя поддержкой. Другие товарищи критиковали бы тебя тоже с пользой для тебя, если бы ты делился с ними. Но ты почему-то не имел желания довериться товарищеской критике всего коллектива.

— Это политическое обвинение, — сказал Василий.

— Не обвинение, но упрек несомненно, дорогой мой.

— Все равно, это самый несправедливый упрек. Вспомни мои многочисленные выступления, статьи в многотиражке... Пойми, что мне хватало критики самой высшей квалификации, вплоть до Академии наук. Но у меня не было ни одного единомышленника... Нет поддержки. А ты предлагаешь мне еще один вид критики — коллективное осуждение от всех товарищей. Но и это я вытерпел не один раз.

— И это говорит секретарь комсомола?! Нельзя понять!

— Да, да. Это было мне слишком тяжело, потому что я

уважаю коллектив. Ну, мне пора... Разве я не делился своими мыслями? Я пропагандировал мою идею каждому студенту! Я делал доклады каждый год о моих экспедициях. Но вы и этого не принимали всерьез, потому что против меня была вся официальная профессура. Я организовал в институте диспут о происхождении нефти и о роли кембрия и просил бить меня покрепче, я выдержу, — просил всех, кому не лень! Сам просил!.. Только бейте убедительно, чтобы до меня дошло, говорил я!.. И, кроме того, выдерживал нападения на всех семинарах. А вечные споры в общезнании? Я выслушал столько насмешек за последние два года... вместо серьезных аргументов, которых не было, очевидно, у товарищей! Чего-чего, а критики мне хватало отовсюду. Чего не хватало? У меня не было творческой поддержки... И ты тоже обвиняешь меня. Разве идея кембрийской нефти — антимарксистская? Антиленинская?.. Антидиалектическая? Антигосударственная?.. Нет, ты не понял, насколько я уважаю коллектив... Ну, мне пора.

— Постой. Студенты критикуют по учебнику, повторяют аргументацию профессоров... Мы все — несамостоятельные попугаи... Ты один никого не повторяешь. Ты гений?

— Вы думаете запугать меня этим словом? Я не девочка.

— Значит, ты согласен, что ты гений?

— Пусть эта проблема тебя заботит, у меня есть другие заботы. Ну, мне пора, я сдаю.

— Что ты сдаешь?

— Последний экзамен, — сказал Василий и улыбнулся.

Он сдал последний экзамен и решил во что бы то ни стало повидать Ивана Андреевича перед защитой диплома.

Глава 9

СТОИТ ЛИ ИСТРАТИТЬ ЖИЗНЬ НА ОШИБКУ?

Но Аграфена Васильевна, завидев Зырянова, сейчас же вставала и загораживала широким телом двери директорского кабинета и звала на помощь курьершу. Обе стояли тесно рядом и тарашили злые от испуга глаза, как две квочки, готовые поднять крик, захлопать шерстяными вязаными крыльями.

Василий настиг академика при входе в институт и быстро рассказал о своих делах.

— А что, если бурение покажет тебе высохший пласт, что тогда? — спросил учитель, проходя в кабинет.

И Аграфена Васильевна, отвернувшись с обидой, пропустила обоих.

— Тогда, Иван Андреевич, полнинская мелкая скважина не вскроет законы нефти байкальской, так как на Байкале кембрийские породы лежат на больших глубинах, где они не выветрены.

— Значит, и самый полный провал на Полной не убедил бы тебя в ошибке? — с угрозой спросил директор.

— Ничуть. Я могу найти глубины разные, до двух, трех, четырех тысяч метров, где условия сохранения могут быть в тысячу раз лучше.

Грозное выражение сошло с лица старика, он рассмеялся:

— Ладно, рассказывай. Тебе же просто хочется поплакать в мою жилетку.

И Василий, не теряя времени, стал рассказывать о своих переживаниях. Об отношении к нему со стороны студентов. О том, как его гоняли всю зиму из всех учреждений. О том, что надо во что бы то ни стало преодолеть бюрократизм со стороны таких хозяйственников, как начальник Главзолота, потерявший партийную совесть.

— Если ты посмеешь еще раз выразиться подобным образом...

— Виноват, Иван Андреевич, больше не буду... Иван Андреевич, последний раз в жизни поддержите меня, и больше я не буду вам надоедать.

— Это ты веришь, что больше не будешь мне надоедать, но я не верю.

— Иван Андреевич, это не желание мое — найти кембрийскую нефть. Это идея моя и убеждение мое! Иван Андреевич, я очень прошу прибавить что-нибудь к моим словам!

— Чего тебе прибавить?.. — Он рассмеялся. — Четыре часа ты сам прибавлял в свою пользу. Чего тебе прибавить!.. Если такое сильное стремление... Я тебя понимаю, что ж.

Телефон зазвенел на столе, Иван Андреевич протянул руку Василию:

— Прощай пока, Вася! Желаю тебе удачи.

Затем он взял трубку, а Василий выбежал в волнении, толкнул кого-то, извинился с разбегу... Он уже мчался по Калужской и вдруг решил, что в таком настроении следует идти в ЦК, а вовсе не в библиотеку.

Иван Андреевич сказал по телефону:

— Да, я слушаю... Да, я. Здравствуйте, Максим Алексеевич!.. Я знаю Зырянова хорошо, он мой ученик... Ну, так что из того, что медведь? На медведя вы охотник... Ах, медведь обложил охотника?.. Конечно, могу посоветовать: дайте ему хороший медвежий завтрак, миллиона полтора для разведки в Якутии... Он больше и не просит? Ну, так вы же дешево отделаетесь.

Иван Андреевич положил трубку и ухмыльнулся на полтора миллиона.

В Промышленном отделе ЦК заведующий слушал горячий монолог Зырянова и время от времени совершенно напрасно пытался вставить слово:

— Главзолото...

Но Зырянов непреодолимо продолжал свою речь.

— Вы потребуете у Главзолота...— сказал заведующий.

Но Зырянов усилил голос без малейшей заминки и с твердостью взглянул на слушателя:

— Я ничего не требую. Я прошу теперь только об одном: развеять туман косности...

В кабинет вошел помощник заведующего отделом. Зырянов, здороваясь за руку, безостановочно продолжал напролом, но помощник сердито сказал:

— Где же вы пропадали, дорогой товарищ? Идите в Главзолото. Вы еще успеете. Начальник вас примет.

Василий побежал через площадь.

Начальник сказал, не глядя:

— Мы посылаем комплексную экспедицию в Якутию на золото и олово. Нефть, — прибавил, вспомнив. — Вы назначаетесь начальником нефтяной группы и подчиняетесь Меншикову, начальнику всей экспедиции.

Василий позвонил Лидии в институт и поехал к ней, перепрыгивая с одного трамвая на другой.

Лидия догадалась, что Василий опять добился экспедиции. Она задумалась над своей работой и ждала Зырянова с удивлением в душе: опять он добился своего, и вот он будет здесь через час затем, чтобы пригласить Лидию... нет — потребовать ее в свою экспедицию... И неужели же она опять согласится?

И он опять будет победителем?

Ей вспомнилось заседание в Академии наук и выступление Небеля. «...Зырянов нашел нефть на Полной как раз там, где был горб», — сказал Небель презрительно. А Зырянов ответил: «Я же вам объяснял, а вы опять забыли, Бернард Егорович. Какой же тут горб, когда здесь нормальный морской бассейн! Вы наперед придумали теорию — и, конечно, нашли все, что захотели, и в отчете у вас получилось все, что нужно для горба».

«Это значит, что я подтасовываю?» — закричал Небель.

«Нет ли у вас при себе вашей карты? Не можете ли вы передать ее кому-нибудь для обозрения... Теперь мои оппоненты видят, что на карте Бернарда Егоровича показан на Полной морской бассейн, а не горб».

«Действительно, — сказал Синицкий. — Как же это получилось, Бернард Егорович?»

«Это ошибка», — сказал Небель.

«Я вам напомню, где у вас ошибка, — сказал Зырянов. — Вы тогда исправили на карте, когда я вам объяснил, а в текстах отчета забыли исправить. Вот каким образом получилась правильная карта и горбатый отчет».

Лидия уже знала, что она поедет. Но работать с ним вместе она не будет — она возьмет себе Эржежей и сразу начнет работать. Если он согласится, конечно...

Василий согласился неохотно.

Лидия по каким-то своим делам не могла выехать в начале апреля. Василий тоже задержался в Москве с защитой диплома, и экспедиция, возглавляемая Меншиковым, отправилась без них.

12 мая Василий прибежал в общежитие института перед самым поездом — и это было тоже трудно.

— Не мог пораньше? — упрекнул Алиев. — Последний раз, может быть, видимся.

— Даже сейчас мне было невероятно трудно прийти. Куда ты едешь?

— Во Второе Баку, в Пермь. А ты?

— Я еду в Якутию, и на всю жизнь! — сказал Василий почти в лихорадке.

— Вася! — вскричал Алиев. — Стоит ли истратить жизнь на ошибку? Мировой опыт и теория против тебя!

— Я за такую науку, которая не задерживает моей мысли...

— Откажись от этой мысли раз и навсегда, я умоляю тебя!

— Не откажусь! — закричал Василий. — Джордано Бруно и на костре не отказался!

— Ему угрожали, а я тебя умоляю! Потеряй всякую связь с этим делом!

— Я связал себя с этим делом на всю жизнь.

— Пожалуйста!.. Но все нефтяники идут работать туда, где есть нефть, а ты идешь туда, где нефти нет и не будет. Ты заставляешь меня страдать за тебя!

— А ты — меня: тем, что страдаешь не так, как надо для меня!

Лидия была уже в вагоне.

Они проехали по железной дороге мимо Байкала на восток, до станции Невер. От Невера они поднялись автомобильным трактом сквозь тайгу почти прямо на север и по большой излучине Алдана, которую река выгнула крутой дугой к Амге. Здесь, на вершине луки, стоит поселок Алданзолото. Водораздел к Эржежею сужается до восемнадцати километров. Отсюда до Черендея остается всего сто шестьдесят километров, если мерять натянутой ниткой по карте. Но дорога шла не по нитке и не по карте, а по тайге, и называли ее Дорогой Мертвецов.

Десятки тысяч старателей с женами и детьми кочевали в те годы между Алданом и Леной двумя встречными лавами. Одни искали золотой ключик, другие нашли его и несли намытое золото через глухую тайгу, стремясь выйти к населенному месту и обменять золото на деньги и товары для жизни. И многие не дошли тогда, а золото их сдавал в контору убийца.

— Сумасшедшие вы люди, — сказали алданцы женщине и мужчине, приехавшим из Москвы. — Вы хотите пойти по Дороге Мертвецов одни?

Глава 10

ТЕЛЕГРАФИСТ ИЛЬЯ АНТОШИН ФИНАНСИРУЕТ ПОИСКИ КЕМБРИЙСКОЙ НЕФТИ НА 9 РУБ. 50 КОП.

«Проводник повел бы меня по тропам, по притокам, это как раз и есть Дорога Мертвецов», — размыслил Василий. И он пошел по водоразделам, избегая всех троп, избегая воды.

Он оставил Лидию на Эржеее и шел по компасу на северо-северо-запад. По ночам он прокрадывался к ручьям, подолгу затаиваясь, прислушиваясь не как зверь, за которым охотятся, а с терпением охотника. И жадно, много пил и наполнял флягу.

На четвертый день он вышел к Лене, как хотел — значительно выше Черендея. Охотничьим топориком он срубил несколько тонких деревьев и сплотил. Пока он переправлялся, Лена сносила его, и он прибил к левому берегу точно у Черендея, с шиком природного плотовщика — как раз против базы эвенкийской кооперации. Год назад этой базы еще не было. Ого! База построилась рядом с магазином.

Из магазина вышел Григорий Иванович Кулаков. Он радостно бросился к Зырянову:

— Ну как, теперь уже добывать приехали? А мы, знаешь, этой зимой собрали деньги на газогенератор. Зачем нам устарелое керосиновое освещение, когда можно получить электричество, не дожидаясь твоей нефти, еще скорее?.. Переходи к делу: тебе продукция нужна! На сколько ртов?

— На сто ртов. А давно они здесь? — спросил Василий.

— Кто здесь? — спросил Кулаков.

— Экспедиция давно прибыла?

— Не было никакой экспедиции, кроме тебя.

— Извини, пожалуйста, товарищ Кулаков, я побегу, — сказал Василий.

— Значит, на сто ртов, — повторил себе Григорий Иванович и пошел по берегу озабоченный, вдохновленный, исполненный сознания своей важной миссии, как хозяин самого главного — еды.

На базе Золотопродснаба Василий удостоверился, что экспедиция действительно не прибыла и никаких сведений о себе не давала. Но слух доходил о ней из Иркутска.

Василий пошел на телеграф.

Телеграфист с изумлением прочитал необыкновенную телеграмму в четыре адреса — в Якутск, Усть-Кут, Иркутск и в Москву: «Руководство не прибыло Лену экспедиция потерялась всем снаряжением неизвестно где точка Денег тоже нет Зырянов».

— Вы и есть Зырянов? — спросил телеграфист, он же и начальник почтово-телеграфной конторы, широколицый

якут с большими серьезными глазами. Он отлично помнил Зырянова.

— Вот паспорт и удостоверение.

Телеграфист внимательно прочитал в документах все, что в них было написано и напечатано. Потом деловито спросил, как будто это входило в его обязанности:

— Теперь приехали нефть добывать?

— Так,— ответил Василий уклончиво и протянул деньги.— Я очень тороплюсь. Я уплачу и уйду.

— Я тоже тороплюсь,— телеграфист сел к аппарату Морзе,— разве вы не видите? Когда получите деньги, не забудьте уплатить мне девять рублей пятьдесят копеек. Меня зовут Илья.— Он подумал и добавил:— Илья Антошин.

Удивленный Зырянов подержал деньги и спрятал.

— Спасибо, товарищ Антошин. Я не забуду!

— Желаю удачи!— благодарно воскликнул Илья Антошин.

Он чувствовал, что поддержал дело черендейской нефти, и Зырянов оценил его поддержку.

В конторе эвенкийской кооперации было безлюдно. Кулаков и бухгалтер ходили по базе. Григорий Иванович указывал:

— Сахар весь для экспедиции. Крупу вот эту.

— Пойдем, товарищ Кулаков, поговорим,— сказал Василий.

— Так ты оформляй,— сказал Григорий Иванович бухгалтеру.

— Вот какое дело... Экспедиция где-то на пути застряла, со всем своим снаряжением. И деньги там... Что делать? Если можешь, Григорий Иванович, я тебя прошу: готовь, пожалуйста, продукты, чтобы я мог двинуть людей, как только они придут.

— Выделяют тебе. Ты сам видел,— сказал Кулаков.

— Ты меня не понял. Я прошу, чтобы ты кредитовал мне... Неизвестно, когда подвезут деньги...

— Так я же говорю, это мне уже известно,— сказал Григорий Иванович.— А вот нет у меня дерева для лодок. Придется тебе взять в Затоне. Директор даст тебе. Подсчитал?— крикнул он бухгалтеру.

— Всего на двадцать пять тысяч,— сказал бухгалтер.

— Больше не могу. Под суд пойду,— сказал Григорий Иванович.

— Спасибо, Григорий Иванович! Теперь думаю пойти в Затон, по твоему совету.

— Не надо спасибо, не для тебя делаю. Когда я тебе советовал идти в Затон?

— Только что. Минуты еще нет.

— Не советовал я тебе идти в Затон. Зачем? На почте скажут директору Затона, что Зырянов приехал, он сам придет к тебе.

— Неудобно, Григорий Иванович. У него просить — к нему идти.

— Не для себя просишь. Это ему честь, если он поможет вам. Вот насчет лошадей придется тебе самому сходить к народу, потолковать с колхозниками. Это вечером сделаем. Но смотри не забирай лошадей! Ведь их придется кормить. Пускай их покормят в колхозе до самой отправки.

Всего через три дня на берегу раскинулась обширная лодочная верфь, недалеко от Затона. Плотники, отряженные колхозом, строили по чертежам Зырянова большие, трехтонные лодки.

Они строили, но были недовольны и осуждали то, что строили. Зырянов не слушался местного опыта, и все на него сердились, даже Григорий Иванович.

— Ведь это куда?.. Где на каждом километре три-четыре переката и пороги и ни один смельчак не ходил ни на каком ином корабле, кроме как на берестянке грузоподъемностью в полтора пуда!

Лишь на одиннадцатый день прибыла нефтяная группа со своим снаряжением, на спаренных двух карбазах. Но буровой станок они не привезли — он утопил бы лодки. Его погрузили в Жигалове на большой карбаз, предоставленный группе золоторазведки. Руководство экспедиции ехало с золоторазведкой, считая ее основной. Где они сейчас, оставалось неизвестно.

В снаряжении, привезенном нефтяной группой, не оказалось ни палаток, ни обуви.

Все светлое время дня Василий проводил на берегу и на складах. Ночью он готовил очередные чертежи, обдумывал рулевое управление, пригодное на перекатах, и составлял отчетную документацию по всему хозяйству экспедиции.

Ночи сливались с днями. Василию казалось, что теперь уже он не отоспится во всю жизнь.

И каждый день на берегу шумели споры.

ЗЫРЯНОВ СТРОИТ ПОДВОДНЫЙ ФЛОТ

Василий испытывал первую готовую лодку с полным грузом на Лене и на Полной. Гребешки заливали лодку. На пороге ее затопило.

Черендеевские остряки спрашивали плотников нарочно для Зырянова, чтобы он услышал:

— Что вы строите?

Колхозные плотники отвечали:

— Подводные лодки.

«Это хорошо,— подумал Василий,— это мысль!»

И спроектировал крышку — выпуклую решетку, обтянутую брезентом. Она закрое лодку сверху от брызг и от волн.

Приезжал взглянуть на лодки председатель колхоза, приходил много раз директор Затона. К вечеру возле лодок соби рался весь Черендей. Все ведь участвовали в экспедиции, все до верили свое добро Зырянову для большого дела и не желали, чтобы добро пропадало и дело затормозилось.

Но Зырянов заставлял и дальше строить огромные лодки.

Тогда Кулаков, и директор Затона, и председатель колхоза потребовали, чтобы Зырянов явился на собрание партийной организации Черендея.

По его просьбе собрание началось в двенадцать ночи.

В клубе в ожидании Зырянова неторопливо беседовали три директора — Затона, мукомольного завода и базы Золотопродснаба. Председатель сельсовета и начальник почтово-телеграфной конторы сонно старались прислушаться. Инженер базы и магнитчик из экспедиции Зырянова молча бились на шахматной доске. Завклубом Демидов нервно следил. Грузчик базы Астафьев спокойно и расчетливо спал.

Усталый Василий пришел ровно в двенадцать часов. Разбудили председателя сельсовета и Астафьева.

Григорий Иванович стал говорить с жаром о большой находке на Полной, о важном деле для всего народа, где Черендею досталось счастливое место и первые труды почина. Может быть, в клубе Черендея будет висеть портрет Зырянова. Коммунисты Черендея взяли на свою ответственность снабжение экспедиции. Но что же делает Зырянов? Этот дорогой колхозный хлеб и все дорогое советское, народное имущество он утопит в Полной.

— Вместе с подводными лодками,— сказал директор Затона,— да и самое дорогое — год времени утопит, разбойник.

— Слово предоставляется товарищу Зырянову.

— Скажи, пожалуйста, Григорий Иванович, ты подсчитал, сколько легких лодок потребуется для нашего груза? — спросил Зырянов.

— Нет,— сказал Кулаков.

— Надо с этого начать. Деловой разговор требует счета. Я строю сорок пять лодок. На них надо посадить девяносто человек за рулем и с шестом. Это грандиозная экспедиция. Пятьдесят лошадей потянут весь флот, а через перекаты и тремя лошадьми едва вытянем одну лодку... Товарищ Кулаков предлагает построить пять тысяч берестянок, а директор Затона говорит, что вот тогда мы не потеряем год... А сколько тогда мы потеряем, товарищ Бездородов? Или ты дашь мне пиломатериал или бересту на пять тысяч лодок? Колхоз даст мне пять тысяч лошадей и десять тысяч гребцов.

— Это ты нас забавляешь, товарищ Зырянов,— сказал председатель колхоза.— А вот когда ты наше добро утопишь, тогда мы все будем плакать. Товарищ Кулаков отдал вам сахар. Мы уже варенье не сварим, и мы будем чай пить без сахару целый весь год. А ты этим сахаром Полную заставишь.

Тогда он им рассказал про знаменитую проводку плота в сухое лето 1918 года. Это была единственная проводка в то лето. Все лоцманы Выми отказались проводить плоты, хотя купцы предлагали самую высокую плату. Упустить такие деньги показалось Игнатию Зырянову жалко, даже невысказанно. В том сухом году было очень голодно.

Игнатий покричал Васю, младшего сынишку, и велел идти за ним. Вася неохотно бросил игру с товарищами — ему было двенадцать лет. Отец вышел на высокий берег над усохшей Вымью и велел:

«Гляди: можно провести?..»

Вася поглядел и сказал:

«Можно!»

Отец сказал:

«Ты поведешь».

— Не понимаю, какое отношение это имеет к делу, — нервно сказал Демидов.

Зырянов продолжал, не обратив внимания.

Вася понял, что отец испытывает его, пугает. Он еще раз поглядел на захилевшую реку и сказал хвастливо:

«Я бы провел!»

«А потеряешь плот — убью», — сказал отец.

Вася удивился и не поверил в такое счастье. Спросил:

«А тыпустишь меня лоцманить?.. А ну, побожись!»

«Пушу. Вот те крест».

Вася посмотрел по течению вверх, будто бы не думая, словно без всякой мысли, — и сверху, от самых верховьев, от перевала, где у них с отцом зимой заготовлен лес, заковыляла чахлая река под его плотом, перед его воображением вся, как она есть сегодня, — как будто и не весенняя: с ошеренными берегами, оскалившая перекаты.

А Вася стоял на плоту — не на берегу — и лоцманил, чуя под каждым бревном каждую струйку, пока не добежали до Вымьваля, и мимо села побежали вниз, вниз — до лесозавода. Вымь пронеслась под плотом стремглав. Вася радостно вздохнул и сказал в третий раз:

«Проведу!»

А Игнатий знал верно: если Вася скажет — можно провести. Уже пробовал сына, испытал на разных тяжелых перекатах. Но надо, чтобы доверили хозяева. Он представил сына еще весной в сплавных конторах и лесорубческих артелях как самостоятельного лоцмана и просил для сына покровительства у купцов — хозяев сплава и леса.

Весной Игнатий спрашивал у хозяев, где заготавливать сено, где будет делянка для заготовки леса зимой, и сколько готовить плотов, и какие будут условия на будущий год лесорубам, а также и лоцманам — Игнатию и Васе.

Хозяева прежде не замечали мальчика и снисходительно взирали только на отца-лоцмана.

Игнатий же Зырянов, лоцман, вежливо мям в руках собачью шапку и, осутуля огромные овчинные плечи, убавляя высокий рост из почтения к приемщикам леса и счетоводам, покорно склонив умную голову, глядел исподлобья на хозяев, как бы снизу вверх, якобы несмело.

Эти могущественные люди благосклонно усмотрели нынче маленького голодного лоцманенка. Вася усердно ежился под всеильным взором. Так, хорошо! Мальчишке пошел тринадцатый год?.. Способен, способен к ученью. Его надлежало учить: разумению своей зависимости от хозяев, почитанию хозяев, послушанию хозяевам.

А хозяевами лоцмана и лесоруба являлись и счетовод и приемщик леса.

Они строго побеседовали с мальчиком, испытывали его повадку. Время было беспокойное, нехорошее для хозяев.

Вася подолгу выстаивал перед ними, уронив будто бы бессильные руки, вежливо отвернув ладони назад, — как взрослый лесоруб, как отец. Он еще раньше усвоил вежливое выражение боязни бедного и зависимого перед богатым и сильным.

«Какая-такая советская власть у вас в селе, скажи-ка?» — с насмешливой серьезностью спросил лесоторговец.

«А нам не все одно, какая-никакая», — ответил Вася.

Игнатий поправил сына:

«Власть нынче выборная. Лучших хозяев выбрали, самых крепких».

Вася сутулил худенькие плечики в просторном тулупчике (из отцовского сношенного и переносенного братьями), глядел исподлобья, прилично: пряча от хозяев смелый ум и свое разуменье жизни.

«А что новенького слышно от большевиков?»

«А мы не слышим. У нас эсеры. Большевики много бумаги шлют, а в нашем совете жгут ее».

«Ха-ха!»

Васе доверено было провести плот по мелководью.

Отец тоже наблюдал обмелевшую реку, но, к облегчению Васи, оставался внизу, на плоту. Он помогал иногда на гребях старшим братьям и двоюродному, Ване, который старше Васи на четыре года. Ни разу отец не поглянул вверх, на младшего. Вася стоял на лоцманской вышке — на балагане.

В трудную минуту у порогов гребцы посматривали на отца, надеясь на него и, по привычке, ожидая от него команды. Но отец не разжимал губ. Его глаза не отрывались от вялой, отошавшей реки, а руки на носовой гребке спокойно дожидались команды от лоцмана.

И Вася чувствовал, что на него оглядываются с беспокойством старшие братья и нетерпеливый Ваня, не смея окликнуть... Он медлил, не упуская также из виду недвижимого затылка, безмолвных рук отца; наслаждаясь признанием, доверием, задерживал команду подвернуть плот перед косым прыжком... С такими-то силачами на гребях, как отец и Ваня, можно не спешить до самого того мгнове-

ния, когда отцовские руки вот уже толкнут гребь, спасая плот...

Вася резко и спокойно выкрикнул:

«Поносну и корму влево!»

Плот аккуратно наклонился через косой высокий порог, задрал короткий хвост с гребью, и спокойно свалился вместе с круто падающей водой...

По заскучавшей реке оба берега людно провожали единственный плот за все лето — Васин плот. Лоцманы и лесорубы сбегали к лодкам и привязывались к плоту, чтобы узнать у Игнатия Зырянова, где он сидел на мелях, где застревал на перекатах. Но плот нигде не сидел, не застревал.

«Ни разу даже?.. — недоверчиво спрашивали лоцманы и обижались: — Похваляешься? Скрываешь? Подводишь конкурентов?..»

Игнатий усмехался и с тайной гордостью кивал на своего мальчишку:

«Не я — вот лоцман».

Они поднимали глаза на помост и оглядывали Васю с уважением.

Вот и родная деревня. Вся: кто есть живой — люди и собаки — столпились над обрывом; а мальчишки прямо сверху сыплются на плот, который проходит под самой крутизной. И задушевный друг Митька, мокрый до желтых кудрей, взлетает на помост и восторженно кричит:

«Вася, Вася!..»

Но Вася не глядит ни на кого. Он ведь слишком занят. Его старшие братья стоят с шестами наготове — оттолкнуться от берега, а на гребях сам отец и двоюродный Ваня ожидают команды от лоцмана.

И весь мир видит Васин подвиг.

По всей приветливой и жизнерадостной, хотя и усохшей Выми до лесопильного завода мир дивился Васиному уменью, и на лесопильном заводе приняли плот с радостью и встретили Васю с почтением.

— ...На заработанные деньги отец купил запасы к зиме, и это было тоже очень хорошо... — закончил Василий свой рассказ.

Коммунисты со вниманием выслушали воспоминания Зырянова. Каждый из этих директоров и председателей в отдельности озабочен был своей ответственностью за предоставленный кредит. Но, собравшись вместе, они испытывали еще одну заботу — об успехе экспедиции, за которую

никто из них не отвечал. Поэтому директор мукомольного завода сделал строгое внушение магнитчику экспедиции, который легкомысленно заявил, что присутствующие товарищи могут спокойно довериться Зырянову, потому что Главзолото в состоянии оплатить любые убытки своей экспедиции.

— То есть мы можем спокойно смотреть, как Зырянов будет гробить экспедицию? — сказал он в гневе по-якутски. — Отвечайте мне!

Русский магнитчик смотрел с любопытством. Секретарь улыбнулся и сказал мельнику по-русски:

— Он же тебя не понимает.

— Расскажи еще, — попросил Астахов.

— Ну, давайте сделаем перерыв, товарищи. Что-то курить захотелось, — предложил секретарь, погасил лампу и раскрыл окно.

Все охотно вышли в темный зал.

— Товарищ Зырянов, мы поняли, что вы большой специалист речного хода. Но вы бы нам сказали просто: почему вы упираетесь в большие лодки, когда вам все говорят, что они пройти не могут? Ведь и наши люди не с хвостами на плечах.

— Вот это хорошо спрошено, — сказал Василий, — на этот вопрос я могу ответить. Это я признаю и даже подтверждаю вам, что такие лодки на Полной пройти не могут — вообще не могут.

— Вот тебе на! — сказал грузчик Астафьев.

— Теперь я должен сказать, почему я уверен, что проведу эти лодки.

— Опять вот тебе на! — сказал Астафьев.

— Я объясню... Я чувствую воду, как рыба!.. На реке мозг у меня срабатывает так быстро, что еще я не осознал, а уже делаю как надо!

Глава 12

ПРИВЯЗАННЫЙ ДЬЯВОЛ И ОТВЯЗАВШИЙСЯ МАЛЬЧИК

— Отец взял меня в лес первый раз, когда мне было шесть лет. Вечером, когда отец уже нагрузился добычей, мы увидели медведя. Отец в два прыжка отнес меня к

большой старой лиственнице и закричал: «Бегай!.. Бегай вокруг нее!..»

Не медля он пошел на медведя и уже не видел, что мальчик выпал из его рук в обмороке.

Поладив с медведем, он вспомнил и пошел за сыном. Он остановился в раздумье над ребенком и не знал, что сделать. Но когда мальчик открыл глаза, отец уже знал, что надо делать.

Он грозно спросил: «Ты что же это? Отцу не веришь, а? Я не велел бояться, а ты почему испугался? Я велел бегать кругом лиственницы, а ты почему не стал бегать? Отца почему не слушал?» Отец все больше сердился, потому что я не винулся и не оправдывался.

А я молчал, потому что добросовестно размышлял над вопросами отца и сам недоумевал: почему я не стал бегать?

Не дождавшись ответа, отец начал колотить меня — а руки его были разгоряченные победным боем с большим зверем.

Но я крепился и сознавал, что боль причиняет мне отец.

«Я тебя научу слушать отца! Сиди тут около медведя и дождайся меня. Утром я приду. Если забойшься и уйдешь — убью».

Я сел около медведя и стал думать: для чего это надо, чтобы я сидел тут, около мертвого медведя? Почему я научусь, тут сидя, слушаться отца? Ведь я испугался не мертвого медведя, а живого.

Стало уже совсем темно. Отец, наверно, уже пришел в избушку и начал есть. Мне тоже захотелось есть. Я вскочил и пошел домой.

Я не заметил дорогу, когда шли с отцом тайгой. А хотя бы и заметил, так не распознал бы ее ночью. Но я и не искал дорогу. Я нащупал склон и спустился, прислушиваясь. Я не услышал журчанья. На дне ложбинки не было ручейка.

Я опустил на колени и начал руками копать. Я искал воду. Если в ямке найдется вода, я почувствую ее течение в пальцах и пойду в ту сторону, куда течет вода. Всякая вода везде течет к реке. Дойти до реки — а там уже есть люди и непременно найдешь и свой дом. Охотничья избушка наша тоже стояла на берегу реки.

Но в ямке не нашлось воды.

Во многих ложбинках я копал и нигде не докопался до

воды. Время было осеннее, и земля в тайге сырая, но воды все-таки не было. Я долго шел. Мне казалось, теперь уже близко к дому. И вдруг я наткнулся на мягкую, мохнатую тушу.

Я отпрыгнул, хотя зверь лежал тихо, как мертвый. Он и был мертвый — тот самый, возле которого отец велел дожидаться. Но я не мог поверить, что это убитый отцом медведь.

Однако отец велел не бояться, а я верил отцу. Я сел в страхе около медведя. Как же я пришел обратно к нему? Почему не сумел уйти от этого места?.. Сразу припомнились все разговоры о дьяволах. Дьяволов привязывают к одному месту тайным словом. Или, например, дерево срубят, а пень оставят и вокруг пня поставят избу, а к пню привяжут дьявола, хоть самого сильного: он, привязанный, остается и служит тому человеку, кто его привязал...

За одной сказкой стали вспоминаться и другие. Лесная тьма зашевелилась в том месте, где лежал медведь, и встала на дыбы. Я в страхе огляделся. Одинаковая тьма, непроглядная, шевелилась везде. Я призабыл, в какой стороне лежит зверь, и убитый медведь пошел ходить вокруг меня.

Я не сводил с него глаз, но трудно было разглядеть. Он показывался в разных местах, а может быть, пришли еще другие звери. Земля шуршала под лапами. Шорох листья смешивался со звериным дыханием.

Неужели отец привязал меня к этому месту? Я очень сильно рассердился, потому что не мог понять, зачем это надо было отцу. Я встал и осторожно вышел из звериного круга. Я уже не надеялся найти дорогу, но я и не хотел идти к дому отца. Я рассердился на него. Мне стало все равно, куда прийти, лишь бы к людям и лишь бы уйти от этого места.

Звери не отстали от меня. Я побежал и расшибся о деревья, несколько раз. Я пошел тихо. Темные, сказочные звери не трогали, только не отставали.

Потом рассвело. Я устал. Опять я пробовал найти воду в ложбинках. В одном месте я нашел бруснику. Наелся и напился и еще раз, набрав полные горсти, постарался выжать сок. Сок — та же вода, он потечет в земле в сторону реки. Но сок только капал из ослабленных пальцев и впитывался в землю. Я посидел на сырой, безводной земле и съел раздавленные ягоды.

Я рассудил, что надо идти.

Мне хотелось спать.

Скоро стемнело, но я понимал, что надо идти. Отец если настигнет, ведь он обещался убить.

Я решил совсем уйти от отца.

Я шел медленно, все тело мое истомилось, а особенно ноги.

Все-таки я придумал способ выследить течение воды в земле. Я вырыл пальцами в темной земле две невидимые ямки рядом и наполнил своею водою одну из них. В другой я держал руку и подстерегал появление воды. Если вода притечет в эту ямку, значит, в этой стороне река и сюда идти.

Я долго ждал и с печалью удивился, почему вода не потекла. У меня совсем не возникла мысль, что воды было слишком мало или она потекла в другую сторону. Я встал и, не сознавая свой выбор, пошел в ту сторону, куда я воду ждал и куда вода не потекла. Наутро я вышел к реке.

Коммунисты докурили и вернулись в комнатку парткома продолжать собрание и принять решение.

После собрания два геофизика экспедиции и Сережа Луков пошли вместе ночевать к бухгалтеру мельзавода. Магнитчик сказал Сереже:

— Ваш любимый шеф — в науке зверь.

Сережа промолчал.

— Что ты хочешь этим сказать? — спросил второй геофизик.

— Только то, что звериный инстинкт — это не научный метод. Зырянов ведет себя в науке, как на порожистой реке или в тайге. Он отлично знает, что и кембрийской нефти не существует, но уверен в то же время, что лично он ее найдет все равно. В доказательство он может рассказать вам примечательный случай из своего детства.

— Зырянов доверяет своему инстинкту, но и проверяет его всеми своими знаниями, — сказал Сережа Луков. — После того плота, от которого все отказались, считайте, что он еще двадцать лет готовился к проводке лодок на Полной.

— А забавно, — сказал другой геофизик, — что именно его детские воспоминания в перерыве убедили весь коллектив.

— Это совсем не забавно! — вскипел Сережа.

— Потому что весь Черендей состоит из таких же, как он. — Магнитчик засмеялся. — Черт его знает! Я тоже поверил, что он проведет эти лодки.

ПОЛНЫЕ ПАЙЩИКИ ПЕРЕД ЛИЦОМ ИСТОРИИ

— История ответит на вопрос, кто в Черендее самоотверженно боролся своими средствами и трудами за якутскую нефть. История ответит: эвенкийская кооперация, и Затон, и колхоз «Луч», и Сельхозпромартель, — Григорий Иванович заметил ревнивый взгляд больших, серьезных глаз и великодушно приобщи́л к Истории телеграфиста Илью: — И почтово-телеграфное отделение... «А сельпо?» — спросит История и запишет: «Сельпо, которое собрало все членские взносы полностью, сельпо не боролось, к стыду и позору его потомков!»

Женщины украдкой взглянули на Акамкова за прилавком; он густо покраснел. Григорий Иванович говорил по-русски из внимания к присутствовавшему меньшинству. Но все три представленные национальности отлично понимали все три языка — и якутский, и эвенкийский, и русский. Русские и якуты одинаково одеты были в современные одежды, и, кроме национального облика, между ними не было никаких различий.

Женщины взглянули на Акамкова, но Григорий Иванович разъяснил, что приговор Истории относится к потомкам не одного председателя сельпо, а и всех полнопайных потребителей, оплативших полностью членский пай.

— Позор! — сказал телеграфист Илья по-русски; буханка черного хлеба зажата была у него под локтем, но он не уходил.

— Безобразие! — неуверенно закричал Акамков. — Ты, Григорий Иванович, пришел в нашу лавку, чтобы нас обличать?

— Пусть я пойду под суд, — сказал Кулаков, — но я даю еще на десять тысяч рублей продукции. Конечно, нам оплатят, как только привезут деньги...

— Что-нибудь пишут ему на его телеграммы? — спросила потребительница.

Все взглянули на Илью. Телеграфист помолчал и сказал по-русски:

— Государственная тайна переписки.

— Хорошего человека — под суд! — прошептала женщина, глядя с жалостью на председателя эвенкийской кооперации.

Ободренный Кулаков воскликнул:

— Черендейские потребители дадут своим детишкам до осени чай без сахару, зато с гордой сознательностью, приговаривая: «Пей, сынок!» — Голос Григория Ивановича вдруг смягчился и зазвучал с нежностью. — Пей, Черныш, пей, мой Владик, без сахару до осени, зато Якутия обеспечит нефтью оборону СССР и для тебя — сладкий чай с пирожками во всю жизнь!..»

— Надо помочь, — суровым голосом сказала женщина.

После обеда в этот день все население Черендея вышло на берег проводить свой большой флот, который оно выстроило для недолгого похода и снабдило тяглом с полной сбруей и людьми с запасом продовольствия до осени.

Солнце было в глаза провожающим, от него прикрывались рукой. Флот стоял длиннейшей линией по краю сверкающей огромной Лены.

В каждой лодке стояли два человека: рулевой на корме и шестовой на носу. Зырянов и Сережа Луков стояли на флагманской лодке. Бригада бакинских бурильщиков, подкрепленная опытными рулевыми из колхозников, составляла команду второй, третьей, четвертой и пятой лодок. Затем следовали электроразведчики, магнитчики, теодолитчики, рабочие.

Поле кратких, ввиду позднего часа, напутствий... и обещаний... сорок пять больших лодок под клики «ура» направились к устью Полной.

Год назад Василий поднимался по этой реке с Лидией, с проводником и с четырьмя рабочими. Теперь у него была экспедиция, дорогое оборудование для новейших точных способов разведки. Все это в его руках, чтобы избрать самые благоприятные точки для бурения и пробурить — одну скважину.

Василий оглянулся вниз, на огромный караван. Это похоже было на большую, многолюдную охоту, выехавшую на целый сезон — с одним зарядом, для одного выстрела по зверю. Если выстрел будет неудачный, всей охоте возвращаться с пустыми руками.

Такой охоты не бывает.

Одно попадание на промышленную нефть нормально среди десятков пристрелочных скважин.

Но первая разведывательная скважина в Якутии на кембрийскую нефть стоила так дорого, как двести скважин в Баку.

В ближайшие годы нельзя и рассчитывать на повторение этих страшных затрат... Проблема сибирской нефти зависит от первой, от единственной скважины... и будет отставлена на долгие годы в случае неудачи.

Караван остановился под большим перекатом. Пятьдесят лошадей перепрягли в три лодки. Молодой рабочий вскочил на низкорослую белую лошадку в голове первого цуга.

Восемнадцать лошадей потянули лодку, но белая внезапно зашаталась. Вязкая масса воды с силой водопада схватила ее за ноги. Всадник своим весом увеличил устойчивость лошади, но копыта срывались и скользили вместе с галькой. Галька не могла удержать огромную тяжесть потока, стремившуюся вырвать самые крупные камни из ложа. Белая лошадь в испуге рванулась вперед, оглушенная, и вырвала ноги. Вторая и третья за ней вошли в kloчочуший перекат реки и невольно сразу напряглись, противодействуя силе, потянувшей их назад с быстротою падения. Весь цуг уже вошел в перекал, люди помогали во всю глотку. Головная белая лошадь вступила в относительно гладкую воду.

Но под гладкой и внешне спокойной поверхностью выше переката вода летела со скоростью в двадцать километров. Река набирала эту скорость на протяжении последних десятков метров. Когда белая лошаденка преодолела их, весь цуг вошел в эту стремнину, а лодка на длинном канате втянулась в перекал.

Второй цуг лошадей начал подтягивать к перекалу следующую лодку.

На первой лодке Василий и Сережа яростно работали шестью в перекале, не слыша разрушительного боя вод за громовыми усилиями своей крови. Донные камни грызли бока и днище лодки. Но она прошла.

Ее привязали у берега. Упряжной крюк сняли, отвели лошадей вниз и зацепили четвертую лодку. Лошади отдыхали. Сто человек перекричали реку. Василий уже повел вторую лодку через перекал.

ПЕРЕКАТЫ, ПОЛУБОТИНКИ, ФУРУНКУЛЫ

Проводка через первый перекат заняла весь день. Дальше лошадки продвинулись на пятьсот метров по сравнительно спокойной воде. Василий лежал на ящиках и добровольно переносил незначительную, но утомляющую операцию на лице, на шее и на руках, производимую комарами.

В накомарнике нельзя лежать. Он снял накомарник, чтобы полежать, и немедленно начал обдумывать и перебирать в памяти восемьдесят структур, открытых в прошлом году на Полной и на Эргежее. Он сравнивал и выбирал, на какую из них истратить единственный заряд.

Он подумал об опыте первой проводки каравана: если перепрыгать на всех больших перекатах, то караван придет на урочище Повешенного Зайца, может быть, к зиме.

Он думал, думал, возбужденный мышечным переутомлением, комариными укусами и грозными трудностями впереди. Он должен бурить в абсолютно идеальных условиях с точки зрения науки и практики нефтепоисков, так, чтобы он сам не мог бы придаться к своему выбору ни с какой стороны — то есть в том случае, если скважина не даст нефти?.. Нет, это чепуха! Он должен бурить в таких условиях, где скважина непременно даст нефть, случайности не должно быть.

Василий распорядился на «сухом» перекате не перепрыгать всех лошадей. В лодку впрягли только четверку щугом.

— Десять человек свяжутся веревкой. Будете толкать!

Все ждали молча. Москвичи, пожалуй, не поняли.

— Всем разбиться на десятки, помогать лошадям. Кто войдет в первую десятку?

— Босиком войти в реку, которая течет по вечной мерзлоте? — сказал магнитчик. — Мне еще жизнь не надоела.

— Кому жизнь надоела, подними руку! — закричал Зырянов. Он вспомнил, как смеялся Ваня первый раз в жизни... — Видите? Никому жизнь не надоела! Никто не идет за смертью — все идут за жизнью! Против смерти, которой угрожают нам империалисты!.. Коммунисты и комсомольцы, встаньте!

Не десять, а двадцать человек поднялись с камней и лесин. Другие поглядели на них, и, сообразив, в чем дело, с колебанием, глядя друг на друга, стали подниматься все.

И десять человек связались одной веревкой и подталкивали лодку. Затем вторую, третью. Когда люди выбились из сил, другие десять сменили их.

Москвичи вылезли из лодок в своих городских ботинках и тоже усердно подталкивали, помогая колхозникам. Василий не препятствовал им сбивать обувь. Он надеялся, что грузы Меншикова скоро догонят. А пока что все-таки за счет полуботинок ускорялось движение вперед.

Но он забыл думать о полуботинках, когда лошади стали терять подковы. На пятый день пути все лошади расковыались. Вот этой катастрофы он боялся! Без подков они не могли пройти с грузом ни одного километра по гальке и осыпям. Они не могли даже вернуться благополучно в Черендей. Во всяком случае, нельзя было отсылать лошадей за подковами и потерять еще десять — двенадцать дней: это значило прекратить экспедицию, так как шел июль.

Василий велел обуть лошадей в брезентовые рукавицы, по две рукавички на копыто. А в чем будут работать люди?.. А если упустим лето? Брезентовые рукавицы тогда не помогут людям работать.

Весь жаркий якутский день пахали ледяную реку. В полдень и вечером пили кипяток с сахаром, с хлебом; этим обедали и ужинали. Континентальные ночи на вечной мерзлоте проводили в мокрой одежде, и поголовно все заболели фурункулезом. Зараза быстро распространялась по лицу, изъеденному комарами, по всему телу под неснимаемой одеждой, до ног и до пальцев на руках.

Комары неистово впивались в зудящие нарывы. Но руки были неотрывно заняты. Ни одна рука не поднималась для самозащиты. Теодолитчики угрожали, что они сойдут с ума, и Василий впрямь испугался: не выполнили бы они свою угрозу.

Сереза Луков отирал брызги с лица и под видом брызг отер слезы.

Василий нехотя обошел стоянку, прислушиваясь к судорожному храпу. Люди поели хлеба с чаем и немедленно уснули тут же, у костра. Сереза Луков тихо и настойчиво ругался, обращаясь к своим чирьям. Он пытался так устроиться, чтобы лежать не на правом боку, и не на левом, и не на груди, но и не на спине.

— Ну, что ты ревешь? — сказал колхозник жене.

А она продолжала тонко плакать. Она не отпустила его одного из дому и была единственной женщиной в экспеди-

ции, кроме Лидии. Всю дорогу она храбро помогала наравне с мужчинами.

— Пропадем!.. Детей жалко!

— А ты думала как? — тихо сказал муж. — На сенокос поехала погулять? И пропадем.

Жена зарыдала.

— Ну, что ты орешь? Замолчи! Людям спать надо, а ты орешь. Не одна пропадешь, все пропадем. Зачем привязалась? Со мной да со мной!.. Тебе и не надо было, тебя ведь не звали. Такое дело, видишь, все равно как на войне. Могла еще пожить... А меня позвали. Вот я и пошел. Значит, без меня не справятся... Ты поменьше работай, тебя ведь не считают. Я один слажу. Сиди, комаров отмахивай. Возможно, и не пропадешь.

— Все от себя руки отрывают, а мне комаров отмахивать! Ну тебя! — сказала жена и перестала плакать.

Разговор прекратился.

Василий побрел, закрывая глаза, мечтая повалиться на первом свободном местечке у костра.

Утром у бурильщиков затонула одна лодка на пороге. Пришлось разгрузить ее под водой, все разложить на берегу для просушки и чинить лодку. У нее в боку не хватало куска доски длиной в полметра.

Разгрузили все лодки наполовину, чтобы их не постигла такая же участь. Колхозники с безнадежными лицами созерцали порог.

Василий весело закричал:

— Что приуныли, ребята? Давайте купаться от нечего делать!

— Не купаются у нас, — негромко ответили ему.

— Не купаются на Лене? На такой замечательной реке?! Ну, на Полной можно. Мы же купаемся каждый день, в одежде!

— На Полной тоже заболеешь от мерзлоты.

— Так мы уже болеем! А надо умеючи купаться, чтобы не заболеть!

Василий взял берестяночку с большой лодки и понес берегом. Колхозники с удивлением и недоверием наблюдали за его приготовлениями.

Голый на берестяночке он полетел к порогу. Река во всю ширину срывалась с края твердой плиты и падала на нижний, более мягкий пласт, податливый размыву. На Полной пласты лежат поперек течения.

Василий стоял на корме лодочки-«ветки», как на крупе скачущего коня: чуть присев и пригнувшись, он вздыбил «ветку» над взбесившейся рекой. Вода подскочила и вцепилась белым оскалом в черный нос берестяночки. Еще мгновение корма касалась верхнего уступа вод. Лодка взлетела, как с трамплина, весь черный силуэт повис в воздухе и с ревом проглочен был в пене вместе со всадником. Затем в десяти метрах ниже «ветка» выскочила из вспененной пасти, полузатопленная, но еще плавучая. Василий подвел ее к берегу.

Восхищенные парни быстро разделись и вошли в kloчущую, рычащую пасть под порогом, взявшись за руки, уверенные, что сию минуту она сжует их и выплюнет в десяти метрах ниже, как вышвырнула берестянку. Но ничего этого не случилось. Под самым порогом легче было устоять, нежели подальше от него.

Половину грузов перевезли и сняли на берег и спустили лодки обратно через порог за второй половиной. Таким образом, этот порог пришлось переходить три раза всем флотом: два раза с грузом вверх и один раз порожняком вниз.

До урочища Повешенного Зайца оставалось около километра, но уже засумеречило. Василий передал по лодкам — продолжать двигаться за ним. Он запомнил с прошлого лета, что впереди оставался всего один еще серьезный перекат, и решил ночевать сегодня на острове.

Глава 15

ЭКСПЕДИЦИЮ ФИНАНСИРУЕТ ЧЕРЕНДЕЙ

Ровно напряженный, нарастающий шум предупредил о приближении переката.

Стали видны в неокрепшей темноте белые хлопья пены, взлетающие над камнями. Река опять вскипела по всей ширине, от крутой осыпи слева до отмели справа, и вся была непроходима. В узкое горло у самой отмели устремлялся наибольший поток воды, но он не успевал протащить уволоченные валуны. Они сталкивались в двухметровом горле и громоздились. Полная река со взбега взбиралась на них и переваливалась. В реке стоял желвак воды, в котором каждая капля мчалась пулей.

Пятнадцать человек впотьмах разобрали каменный остов

желвака. Они сдвинули наиболее тяжелые камни, приподняли их слагами, обвязали канатами и растащили упряжками из двух и трех лошадей. Очередная лодка ждала под порогом. Ее лошади уже заведены были наверх и по команде: «Пошли!» — нерешительно ступали в верхнем плесу, и лодка проходила в горле реки.

Очередная лодка останавливалась под порогом, потому что река успела завалить горловину, но еще не полностью, и люди опять спешили развалить ее постройку.

В половине ночи лодочный флот собрался в протоке за островом против урочища Повешенного Зайца.

Поход был окончен. Усталость была слишком велика, сил не осталось даже для радости. Но можно было уснуть, не думая об очень скором пробуждении; не думая и о том, чтобы выспаться.

Еще затемно Алексей Никифорович и трое охотников ушли в тайгу.

Утром рабочие расчистили площадку на правом берегу. Под стройными, высокими лиственницами электрики и магнитчики разложили свои ящички и чемоданы на свежих пнях, строго по прямой линии, и объявили о закладке проспекта Геофизиков. Над ящиками они возвели зеленые шалаши, как в смешном игровом детстве.

Геологи выбрали для своего лагеря «хорошо обнаженное» место — там, где берег уже склонялся к воде, и поставили четыре шалаша без всякого интереса к геометрическому порядку, — как на одну ночь, в соответствии с более подвижными привычками своей профессии.

Проспект Геофизиков, заложенный час назад, уже был достроен, когда мощный голос, неслышанный в тайге на Полной, сказал:

— Товарищи радиослушатели! Сейчас шесть часов пятьдесят восемь минут по московскому времени. Проверьте ваши часы!

И неслышанно громкое тиканье часов из неведомого подвала где-то в районе улицы Рочдельских Пионеров в Москве потрясло колхозников «Луча», и голос послабее сказал в том же радиотоне:

— Товарищи электрики! Начните работу, времени осталось мало, завтрак через час!

Шестерых рабочих Василий отрядил на строительство битумной лаборатории. Он объявил эту стройку ударной, и до завтрака молодые колхозники сумели подвести ее под

крутоверхую крышу. Они достигли этого самым простым и смелым способом: начали с кровли. Настелили ее шатром из широких полос коры, укрепили крышу меж четырех лиственниц — и здание было закончено без стен и фундамента. Но еще не было и кровли, а уже установлен был аппарат Сокслета... нельзя сказать «под крышей», но можно ли сказать — «внутри здания»? Зырянов ни на минуту не испытывал этих словесных затруднений: важно было, что лаборатория готова. Он торопился заложить анализ, чтобы получить его до наступления холодов...

Колхозники воткнули топоры и с кроткой бранью бережно уселись на свежесрубленных скамьях у душистых смолистых столов. Другие взяли миски в руки и ели стоя, не отвечая на ехидные приглашения сесть.

Москвичи оставили раскрытые ящички и вынутый из чехлов инструмент и подошли к столам, деликатно ступая в полуботинках без подметок по колючим иглам и щепкам.

Дружные геофизики за столом разбились на две партии и тоже приняли участие в бессердечной дискуссии между теми, кто еще не вынужден был стоять, и теми, кто уже не мог сидеть. Все усиленно острили за неимением более действенных средств против злого фурункулеза.

Колхозники из «Луча» особенно забавлялись тем, что Москва, слышь, глаза еще продирает! Уже солнце за полдень покатилося, а из Москвы объявили время — семь часов утра! Да еще: проверьте часы!..

— Чистые дикари! — сказал бородатый колхозник, ругая своих. — Таежное зверье, одно слово. До Москвы-то не близко. Пока вы тут на солнышко зубы скалите, задерживаете, а в Москве-то ждут от вас его.

— Неужто и солнце не скоро добежит?

— До Москвы?.. Человеку шесть месяцев по земле, а солнцу по небу шесть часов шагать отсюда, — сказал бородатый и посмотрел гордо на москвичей: и мы, мол, знаем кое-что.

Василий подошел в носках, увенчанный чирьями по лбу, как и подобало главе чирейного царства за тридцать земель, в шести часах солнечного пути от Москвы.

Начальник остановился у стола, опустив плечи, и взял кончиками пальцев миску и ложку. На кончиках пальцев у него не было нарывов.

Среди веселого общего чавканья один из колхозников приветствовал его:

— Ах, здравствуйте, Василий Игнатьевич, мы рады вас видеть! Вы цветете, как майская розочка!

Этот голос недавней ночью уговаривал жену побережь себя. Василий узнал неизвестного колхозника и рассмеялся.

— На всех веточках по цветочку,— продолжал колхозник развивать свою мысль.

Василий ходил с миской от стола к столу. И как будто никто не видел начальника экспедиции всю дорогу: каждый приглядывался и удовлетворенно убеждался, что начальник выглядит хуже его; утешался в своих страданиях и великодушно жалел Зырянова.

Освободившиеся колхозники-проводники ушли с лошадьми и лодками в Черендей и домой — в свой «Луч».

Часть продовольствия, взятого из Черендея, съедена была в пути. Следовало спустить лодки за новым запасом. То есть следовало искать Меншикова и деньги. Меншиков не ответил ни на одну из телеграмм, посланных вверх по Лене. Черендейские организации не в состоянии были добавить что-либо к тому, что уже дали для экспедиции. Но Василий не поехал. Он свалился, успев дать указания для инструментальной съемки.

Через десять дней Василий поднялся, еще очень слабый, наметил точку для бурения по результатам инструментальной съемки и велел очистить площадку, строить вышку и зимний дом для жилья, способный сохранить тепло при шестидесятиградусном морозе.

Он испугался своей слабости. На сколько времени еще затянется болезнь? Продовольствие было на исходе. Василий сел в берестяночку и пустился вниз по реке.

На второй день к вечеру он вышел на берег в Черендее. Никаких телеграмм на почте не было. Москва тоже не отвечала. Но что самое удивительное — никаких слухов не было об экспедиции, ведомой Меншиковым.

Еще сто слов начальнику Главзолота по телеграфу — и напрасное ожидание ответа.

Василий пришел в контору эвенкийской кооперации и сел мрачный, не поздоровался. Григорий Иванович тревожно взглянул на него и вышел за дверь.

Он вошел в почтово-телеграфное отделение, рядом с базой, и поманил телеграфиста Илью.

— Зырянов что-нибудь получил?

— Ни одного слова,— шепотом ответил Илья.

Григорий Иванович вздохнул и пошел на базу, через час вернулся в контору.

Зырянов сидел по-прежнему неподвижный, задумавшийся. Григорий Иванович сказал хмуро:

— Велел снести на берег продукцию завтра утром. На двенадцать тысяч. Коровка молодая пасется у меня на том берегу... Возьмешь ее.

Василий молча схватил его за руку.

— Возьмешь меня на урочище Повешенного Зайца, если не посадят, а только выгонят отсюда? На что-нибудь я пригожусь.

— Ты будешь работать в эвенкийской кооперации, как работал!

— Но будет ли нефть?

— Будет! — Василий выбежал из конторы.

Теперь, окрыленный, он поспешил на базу Золотопродснаба. Если бедная эвенкийская кооперация рискнула еще наскрести на двенадцать тысяч, то сочувствия Золотопродснаба должно хватить на двадцать тысяч по крайней мере.

Директор базы не решился увеличить кредит без совещания с партийной организацией. На собрании он сказал:

— Коль скоро экспедиция организована по приказу Главзолота, как будто бы ясно, что мы должны ее снабжать.

С этим все согласились, и директор отпустил продовольствия на двадцать пять тысяч рублей. Зырянов ничуть не удивился, что люди согласились остаться сами без продовольствия. Почему они должны быть хуже меня? Почему кембрийская нефть — не их дело?

Задолженность Зырянова Черендею достигла ста пятидесяти тысяч.

Утром он переправился через Лену и навьючил весь груз на оленей. Проводники из колхоза привели вместе с оленями Григорий-Иванычеву корову.

Караван подвигался медленно. Василий принужден был сопровождать его для охраны.

Коровку он решил держать на подножном корму до осени, а там, если тяжело будет, прирезать. Кусок свежего мяса может спасти людей зимой.

В приезд экспедиции или присылку денег он больше не верил.

САМЫЙ ТЯЖКИЙ ДЕНЬ

Весь август продолжались работы по возведению вышки. Ее основание встроено было в жилой дом, для того чтобы возможно было бурить всю зиму.

Василий проводил дни в геологических маршрутах. Он возвращался в поздних сумерках. В лагере уже готовились спать.

Но однажды, возвращаясь лодкой с Петровым, он услышал крики и песни; сразу несколько разных песен.

Василий быстро подогнал к острову. На урочище Повешенного Зайца не было ни одной бутылки вина, кроме того спирта, что в аптечке. И, однако, не могло быть сомнения: случилось нечто неправдоподобное или непредвиденное.

Из тени лиственниц на проспекте Геофизиков выступил Сережа. Он сказал виноватым голосом:

— Приехал Меншиков.

«Он привез станок?» — рванулся было вопрос и остался на языке: Меншиков не мог и никто в Черендее не мог поднять станок через пороги Полной.

— Что он привез? — тихо спросил Василий.

— Вино, — ответил Сережа совсем тихо, — а закуска наша.

— Чем же закусили? — горько спросил Василий.

— Коровкой закусили. Он приказал зарезать.

Они прошли мимо поющих людей к большой палатке, появившейся на проспекте Геофизиков. Василий откинул брезент. Сережа увидел бутылку на столе. Меншиков закусывал. Это был не очень крупный мужчина, но круглый в груди, как бочонок. Его заместитель и его бухгалтер сидели справа и слева, а Меншиков раскинул локти во всю длину стола.

Василий опустил брезент за собой. Сережа остался снаружи.

— А-а, Зырянов! — пророкотал Меншиков.

И у Сережи сжались кулаки: человек этот разговаривал с какой-то оскорбляющей благорасположенностью.

— Руку не хочешь подать? — услышал Сережа органичный бас Меншикова. — За что это?

К палатке стали подходить рабочие, подошел Петров. Подошли электрики.

— Где станок? — спросил в палатке Зырянов.

Слышно было, как жевали и чавкали три рта.

— Коровку доедают, — сказал колхозник у палатки.

— Деньги вы привезли? — спросил спокойный голос Зырянова.

Ответом было чавканье в три рта.

— Выходит, мы выпили на эти деньги? — с удивлением сказал плотник из «Луча».

— Доложите, что у вас тут сделано, — сказал Меншиков и чавкал.

Весь лагерь прислушивался к беседе в палатке, и пьяная гармоника примолкла. Зырянов, наверно, услышал эту человеческую тишину и сказал громко, для всех:

— Экспедиция терпела ужасные мучения целое лето из-за того, что вы оставили ее без палаток, без обуви, без пищи и без денег. Несмотря ни на что, мы пришли сюда. Я могу доложить, что все готово к бурению. Но вы не отвечаете на мои вопросы: где же станок и деньги? И для чего надо было мучить народ все лето? Большевики так не руководят.

— Ну, мы сейчас ужинаем, — сказал Меншиков, — а с вами потом поговорим.

— Говорить, по-моему, не о чем, — сказал Зырянов и вышел из палатки

Он лег в своем шалаше не раздеваясь, с мучительным желанием не думать. Сознание причиняло ему такую боль, что он застонал.

Чавкало по проспекту Геофизиков, по тайге над Повешенным Зайцем, над кембрийской нефтяной структурой, первой в мире.

Начальник экспедиции пришел ночью и разбудил его.

Меншиков ни о чем не спрашивал, он был пьян. Он прорычал с веселой примирительностью:

— Не барантрать, Зырянов, все в порядке. Что значит — напоили народ?.. Не напоили, а народ все лето не нюхал вина. Ты понимаешь? Не нюхал вина! Ты можешь это понять?..

— Где станок? — спросил Василий.

— В Лене твой станок! — Меншиков захохотал на весь лес.

— Где? — тихо переспросил Василий.

— В Лене! Утонул станок.

С удивлением Василий почувствовал, что он совсем спокоен.

— Деньги вы привезли?

— Нету денег! — крикнул Меншиков настолько оглушительно, что Василия словно прибило к земле этим возгласом. — Все деньги ушли на золоторазведку.

Василий с трудом сказал:

— Вы провалили нашу работу.

Меншиков пьянел головой, а на ногах стоял крепко. Он стал бессвязно выкрикивать. Лагерь просыпался.

— Что вы, молодежь? Энергичная!.. Подумаешь!.. Провалил!.. Великое дело — двести тысяч!.. Миллионы рублей на ветер ушли... Само царство небесное валится в рот!.. Наплевать... на двадцать пять пудов золота... Дарю! Партии... Могу!.. Двести пять!.. На подводах... Прямо в Цска... Обоз золота... Шуму было! Невидадь — эх!.. Конвой с Лубянки... Смех!.. Всё могу!

— Сволочь, уходи из шалаша, — сказал Зырянов.

Меншиков наклонился в темноте и страшно ударил лежавшего. Василий услышал щелчок предохранителя на браунинге. Он не успел бы вскочить. Он скользнул на спине и выбросил ногу кверху. Меншиков взревел и упал.

— Если вы сегодня же ночью, до утра, не выедете, я вас перевяжу и доставлю в милицию, — сказал Василий.

Меншиков ушел, бормоча ругательства.

Василий лег и снова уснул. Когда он ложился, он не мог не спать. Последняя его горькая мысль была о Лидии. «Пока я здесь мучаюсь, — подумал он с мужской несправедливой обидой, которая всегда ищет вину за женщиной (пережиток детской привычки обижаться на маму), — она даже не ищет нефть, я уверен, а выскивает какой-то негорючий газ... Газ! газ! Этот газ ей дороже меня!» И он уснул с возвышающим чувством кругом обиженного человека, восклицаящего: «И ты, Брут!»

Ничуть не странно, что это великодушное ко всему человечеству чувство не обмануло его. Лидия действительно искала газовый источник, запомнила его прошлым летом во время пожара.

Она выполнила все намеченные нефтепоисковые работы и могла бы уйти на Полную, как условлено было с Василием, чтобы вместе возвращаться. Но газ не давался ей.

Она согнулась над ямой до лопы в поясице, а упрямый газ не лез в бутылку через воронку и по резиновой трубке. Воронка на этот раз была из жести, с хорошо пропаянным швом и резина исправная по всей длине трубки, и тем не

менее странный газ не проходил. Он словно улетучивался сквозь жезь и резину, и вода по-прежнему оставалась в бутылке!

Сезон экспедиционной работы приближался к концу. Можно было ожидать снега. Лидия пришла в отчаяние — обыкновенное женское отчаяние, в какое случается приходиться всем женщинам; но поступают они в этих случаях по-разному.

Лидия пришла в отчаяние с утра в тот день, когда Меншиков прибыл на урочище Повешенного Зайца и приказал резать коровку. Лидия отбросила воронку с трубкой и сунула бутылку прямо в воду, встала на колени. Словить стремительную струну пузырьков прямо в горлышко бутылки можно было, конечно, пытаться и надеяться только с отчаяния. Колени заболели довольно скоро, и сначала Лидия иронически подумала о себе: «Новая столпница... — Но сейчас же со злым ожесточением: — И не уступлю святым столпникам! И да! И мои колени крепче! Не уступлю!..»

Потом она громко кричала от боли, оглядываясь, чтобы не услышали рабочие. Потом заплакала жалкими слезами телесной слабости, бессилия выполнить задуманное, исполнить желание — и рассмеялась злорадно, неожиданно представив себе, как плакали от боли древние столпники и выплакивали у бога нечувствительные коленные чашки... О чудо! Лидия перестала чувствовать колени!

У нее занемели руки. А струна газа упрямо отклонялась и неизменно вертелась вокруг бутылки; лишь отдельные неуловимые глазу пузырьки, подобные мгновениям, изредка проскакивали в горлышко. С неповторимой медленностью задерживался день, мгновение за мгновением, быть может самый долгий день в жизни Лидии, хотя солнце поздно взошло и рано закатилось.

Боржомная бутылка, полная воды, в занемевших руках не имела веса. Тем не менее бутылка старалась выскочить из пальцев. Уже не просто было удерживать ее, а надо было бороться с ней — не чувствуя рук. Страх за бутылку заставил забыть о том, что ноги потерялись и поясица исчезла совсем. Полуудушленная грудь и тяжелая-претяжелая голова висели неизвестно на чем...

«На чем же я держусь?.. И вдруг нырну вместе с этой ужасной бутылкой! И с этими ужасными пузырьками, проскочившими в бутылку!.. И весь непереносимый ужас это-

го последнего дня надо будет повторить?! Завтра?! И сегоднешний день будет не последний? Ни за что!

Завтра в Москву! Буду сидеть вот так над ямой или висеть, лежать — без колен, без ног, без поясицы, без шеи — и завтра в Москву! По Дороге Мертвецов. Мамочка! Я хочу к тебе!»

Неисчислимые мгновения этого дня непонятным образом вытеснили всю воду из бутылки. Невозможно было поверить, что в бутылке газ, — какой-то нелепый, непонятный газ. Нет, очень даже понятный день жизни, необычайный и неошутимый больше день жизни в темно-зеленом стекле — плененное и освобожденное существование Лидии заключено было в бутылке. Лидия тщательно закупорила его, замазала сургучом и легла спать пораньше, чтобы чуть свет помчаться со своим неверным пленником прямо в Москву. Василий будет очень сердиться... Но ведь газ может уйти из бутылки непонятным образом, так же, как вошел. «Мы же здесь геологи, а не жена с мужем. Мы обязаны сделать свое дело прежде всего. Одного рабочего пошлю известить Зырянова».

Она проснулась, дрожа от холода. На палатке лежал первый и сразу сухой, морозный снег. Испуганно подумала, что двое рабочих могут не защитить ее от бандитов, если нападающих будет больше, чем двое... Тогда и газ не дойдет до Москвы. Она решила не отсылать третьего рабочего. У Зырянова там сто человек. Пусть Зырянов сам позаботится узнать о жене.

Глава 17

МЫ НЕ УСТУПИМ ЭТО НИКОМУ

Василий проснулся с готовой мыслью: догнать, если Меншиков убежал. Ему не хотелось и вспоминать ночное происшествие, детский промах — изгнание начальника. Он быстро вышел из шалаша на заснеженный проспект Геофизиков, чтобы скорее взглянуть на площадь, где вечером стояла палатка Меншикова, а сейчас выделялся черный квадрат со столиком и тремя скамейками.

Он разбудил весь лагерь набатными ударами по железному листу, и, пока Сережа собирал людей на площади, Василий приготовил в лодке рюкзак со своими книгами и провизией на два дня.

Снег снова посыпался сухо и скудно на толпу, стоявшую неуютно среди внезапно очужевшей побеленной местности. Василий заговорил:

— Товарищи...— И вдруг спросил: — Все знают?

— Все,— ответил колхозник, рядом с которым стояла его жена-хранительница.

— Все понятно вам?

— Все,— сказал колхозник иронически.

— А всем ли понятно?

— Всем! — ответил он же, и никто не возражал.

— Тогда и объяснять нечего и время терять. Я поспешу догнать убежавшего предателя,— сказал Василий и, подумав, добавил: — Было бы хорошо, если бы кто-нибудь остался здесь для охраны начатого строительства.

— Я остаюсь,— сразу сказал Сережа Луков и побледнел, подумав с опозданием о Тане Синицкой.

— Что такое — ты остаешься! — сердито сказал буровой мастер Мамед Мухамедов.— Мы остаемся, бригада.

— Я тоже остаюсь! — закричал запыхавшийся человек с берега.

К собранию подбежал худой Кулаков. Одежда висела на бывшем толстяке. Выражение лица его тоже изменилось — из дружелюбно-заботливого оно переменилось в отчаянно-озабоченное. Жена колхозника прыснула, а ее муж немедленно спросил:

— С какого вы кладбища явились, Григорий Иванович?

— С того, что сняли меня,— жалобно сказал Григорий Иванович,— и еще под суд отдадут за то, что разорил эвенкийскую кооперацию. Вы, мои дорогие товарищи, вы добыли нефть?..

— Сегодня я ничего не могу обещать... Я сообщу из Москвы,— негромко сказал Василий.

— Товарищ Зырянов, но вы обещали, что мы первые добудем сибирскую нефть,— сказал Мамед Мухамедов, буровой мастер.— Мы не забыли, Василий Игнатьевич. Вы тоже не забудьте.

— Сегодня я не могу обещать ничего,— сказал Василий и охрип.

Мастер Мамед оглянулся на бригаду.

— Мы пришли сюда из Баку. Мы здесь. Мы, бакинцы, не уступим это никому.

— Правильно, Мамед,— пробормотали бурильщики.

— Остальные должны возвращаться немедленно,— ска-

вал Василий, переводя дыхание,— чтобы лишние не расходовали продукты здесь. Прощайте, товарищи!.. Заготовьте как можно больше дров и поближе к дому!.. Прощайте, товарищи!..

Григорий Иванович махал платочком, другие сорвали шапки.

Берестянка скрылась в излучине. Григорий Иванович вытер платочком глаза.

— Айда и мы теперь, Маша. Не будем расходовать у них продукты,— сказал колхозник.

Вечеру второго дня Василий вошел пошатываясь в контору Золотопродснаба к директору и спросил глухим и пустым голосом:

— Меншиков здесь?

— Здесь,— сказал директор.— Что с тобой, товарищ?

— Собери немедленно коммунистов и его вызови. Я сделаю заявление.— Он упал на табурет, головой на стол и уже спал.

Директор сделал знак не шуметь и вышел.

Он вернулся с тремя коммунистами и громко сказал:

— Товарищ Зырянов!

Все сели к столу.

Зырянов не шевельнулся. Один из коммунистов потряс его за плечо, но тщетно.

— Измучился человек. Пускай бы спал,— сказал Астафьев.

Директор крикнул:

— Станок привезли!

Василий вскочил. Никто не засмеялся. Он подумал и спросил прежним пустым голосом:

— Где Меншиков?

Директор указал рукой на жирного человека. Василий узнал его: он видел его в палатке Меншикова на урочище Повешенного Зайца. Директор сказал:

— Вот его оставил за себя.

— Что же, у него партийные дела поручены заместителю по административно-хозяйственной части? — спросил Астафьев.

— Меншиков ушел на карбазе вниз еще днем.

Василий описал все события в лагере экспедиции и заключил:

— Я сейчас же плыву вслед и буду преследовать его, чтобы он не скрылся,

— Ночью куда ты поплывешь такой? — сказал Астафьев. — Еще и упустишь его в темноте. Иди уж, поспи.

— Иди ко мне на квартиру. Чуть свет взбужу тебя, — сказал секретарь ячейки. — Кто желает высказаться?

— Ваша организация не правомочна обсуждать поведение Меншикова: он не состоит в вашей организации, — сказал заместитель.

Василий усмехнулся и пошел спать.

Чуть свет он вышел к своей лодке. На пустынном берегу возле Затона стучали топорами несколько плотников.

— Что вы тут делаете спозаранку? — спросил Василий. — Спать не умеете?

— Работаем, — ответил один.

— Это я сам вижу.

— На верфи работаем, — пояснил другой.

— На какой верфи?

— На какой — не видишь сам? На черендейской.

— Что ты говоришь? — Василий изумился. — С каких пор на Черендее верфи?

— А с тех самых пор, как для тебя, товарищ, построили подводный флот. Понятно теперь? Для нефти держим верфь.

— Нефть будет не скоро. — Василию почудилась насмешка, но никто не шутил.

— Это ничего. Нам работы хватит: буксиры строить будем.

— А там научимся, глядишь, — сказал другой колхозник, — и пароходы строить будем.

— Замечательно! — сказал Василий, чрезвычайно довольный. — Кто же хозяин верфи?

— А вот этого мы сами не поймем. Не то промколхоз «Луч», не то Черендейский затон. Не то оба вместе. Только это навряд ли возможно: Затон — государственный, а колхоз ведь — кооперативный...

Василий работал веслами до Чуранской базы. Здесь он услышал, пораженный, что Меншиков сошел с карбаза и отправился по Чуранскому тракту пешком. «Ну и смелый человек!» — подумал Василий и, бросив лодку, пошел за Меншиковым наперерез широкой таежной Дороги Мертвецов.

В Томмоте он отставал от Меншикова по-прежнему на один день по вине какой-то женщины. Меншиков хотел ночевать в Томмоте, но женщина заставила его ехать в ночь. Они сели на машину Алданзолота. Эта отчаянная женщина

пришла с Эржежа по Дороге Мертвецов и в Томмоте встрети-лась с Меншиковым. Она высокого роста, быстрая в дви-жениях, лицо полное, бело-розовое, глаза смелые и ласко-вые, и, главное, ресницами взмахивает преинтересно. А во-лосы у нее светло-каштановые... Словом, алданцам она понравилась. Василий остолбенел. Почему она уехала, вме-сто того чтобы прийти к нему на Полную?

И даже не известила, с негодованием подумал он, не пожелав высчитывать по дням, могла ли телеграмма Лидии из Томмота вчера застать его в Черендее.

Но зачем она увезла Меншикова?!

Он злился и не хотел допустить, что она просто вос-пользовалась машиной Меншикова. Зачем понадобилось ей умчаться в ночь?

Василий стоял на дороге и подстерегал машину, а ма-шины не было, и он распалялся все более.

Наконец появилась на дороге машина, и новая,— зна-чит, доедет. К несчастью, Василий не мог платить. Тем не менее он поднял левую руку — сигнал незаконного пассажи-ра, обещающий плату «налево», в пользу шофера. Машина затормозила. Василий вскочил на ходу и крикнул в окно:

— Гони, голубчик, как можно быстрее.

Шофер увидел высокий лоб и немигающий, безжало-стный взгляд. Он дал газ и впился в дорогу. Принял ли он пассажира за бандита или проникся к нему необъяснимым доверием?.. Василий соскочил в поселке прииска Незамет-ный, против конторы, крикнул шоферу:

— Жди! — и вбежал в дом.

Шофер ждать не стал, махнув на плату.

Меншикова здесь не было и Лидии тоже. Они проехали Незаметный не останавливаясь. Стало ясно, что теперь уже не Меншиков торопился, а Лидия гнала его и командовала темпом. Но почему, для чего, зачем?

Глава 18

ЛИДИЯ, СЕНЯ И САВВА В МОСКВЕ

Лидия жала, жала кнопку звонка, не боясь перепугать маму — как в детстве, но она помнила и тогда, в детстве, что мама пугалась и сердилась, и это смешило и радовало тогда... И все-таки жала, жала, как маленькая, не могла удержаться.

Ну вот — наконец знаменитый голос в сенках — юный, сердитый, обрадованный:

— Перестань сейчас же, оглашенная!

С восторженным нетерпением она готовилась ворваться в сенки, наброситься в полутьме на маму и услышать: «Прочь от меня, язычница!.. Спасите!» Особенно ей нравилось, что она — язычница...

Ринулась в дощатую теснину вслед за открывающейся дверью, набросилась, хотела обнять — и отпрянула с криком:

— Кто это?! — Не могла разглядеть, несознаваемым наитием вырвалось: — Савва?!.

Он молчал от счастья и почтительности. Но она, не слыша ответного рыка и гула, испуганно повторила:

— Кто это?..

— И Савватей Иванович, и Семен Агафангелович, и даже мама тут, и не зайдете ли вы в дом, Лидия Максимовна?

— Сеня?!. Где он? Где вы?.. — И засмеялась счастливо. — Ну конечно: он уже снимает с меня рюкзак! Скорее, скорее — дайте же посмотреть на вас, на всех! Идите сюда!

Выскочила из сенок во двор.

— Боже мой, настоящие живые Сеня и Савва! Русские жильцы...

— На маму даже не взглянула... — Елизавета Пименовна стояла в дверях, всерьез обиженная. И мелодично запищала, опережая объятия дочери, с ликованием: — Спасите!

Лидия вбежала в крохотную столовую, не снимая дорожной куртки, шлепнулась на стул и смотрела сияющими глазами. А Сеня улыбался и смотрел с такой неумелой влюбленностью, что она покраснела.

— Сеня! Я же из-за вас чуть не выронила бутылку, драгоценную боржомную бутылку, и весь результат экспедиции улетучился бы! Все мои мученья!..

— Какую бутылку? Где она?

— В рюкзаке, мама.

— Фу, напугала.

— Да ты знаешь ли, кто это? Мама! Кто эти люди!

— Нет. Не знаю. За три дня разве узнаешь людей. Ты, может быть, снимешь с себя экспедицию? И пойдешь персоденешься? Марш в свою комнату сейчас же!

— Сеня вернулся! Мама... — убегая.

И прибежала — в легком, домашнем — с тем же возгласом, с другим именем:

— Саввушка, почему вы мне больше не писали?.. Сеня, я умру, не дождавшись вашего рассказа!

— Лида, ты уже весь дом подняла.

— Ну, весь дом — это одна мама.

— Сначала покушайте, потом будете рассказывать.

— Мы всё сразу, мама! Начните с самого начала, Сеня. Вы попали в Русское жило?

— Это не с самого начала, Лидия Максимовна. Конечно, попал.

— «Конечно, попал!» Слышишь, мама? Такой же хватунишка, настоящий ученик Зырянова. Как выглядит Русское жило? Я сгораю от нетерпения!

— С парадного хода это сказочное царство. Стоит ледяная стена, и другого хода нет. Даже на самолете опасно: воздушные течения над наледью в ущелье. Влезть можно, а вылезть? Самоубийство.

Наледь втягивалась в ущелье языком, и скоро мы увидели отражение облака в воде. Самолет пошел над круглым озером, над лесом вокруг озера и чуть не прикасался крылом к шершавой стене вокруг леса.

— Труба? Воронка? — быстро спросила Лидия. — Высокие стены?

— Я не видел, неба не видно, и гор не видно.

— Взаболь, не видно неба николи, — подал осторожно голос притихший Савва, ошеломленный Москвой. — Горы заоблачные, я видел с Мирской стороны.

— В одном углу лес отошел от берега метров на двести. Полтора десятка домиков... На берегу, когда мы летели, суетились гуси, собаки, дети и взрослые. Дети голые, взрослые по-чудному одетые. У мужчин в руках луки в рост, они стреляли по самолету хвостатыми стрелами.

Елизавета Пименовна рассмеялась:

— Сказка!

— Сказка, — подтвердил Сеня. — В наказание летчики сорвали дым из труб над самыми крышами. Самолет плюхнулся в озеро, толпа с воплями разбежалась. Пилот сам удивился и сконфузился. Он не разбил самолет благодаря только небольшой высоте падения. Над озером, очевидно, был сильно разреженный воздух, но кто мог ожидать?

И вот огромная птица с ужасающим ревом, поднимая гору брызг, ринулась к берегу навстречу толпе.

Женщины и дети снова попрыгали, воины отступили за деревья.

Пилот выключил мотор и поспешно сбросил меховую куртку. Помощник сказал, отирая пот: «Фу, меня даже в жар бросило».

Пилот в насмешку: «Испугался?»

«Они нас постреляют, высунем только нос».

Пилот взял ружье: «Пару лебедей на ужин, они сразу поймут русский язык».

Тут я вмешался: «Это же русские люди, что вы, не видите?»

А по алюминию звякают стрелы.

«А вот они подырявят нам целлулоид, — сказал пилот. — Что за черт, откуда такая жара?»

Но теперь они больше всего смотрели на девушек.

«На картинках не видал таких красавиц, — сказал помощник. — Не в рай ли мы залетели, Яша?»

«Не верю, это адский агитпункт».

«Ну как, Семен?.. А ты уже до белья разделся. Останешься? Женишься здесь...»

Я сказал: «Всю жизнь мечтал попасть сюда, начиная с августа прошлого года».

«Не остри, идиот, мы за тобой не прилетим сюда».

«Письмо возьмете?»

«Иркутскому ГПУ, с жалобой на нас и с указанием твоего почтового адреса?»

«Моему товарищу в Алексеевку на Полной — о том, что меня сюда доставили-таки согласно билету...»

«Скажи, паря, может, ты убил десять человек?»

«Граждане, я польщен».

«Посмотрим, что он напишет?»

Я подал заготовленное письмо. Прочли, переглянулись.

«Чепуха какая-то, бред».

Пилот особенно злился из-за жары и духоты. Оба летчика разделись до трусов.

«Это не озеро, а кастрюля с кипятком».

«Повезем дальше».

«Но я же говорю: согласно билету!»

Но эти слова они не удостоили внимания. Делать нечего, предъявил документ, выправленный в Якутске во время нашей довольно продолжительной стоянки. «Прошу не оскорблять», — сказал я. В документе указано, что С. А. Тарутинову, орденоносцу республики, предоставляет-

ся бесплатный проезд на всей территории республики всеми видами транспорта, а также самолетом за счет СНК ЯАССР до Русского жила, на родину.

Ох и обругали они меня.

«Проклятье! — зарычал пилот. — Еще отвечать придется за несчастного зайца!»

«Но он уже не заяц, и мы не зайцевозы, — сказал помощник. — Ай да Сеня! Расстаемся друзьями!»

Но пилот спохватился:

«Ни черта не стоит твой билет. От Иркутска до Усть-Кута — это не по территории республики, и ты все равно заяц».

Но тут пилот сам вступился:

«Так-то так, а придется оставить здесь... Хотя билета у тебя нет. По этой бумаге ты должен был выправить в Якутском агентстве билет на наш рейс. Ну, черт с тобой. Бумагу твою отберем у тебя».

Не жалко, в Якутске другую сделают... если выберусь отсюда.

«Жара ударила тебе в голову, паренек, — сказал помощник. — Я бы не рискнул пожизненным заключением ради твоей идейки».

«А вы ради какой идейки залетели в эту трущобу?»

«Мы, брат, кукушечники. В гражданскую летали на гробах».

Я вижу, стали меня уважать. Говорю им:

«Если меня не подстрелят из этих детских игрушек, тогда вы сможете ночевать. У меня здесь блат. И если мне посчастливит в эту же ночь — возьмете меня с собой».

«Это справедливо, как в кукушку, — сказал пилот. — Но только ночевать мы здесь не будем, из-за жары и влажности, вредно для машины».

«Надо выяснить причину», — сказал помощник.

Помощник открыл дверцу, в самолет ворвался аж пар и влетела длинная деревянная стрела с белым опереньем и крики:

«Антихрист прилетел!»

«Матушка, Горяче-озеро, погуби! Живую свари!»

«Русские люди, бей антихристову птицу!»

Гуси, лебеди, собаки, дети, женщины гоготали, лаяли, плакали, причитали. И еще девочка кричала все время: «Это какая страсть!»

«А крылья не складыва-т! — кричал малец. — Дверца под крылом!»

«Человек в пузе у ей!..»

«Это какая страсть!» Девочка закричала мне изо всей силы: «Дяденька, не прыгай, сварисься!»

«Зачем реवेशь? Антихрист тебе дяденька. Пускай сварился бы».

«А может, не антихрист?» — пожалела девочка.

«А кто же?»

«А сам царь!.. Вишь, ладный!»

«Дура Маруська, царя-то нету больше, дяденька Миколай сказывал».

«Гляньте, гляньте, братцы!»

Из птичьего пуза спустили ведро на веревке, зачерпнули, подняли и скоро выплеснули остатки.

«Нахлебался, видно!»

«Ой, владычица!..»

Великая птица заревела гласом великим, в мегафон:

«Товарищи, уберите собак!»

Никто и не подумал убирать собак, все ошалели, услышав необыкновенный голос, да еще «товарищи» — от антихриста. Птица изрыгнула огонь с громом, одна собачка на берегу стала корчиться и подыхать. Хозяева кинулись и увели живых.

А тогда в дверце показался им одетый по-ангельски — во все белое.

«Сестрицы, шепеткбй!» — закричала та же девочка Маруся. Это значит — безумный.

Я вышел на крыло, перемахнул через воду у берега, яко сам воскрылил, — и сразу повернулся спиной к поселку, лицом к самолету. Птица же вещая возгласила громко:

«Русские люди, не стреляйте в спину, подходите смело!»

Но подошли одни мальчишки и девчонки и смелая Маруся, одна она постарше. Окружили меня на безопасном расстоянии. Белый ангел протянул им руки и стал отступать спиной к поселку, и дети за мной. Самые маленькие пленились моим светлым обличем и захотели узнать, отчего оно такое белое. Я обнял детей, повернулся к поселку лицом и пошел со всей гурьбой. Тут и Маруся подбежала и положила руку на плечо мне.

— Я вижу, Маруся заинтересовала вас, — сказала Лидия.

— А теперь скажите нам, — попросила мелодичным и

коварным голосом Елизавета Пименовна, — сколько в этом сказки и сколько вашей фантазии?..

Сеня улыбнулся. Савва пылко прошептал, удерживая голос:

— Взаболь, как есть!

Лидия вступилась за своих друзей:

— Мама, неужели ты не можешь поверить?

— Елизавета Пименовна, у вас такой молодой голос, — сказал Сеня, — неужели вам не мечтается о сказке?

— Я люблю сказки, но не мечтаю, конечно! — Елизавета Пименовна смеялась.

— Ах, любите, — значит, мечтаете!

Глава 19

ОЧЕНЬ БУРНЫЕ СОБЫТИЯ

Начальник Главзолота безмолвно и не глядя слушал гневную речь Зырянова. По правую руку от начальника сидел Меншиков и слушал с неподдельным наслаждением.

— Все? — спросил начальник и, как будто он не слышал ни слова из речи Зырянова, сказал безучастным, металлическим голосом: — Вы покинули работы на Полной, чтобы преследовать начальника экспедиции. Товарищ Меншиков спешил доставить в Москву старшего инженера экспедиции с образцом найденного ею драгоценного газа. Вы же под влиянием гнусной ревности, особенно недопустимой для коммуниста, сорвали миллионное предприятие, порученное вам. Вы будете отданы под суд.

Василий вскочил и сел. Овладев голосом, он сказал:

— Можно спросить у Цветаевой, как было дело.

— Лидия Максимовна уехала в Среднюю Азию, — сказал Меншиков. — Но будьте уверены, она даст свои свидетельские показания, которые подтвердят, что вы ее преследовали.

Василий вышел из кабинета. Горела голова. Он поднялся на пригорок Новой площади и очутился в коридорах здания ЦК партии прежде, чем подумал о своих намерениях.

Начальник Промышленного отдела пожал ему руку и удивленно задержал. Рука была очень горячая. Начальник внимательно смотрел на Зырянова и слушал его рассказ,

но только до половины. Он попросил Зырянова повременить и вызвал стенографистку. Василий повторил свой рассказ, и стенографистка записала. В это время в кабинет вошел врач и дал Зырянову термометр.

Потом врач молча протянул термометр начальнику и увел Зырянова. Через полчаса Василию дали подписать расшифровку стенограммы. Василий прочитал все, вплоть до даты, а под датой стоял еще значок температуры — t° — и цифра сорок.

— Что это значит? — спросил Василий, не подписывая.

— Это ваша температура, — сказал врач.

— Но при такой температуре мое заявление будет недействительно.

— Вы можете не подписать, а когда выздоровеете, сделаете его заново.

— Нет уж, я подпишу.

БЛОКНОТНАЯ ЛЕТОПИСЬ СЕМЕНА ТАРУТИНА РУССКОГО-ЖИЛЬЦА

Собралась вся большая семья в долгий, темный больничный вечер. Мать пряла, ткала, шила и рассказывала сон. Вся жизнь и весь свет переиначивались в ее снах, и слушать было чудно. Отец сказал: «Как это бабе привидится этакая невообразимость?»

А он думал:

«Почему невообразимость?»

Что такое? Когда не сплю, могу видеть все, что вздумал, чего и не слышал от людей, весь свет переиначу в своем воображении. Но что можно видеть ночью, когда спишь?.. Однако все мальцы и девки и взрослые могут... А я всех ворче и ловчее.

А этого мало. Еще надо мне быть как все люди, чтобы совершенно увериться в себе».

Мать Лидии оставила на тумбе синий конверт, письмо. От Лидии Цветаевой Зырянову. Письмо лежало на тумбе возле кровати, на кровати лежал Зырянов, больной. Он болел долго, тяжело, с осложнениями.

Температура иногда падала, и тогда он видел мать Лидии, Елизавету Пименовну, в белом халате, сидевшую безмолвно возле него. Раза два он видел отца Лидии, но не мог вспомнить его имени. Василий не зашел к ним по приезде — не успел и вообще не известил о себе. Но его не удивило, что они сумели узнать о нем и о том, что он заболел, и разыскали его в больничных корпусах на Ленинградском шоссе. Родители улыбались и почему-то шевелили губами. Василий молчал и не спросил о Лидии.

Пришли Сеня и Савва. Смотрели на беспамятного — а он думал: «У меня бред».

Савва чуть не плакал. Сеня показал Зырянову толстый блокнот. Василий взглянул и тут же забыл. На зеленом картоне блокнота написано было: «Блокнотная летопись Семена Тарутина — Русского-Жильца». Сеня положил блокнот в ящик тумбы, задвинул ящик. Поднималась температура. Мама рассказывала сон. В ящике тумбы лежал блокнот с письмами Сени, адресованными Зырянову. Но он не читал их. Вот эти письма.

Уважаемый Василий Игнатьевич!

14 месяцев я не писал Вам о своей жизни, за неимением бумаги или хотя бы бересты. Но Вы и не знаете об этом. Вы же не получили и тех писем, которые я написал из Русского жила, потому что они при мне остались. К сожалению, Вы даже не заметили этого...

В Якутске я купил новый блокнот. Но теперь я уже не могу описать все события за это время.

Прошлым летом я предложил русским жильцам наладить правильный колхоз. Пришлось тогда подосадовать: устройства колхоза я не знал. Но я применил свой опыт Кузнецкстроя. Разделил рыбаков на две бригады, предложил выбрать бригадиров.

Мы сосчитали всякую рыбу, сколько надо каждой семье на год, и сложили в план: 80 тысяч сельдей, 23 тысячи крупной рыбы. Это надо выловить за лето. Зимой не любят рыбачить.

Разделили между бригад и рассчитали норму вылова на день. Когда мы вывели эту норму, все стали смеяться: мало! Я сам удивился, но советовать не стал, решил подумать.

Меня выбрали председателем колхоза.

Дело в том, что они любят поиграть в кости.

В середине июля был какой-то праздник. Рыбаки с утра искупались особо основательно, зажгли восковые свечки и поздравили друг друга, родственники перецеловались. Потом бригадир сказал с укором, обратясь к деревянному образку: «Вот видишь, как мы тебя празднуем. Дай нам к вечеру хоть по двести селедок». После чего бригадой взялись за кости и весь день метали костяшки, потому что работать в праздник грех. А день был парной, тихий, рыба в такой день сама в сети лезет.

При такой-то работе и получалось у них день густо, день пусто, а к концу зимы голодно. Когда начали работать с нормой, смотрят — к обеду плановую норму выловили, а дальше что делать? — продолжают ловить, конечно. В месяце выловили годовой план. А еще рыбу куда девать? Больше не съесть, и продать некому. Надо было ограничить добычу или топить добытую рыбу в реке, что ли. По-американски.

Я даже подумал, что у русских жильцов не надо повы-

шать производительность труда. Но потом я догадался, что нужно делать.

Я предложил снять одну бригаду с ловли и поручить ей строить ледники. Русские жильцы хранили рыбу прямо на льду, навалом и кое-как закидывали битым льдом. Рыбу ели всегда испорченную. Ее и песцы потаскивали, а иногда и река смывала.

Построить ледники без железного инструмента было не легким делом. Но кое-что посоветовали старики, а молодые ребята нашлись — настоящие изобретатели, и с помощью моего кузнецкстроевского опыта работа пошла.

Чтобы не мешали праздники (что ни день, то праздник), я придумал новый лозунг: «В честь такого святого и поработать не грех!» Дело пошло.

Например, в сентябре 11-го, в день Ивана Постника, мы собирали ивановские яблочки, их еще райскими называют. На Савватия-Пчелохраниителя и на Евфимия мы убирали ульи, а на Зосиму-Пчельника мы их расставляли. И так далее.

Среди охотников есть специалисты по диким пчелам, это Агей Тарутин и двое Воранов. Я им предложил заняться культурным пчеловодством. Они удивились: «Это баловство, да и зачем, когда можно у диких брать мед?»

Пчел в тайге масса. Подростки под командой Агея Тарутина обошли всю тайгу вокруг озера и взяли на учет все дикие ульи в дуплах. Но я вовсе не намерен был ограничиться сбором дикого меда. Бригада плотников весь август выжигала дупла в колодах и наготовила 20 таких пчельниц по типу диких: потому что я сам не видел устройства настоящего улья...

Еще одну бригаду я выделил садоводов. Они сосчитали в тайге ивановскую яблоню и собрали урожай дичка и ягоды всякой: малины, смородины красной и черной. Хозяйки попробовали варить их с медом и уваривали, по моему совету. Получились настоящие цукаты. Вот был восторг! Все женщины, дети, да и мужчины помешались на цукатах.

Охотники за медом собрали его столько, что забили сотами все колоды в домах у колхозников, и притом оставили нетронутыми в тайге самые дальние ульи. В больших дуплах у пчел нашелся многолетний запас, брали из одного дупла пуда по три меду. Там был мед, усохший, засахарившийся и отвердевший в сотах.

Я думаю, что мы бы съели мед со всей тайги. Но я решил накапливать излишки меда для продажи государству или там кооперации. Не знаю, какой там порядок для торговли, но я знаю, что для покупки из СССР железных инструментов, мануфактуры, учебников и книг для ребят понадобится ответный товар. Я твердо решил освободить русских жильцов из заточения.

Ребята возликовали медом! Сразу нашелся и святой покровитель у пчел, некто Савватий,— и стало позволено брать пчел из тайги в его день — 10 октября, по моему счету.

И вдруг, представьте, объявился соревнователь у Савватия, некто Евфимий, очевидно южанин, потому что он позволял пчелам пастись до 28 октября. Агей Тарутин доверился своему Савватию и снял рой в тайге 10 октября. А Вораны переселили пчел в свои колоды на Евфимия. Я разделил пасеку пополам между святыми пчельниками, для соревнования, и поручил Савватиевы ульи Тарутину, а Евфимиевы — Воранам.

На зиму я тоже придумал работу. Плотники выжигали новые колоды для хранения меда и другие колоды — пчельница, то есть ульи, для учетверения размеров пасеки.

Бригада зимних строителей (из летних рыбаков) построила большой клуб с круглым залом и даже с круглым сводом из круглого дерева. И над куполом они подняли смешной деревянный большой шар, связанный очень ловко, тоже из круглых бревен, девятью венцами.

Я был этот день на строительстве ледника, где работа шла гораздо труднее и объект был самый ответственный. Вечером я вернулся в поселок и вдруг увидел над куполом клуба шар на короткой ножке, будто голова на толстой шее. Строители стояли вокруг здания и любовались делом своих рук.

Мне оно совсем не понравилось, похоже на церковь. Но народу нравилось, хотя церкви у них не бывало никогда, и откуда они взяли эту архитектуру — не знаю.

Как же я удивился, когда Иов Матигорец, бригадир, ответил на мой вопрос: «Ты-су велел строить клубом. Вон он — клуб. Скажешь, не клубовиден?»

Охотники зимой набили соболей. «Куда столько?» — спрашивали старые лодыри и даже бранились: «Мудрена Русь!» Но молодежь знала, я объяснил им, что соболя — это валюта.

Только самым пожилым, кому, действительно, зимой посидеть дома, была предоставлена возня с починкой сестей. Вообще, я никому не дал в ту зиму отлеживать бока. Но Вы не думайте, что это было совсем легко. Русские жильцы совершенно не понимали своего интереса. Это же курорт для лодырей! Триста лет они зевали и скучали, пока я не пришел и крикнул Русскому жилу: «Дармоед! Занежен в облака ты!..»

Теперь-то наши удалыцы толкуют не о походах за невестой, но об исходе из Русского жила в наш Мир. Мои рассказы о Кузнецкстрое, о школе, вообще об СССР раздражали ребят.

На Ивана-бражника мы открыли клуб, 20 января. Русские жильцы устроили на открытии банкет в мою честь. Микунька, прославленный глагольник, сказал глагол: «Мы думали, только бы дал господь какую едишку, а то чего еще нам!.. А ныне едим мы райскую едишку, и мы учили зариться на советную всякую небывальщину и невидальщину. Приохотились каждой вечер слушать мудреные русские сказки, и вот уже соклубились и расселись в какой клубовидной и дивной палате — и хотя великие труды приняли через твои советы, дядюшка Семен, а стали мы людьми по-советному за тобой, и наша жизнь пошла чистым праздником, пра-а!.. Для такого праздника и поработать не грех».

6 октября 1935 г.

Удивительно: на Кузнецкстрое среди наших ребят я чувствовал себя образованным человеком, а в Русском жиле мне стало не хватать знаний, с каждым днем все чувствительнее. Не хватало для работы и для сказок.

Еще летом повелось, каждый вечер набивались в избу, где я жил, и взрослые и дети. Я стал как бы лектором, и довольно лихо сказывал, а чего если не знал, это меня не оставливало.

Но оказалось, что русские жильцы обдумывали мои сказки и обсуждали между собой. К зиме они совсем освоились с новостями из СССР, начали разбираться и задавать вопросы. А мне почему-то стало труднее. То есть, конечно, я мог сочинять без запинки круглый год, но почему-то неохота появилась.

Зимой я объяснял русскую историю. Русские жильцы особенно интересовались событиями за время их отсутствия из России. Разумеется, чем дальше, тем увлекательнее. Историю революции я рассказывал много раз, а все же старики спрашивали: «Ну-ка, Семен, как побили бояр?..»

Молодежь расспрашивала о гражданской войне, и я рассказал все революционные кинокартины: «Чапаев», «Щорс» и так далее. Девушкам тоже из кинокартин, подходящее, и они ходили как потерянные всю зиму от этих киноисторий, пугали маменек.

Катя постучит в окно: «У вас в избе охто есть?» — «Пустые бабы», — отвечает Аннушка, то есть одни бабы. «А мне надо Марьянну». — «Кого тебе?.. Марью или Анну?»

Маруся хватается за шубку. «Мама, это Кармен за мной пришла». — «Охто пришла?.. С травы была Катя, да вдруг Кармен». — «Нет, я была с травы Кармен, неправильно называли Катей!..»

С травы — это значит с пеленок. Под роженицу и под младенца подстилают траву.

Родители сообразили, что сыновья побегут в Советскую Россию, а чего доброго — и дочки.

Иван Еремеевич сказал мне: «Ты-су антихрист или человек, а через тебя Русскому жилу будет конец».

«Ошибаетесь, папаша, — ответил я. — Не будет Русскому жилу конец, а со всею Русью в ладу и в помощи социализм».

Короче, весной мамыши начали переполох: Семен, дескать, уведет женихов.

Мамаши придумали высшую меру социальной защиты: женить самого Семена.

Предложили мне выбрать «красоту неизреченную», и самая активная старуха приговорила: «Не избереешь свою Маруську, зови хоть Марьянкой, то мы живого сварим тебя в озере!»

Досадно, что часть парней стала дуться на меня.

Я убежал из Русского жила 13 июня — как раз в годовщину моего прибытия. Дни и числа я «мерял» по примеру Тарутина Первого, моего праотца. Думал — понадобится для продолжения Берестяной летописи... И продолжил бы, да не на чем писать.

Проводил меня младший брат Микуньки, кажется племянш мой. Он слышал от своего батя про какой-то лаз под

Наледь, где давно была старица Теплой реки или рукав от нее. Мы не нашли старицу, но все-таки набрали на яму широкую с гладкими стенами. Может быть, и была старица когда-то. Она оказалась наглухо завалена обломками льда.

Но мы сразу увидели, что это свежие обломки — сделано недавно. Здесь должны были поработать хотя бы два человека. Они должны были отлучиться из поселка на неделю. Я тотчас вспомнил недавний случай. Два охотника, дядя Марьяны, как раз неделю не возвращались с охоты и пришли с пустыми руками, удивили всех.

Они закрыли выход мне и молодежи. Но вместе с тем они закрыли вход и возможность вернуться для тех, кто вышел: для троих сыновей началовожа и еще для одного юноши, который вышел при мне.

Уверен, что сделано с ведома Ивана Еремеевича. Старый началовож пожертвовал всеми тремя сынами, в том числе Николаем Ивановичем, для спасения Русского жила. Вот у кого сила!

Я наказал Ване сообщить втайе только удальцам, чтобы тихо раскрыли лаз, пока битый лед не смерзся намертво. Но сам я не мог ждать.

Начался раскол среди парней. Молодежь вся шла за мной, но часть поддавалась узколичным интересам.

На мне лежит ответственность за будущее Русского жила, а не только за прошлое, которое я обязан отыскать, если только существует Сказка. Когда двое удальцов сказали: «Семен, женись на Марьяне», — я понял, что молодежь от меня ждет высоких и решающих действий, но неправильно представляет их.

Жаль, что ничего нельзя было сказать Марусе. Но Ваня передаст ей.

Ваня потащил мои запасы на Край Мира. Он должен был наблюдать и в случае моего благополучного появления сбросить с Края кожаный мешок. В мешке рыба сушеная, сухой мед и цуккаты.

Я сел в лодку и пустил по Теплой, с подобающим унынием ожидая провала под лед.

Река гладко плыла между темно-зеленоватым ледником и солнечно-розовой скалой. Я сидел в лодочке, но мне хотелось встать, вытянуться и заглянуть вперед. Ледяной правый берег стал выше и круче и еще темнее, потом я увидел далеко, поперек реки, как будто Теплая делала там поворот.

У меня сильно забилося сердце, и я понял, что никакого поворота не будет.

Я торопливо разулся, не сводя глаз с ледяного тупика, и привязал сапоги-бродки к поясу якутским узлом,— знаете, который можно и в рукавицах завязать не глядя, даже из мерзлого ремня, и не затянется намертво, и не отпустит, пока не дернешь за свободный конец, а тогда узел моментально развязывается, даже намокший.

Я надеялся увидеть высокий вход в ледяную пещеру, как в железнодорожный туннель — наклонный ледяной туннель. Я до ужаса боялся водопада в темноте. Ледяной лоб спускался до самой воды. Не видно было, куда утекает река.

Она мчалась молча, туго и только перед самым упором заколебалась на одно мгновение. Водяное полотно выпукло обтянуло наклонный порог, и я увидел неожиданно пустую щель между рекой и льдом.

Лодочка прильнула к натянутой поверхности и с нею вместе тихо, спокойно и мгновенно скользнула через блик на сгибе и со ската юркнула в разрыв.

Сами пальцы сжались на бортиках. Непонятный шум сразу оглушил меня, поток темноты ослепил меня и вызвал стремительное мерцание в глазах. Я лежал на спине и прятал голову на дне лодки, я очень боялся разбить голову об лед. Я смотрел широко раскрытыми глазами и видел, как уносило меня в такое беспросветное одиночество, которое само было могилой. Я не чувствовал ни холода, ни тепла, только безвозвратное отчаяние оттого, что я бросил моих дорогих русских жильцов, которым я принес так много пользы, и они меня ценили и возвышали, и в конце концов я вывел бы их всех из вечного заточения и сам вышел бы вместе с ними и с Марьяной. Русское жило стало бы самым модным мировым курортом! Я вспомнил сразу всех голубоглазых, русоволосых русских жилищек, сказочно красивых, — Маруся Тарутина красивой всех.

Вода издавала глухой, необычайно густой шипящий звук. Я услышал придавленный свист лодочки между водой и льдом и ощутил кровлю так близко, что в пальцы проник острый страх, и я снял с бортиков руки, как бы не стерло пальцы льдом. Я подумал, что кровля возмет лодочку в воду, воздуха совсем не останется и я захлебнусь. Станным образом я почувствовал облегчение после этой мысли. Я уже устал бояться. Я глубоко вздохнул, набрал воздуха полную

грудь и с бессмысленной уверенностью подумал, что все обойдется отлично. Мне даже показалось, что и лодка летела уже не так быстро.

Теперь я догадываюсь, что оттуда река потекла полого. В том месте кровля действительно опустилась к самой воде, а над пологим течением поднялась, но дальше опять опустилась — и я опять почувствовал угнетение и страх, но через две секунды вылетел под открытое великолепное небо. Я моментально сел и увидел со всех сторон просторную, зеленую, солнечную землю и услышал крик, обращенный, может быть, и ко мне. И здесь я испытал самое сильное впечатление, потому что кричал единственный в мире голос Николай-Иванычева бати.

Он гремел над рекой и над равниной, отбиваясь от Наледи:

— А ну-ка, чалься к нам!

7 октября 1935 г.

На правом берегу сидели три фигуры. Они вскочили, но солнце стояло за ними, я не мог рассмотреть их черные лица. Я повернул к берегу с ликованием, не подумав о возможной опасности от этих людей.

Я услышал сверху, с обрыва Наледи, тонкий голос Иванушки:

— Саввушка!.. Саввушка!..

Одна из фигур на берегу запрыгала и закричала:

— Сеня!.. Ура!..

Я догадался, что это — Джазик, и узнал в маленьком Дубочка, а третий был незнакомый.

Это и был брат Николая Ивановича, только не батя, а младший — Савва.

Он хотел идти в Русское жило, но я сказал, что лаз через промоину завален основательно. Савва очень удивился.

Я рассказал положение в Русском жиле со старухами, с женихами и невестами. Савва стал хохотать, а под конец пригорюнился и сказал, что, видно, не судьба ему жениться.

Иванушка сбросил мой мешок.

У ребят запасы кончились, ихние собаки были прехудые, моего запаса ненадолго хватило бы. Нам приходилось ждать 4—5 дней по крайней мере, пока удалыцы привезут или принесут запас провизии.

Мнение Саввы было, что лучше прожить лето в Русском жили, а в дорогу зимой. Он спросил:

— А где же Берестяная Сказка у тебя?

— Она же изгнила, Берестяная летопись пропала,— указал я.

— Никуда не делась,— сказал Савва,— в Сухой стороне бережется.

— Ты знаешь где?..

— Знаю.

— Савватей Иванович покажет, где она! Он обещал! — воскликнул Джаз.

— Тогда я согласен вернуться в Русское жили,— сказал я.

Савватей промолчал. Ему хотелось войти в Русское жили, где он не был несколько лет. Ему хотелось увидеть мать. Он спрашивал Иванушку о ней. Иванушка кричал сверху, что мать крепка, и поспешил рассказать о том, что ему самому было интересней:

— А у нас удальцы смеются при бабах: мол, на семь лет уйдем от вас, говорят.

Савве опять пришлось удивиться: почему на семь лет?

Меня это рассмешило. Удальцы собрались в былинный семилетний поход не знай куда — из XVI века в школу-семилетку, добывать не знай чего — семилетнее образование!

Последний человек буду, если оставлю этих ребят в XVI веке! Легче мне самому остаться с ними.

Я объяснил Савве мое намерение взять ребят с собой, и он это не одобрил. Это неправильно.

Во-первых, это вызовет недовольство старых и малых, всех русских жильцов. Осиротит стариков.

Во-вторых, многие девки останутся вековушками, жалко их, и всему Русскому жилу ущербно.

В-третьих, самим удальцам придется на Руси нелегко без привычки.

А хорошо бы привести учителя и устроить школу в самом Русском жили.

Это была замечательная мысль: надо освободить русских жильцов и вывести из XVI века вместе с родным жилим, а вовсе не так, чтобы обездомить их. Они когда-то убежали из Руси, но Россия уже давно взяла их к себе, и не надо им никуда ходить, надо только объясниться с Россией.

Я предложил Савве почетное место равного товарища в бригаде Верных.

Он подумал и сказал, что поможет нам доставить Берестяную летопись государству для научного изучения и вечного бережения.

Потом он сказал, что пойдет с нами на все.

Я попробовал дать указания Иванушке, но сорвал голос, и мне пришлось отойти подальше и зажать уши. Удивительный голос, но еще удивительнее, что существуют два брата с таким голосом и третий такой голос у папаши.

Я слышал распоряжения Саввы сквозь ладони слово в слово: чтобы удалыцы доставили провизию, а сами и не думали уходить из Русского жила. Мол, Сеня под охраной Саввы отправляется добывать заветную школу-семилетку...

Я закричал:

— Скажи, чтобы открыли лаз!..

Савва махнул рукой Иванушке отправляться и сказал обиженно:

— Назвал ровней, а считаешь дурнем.

— Но я не понимаю!

— А ты доверяй ровне. Не все догадки в твоей голове.

— Извини, пожалуйста, и объясни.

— Берестяная Сказка не в Русском жиле,— сказал Савва.

8 октября 1935 г.

Савва изготовил три факела из шерсти, смоченной в рыбьем жире.

Женя и Ваня остались с собаками на Теплой.

Мы переправились через Теплую и с большим риском поднялись на каменные скалы почти под самое облако. Там можно и выше подняться, но спуститься в сторону Русского жила все равно невозможно.

Метров сто мы шли по широкой самородной лестнице, очень внушительной, с просторными, неровными ступенями из светло-желтого шершавого камня. Округлые обрывистые ступени напоминают волну. Приходится сделать несколько шагов на площадке каждой ступени до следующей. В общем, это похоже на быстро намерзающие наледи. Внизу лестница пологая, но кверху становится все круче и немного заворачивает, как обыкновенный поток с горы. Ступени сужаются и укорачиваются.

Наконец мы вошли в дыру, из которой вытекла эта лестница.

Мы зашли с факелами и спустились довольно круто в длинную пещеру в виде просторной трубы с некруглыми стенками. Там было сухо и тепло. Эта пещера слепая. В конце ее мы нашли сундук деревянный, большой. Я даже испугался: как мы его утащим? Сколько же человек сумели втащить его сюда?

Савва сказал с хвастовством:

— Надо уметь воровать, но главное дело — надо уметь спрятать. Я один принес его сюда.

— Зачем?.. — Я был поражен.

— Озорной был... — виновато сказал Савва. — Позабавился. Спустил в промоину — сам сверху смотрел. Потом сам за ним. А назад не поднять! Испугался... Засунул сюда и удрал в Мир.

Мы подняли крышку.

Могу сказать, что испытал в своей жизни счастье кладовщика, который нашел свое сокровище.

Но копать от факелов сыпалась на черные бересты, я спохватился и опустил крышку. И так я закрыл сокровище от своих глаз и перестал его видеть. Но я клянусь, что я видел Берестяную летопись всю.

На другой день мы вернулись с ящиком к Теплой. Мне очень хотелось посмотреть еще раз на бересты... но я не позволил себе, к несчастью!.. Мы упрятали ящик в кожаный мешок, завязали его и укрепили на нартах, которые повезем сами.

Через три дня наверху появились семеро удальцов с дикими криками. Они сбросили кожаные мешки с провизией. Савва разъяснил им наши намерения, и мы пошли.

На ледяной горе стояли семеро и смотрели вослед нам, пока не заслонились горой.

Собаки волокли двое нарт с провизией и другими вещами, а третьи нарты с сундуком тянули мы сами, сменяясь.

Собаки съедали изрядную часть нашего запаса сухой рыбы. Мы пошли нарочно кружной дорогой, чтобы попасть в оленеводческий колхоз. Там мы сменяли собак и нарты на оленей. Мы перевыючили весь груз на оленей и даже сундук в мешке. И опять я не заглянул в сундук.

Оленеводческий колхоз очень интересный. Он выпасает своих двадцать тысяч оленей в горах. Колхозники живут поселком на «Полянке, где девушки играют»; — по-якутски это «Кесь-Тюнюрен».

У них настроены обыкновенные землянки на деревян-

ном острове. Но молодежь уже начала строиться по-русски. И вот смешная картина: молодые живут в хорошей русской избе, рубленной по всем правилам, даже с большими окнами (в которые вставлена, конечно, льдина зимой). А против избы остается прежняя землянка, и старики не желают выходить из нее, привыкли! И не нравится им в светлой избе!

Все, кто был дома, вышли поглядеть на нас, приезжих. Вдруг Савва сорвал бердану с плеча. Секунда — и он убил бы человека. К счастью, я узнал Николая Ивановича и бросился между ними в тот момент, когда Савва спустил курок. Савва сам успел дернуть бердану кверху, чтобы не убить меня, и пуля только пробила на мне шапку. Савва испугался, а я рассердился.

— Это что за хулиганство! Твой брат теперь один во всем мире помнит наизусть всю летопись. Может быть, без него не удастся ее разобрать!

Савва заорал так, что горы загремели и все население в колхозе затряслось:

— Не брат он мне, душегуб он! Сатана его выручил из погибели, — и так далее.

Женя коротко объяснил мне, что на дороге кто-то рассказал про бандита Меншика и Савва признал Николая Ивановича. Я сказал:

— Все равно не дам убивать его, пока не запишу с его слов всю летопись. А кроме того, не допущу самосуда.

— Ты совсем как Василий Игнатьевич! — воскликнул Женя в каком-то телячьем восторге.

Николай Иванович как будто нисколько не удивился поведению Саввы, но зато чрезвычайно поражен был моим заступничеством.

Он ходил за мной как привязанный. Я даже подумал, что он прислушивался к моим рассказам о Русском жили. Потом он даже спросил с осторожностью, все ли живы там...

Я расхохотался и без стеснения разоблачил его мысли о моем будто бы поручении показать «воров» Русского жили. Я сказал, что его батя — «антисоветский элемент» и настоящий вредитель.

Николай Иванович не мог этого понять, но Савва вспыльчиво разъяснил ему, что Сергею, должно быть, выгодно пособлять врагам нашим и не он ли бандит Меншик. Николай Иванович задумался и только спросил, насмешив нас всех:

— Но как же так: выходит, что батя Сергей Иванович — бессовестный человек?..

Я спросил — вспомнил разговор на станции:

— Какие дары батя отвез царям?..

Николай Иванович не ответил.

Николай Иванович прожил в оленеводческом этом колхозе больше полугода и уже стал членом правления.

На другой день утром рано, до завтрака, Николай Иванович ни с того ни с сего вдруг поклонился мне низко, при всех, и заявил, что согрешил в мыслях против меня и моих товарищей и желает очиститься исповедью, как перед смертью. Коротко говоря, он рассказал нам длинную историю (вот любитель длинно рассказывать!), начиная со встречи с батей на станции за Байкалом.

Я ему поверил ведь в каждое слово. Он еще на Байкале произвел на меня впечатление человека, не умеющего соврать. Он тоже слышал про бандита Меншика, и это — батя Сергей.

Николай Иванович повеселел и стал спрашивать меня о Русском жиле еще более подробно. Признаюсь, я похвалился нашим колхозом «XVI век». Николай Иванович сказал:

— Вижу нарушения устава в твоём колхозе. За это тебя по головке не погладят.

Меня возмутило это до глубины души. Какой выискался знаток колхозного устава! Я сказал:

— Иди-ка ты в Русское жило и выправляй все по уставу.

— И пойду! — заявил Николай Иванович с запалом. — И выправлю.

Савва с удивлением посмотрел на брата:

— Где ты, Николай, прыти набрался?.. Всю жизнь тишайшим слыл.

— Мышь в одной шерсти не бывает. Человек тоже, — ответил Николай Иванович с недовольством. — А ты шальный был и остался. Тебя в Русском жиле хватились, и как раз пропала Берестяная Сказка. Не твое ли озорство?

Тут я подошел и сильно ткнул Савву в спину, чтобы молчал про сундук.

9 октября 1935 г.

Через три месяца мы пришли в Якутск.

Николай Иванович привел нас к своему знакомому якуту Никульчану. Это хороший человек. На другой день мы

четверо пошли в ЦИК, но по дороге Николай Иванович остановился у дома уполномоченного ГПУ и непременно пожелал его увидеть. Оказывается, он с ним давно знаком. Уполномоченный даже обрадовался Николаю Ивановичу и с нами вместе пошел в ЦИК.

— Вот это? — спросил он, потрогав сундук на олене, и мы поняли, что Николай Иванович рассказал ему про бересты; а как он выщупал в мешке и угадал ящик — сундук Берестяной Сказки? И нам ни слова! Вот вам бесхитростный Николай Иванович.

Председатель ЦИК выслушал нас и сейчас же вызвал директора научного Института истории и языка. Мы внесли сундук. Собралось еще несколько человек, зашел председатель Совнаркома, и мы открыли сундук.

И все увидели, что он полон черной трухи и серой пыли, и все стали чихать.

А Николай Иванович встал на колени у сундука и, сложив ладони, заплакал.

Председатель Совнаркома схватил меня за плечо и воскликнул:

— Успокойся! Садись!

Но я не сел.

Они меня утешали, а директор института сказал, что бересты в сырости сбереглись бы еще тысячу лет, а высохли — и рассыпались в пути от потряхивания. Их нельзя было вовсе трогать из пещеры. Я должен был сообщить институту, они послали бы экспедицию с опытным специалистом.

Таким образом, Берестяная Сказка погибла из-за того, что я ее нашел. Я погубил историческое сокровище.

Если бы меня тут же поставили к стенке, я немного успокоился бы, но они стали меня утешать вместо того, чтобы расстрелять. Этого я уже не мог выдержать и разревелся первый раз в жизни, и не важно, что при ЦИК, и при Совнаркоме, и при геппеушнике, но важно, что при моих ребятах. Глядя на меня, захныкал немедленно Джаз, а Ваня отошел к окну.

А тогда Савва уселся на пол, прямо в пыль от истории его родного Русского жила, и по-богатырски заревел.

Почти половина правительства утешала нас, но напрасно, если бы не помог Ваня. Он подошел сначала к Савве и молча сделал ему легкий нокаут. Потом он приблизительно таким же приемом переключил мои душевные страдания на

физические. Женя, благодаря своей быстрой наблюдательности, обошелся без Ваниной помощи.

Хотя это далеко не было расстрелом, но мне стало не-много легче.

— Что ты делаешь, разбойник? — закричал председатель ЦИК, увидев, что в это время директор научного института зачерпнул большие пригоршни трухи из сундука и высыпал прямо на роскошный ковер.

Опять он запустил руки в сундук и вынул целехонькую черную бересту и опустил ее на красное сукно стола бережно, как птенчика. Все бросились к столу, но директор оградил дрожащими руками бересту и закричал:

— Не прикасайтесь к ней!

— Ничего не написано, — сказал кто-то.

— Сплошное письмо! Великолепная сохранность! — закричал директор института.

Он сказал, что в сундуке может быть много целых берест. Они спаслись в трухе, которая просыпалась между ними и амортизировала для них тряску.

Ящик закрыли, все повеселели, нас усадили за стол, и председатель ЦИК предложил мне рассказать о Русском жиле. Меня слушало довольно много народу, потому что все время заходили разные люди, наверно члены правительства, и оставались слушать.

Я продемонстрировал им Савву и Николая Ивановича в качестве живых, только чуть подержанных в советских руках экспонатов из Русского жила.

Но я шепнул Савве, чтобы он показал натуру, — и Саввушка подкинулся таким XVI веком, какого я не видел в самом Русском жиле. На вопросы он отвечал чистым языком Берестяной Сказки. Директор института хотел залезть ему в рот. Председатель оглядел собравшихся и сказал, что можно принять постановление. Обратился ко мне:

— Какие предложения имеются у докладчика?

Так я узнал, что был докладчиком на заседании ЦИК.

Я предложил немедленно послать в Русское жиле учителя с учебниками, тетрадями, карандашами, перьями, чернилами.

— И шпаргалками, — добавил гепеушник.

Но я сказал, что в Русском жиле не будет шпаргалочников, русские жильцы абсолютно не умеют обманывать.

— Ой! — сказал уполномоченный ГПУ. — Тогда пошлите меня туда, дайте отдохнуть и чекисту.

Еще я предложил послать представителя торговли с товарами.

— Ему будут платить копейками и денежками Ивана Грозного, — сказал чекист.

— Ему будут платить пушшиной и медом, — сказал я и посадил уполномоченного.

— Сколько меда? — спросил кто-то насмешливо.

— Тонна будет, — сказал я честно, хотя думал, что меня осмеют за такое малое количество.

— Что? — воскликнул нарком торговли. — Тонна меду?

— Потому что не было посуды, — сказал и поздно спохватился, что врать отвык в Русском жилие. Надо было сказать: две...

— А какая пушнина? Сколько ее?

И опять я с тоскою сказал правду:

— Сто соболей и еще всякие песцы там, что ли.

И опять нарком повторил за мной странным тоном:

— Сто соболей?..

— Никитин, — сказал председатель Совнаркома, — кажется, товарищ Тарутин выполнил для тебя годовой план?..

— Нет, — сказал я сразу, как русский жилец. — Я только председатель колхоза «Берестяная Сказка» в Русском жилие. А выполнила план артель, охотники все.

Сам не знаю почему я вдруг переименовал название колхоза «XVI век». Предложения обсудили и приняли со многими добавлениями. Каждый выступавший начинал с того, что хвалил меня, и в заключительном слове я сказал, что надо отметить большую заслугу Николая Ивановича Меншика, который доверил нам тайну Русского жила.

— Теперь, какие предложения у вас, товарищ Тарутин, относительно вас самих и ваших товарищей?

— Мы все хотим учиться, — сказал я, и первый раз в жизни у меня задрожал голос. Вдруг я почувствовал необыкновенный страх и стер пот со лба. Неужели сейчас исполнится моя мечта? Отец ведь сам учил меня, я не был еще в школе, даже начальной, первой ступени.

Но с ужасом и с твердостью я сказал:

— Хочу стать ученым и отработать науке... за то, что патворил.

— Ах, молодец! — воскликнул директор института.

— Удалец! — рявкнул Савва, и все в испуге замахали на него руками и позатыкали уши.

Я сказал:

— Товарищ Дубинин хочет стать инженером и строить тракторы для Якутии. Но я не знаю, надо ли это ему, потому что он поэт и сочиняет замечательные песни и сам поет их.

— Мы его послушаем после заседания, — сказал председатель.

— Товарищ Петров хочет стать доктором почему-то. Товарищ Меншик хочет... То есть мы, его товарищи, хотим, чтобы он тоже учился, и он согласен.

Председатель поднялся и сказал:

— Правительство республики примет на свой счет ученье всех вас. Вы поедете на рабфаки. ЦИК объявляет благодарность товарищу Семену... Ваше отчество? И фамилия?

— Тарутин Русский-Жилец, — ответил я вдруг, сам не знаю как.

— Интересная фамилия. У вас паспорт при себе есть? Покажите, — сказал секретарь, взял у меня и сказал: — У вас в паспорте не так...

Председатель продолжал диктовать проект постановления:

— ...Тарутину за его научный подвиг, увенчавшийся открытием замечательного уголка нашей страны — Русского жила и ценнейшего исторического памятника — Берестяной летописи, которая может по-новому осветить историю появления первых русских поселенцев в Якутии.

Тут он помедлил и продолжал так:

— По случаю этого открытия изменить фамилию Семену Агафангеловичу и впредь именоваться «Тарутин Русский-Жилец».

И это мне понравилось больше всего. Потом они отметили мою работу в Русском жиле и объявили благодарность всем Верным за содействие открытию и доставке Берестяной Сказки в Якутск.

Потом все аплодировали, и мне стало еще горше от мысли о погубленной мною самим... Эх! Что говорить. Надо сделать что-нибудь очень большое, чтобы... Но хватит болтать об этом.

И вот, Василий Игнатьевич, я надюсь увидеться с Вами в Москве!

Семен Тарутин
Русский-Жилец.

1936 год

ВАСИЛИЙ ЗЫРЯНОВ ИДЕТ ПОД СУД

Глава 1

БОЛЕЗнь И ДЕТСТВО

Поднималась температура, мать рассказывала свой сон, потом спросила:

— А ты что видел?

— Ничего не видел.

Но я вижу — это же снится мне. Это же детство — а я уже взрослый. Кажется, я в больнице... Я сознаю, что я в больнице. Значит — не сплю. Опять это не сон.

— Что это за человек растет, который не видит снов! Надо его отвести в монастырь.

— Нет, нет, не надо меня в монастырь, меня не за что в монастырь. Знаю, что такое «монастырь». Хозяйственники называют «монастырь», а это — тюрьма.

— Многих наших героев царско-помещичья и кулацкая власть отправила в Соловки, — сказал дядька-большевик.

— А вылечили монахи? — вдруг громко я спросил, и все, кто были в избе школы, засмеялись над подростком в огромной меховой шапке.

Вася покраснел, пот выступил под меховой шапкой. Но большевик взглянул с одобрением и ответил:

— Залечили многих. Насмерть. А кого не залечили, тот уж не выздоровел, нет!

— Одумайтесь, православные! Не слушайте антихристовых послов, как брата против брата, на кровь...

— Гоните кулака! — закричали лесорубы.

Пораженный Вася смотрел и слушал всею душой. Знает ли, не все люди одинаково мыслят? Вот бы у кого спросить!

Он смеялся от счастья, и многие смеялись над выгнанным кулаком. Большевику можно думать и говорить обо всем! И вдруг Вася громко спросил:

— Дядя! А большевики видят сны?

Навалившиеся сзади стукнули его по затылку, но большевик и на этот раз ответил складно:

— Господа пузатые мироеды нынче видят страшные сны. А трудящемуся человеку не до снов, сам знаешь — рад бываешь выспаться.

— Вот правда же! — радостно воскликнул Вася и спросил смело: — С какого года записываете?

Дядя сказал, что он может записаться в Союз коммунистической молодежи в своей деревне, и спросил Васю о его отце. Вася не успел — за него сказали сереговские лесорубы:

— Этот парень — самый знаменитый лоцман и самый молодой из лоцманов.

Народ наслушался и ушел. Приезжие два большевика велели Васе уйти. Он упорно стоял, сказал:

— Не все ушли.

— У нас будет партийное собрание. Останутся только члены партии большевиков.

— А завтра будете говорить? — спросил Вася.

— Завтра утром мы уедем в другую деревню.

— Дядя, поезжайте в нашу, — попросил Вася и отвернул ладони вежливо назад, а плечи его убедительно опустились, и он просительно поглядел снизу вверх на дядю в солдатской одежде. У дяди было простое лицо, не толстое, и глаза как у лодмана — вникающие. Дядя совсем просто рассмеялся. Вася сказал:

— Это близенько! Вам не тяжело будет! Я сам отвезу вас, вы только сидите в лодке!

— Ладно, так и быть, поедem в твою деревню.

— Не обманете?.. А то у нас Союза молодежи нет!.. А у нас комбед — Власий Попов! А в сельсовете жгут бумаги, что вы шлете...

— Не обманем. А ты вот что: собери сам ребят и девчат, поагитируй и организуй ячейку Союза. Сумеешь?.. Утром встретимся на берегу.

— Сумею! — воскликнул Вася и побежал на берег, к утру. До берега было близко, а до утра далеко, Вася не задержался на подробностях и, пропуская целое лето и часть зимы, сразу объявил Попову Власию устную повестку явиться в комбед сей же час.

А Попов приказал сопляку Ваське отнести комбеду такой ответ: что-де Влас не пожалеет всыпать заряд соли всем комбедовцам, кто пожелает прийти к нему за хлебом за солью.

А Ваня, двоюродный, живо зарядил дробовичок и сказал нетерпеливо, сдерживая радость:

— Айда!

Буйно хохотали от радости двое ночью в лодке посреди замерзающей реки. Можно было учиться ночами напролет. В углу топилась железная печурка, вечно бурлил кипяток, всю зиму чай был густой — Вася клал в чугунок осьмушку чаю, пятьдесят граммов. Когда глаза слипались, он выпивал стакан чаю. Сахар у него тоже был, и, кроме того, был хлеб. В лавке Госторга этого хватало, и заведующий разрешил, потому что сторожка считалась круглосуточная. Сторожеванье было спокойное, Вася сымал с себя лишнюю одежду в жарко натопленном уголке лавки, чтобы зря не изнашивать, и впивался в книгу и всеми помыслами — в берега начального знания. Берега медленно и неограниченно расходились впереди, извилистые берега истока многослойного знания. Иван Андреевич взял Васю за ухо:

«Пользуйся, брат, революцией, учишься грамоте и приходи ко мне в Горную академию, я расскажу тебе о нефти все, что знаю сам». Действительно ли слои непрерывны, бесконечны?.. Так хотелось, чтобы они связались в единый узор. Но вдруг, под утро, они круто уходили под урез сознания, и Вася беспamięтно засыпал от усталости, причиненной познанием.

И вышел на площадь перед сельсоветом царский полный генерал флота и член императорской Академии наук, сказал вымываньям:

— Кто из вас знает математику?

Комсомольцы притаились, и Вася промолчал.

— Кто из вас имеет высшее образование? — спросил всемирно известный ученый, по-деловому спросил, без обиды. Но лесорубы насторожились, потому что боялись издевательства.

— Кто имеет среднее образование?

Но Вася не знал, что такое среднее образование. Ученый сказал:

— Всякий должен знать, чем и как обеспечивается безопасность корабля в плавании. Главнейшие понятия и выводы, достигнутые вычислением и расчетом, мы постараемся изложить вам. Вы сумеете сами проверить эти выводы, когда научитесь делать все вычисления. А пока что вам придется принимать на веру.

Один из экспедиторских крикнул ему:

— Смотри! — облил нефтью камень и зажег, камень загорелся.

И Вася поехал в Ухту с уполномоченными от кооперации за керосином или за нефтью. В Ухте он увидел нефтяные промыслы. И чтобы понять эти бреды, или сны, или бессонные больничные мечтания о детстве, надо знать, что хмурый Игнат Зырянов рано ушел со старшими сыновьями к верховьям Выми заготовить сено для лошади и для коровы, на месте будущей рубки леса. А пока Игнатий и некоторые другие лесорубы косили на лесных делянках и осматривали деревья, кулаки назначили Власия Попова комбедом.

Дома косила мать и сама ставила стога. Траву косить — это удовольствие.

Она и на все остальное находила время: напрясть, и наткать, и пошить, и помыть одежду. Она и ночью не знала покоя. Весной она вспахала и посеяла, после сенокоса

са сжала рожь и заскирдовала. Пахать и сеять на Выми — дело женское. Эти ее дела не касались мужчин.

Дело мужчин — уйти в сентябре с ружьем за сотни километров, по топким болотам целыми днями гоняться за зверем, в зимнюю стужу стрелять белку и поднимать медведя. Спать в курной избушке, в шалаше из веток, в декабре притащить в свой дом добычу. Тут же и уйти обратно в лес — на рубку, до весны.

Пока светло, валить лес и зачищать от сучьев, от коры. В сумерки возить, дотемна. Поспать и опять возить, до рассвета, а тогда опять валить и возить — чтобы успеть штук восемьсот деревьев свалить и вывезти на одной лошади!

Вот это — мужское дело. Геройство! А больше всего нравилось Васе лоцманское занятие.

Стой или сиди на помосте, созерцай и думай о том, что видишь. Думай! На лоцманской работе думается легко.

Но мужское дело такое, что надо и от самой тяжелой части не отказываться.

Игнат с большим опозданием вернулся с сеюкоса, и сразу мать встретила досадой:

— Кору не привез?.. А что будем есть? Комбед Влас Попов тебе даст? У тестя из амбара выгребет для тебя.

— Привез кору, ешь, — сердито сказал Игнат, и мать примолкла от огорчения.

Игнат не понял, что такое комбед, но он хорошо знал, кто такой Власий Попов, зять первого кулака. Мать рассказала: приезжал «оратор», толковал с людьми, какие были дома. Сказал, что скупщики-торговцы обирают охотника и держат в неоплатных долгах. Один старый охотник подтвердил ему: «Нет долгов — беличья шкурка десять копеек; есть — тогда отдавай за восемь копеек. А как охотнику быть без долгов, когда они тянутся от прапрадеда моего? И возрастают по особым процентам...»

Кулаки и скупщики послушали и велели выбрать председателем комитета бедноты Власия Попова.

Глава 2

СВЕТОПРЕСТАВЛЕНИЕ

И думали вымывайлыцы, хочешь не хочешь, день за днем и даже ночью учились думать. О самом неммыслимом.

Дядька-большевик научил старших Васиных братьев

и еще несколько человек устроить партийную ячейку. Они взяли в свои руки совет и комбед. У младших не было устава Коммунистического Союза молодежи, и они назвались Союзом молодых коммунистов. Над ними посмеялись, оттого что Митька пришел домой зареванный: опять не взяли из-за малолетства.

Но Митька не отчаялся. Он по примеру братьев организовал сам ячейку под классово четким и общепонятным названием: «Союз-комбед против пузатых». У него было гораздо больше членов и сочувствующих, чем у братьев и у Васи...

Вася с двоюродным Ваней, которому исполнилось семнадцать лет, ходили на пасмурном осеннем просторе деревенской улицы, и желтоволосый Митька, одиннадцатилетний, старался шагать по-взрослому рядом с ними.

Шли, поглядывали на окна вверх по-над поленницами дров, притиснутыми к бревенчатым глухим стенам. Из иной избы выходил приятель на всяческое крылечко и спускался с двухэтажной узкой лесенки. Они стояли некоторое время, беседуя, и Митька тоже старался вставить свое слово. Потом приятель возвращался в избу, а они шли дальше, и Митька, чудака, не отставал по слякоти.

Вася рассказывал о том, как сумели счетоводы, знакомые ему в конторах, научиться грамоте, — один у другого. За деньги, понятно! Потом отдавали из жалованья, с процентами. Но у Васи отец отберет весь заработок, не позволит платить за ученье.

— А давай в Усть-Сысольск?.. Как-нибудь проживем и учиться будем. Сказано — свобода! Значит, и учиться можно...

— Да, свобода! Это солдатам свобода от войны вышла. А нам какая может быть свобода — от работы?.. От корма? — сказал Вася хмуро.

— А может, и есть свобода какая-то в России, да в нашем Совете пожгли ее?.. — сказал Ваня. — Вот бы прочитать, что они пожгли!

А легкомысленный кудрявый Митька чинно шлепал по жидкой грязи разбитыми лапотками и жалобно выкрикивал, что он тоже хочет учиться и тоже хочет свободы бежать с ними в Усть-Сысольск.

Отец, раздраженный безнадежностью заботы, стал ревок и груб в семье. Его тем более сердили мечтания сына

о грамоте и возмущали ребяческие расспросы о нутре земли и тому подобной забаве.

— Ты теперь лоцман, — сказал отец.

— Известный на всей Выми, — прищемил старший брат.

— Забудь баловство, — сказала мать.

Скоро Митька доказал, что не напрасно посещал собрания Васи и Вани и подслушивал в ячейке у собственных братьев-большевиков. Митька произносил на митингах «Союз-комбеда против пузатых» самые революционные речи, которые могли в некотором отношении послужить примером для старших братьев и отцов.

По утрам активисты-малолетки бежали белой улицей и кричали на морозе:

— Союз-комбед!.. Собирайся на митиньку!

Тотчас многочисленные члены и еще больше сочувствующих летели вдогонку и тоже кричали.

Митька не перенимал у старших не критически. То, что ему не нравилось, он отвергал, исправлял и дополнял. Больше всего ему не нравилась у братьев склонность говорить на собраниях неопределенно и безыменно. Митька вносил в свои речи точность и срочность. Он называл пузатых по именам и назначил реквизиции с воскресенья.

К сожалению, несмотря на классовую сознательность и дисциплину, Митькины сочувствующие проболтались о важном решении «Союз-комбеда». Отцы-мироеды со своим молодым советником Власием Поповым, недавним председателем комбеда, оценили Митькину программу как отражение замысла его братьев-большевиков и в страхе подняли грозный шум на селе. Они потребовали, чтобы родители обуздали своих детей.

Комбед между тем вовсе еще не решался действовать. Но запальчивость кулаков и наскок рассердили бедноту и повысили ее решимость на неслыханное дело: открыть амбары и лари. Нашли попрятанное зерно. Для того и попрятанно было поближе, на виду.

Народ сразу понял, что это не все, но не хотел искать.

— Это светопреставление! — кричал мироед.

Беднякам в чужих ларях свое казалось чужим.

Но все признали свой хлеб, когда ели его истово, и все

почувствовали, что это справедливо. И уже не голод, а справедливость возмущала людей против тех, кто прятал для себя, не жалея других.

Тогда искали опять и взяли остальное, и миреды опять кричали, что будет светопреставление.

Все ели ягель, белый мох.

В конце зимы спохватились, что съедено все зерно, не осталось для посева, и к весне ближе пошли опять. Целая толпа с председателем искала, а Ваня охранял с дробовиком. Железным щупом истыкали печь и нашли. Старый миред молча глядел и спокойно сказал:

— Мир перевернется.

Его предсказание передалось на улицу, где народ ждал волнуясь. По улице пронесся крик:

— Нашли!

Подбежали новые люди, удивляясь:

— А как узнали, что у него есть еще хлеб?..

— Учужали, что ли.

В основании печи нашли около килограмма зерна, а может быть, побольше, потом говорили, что больше. Понесли его в Совет и делили по зернышку. Председатель комбеда считал зерна, все смотрели и тоже считали.

Об этом деле долго говорили и возмущались: подумайте, десять фунтов хлеба, пять фунтов!.. Три фунта хлеба у человека нашли! Человек имел жестокость спрятать такой запас! Нет совести у людей.

С этими зернами люди вышли в поле и сеяли весной 1919 года.

Может быть, год и не был самым тяжелым; но людям запомнился мучительнее других лет, потому что извечное мышление, выросшее с вымьвайльским миром и лесом, вдруг нарушилось, расстроилось и пало на Выми именно в 1919 году.

И мир начал переворачиваться в недрах, всем нутром.

Где это молодежь умирает за права?.. Какие такие права дала советская власть молодежи?.. А будет ли школа в Вымьвайле?.. И мы хотим бороться за права!

— Вот есть ли такая наука, чтобы объяснила, отчего земля узорчатая в берегах? И сочится везде водой, а где-то маслом, нефтью?

Все засмеялись, но «оратор» сказал убежденно:

— Есть такая наука!

Граждане примолкли, взглянули на Васю.

Митька поманил своих сочувствующих и за углом открыл собрание.

— Первый вопрос сегодня, — громко начал Митька, — кто хочет пойти в Питер с одним сухарем учиться на ученого? Кто за — поднимайте руки!

Собрание подняло руки и закричало:

— С сухарем? Я пойду!.. Я!.. Иду я!

— Единогласно! — сказал Митька. — Теперь, кто хочет слова?

В прениях выяснилось, что сухаря не найдется ни даже одного на всех желающих стать учеными; самый младший успел призабыть, что такое сухарь.

Впервые мир интересовался меньше внутренней жизнью Вымьваила, а более слухами о том, что происходило вне его и очень далеко от Вымь-реки. Вымьванальские мироеды говорили, что какой-то Латкин из Удорских лесов принесет всему миру райское житье, белый хлеб и сахар.

За всю жизнь, конечно, мир не переволновался столько!

Весь день Вася бегал куда-то, — казалось, он старался всегда перейти оттуда, где находился, куда-то в другое место. Везде его расспрашивали, как наиболее осведомленного человека, да таким он и был... И он пространно и горячо пересказывал, переделывал и дополнял то, что слышал от приезжих «ораторов». Он мог часами говорить. Люди качали головой:

— «Оратор» наш Вася.

Слово у него было легкое и ладное, говорил он внятно и усердно. Ему удавалось убеждать людей; а если не убеждались, то все-таки охотно слушали.

Вася почувствовал, что это чудесная работа и как раз по нем. Он решил стать «оратором»...

Повернулся медленно, с немалым усилием со спины на бок. Взял с тумбы письмо. В большом конверте было несколько строк приветия от Лидии Максимовны и переписанная ее рукою Сенина тетрадка с Берестяной Сказкой.

«Шли на Кулуйское устье, из того устья на Канин Нос, на Глубник и к Новой земли шли меж севером и полунощником».

Задумался. Шли между севером и северо-востоком?

«А та Новая земля неведома остров, неведома матерая земля».

БЕРЕГА ВЕЛИКОЙ НАДЕЖДЫ

«Мимо Русского завороту прошли, и один коч у них бурею на Загубский берег в Сухое море закинуло и разбило. Разбойных людей, десять человек, взяли в другие кочи.

В то лето не жили пособные ветры, а великие льды жили и встрешные ветры. И они шли мешкотно, и в Мутную реку опоздали.

Ворочались до усть-Печоры. Шли вверх по реке Печоре до Пустоозера парусным походьём два дня и в Пустеозере всю зиму плели сети.

И опять чудно им: на Алексея-Пролей-Кувшин стоит зима еще крепкая.

О Петрове дни во 56 году вышли на пяти кочах: началовож пенеженин Лев Иванов Меншик, прозвище Плехан, и с ним пустоозерец Микифор Важеник, да волочанин Михайло Дурасов, да астраханец Миколай Шелоховский, москвитин Вторай Тарутин, и я, грешной, Первай Тарутин. И брянченин Федор Григорьев, сын Потрясов, и курчанин Иван Григорьев, сын Жиров, и рязченин Иов Федоров, сын Воранов, из рязского уезда, и козлитин Тихон, прозвище Тимофей Баландин, сын Шепелев, и орлянин Оксенко Иванов, и смольянин Михайло Тимофеев, сын Дернов, и мещенин Петр, прозвище Богдан Прокофьев, сын Ергольской, и с ними жены и дети, человек сорок.

Пошли большим морем Окияном на урочище, на Югорский шар, бежали парусом два дня да две ночи, шли напрямую большим морем, переимаясь через губы морские. На губах местами глубоко, а в иных местах мелко в сажень, а инде и меньше, а в иных местах и суды стаивали.

Югорский шар остров великой каменной, местами тундра, местами камень голой, леса никакого нет и людей нет. Называется тот остров Вайгач. Около него русские люди в Мангазею не ходят, потому что отшел далеко в море, да и льды великие стоят.

Подле Югорской шар проезд из моря Окияна в Нязомское море. Поперек проезду верст пять, инде и меньше, местами глубоко, а инде мелко. По берегу лежит грядюю камень. Шли гребью день.

От Югорского шару Нязомским морем через Карскую губу резового ходу до устья Мутные реки день да ночь. А в

то лето занимали льды большие — и обходили около льдов парусом и гребью шесть недель.

Мутная река устьем пала в Нярзомское море с полуденные стороны.

Река невелика, через можно перебросить камнем. Называется у самоедов Се-яга, Проходная река, по-нашему бы Волочанка: мелка, в грузу кочи не прошли, дожидались с моря прибылые воды.

Грузу у них было в кочах четвертей по сту и больши. И началовож Лев Меншик повелел им тут собирать наносной лес по берегу, что выносит в море сверху Печоры-реки и из иных рек.

Они лес посекали на дрова и склали на кочах, повезли с собой по Мутной Се-яге реке вверх. Началовож заставил всех лямку тянуть. Шли в кочах прибылою водою, а как вода спадала, ждали.

Видели — по обе стороны пустое место, тундра, и растет мелкий лес в вышину с четверть аршина и с пол-аршина, зовется ярник, а иного лесу никакого нет.

По обе стороны Мутные реки тем временем кочевала самоедь.

Зело нужен ход лямкою был — и поестъ было неколи, нежели спать.

Се-ягой рекою тянулись бечевою двадцать ден и дошли до вершины той реки, до Налимьих озер, Ней-то, из конк вышла Се-яга. А вышла Се-яга из трех озер невеликих, одно другого меньше.

Учали между озерцами волочить запасы в павозках. Клали четвертей по десяти и больши, а проводили павозки от озера до озера паточинами.

Один павозок тянули два человека. Паточины от озера до озера по версте и меньше. Тянули, по воде бродячи.

От озера Мал-то до озера Ер-то и от озера Ер-то до озера Нгай-во-то.

А кочи тянули порозжие по тем паточинам всеми людьми.

От озера Нгай-во-то шли на волок до Длинного озера, Ямбу-то по-самоедски, из которого вышла Зеленая река. Сухого волоку с полверсты или больши, место ровное, земля песчана. Запасы носили на себе, на плечах, и павозки волочили конатами. Кочи тянули по каткам, конатами же, делаячи ворота, для того, что людей было мало.

Носили запасы, с кажного коча по сту четвертей и дро-

ва, и павозки волочили, и кочи тянули деи с пять. А день и ночь одинаков свет и не разнствует ничем, и учали сбиваться со счету дней».

Он плыл и сам среди троевысоких препятствий — за порогами пороги, за путью путь, за годом год. Не сказка? Легче было?.. Замечательно было!

Ночью он вышел из дому, уселся в лодке и ждал. Белая шуга спешила и шелестела вдоль борта, Вымь-река на бегу мерцала, как ветренное небо в звездах. Ваня явился, и они поплыли в молчании. Метельная поверхность реки сразу остановилась при лодке и тоже помолкла.

Вот когда было первое действительно самостоятельное плавание Васи — старые-престарые берега, знакомые-перезнакомые, и не пестрые и не узорные, а серые, снежные, ночные, неинтересные, раскрывались, как родимые берега великой надежды, и провожали в большой мир больших мыслей. Двое в лодке буйно захохотали от радости, двое ночью, посреди замерзающей реки.

Глава 4

УЖАС ЖИЗНИ НЕ В СМЕРТИ... А В БЕСЦЕЛЬНОСТИ СМЕРТИ

На двадцать девятом километре лодку затерло окрепшим льдом. Вася и Ваня начали гулять в лодке и бегать. Плясали вприсядку, боролись, и так прожили, приплясывая, несколько дней, а потом здорово замерзли. Выйти из лодки никак нельзя было, потому что река обязательно прогрела полыньи в тонком первом льду под снегом.

У Васи в один сапог попала вода и замерзла. Вася уже не мог уйти. Ване пришлось рискнуть и пойти за выручкой. Он благополучно достиг берега, оглянулся — и не увидел ни Васи, ни лодки: все успело занести снегом.

В Вымьванле верный Митька хватился своего неверного друга и первый догадался, куда пропали Вася с Ваней: уплыли учиться! — но не стал реветь. Мать заметила эту перемену и сказала старшим сыновьям:

— Глядите у меня, большевики. Вы на охоту уйдете, а ваш сочувствующий сиганет в ученые, за Васькой Зыряновым. Вы у меня в ответе будете.

— А что, мама, сами если отвезем его в Серегово? Тогда он не убежит. И пусть учится. Жить будет у тетки.

Братья не ушли на охоту в этот день, чтобы на другой день отвезти Митьку. Счастливый мальчик собрал шумный расстанный митинг у своего дома.

Рано, до света, мать подняла его и поспешно одела. На дровнях лежало много одежды и картошка в кулях.

— Зачем так много? — спросил Митька.

Мать села сверху узлов, братья молча тронули лошадей. Еще с нескольких дворов выехали груженные сани. Поехала вся вымьвайльская ячейка большевиков с комсомольцами, с семьями, с топорами и с ружьями — но не на Серегово, не вдоль реки, а в другую сторону — к лесу. Заинтересованный Митька увидел, что кулаки тоже вышли из своих домов и присматривались в сумерках. Спросили:

— Куда это все едете?

— На заготовку, а кто на охоту, — ответили.

В лесу братья собрали большевиков вместе с комсомольцами у последних сапей в обозе. Алексей Васильевич, председатель ячейки, сказал:

— Докладчик Ваня Уляшев.

Митька, изумленный и обрадованный, увидел Ваню, а на санях поднялся и сел Вася.

Ваня торопливо рассказал, что его встретили сереговские охотники на дороге. Рассказали, что Латкин вынырнул-таки из Удорских лесов и захватил уже Серегово вчера. Должен быть сегодня в Вымьваиле. Белые зверствуют, большевиков режут с детьми.

Про Васю рассказал, его совсем занесло в лодке. Прискакали с охотниками и мимо прошли бы, да собака-медвежатница облаяла Васину берлогу на реке.

Собачий лай — чудесный лай, жизненный звук! Но и он притих и угас, потушенный снегом, не проникал в берлогу. Белая берлога на больничной кровати наглухо укрыла от всего мира, в сомкнувшейся вокруг тишине. Толстый слой снега не давал замерзнуть, а температура падала и отнимала силы.

Но все же он понимал, что не от холода стал равнодушным. От равнодушия — стало холодно ко всему на свете, к самому себе, к ярким слезам на темных, непрозрачных глазах у Самеда Алиева. Сказал Самеду неуверенным

голосом недавно оглохшего, еще не научившегося говорить:

— Ужас жизни не в смерти... а в бессельности смерти.

Пафос бессильных слов истощенной жизни ужаснул Самеда. Он сказал, едва не рыдая:

— Ты не говори о смерти, я умоляю! Я проклинаю себя за то, что отпустил тебя в Якутию на такие мученья!

Василий посмотрел, как энергично двигаются губы и мышцы всего лица у Самеда, и сказал с видимым усердием, подавшим Алиеву некоторую надежду:

— Страдание жизни не от физических мучений...— Перевел дыхание и закончил: — а от бессельности их.

— Вот об этом я и предупреждал тебя! Что эти мученья с кембрием напрасны и бессельны!

По глазам Алиева можно было догадаться, не слыша даже ни слова, что он спорит опять против кембрия, и Василий ощутил прилив сил для ответа:

— Когда у человека есть высокая цель, он идет на мученья... За победу бросает жизнь с чувством торжества... и полноценности такой, что люди могут сказать... глядя на его смерть: «Вот это жизнь!»

Алиев взял с тумбы раскрытую тетрадку, посмотрел: лишет Зырянов, больной?..

«В то время многие самоедские люди оленные напускались на наших и учили стрелять из луков, убили шестерых человек до смерти, многих переранили и учили животишка громить.

И наши учили биться за свои запасы и стрелять из луков. Ухватили копыя и шелепуги и пошли на самоедь. А Второй Тарутин, ухватя колошчатую пищаль, никогда не лжет, — приложась на самоеда, курок спустил, и выстрелила, и убило самоеда. После того каменная самоедь побежала. И отгромили все запасы».

Алиев в недоумении спросил:

— Это ты пишешь? Я даже прочитать еле могу...

Увидел, что Зырянов спит.

Болезнь очень ослабила его. На ноге начались нарывы и пошли по всему телу. Нельзя было даже помыть его — на морозе в лесу, в курной избушке, полной грязи и тьмы. Он не ходил в партизанскую разведку — а двенадцатилетний Митька с братьями участвовал в сражении сам-четвертый против семерых, и положили троих белых, одного взяли в плен.

ВСЕ ЗНАНИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

Все же Вася медленно поправлялся — просто лучше кормился. Все дети, да и взрослые повеселели в лесу. Эта жизнь была обыкновенным делом для вымьвайльцев, если бы не беспокойство за свой дом и размышление о том, скоро ли Красная Армия выгонит белых из деревни.

Красная Армия была только что организована из тех же лесорубов и охотников и чуть ли не с охотничьим вооружением. Она была очень малочисленная и едва начала обучаться военному делу. Она била белых, потому что ничего другого, полегче, сделать нельзя было. И она билась как могла.

Пёзмог она взяла в несколько минут, а под селом Небдином сражалась около суток — по пояс в снегу, при сорока градусах мороза. Потеряли многих товарищей убитыми и ранеными, а помороженными вдвое больше — шестьдесят человек.

Комсомольцы перевязывали на морозе. Алексей Васильевич хоронил в общей братской могиле вымьвайльских героев, красноармейцев и своих партизан, и противников — не чужих тоже, и говорил хорошо о покойниках, сказал обо всех:

— Трое легли за правое дело, остальные — обманутые бедняки, ослепленные, несчастные жертвы нашей темноты и белогвардейского обмана.

Дядя-большевик, тот самый, что в Серегове повстречался Васе и с ним поплыл в Вымьвайль, очень сильно удивился необыкновенному великодушию Алексея Васильевича и, под великим обаянием его, десять лет спустя рассказал, соблюдая эти простые слова председателя партии вымьвайльского народа. И вот в президиуме сидит и слушает, как живой, Алексей Васильевич на торжественном вечере в Сыктывкаре в честь славного десятилетия... Алексей Васильевич в не смытом еще поту сражения, разъедающем тело, а засохшая кровь стягивает мышцы его лица, и Василий не отводит глаз.

— Наша кавалерия состояла из двух комсомольцев. Она бомбой ворвалась в село Вымьвайль... — рассказывает дядя-большевик, а имени его Василий не знает до сих пор. — Мы тоже поспешили, чтобы она не осталась без под-

держки... К нашему удивлению, вместо двух конников, на улице оказалось их три. Третий мчался по селу без седла, без шапки на морозе, в одной ситцевой рубаше, с охотничьим ружьем в руках. Мы приняли его за оголтелого бандита и чуть не пристрелили. Это был местный комсомолец, скрывшийся от белых и партизанивший. Увидев красную конницу, он обезумел от радости и прискакал к нам на помощь и увеличил наши силы.

Я совершенно не мог предполагать тогда, что это — будущий секретарь обкома комсомола первого избрания Ваня Уляшев.

Убитых красноармейцев, партизан и белых похоронили без всякого различия в общей могиле на кладбище. Никаких речей, ни торжеств, ни венков на их скромной могиле возложено не было, только Алексей Васильевич сказал обо всех, что трое легли за правое дело, остальные — обманутые бедняки, ослепленные, несчастные жертвы нашей темноты и белогвардейского обмана.

Постаревший на десять лет бывший красноармеец воскликнул:

— Да живет вечная память в сердцах, мир праху вашему! Через ваши трупы, через пролитую вами кровь мы достигли свободы и движемся к социализму... В селе Вымываиль и теперь заметен невысокий курган... а вокруг растут белоствольные березы. По утрам звонко щебечут птички, заливаясь многострунной трелью голосов, прославляя подвиги схороненных под курганом людей...

Алексей Васильевич слушает воспоминания и подтверждает жалость народа к своим несчастным детям, обманутым темной корыстью, даже наиболее зла причинившим.

Народ их породил и народ убил, по необходимости, по нужде, и поэтому воссоединил в могиле без ненависти худших со своими лучшими сыновьями-защитниками.

Весь вечер того дня победы пятеро вымываильских комсомольцев, а среди них Ваня и прихромый Вася, гуляли по селу с двумя комсомольцами — кавалеристами Красной Армии, чуть не обнявшись, и составляли дальнейшие планы. Молодежь, освобожденная ими от белых, стояла на улице и смотрела на комсомольцев с завистью.

Васе больно было ступать — на обе ноги.

Ваня сказал:

— Давайте записывать в Союз! — и закричал: — Ребята, молодежь, айда в Совет! Будем говорить.

Дети коммунистов, братья записывались, а еще больше сестры, девушки, обиженные белыми.

У Васи начинался ревматизм, он не мог работать курьером, и для него учредили в Совете должность ночного сторожа.

Но Вася проводил в Совете и весь день.

А когда осохли из-под снега муравьиные кучи и отогрелись, Вася уходил на день в лес лечиться от ревматизма.

Из-за ревматизма Вася не поехал со своей ячейкой в Усть-Сысольск в мае месяце. Ячейка в полном составе — парни и девушки — во главе с Ваней Уляшевым отправилась воевать против белых поляков.

Но в уездном комитете партии их не взяли, потому что набрали ранее подоспевших, а дальние вымывальщицы, пока узнали о войне, — опоздали и возвратились с плачем от невыносимой обиды. Вася плакал со всей ячейкой, хотя не ездил, — обида была общая для всех.

В сумерках он возвращался из лесу, из муравьиной больницы шел торопливо в Совет узнать новости за день. Где-то смертельная война продолжалась между трудящимся народом и теми, кто хотел по-прежнему отымать плоды его трудов. И на Выми эта борьба не прекращалась, а здешние мироеды помнили и хотели вернуть прежнее житье. Вымичане провели мобилизацию в Красную Армию. Осенью охотники не ушли в дальние леса, промышляли поблизости, за восемнадцать, пятнадцать километров, чтобы ночевать всегда дома.

В Совете письмоносец принес газету и прочитал речь Ленина: как научиться коммунизму. Каждому коммунисту надо овладеть всеми знаниями человечества.

Человечества?..

Глава 6

МОЖЕТ, У МЕНЯ ГОЛОВА УСТРОЕНА НЕ КАК НАДО?

Вася думал об этом весь день в лесу. Быстро рисовал непонятные значки-буквы угольком на белых березах и думал: что такое человечество?.. И покрывался испариной от муравьиных укулов.

Много ли человечеству известно? А про узор земли? Вдруг — не известно человечеству? Тогда откуда узнаешь?

Из самой земли, что ли...

Народ не интересуется этим, на Выми никто не думает об этом, я один. Значит, это нестоящие вещи и неправильные мысли?.. «Ты эти мысли кинь», — все говорят. Говорили. Давно совестно стало заводить разговоры об этом. А жалко было — бросить мысли.

Но не менее тяжело и непосильно было — «нужнее» лечения на муравейниках — сознавать разноречье своих интересов и стремлений с желаниями и намерениями отца, старших братьев, жителей всего мира. Ненужное миру — дивное, ребяческое, недостойное взрослых лесорубов и лоцманов. Побаваться надо увлекательных мыслей.

Все люди видят сны, а я же не вижу. И монахи лечили, не вылечили. Может, у меня голова устроена не как надо?

Вася не знал, что в маленьком мире, населяющем одно село, мало и мыслей. В большом народе — и мысли больше.

Его мир был его рамкой. Его народ — какой есть — был его авторитетом. При всем сознании своего ума, окажешься по уму не стоящим народа. Уверенность в своем уме — получить от народа. Мыслить, как народ... Если народ мыслит, как ты...

Если народ — как ты?.. Вот это и значит, что ты — как народ.

Искал в народе свои мысли бедный мальчик — не нашел. А мысли сами рвутся из рамки — а порывать с мирской мыслью «очень нужно», до боли, до страха. Что делать? Надо воссоединиться с миром. Что надо?.. Чтобы мир принял его мысль...

Мир слишком долго не шел к Васе. У мира слишком долгая жизнь, Васе не дождаться, Васино детство пробегало быстрее. Он пошел к миру.

Осенью Митьку отвезли в Серегово к тетке, он начал учиться в школе первой ступени. А Васю сделали председателем волостного комитета помощи семьям красноармейцев и погибших партизан.

Белые при уходе с Выми отомщали народу, а особенно лесорубам, и сожгли лесопильный завод. Не стало и лесоторговцев, заготовка торгового леса прекратилась.

Только один лоцман получил работу летом 1921 года — Вася Зырянов.

Через Вымваиль прошли городские, из самого Питера, не то из Москвы. Называли себя «экспедиция»; по-видимому, это было ученое название артели. Их начальник Иван

Андреевич спрашивал проводника и надежного лоцмана, знающего реки за водоразделом. Такого лоцмана не было на Выми. Ивану Андреевичу порекомендовали Васю Зырянова, который дерзал сплавляться везде, и ему везло. Вася тоже не плавал за водоразделом.

Иван Андреевич сделал доклад на открытом собрании партийной и комсомольской ячеек. Чуть не все село собралось перед Советом, кулаки тоже пришли послушать ученого-большевика.

Он был широкоплечий, невысокого роста, с простым лицом, похожий на всех вымичан. Широкий лоб казался низким под спадающими густыми волосами... Одно было удивительное у него, невиданное: блестящие стекла перед глазами, очки.

Доклад назывался: о политическом положении, — обыкновенно, как все доклады. Иван Андреевич рассказал спокойно и очень понятно о том, как новая власть спешит научить рабочих и крестьян строить новое государство и управляться с ним. Надо спешить в этой науке и учебе, а учителей, таких, кому можно доверять, почти что еще нет.

— Ленин сам прочитал две лекции студентам — вот таким, как вы.

Студенты думали о себе то же самое, что и вы о себе: можем ли мы разобраться в таких делах, в которых ученые не разобрались.

Но великий ученый Ленин уважает нашу мысль гораздо больше, чем мы сами. Он сказал: «Я прошу вас не смущаться тем, что не сразу поймете все... Никогда не следует ждать, чтобы можно было в краткой беседе за один раз достигнуть полного выяснения такого трудного вопроса, как вопрос о государстве».

Ленин сказал своим неученым слушателям, как равным, что он надеется еще обменяться мнениями с ними.

Он посоветовал им прочитать некоторые книги и опять предупредил, что не следует смущаться, если покажется трудно: потому что непонятное на первый раз поймете при повторном чтении. Потом Владимир Ильич еще раз напомнил: «Опять скажу: не следует смущаться, если не сразу все поймете. Этого никогда почти не бывает ни с одним человеком. Но, возвращаясь к предмету, перечитывая книгу и обдумывая с разных сторон, вы добьетесь того, что будете понимать если не все, то, по крайней мере, большую часть...»

И вы верьте своему здравому уму трудящегося человека, — сказал Иван Андреевич, — как верит и уважает народный ум товарищ Ленин.

Вымывальские охотники так довольны были его словами, что стали хлопать вслед за отпускниками-красноармейцами, которые принесли эту замашку из России.

Ваня толкнул Васю с силой, Вася ответил ему понимающим взглядом, и оба с надеждой почти уже уверились, что все устроится.

Глава 7

МИР ЖИВЕТ МЕДЛЕННО, А Я — БЫСТРО

У постели Василия сидел новый начальник Главнефти, Иван Андреевич, и кричал, наклонясь к его уху:

— Крелиусный станок уже на Полной. Жду телеграммы о начале бурения!

Василий в оживлении попытался сесть, но свалился.

— Ты должен немедленно уезжать! — крикнул Иван Андреевич. — Путевка на два месяца, а там продлим.

— Из Москвы самолетом прямо и до Полной, — тихо сказал Василий.

Иван Андреевич рассмеялся:

— На Полную тебе маршрут указан — через Крым!

Василий напрягал слух и внимательно смотрел.

— Где Меншиков?

— Меншик исчез и не разыскан пока. Это какой-то проходимец и, возможно, белобандит из шайки, зверствовавшей в годы гражданской войны на Индигирке. Фамилия его не Меншиков, а Меншик. Его разоблачил младший брат, которого привез из Якутии другой молодой человек. Оба — твои преданные приверженцы. — Иван Андреевич вынул записную книжку и нашел их имена: — Семен Агафангелович Тарутин Русский-Жилец и Савватей Иванович Меншик.

— Где они?

— Тарутин приехал с направлением от якутского Совнаркома учиться. Меншик Савватей Иванович потребовал, чтобы его командировали на Полную в качестве твоего личного доверенного... По рекомендации Лидии Максимовны мы так и сделали. — Василий озабоченно взглянул, Иван

Андреевич улыбнулся. — Так что Савватей на Полной, в распоряжении бригадира Мамеда Мухамедова.

— За какие это заслуги Тарутина послал в Москву Совнарком Якутии? Это опять Сенины сказки.

— Именно так. Он вообще знатный человек Якутии, орденосец. Теперь Тарутин нашел какую-то замечательную летопись, называемую «Берестяная Сказка». Она уже доставлена в Академию наук. «Сказка» по-новому освещает историю появления русских на Индигирке.

Изможденный, бессильный даже думать — даже на самую любимую тему, Василий подчинился инерции воспоминаний, питавших его мозг все время болезни, восстанавливавших его силу, его уверенность в себе — его здоровье.

Пока Вася водил экспедицию Ивана Андреевича на Жирную речку, комсомольская ячейка выбрала делегата на съезд в Сыктывкаре. Выбранный Ваня Уляшев уплыл в тот же день.

Вася уверен был, что ребята выбрали бы его и Ваня тоже был бы за него...

Но не хватало времени вникать в свои огорчения. Надо было добывать из реки пропитание для одиннадцати человек семьи и успеть позаниматься более интересными делами, а ночью сторожить Совет... Надо было успевать и успевать!

Вася везде успевал примечать, указать, надоумить. Ему казалось, что встанет вся работа без него.

Ребята уже и сами привыкли считать, что не могут ничего сделать без Васи... А пришлось управляться без Васи, а Ваня успел даже еще лучше.

На заре все село рыбачило, добывая пропитание. И приехала комиссия из Москвы, просила у голодающих на Выми помочь хотя бы церковными ценностями голодающим в Поволжье. Граждане согласились, а председателем на такое дело выбрали, не без ума, Ваську Зырянова, благо за все берется. К тому же заметили, что председатель приезжей комиссии, рослый парень, имел от роду всего пятнадцать лет.

Через Вымьвайль прошел красноармейский полк, он потребовал от председателя волисполкома собрать отсюда подводы до следующего села. Председатель сказал, что нет лошадей, и уперся. Командир попервичал и арестовал председателя. А полк все равно не мог поспешить, потому что он отпустил подводы, доставившие его сюда. Вася сказал гражданам:

— Почему нельзя взять коров, если нет лошадей? Потянем по наклону. Надо запрячь всех коров.

Командир отпустил арестованного, коровы потащили по наклону имущество отряда, а граждане отказались от нерасторопного председателя и выбрали Васю.

А так как Васе не было восемнадцати лет, то постановили считать его исполняющим обязанности.

Вася проявил тут свою деловитость: не оставил должность сторожа. Днем он исполнял обязанности председателя, а ночью сторожил свой исполком и платил себе за сторожку по совместительству.

— Вася, а когда ты спишь? — спрашивали ребята, а девушки смеялись.

Сторож мог бы спать ночью, потому что никакие воры не зарились на пустоту исполкомской избы. Но слышно было за полночь — звенели песни и шумели разговоры возле сторожа, а когда молодежь разбрелась по домам — и тогда не было полной тишины возле Совета: до самого утра сторож кого-то целовал.

Партийная и комсомольская ячейки устраивали немало субботников: и дрова наготовить для красноармейских жен, и грибы собрать... И в лесу Вася-председатель успевал первый заметить гриб в прелой листве под зеленым сумраком, и набирал он больше всех, и еще соседям кричал:

— Во-он гриб!.. Направо смотри!.. Что ты, не видишь?!..

Навязчивый был председатель, и на это многие досадовали.

Он в свои шестнадцать лет возымел рассуждение, что люди для самих себя сделать ленятся лишь только потому, что до сих пор обходились без этого. Но когда они сделают, пусть нехотя, — они порадуются потом.

Откуда-то принесло, или ветром нанесло, новую затею: клубы строить. Граждане устроили хороший клуб, который Васе казался замечательным. Потом строили больницу.

Многое делали для себя нехотя — потом они радовались...

Эта жизнь полна была для Васи трудного, деятельного счастья.

Ветеринарный фельдшер (скорее это был коновал) сказал ему:

— Ты, сынок, молодой и очень умный. Что же ты не учишься?!.. В Серегове отец достанет тебя, говоришь? Иди

в Удор, тоже соседнее село, там школа-семилетка открылась, хорошая школа. А ты остаешься неграмотным.

— Знаю, сам давно хочу учиться, — ответил Вася, потому что давно не стал думать об этом и слова коновала страшно его задели. Сказал с досадой: — Но только это не в соседстве, а довольно далеко.

— Нет, это недалеко, только надо знать тропу туда, а по тропе будет Удор в соседстве: верст триста шестьдесят или триста восемьдесят, не более, — он рассказал о просеке. Там была пешая тропа, — как только по ней спустились, дальше пойдем на север и можем считать себя в Удоре.

— Знаю, — сказал Вася, все выслушав с опущенной головой, — на этой тропе ограбили и убили очень много людей в прошлом году. Кто не слышал!

— Это правда. Пешеходы из-за этого передвинулись на Лоптюгу.

Осенью отец взял Васю рубить лес. Они поднялись, вверх по Выми, и уже всю дорогу Вася думал о просеке на Удор. И как раз возле этой просеки Игнатий остановился ночевать.

Вася сказал:

— Знаешь, отец, я остаюсь неграмотным. Мне восемнадцатый год. У меня все терпение истощилось.

Они долго спорили. Вася сказал:

— Как хочешь корми свою семью!.. Знаешь, два раза я ушел неудачно, на этот раз я тебя совсем заброшу.

Они здорово поругались, но отец знал, что Васе уйти нельзя отсюда, просека непроходима, — лег спать. Вася взял свою долю сухарей, примерно пуд; взял маленький чайник с лодки, забрал шесть или семь коробков спичек и ушел в ту просеку.

Уже лес был темный, и везде усердно семенил дождь.

Игнатий не решился догонять сына — это была верная смерть от бандитов, застрявших в лесу после Латкина.

На Васе был холщовый армяк, подшитый куделью, и короткие сапоги. Весь день он шел холодной водой по набухшим болотам и обтирал ноги вечером и растирал, пока не согревались, но все-таки очень страдал от ревматизма.

Он ночевал у костра под елью каждую ночь. На речках он рубил маленькие плоты и переплавлялся. На девятый день вышел на большую реку. Оттуда поднялся километров сорок. На десятый день он пришел в Удор и прошел прямо в школу, возбужденный от петерпения.

...Секретарь начальника Главнефти пересылал в Крым письма Сережи Лукова. Бурение шло хорошо. В конце октября углубились уже на двести двадцать метров. А в ноябре Василий получил телеграмму из Москвы: «Бурение прекращено рабочие Полной уволены Цветаева». В тот же день он оставил санаторий и выехал в Москву.

В купе вагона он вынул телеграмму из кармана, перечитал и нахмурился, дойдя до подписи. Он не видел Лидию с мая прошлого года, когда оставил ее на Эржежее. Меншиков заботился о том, чтобы Цветаеву держали в непрерывных командировках, подальше от Москвы.

Василий не знал об этом. Но она и в больнице бывала, и видела его в беспамятстве. А письма ее лежали в ящике больничной тумбы нераспечатанные.

Глава 8

«ЭТОТ МАЛЬЧИШКА МУЧАЕТ МЕНЯ ТРИНАДЦАТЫЙ ГОД» («ПЯТНАДЦАТЫЙ, А НЕ ТРИНАДЦАТЫЙ...»)

В кабинете заместителя наркома собралась вся коллегия.
— Я повторяю, — сказал Небель, — если даже есть жидкая нефть на Полной, то в непромышленных количествах.

Заместитель наркома с раздражением сказал:

— Довольно о Полной! Мы уже разговариваем двенадцать дней. Так же нельзя! Денег для Полной нет, ни одного рубля.

— Иван Андреевич! Если я еще не убедил вас...

Заместитель наркома схватился за голову:

— Ты перестанешь меня мучить?

— Не перестану. — Василий встал.

— Уходи отсюда.

— Не уйду!

Иван Андреевич вышел из-за стола и увидел на уровне груди подростка с Жирной реки — повзрослевшего, но глядевшего все так же исподлобья и по-прежнему с неукротимым упрямством. Он схватил мальчишку за шиворот и потащил из кабинета, приговаривая:

— Я не могу больше слышать о Полной.

Подросток был щуплый и легкий в мощной руке стари-

ка, он цеплялся ногами за стулья, члены коллегии поспешно придвигались к столу, очищая дорогу. Иван Андреевич сказал:

— Я не могу больше видеть тебя. Ты перестанешь, или я убью тебя своими руками.

— Не перестану! — крикнул маленький лоцман с Выми.

— Вон отсюда! — Иван Андреевич бросил его за дверь.

Заместитель наркома вернулся к своему месту, жалуясь:

— Подумайте! Этот мальчишка мучает меня тринадцатый год. Когда вас заставляют три раза выслушивать об одном и том же, вы уже не можете терпеть. А он нас заставил слушать о кембрии двенадцать раз в этом месяце! Я поражаюсь и не могу этому поверить! Члены коллегии, я не могу больше!.. И двенадцать раз мы ему сказали: это невозможно. Как заставить этого человека замолчать?

— Дать ему еще полтора миллиона, — сказал насмешливо кто-то.

Иван Андреевич метнул сердитый взгляд.

— Нельзя заставить меня замолчать, когда я знаю, что в кембрии лежит оборонная нефть, — сказал Василий в дверях.

— Ты еще не ушел?

— Я уйду, потому что я вижу, моих слов недостаточно.

— Слава богу, что ты это понял наконец!

— Я теперь подготовлю такой материал...

— Иди, — устало перебил Иван Андреевич. — Ты, значит, воображаешь, что мы будем еще раз слушать о кембрии?

— Иван Андреевич, вы можете не дать мне денег и отстранить меня от работы, но вы не можете не выслушать меня, когда я представляю доказательства кембрийской нефти, хотя бы пришлось показать вам живую нефть с урочища Повешенного Зайца, чтобы вас убедить.

— О да, тогда мы тебя будем слушать в тринадцатый раз. Но пока что я понял, отчего повесился Заяц на Полной. Члены коллегии, это было самоубийство, первое самоубийство на совести Васьки Зырянова.

«Если считать от Жирной реки, пятнадцатый год, а не тринадцатый я его мучаю, — думал Вася, с сочувствием глядя на учителя. — Бедный старик действительно устал и за-

говаривается... Это он боится, что я приду на коллегию тринадцатый раз...»

Василий прибежал на квартиру Ивана Андреевича, где он нашел приют, и увидел Лидию. Он сдержанно поздоровался и сразу стал укладывать свои вещи. Лидия молчала и жалела, что пришла.

— Уезжаете, Василий Игнатьевич? — спросила жена Ивана Андреевича, чтобы сломить невыносимое и возмутительное его молчание, трижды невежливое.

— Уезжаю сейчас, ночным поездом.

— Куда? — спросила Лидия.

— На Полную.

— А я только вчера вернулась с Кылаах-Тогойю. Ваш прогноз блестяще подтверждается: на всем пространстве кембрия мы находим нефтепроявления, такие же, как на Полной.

Он с интересом слушал. Но простить не мог.

— Вася! А я тогда помчалась в Москву, потому что газ уходил из бутылки, необъяснимым образом, через сургуч и стекло... Ты знаешь, что я нашла...

— Простите, Лидия Максимовна, должно быть, я не успею дослушать о газе. Я бы желал узнать о нефти.

— Имеются, по крайней мере, три структуры на Эржежее, где стоит бурить. После инструментальной съемки, разумеется, — ответила она вспыхнув... и подавила обиду, жалостью к этому несчастному человеку.

Василий простился с хозяйкой. Лидия в молчании поехала с ним на вокзал — он не возражал, и она думала с возродившимся гневом: «Да полно, несчастен ли он? Чувствует ли он себя несчастным?.. Это я, я чувствую себя несчастной, а он меня не пожалеет!»

В трамвае она рассказывала подробности об эргежейских структурах, он внимательно слушал. На перроне вокзала она ждала прощания; надеялась на прощание. Но он протянул руку — она пожала, как товарищу. Он повернулся и вошел в вагон.

Она посмотрела вслед поезду и побежала прочь, задыхаясь от слез, поглощаемых гордостью, и шептала: «Кембрийское сердце, окаменевшее, высохшее, неживое!..»

Затем на выюжной, темной Каланчевской площади она ожидала ночного трамвая, словно в пустыне, вымощенной булыжником, — одна на остановке, и думала о том, что Василий не найдет в Черендее знакомых людей, помогавших

ему в прошлые годы. Могут даже не дать ему коня. У него нет денег. Он пойдет пешком на Полную и замерзнет. Нет, конечно, Зырянов не замерзнет...

Но коня ему дали в колхозе и дали ездового. Тем не менее пришлось идти немало пешком начиная от Алексеевки.

Глава 9

ТАК ВОТ КАК ОНА ВЫГЛЯДИТ, КЕМБРИЙСКАЯ НЕФТЫ

Лед на реке выступал в изломах и рытвинах, совершенно непроезжий на перекатах. Снега было мало. На берегу осыпи и галька, в лесу буреломы не давали проезда и мотали лошадку. На стоянках ездовой перевертывал сани и по-особенному ловко обливал полозья кипятком из котелка, намораживая ледяную полосу — гораздо удобнее железной.

Дыхание замерзало у рта и осыпалось кристалликами льда. Кристаллики сталкивались и шуршали. Ездовой со скуки прислушивался и объяснил Василию:

— Это звезды шепчут.

Но, по-видимому, звезды как собеседники были малоинтересны.

Приходилось дышать «украдкой», как писал корреспондент «Северной пчелы» в прошлом веке, потому что воздух входил через нос в горло, будто пятящийся еж!

Вечером они «надымали» высоко над снегом надью из двух стволов, надрубленных вдоль часто и обращенных зарубками взаимно вовнутрь, с небольшим зазором. Огонь пускали с конца надьи по зарубкам в зазоре и ложились под надьей по обе стороны, и жар широким покровом сверху закрывал их от мороза. А когда надья прогорала, мороз будил их, и они ехали или шли дальше.

Подветренный бок у лошади покрылся толстым слоем крупяного льда. Ветер был от Полной, слабый, но и от такого было худо.

Приходилось берегом и лесом объехать непроходимый участок реки. Они подошли к аласу, полному снега. Ездовой остановил коня и пошел по аласу, почти утонув в сухой и рыхлой белизне. Он шарил руками и вдруг вытащил глухаря, пошарил другой рукой и вытащил второго. Глухари были живые и отбивались огромными крыльями.

— У тебя здесь кладовая?

— Нет, какая тут кладовая, — серьезно ответил парень. — Они тут греются от мороза. Я вижу по ямкам, где они есть. — Он нашарил и вытащил третью птицу, килограммов на восемь, вяло отбивавшуюся.

Василий знал такую охоту на глухарей. Птицы изредка выскакивают из снега, взлетают на деревья, быстро клюют шишку и с самой вершины лиственниц кидаются вниз, тяжелые крылья сложат, чтобы поглубже уйти в снег.

— На аласе нет сторожа, — сказал ездовой. — Неужели замерз? А то у них сторож. Голову выставит из снега и сторожит.

К жилому дому подошли на восьмой день. Еще нельзя было за деревьями увидеть буровую вышку, а низкий сруб дома, погребенный снегом, наверно, не сразу поймешь — раньше наступишь на него. Но дымный столб мог бы уже показаться — единственный растущий ствол над замороженным лесом. В Черендее известно было, что дом обитаем на урочище Повешенного Зайца, люди не ушли... А может быть?.. Кто знает! Известия с Полпой — от охотников, не частые, случайные.

В страстном нетерпении Василий толкался в кошевочке, тесня ездового из стороны в сторону, чтобы обогнуть взглядом досадное дерево на дороге впереди. Казалось, вот за этим, вот уже одно это дерево загораживает... Неужели нет дыма?.. Он готов был выскочить из кошевки, обогнать лошадку — да снег не обгонишь.

Где же этот Повешенный или заколдованный Заяц?.. Непробудимое тайное молчание в завороженной тайге. Только шорох широких полозьев, с которых стерся лед. И лошадка трудно перебирает копытом белое время — за ногою нога гребет сухой снег секунду за секундой до темноты в лошадиных глазах; ничего больше не желает лошадка, потому что не ждет кембрийской нефти.

Не может быть! Сережа Луков не мог уйти. Бакинцы не могли уйти!.. Мамед Мухамедов... Это не важно, что не получали зарплаты полгода...

Но если уволены? Если работы прекращены приказом, запрещены... Если получили приказ ехать на другую работу, где уже их ждут, где уже план составлен на них?.. Вторая пятилетка! Советская рабочая дисциплина... Впрочем, до лета им отсюда не выбраться.

«Э! Э! Да ведь Савва здесь, личный доверенный!.. Бродяга он и никакой рабочий, никакой дисциплины он не почувствовал, его не проймет ничей приказ».

Впрочем, коллектив с ним справится. Один всех не оставит. Но один может и остаться, если даже все уйдут... И этот последний вывод доставил Зырянову, кроме печали, противоречивое удовлетворение. Потому что над лесом поднимался великолепный белый дымок от кедровых дров, своевременно заготовленных и отлично высушенных за лето.

Вышка буровой была тщательно обтянута брезентом и побелена снегом.

Взволнованный Василий вошел в темный коридор и толкнул первую дверь. За столом у окна сидел Сережа Луков и читал газету.

Сережа вскочил и сейчас же сдержал порыв, но подошел и начал помогать Зырянову раздеться.

— Здравствуйте, Василий Игнатьевич!

В комнату вошел буровой мастер, и, оттесняя его, в двери протолкнулся Кулаков. За ним проскользнул чернявый мальчик.

— Владик! Ты в буровой бригаде?

— Я за якутскую нефть! — убежденно сказал Владик.

Вошел еще кто-то. Зырянов не успел пожать ни одной руки — в комнату ворвался морозный вихрь с белой, в инее, бородой, выхватил Зырянова и, выжимая дух из него, поднимая на воздух, троекратно почмокал в обе щеки. Почти бездыханный Зырянов осмотрелся помутившимися глазами и бодро выговорил:

— Бесплатно зимуете, энтузиасты?

Савва умиленно разглядывал друга и вытирал слезинку с мороза.

— Заплатят, — уверенно сказал мастер, — не первый раз. Мы здесь привыкли. А вот и вы приехали. Значит, все в порядке.

— Что же в порядке? Бурение прекратили?

Мастер помялся.

— Кормиться необходимо, Василий Игнатьевич. Промышляем, на это весь день уходит. День темный здесь, не бакинский день... Похож на ночь.

— Так что вы уже промышленники, не бурильщики. Летом тоже кушать надо будет. Шкурку продадите, запас к зиме завезете.

— Понять вас так, что бросила нас Москва?

— При чем Москва! В наркомате опять взяли верх мои противники. Я болел, они уговорили наркома, что нефти нет на Полной.

Бурильщики молчали. Василий и ездовой грелись у печки, Сережа готовил еду.

— Однако есть она? — вкрадчиво, почти робко спросил Кулаков.

— Я за ней приехал. Немножко нефти мне дайте. Хоть пол-литра в день для почипа, чтобы я поставил пол-литра на стол наркому. С этикеткой: «Кембрийская нефть, из месторождения у Повешенного Зайца». И летом у вас тут будет черный городок.

Кулаков радостно улыбнулся мечте.

Бурильщики молчали. Они сомневались. Они все-таки не привыкли работать, как старатели-золотоискатели, за свой страх.

— Шлифы есть? — спросил Василий.

— Покушайте сначала!

— Потом.

— Там мороз сейчас... Давно не топили, — сказал Сергей.

— Ничего, я выдержу.

В красном уголке были аккуратно уложены в плоских квадратных ящиках, в узких желобках небольшие круглые столбики по четыре-пять сантиметров, вырезанные буровой трубой в породах и поднятые из скважины; взятые с каждого метра проходки образцы от каждого миллиона лет. Василий с нетерпением перебирал их, как бы спускаясь по скважине в глубь кембрийских слоев, безбоязненно удаляясь в устрашающую бездну времен. Сережа Луков и Савва снимали ящик за ящиком — слой за слоем, десятками метров снимали земную кору перед глазами и раскрывали структуру. В глубине структуры лежали известняки — доломитизированные, трещиноватые, битуминозные, дырчатые, красные, с примесью гипса и так далее. На глубине 88-го метра появился в трещинах шлифа полужидкий асфальт. У Зырянова дрожали руки.

Еще несколькими метрами ниже известняк имел запах сероводорода, — это было отмечено в дневниках проходки, а в шлифах газ уже выветрился.

В известняках 100-го метра появилась густая черная нефть.

Василий волновался все более с каждым шлифом и хватал столбики один за другим. Опять сухие и чистые известняки. На 109-м метре в плотном известняке — капельки жидкой нефти.

Бурильщики стояли вокруг в строжайшем молчании.

Не мигая они следили за священнодействием. В дрожащих пальцах Зырянов раздавил драгоценную капельку и осторожно развел пальцы. Его ли глазам не верить! Он смотрел на свет меж пальцев и видел тонкую светло-коричневую нить. Ему ли не верить своим глазам! Василий нервно рассмеялся. Да...

— Так вот как она выглядит, кембрийская нефть, друзья!.. Жидкая, живая, настоящая обыкновенная нефть. Мы первые ее увидели...

Ехать! Немедленно на телеграф. Теперь-то Иван Андреевич даст деньги.

Василий схватил другой шлиф. Третий шлиф, четвертый, пятый, десятый... Но ведь нефти еще нет — вот они прошли после капельки еще одиннадцать метров. Капелька была, да, первая капелька, но нефти нет.

Всего одна капелька, вот в чем дело. Но какая огромная принципиальная победа! Какая радость для академика Ивана Андреевича!

Нет, заместителю наркома Ивану Андреевичу ни к чему эта капелька. Заместитель наркома — не директор института; это уже не тот Иван Андреевич. И не тот, который сидит в Академии, — а тот, который сидит в наркомате. Там он ждет от меня не капли для науки, а большую нефть для социалистической промышленности.

Василий положил шлифы на их место в ящике и взял следующие: известняки слабобитуминозные; известняки с редкими порами; известняки плотные; пройдено 120 метров.

Никаких следов нефти. Конечно, его это не пугает ни сколько.

Вот, пожалуйста; в шлифе 121-го метра — ого! — целые каверны, полные жидкой нефти.

Тут в шлифах наберется полстакана нефти — достаточно для победы на коллегии у замнаркома. Василий небрежно отложил этот шлиф и взял следующий. Полстакана жидкой кембрийской нефти — чепуха. Это и не промышленная нефть, и уже не победоносная первая, принципиальная капелька.

На глубине 185,2 метра трещины известняка были заполнены жидкой нефтью. Он быстро пересмотрел остальные шлифы. Теперь ему нужна была струя, непрерывно поступающая струя жидкой нефти.

Глава 10

«ИДЕШЬ ПОД СУД, ВАСИЛИЙ ИГНАТЬЕВИЧ?» — «ИДУ»

— Откуда у вас тут газеты? — спросил Василий.

— А это... — Сережа переложил лист так, чтобы можно было увидеть название: «За Третье Баку». — Лихо? «Орган Черендеевского сельсовета и парткома». На русском и на якутском языках сразу.

— В Черендее разве есть типография?

— Летом привезли ручной станок. И одного наборщика, он же и печатник.

— Вот это Черендей! Таежная глушь!

В комнате Сережи собиралось все население урочища Повешенного Зайца. Василий читал им лекции о кембрии, о нефти, о структурах на Полной. Через две недели мастер Мамед Мухамедов спросил:

— Как же бурить при таком морозе?

— Мороз к вам не имеет отношения. Он захватил всего полметра с поверхности, а вы прошли за лето сто семьдесят метров в мерзлоте, сквозь вечный мороз.

— Летом ни на минуту нельзя было остановить бурение, — сказал мастер. — Чуть остановили — прихватило и заморозило. Перегретым кипятком отогревали трубы.

Василий спал поздно. Он отсыпался за всю жизнь.

Он проснулся от особенного шума и поспешно оделся.

Бурильщики раздели вышку из брезента, чтобы работать на свету, и разогрели котел. В скважину пошла перегретая вода.

Труба медленно повернулась.

С этого момента ее нельзя было остановить ни на секунду. Секунды достаточно было, чтобы мерзлота приковала трубу на протяжении ста семидесяти метров.

Бурильщики стояли под вышкой очень довольные. Мастер громко сказал:

— Василий Игнатьевич, теперь скажи твердо — и пусть все услышат: до каких пор бурить?

— На триста семидесятом метре будет нефть, — сказал Василий с приказательной уверенностью гипнотизера.

— Василий Игнатьевич, зачем так говоришь? — грустно сказал Мамед Мухамедов. — А если на триста семьдесят первом?

— Если не получите на подошве триста семидесятого метра, имеете право прекратить бурение, вот для чего я говорю. Но до трехсот семидесяти держитесь, вот о чем я прошу.

— Условились, — сказал мастер и занялся трубой.

Василий выехал в Черендей.

Он приближался к поселку в темноте, вздремнул и вдруг закричал ездovому:

— Придержи коня!.. Куда ты заехал?

— В Черендей, — ответил колхозник.

— Какой тут Черендей! Что ты, не видишь — электричество горит.

На берегу сиял фонарь на высокой мачте и тепло желтели окна в длинном ряду домов.

— Вижу. Черендей и есть, — сказал колхозник и погнал коня, торопясь к свету. — А ты думал?.. Будет и у нас Москва!

Василий отправил телеграмму в наркомат: «Бурение возобновлено трещинах известняка жидкая нефть прошу подкрепить деньгами 160 тысяч».

Он почти не уходил из почтово-телеграфного отделения. Три дня спустя он послал вторичную телеграмму.

Телеграфист Илья рассказывал ему о новостройках Черендея.

— Вы видели три новых, лучших дома за клубом? Это больница, типография с редакцией и электростанция. Зайдите непременно, посмотрите. Особенно больница внутри красивая: белая, масляная, как на «Якуте» салон!

На почте были клиенты, когда Илья принял ответ Зырянову из Москвы. Илья не подал виду, пока не ушли все. Тогда он, не глядя, протянул Зырянову кусочек ленты.

— Василий Игнатьевич, — сказал Илья за его спиной, — я еще не пользовался отпуском в нынешнем году. Я могу взять отпуск и поехать на Полную. Кулаков тоже останется с вами, и мы добурим до нефти.

— Мы не умеем, Илья. Это специальность.

— Но ведь люди, они тоже, я думаю, не сдадутся?

— Так-то так, Илья.. А все же — люди...

— Тогда, Василий Игнатьевич, не говорите им про телеграмму, — решительно сказал Илья. — Я бы на вашем месте сказал им: деньги обещаны.

— Разве так можно, Илья?.. Обманывать рабочих?

— Пять человек обманете — все же лучше, нежели весь Черендей.

Василий покраснел и побледнел. Молча протянул руку. Илья крепко сжал ее.

На урочище Повешенного Зайца бурильщики небрежно поздоровались с Зыряновым и продолжали свое дело — в этом и выразился их напряженный интерес к новостям из Москвы.

— Сколько метров? — спросил Василий.

— Триста.

Василий побежал в красный уголок.

Вот в ящиках новые шлифы, начиная с 221-го метра: известняки с битуминозным запахом; мергель; с 226-го метра — известняки и жидкая нефть по трещинам.

Снова чистые известняки, доломиты, мергель, слабый битуминозный запах; известняки без малейшего следа нефти; 300-й метр.

Василий вернулся под вышку. Бурильщики поднимали трубы из скважины, подняли инструмент, выбили столбик породы — шлифы с 301-го метра.

Зырянов лихорадочно подхватывал обломки столбика. Мастер, будто бы не взглянув, подал Зырянову последний обломок. Кремнистый известняк, чистый, даже не запачканный нефтью.

— Товарищи, завтра я уезжаю в Москву. Я получил телеграмму. — Снежинка залетела ему в рот. Василий откашлялся и твердо, ясно сказал: — Деньги отпущены. Я должен выехать, чтобы ускорить их получение. Я вас прошу посылать мне телеграммы о ходе бурения. Первую телеграмму отошлите через пятнадцать дней в Томмот. Следующую — через десять дней в Иркутск. Потом в Москву. Сережа, тебя прошу: сделайся курьером на месяц и летай между Повешеным Зайцем и Черендеем.

— Я отвечаю за телеграммы, — сказал Сережа.

— Товарищи!..

Такое волнение послышалось в голосе Зырянова, что все внутренне придвинулись к нему.

— Помните о том, что вы не просто бурите скважину на неизвестную нефть, которая лежит именно здесь... Ни на

одну минуту не забывайте главного: что вы разбуриваете большую дорогу в богатейшие и еще не открытые недра всей нашей земли. На этой дороге вы — первопроходцы, и чем труднее вам, тем больше вам препятствуют, хватают за ноги и за горло хватают... Но вы пробиваете путь в будущее советской нефтяной геологии!

Зырянов протянул руку и шагнул, но не успел подойти — бурильщики быстро окружили его и молча, крепко пожали ему руку один за другим.

Через семь дней Василий был в Черендее. Еще через восемь дней он вошел в почтово-телеграфное отделение в Томмоте и получил телеграмму до востребования. Телеграмма состояла из двух подписей — бурового мастера и Лукова — и одной цифры перед ними: «365».

В Иркутске Василий соскочил с подножки вагона, увидев на углу вокзального здания маленькую вывеску: «Телеграф», и получил вторую телеграмму: «370. Мухамедов Луков». Все.

Последние копейки ли иссякли на урочище Повешенного Зайца, что они не прибавили еще два слова: «Прекратили бурить», или кредит веры у Ильи закрылся, или просто из пренебрежения к Зырянову, — не важно.

Неделю спустя Василий в задумчивости стоял перед горестным памятником в головах Гоголевского бульвара и вслух беседовал с Гоголем, бронзовой тяжестью засевшим в кресле:

— Так-то, Николай Васильевич... Деньги народные истратил, нефти не дал. Рабочих обманул... «Идешь под суд, Василий Игнатьевич?» — «Иду».

Зырянов пошел дальше улицей Фрунзе и через центр — к площади Ногина.

НЕОБХОДИМЕЙШИЙ СЕГОДНЯ ЧЕЛОВЕК

Он допускал, что его не примут, а может быть, секретарь не захочет и доложить о нем. Но девушка приветливо улыбнулась.

— Здравствуйте, товарищ Зырянов! Иван Андреевич сейчас на коллегии у наркома, но я думаю, что вы можете войти... И кстати, я передам «молнию» наркому, — сказала она улыбаясь.

«За что такая любезность?» — подумал Василий недоверчиво и спросил:

— Какие вопросы там?

— Это по поводу открытия гелия. Ведь это же ваша экспедиция открыла!

Гелий? Василий не стал отрекаться. Придется воспользоваться недоразумением. Но, однако, чей же это гелий? Надо узнать. Это замечательно, что открыли гелий! США обладают единственным в мире выходом этого легчайшего газа и не дают никому.

— Кто докладчик?

— Сама товарищ Цветаева.

«Сама»?!. Так вот... какое оно, недоразумение. Цветаева взяла на буксир Василия. Так вот какой у Лидии негорючий газ. Но это же замечательная находка! Добыча гелия на Эржеее, может быть, побудит возобновить и поиски нефти?..

Девушка-секретарь понесла «молнию» нарком, Василий вошел и тихо пристроился у стены. В кабине былолюдно, и никто не обернулся. Иван Андреевич говорил о значении открытия Цветаевой и о развитии работ на гелий. Затем нарком предложил Цветаевой заключительное слово. Она поднялась и увидела Василия.

Он посмотрел на Лидию нахмурившись, но она не могла различить выражение его глаз. Она увидела у дальней стены измученное лицо и сжатый рот... «Он страдает оттого, что не верил, не пожелал меня выслушать, перебил на слове «газ», — подумала она.

— Просим, Лидия Максимовна, — сказал нарком, ободряя ее.

Она заговорила:

— Гелий выходит на Эржеее в виде ювенильного газа... И вот мне хочется в заключительном слове говорить не о гелии, а о породах, где мы его нашли. Это кембрийские породы. Я твердо уверена, что гелий — не последняя находка в районах кембрия. Но, во всяком случае, гелием страна обязана разведке на кембрии — тому человеку, ученику Ивана Андреевича, который указал мне, в частности, прямо на эргежейский источник. В течение пяти лет человек этот добивался разведки на кембрий, преодолевая неверие и противодействие... Как одержимый!..

Быстроглазый, розовощекий нарком проследил за ее стрелнувшим взглядом. Он полуугадал Зырянова в одержимом, стоявшем у двери. Одержимые не часто появляются в кабинете у наркомтяжпрома. Нарком опустил глаза на «молнию», подложенную секретарем.

Лидия Максимовна, взволнованная, замолчала.

— Это она обо мне, — шутливо сказал Иван Андреевич, — я противодействовал Зырянову. Верно. Огорчился, но противодействовал... Между прочим, Лидия Максимовна тоже моя ученица, предыдущего выпуска, до Зырянова. Оба мои ученики! — сказал он с нечаянной гордостью и по-стариковски хвастливо взглянул на коллегию.

Нарком улыбнулся и сказал, не глядя ни на кого:

— А ученикам, должно быть, приятно слышать такое признание от учителя? Завидую всем троем!

Лидия зааплодировала, глядя поверх голов коллегии. Члены коллегии стали оглядываться. Иван Андреевич вопросительно взглянул. Нарком поднял руки и тоже стал аплодировать. За ним все стали аплодировать. Некоторые заметили Зырянова, другие относили это к Цветаевой. Иван Андреевич хлопал и поглядывал на своего наркома и на Цветаеву. Она смотрела в глубь комнаты.

— Так он здесь, оказывается, — сказал Иван Андреевич тоном учителя, не предвещающим ничего хорошего ученику. — Ну-ка, иди сюда!

Василий оторвался от стены и послушно подошел.

— Ты посмел явиться? Покажи-ка нефть.

— Там люди живут, как робинзоны на острове, Иван Андреевич, — сказал Василий, глядя в глаза учителю, — и питаются от лесной охоты, чтобы при пятидесятиградусных морозах отогреть скважину и найти оборонную нефть для государства, не получая за это ни копейки, ни приветствия.

Он протянул Ивану Андреевичу флакон с ярлыком дукхов «Красный мак», но с черной жидкостью внутри.

— Вы слишком строги со своим дорогим учителем, я пахожу, — сказал нарком.

— Он прав на этот раз, Григорий Константинович. — Старик понюхал из флакона и передал наркому. — Я это заслужил у него. Но все равно — у меня на очереди Второе Баку, а не Третье. Я не могу дать деньги на Повешенного Зайца. Хотя ты и привез мне сто кубиков кембрийской нефти, но за это я выслушал тебя в тринадцатый раз.

— Сто четырнадцать кубиков, — негромко, иронически поправил директор парфюмерного треста.

— Иван Андреевич, если вы не возражаете, я бы дал из своего фонда... немножко денег на Третье Баку, а? — Говоря это, нарком подсовывал академику «молнию».

Иван Андреевич внимательно прочитал. За столом с любопытством ждали.

— Что ж, если из вашего фонда — дело хорошее, — сказал Иван Андреевич и ухмыльнулся, — а у меня все-таки денег нет!

— Сколько вам перевести? — Нарком взглянул на Зырянова и нажал кнопку.

— Сто шестьдесят тысяч, — твердо сказал Василий.

Нарком взглянул прищурившись.

— Разрешите сказать, товарищ нарком. Для меня эти сто четырнадцать кубиков — не только сибирская нефть. Эта живая капелька если бы даже не стала первой капелькой промышленной нефти на Полной, все же она является неопровержимым доказательством наличия живой нефти в древнейших слоях во Втором Баку и в других местах. Вы сами, Иван Андреевич, давно предсказываете эту нефть, но не можете преодолеть сопротивление косности, преграждающей путь к ней. Этот путь нам некогда торить, его надо таранить, и это делает наша советская наука.

Наша первая скважина наперекор всем американским практикам и теоретикам доказала, что есть живая нефть в кембрии. На самом дне органической жизни, у кристаллического фундамента. А это значит, что можно тем более ожидать нефти в слоях вышележащих.

Но таким образом живая капелька в якутском кембрии доказывает, что и вся великая Русская равнина может оказаться во многих местах нефтеносной. А это обязывает нас разведать ее глубоким бурением до фундамента! Вот где будет Третье Баку! Вот какое значение имеет эта капелька. Она даст направление нам работать над построением полной научной теории происхождения и залегания нефти в земной коре, чтобы мы могли искать не вслепую, не наугад, а планомерно, по научно точным указаниям. Геологи будут указывать прямо на карте: вот здесь бурите, здесь должна быть нефть — и она будет найдена здесь.

А какие еще возможны последствия для науки и для практики в результате открытия кембрийской нефти? На это указывает великолепная находка Лидии Максимовны Цветаевой. Об этом очень хорошо говорит академик Вернадский: тысячелетия назад янтарь вскрыл область электричества, магнитный железняк вскрыл область магнетизма, кальцит, исландский шпат в семнадцатом веке вскрыл область поляризации лучей света и его двупреломления; ба-

рит, болоньский шпат вскрыл область флуоресценции света. Исследование газообразных минералов создало новые науки... Стремление научно описать все минералы открыло перед нами новые области физических знаний. Рамки познания раздвигаются вширь и вглубь систематическим, без пропусков, полным описанием окружающей природы, непосредственно доступной человеку.

Значит, надо сделать природу как можно больше вширь и вглубь доступной человеку. И ту, которая временно еще недоступна, тоже сделать доступной!

Я поднимаюсь выше своей личной цели — я беру прицел по всенародной цели. Пусть кембрий не даст большой нефти, пусть даже науке ничего не даст прямо — тогда я лично провалюсь. Но народ выиграет все равно, уже выиграл! Потому что наука уже выиграла косвенно, и уже выиграло народное хозяйство, а выиграет еще больше — благодаря снятию всех преград и пределов перед нефтяной разведкой!.. Перед геологическим поиском, а вслед за геологией — перед всяческим поиском нового без ограничений во всех областях науки, так же как искусства и всей нашей культуры... Без боязни истратить жизнь на ошибку!

— Это вредительская теория полезности научной ошибки и авантюризма в науке! Я положу все силы, чтобы это разоблачить!

Зырянов узнал голос Небеля и, не оглядываясь, сказал:

— Я кончил, товарищ нарком. Иван Андреевич, на сегодня я больше ничего не могу добавить!..

Нарком сказал секретарю:

— Оформить перевод ста шестидесяти тысяч для нефтеразведки на участке Повешенного Зайца.

Он вышел из-за стола.

— Так вот он какой, Зырянов. Мне давно жаловались на тебя!

Он вдруг обхватил его, прижал к мощной груди, поднял и удивился:

— Какой ты легкий!

Сжал пальцами его бицепсы.

— Какой ты жидкий! Откуда в тебе такая сила?.. Тебя любят, за тобой идут!.. Бригада робинзонов и еще целая бригада Верных!.. Напрасно говорят, что ты авантюрист. Ты энтузиаст, а это не одно и то же!.. — Он подмигнул удивленному Василию. — Посмотрите на него, члены коллегии! Он сильнее всех нас! Вот какая настойчивость нуж-

на, чтобы двигать наше дело. Это таран: необходимейший сегодня человек. Если бы все мы были такие упорные, мы бы построили социализм в десять раз скорее.

Он усадил смущенного Василия возле себя и продолжал:

— Разрешите огласить полученную «молнию». «Из Черендея. Триста семьдесят два восемнадцать сотых. Поздравляем дорогого наркома вместе нашим дорогим Василием Игнатьевичем. Трещинам поступает жидкая нефть ноль семьдесят пять литра сутки. Осчастливилась вся наша жизнь. Мухамедов, Луков, Юлаев, Кулаков, Меншик, Антошин». Это все робинзоны подписали, патриоты кембрийской нефти?

— Да, — с трудом произнес Василий. — Но последняя фамилия незнакомая мне, да и лишняя. Там всего пять человек.

— Какая же она лишняя! — воскликнула Лидия. — Это же телеграфист Илья, вы еще писали мне о нем на Эржежей!

— Значит, он тоже причислил себя к борцам на Полной, — сказал нарком смеясь.

— О, в Черендее все уплатили бы по девятикратному тарифу за свою подпись под этой телеграммой, и они имеют право, — сказала Лидия горячо. — Они так верили Василию Игнатьевичу!

Василий встал:

— Товарищ нарком! Товарищи! Я обманул рабочих на Полной и обманул вас.

Все умолкли. Нарком вопросительно и серьезно смотрел на Зырянова.

— Я сказал бурильщикам, что деньги отпущены. Я просил их бурить на веру, под мое слово, только до трехсот семидесяти и был уверен, что бурение прекратили на этой отметке. Я не видел эту «молнию» и не знал, что нефть получена... Я хотел воспользоваться моментом на вашем заседании, интересом к гелию и поддержкой Лидии Максимовны, чтобы получить у вас деньги для кембрия... и довести хотя бы на Полной разведку до конца.

Иван Андреевич откинулся на спинку стула и злорадно захохотал. Нарком удивленно качал головой, обводя глазами хохочущую коллегию.

— Авантюрист! — крикнул Небель.

Нарком, качая головой, сказал:

— Таран.

П Р И Л О Ж Е Н И Е:
БЕРЕСТЯНАЯ СКАЗКА, ПРОЧИТАННАЯ НА СО-
ХРАНЕННЫХ БЕРЕСТАХ, ДОСТАВЛЕННЫХ СЕ-
МЕНОМ АГАФАНГЕЛОВИЧЕМ ТАРУТИНЫМ РУС-
СКИМ-ЖИЛЬЦОМ В НИИЛИЯЗ ЯАССР

В ЛЕТО ПЯТЬДЕСЯТ СЕДЬМОЕ

(7157¹ от сотворения мира)

В осень люди мерли от водяные тяготы. Ноги пухли и животы синие от воды. Не с кем таскать. Едаков много, а работать некому.

¹ 7157—1649 г. нашей эры.

Пошли по озеру Ямбу-то, в длину от сухого волоку до Зеленые реки верст десять, шли с половиною дни. Зеленая река пошла из озера Ямбу-то с западу и пала устьем в губу реки Оби; ее зыряне называют Об-ва, по-ихнему Тетка-река. Шли на низ Зеленою рекою, повозили запас в павозках, а кочи тянули порозжие всеми людьми деп с десять. Близко устья птицы живут дивно, так маленько поели свежева.

От устья Обскою губою побежали парусным погодьем, а оставя Тазовскую губу и путь на Мангазею в летней стороне, и там вся Русь, а впреди ни единого, думали, русского человека. Ано погода и окинула море — и гребми погреблись, тосняшесья, поворотясь лицом на лето.

Обская губа очень длинная до моря и бурная.

Потянул ветер с моря, и на них пришла стужа и обмороки великие, свету не видели. Восстала буря ветреная, и на берегу насилу место обрели от волн, неведомо — живы, неведомо — прибиты.

Кочи и павозки перевернули от стужи, кое-какую защиту исделали детишкам. Сами мокрые. Пошли наносной лес собирать — обогрелись и студеным ветром обсушились. Там и зимовали.

Было им пужды великие, непривышно. Ни деревца, ни кустика на земле, ни красного светила в небе, ни луны. Без тепла весь мир озяб голой, белой. Волк в знатной шубе — и та побелела. Медведь — и тот побелел, сердешной. А день 53 дня русских и 53 ночи прожил белой и кончился, пришла тьма беззвездная, иноземская, и осталась жить, не пропускает русскую зорюшку в небо, не дает просвета.

Люди едят, а чего в рот кладут — и того не видят.

И девки петь боятся. Детишки плачут, у матерей просят красного солнышка.

Тут бабы искали Меншика и вопили: «Убить вора, да и тело его собакам кинем!»

Бить хотели батошьем, и были бабы с рычагами, да во тьме не нашли Меншика.

Мужики же от баб попрятались.

Бабы к лодке приступили. И пенеженю вытащили из лодки собранием. И по полю молва велика. И Лев Меншик свету-богородице докучает: «Владычице, уйми дурех!»

Скричал бабам: «Будет вопить — тово! Увидите чудо на сивере, красные обновы и наряды!»

Поворотились на север и увидели пестрообразную прелесть: хвост птицы райской, на полнеба распустила цветные перья сияньем, яко трепетные пламена, осветивши весь мир поднебесной, а звезды в восточной стороне лентами перевиты, межи звезд отласные платы развешаны и бахрамы шелковые дрожат.

Пустоозерец Микифор Важеник воскричал: «Бабы, полно убиваться! Вот ваши обновы в восточной стороне. А пенеженина убьете, кто же отведет вас в Палестину?»

Детишки возрадовались: «Красный петел!» И бабы повеселели, и девки припомнили смеяться.

ЛЕТО СЕМЬ ТЫСЯЧ СТО ПЯТЬДЕСЯТ ВОСЬМОЕ

всеми свирепыми морями в немерные погоды

Промышляли рыбу и зверя, пенеженя да пустоозерец научили нас. Так сыто на Руси не ели, мяса ели вдоволь не надо и хлеба.

Двадцать пять дней и двадцать пять ночей жила ночь — прорвалось-таки солнышко.

На весну паки поехали впредь. О Петрове дни вышли в усть-море и мимо заворота на восток, а за ним льды наморозило до облак и белые громады блистают, путь загражден.

Воды морские закаменели, горы ледяные зело высокие, яко стена, стоят, и поглядеть — заломя голову. Наверху их полатки и повалуши, врата и столпы, ограда ледяная и дворы, — все богоделанное без рук человеческих.

В горах тех обретаются зайцы морские, моржи; в них же витают гуси и утицы, перие красное. Тамо же лебеди, измененное против русских птиц имеют перие. Тамо же птицы бесперые, шерстью одетые, без крыл, руки без пальцев имеют и ходят переваливаясь, яко богатые людие. И бабы, и гаги, и иные дикие — многое множество, скажу базар — птицы разные. На тех же горах гуляют звери дикие: медведи белые, и волки, и песцы — воочию нашу, — а взять нельзя!

Астараханец Миколай Шелоховский сказал: «Двадцать тысяч верст и больши волочился по Руси, а не видал таких вигде».

На те горы выбивала нас нужда со зверями и со птицами витать.

Стояли с неделю, смотрели на те безмерные льды. Погода окинула на море. Затрещала стена перед ними и расступилась от облак до самого моря сюда и сюда, в щели видно синее чистое море.

Парус ростеня и гребни поспешили, подошли близко. О, чудо! Белые горы полегли перед ними, стены и повалуши, столпы и ограда пали и накрыли большое чистое море. В щелях остались разводья, и в них вошли кочи.

Побежали резвым ходом день и бежали сутки с великою нужею промежи льды-ж, и не видели чистой воды. Лед на восток и на запад, и паки снидися: гора великая льду стала.

Многое претерпели...

(Пропуск, бересты разрушились.)

А зимовали на Таймырском берегу.

Астараханец Миколай Шелуховский перецынжал. По весне кормили его жирной рыбкой, и поправился.

ЛЕТО ПЯТЬДЕСЯТ ДЕВЯТОЕ

О другої лете...

(Пропуск, бересты разрушились.)

Паки пробивались сквозь льды. На долгую ночь пришли к устью великой реки. А имени той реке и по которому языку зовут, не знали.

Зашли вверх, яко по морской губе, другой берег не видно, а вода пресная.

Кочи завели в малую речку, спрятали.

Осыпали себя снегом: струбы в земле, а сверху и около нагребли снегу.

Тоёземцы нартами на оленях приблизились, нашли таки.

Одеты тако: на теле лисьи дахы, шерстью наверх, шитые серебром с боков и на спине, с оторочью выдрю, торбоганом, рысью, и узоры на спине речным бобром. На голове колпаки соболиные, с черными беличьими хвостами, на лбу серебряная тусахта, по-ихнему. Другие победней одеты. Зовутся саха, думаю, турецкого они кореня. На самоедь похожи, а не страшные. Их убивать не стали, а живыми не отпустили того ради, не привели бы сородичей многих для драки. В распутицу отослали миром.

Кочи починя и паруса искропав,— бабье сарафанишко и кое-што — с малым льдом пошли вниз.

Ано и к усть-морию не допустило.

Все лето стояли ветры противные и до заморозу. Бабы поплакали: на ветер живот не напасешься. У мужиков прощали: здесь останемся жить. А мужики: «Государевы здесь догонят скоро».

На великой реке взял замороз, и в устье зимовали.

Паки приходили летошние сахалары и привели сородичи миром, дратца не умышляли, помнили добро. Торговать стали, наши у них рухлишка накупили, да и отпустили их.

ЛЕТО ШЕСТЬДЕСЯТ ПЕРВОЕ

На другой год выплыв к усть-морию, стояли четыре недели за ветры с моря к земле прижимные. Наловили рыбку и насолили.

Посем бежали морем, прибежали к Омолоеве губе и вмерзли. А выдернуло с тем льдом из Омолоевой губы отдирным ветром и носило морем восемь дней. Один коч поломало. Принесло их к острову поблизку от великой реки, где кочуют сахалары. У острова стояли шесть дней.

Два дня просекались и не увидели воды. Опять потянули отдёрные ветры, показалось, отнесло от земли прочь и носило четыре дня, и лед вперед не пропустил.

Токмо увидели воду назад и с великою нужею выбивались и просекались назад день, и от того льду бежали назад к великой реке сахаларской.

Опять возговорили: «Доколе же пойдем? Покуда хлеб съедим? Покуда кочи потопятся?» — «Покуда хватит сил», — сказал Второй Тарутин.

И увидели у реки Улахан-юрях устья: стоят кочи.

В такой беде, горемычные, наехали русских людей! Сначала обрадовались, а ближе подойти боятся, бедные, служилых людей государевых. Увидели по берегу сети, а промышленников не видно — попрятались, тоже испугались, сердешные.

Присмотрелись и выскочили, Агеюшко с товарищи. Рады, миленькие, плачут, глядя на нас, а мы на них. И детишек наших, с кочей ухватя, далече унесли бабы ихние, на давали пищи.

Агеюшко Мелентиев Прозвиков рассказал, убежали из устья Двины в 58 году. Забежали подальше Оби, зашли в устье большой реки, а его занесло из моря льдом, лед давней ни о которую пору не изводитца, в толщину сажень тридцать и больши. Зовется река Ени-су, а иные зовут Иоандеси, и первое по-татарски Новая река, а второе по-тунгусски Большая река, на той реке зимовали. Вдругое зимовали на Таймырском берегу, и в три лета милостивым морем прошли до усть-реки большой сахаларской, окрестили Леной рекой.

Отсюда Лев Меншик и Агей с товарищи, восемь кочей вместе, побежали Омолоеву губу, и как перебежали к усть-протоке, со всех кочей заедино стали просекаться и пробиваться к земли. Шли своею силою сутки по заледью возле земли, и в протоке паки встретили русских людей! И опять не знали, радоваться ли, горевать ли. А привелось горевать.

Те люди были не ружейны, без луки, худы и драны, иных и ноги босы. Видно, скитающиеся по горам и по камению острому, сами горе мычут.

Ослабли. Плачут и говорят. Ныне назад возвратилися с собачьей реки Индигирки. Одва с голоду добрали, а еще домечаются итти на Лену. А в пятьдесят четвертом году,— еще за год до нас, слушайте,— бежали от всякие тяготы. Всеми же свирепыми морями пробежали великое и дальнее расстояние, в немерные погоды запасы выметали вон, и все розмыло до крохи. Через самые непроходимые злые места пробились до Индигирки реки, ее же клянут собачьей рекой за то, что иноземцев много юкагирей.

Плачутся: наскочили человек пятьсот, сбруйны и лучны, разпоружейны, с пальмами острыми, дерутся сильно и в драке страха не ведают, а сами-де с шитыми рожамы, на вид дикообразны, очима грозны и криком свирепы, обычаем грубы.

От них бежали с одною душою. Руки и ноги ознобили. По болотам скитаяся и по лесу, траву и коренья копали, и сосну огрызали. Иное от волков пораженных зверей кости находили — и что у волка-де осталось, то мы глодали, говорят. И голод изнял их.

А вы куда устремляетесь? Повертайтесь назад!

Постелы и ремень, испод лыж камасы и собак, и мертвых людей, друг друга ели. И ныне-су, перед вами от глада исчезаем.

Второй Тарутин, то слыша и увидя, что наши закручи-

пились зело, сказал: «Кто хочет назад итти, бог дал товарищи. А кто с нами, тому потянули ветры пособные. Спытаем тех юкагирей».

Пособным ветром пробежали устье Янское, а льдом задалило — пробивались подле земли многое время. Августа 29-го число, — я-су дни мерял, — за Святым носом в Хромой губе и в море далече льды стояли большие, и между больших учали быть ноचेмержи, льды тонкие, что успели в ночь намерзнуть.

У многих кочей тем тонким льдом прутья и нашвы испротерло.

Пристигла ночная пора, стало быть темно, и наутрие море стало, замерзло.

Кочи остались на простой воде, вместе. Глубины было с сажень, от земли недалече.

В три дня лед почал быть толщиною на ладонь. Надо бы волочиться нартами, да в Семен день, волею божьею, потянули ветры одерные от земли в море — и к земли прихватиться нельзя было.

Относило пятеры сутки. Посем море стало и замерзло одною ночью.

На третий день почал лед человека вздымать...

(Пропуск.)

Домечались они земли под летом.

Тут же Агей Мелентиев послал человека: мужика того не любил Агеюшко.

Три человека с утра день до вечера ходили под лето, а земли впрям не нашли...

(Пропуск.)

Тот лед толщиною был пол-аршина.

В третий раз послали проведывать земли впрям. Послали со всех кочей двух человек — сверх одного человека, который не возвратился...

(Пропуск.)

...положа на нарты свой борошничко, почали ясти в казенках, за последний раз со столов.

Волею божьею, грех ради наших...

(Пропуск.)

И на Индигирке реке собрание стояло юкагирей: ждали наших побить...

Увидели наши юкагирей издадалече, а делать нечего, надо к ним идти.

Смело подходили, якобы почестные гости званые ано

сваты желанные инодальние!.. А видят себя в иноземских руках. Из колчан стрелу не вынули, луки за плечо.

Юкагири с луками обскочили их.

Наши кинули копье на землю, обниматься с ними стали и говорят: «Христос с нами, а с вами той же!»

И юкагири до наших добры стали, и жены своя к женам нашим привели. Жены наши также с ними лицемерятся, как в мире лесьть совершается. И бабы удобрились. И мы-то уже знаем: как бабы добры бывают, так и всё бывает добро.

Спрятали юкагири луки и стрелы своя, торговать с нашими стали, да и отъехали вовсе, оставили место нам жить. Мы и назвали его «Русское жило».

Жёны огляделись — начали плакать. Видят: земля с водой перемешана божьим попусьнем. При самом сотворении бог попустился этой земли, не стал отделять воду, и вода не вся собралась в свои места, и суша на Индигирке явилась не вся сухая. Хлеба на ней не будет. Русскому хлебу и зябко здесь, не возрастет. Чем будем жить?

ОГЛАВЛЕНИЕ

1932 год

Тайна Байкала

Глава 1.	Бригада расшатаанных организмов в 1932 году . . .	5
Глава 2.	Всего месяц назад	8
Глава 3.	«Ох ты, раздевчоночка!»	11
Глава 4.	Упрямый второкурсник	15
Глава 5.	Старожилы вспоминают происхождение Байкала . . .	21
Глава 6.	Необычайное известие о происхождении Сеня . . .	24
Глава 7.	Сказание о человецех незнаемых в стране восточной	30
Глава 8.	Николай Иванович нанимается копать вход в геенну (и наперед запечатывает крестом, чтобы сатана не вышел в мир)	35
Глава 9.	«Приздумалась раздевчоночка»	40
Глава 10.	Начали работать	43
Глава 11.	«Прокатайтесь, все наши часы и минуты...» . . .	47
Глава 12.	Вещица была небольшая и очень любопытная: книга	50
Глава 13.	Живой представитель достославных предков	54
Глава 14.	Письмо № 1, тема № 2 и вкратце о теме № 1 . . .	59
Глава 15.	Какое-то новое баловство	62
Глава 16.	Начинается Берестяная Сказка	65
Глава 17.	«Вы же не знаете ваши кадры, товарищ Зырянов!»	69
Глава 18.	Можно ли запретить добровольцам?	71
Глава 19.	«Уж я все ваше царство головней покачу!» . . .	78
Глава 20.	Хлынуло большое счастье	82
Глава 21.	«Сказавши вещице слова, расстанемся...»	86
Глава 22.	Продолжские Берестяной Сказки	92
Глава 23.	Исторический диспут в спальне Дома колхозника . .	98
Глава 24.	Бригада Верных ложится спать.	105

Русский жилец подвигается к своему подвигу

Глава 1.	«А какая она, Русь-та? Кабы не обознацца»	108
Глава 2.	Промойна в мир	113
Глава 3.	Народ начал сам государиться	116
Глава 4.	Страна его пращуров	121

Глава 5.	Сеня и Ваня грозят-таки Русскому жилу	126
Глава 6.	Как началили Николая Ивановича	129

1933 год

Русский жилец совершает свой подвиг

Глава 1.	В обжигающем тумане	135
Глава 2.	Обувание и одевание трактористов	138
Глава 3.	Обступила и притиснула с накладными ночами зима	142
Глава 4.	Сорокавосемисильные драконы фирмы «Потерпелев» и самолет	147
Глава 5.	Момское улово	152

Шипка четырехсот

Глава 1.	Лидия — об Иване Андреевиче, о Тане и о Таниной семье	157
Глава 2.	Изумительная идея	160
Глава 3.	Ждать пять лет, имся все книги в руках?!	163
Глава 4.	«Работать, работать!.. Сначала доучиться надо!»	169
Глава 5.	Жизнь по теории О'Бернулли	173
Глава 6.	Истина пули, вылетевшей из ружья	176
Глава 7.	Экспедиция «Не найди того, знай чего».	181
Глава 8.	Еще из дневника Л. М. Цветаевой, аспирантки	184
Глава 9.	В купе на двоих	190
Глава 10.	Небель ухаживает	191
Глава 11.	Независимость мысли	196
Глава 12.	На зеленом ковре серебряный узор	198
Глава 13.	Песня человеческой души	202
Глава 14.	Старые друзья на Полной	206
Глава 15.	Радости и труды плотовщика	210
Глава 16.	Знание и чувство	214
Глава 17.	На что способен этот человек?	218
Глава 18.	«Две тысячи стихов никто не запомнит с одного прочтения!»	222
Глава 19.	Гостья казака	229
Глава 20.	В Якутске встретились века	234
Глава 21.	Рейс спасения	237
Глава 22.	Человек приятный, как бульон из потрохов	242
Глава 23.	«Никто не прозревал свое будущее, осветив его лучиной»	245
Глава 24.	Ловушка	249
Глава 25.	«Дай бог, но умеренно»	253
Глава 26.	Частная собственность на жизнь	257
Глава 27.	Надо запрягаться	260
Глава 28.	На плесу буяны	263
Глава 29.	Лямка к свободе	267
Глава 30.	Удалый думает недолго	270

Глава 31.	Ничего	274
Глава 32.	Небель, троглодиты и девушки	278
Глава 33.	«Умее ли Вы любить?»	282
Глава 34.	Кембрийская пыль	288

1934 год

Пожаром в тайге

Глава 1.	Богатое светом	295
Глава 2.	«Чудо» в Черендее	300
Глава 3.	Письмо из XVI века во вторую пятилетку	304
Глава 4.	Похвала эгоистам	308
Глава 5.	Эгоисты и деспоты	312
Глава 6.	«Поставьте будильник на жидкую нефть»	317
Глава 7.	Геологи должны мыслить геохимически	321
Глава 8.	Кому садиться в калошу	324
Глава 9.	«Вы! Отлично! Понимаете!»	327
Глава 10.	Он придет... Впрочем, он может и не прийти	329
Глава 11.	Еще один доброволец со своими средствами	331
Глава 12.	Сеня, добрый вестник, понял цель своей жизни	336
Глава 13.	Голос из багажника: «Это он!»	341
Глава 14.	За что люди любят?	345
Глава 15.	Давайте рассказывать сны	348
Глава 16.	Женя из бригады Верных заменяет Сеню	353
Глава 17.	Запахи камней	355
Глава 18.	«Бог дал путь, а черт дал крюк»	358
Глава 19.	А в это время	363
Глава 20.	Лидия заказывает именнинный пирог	364
Глава 21.	Необычайная жадность Зырянова	367
Глава 22.	Уменьше слышать	372
Глава 23.	Уменьше видеть	375
Глава 24.	Пойдешь направо — сгоришь, налево — угоришь	379
Глава 25.	На земноводной тропе	382
Глава 26.	Уменьше желать всюю душой	385
Глава 27.	Между огнем и льдом	388
Глава 28.	Угарный бред у шаманского источника	392
Глава 29.	Здесь решается его судьба	397
Глава 30.	Организация убийственной картины	402
Глава 31.	О подвиге кормящего	405
Глава 32.	Этично ли, чтобы убийца и его жертва шли в одной упряжке	409
Глава 33.	Ваня смеется первый раз в жизни	413
Глава 34.	«Ум хорошо, а два лучше, а три — хоть брось!»	416
Глава 35.	Утром настало время солнцу упасть	418
Глава 36.	Ваня смеется второй раз в жизни	421
Глава 37.	Земля горит	427
Глава 38.	Дружба богата, как земля	430

Охотник за Берестяной Сказкой

(Письма Сени Зырянову)	434
----------------------------------	-----

1935 год

Стоит ли истратить жизнь на ошибку?

Глава 1.	Характер — это главнейший талант	448
Глава 2.	Человек должен знать себе цену	451
Глава 3.	Автобиография ученика в 1918 году	455
Глава 4.	Знакомство с родителями Лидии	461
Глава 5.	«Мать родила меня на плоту...»	467
Глава 6.	Для слушания лекций не оставалось ни часу	473
Глава 7.	«Процесс идет миллионы лет, я это прослежу на опыте».	477

У рыбного фонтана в ущелье Догдо

Женя рассказывает Ване и Савве легенду о настойчивом ученике

Глава 1.	В раю талая земля сквозь	482
Глава 2.	О-о? Сегодня твой день врат?	485

Стоит ли истратить жизнь на ошибку?

(Продолжение)

Глава 8.	Институт неожиданно окончен	490
Глава 9.	Стоит ли истратить жизнь на ошибку?	493
Глава 10.	Телеграфист Илья Антошин финансирует поиски кембрийской нефти на 9 руб. 50 коп.	497
Глава 11.	Зырянов строит подводный флот	501
Глава 12.	Привязанный дьявол и отвязавшийся мальчик	506
Глава 13.	Полные пайщики перед лицом истории	510
Глава 14.	Перекаты, полуботинки, фурункулы	513
Глава 15.	Экспедицию финансирует Черендей	516
Глава 16.	Самый тяжкий день	521
Глава 17.	Мы не уступим это никому	525
Глава 18.	Лидия, Сеня и Савва в Москве	529
Глава 19.	Очень бурные события	535

Блокнотная летопись Семена Таругина Русского-Жильца	537
---	-----

1936 год

Василий Зырянов идет под суд

Глава 1.	Болезнь и детство	555
Глава 2.	Светопреставление	559
Глава 3.	Берега великой надежды	564
Глава 4.	Ужас жизни не в смерти... а в бессельности смерти	566

Глава 5. Всё знание человечества	569
Глава 6. Может, у меня голова устроена не как надо?	571
Глава 7. Мир живет медленно, а я — быстро	574
Глава 8. «Этот мальчишка мучает меня тринадцатый год» («Пятнадцатый, а не тринадцатый...»)	578
Глава 9. Так вот как она выглядит, кембрийская нефть!	581
Глава 10. «Идешь под суд, Василий Игнатьевич?» — «Иду»	586

1937 год

Необходимейший сегодня человек	590
--	-----

П р и л о ж е н и е:

Берестяная Сказка, прочитанная на сохранившихся берестах, доставленных Семеном Агафангеловичем Тарутиным Русским-Жильцом в НИИЛИЯЗ ЯАССР	596
---	------------

Пудалов Федор Моисеевич

ЛОЦМАН КЕМБРИЙСКОГО МОРЯ

М., «Советский писатель», 1968, 608 стр. Тем. план вып. 1968 г. № 114. Редактор Ю. Б. Рюриков. Худож. редактор Е. И. Балашева. Техн. редактор Ф. Г. Шапиро. Корректоры: С. Б. Блауштейн, Л. И. Жиронкина и Н. П. Задорнова. Сдано в набор 28/XI 1967 г. Подписано к печати 1/IV 1968 г. Бумага 84×108¹/₃₂ № 2. Печ. л. 19 (31,92). Уч.-изд. л. 33,32. Тираж 100 000 экз. Заказ № 434. Цена 1 руб. 12 коп. Издательство «Советский писатель», Москва К-9, Б. Гнездииковский пер., 10. Тульская типография Главполиграфпрома Комитета по печати при Совете Министров СССР, г. Тула, проспект им. В. И. Ленина, 109

Ір. 12 коп.

